

ДАЛИ ДОБОРДЖГИНИДZE

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МИРОВОЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

(ДЛЯ ГОВОРЯЩИХ НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ)

2017

Батуми

От автора

Русская литература и мировой литературный процесс

Изучение русской литературы в процессе мирового литературного процесса – одна из важных задач вузовского и обучения. Разработка проблемы рецепции литератур, специфики их взаимодействия во всех разнообразных и сложных аспектах предполагает теоретическое и практическое овладение материалом.

Осмысление важной исторической роли, которую русская литература играла за рубежом, способствует выработке конкретных представлений о мировом значении русской литературы. Вместе с тем знакомство с восприятием русскими писателями зарубежного культурного наследия позволяет глубже понять особенности творчества Андре Моруа, Джека Лондона, О.Герни, Азиза Несина, и др.

Цель данного лекционного курса – ввести русскую литературу в контекст мирового литературного процесса.

Задачи курса

- сформировать представление о специфике взаимодействия русской и зарубежной литератур.
- способствовать выработке навыков сопоставительного анализа произведений, принадлежащих к культуре разных стран.

Проверка знаний бакалавров осуществляется в форме совместного обсуждения подготовленных научных сообщений.

В книге собраны тексты , используемых автором сборника в своей практической преподавательской работе. Самые разные по тематике, эти тексты имеют и общие черты: разные по объему, социально нейтральны, увлекательны, с четким сюжетом, максимально наполнены коммуникативно-значимой лексикой .

Книга предназначена для грузиноязычной среды, изучающих русский язык.

В конце книги даны примерные схемы анализа литературных произведений и рекомендации по применению интерактивных методов.

Неделя I

Антон Павлович Чехов

Основная тематика:

- ❖ Интересные факты из жизни А.П. Чехова. Псевдонимы А.П. Чехова. Крылатые фразы и выражения А.П. Чехова. О рассказах А.П. Чехова. (1 лекция / 2 - работа в группах)

Стадия вызова - Метод - Мозговой штурм¹ (5 минут)

Преподаватель задает вопрос:

- **Что вам известно по данной теме?**

После ответов продолжается цепочка вспомогательных вопросов, способствующие выявлению интеллектуального уровня развития студентов по данной теме.

- Какие произведения А.П. Чехова вам известны?
- Читали ли вы рассказы Чехова?

Цель состоит в том, чтобы студенты вспомнили ранее полученные знания и связали старое с новой полученной информацией.

Дальше дается краткая лекция, презентация, проиллюстрированная фотографиями или рисунками, в которой преподаватель дает краткий обзор темы, вводит ключевые термины и проясняет, чем группа будет заниматься на данном занятии. Дает основные направления по данной теме.

Групповая работа: 4 группы – инструкции группам (10 минут)

Каждая группа разрабатывает разные тексты по биографическим данным А.П.Чехова. Всем студентам предлагается раздаточный материал с вопросами (дается по три вопроса):

I группа – читает ***Биографическую справку***;

II группа – читает ***Псевдонимы Чехова***;

III группа - читает ***Крылатые фразы***;

1.Биографическая справка

¹ Примечание: см.приложение

На рубеже XIX -XX веков в России выступил писатель, который не только блестяще продолжил славные традиции родной реалистической литературы, но и внёс много нового в разработку жанров рассказа и драмы. Этим писателем-новатором был А.П. Чехов. Замечательный русский писатель считается мастером короткого рассказа. В основе его творчества – человечность, и поэтому оно понятно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. Своими произведениями Чехов подготовлял мир к лучшей жизни, более справедливой, более разумной.

А.П. Чехов вошёл в литературу, прежде всего, как писатель, в произведениях которого была дана пёстрая картина российской действительности. В своих коротких рассказах он писал, как будто бы о простых и обыкновенных событиях, вещах, но на самом деле писатель заставлял читателя задуматься, заглянуть в них глубже, и становилось страшно: так много было в них правды о русской жизни, о врачах, о судьбах детей.

Литературная деятельность Чехова развивалась в основном в двух направлениях — в области создания небольшого рассказа и в области развития лирической драмы. За 24 года творческой деятельности Чехов довёл жанр короткого рассказа до такого совершенства, что многие его образы вошли в сокровищницу мировой литературы как признанные шедевры. Он создавал юмористические рассказы на бытовые темы («Радость», «Шуточка», «Глупый француз», «С женой поссорился», «Надул», «Руководство желающим жениться»), на общественные темы («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон»).

А.П. Чехов по профессии врач. Благодаря «медицинскому» видению Чехова обязана появлению в ней галереи неповторимых чеховских образов врачей зачастую грубых, невежественных, равнодушных, но и чутких, ранимых, бесправных), фельдшеров, неврастеников, чеховских «хмурых людей». Его рассказы — это «записки врача» в узком смысле, это диагноз несовершенному обществу. В качестве практикующего доктора Чехов получил обильный материал для художественных обобщений, наблюдая изнутри жизнь самых разных социальных слоёв. Как наблюдательному и умному художнику ему оставалось лишь сделать самостоятельные выводы.

Парадокс состоял в том, что изображая врачей большей частью карикатурно, в чём-то самоиронично, Чехов настаивал на гуманной сущности медицинской профессии, призывая врачей к внимательному и терпимому обращению с пациентами. Во многом благодаря Чехову в русской и мировой литературе возник литературный архетип интеллигента-врача, врача-гуманиста и подвижника.

Чехов очень серьёзно относился к молодым людям, выбирающим профессию врача. Однажды в гостях к Чехову обратился молодой человек, пижон, крутой, как сказали бы сейчас. Он, лениво развалившись в кресле, спросил: - Антон, Павлович, вы такой большой знаток человеческой души. Посоветуйте, куда мне идти учиться? Может быть, в медицину? Наступило неловкое молчание. Чехов посмотрел в упор на молодого человека холодными глазами и ответил неожиданно резко:

- Профессия врача, медицина, как и литература, — подвиг. Она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов. Не всякий способен на это. Таким, как вы, там не место. А.П. Чехов Почётный академик Императорской Академии наук по Разряду изящной словесности (1900—1902). Является общепризнанным классиком мировой литературы. Его пьесы, в особенности «Вишнёвый сад», на протяжении ста лет ставятся во многих театрах мира. Один из самых известных мировых драматургов.

2. ПСЕВДОНИМЫ ЧЕХОВА

Как и всякий писатель-юморист, Чехов пользовался десятками всевозможных псевдонимов. До сих пор они раскрыты далеко не полностью, поскольку и сам Чехов при подготовке собрания сочинений не мог припомнить принадлежности всех своих ранних рассказов.

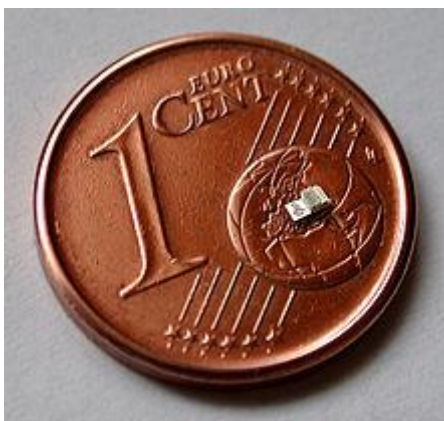
Функция псевдонима юмориста состояла не столько в сокрытии подлинного авторства, сколько в забавлении читателя, желании его заинтриговать (отсюда вариативность, нарочитая запутанность — читатель должен был попытаться сам угадать авторство рассказа).

Зачастую псевдоним — необходимый элемент композиции конкретного рассказа, часть литературного фарса и не может быть правильно раскрыт вне его контекста. В редких случаях подоплёка того или иного псевдонима Чехова могла быть известна лишь узкому кругу его знакомых и требовала дополнительной расшифровки. Ниже приводится список из 42 псевдонимов писателя, известных чеховедению к концу прошлого века.

- А. П.,
- А. П.Ч-в,
- Антоша,
- Антоша Ч.,
- Антоша Ч.***,
- Антоша Чехонте,
- А-н Ч-те,
- Ан. Ч.,
- Ан. Ч-е,
- Анче,
- Ан. Че-в,
- А. Ч.,
- А.Ч-в,
- А.Че-в,
- А Чехонте,
- Г. Балдастов,
- Макар Балдастов,
- Брат моего брата,
- Врач без пациентов,
- Вспыльчивый человек,
- Гайка № 6,
- Гайка № 9,

3. Интересные факты

- Первый в мире памятник Антону Чехову был установлен в 1908 году в городе Баденвейлер, где писатель умер. В 1918 году, за три недели до окончания I мировой войны, этот памятник был переплавлен для нужд немецкой военной промышленности. В 1960 году там же немцами был снова воздвигнут памятник русскому писателю.
- Именем А. П. Чехова в 1954 году (50 лет со дня смерти) назван город в Московской области — г. Чехов
- Группой психологической поддержки в космос для российского космонавта Падалки был отправлен трёхтомник рассказов А. П. Чехова.
- В фильме «Чтец» (производство США—Германия, 2008) главная героиня Ханна Шмиц во взрослом возрасте учится читать по рассказу Антона Чехова «Дама с собачкой».
- В честь Чехова назван астероид в главном астероидном поясе и кратер на Меркурии.

А.П.Чехов «Хамелеон» - самая маленькая книга – 0,9X0,9мм

- Первый в мире памятник Антону Чехову был установлен в 1908 году в городе Баденвейлер, где писатель умер. В 1918 году, за три недели до окончания I мировой войны, этот памятник был переплавлен для нужд немецкой военной промышленности. В 1960 году там же немцами был снова воздвигнут памятник русскому писателю.
- Именем А. П. Чехова в 1954 году (50 лет со дня смерти) назван город в Московской области — г. Чехов
- Группой психологической поддержки в космос для российского космонавта Падалки был отправлен трёхтомник рассказов А. П. Чехова.
- В фильме «Чтец» (производство США—Германия, 2008) главная героиня Ханна Шмиц во взрослом возрасте учится читать по рассказу Антона Чехова «Дама с собачкой».
- В честь Чехова назван астероид в главном астероидном поясе и кратер на Меркурии.
- По данным журнала Огонёк, Чехов входит в десятку самых «экранизируемых» классиков мировой литературы, и делит второе и третье место с Чарльзом Диккенсом.
- В декабре 2010 года в Таганроге было создано «Чеховское общество», которое возглавил потомок Чехова — Дмитрий Михайлович Чехов, потомок дяди Чехова, Митрофана Егоровича Чехова.
- Банк России 28 декабря 2009 года выпустил четыре памятные монеты разного достоинства, посвящённые 150-летию со дня рождения А. Чехова.

4. Крылатые фразы выражения А.П. ЧЕХОВА

- Жизнь — это миг. Ее нельзя прожить сначала на черновике, а потом переписать на беловик
- Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, — ничего не делай.
- Там хорошо, где нас нет: в прошлом нас уже нет, и оно кажется прекрасным.
- Дело не в пессимизме и не в оптимизме, а в том, что у девяноста девяти из ста нет ума.
- Не стоит мешать людям сходиться с ума.
- Женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского глупеют.
- Счастливы или несчастливы данные муж и жена — этого сказать никто не может. Это тайна, которую знают трое: Бог, он и она.
- Не записанная мысль — потерянная мысль.
- Опсихопатиться до мозга и костей.
- Встав из-за стола голодным - вы наелись: если вы встаете наевшись - вы переели; если встаете переевши - вы отравились.

- Берегите в себе человека.
- Чужая душа - потёмки, ну а кошачья – тем более.

Стадия рефлексии

Презентации групп по каждому тексту - (5-7 мин.)

Комментарии по презентациям

По каждой презентации (по 5 минут) преподаватель дает комментарии

3 СТАДИЯ –ОСМЫСЛЕНИЕ / ЗАКРЕПЛЕНИЕ (5минут)

ПИСЬМЕННАЯ РАБОТА

Проверьте, правильно ли поняли текст.

1.Когда родился Антон Павлович Чехов?

.....
.....

2.Кто по профессии Антон Павлович Чехов?

.....
.....

3.Какая пьеса на протяжении ста лет ставилась во многих театрах мира?

.....
.....

4.Сколько различных произведений создал Чехов?

.....
.....

5.Какие неповторимые образы появились в литературе, благодаря «медицинскому» видению Чехова?

.....
.....

6.Над чем наблюдал Чехов, создавая различные произведения?

.....
.....

7.Какой литературный архетип возник в русской и мировой литературе благодаря Чехову?

.....
.....

8.В чём состояла функция псевдонима юмориста?

.....
.....

9.Кому могли быть известны псевдонимы Чехова?

.....
.....
10. Сколько псевдонимов известны Чеховедению к концу прошлого века?
.....
.....

Домашнее задание

1. Семинар – Рассмотрение письменного задания/биографические данные А.П.Чехова
2. Семинар – прочитайте по выбору рассказы А.П. Чехова. (см. стр. 255 Раздел Тексты для самостоятельного чтения)

Неделя II

- ❖ Рассказ А.П. Чехова «*ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА*»

Метод - СЛОВАРНЫЕ КАРТЫ

Повышение эффективности усвоения новой лексики

Предлагается групповая работа:

Прочитайте слова и словосочетания, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Прием «Обдумайте/Разбейтесь на пары/Обменяйтесь мнениями»

Каждый студент активен, у него есть стимул думать о материале и обсуждать его с членами группы и завершается работа презентацией.

Сначала преподаватель показывает ученикам небольшой список слов из рассказа, который собираются читать, и демонстрирует на примере одного слова, как составляется карта. Затем преподаватель читает текст вслух,

студенты слушают и следят по тексту. Закончив чтение текста, преподаватель просит студентов назвать самое трудное слово из списка, чтобы еще раз показать всему классу, как составляется карта.

<i>напротив</i>	<i>серый</i>	<i>красота</i>	<i>интеллект</i>
<i>брат</i>	<i>спешить</i>	<i>лицо</i>	<i>показывать</i>
<i>плакать</i>	<i>равнодушна</i>	<i>смеяться</i>	<i>чудный</i>
<i>в отчаянии</i>	<i>драгоценный</i>	<i>благоговение</i>	<i>паразит</i>
<i>она счастлива</i>	<i>пальтошки</i>	<i>утрирующий</i>	
<i>она расстроена</i>	<i>проржавленная крыша</i>		
<i>договориться</i>	<i>блаженная улыбка</i>	<i>покорнейше прошу</i>	
<i>индивидуальные особенности</i>		<i>оскорбили честную натуру</i>	
<i>неисправно платит</i>		<i>моя прекрасная незнакомка</i>	
<i>самые разные чувства</i>		<i>рождение нового русского</i>	
<i>таланта</i>			

Для разьяснения значения новых слов используются следующие приемы:

- краткие описания;
- примеры;
- «не-примеры»;
- перефразирование;
- повторение;
- ассоциации;
- особые словоупотребления.

С помощью новых слов группы составляют примерный свой вариант текста. Рассматривается презентации групп. (5 минут).

Осмысление - Закрепление нового материала.

После прочтения текста студенты сопоставляют свой текст с текстом оригинала,

Предлагается венская диаграмма для выявления как общего так и отличительного.

Общее и разное

Словарная карта

Составление карты

АНТОНИМ

НОВОЕ СЛОВО

(страница)

СИНОНИМ

**ОСОБОЕ
СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ
АССОЦИАЦИЯ
ПРИМЕР**

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ИЗ КНИГИ

Составьте предложения из этих выражений

СОБСТВЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Рассказ «ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА»

Против моих окон, заслоняя для меня солнце, высится громадный рыжий домище с грязными карнизами и проржавленной крышей. Эта мрачная, безобразная скорлупа содержит в себе, однако чудный, драгоценный орешек! Каждое утро в одном из крайних окон я вижу женскую головку, и эта головка, я должен сознаться, заменяет для меня солнце! Я люблю ее не за красоту... В узеньких серых глазках, в крупных веснушках и в вечных папильотках из газетной бумаги нет ничего красивого. Люблю я ее за некоторые индивидуальные особенности ее возвышенного интеллекта. Каждое утро я вижу, как молодая женщина в белой кофточке и в папильотках подходит к окну и с жадностью хватается газет, лежащие на подоконнике. Я вижу, господа, как она разворачивает газеты и с блеском в глазах спешит пробежать их скучные страницы... В это время покорнейше прошу наблюдать выражение ее лица. Это выражение бывает различно, смотря по обстоятельствам... То лицо ее озаряется блаженной улыбкой, и она, сияющая, с блестящими глазами, начинает весело прыгать по комнате; то страшное, невыразимое отчаяние искажает черты ее лица, и она, схватив себя за голову, как безумная, шагает из угла в угол... Никогда я не вижу ее равнодушной... Дни идут за днями, и счастье чередуется с отчаянием... Сегодня она безумно счастлива, завтра она хватается себя за папильотки. И нет конца ее радостям и мукам!.. Я отчасти психолог и знаток человеческого сердца. Психические явления, наблюдаемые мною в окне, доступны моему пониманию, как таблица умножения. Когда по лицу молодой женщины плавают блаженная улыбка, в моей голове теснятся такие мысли: «Гм... Очевидно, известия, сообщаемые сегодняшними газетами, благоприятны... Очень рад... Вероятно, мою незнакомку радует поведение Цанкова и последняя речь Гладстона. Быть может, ее приятно волнует и многообещающее свидание Бисмарка с Кальноки... Очень может также стать, что в сегодняшних номерах она узрела рождение нового русского таланта... Во всяком случае я очень рад... Редким женщинам доступны радости такого высшего качества!» И я в восторге начинаю шагать из угла в угол и восклицать: – Чудное, редкое создание! Последнее слово женской эмансипации! О, побольше бы таких женщин! Такие именно женщины и нужны нам! Когда же лицо незнакомки искажается отчаянием, я думаю: «Ну, газет, стало быть, хоть и в руки не бери! Дрянное дело! Вероятно, мою vis-a-vis возмутил Каравелов или Муткуров... Думаю также, что двусмысленная игра утрирующей Австрии и поведение Милана оскорбили ее честную натуру... Она страдает, но какую честь делает ей это страдание!» Я шагаю, волнуясь и восклицаю: – Вот она, настоящая женщина! Ей доступна гражданская скорбь! Она может страдать за человечество!.. И я без ума от этой редкой женщины... Едва только наступает утро, я уже стою у своего окна и жду,

когда в окнах vis-a-vis покажется незнакомка. Ночью я мечтаю и жду утра, днем шагаю из угла в угол... Да, господа, это необыкновенная женщина! Летом, когда мои и ее окна были открыты, я не раз слышал истерический плач и счастливый смех... Однажды даже я слышал, как она, схватив себя за голову, в отчаянии и гневном прокричала: – Негодяй! Мучитель! И разорвала в клочки газету... Жалею, что в моей квартире не живет Ауэрбах, Шпильгаген или иной романист, ищущий «новых людей»... Они воспользовались бы моей незнакомкой... Я чувствую, что благоговение мое мало-помалу обращается в страстную любовь. Да, я люблю ее! Боже, какая пропасть разделяет меня от нее! Душа ее полна гражданской скорби, я же давно уже потерял свои идеалы и, затертый средою, живу пошлыми интересами толпы... Но, тем не менее, я, не будучи в силах преодолеть себя, иду к рыжему дому и звоню к дворнику. Два двугривенных развязывают дворницкий язык, и он на все мои расспросы рассказывает мне, что незнакомка живет в квартире № 5, имеет мужа и неисправно платит за квартиру. Муж ее каждое утро убегает куда-то и возвращается поздно вечером, пронося под мышкой четверть водки и кулек с провизией... Муж значится в паспорте сыном губернского секретаря, а незнакомка его женою.... После третьей бессонной ночи посылаю ей визитную карточку. Видел сегодня, как она, прочитав газету, ударила кулаком по подоконнику. О, вы, Каравеловы, Муткуровы, Салюсбери, кондуктора конножелезки, сахарозаводчики! Отчего я не в силах отплатить вам за все страдания, которые вы ей причиняете?.. Сегодня (10 сентября) муж ее спустил меня вниз по лестнице. Я счастлив. Ради нее я готов на все жертвы!.. Настоящее объяснение я откладываю на завтра ... 11-е сентября. Придя сегодня к ней, я застаю ее за газетами. Пробежав наскоро две-три газеты, она вдруг падает на стул и издает стон... – Дорогая моя, – говорю я ей, целуя ее руку. – Что волнует вас? Поделитесь со мной вашими скорбями и, верьте, я сумею оценить ваше доверие! Ну скажите, отчего вы сейчас плачете? – Как же мне не плакать? – говорит моя незнакомка. – Вы посудите: сегодня нам нужно платить за квартиру, а мой балбес-муженек дал в газеты только 60 строчек! Ну, разве мы можем так жить? Вчера он написал ровно на 11 руб. 40 коп., а сегодня я едва насчитала три рубля! Ну не несчастна ли я? Нет, и злой татарке не пожелаю быть женой репортера! Он негодяй! Мерзавец! Вместо того, чтобы работать, у Саврасенкова сидит! Пстой же, придешь ты!.....

«О, женщины, женщины!» – сказал Шекспир, и для меня теперь понятно состояние его души...

Стадия осмысления:

- Получение новой информации;
- Осмысление новой информации;

- Соотнесение новой информации с собственными знаниями.

ПИСЬМЕННАЯ РАБОТА

Ответьте на вопросы:

1. Какой дом высится против окон автора, заслоняя ему солнце?
.....
.....
2. Кого каждое утро видит автор в одном из крайних окон?
.....
.....
3. За что автор любит её?
.....
.....
4. Как выглядит героиня рассказа?
.....
.....
5. Какие чувства показывает она, читая газету?
.....
.....
6. Кто по профессии автор рассказа?
.....
.....
7. Как называет автор эту женщину?
.....
.....
8. Что не раз слышал автор, когда открыты были их окна?
.....
.....
9. От кого автор получил информацию об этой женщине?
.....
.....
10. Что узнал автор от дворника?
.....
.....
11. Кем был муж незнакомки?
.....
.....
12. Что послал автор своей незнакомке?

.....
.....

13. На что готов автор ради неё?

.....
.....

14. Когда и где они встретились?

.....
.....

15. Что он увидел, войдя к ней в комнату?

.....
.....

16. В каком состоянии увидел ее автор?

.....
.....

17. Признался ли автор в своих чувствах при первой встрече?

.....
.....

18. Узнал ли автор от своей незнакомки причину её расстройства?

.....
.....

19. Как называет незнакомка своего мужа?

.....
.....

20. Как кончается рассказ?

.....
.....

Стадия размышления:

- Целостное осмысление, присвоение и обобщение полученной информации;
- Выработка собственного отношения к изучаемому материалу, выявление еще непознанного - тем и проблем для дальнейшей работы ("новый вызов");
- Анализ всего процесса изучения материала.

➤ **ВАША ВЕРСИЯ**

При ответе выскажите собственное мнение

1. Как вы понимаете следующие слова «О, женщины, женщины!» – сказал Шекспир, и для меня теперь понятно состояние его души...

.....
.....

.....
.....
2. Вы согласны с высказыванием Шекспира? Почему?

.....
.....
.....
.....
.....

.....
3. Обсудите в парах, выскажите свое мнение, аргументируя свой ответ.

.....
.....
.....
.....
.....

 Задание на дом.

- **Опишите дом, в котором живет «идеальная» женщина.**

.....
.....
.....
.....

- **Используя текст создайте свой портрет «идеальной» женщины.**

.....
.....
.....
.....
.....

- **Авторское отношение к персонажам и способы его выражения;**

.....
.....
.....
.....
.....

- **Ваше отношение к «идеальной» женщины» по рассказу Чехова**

.....
.....
.....

.....
.....

НЕДЕЛЯ Ш.

Борис Савельевич Ласкин.

- ❖ Биографическая справка. Интересные факты. Пьесы. Песни на стихи Бориса Ласкина. В подарок песня из известного фильма «Три танкиста». (1 лекция / 2 - работа в группах)

Стадия вызова - КЛАСТЕР. (5 минут)

Прием “Кластер” (гроздь) – выделение смысловых единиц текста и графическое оформление в определенном порядке в виде грозди. Такое оформление материала помогает обучающимся выяснить и понять, что можно сказать (устно и письменно) по данной теме. Этот прием может быть применен на стадии “Вызова”, когда систематизируется информация до знакомства с основным источником (текстом) в виде вопросов или заголовков смысловых блоков.

❖ Биографическая справка(04.08.1914- 22.08.1983)

Борис Савельевич Ласкин — советский киносценарист, поэт, прозаик, драматург, знаменитейший в своё время автор юмористических рассказов и интермедий. Потерял отца сразу после рождения.

С 1918 года Борис переезжает с мамой, Розой Соломоновной, и братом Марком в Москву.

В 1932 году начал работать в кино. Сначала шумовиком, т.е. как бы озвучивал немые фильмы, затем участвовал в массовках, ассистировал режиссёрам.

В 1930-1932 гг. - студент Индустриально-педагогического техникума (ныне - Педагогический колледж № 1 им. К. Д. Ушинского) (Замоскворечье, Б. Ордынка, 47). После первого года обучения был направлен вместе с другими студентами в села и деревни Богородицкого района Тульской губернии для помощи в открытии библиотек и организации кружков по ликвидации неграмотности.

1940-1950-е гг. - выступал на эстраде в цикле вечеров «Автор и исполнители».

1948-1951 гг. - работал для радио, создавал эстрадные номера, обозрения, роли в которых исполняли артисты эстрады М. Миронова и А. Менакер, Л. Мирон и М. Новицкий, Р. Зеленая и др. ("Под звездами московскими", 1949; "Друзья-однопольчане", "В городе, где мы живем", "Когда пришла весна", "С Новым годом", 1950, и др.

Автор стихов песен известных в военное время и популярных до сегодняшнего дня, таких как «Три танкиста», «Снят курганы тёмные», «Марш танкистов». Он автор эстрадных интермедий, пьес, киносценариев.

Хорошо известны фильмы, поставленные по сценариям Бориса Ласкина «Карнавальная ночь», «Старый знакомый», «Девушка с гитарой», «Дайте жалобную книгу», «Песни моря»

Борис Савельевич Ласкин умер 22 августа 1983 года и похоронен на Донском кладбище.

❖ История создания фильма «Три танкиста»

Режиссер Пырьев пригласил к себе поэта Бориса Ласкина и сказал ему, что нужна песня, в которой нашла бы отражение тема обороны наших границ, подвиг славных героев-танкистов, участников боев на Хасане. «Ясно? — спросил Пырьев и добавил тоном, не допускающим возражений, — песня должна быть готова завтра к часу дня...». «Я сказал, что подумаю, — вспоминал Б. Ласкин, — и вышел от режиссера несколько растерянный. Мне никогда не приходилось бывать на границе, не видел я боевых действий наших танкистов, хотя в армии к тому времени уже успел отслужить и потому определенное представление об этом грозном роде войск у меня сложилось. События, происшедшие на Дальнем Востоке, в то время очень остро переживали все советские люди. Думал о них и я. И начали складываться строчки:

На границе тучи ходят хмуро.
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят...»

С готовым текстом Ласкин отправился к братьям Покрасс, авторам музыки будущего фильма. «Этому трудно поверить, — говорил он потом, — но песня была готова через 30 – 40 минут. Это был тот счастливый случай, когда слова и мелодия сразу нашли друг друга». Позвонили Пырьеву. Тот не заставил себя долго ждать. Прослушав песню в исполнении авторского «трио», Иван Александрович попросил повторить ее и задал только один вопрос: «А у танкистов есть слово «экипаж»?» Получив утвердительный ответ, режиссер сказал «годится», забрал листок со словами, клавиш песни, попрощался и ушел. А на другой день песню «Три танкиста» уже записывали в павильоне «Мосфильма» артисты Николай Крючков, Петр Савин и Арто Кефчиян — исполнители главных ролей в фильме. Пырьеву так понравилась песня и ее исполнение, что он отказался от первоначального замысла, исключил из сценария сцену проводов в танковом подразделении и начал фильм тем самым эпизодом, который мы и видим после титров: в купе вагона едут домой герои боев на озере Хасан, они поют «Три танкиста» и наперебой

приглашают друг друга в гости. Эта песня, по признанию самого Пырьева, придала фильму «с самого начала музыкальный и несколько романтический характер». Песню очень полюбили, ее можно было услышать всюду.

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые родины стоят.

**В подарок песня из известного
фильма «Три танкиста». Музыка
Дм. И Дан. Покрасс**

Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силен,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Там живут — и песня в том порука —
Нерушимой, крепкою семьей
Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой.

На траву легла роса густая,
Полегли туманы широки.
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.

Но разведка доложила точно, —
И пошел командою взметен,
По родной земле дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня.

И добили — песня в том порука
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста, три веселых друга
Экипаж машины боевой.

Стадия рефлексии- Дискуссия (15 минут)

Дискуссия от латинского «discussion» (рассмотрение, исследование)

- способ организации совместной деятельности с целью интенсификации процесса принятия решения в группе;
- метод активного обучения, основанный на публичном обсуждении проблемы, цель которого выяснение и сопоставление различных точек зрения, нахождение правильного решения спорного опроса;
- метод обучения, повышающий интенсивность и эффективность процесса восприятия за счет активного включения обучаемых в коллективный поиск истины.

Цель дискуссии – не столько в том, чтобы разрешить проблему, а скорее в том, чтобы углубить её, стимулировать творчество и выработать решение проблемы посредством активной совместной деятельности.

От преподавателя зависит эффективность проведения дискуссии, в частности

- Преподаватель готовится студентов по предложенной проблеме;
- Корректирует поведения участников;
- Все термины, дефиниции, понятия и должны быть одинаково поняты всеми учащимися

Примерные вопросы для проведения рефлексии:

- произвела ли на вас впечатление проведенная дискуссия?
- была ли ситуация, которая удивила вас в процессе занятия?
- чем вы руководствовались в процессе принятия решения?
- учитывалось ли вами мнение других участников группы?
- как вы оцениваете свои действия и действия группы?

что бы вы хотели изменить в организации подобных занятий

3 СТАДИЯ – ОСМЫСЛЕНИЕ – ЗАКРЕПЛЕНИЕ (15 минут)

ПИСЬМЕННАЯ РАБОТА

1. Чем знаменит Борис Савельевич Ласкин?

.....

2. Какие рассказы писал Б. Ласкин?

.....

3. В каком году семья переезжает в Москву?

.....
.....

4. Как звали мать Бориса Савельевича Ласкина?

.....
.....

5. Была ли сестра у Ласкина? Как её звали?

.....
.....

6. Кем Борис Савельевич начал работать в кино?

.....
.....

7. Как называется его первый фильм?

.....
.....

8. Назовите известные в военное время и популярные до сегодняшнего дня стихи песен, написанные Ласкиным.

.....
.....

9. О ком Б.Ласкин написал пьесу?

.....
.....

10. Где похоронен Борис Савельевич Ласкин?

.....
.....

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

ПЬЕСЫ

- 1945 — «Школьные товарищи», Театр им. Ленинского Комсомола
- 1946 — либретто оперетты «Одиннадцать неизвестных» совместно с Дыховичным и Слободским, Московский театр оперетты
- 1947 — «Беспокойные люди», Театр им. Ленинского Комсомола
- 1960 — «Время любить», Театр им. Маяковского

ПЕСНИ НА СТИХИ БОРИСА ЛАСКИНА

- «Спят курганы тёмные», 1939, из кинофильма «Большая жизнь», композитор Никита Богословский.

- «Марш танкистов», 1939, из кинофильма «Трактористы», композиторы Братья Покрасс.
- «Три танкиста», 1939, из кинофильма «Трактористы» композиторы Братья Покрасс, с другими словами впервые песня прозвучала одном из выпусков боевого киноальманаха № 1 «Победа — за нами!».
- «Ночь над Белградом», 1942, из кинофильма «Ночь над Белградом», композитор Никита Богословский.
- «Коса», 1944, композитор Никита Богословский.
- Все песни из кинофильма «Близнецы», 1945, (режиссёр Константин Юдин), композитор Оскар Сандлер.
- «Песенка фронтového шофёра» («Эх, путь-дорожка фронтová»), (вместе с Наумом Лабковским), композитор Борис Мокроусов. Появилась в 1947 году в программе «Клуб веселых артистов». Песня была написана специально в качестве дополнения любимого образа шофёра Минутки, герою Марка Бернеса из картины «Великий перелом». Бернес же и был первым исполнителем песни.
- «Музыкальный магазин», 1958, из кинофильма «Девушка с гитарой», композитор Аркадий Островский.
- «Добрый вечер», 1964, совместно с Александром Галичем, и все остальные песни из кинофильма «Дайте жалобную книгу», композитор Анатолий Лепин.

НЕДЕЛЯ IV.

Прием “Дерево предсказаний”.

Этот прием помогает строить предположения по поводу развития сюжетной линии в рассказе, повести, тексте.

Правила работы с данным приемом: ствол дерева – тема, ветви – предположения, которые ведутся по двум направлениям – “возможно” и “вероятно” (количество ветвей не ограничено), и листья – обоснование этих предположений, аргументы в пользу того или иного мнения.

Проверьте, знаете ли вы эти слова.

<i>солнце</i>	<i>яркий</i>	<i>жаркое</i>	<i>загорелый</i>
<i>важный</i>	<i>спешить</i>	<i>санаторий</i>	<i>командировка</i>
<i>пригласить</i>	<i>вкусный</i>	<i>гора</i>	<i>на фоне</i>
<i>лошадь</i>	<i>шашка</i>	<i>дырка</i>	<i>решить</i>
<i>конверт</i>	<i>срочный</i>	<i>удивлён</i>	<i>ужас</i>
<i>джигит</i>	<i>стенгазета</i>	<i>вернуться</i>	<i>приятный</i>

ЧТЕНИЕ С ПАУЗАМИ - студенты читают текст частями (15 минут)

Сергей лежал на пляже и смотрел на солнце. Смотреть было трудно. Солнце было яркое и жаркое. Небо синее и чистое. Вокруг Сергея лежали люди... Все они отдыхали на юге и, конечно, думали, что Сергей тоже отдыхает. Но это была неправда. Сергей приехал на юг в командировку.

Перед командировкой директор сказал Сергею:

- Вы должны сделать работу очень быстро и вернуться домой через 2-3 дня. Я понимаю, конечно, море, солнце, но работа - это работа!

Сергей сказал:

- Конечно, Александр Иванович! Вы меня знаете не первый день. Вы знаете, что рабочие проблемы для меня самые важные.

Через 4 дня на юге Сергей понял, что спешить не надо. Конечно, можно было сделать всё за 2-3 дня. Но человек, который должен был подписать документы, уехал в Киев. Конечно, можно было позвонить в Киев, сказать, что Сергей ждёт его, но ... Этот человек может вернуться слишком быстро, и тогда Сергей тоже должен будет вернуться домой. А на пляже было так хорошо!

Первые дни Сергей отдыхал на пляже один. Потом он встретился с человеком, который отдыхал в санатории. Этот человек пригласил Сергея в гости в санаторий, там, были и другие приятные люди... Через 2 дня у Сергея была большая компания. И, конечно, каждый день был пляж, экскурсии, бары. У него абсолютно не было времени работать!

Через неделю Сергей и его новые друзья пошли на рынок, что купить вкусное молодое вино. Около рынка работал фотограф. У него была интересная картина: гора и на фоне горы человек на лошади. В руке у человека была шашка, а вместо головы была дырка. Каждый мог сделать фотографию: положить голову в дырку и получить фото - на лошади на фоне горы.

Конечно, Сергей и его друзья сделали эти фотографии. Фотограф сказал, что фотографии будут готовы вечером. Вечером Сергей получил фотографию. Фотография была красивая, и он решил послать её жене. Он взял бумагу и написал 2 письма: оно большое письмо жене, где он написал, как он ничего не делает и как хорошо он отдыхает в командировке, какие у него приятные друзья в санатории, а второе, маленькое, - директору. Там он написал, что он много работает и не может вернуться домой, потому что ждёт человека, который должен подписать документы.

Когда Сергей уже написал эти письма и хотел пойти на почту, чтобы купить конверты, он увидел Андрея. Это был его новый друг, который отдыхал в санатории. Андрей сказал, что он идёт на почту и может послать письма Сергея. Сергей написал на бумаге адрес жены и адрес офиса и дал Андрею.

Через 3 дня в санаторий на его имя пришла срочная телеграмма от директора: "Срочно вернитесь домой". Сергей был удивлён: почему директор послал телеграмму в санаторий? Откуда он узнал, что Сергей часто приходит в санаторий? Телеграмма пришла во вторник, а в среду Сергей вернулся домой. Жена была очень рада, что он вернулся. Сергей спросил:

- Ты получила моё письмо?

- Получила. Но оно очень странное! Почему ты написал мне так официально?

Сергей взял письмо и с ужасом понял, что его жена получила письмо для директора. Значит, начальник получил другое письмо...

На следующий день, когда Сергей пришёл на работу, он сразу пошёл к директору. Секретарь сказала, что директор уехал в министерство, а потом внимательно посмотрела на Сергея и сказала:

- Директор был очень удивлён, когда получил ваше письмо. Вот, он просил вернуть его вам. Сергей взял письмо. Это было его письмо жене. Там он писал, как хорошо он отдыхает на юге...

- А больше в конверте ничего не было? - спросил он.

- Было, - сказала секретарь. - Была ваша фотография на лошади. Мы не знали, Сергей, что вы джигит! - А где сейчас эта фотография?

- В стенгазете. На стене, около кабинета директора висит стенгазета, чтобы все могли её прочитать и увидеть вас на лошади...

Сергей нашёл стенгазету. Статья о нём называлась "Трудная командировка". Текст был такой: "Наш коллега уже очень давно находится в командировке на юге. Работа там, на пляже, очень трудная, как написал в письме наш коллега. Он послал в офис не только письмо, но и фотографию..."

В центре статьи была его фотография. На фото Сергей сидел на лошади на фоне горы. В руке у него была шашка.

- Мама! - сказал Сергей и закрыл глаза.

СТАДИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ – КОГНИТИВНЫЕ СХЕМЫ (15 минут)

ПИСЬМЕННАЯ РАБОТА

Подтвердите или опровергните данную информацию. ДА / НЕТ

1. Сергей лежал на пляже и очень легко смотрел на яркое солнце.
ДА/НЕТ
2. Небо было синее, чистое, но мрачное. ДА/НЕТ
3. Вокруг Сергея лежали загорелые девушки, молодые спортивные Парни. ДА/НЕТ
4. Сергей приехал на север в командировку. ДА/НЕТ
5. Для Сергея рабочие проблемы самые значительные. ДА/НЕТ
6. Через 4 дня пребывания на юге Сергей понял, что надо спешить. ДА/НЕТ
7. Сергей успел сделать свою работу за 2-3 дня. ДА/НЕТ
8. Сергей отдыхал в доме отдыха. ДА/НЕТ
9. Сергей так развлёкся, что у него не было времени на работу. ДА/НЕТ
10. Сергей сфотографировался с новыми друзьями. ДА/НЕТ
11. Сергей послал несколько писем. ДА/НЕТ
12. По просьбе Сергея Андрей посылает письма. ДА /НЕТ
13. Сергей получает срочную телеграмму от директора. ДА/НЕТ
14. Фотография Сергея оказалась на стенгазете. ДА/НЕТ
15. Статья о нем называлась "Увлекательная командировка". ДА/НЕТ

❖ ВАША ВЕРСИЯ

При ответе выскажите собственное мнение

1. Что имел ввиду Сергей « - Мама! - сказал Сергей и закрыл глаза».
2. Почему текст называется «Трудная командировка».

НЕДЕЛЯ V.

ЗНАКОМИМСЯ С АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

О'Генри. Почему «О'Генри»? Интересные факты.

Самые яркие цитаты из рассказов великого писателя.

Очень важный фактор эффективного общения — это умение спрашивать. С помощью **вопросов** можно создать нужную нам ситуацию и вызвать желательные нам реакции собеседника.

Фокусирующие вопросы.

Вопросы устанавливают связь между тем, что студенты уже знают и тем, что им предстоит узнать на данном занятии.

Групповая учебная деятельность, при которой преподаватель предлагает студентам «открытый» вопрос - предпочтительно записать его на **доске или же предлагаются на разноцветных карточках.**

- *Преподаватель по-очереди вызывает студентов и предлагает достать вопросы из коробки.*
- Студентам отводится две-три минуты на то, чтобы ответить на него индивидуально (или в письменной форме). Затем студенты поворачиваются друг к другу и делятся своими ответами с партнером. Наконец, преподаватель учебной группой переходит к работе над новым материалом.

Записать вопросы – какие вопросы дает преподаватель.

Примерные вопросы:

- 1. Что вам известно об О, Генри?**
- 2. Что бы вы хотели узнать об О, Генри?**

О'Генри - выдающийся американский писатель, прозаик, автор популярных новелл, характеризующихся тонким юмором и неожиданными развязками.

Уильям Сидни Портер родился 11 сентября 1862 в Гринсборо, штат Северная Каролина. В трёхлетнем возрасте он лишился матери, умершей от туберкулёза. Позже попал под опеку своей тётки по отцу. После школы учился на фармацевта, работал в аптеке у дяди. Через три года уехал в Техас, пробовал разные профессии — работал на ранчо, служил в земельном управлении. Затем работал кассиром и счетоводом в банке в тexasском городе Остине.

Первые литературные опыты относятся к началу 1880-х. В 1894 Портер начинает издавать в Остине юмористический еженедельник *Rolling Stone*, почти целиком заполняя его собственными очерками, шутками, стихами и рисунками. Через год журнал закрылся, одновременно Портер был уволен из банка и привлечён к суду в связи с недостачей, хотя она и была возмещена его родными.

После обвинения в растрате он полгода скрывался от правоохранителей в Гондурасе, затем в Южной Америке. По возвращении в США был осуждён и посажен в тюрьму Коламбус штата Огайо, где провёл три года (1898-1901). До сих пор остаются разногласия по поводу виновности О'Генри в растрате, за которую его приговорили к пяти годам тюрьмы. Большинство исследователей всё же склоняются к тому, что писатель был невиновен, и его просто сделали «козлом отпущения».

В тюрьме Портер работал в лазарете и писал рассказы, подыскивая себе псевдоним. В конце концов он остановил свой выбор на варианте О'Генри (часто неверно записывается наподобие ирландской фамилии — О'Генри). Первый свой рассказ под этим псевдонимом — «Рождественский подарок Дика-Свистуна», напечатанный в 1899 в *Mc Clure's Magazine*, — он написал в тюрьме.

Единственный роман О'Генри — «Короли и капуста» — вышел в 1904. За ним последовали сборники рассказов: «Четыре миллиона» (1906), «Горящий светильник» (1907), «Сердце Запада» (1907), «Голос города» (1908), «Благородный жулик» (1908), «Пути судьбы» (1909), «Избранное» (1909), «Точные дела» (1910) и «Коловращение» (1910).

В 1905 писателя нашла его давняя поклонница Салли Коулмен, а через два года они поженились. Этот брак не принес О’Генри счастья, его здоровье и без того не слишком крепкое, было окончательно подорвано упорной работой. Наступил творческий спад, помимо этого писатель стал много пить и в последние месяцы жизни страдал от глубокой депрессии. Умер О’Генри в Нью-Йоркской больнице 5 июня 1910 года от острой пневмонии на фоне цирроза печени и диабета.

О’Генри занимает в американской литературе исключительное место как мастер жанра «короткого рассказа» (short story). Перед смертью О. Генри высказал намерение перейти к более сложному жанру — к роману:

“Всё, что я писал до сих пор, это просто баловство, проба пера, по сравнению с тем, что я напишу через год”.

СТАДИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ- делятся на три группы

Первой группе предлагается письменная работа

Второй группе предлагается оставить план по 2 тексту

Третьей подчеркнуть и выписать важную информацию об авторе

1 группа - проверьте себя, правильно ли поняли текст.

1.Автором каких произведений является американский писатель О. Генри?

.....
.....
.....

2. Назовите настоящее имя О. Генри

.....
.....

3. Где и когда родился Уильям Сидни Портер?

.....
.....

4.Кем работал О’Генри после окончания школы?

.....
.....
5. Из-за чего был осуждён О'Генри и посажен в тюрьму Коламбус?

.....
.....
6. Чем занимался О'Генри, находясь в тюрьме?

.....
.....
7. Как называется первый рассказ, напечатанный в 1899 году?

.....
.....
8. Какое намерение было перед смертью у О'Генри?

.....
.....
9. Назовите единственный роман О'Генри? Когда он вышел в свет?

.....
.....
10. Как звали давнюю поклонницу О'Генри?

.....
.....
11. Принёс ли второй брак счастья О'Генри?

.....
.....
12. Почему наступил творческий спад писателя?

.....
.....
13. От чего умер О'Генри?

14. Кто считает, что писатель был невиновен, и его просто сделали «козлом отпущения»?

.....
.....

15. Какое место занимает О'Генри в американской литературе?

.....
.....

2 группа - ПОЧЕМУ «О'Генри»?

Известно несколько версий происхождения псевдонима писателя О'Генри. Одна из них выглядит так.

В школе где учился подросток Уильям Сидни Портер (настоящая фамилия писателя), физику преподавал горячий энтузиаст науки, увлекавшийся новомодными экспериментами в области электричества. Особенный восторг вызывал у учителя корифей американской науки профессор Джозеф Генри (1797-1878). Лекции об успехах своего кумира физик обычно начинал с восклицаний:

- О'Генри Он построил мощные электромагниты и электродвигатель!
- О'Генри Он открыл новое свойство электрического тока - самоиндукцию!
- О'Генри! Он установил, что разряд конденсатора колеблется!

Это восторженные возгласы так врезались в память Портера, что много лет спустя в качестве своего литературного псевдонима он взял начальное слово каждого из них – «О, Генри». Так появился знаменитый писатель О'Генри (1862-1910), который ныне известен во всем мире даже больше, чем физик Дж. Генри.

- О'Генри остался органическим художником «малого» жанра, рассказа. Его герои разнообразны: миллионеры, ковбои, спекулянты, клерки, прачки, бандиты, финансисты, политики, писатели, артисты, художники, рабочие, инженеры, пожарные — сменяют друг друга. Умелый конструктор сюжета, -

О'Генри не показывает психологическую сторону происходящего, действия его персонажей не получают глубокой психологической мотивировки, что ещё более усиливает неожиданность финала.

- О'Генри не является первым оригинальным мастером «короткого рассказа», он лишь развил этот жанр. Оригинальность - О'Генри проявилась в блестящем применении жаргона, острых словечек и выражений и в общей колоритности диалогов.

Уже при жизни писателя «короткий рассказ» в его стиле стал вырождаться в схему, а к 1920-м превратился в чисто коммерческое явление: «методику» его производства преподавали в колледжах и университетах, издавались многочисленные руководства и т. д.

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

Премия - О'Генри — ежегодная литературная премия за лучший рассказ (short story) учреждена в 1918 и названа в честь американского писателя - О'Генри, известного мастера жанра. Впервые премия была вручена в 1919. Вручается рассказам американских и канадских авторов, опубликованным в американских и канадских журналах. Рассказы издаются в сборнике The O. Henry Prize Stories.

Победителями в разные годы становились *Трумен Капоте, Уильям Фолкнер, Фланнери О'Коннор* и др.
Литературная премия «Дары волхвов» — конкурс короткого рассказа на русском языке, следующего сюжетной формуле известного одноимённого рассказа О. Генри «любовь + добровольная жертва + неожиданная развязка». Конкурс был учреждён в 2010 редакциями выходящих в США русскоязычных изданий «Новый журнал» и «Новое русское слово», координатором конкурса стал прозаик Вадим Ярмолинец. Несмотря на нью-йоркское происхождение, конкурс, по словам Ярмолинца, был задуман как адресованный русским

писателям всего мира. К участию в конкурсе допускаются тексты объёмом до 10 000 печатных знаков, опубликованные в текущем году или не публиковавшиеся, по одному рассказу от автора.

❖ САМЫЕ ЯРКИЕ ЦИТАТЫ ИЗ РАССКАЗОВ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ.

- А вы никогда не пытались, — спрашиваю я его, — несколько ослабить действие ваших роковых чар? Накинуть, так сказать, вуаль на вашу ослепительную красоту? Или позволить вашему чарующему голосу издать две-три резкие ноты? Короче, не пробовали ли вы сами как-нибудь отшить эту даму? *«На помощь, друг!»*
- Единственное дело, в котором женщина превосходит мужчину, это исполнение женских ролей в водевиле. *«Рука, которая терзает весь мир».*
- Несомненен тот факт, что порой женщина и мужчина, едва взглянув друг на друга, мгновенно влюбляются. Рискованная штука эта любовь с первого взгляда, когда она ещё не видела его чековой книжки, а он ещё не видел ее в папильотках. Тем не менее в жизни оно бывает. *«Бляха полицейского О'Руна».*
- Пустой желудок - вернейшее противоядие от переполненного сердца. *«Купидон a la carte».*
- Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу. *«Дороги, которые мы выбираем»*
- Руки сошлись в коротком, крепком, достойном Запада рукопожатии, в мощных тисках которого мгновенно погибают все микробы. *«Уллис и собачник»*
- Мне очень неприятно это говорить, но место есть только для одного. Боливар выдохся, и двоих ему не снести. *«Дороги, которые мы выбираем»*
- Спящий мужчина — это зрелище, от которого могут прослезиться ангелы. Что стоят сейчас его мозги, бицепсы, чековая книжка, апломб, протекции и семейные связи? Он — игрушка в руках врага, а тем паче — друга. И так же

привлекателен, как наемная кляча, когда она стоит, привалясь к стене оперного театра в половине первого ночи и грезит просторами аравийских пустынь. Вот спящая женщина — совсем другое дело. Плевать нам на то, как она выглядит, лишь бы подольше находилась в этом состоянии. *«Как скрывался Черный Билл»*

- Самое большое, чем женщина может помочь мужчине получить должность, это быстро приготовить ему пищу или распустить слух о жене другого кандидата, будто та была в прежнее время магазинной воровкой. *«Рука, которая терзает весь мир».*
- Три раза в жизни женщина ступает словно по облакам и ног под собой не чувствует от радости: первый раз, когда она идет под венец, второй раз, когда она входит в святилище богемы, и третий раз, когда она выходит из своего огорода с убитой соседской курицей в руках. *«Похищение Медоры» .*
- Дружба между мужчинами, ..., есть древняя историческая добродетель, рожденная в те дни, когда люди должны были защищать друг друга от летающих черепах и ящериц с восьмидесятифутовыми хвостами. Люди сохраняют эту привычку по сей день и стоят друг за друга до тех пор, пока не приходит коридорный и не говорит им, что все эти звери им только померещились. *«Друг Телемак».*
- Природа движется по кругу. Искусство - по прямой линии. Всё натуральное округлено, всё искусственное угловато. Человек заблудившийся в метель, сам того не сознавая, описывает круги; ноги горожанина, приученные к прямоугольным комнатам и площадям, уводят его по прямой линии от него самого. *«Квадратура круга».*
- Как я уже рассказывал, три месяца назад я попал в дурную компанию. Это случается с человеком в двух случаях жизни – когда он без гроша и когда он богат. *«Кто выше?»*
- Сам же я принципиально никогда не брал у своего ближнего ни одного доллара, не дав ему что-нибудь взамен – будь то медальон из фальшивого

золота, или семена садовых цветов, или мазь от прострела, или биржевые бумаги, или порошок от блох, или хотя бы затрещина.

«Совесть в искусстве».

- Джекоб выискал самый богатый колледж и пожертвовал ему двести тысяч долларов на оборудование научных кабинетов. В колледже не занимались точными науками, но деньги взяли и употребили на устройство научно оборудованных клозетов, в чем жертвователю не усмотрел существенной разницы. *«Новая сказка из «Тысячи и одной ночи»*
- Всякий уважающий себя вор сначала освоится среди чужого добра, а потом начнет его присваивать. *«Родственные души»*
- Мужчина - это нечто сидящее за столом с ножом и вилкой в руке.
- Попасть в дурную компанию человек может в двух случаях жизни - когда он без гроша и когда он богат.

Задание на дом

Проверьте себя, правильно ли поняли текст.

1. Какими экспериментами в области электричества увлекался преподаватель физики?

.....
.....

2. Какой корифей американской науки вызывал особенный восторг у учителя физики?

.....
.....

3. Какими восклицаниями начинал лекции об успехах своего кумира учитель физики?

.....
.....

4. Какое влияние оказали эти восторженные возгласы учителя на Портера?

.....
.....

5. Известен ли ныне во всем мире - О'Генри больше, чем физик Дж. Генри.

.....
.....

6. Мастером какого жанра был - О'Генри?

.....
.....

7. Какие образы создал - О'Генри?

.....
.....

8. Что усиливает неожиданность финала рассказов - О'Генри?

.....
.....

9. Является ли - О'Генри первым оригинальным мастером «короткого рассказа»?

.....
.....

10. В чём проявилась оригинальность - О'Генри?

.....
.....

НЕДЕЛЯ VI.

ТЕКСТ «ВОЛШЕБНЫЕ БУЛОЧКИ».

ТЕКСТ «РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ».

- **Стадия рефлексии - RAFT**

Преподаватель использует RAFT для обсуждения персонажей любых произведений, понимания сущности понятия «писатель», «поэт», для написания сценариев небольших литературных постановок;

Преподаватель делит класс на группы, каждая из которых выбирает одну из предложенных учителем ролей:

Роль	Аудитория	Форма	Тема
Для определения роли следует выяснить, кто может раскрыть заданную тему	Выяснение, кому может предназначаться данный текст	Выбор жанра, формы повествования	Выбор тематики, определение, о чем будет текст, какие основные идеи будут раскрыты в нем

Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова и запомните их.

<i>Волшебный</i>	<i>булочка</i>	<i>сентиментальный</i>
<i>Сердце</i>	<i>чёрствый</i>	<i>свежий</i>
<i>Краска</i>	<i>художник</i>	<i>бедный</i>
<i>Грустно</i>	<i>вкусный</i>	<i>уверен</i>
<i>Придумать</i>	<i>картина</i>	<i>аукцион</i>
<i>Пейзаж</i>	<i>мраморный</i>	<i>поставить</i>
<i>Умный</i>	<i>искусство</i>	<i>лицо</i>
<i>Класть</i>	<i>шум</i>	<i>сирена</i>
<i>Надрезать</i>	<i>положить</i>	<i>с ненавистью</i>
<i>Наглый</i>	<i>в ужасе</i>	<i>достаточно</i>
<i>Плечо</i>	<i>здание</i>	<i>наверно</i>
<i>Убрать</i>	<i>конкурс</i>	<i>мэрия</i>
<i>Снять</i>	<i>надеть</i>	<i>мусор</i>

Пожарная машина *ах, если бы* *прийти в восторг*
Обратить внимание *первый шаг* *дело в том, что*

Мисс Марта Мичем содержала небольшую пекарню на углу, — ту самую, в которую ведут три ступеньки, и где сильно дребезжит звонок, когда вы отворяете дверь.

Мисс Марте Мичем было сорок лет, ее банковая книжка показывала сбережения в две тысячи долларов, а кроме того она обладала двумя фальшивыми зубами и отзывчивым сердцем. Повыходило замуж очень много женщин, шансы которых были гораздо ниже ее.

Два-три раза в неделю в пекарню заходил покупатель, которым она начала в последнее время интересоваться. Это был человек средних лет, в очках и с русой, аккуратно подстриженной, остроконечной бородкой.

Он говорил по-английски с ясно выраженным немецким акцентом. Платье его было поношенное, заштопанное; висело оно на нем мешковато и местами образовало складки.

Но все же он выглядел очень опрятно и отличался хорошими манерами. Он неизменно покупал по два черствых хлебца. Свежие хлебцы стоили по пяти центов каждый. Черствые хлебцы продавались по пяти центов пара. Он никогда не спрашивал ничего другого: только черствые хлебцы.

Как-то раз мисс Мичем заметила на его пальцах красные и коричневые пятна. Она немедленно решила про себя, что он — художник, и очень бедный. Не было никакого сомнения в том, что он живет в мансарде, где рисует картины, ест черствые булки и мечтает об очаровательных вещах, что выпекаются у мисс Мичем. Очень часто, когда мисс Марта сидела за чаем с булочками, котлетами и вареньем, она подавляла невольный вздох и думала о том, что было бы хорошо, если бы художник с изящными манерами разделял ее трапезу вместо того, чтобы есть сухой хлеб в своей отвратительной мансарде... Как уже указывалось выше, у мисс Марты было чрезвычайно отзывчивое сердце...

С целью проверить свое предположение относительно рода его занятий, она однажды принесла из своей комнаты картину, которую купила на аукционе, и поставила ее у полок, за прилавком с хлебом.

Это была венецианская сценка. Роскошный мраморный паллацио (так было написано на картине!) стоял на переднем плане земли, — вернее, воды. Кроме дворца, можно было видеть гондолу (с дамой, проводящей пальцем след по воде), облака, небо и обильное количество светотени.

Ни единый художник не мог не обратить внимания на такую картину.

Через два дня явился покупатель.

— Будете добры, две черствых булки.

— У вас прекрасная картина, мадам, — сказал он, в то время как она заворачивала булки!

— Разве? — воскликнула мисс Марта, в восторге от собственной хитрости: — я так люблю искусство и... нет, еще слишком рано было сказать «художников!»

— и картины.— Она прибавила: — Значит, вы находите, что это — хорошая картина?

— Дер балацо,— сказал покупатель,— нехорошо написан. Неверно сделана перспектива. Будьте здоровы, мадам! Он взял булки, поклонился и торопливо вышел. Да, он несомненно художник! Мисс Марта унесла картину обратно в свою комнату. Как мягко и внимательно светились его глаза за очками! Какой у него большой лоб! Быть способным с первого же взгляда судить о перспективе — и питаться черствыми булками! Но художнику всегда приходится очень много страдать, пока его признают...

Как было бы хорошо для искусства и для перспективы, если бы гений подкрепился двумя тысячами долларов, пекарней и... отзывчивым сердцем! Но, мисс Марта, все это мечты!

...Теперь, являясь в пекарню, он довольно часто болтал с ней через прилавок. Казалось, он жаждет слышать бодрящие слова мисс Марты. Он продолжал покупать черствые булки и никогда не спрашивал ни сладких печений, ни

пирога, ни ее очаровательных пышек. С некоторого времени он как будто похудел и упал духом. У нее болело сердце от желания прибавить чего-нибудь вкусенького к его скромной покупке, но не хватало мужества сделать это. Она не смела оскорбить его. Она много слышала о болезненном самолюбии художников.

Мисс Марта начала надевать в лавку свой шелковый синий в крапинку лиф.

В задней комнате она варила какое-то таинственное месиво из семян айвы и буры. Многие употребляют такую смесь для цвета лица.

Однажды покупатель вошел в пекарню, как обычно. Как обычно же, спросил черствые булки и положил на прилавок деньги. В то время как хозяйка потянулась за булочками, послышался звук рожка, тотчас же раздался грохот и мимо аптеки тяжело протащился пожарный обоз. Покупатель поспешил к двери посмотреть, как и всякий другой сделал бы!

В порыве вдохновения мисс Марта решила воспользоваться представившимся случаем.

За прилавком, на нижней полке, лежал фунт свежего масла, который молочник ей принес минут десять назад. Хлебным ножом она сделала глубокий надрез в каждой черствой булке, всунула туда изрядное количество масла и снова плотно прижала булки,

Когда покупатель повернулся, она уже заворачивала булки в бумагу. Когда же после необычно приятного короткого разговора покупатель ушел, она улыбнулась самой себе, но в то же время почувствовала в сердце легкий трепет. "Не был ли чересчур смел ее поступок? Не обидится ли художник? Наверное, нет! Ведь не существует на свете язык съестного! А масло не является эмблемой назойливой смелости!

В этот день все ее мысли долго были прикованы к этой теме. Она на разные лады представляла себе, как он откроет ее маленький обман. Он отложит в сторону свои кисти и палитру. Рядом будет стоять мольберт с начатой картиной, перспектива которой—выше всякой критики. Он готовится позавтракать черствой булкой и водой, он вонзает в булку нож,—ах! Мисс

Марта густо покраснела. Когда он будет есть, подумает ли он о той руке, что положила масло? Станет ли?..

В это мгновение неистово задребезжал колокольчик у входной двери. Кто-то вошел с большим шумом. Мисс Марта поспешно вышла из задней комнаты в булочную. Там было двое мужчин. Одного из них, молодого человека, с трубкой в зубах, она никогда до сих пор не видела. Другой был—ее художник. Лицо его было багрового цвета, шляпа съехала на бок, а волосы растрепались. При виде мисс Марты он дико сжал кулаки и грозно направил их в сторону хозяйки.

В сторону мисс Марты!

— Dummkopf! — оглушительно закричал он: — Tausendofer! Или что-то другое, в этом роде. Ругался он по-немецки.

Молодой человек старался увести его.

— Я не уйду,—продолжал сердито кричать немец,— не уйду до тех пор, пока не скажу ей... Он забарабанил кулаками по прилавку мисс Марты.

— Вы испортили мне...— орал он: вы испортили мое...— И синие глаза его метнули молнии за очками.

Я хочу сказать вам... Вы—старая, драная кошка...

Мисс Марта в изнеможении прислонилась к полкам и положила руку на свой шелковый, синий в крапинках лиф. Молодой человек схватил своего товарища за ворот.

— Ну, идем! — сказал он сердито: вы уже достаточно наговорили ей.

Он вытащил рассерженного художника за дверь на тротуар и затем вернулся.

— Я думаю, мадам, что я должен объяснить вам, что тут произошло,— сказал он. Вот, собственно говоря, из-за чего весь этот шум. Это — Блюмбергер! Он инженер-архитектор. Я служу с ним в одной конторе. Он вот уж три месяца, как усерднейшим образом работает над планом нового здания ратуши. Был объявлен конкурс на премию. Вчера он закончил обведение чертежа тушью. Надо вам знать, что чертежник всегда сначала вычерчивает в карандаше, а потом, когда работа готова, он стирает карандаш крошками черствого хлеба.

Это— гораздо лучше резины. Блюмбергер все время покупал черствый хлеб у вас, — вы сами знаете это, мадам... И вот теперь, благодаря вам, весь его план никуда не годится, разве еще только на то, чтобы заворачивать в нем бутерброды в дорогу...

...Мисс Марта вернулась в заднюю комнату. Там она сняла шелковый, синий в крапинку лиф и надела старую кофту из коричневой саржи, которую обычно носила. А затем она выплеснула через окно в ведро с золой смесь из семян айвы с бурой.

ОСМЫСЛЕНИЕ

Итогом урока должно стать обсуждение проделанной работы, анализ результатов, выделение основных суммарных моментов повествований. Необходимо обратить внимание на разницу в изложении одних и тех же фактов разными студентами.

В качестве домашнего задания выступает повторение пройденного материала и письменно закрепить.

Метод RAFT способствует более полному погружению студента в предметное содержание, его самореализации, заставляет проявлять творчество, импровизировать, анализировать возможные действия в заданных обстоятельствах, давать нравственную оценку событиям и личностям.

Стадия рефлексии

Презентации письменных работ

НА ДОМ

Подтвердите или опровергните данную информацию. ДА / НЕТ

1. У приятной мисс Марты маленький магазин.	ДА/НЕТ
2. У неё было доброе сердце.	ДА/НЕТ
3. Она несколько раз была замужем.	ДА/НЕТ
4. Покупатель, которому было 45 лет, всегда покупал булочки по пяти центов пара.	ДА/НЕТ
5. Мисс Марта думала, что он был художником.	ДА/НЕТ
6. Марта много лет тому назад купила на аукционе картину.	ДА/НЕТ
7. Покупателю не понравилась картина.	ДА/НЕТ

8. Покупатель сказал, что на картине неправильная перспектива.
ДА/НЕТ
9. Марта сделала суперкрем для лица и тела. ДА/НЕТ
10. Она купила новое платье и не снимала его. ДА/НЕТ
11. Марта сделала первый шаг. ДА/НЕТ
12. Марта нарезала булочки и положила в них суперкрем.
ДА/НЕТ
13. Покупатель был в восторге, что Марта сделала первый шаг.
ДА/НЕТ
14. Покупатель назвал её дуррой и глупой кошкой. ДА/НЕТ
15. Художник оказался архитектором. ДА/НЕТ
16. Архитектор 3 месяца готовил проект здания для министерства
ДА/НЕТ
17. Лучше всего убирает карандаш чёрствый хлеб. ДА/НЕТ
18. Покупатель к чаю любил чёрствые булочки с вареньем.
ДА/НЕТ
19. Булочки с маслом помогли архитектору успешно закончить проект.
ДА/НЕТ
20. Марта с восторгом встретила новость об архитекторе.
ДА/НЕТ

❖ ВАША ВЕРСИЯ

При ответе выскажите собственное мнение.

1. Почему мисс Марта в изнеможении прислонилась к полкам и положила руку на свой шелковый, синий в крапинках лиф. Аргументируете ответ.
2. Подумайте, соответствует ли название тексту, придумайте свой вариант

II. ТЕКСТ «РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ»

Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова и запомните их.

<i>скользить</i>	<i>замереть</i>	<i>освоиться</i>	<i>уважать</i>
<i>чужой</i>	<i>присваивать</i>	<i>частный</i>	<i>особняк</i>
<i>Заколоченный</i>	<i>парадный</i>	<i>омываемый</i>	<i>суета</i>
<i>возвышенный</i>	<i>освещенный</i>	<i>насквозь</i>	<i>сознание</i>
<i>сочетание</i>	<i>тщета</i>	<i>прикрытый</i>	<i>мгновение</i>
<i>ощутить</i>	<i>признание</i>	<i>совершенство</i>	<i>обнаружить</i>
<i>условности</i>	<i>приличия</i>	<i>всколыхнулись</i>	<i>добропорядочный</i>
<i>гнусный</i>	<i>подозрение</i>	<i>нахальный</i>	<i>разновидность</i>
<i>свидетельствовать</i>		<i>сногшибательный</i>	<i>неподстриженный</i>
<i>благопристойность</i>		<i>нравственный</i>	<i>респектабельный</i>
<i>чрезвычайный</i>			
<i>крадучись продвигаться вперед</i>			
<i>задумчиво жевал мятную резинку</i>			
<i>чрезвычайно раздосадован и возмущен</i>			
<i>с раздражением крикнул обыватель</i>			
<i>обыватель с болезненной гримасой</i>			
<i>перестаньте корчить рожки</i>			
<i>продырявил бы вас насквозь</i>			
<i>держа ревматика под прицелом</i>			

Вор быстро скользнул в окно и замер, стараясь освоиться с обстановкой. Всякий уважающий себя вор сначала освоится среди чужого добра, а потом начнет его присваивать.

Вор находился в частном особняке. Заколоченная парадная дверь и неподстриженный плющ подсказали ему, что хозяйка дома сидит сейчас где-

нибудь на мраморной террасе, омываемой волнами океана, и объясняет исполненному сочувствия молодому человеку в спортивной морской фуражке, что никто никогда не понимал ее одинокой и возвышенной души. Освещенные окна третьего этажа в сочетании с концом сезона в свою очередь свидетельствовали о том, что хозяин уже вернулся домой и скоро потушит свет и отойдет ко сну. Ибо сентябрь - такая пора в природе и в жизни человека, когда всякий добропорядочный семьянин приходит к заключению, что стенографистки и кабаре на крышах - тщета и суета, и, ощутив в себе тягу к благопристойности и нравственному совершенству, как ценностям более прочным, начинает поджидать домой свою законную половину.

Вор закурил сигарету. Прикрытый ладонью огонек спички осветил на мгновение то, что было в нем наиболее выдающегося, - его длинный нос и торчащие скулы. Вор принадлежал к третьей разновидности. Эта разновидность еще не изучена и не получила широкого признания. Полиция познакомила нас только с первой и со второй. Классификация их чрезвычайно проста. Отличительной приметой служит воротничок.

Если на пойманном воре не удастся обнаружить крахмального воротничка, нам заявляют, что это опаснейший выродок, вконец разложившийся тип, и тотчас возникает подозрение - не тот ли это закоренелый преступник, который в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году выкрал наручники из кармана полицейского Хэннеси и нахально избежал ареста.

Представитель другой широко известной разновидности - это вор в крахмальном воротничке. Его обычно называют вор-джентльмен. Днем он либо завтракает в смокинге, либо расхаживает, переодевшись обойщиком, вечером же - приступает к своему основному, гнусному занятию - ограблению квартир. Мать его - весьма богатая, почтенная леди, проживающая в респектабельнейшем Ошеан-Гроув, и когда его препровождают в тюремную камеру, он первым делом требует себе пилочку для ногтей и "Полицейскую газету". У него есть жена в каждом штате и невесты во всех территориях, и

газеты сериями печатают портреты жертв его матримониальной (брачной) страсти, используя для этого извлеченные из архива фотографии недужных особ женского пола, от которых отказались все доктора и которые получили исцеление от одного флакона патентованного средства, испытав значительное облегчение при первом же глотке.

На воре был синий свитер. Этот вор не принадлежал ни к категории джентльменов, ни к категории поваров из Адовой Кухни. Полиция, несомненно, стала бы в тупик при попытке его классифицировать. Ей еще не доводилось слышать о солидном, степенном воре, не проявляющем тенденции ни опуститься на дно, ни залететь слишком высоко.

Вор третьей категории начал крадучись продвигаться вперед. Он не носил на лице маски, не держал в руке потайного фонарика, и на ногах у него не было башмаков на каучуковой подошве. Вместо этого он запасся револьвером тридцать восьмого калибра и задумчиво жевал мятную резинку.

Мебель в доме еще стояла в чехлах. Серебро было убрано подальше - в сейфы. Вор не рассчитывал на особенно богатый "улов". Путь его лежал в тускло освещенную комнату третьего этажа, где хозяин дома спал тяжелым сном после тех услад, которые он так или иначе должен был находить, дабы не погибнуть под бременем Одиночества. Там и следовало "пощупать" на предмет честной, законной, профессиональной поживы. Может, попадется немного денег, часы, булавка с драгоценным камнем, словом, ничего сногшибательного, выходящего из ряда вон. Просто вор увидел распахнутое окно и решил попытать счастья.

Вор неслышно приоткрыл дверь в слабо освещенную комнату. Газовый рожок был привернут. На кровати спал человек. На туалетном столике в беспорядке валялись различные предметы - пачка смятых банкнот, часы, ключи, три покерных фишки, несколько сломанных сигар и розовый шелковый бант. Тут же стояла бутылка сельтерской, припасенная на утро для прояснения мозгов.

Вор сделал три осторожных шага по направлению к столику. Спящий жалобно застонал и открыл глаза. И тут же сунул правую руку под подушку, но не успел вытащить ее обратно.

- Лежать тихо! - сказал вор нормальным человеческим голосом. Воры третьей категории не говорят свистящим шепотом. Человек в постели посмотрел на дуло направленного на него револьвера и замер.

- Руки вверх! - приказал вор.

У человека была каштановая с проседью борода клинышком, как у дантистов, которые рвут зубы без боли. Он производил впечатление солидного, почтенного обывателя и был, как видно, весьма желчен, а сейчас вдобавок чрезвычайно раздосадован и возмущен. Он сел в постели и поднял правую руку.

- А ну-ка, вторую! - сказал вор. - Может, вы двусмысленный и стреляете левой. Вы умеете считать до двух? Ну, живо!

- Не могу поднять эту, - сказал обыватель с болезненной гримасой.

- А что с ней такое?

- Ревматизм в плече.

- Острый?

- Был острый. Теперь хронический.

Вор с минуту стоял молча, держа ревматика под прицелом. Он глянул украдкой на туалетный столик с разбросанной на нем добычей и снова в замешательстве уставился на человека, сидевшего в постели. Внезапно его лицо тоже исказила гримаса.

- Перестаньте корчить рожи, - с раздражением крикнул обыватель. - Пришли грабить, так грабьте. Забирайте, что там на туалете.

- Прошу прощения, - сказал вор с усмешкой. - Меня вот тоже скрутило. Вам, знаете ли, повезло - ведь мы с ревматизмом старинные приятели. И тоже в левой. Всякий другой на моем месте продырявил бы вас насквозь, когда вы не подняли свою левую клешню.

- И давно у вас? - поинтересовался обыватель.

- Пятый год. Да теперь уж не отвяжется. Стоит только заполучить это удовольствие - пиши пропало.

- А вы не пробовали жир гремучей змеи? - с любопытством спросил обыватель.

- Галлонами изводил. Если всех гремучих змей, которых я обезжирил, вытянуть цепочкой, так она восемь раз достанет от земли до Сатурна, а уж греметь будет так, что заткнут уши в Вальпараисо.

- Некоторые принимают "Пилюли Чизельма", - заметил обыватель.

- Шарлатанство, - сказал вор. - Пять месяцев глотал эту дрянь. Никакого толку. Вот когда я пил "Экстракт Финкельхема", делал припарки из "Галаадского бальзама" и применял "Поттовский болеутоляющий пульверизатор", вроде как немного полегчало. Только сдается мне, что помог главным образом конский каштан, который я таскал в левом кармане.

- Вас когда хуже донимает, по утрам или ночью?

- Ночью, - сказал вор. - Когда самая работа. Слушайте, да вы опустите руку... Не станете же вы... А "Бликерстафовский кровеочиститель" вы не пробовали?

- Нет, не приходилось. А у вас как - приступами или все время ноет?

Вор присел в ногах кровати и положил револьвер на колено.

- Скачками, - сказал он. - Набрасывается, когда не ждешь. Пришлось отказаться от верхних этажей - раза два уже застрял, скрутило на полдороге. Знаете, что я вам скажу: ни черта в этой болезни доктора не смыслят.

- И я так считаю. Потратил тысячу долларов, и все впустую. У вас распухает?

- По утрам. А уж перед дождем - просто мочи нет.

- Ну да, у меня тоже. Стоит какому-нибудь паршивому облачку величиной с салфетку тронуться к нам в путь из Флориды, и я уже чувствую его приближение. А если случится пройти мимо театра, когда там идет слезливая мелодрама "Болотные туманы", сырость так вопьется в плечо, что его начинает дергать, как зуб.

- Да, ничем не уймешь. Адовы муки, - сказал вор.

- Вы правы, - вздохнул обыватель.

Вор поглядел на свой револьвер и с напускной развязностью сунул его в карман.

- Послушайте, приятель, - сказал он, стараясь преодолеть неловкость. - А вы не пробовали оподельдок?

- Чуть! - сказал обыватель сердито. - С таким же успехом можно втирать коровье масло.

- Правильно, - согласился вор - Годится только для крошки Минни, когда киска оцарапает ей пальчик. Скажу вам прямо - дело наше дрянь. Только одна вещь на свете помогает. Добрая, старая, горячительная, веселящая сердце выпивка. Послушайте, старина... вы на меня не сердчайте... Это дело, само собой, побоку... Одевайтесь-ка, и пойдём выпьем. Вы уж простите, если я... ух ты, черт! Опять схватил, гадюка!

- Скоро неделя, как я лишен возможности одеваться без посторонней помощи, - сказал обыватель. - Боюсь, что Томас уже лег, и...

- Ничего, вылезайте из своего логова, - сказал вор. - Я помогу вам нацепить что-нибудь.

Условности и приличия мощной волной всколыхнулись в сознании обывателя. Он погладил свою седеющую бородку.

- Это в высшей степени необычно... - начал он.

- Вот ваша рубашка, - сказал вор. - Нырните в нее. Между прочим один человек говорил мне, что "Растирание Омберри" так починило его в две недели, что он стал сам завязывать себе галстук.

На пороге обыватель остановился и шагнул обратно.

- Чуть не ушел без денег, - сказал он. - Выложил их с вечера на туалетный стол. Вор поймал его за рукав.

- Ладно, пошли, - сказал он грубовато. - Бросьте это. Я вас приглашаю. На выпивку хватит. А вы никогда не пробовали "Чудодейственный орех" и мазь из сосновых иголок?

❖ ВАША ВЕРСИЯ

При ответе выскажите собственное мнение

1. Почему текст называется «Родственные души»
2. Приведите свой вариант названия текста.
3. Продолжите текст.....

НЕДЕЛЯ VII

Знакомимся с американской литературой

ДЖЕК ЛОНДОН

Биографическая справка. Почему Джек Лондон? Интересные факты. Лучшие фразы великого писателя.

Преподаватель делит студентов на три группы.

Каждая группа читает все о творчестве и жизни Джека Лондона. (10 минут)

После прочтения своих текстов студенты меняют тексты. (10 минут)

Инструкция - после прочтения текстов

Первая группа пишет план по тексту и предлагает второй группе подыскать к каждому абзацу готовые названия - 2 заглавия лишние;

Вторая группа пишет вопросы по тексту и обменивается с первой группой, чтобы они ответили на вопросы;

Третья группа выписывает самые лучшие фразы Джека Лондона и подыскивают свой вариант высказываний (по 10 минут)

Джек Лондон (Джон Гриффит Чейни) (1876 - 1916) – американский писатель, социалист, общественный деятель, наиболее известен как автор приключенческих рассказов и романов.

Родился Джек 12 января 1876 года в Сан-Франциско. Новая фамилия в биографии Джека Лондона была получена, когда малышу еще не было года – его мать вышла замуж за Джона Лондона Трудное материальное положение, а также устои страны (в Америке начинают работать, будучи детьми или подростками) рано подтолкнуло Джека к трудовой жизни. Еще в школе он подрабатывал продажей газет. А когда окончил школу, пошел работать на консервную фабрику.

В 1893 году в биографии Джека Лондона прошло первое плавание. Это путешествие оставило много воспоминаний, которые он позже использовал в своих романах. Первое же произведение Джека Лондона принесло ему успех: за очерк «Тайфун у берегов Японии» он получил премию.

В 1894 г. Лондон участвовал в походе армии безработных на Вашингтон; скитался по США и Канаде, сидел в тюрьме за бродяжничество, подвергался арестам за социалистическую деятельность.

В 1896 г. поступил в Калифорнийский университет, но ушел из-за невозможности платить за обучение и отправился на Аляску, захваченный «золотой лихорадкой», был старателем. Колорит и романтика Севера, сильные характеры, борьба с лишениями и трудностями — главные мотивы в творчестве Лондона после его пребывания на Аляске.

За всю биографию Лондон издал 16 сборников. Первыми, принесшими ему популярность, были: «Сын волка» (1900), «Бог его отцов» (1901), «Дети мороза» (1902), «Мужская верность» (1904), «Лунный пик» (1996).

Первые романы – «Дочь снегов» (1902), «Морской волк» (1904), «Игра» (1905) также были благоприняты читателями. Роман «Дочь снегов» и книга «Люди бездны» о жизни беднейшего квартала Лондона Ист-Энда.

К Лондону приходит известность, его материальное положение стабилизируется, он женится на Элизабет Маддерн, у него рождаются две дочери. Под сильным воздействием всего увиденного и пережитого на Аляске создает цикл повестей и рассказов, изданных в его сборниках «Сын волка», «Бог его отцов», «Дети мороза». К этому циклу примыкали и талантливые повести о животных «Зов предков» и «Белый клык». В 1904 г. выходит один из самых знаменитых романов Лондона «Морской волк» о капитане Вульфе Ларсене. В

этом же году Лондон едет в командировку в Корею на русско-японскую войну. Вернувшись, он разводится с женой и женится на ее бывшей подруге Чармейн Киттредж.

В 1907—1909 гг. Лондон совершает морское путешествие на построенной им по собственным чертежам яхте «Снарк».

В последующие семнадцать лет он выпускал по две и даже три книги в год: автобиографический роман «Мартин Иден» о моряке, который нелегким путем пробивается к вершинам знаний и писательской славе; автобиографический трактат об алкоголизме «Джон Ячменное Зерно», трагический аргумент в пользу «сухого закона», и роман «Лунная долина».

Его гонорар доходил до 50 тысяч долларов за книгу, это была на тот момент фантастическая сумма.

В последние годы жизни он страдал от почечного заболевания, и в один из приступов боли он принял слишком большую дозу снотворного. Доза оказалась смертельной. Он принял или с целью умерить боль, вызванную уремией, или сознательно, желая покончить собой.

22 ноября 1916 г. Лондон умер в Глен-Эллене (штат Калифорния).

В 1920 г. посмертно издан роман «Сердца трех».

восемь его романов были успешно экранизированы

ПОЧЕМУ ДЖЕК ЛОНДОН?

Как выше было сказано имя при рождении - Джон Гриффит Чейни, имя после усыновления – Джон Лондон. Биологическим отцом Джона был астролог Уильям Чейни. Его фамилию и дали при рождении малышу. Когда мальчику было около восьми месяцев, его мать Флора Веллман вышла замуж за Джона Лондона, инвалида и ветерана Гражданской войны в США, который усыновил маленького Джона Гриффита, и будущего писателя стали звать Джон Лондон.

Свои литературные произведения Лондон подписывал псевдонимом «Джек Лондон». Этот псевдоним связан, с тем, что имя Джон мальчику не нравилось. В детстве няня Лондона Вирджиния Прентисс и ее муж Алонсо ласково звали мальчика Джеки (в английском языке имя Джек — уменьшительная форма от имени Джон).

Когда Д. Лондон впервые в жизни пришел в школу, учительница просила у него, как его зовут:

- **Джек Лондон**, – ответил мальчик;
- Ты хочешь сказать: Джон Лондон? – поправила она, заглянув в список;
- Нет, – ответил он вежливо, но твёрдо, – меня зовут Джек Лондон.

Его действительно звали Джон, но ему больше нравилось имя Джек. Так, когда ему было восемь лет, он сам выбрал себе имя, и оно осталось за ним на всю жизнь.

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

При жизни писателя вышли в свет сорок четыре его книги - романы и повести, статьи и рассказы, пьесы и репортажи. Шесть сборников увидели свет после смерти писателя. Итого пятьдесят книг за семнадцать лет литературной деятельности. Д. Лондон уже к 1907 году был очень состоятельным человеком, его гонорар доходил до 50 тысяч долларов за книгу (по тем временам это огромная сумма).

ЛУЧШИЕ ЦИТАТЫ

- Кость, брошенная собаке, не есть милосердие; милосердие: это кость, поделенная с собакой, когда ты голоден не меньше ее.
- Истинное назначение человека — жить, а не существовать.
- Лучше пусть я буду пеплом и пылью! Пусть лучше иссякнет мое пламя в ослепительной вспышке, чем плесень задушит его!
- Пьяный способен на такие дела, каких никогда бы не замыслил, если бы не выпил.
- Начало пути — рюмка, середина — выпивающая компания, легкая выпивка, пара рюмок за обедом. Конец — в тюрьме за убийство в пьяном виде, за растрату, в психиатрической больнице, в могиле от случайной легкой болезни.
- Покажите мне человека с татуировкой и я покажу вам человека с интересным прошлым.
- Если вы мыслите ясно, вы и писать будете ясно, если ваша мысль ценна, будет ценным и ваше сочинение.
- Ограниченные умы видят ограниченность только в других.
- У каждого своя мудрость, в зависимости от склада души. Моя для меня же бесспорна, как ваша для вас.
- В любопытстве главная прелесть жизни.

Стадия рефлексии

Каждая группа представляет свою работу (10 минут)

Стадия осмысления – задание на дом.

Проверьте, правильно или поняли текст

1. Где и когда родился Джек Лондон?

.....

2. Какие рассказы и романы он писал?

.....

3. Когда и по какой причине началась трудовая жизнь Джека Лондона?

.....

4. Когда прошло первое плавание Джека Лондона?

.....

5. За какое произведение получил первую премию Джек Лондон?

.....

6. В каком университете учился Джек Лондон?

.....

7. Назовите главные мотивы в творчестве Лондона после его пребывания на Аляске?

.....

8. Почему Джек Лондон сидел в тюрьме?

.....

9. Сколько сборников издал он за всю биографию?

.....

10. Назовите первые сборники, принесшие ему популярность?

.....

11. Назовите первые романы Джека Лондона?

.....

12. В каком году Лондон совершает морское путешествие?

.....

13. От чего страдал Джек Лондон последние годы жизни?

.....

14. Когда умер Джек Лондон и где он похоронен?

.....
15.Какой роман издан посмертно?
.....

НЕДЕЛЯ VIII

ТЕКСТ «ЖЕНСКОЕ ПРЕЗРЕНИЕ»

СТАДИЯ ВЫЗОВА

Обдумайте/Разбейтесь на пары/Обменяйтесь мнениями.

3-Х-У – Стратегия, в которой студентам сначала предлагается осуществить мозговую атаку, определив, что они знают по теме. Затем при помощи преподавателя, они ищут информацию и выясняют для себя, что еще они хотят узнать по теме. После студентов просят составить список того, что они узнали организуется в форме таблицы.

ЗНАЮ	ХОЧУ УЗНАТЬ	УЗНАЛ

ЧИТАЕМ ТЕКСТ

Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова и запомните их.

<i>роскошный</i>	<i>происхождение</i>	<i>нерешенный</i>	<i>смятение</i>
<i>презрение</i>	<i>сойтись</i>	<i>править</i>	<i>холм</i>
<i>натурищица</i>	<i>событие</i>	<i>слабость</i>	<i>увлечение</i>
<i>сожалеть</i>	<i>сплетня</i>	<i>очаровательный</i>	<i>мнение</i>
<i>ужасный</i>	<i>отбивать</i>	<i>бороться</i>	<i>спуститься</i>
<i>соблазнять</i>	<i>опьянеть</i>	<i>тратить</i>	<i>горничная</i>
<i>знатный</i>	<i>бессовестный</i>	<i>торговец</i>	<i>скупость</i>
<i>уговоры</i>	<i>сжать</i>	<i>обнять</i>	<i>чары</i>
<i>прощение</i>	<i>неприлично</i>	<i>расплакаться</i>	<i>разбудить</i>
<i>устроить</i>	<i>испугаться</i>	<i>задержать</i>	<i>нарты</i>
<i>высшее общество</i>	<i>вторгнуться во владение</i>		<i>знатная особа</i>
<i>сделать предложение</i>	<i>настоящий мужчина</i>		<i>ничего особенного</i>
<i>быть вне себя</i>	<i>на склоне холма</i>	<i>удостоила</i>	<i>откровенностью</i>

I

Случилось так, что пути Фреды и миссис Эпингуэлл сошлись. Надо сказать, что Фреда была молодая танцовщица, гречанка, точнее, она хотела, чтобы ее считали гречанкой, но для многих вопрос об ее происхождении оставался нерешенным, так как классические черты Фреды казались слишком энергичными, а в иные, правда, редкие, минуты в глазах ее вспыхивали дьявольские огни, что вызывало еще больше сомнений в ее национальности. Лишь немногие -- да и то лишь мужчины -- удостоились видеть эти огни, но тот, кто видел,

уже не забудет их до конца жизни. Сама Фреда ничего не рассказывала о себе, и когда она была спокойна, и вправду казалось, будто есть в ней что-то эллинское. Во всем крае от Чилкута до Сент-Майкла не было мехов более роскошных, чем у Фреды, и ее имя не сходило с мужских уст. А миссис Эпингуэлл была женой капитана, тоже звездой первой величины, и орбита ее охватывала самое избранное общество Доусона -- общество тех, кого непосвященные прозвали "службистами". Ситка Чарли однажды путешествовал на собаках вместе с миссис Эпингуэлл -- в год жестокого голода, когда жизнь человека стоила дешевле чашки муки, -- и он ставил эту женщину выше всех других. Ситка Чарли был индеец; он судил со своей, примитивной точки зрения; но в поселках, расположенных неподалеку от Полярного круга, слову его верили и приговор его не оспаривали.

Обе женщины были неотразимыми завоевательницами и покорительницами мужчин -- каждая в своем роде. Миссис Эпингуэлл правила в своем собственном доме, в Казармах, набитых младшими сыновьями знатных семейств, а также в высших кругах полиции, администрации и суда. Фреда правила в городе; но мужчины, подвластные ей, были все те же, кого миссис Эпингуэлл поила чаем и кормила консервами в своем бревенчатом доме на склоне холма. Эти две женщины были так же далеки одна от другой, как Северный полюс от Южного; и хотя они, вероятно, кое-что слышали друг о друге, а может быть, и хотели узнать побольше, но никогда не высказывали своего желания. И жизнь текла бы спокойно, если бы не появилось новое лицо -- некая очаровательная экс-натурщица, прибывшая в Доусон по первому льду на превосходных собаках и в ореоле космополитической известности. Венгерка со звучным и на шумевшим именем Лорен Лиснаи ускорила начало сражения, и по ее вине миссис Эпингуэлл спустилась со склона и проникла во владения Фреды, а Фреда, со своей стороны, покинула город, чтобы посеять смятение и замешательство на губернаторском балу.

События эти для Клондайка -- пожалуй, уже история, но лишь очень немногие в Доусоне знали их подоплеку; а кто не знал, тот не мог понять до конца ни жену капитана, ни гречанку-танцовщицу. И если теперь все имеют возможность оценить их по достоинству, то это заслуга Ситки Чарли. Главные факты предлагаемого повествования записаны с его слов. Трудно допустить, что сама Фреда удостоила бы своей откровенностью какого-то бумагомарателя или что миссис Эпингуэлл сооблаговолит бы рассказать о том, что произошло. Возможно, конечно, но маловероятно.

II

По-видимому, Флойд Вандерлип был сильным человеком; судя по рассказам о первых годах его жизни, его не смущали ни тяжелая работа, ни грубая пища. В опасности он был настоящий лев, и когда ему однажды пришлось сдерживать натиск пяти сотен изголодавшихся людей, он смотрел на сверкающий прицел своего ружья с таким хладнокровием, какое мало кто способен сохранить в подобную минуту. Была у него одна слабость, но, порожденная, в сущности, избытком силы, она, следовательно, вовсе не была слабостью. Все свойства его характера были ярко выражены, но плохо уравновешены. И вот получилось так, что хотя Флойд Вандерлип был от природы влюбчив, но влюбчивость дремала в нем в течение всех тех лет, когда он питался только олениной и вяленой рыбой и рыскал по обледелым хребтам в поисках сказочных золотых россыпей. Когда он наконец поставил заявочный столб и центральные вехи на одном из богатейших золотоносных участков Клондайка, влюбчивость его стала просыпаться; когда же он занял надлежащее место в обществе как всеми признанный король Бонанзы, она проснулась совсем и овладела им. И тут он внезапно вспомнил об одной девушке, оставшейся в Соединенных Штатах, и проникся уверенностью, что она его ждет и что жена -- очень приятное приобретение для мужчины, который живет за шестьдесят третьим градусом северной широты. Итак, он сочинил надлежащее послание, приложил к нему аккредитив на сумму, достаточную для покрытия всех расходов невесты, включая покупку приданого и содержание компаньонки, и послал все это в адрес некоей Флосси. Флосси? Нетрудно было догадаться, что она собой

представляет! Так или иначе, послав письмо, он выстроил удобный домик на своем участке, купил дом в Доусоне и сообщил знакомым о том, что скоро женится.

Тут-то и сказались неуравновешенность Флойда. Ждать невесту было скучно, а его так долго дремавшее сердце не соглашалось ни на какие отсрочки. Флосси должна была скоро приехать, но Лорен Лиснаи уже приехала. И дело заключалось не только в том, что Лорен Лиснаи уже приехала, но и в том, что ее международная известность несколько поизносилась и Лорен была теперь уже не так молода, как в те времена, когда позировала в студиях венценосных художниц-любительниц, а кардиналы и принцы оставляли в ее передней свои визитные карточки. Да и денежные ее дела были расстроены. Пожив в свое время полной жизнью, она теперь задумала атаковать какого-нибудь короля Бонанзы, чье богатство было бы так велико, что не укладывалось в шестизначное число. Как заслуженный вояка, устав от долгих лет службы, ищет спокойного местечка, так и она приехала на Север, чтобы выйти замуж. И вот однажды она бросила взгляд на Флойда Вандерлипа, когда он покупал для Флосси столовое белье в лавке Компании Тихоокеанского побережья, и этот взгляд сразу все и решил.

Холостяку прощают многое такое, что общество немедленно поставит ему на вид, если он опрометчиво свяжет себя семейными узами. Так случилось и с Флоридом Вандерлипом. Скоро должна была приехать Флосси, и потому, когда Лорен Лиснаи промчалась по главной улице на его собаках, это вызвало разговоры. Когда же в Доусоне появилась некая журналистка -- корреспондент газеты "Канзас-Сити Стар", Лорен ее сопровождала и видела, как та фотографирует золотые прииски Вандерлипа на речке Бонанзе и как рождается очерк на шесть газетных столбцов. В те дни обеих дам угощали царскими обедами в доме, выстроенном для Флосси, за столом, который был покрыт скатертью, купленной для Флосси. Начались визиты, прогулки, пирушки, кстати сказать, ничуть не выходявшие из рамок благопристойности, и вот мужчины начали резко осуждать все это, а женщины ехидствовать. Только миссис Эпингуэлл ничего не хотела слышать. До нее, правда, доходил отдаленный гул сплетен, но она была склонна верить хорошим отзывам о людях и не слушать дурных, а потому и не обращала внимания на пересуды.

Иное дело -- Фреда. У нее не было оснований жалеть мужчин, но в силу каких-то причуд сердце ее тянулось к женщинам... к женщинам, жалеть которых у нее было еще меньше оснований. И вот сердце Фреды потянулось к Флосси, уже начавшей свой долгий путь на суровый Север, где ее, быть может, и не ждали больше. Застенчивая, привязчивая девушка, с хорошенькими пухлыми губками немного вялого рта, с пушистыми светлыми волосами, с глазами, в которых сияло непритязательное веселье и бесхитростная радость жизни, -- вот какой Фреда рисовала себе Флосси. Но ей представлялась и другая Флосси -- с посиневшим от мороза, укутанным до самых глаз лицом, устало бредущая за собаками. И вот однажды во время танца Фреда улыбнулась Флориду Вандерлипу.

Немного найдется на свете мужчин, которых не взволновала бы улыбка Фреды. И Флорид Вандерлип не принадлежал к их числу. Благоклонность очаровательной экс-натурщицы Лорен Лиснаи заставила его взглянуть на себя по-новому, а расположение гречанки-танцовщицы подтвердило эту переоценку, -- он почувствовал себя "интересным мужчиной". Очевидно, думал он, у него есть какие-то глубоко скрытые достоинства, и обе женщины подметили их. Сам Флорид хорошенько не знал, что это за тайные достоинства, но у него было смутное ощущение, что они существуют, и вот он возгордился. Мужчина, способный заинтересовать двух таких женщин, не может быть заурядным человеком. Когда-нибудь на досуге он попробует разобраться в этих своих достоинствах, думал он, но пока он просто возьмет то, что ему даруют боги. И тут в голове у Флойда закопошилась мелкая мыслишка: да чем же, черт побери, приглянулась ему Флосси? И он стал горько раскаиваться в том, что вызвал ее. Конечно, о женитьбе на Фреде не может быть и речи. Прииски его -- самые богатые на Бонанзе, он занимает видное положение в обществе и несет перед ним некоторую ответственность за свои поступки. А вот Лорен Лиснаи -- это

как раз такая женщина, какая ему нужна. Она когда-то жила широко; она может стать достойной хозяйкой его дома и придать блеск его долларам.

Но Фреда улыбнулась ему и продолжала улыбаться, и он стал проводить много времени в ее обществе. И вот в один прекрасный день она тоже пронеслась по главной улице на его собаках, а экс-натурщица призадумалась и во время следующей встречи с Флойдом Вандерлипом ослепила его рассказами о своих принцах и кардиналах и разных случаях из придворной жизни, действующими лицами в которых были короли, аристократы и она сама. Кроме того, она показала ему письма на элегантной бумаге, которые начинались обращением "Моя милая Лорен", кончались словами "любящая Вас" и были подписаны именем некоей ныне здравствующей и царствующей королевы. А он в душе удивлялся, как это столь высокая особа снисходит до того, чтобы потратить хоть минуту на разговоры с ним. Но она вела игру умно, сравнивала его со всеми этими знатными призраками, которые по большей части были плодом ее воображения, и сравнивала так, что сравнения оказывались в его пользу, а у Флойда Вандерлипа голова шла кругом от восхищения самим собой и снисходительной жалости ко всему миру, который так долго не замечал его достоинств. Фреда действовала более искусно. Если она кому-нибудь льстила, никто об этом не догадывался. Если ей приходилось унижаться, никто не замечал ее унижения. Если мужчина чувствовал ее благосклонность, то это чувство внушалось ему так тонко, что он при всем желании не мог бы сказать, почему и как оно возникло. Итак, Фреда все больше завораживала Флойда Вандерлипа и каждый день каталась на его собаках

И тут-то миссис Эпингуэлл совершила ошибку. О Флойде Вандерлипе стали говорить все громче и определеннее, сплетая его имя с именем танцовщицы, и все это дошло до миссис Эпингуэлл. Она тоже представила себе, как Флосси теперь час за часом бредет в мокалинах по бесконечному пути, и вот Флойда Вандерлипа стали приглашать на чашку чая в дом на склоне холма, и приглашать часто. У него прямо дух захватило, и он опьянел от самолюбования. Никогда еще мужчина не становился жертвой подобного коварства. Три женщины -- и какие женщины! -- боролись за его душу, пока четвертая спешила предьявить свои права на нее.

Впрочем, расскажем о миссис Эпингуэлл и ее ошибке. Миссис Эпингуэлл сначала осторожно поговорила обо всем с Ситкой Чарли, у которого гречанка однажды купила собак. Но миссис Эпингуэлл не называла имен. О женщине, которой увлекся Флойд Вандерлип, она сказала только: "Эта... э... ужасная особа", -- а Ситка Чарли повторил: "Эта... э... ужасная особа", -- подразумевая экс-натурщицу. И он согласился с миссис Эпингуэлл, что очень дурно со стороны женщины отбивать жениха у невесты.

-- Ведь она совсем девочка, Чарли, -- сказала миссис Эпингуэлл, -- наверное, очень молоденькая. И вот она приедет на чужбину и очутится тут совсем одна, без единого друга. Надо что-то предпринять.

Ситка Чарли обещал помочь и ушел, раздумывая о том, что за скверная баба эта Лорен Лиснаи и как благородны миссис Эпингуэлл и Фреда, если они принимают близкое участие в судьбе какой-то неведомой им Флосси.

Надо сказать, что миссис Эпингуэлл была женщина с открытой душой. Ситка Чарли однажды шел с ней через Горы Молчания и потом прославил ее своими рассказами об ее ясном, испытующем взгляде, ясном, звучном голосе и совершенной искренности и прямоте. Губы ее как-то сами собой складывались для приказа, и она привыкла всегда говорить начистоту. Но с Флойдом Вандерлипом она на это не решалась, так как узнала ему цену; зато она не побоялась спуститься в город к Фреде. Она среди бела дня спустилась с холма и подошла к дому танцовщицы. Миссис Эпингуэлл и ее муж, капитан, стояли выше пустых пересудов. Она считала необходимым увидеть эту женщину своими глазами и поговорить с нею и не находила в этом ничего зазорного. И вот она целых пять минут простояла в снегу, на шестидесятиградусном морозе, перед домом молодой гречанки, ведя переговоры с горничной, после чего получила удовольствие выслушать, что ее не впустят в этот дом, и вернулась к себе в гневе, переживая это оскорбление. "Кем она себя считает, эта женщина,

что отказывается принять меня?" -- спрашивала себя миссис Эпингуэлл. Можно было подумать, что они переменялись ролями, что миссис Эпингуэлл -- простая танцовщица, которую жена капитана не захотела принять. А ведь приди Фреда к ней на холм, -- все равно с какой целью, -- она, миссис Эпингуэлл, радушно приняла бы ее, и они посидели бы вместе у камина, как равная с равной, и поговорили бы по душам. Она нарушила общепринятые условности и унизила себя, но к подобным нарушениям она относилась не так, как другие женщины, которые жили внизу, в городе. А теперь ей было стыдно, что она сама подвергла себя такому посрамлению, и в душе она осуждала Фреду.

Но Фреда этого не заслуживала. Миссис Эпингуэлл снизошла до встречи с ней, отщепенкой, а Фреда, строго соблюдавшая традиции своего прежнего положения, не допустила этой встречи. Она готова была боготворить такую женщину, как миссис Эпингуэлл, и не было бы для нее большей радости, чем принять ее в своем доме и посидеть с нею -- просто посидеть, хоть часок, но она уважала миссис Эпингуэлл и уважала себя, хотя ее не уважал никто, -- вот это и помешало ей уступить своему самому горячему желанию.

Она еще не совсем опомнилась от недавнего визита миссис Мак-Фи, жены священника, обрушившейся на нее с целым вихрем увещаний и угроз, и просто не могла представить себе, чем вызван визит жены капитана. Она не знала за собой никакой особенной провинности, и, уж конечно, женщина, стучавшаяся на этот раз в ее двери, не думала о спасении ее души. Так зачем же она приходила? Как ни велико было вполне законное любопытство Фреды, она ожесточилась сердцем и, гордая, как горды все те, кому гордиться нечем, теперь вся дрожала в своей комнате, как девушка после первой ласки возлюбленного. Если миссис Эпингуэлл страдала, поднимаясь к себе на гору, то и Фреда страдала, лежа ничком на кровати, с сухими глазами и пересохшими губами.

Миссис Эпингуэлл хорошо знала человеческую природу. Она стремилась понять все. Ей было нетрудно отойти от мироощущения цивилизованных людей и посмотреть на вещи с точки зрения дикаря. Она понимала, что у голодного пса и голодающего человека есть нечто общее, и могла предугадать поступки того и другого в сходных обстоятельствах. Для нее женщина всегда оставалась женщиной, все равно, была ли она одета в царскую порфиру или в отрепья нищенки; а Фреда была женщина. Миссис Эпингуэлл не удивилась бы, если бы ее впустили в дом танцовщицы и встретили как равную; не удивилась бы и в том случае, если бы ее приняли с показной надменностью женщин, лишенных истинной гордости. Но то, что произошло, было неожиданно и неприятно. Значит, она не поняла точки зрения Фреды. И хорошо, что не поняла. Есть такие точки зрения, которые можно понять, лишь пройдя через тяжкие муки самоуничтожения, и, конечно, лучше для мира, что женщины, подобные миссис Эпингуэлл, не могут понять все. Нельзя понять, что значит испачкаться, не погрузив руки в густой деготь, а он очень липкий; однако многие охотно проделывают этот эксперимент. Впрочем, все это несущественно, если не считать того, что миссис Эпингуэлл огорчилась, а молодая гречанка вспылала к ней еще большей любовью.

III

И так все шло в течение месяца: миссис Эпингуэлл старалась уберечь Флойда Вандерлипа от чар греческой танцовщицы, пока не прибудет Флосси; Флосси преодолевала милю за милей своего томительного пути; Фреда изо всех сил боролась с экс-натурщицей; экс-натурщица напрягала каждый свой нерв, чтобы завладеть добычей; а Флорид Вандерлип, весьма довольный собой, сновал между ними, как челнок, вообразая себя вторым Дон-Жуаном.

Он сам был повинен в том, что Лорен Лиснаи наконец подцепила его. Пути мужчины к сердцу женщины подчас настолько удивительны, что их нелегко понять; но пути женщины к сердцу мужчины уж вовсе непостижимы; а значит, неосторожен был бы пророк, осмелившийся предсказывать, как развернутся события в жизни Флойда Вандерлипа в течение ближайших суток. Быть может, он был увлечен экс-натурщицей

потому, что она была красивым животным; быть может, она пленила его воображение своей болтовней о дворцах и принцах Старого Света; как бы там ни было, она ослепила Флойда Вандерлипа, жизнь которого сложилась в дикой глуши, и он наконец поддался на ее уговоры спуститься вместе с ней по Юкону и под шумок обвенчаться на Сороковой Миле. Придя к этому решению, он купил собак у Ситки Чарли -- когда путешествует такая женщина, как Лорен Лиснаи, одной упряжкой не обойдешься, -- а затем уехал в верховья Бонанзы, чтобы сделать распоряжения по надзору за приисками на время своего отсутствия.

Он объяснил, хотя довольно туманно, что собаки нужны ему для подвоза бревен с лесопилки к промывочным желобам, и тут-то Ситка Чарли и проявил свою смекалку. Он согласился достать собак к указанному числу; но как только Флойд Вандерлип отбыл в верховья Бонанзы, Чарли в большом волнении прибежал к Лорен Лиснаи. Известно ли ей, куда уехал мистер Вандерлип? Он, Ситка Чарли, обязался поставить этому джентльмену большую партию собак к определенному числу, но бессовестный торговец немец Майерс заранее скупил всех собак и теперь придерживает их. Ему, Ситке Чарли, необходимо увидеться с мистером Вандерлипом и сообщить, что по вине бессовестного немца он на целую неделю запоздает с поставкой собак. Так она знает, куда он уехал? Вверх по Бонанзе? Прекрасно! Ситка Чарли немедленно бросится вдогонку и предупредит его, что, к сожалению, вышла задержка. Как она сказала? Собаки потребуются мистеру Вандерлипу в пятницу вечером? Их обязательно надо доставить к этому времени? Вот незадача! Но всему виной бессовестный немец; это он взвинтил цены. Они вскочили до пятидесяти долларов за собаку, и если Ситка купит их так дорого, он потерпит убыток. Ведь неизвестно, согласится ли мистер Вандерлип заплатить дороже, чем было условлено. Она уверена, что согласится? И, как друг мистера Вандерлипа, она даже сама доплатит разницу? Он ничего не будет иметь против? Очень любезно с ее стороны так защищать его интересы. Итак, в пятницу вечером? Прекрасно! Собаки будут.

Час спустя Фреда узнала, что бегство влюбленных назначено на пятницу; узнала также, что Флойд Вандерлип уехал в верховья Бонанзы, а значит, руки у нее связаны. В пятницу утром приехал по льду Деверо, правительственный курьер, доставлявший депеши от губернатора. Вместе с депешами он привез вести о Флосси. Он проезжал мимо ее стоянки на Шестидесятой Миле, сказал он, люди и собаки в хорошем состоянии, и Флосси, несомненно, придет в субботу. Услышав это, миссис Эпингуэлл почувствовала большое облегчение. Флойд Вандерлип сейчас далеко, в верховьях Бонанзы, думала она, и раньше, чем гречанка успеет снова завладеть им, его невеста будет уже здесь. Но в тот же день громадный сенбернар миссис Эпингуэлл, доблестно оборонявший переднее крыльцо, подвергся нападению десятка изголодавшихся в дороге, рыщущих в поисках пищи собак, которые сшибли его с ног. В течение полуминуты он был погребен под грудой косматых тел, пока его не высвободили двое здоровенных мужчин, вооруженных топорами. Промедли они хоть две минуты, сенбернар, вероятно, был бы разорван на куски и каждый из нападающих унес бы свою долю в брюхе, но дело обернулось иначе, и сенбернара успели только поранить. Призвали Ситку Чарли, и тому пришлось особенно повозиться с правой передней лапой, которая пробыла в чужой пасти на какую-то часть секунды дольше, чем было можно. Когда индеец перед уходом надевал рукавицы, разговор зашел о Флосси и, естественно, перекинулся на "эту... э... ужасную особу". Ситка Чарли случайно обмолвился, что она собирается нынче ночью уехать вниз по Юкону вместе с Флойдом Вандерлипом, и, кроме того, намекнул, что в это время года всякое может случиться в дороге.

Тогда миссис Эпингуэлл начала осуждать Фреду еще суровее. Она написала записку и отправила ее Флойду Вандерлипу с посыльным, который должен был ждать адресата в устье Бонанзы. Другой посыльный с запиской от Фреды ждал его в том же стратегическом пункте. Итак, Флойд Вандерлип, лихо прокатившись на собаках вниз по

Бонанзе при свете угасающего дня, получил обе записки сразу. Записку Фреды он разорвал. Нет, к Фреде он не поедет. В этот вечер он будет занят более важными делами. Кроме того, о Фреде вообще не может быть и речи. Но миссис Эпингуэлл! Он исполнит ее последнее желание -- точнее, воспользуется последней возможностью исполнить ее желание -- и встретится с нею на губернаторском балу, чтобы выслушать то, что она хочет ему сказать. Судя по тону записки, дело идет о чем-то очень важном, а вдруг... он мечтательно улыбнулся, но так и не додумал промелькнувшей мысли. Черт побери, ну и везет ему с женщинами! Швырнув на снег клочки записки, он погнал собак вскачь к своему дому. Бал был костюмированный. Флойд Вандерлип должен был извлечь костюм, который он надевал два месяца назад на балу в "Опере", надо было также побриться и поесть. Вот почему из всех заинтересованных лиц только он не знал о том, что Флосси уже совсем близко.

-- Пригони собак к проруби, что за больницей, ровно в полночь. Да смотри не подведи, -- приказал он Ситке Чарли, который зашел доложить, что до полного комплекта не хватает только одной собаки, но и та будет доставлена примерно через час. -- Вот мешок. А весы тут. Отвесь себе песку сам, сколько полагается, и не приставай ко мне. Мне нужно готовиться к балу.

Ситка Чарли отвесил свое вознаграждение и удалился, унося с собой письмо к Лорен Лиснаи, содержание которого, как он догадался, касалось встречи у проруби за больницей ровно в полночь.

IV

Дважды посылала Фреда гонцов в Казармы, где танцы были уже в разгаре, и дважды они возвращались, не получив ответа. Тогда Фреда поступила так, как могла поступить лишь она, -- закуталась в свои меха, надела маску и сама поехала на бал. Надо сказать, что у "службистов" был обычай -- правда, не оригинальный, -- который они соблюдали уже давно. Это был весьма мудрый обычай, так как он оберегал их жен и дочерей от нежелательных встреч и обеспечивал строгий отбор развлекающегося общества. Всякий раз, как устраивался маскарад, выбирали комиссию, единственной обязанностью которой было стоять у входной двери и заглядывать под маску каждого входящего без исключений. Мужчины обычно не стремились заниматься подобным делом, но всегда выбор падал как раз на тех, которые этого меньше всего хотели. Священник плохо знал в лицо горожан и недостаточно разбирался в их общественном положении, а потому не мог решить, кого можно впустить, а кого нельзя. Так же плохо были осведомлены и некоторые другие достойные джентльмены, которые ничего так не жаждали, как послужить обществу. Миссис Мак-Фи готова была даже рискнуть спасением своей души, чтобы попасть в эту комиссию, и однажды ей это удалось, но в тот вечер у нее под носом прошмыгнули три маски, которые успели натворить дел, раньше чем были разоблачены. После этого случая в комиссию стали выбирать только людей осмотрительных, хотя они соглашались крайне неохотно.

В этот вечер у двери стоял Принс. На него нажали, и он еще не успел опомниться от удивления, что согласился занять этот пост, рискуя потерять половину своих друзей только для того, чтобы угодить другой половине. Трое-четверо из тех, кого он отказался впустить, были людьми, с которыми он познакомился на приисках или в дороге, и все они были славные ребята, хоть и не совсем подходящие для такого избранного общества. И Принс уже начал подумывать, как бы ему поскорее удрать со своего поста, как вдруг в освещенный подъезд впорхнула женщина. Фреда! Он мог поклясться, что это она, даже если бы не узнал ее мехов: ведь ему была так хорошо знакома эта посадка головы. Кто-кто, но чтобы Фреда явилась сюда, этого он никак не ожидал. Он думал, что она умнее и не захочет так опозориться -- выслушать отказ в приеме или, если ей удастся проскользнуть на бал неузнанной, изведать всю тяжесть женского презрения. Он покачал головой, не заглянув под маску, -- он слишком хорошо знал эту женщину, чтобы ошибиться. Но она подошла совсем близко, быстро приподняла черную шелковую маску

и так же быстро опустила ее. Принс лишь мельком увидел ее лицо, но это мгновение показалось ему бесконечным. Недаром говорили, что Фреда играет мужчинами, как ребенок мыльными пузырями. Никто не произнес ни слова. Принс сделал шаг в сторону, а спустя несколько минут люди слышали, как он горячо, но бессвязно просил освободить его от обязанностей, которые он выполнял недобросовестно.

Женщина, гибкая, тонкая, но, должно быть, сильная -- так четки и ритмичны были ее движения, -- то останавливалась около одной группы гостей, то оглядывала другую, непрерывно лавируя в толпе. Мужчины узнавали ее меха и удивлялись, -- как раз те мужчины, которых следовало бы избрать в комиссию, охранявшую вход; но им не хотелось поднимать шум. Другое дело -- женщины. У них вообще лучше развита память на фигуру и осанку, и они сразу догадались, что эта гостья не принадлежит к их кругу; не выдвигали они и таких мехов. Но вот миссис Мак-Фи, выйдя из зала, где уже были накрыты столы для ужина, уловила сквозь прорези шелковой маски сверкающий, ищущий взгляд и вздрогнула. Напрягая память, она силилась вспомнить, где она видела эти глаза, и перед нею возник живой образ гордой и мятежной грешницы, которую она, жена священника, однажды безуспешно пыталась обратить на путь истинный во славу Божью.

И вот сия добродетельная матрона, обуреваемая пылким и праведным гневом, пустилась по свежему следу, а след привел ее к миссис Эпингуэлл и Флойд Вандерлипу. Миссис Эпингуэлл только что улучила время побеседовать с Вандерлипом. Она решила, что, раз Флосси так близко, надо говорить начистоту, и у нее уже готово было сорваться с губ краткое язвительное назидание, как вдруг их беседа была нарушена третьим лицом. Женщина в мехах немедленно завладела Флойдом Вандерлипом, предварительно сказав: "Простите, пожалуйста", -- а миссис Эпингуэлл, -- отметив, что она произнесла эти слова с приятным иностранным акцентом, -- вежливым наклоном головы разрешила им обоим отойти в сторону.

Тут-то и опустилась карающая десница миссис Мак-Фи и сорвала черную маску с недоумевающей женщины. Прекрасное лицо и сверкающие глаза -- вот что увидели любопытные, но немые свидетели этой сцены, а свидетелями были все. Флойд Вандерлип растерялся. Положение складывалось такое, что мужчина, знающий себе цену, обязан был что-то предпринять немедленно, а Флойд растерялся. Он только беспомощно оглядывался кругом. Миссис Эпингуэлл была озадачена. Она ничего не могла понять. Миссис Мак-Фи необходимо было как-то объяснить свой поступок, и она не преминула это сделать.

-- Миссис Эпингуэлл, -- проверещал ее по-кельтски пронзительный голос, -- позвольте мне иметь удовольствие представить вам Фреду Молуф. Мисс Фреду Молуф, если не ошибаюсь.

Фреда невольно обернулась. Теперь, когда лицо ее было открыто, ей казалось, словно во сне, что она стоит обнаженная в окружении горящих глаз и скрытых масками лиц. Казалось, будто стая голодных волков обступила ее и вот-вот ринется на нее. А может быть, кто-нибудь и жалеет ее, подумала она и при этой мысли ожесточилась. Нет, пусть уж лучше презирают. Она была сильна духом, эта женщина, и хотя охота за намеченной жертвой завела ее в самую гущу волчьей стаи, а рядом стояла сама миссис Эпингуэлл, она и не подумала отказаться от своей добычи.

И тут миссис Эпингуэлл совершила непонятный поступок. Так вот, думала она, какова эта Фреда, танцовщица и погубительница мужчин; женщина, которая ее не приняла. Но в то же время миссис Эпингуэлл так ясно понимала, какой стыд терзает это властное сердце, как будто обнажена была она сама. Возможно, в ней заговорило свойственное англосаксам нежелание бороться с неравным противником, возможно, -- желание укрепить свои собственные силы в борьбе за этого мужчину, а может быть, и то и другое, но так или иначе она поступила весьма неожиданно. Как только зазвучал тонкий,

дрожащий от злорадства голос миссис Мак-Фи и Фреда невольно обернулась, миссис Эпингуэлл взглянула на нее, сняла свою маску и наклонила голову в знак согласия на знакомство.

Лишь одно мгновение смотрели друг на друга эти две женщины, но, как и Принсу у входа, им оно показалось бесконечным. Одна -- искрометная, со сверкающими глазами, загнанная и ожесточившаяся, заранее страдающая, заранее возмущенная неминуемым презрением, насмешками, оскорблениями, которые сама же навлекла на себя, -- прекрасный пылающий, клокочущий вулкан плоти и духа. А другая -- холодноватая, спокойная, ясная, сильная сознанием своей безупречности, уверенная в себе, чувствующая себя совершенно непринужденно, бесстрастная, невозмутимая, -- статуя, изваянная из холодного мрамора. Если между ними и была пропасть, миссис Эпингуэлл просто не пожелала ее заметить. Ей не надо было ни перекидывать мост, ни спускаться с высот, чтобы подойти к Фреде; она всем своим видом показывала, что считает ее равной себе. Спокойно давала понять, что прежде всего обе они женщины. И тем привела в бешенство Фреду. Этого бы не случилось, будь Фреда попроще, но душа у нее была чувствительный инструмент и потому могла проникнуть в чужую душу до самых сокровенных ее глубин. "Что же вы не отдергиваете подола своего платья, чтобы оно не коснулось меня? -- готова была она крикнуть в то бесконечное мгновение. -- Оскорбляйте меня, оплевывайте -- это лучше, милосердней, чем поступать так!" Она дрожала. Ноздри ее раздулись и затрепетали, но она взяла себя в руки, кивком ответила на кивок миссис Эпингуэлл и повернулась к Вандерлипу.

-- Уйдем, Флойд, -- сказала она просто. -- Вы мне нужны сейчас.

-- Какого дья... -- вспыхнул он вдруг, но вовремя проглотил конец фразы. Куда к черту подевалась его находчивость? Надо же было попасть в такое дурацкое положение! Он откашлялся, крякнул, в нерешительности поднял широкие плечи и с мольбой устремил глаза на обеих женщин.

-- Одну минутку, простите, но можно мне сначала поговорить с мистером Вандерлипом? Тихий голос миссис Эпингуэлл напоминал флейту, но в интонациях его звучала твердая воля.

Флойд взглянул на миссис Эпингуэлл с благодарностью. Уж он-то охотно поговорит с нею.

-- Простите, -- сказала Фреда, -- на это уже нет времени. Он должен уйти со мной сейчас же.

Эти вежливые фразы легко слетали с ее губ, но она улыбнулась в душе: такими невыразительными, такими слабыми они показались ей. Гораздо лучше было бы закричать громким голосом.

-- Но, мисс Молуф, кто вы такая, что позволяете себе распоряжаться мистером Вандерлипом и руководить его поступками?

Флойд просиял, почувствовав облегчение, и одобрительно кивнул. Миссис Эпингуэлл, безусловно, поможет ему выпутаться. На этот раз Фреда столкнулась с достойной соперницей.

-- Я... я... -- замялась было Фреда, но ее женский ум сразу же подсказал ей правильную тактику, -- а вы кто такая, что позволили себе задать подобный вопрос?

-- Кто я такая? Я миссис Эпингуэлл и...

-- Ну да, конечно! -- резко перебила ее Фреда. -- Вы жена капитана, и, следовательно, у вас есть муж -- капитан. А я всего лишь танцовщица. На что вам этот человек?

-- Неслыханная дерзость! -- Миссис Мак-Фи заволновалась и уже приготовилась к бою, но миссис Эпингуэлл взглядом заставила ее замолчать и приступила к новой атаке:

-- Мисс Молуф, по-видимому, имеет на вас какие-то права, мистер Вандерлип, и так спешит, что не может уделить мне даже нескольких секунд вашего времени, поэтому я вынуждена обратиться непосредственно к вам. Можно мне поговорить с вами наедине, теперь же?

Миссис Мак-Фи щелкнула зубами. Наконец-то найден выход из постыдного положения.

-- Да, э... то есть, конечно, с удовольствием... -- пролепетал Флойд Вандерлип. -- Конечно, конечно, -- добавил он, оживляясь при мысли о своем грядущем освобождении.

Мужчины -- это всего только стадные позвоночные, прирученные и одомашненные, и все последующее объясняется, вероятно, тем, что гречанка в свое время управлялась и с более дикими представителями этой породы двуногих. Она повернулась к Вандерлипу, и дьявольские огни вспыхнули в ее сверкающих глазах, -- казалось, это укротительница в осыпанном блестками платье смотрит на льва, который, себе на беду, вообразил, будто он свободен в своих действиях и зверь в мужчине завилял хвостом, как под ударом хлыста.

-- То есть э... мы поговорим с вами потом. Завтра, миссис Эпингуэлл, да, да, завтра. Это самое я и хотел сказать.

Флойд утешал себя тем, что, если он здесь останется, будет еще хуже. А кроме того, он должен спешить на свидание у проруби за больницей. Но черт побери! Оказывается, как плохо он знал Фреду! Вот сногшибательная женщина!

-- Будьте любезны отдать мне мою маску, миссис Мак-Фи.

Миссис Мак-Фи на сей раз не смогла выговорить ни слова, но маску вернула.

-- Спокойной ночи, мисс Молуф. -- Миссис Эпингуэлл, даже побежденная, вела себя как королева.

Фреда тоже сказала "спокойной ночи", хотя едва поборола в себе желание обхватить руками колени этой женщины и молить ее о прощении... нет, не о прощении, а о чем-то другом, чего она себе не представляла ясно, но тем не менее жаждала.

Флойд Вандерлип хотел было взять ее под руку, но ведь она выхватила добычу из самой гущи этой волчьей стаи, и то чувство, что побуждало царей древности привязывать побежденных к своей колеснице, побудило ее направиться к выходу в одиночестве, а Флойд Вандерлип поплелся за ней следом, стараясь вернуть себе душевное равновесие.

V

Было очень холодно. Дорога петляла, идти пришлось не менее четверти мили; и пока они шли к дому танцовщицы, смерзавшееся дыхание припушило инеем брови и волосы Фреды, а у Флойда так обледенели его пышные усы, что больно было слово вымолвить. При зеленоватом свете северного сияния видно было, что в термометре, висевшем снаружи у двери, замерзла ртуть. Сотни собак выли тоскливым хором, жалуясь равнодушным звездам на свои вековые обиды и моля их о сострадании. Воздух был совершенно неподвижен. Этим собакам негде было укрыться от холода, не было тут укромного места, куда бы они могли забиться. Мороз проникал всюду, а они лежали под открытым небом, время от времени потягиваясь, расправляя натруженные в дороге мускулы и подвывая протяжным волчьим воем.

Хозяйка и гость заговорили не сразу. Пока горничная снимала с Фреды меха, Флойд Вандерлип подбрасывал дрова в огонь, а когда горничная ушла в другую комнату, он все еще старался оттаять свои заиндевевшие усы, склоняясь над железной печкой. Покончив с этим, он свернул сигарету и принялся лениво разглядывать Фреду сквозь кольца душистого дыма. Она украдкой покосилась на часы. До полуночи оставалось еще полчаса. Как задержать его? Сердится он на нее или нет? В каком он настроении? Как ей вести себя с ним? Не то чтобы она сомневалась в себе. Нет, нет. Пока Ситка Чарли да и Деверо тоже не сделают того, что им поручено, она задержит Флойда, хотя бы под угрозой револьвера.

Много было способов его задержать, и, взвешивая их, Фреда прониклась еще большим презрением к этому человеку. Она положила голову на руку, и перед нею промелькнуло ее собственное девичество, окончившееся так печально, трагически; и она даже чуть было не решила рассказать о нем Флойду с тем, чтобы ее судьба послужила ему назиданием. О боже! Только тварь еще более низменную, чем двуногое животное, не растрогала бы эта повесть, рассказанная так, как ее сумела бы рассказать Фреда, но... черт с ним! Не стоит он этого; не стоит тех мук, которые причинит Фреде этот рассказ. Свеча стояла за ее спиной, и, пока Фреда думала о своем прошлом -- и священном для нее и постыдном, -- Флойд любовался ее розовым ушком. Подметив это, она сразу поняла, как ей надо себя вести, и

повернулась к Флойду профилем. А профиль этот был отнюдь не самой ничтожной из прелестей Фреды. Она, конечно, не могла изменить ни своего лица, ни своей фигуры, да и не нуждалась в этом: они были прекрасны; но она внимательно изучила их уже давно и при случае была не прочь показать их с самой выгодной стороны. Свеча начала мигать. Все движения Фреды были исполнены врожденной грации, и все же, снимая нагар с красного фитиля, окруженного желтым пламенем, она постаралась сделать это с особым, подчеркнутым изяществом. Потом она снова положила голову на руку и на этот раз устремила на Флойда задумчивые глаза. А какой мужчина останется равнодушным, когда красивая женщина смотрит на него такими глазами!

Фреда не спешила начать разговор. Если Флойд не спешит -- пожалуйста, она не станет его торопить. А он чувствовал себя превосходно, услаждая свои легкие табаком и поглядывая на нее. Здесь было уютно и тепло, а там, у проруби, начиналась тропа, по которой ему вскоре предстояло ехать в морозной тьме. Надо было бы рассердиться на Фреду за сцену, которую она устроила, но он почему-то ничуть не сердился. Да и не было бы никакой сцены, не вмешайся эта Мак-Фи. Будь он губернатором, он обложил бы налогом ее и ей подобных, да и всех вообще святош и попов, брал бы с них по сто унций золотого песка в квартал. Фреда, безусловно, вела себя как настоящая дама... и ни в чем не уступила миссис Эпинуэлл. Он и не знал, какая у нее выдержка, у этой девчонки. Вандерлип неторопливо рассматривал ее, время от времени встречаясь с ней глазами, но он не мог догадаться, что в этом глубоко серьезном взгляде таится еще более глубокая насмешка. И, черт возьми, до чего шикарно она одета! Интересно, почему она так смотрит на него? Может быть, ей тоже хочется выйти за него замуж? Очень возможно; не одна она этого хочет. Что ж, у нее, конечно, есть преимущество перед другими -- красота. И она молода, моложе Лорен Лиснаи. Ей, вероятно, года двадцать три -- двадцать четыре, никак не больше двадцати пяти. И она никогда не разжиреет. Сразу видно. А про Лорен этого не скажешь. Та, бесспорно, раздобрела с тех времен, когда была натурщицей. Ладно! Дай только выехать, уж он заставит ее растрясти жир. Велит ей стать на лыжи и уминать снег перед упряжкой. Это -- верное средство, действует безотказно. Но вдруг мысли его унеслись далеко, во дворец на берегу Средиземного моря, где само небо располагает к лени... Во что же там превратится Лорен? Ни мороза, ни странствий, ни голодовок, которые здесь, на Севере, время от времени разнообразят жизнь, а Лорен будет все стареть и стареть и с каждым днем нагуливать все больше жира. А эта девушка, эта Фреда... Он вздохнул, невольно жалея, что родился не в Турции, где разрешено многоженство, и снова вернулся к действительности -- на Аляску.

-- Ну? -- проговорил он.

Обе стрелки часов стояли вертикально, показывая полночь, и ему давно уже пора было отправиться к проруби.

-- Ох! -- вздрогнула Фреда, и так соблазнительно, что привела Флойда в полнейшее восхищение. Когда мужчина уверился, что женщина прямо-таки забылась, глядя на него, он должен быть исключительно хладнокровным субъектом, чтобы крепко держать в руках шкоты и, зорко глядя вперед, идти по волнам правильным курсом.

-- Я только что спрашивал себя, зачем вы хотели меня видеть, -- сказал Флойд, придвигая свой стул к столу, поближе к ней.

-- Флойд, -- начала она, пристально глядя ему в глаза, -- я устала от всего этого. Я хочу уехать. Не могу я тут сидеть и дожидаться, пока река вскрыется. Если я не уеду теперь, я умру. Непременно умру. Я хочу бросить все это и уехать, уехать немедленно.

С немым призывом она прикрыла ладонью его руку, а та повернулась, и рука Фреды оказалась в плену. "Ну вот, -- подумал он, -- еще одна вешается на шею. А Лорен пускай себе померзнет немножко у проруби, ничего ей от этого не делается".

-- Ну? -- начала на этот раз Фреда мягко и тревожно.

-- Не знаю, что сказать, -- поспешил он ответить, добавив про себя, что события развиваются быстрее, чем можно было ожидать. -- Фреда, я бы ничего лучшего не желал. Вам это хорошо известно. -- Он крепко сжал ее руку -- ладонь к ладони.

Фреда кивнула. Чего же удивляться, что она презирает всю эту породу!

-- Но дело в том, что я... я помолвлен. Вы об этом, конечно, знаете. И невеста моя едет сюда, чтобы выйти за меня замуж. Не знаю, почему мне взбрело в голову сделать ей предложение, но ведь это случилось давно, когда я был еще зеленым юнцом.

-- Я хочу уехать отсюда, все равно куда, -- продолжала она, не обращая внимания на препятствие, которое он воздвиг и за которое извинялся. -- Я перебрала в уме всех мужчин, которых знаю, и пришла к заключению, что... что...

-- Я самый подходящий из всех?

Она улыбкой поблагодарила его за то, что он избавил ее от неприятной необходимости сделать признание. Свободной рукой он притянул ее голову к себе на плечо, и на него пахло ароматом ее волос. Ладонь другой его руки как бы слилась с ладонью Фреды, и он почувствовал, что у них один общий пульс и он бьется: стук-стук-стук... Это нетрудно объяснить данными физиологии, но мужчине, который впервые познакомился с этим явлением, оно кажется чудом. Флойд Вандерлип чаще сжимал рукоятки лопат, чем женские руки, и потому неожиданное ощущение показалось ему необычайно странным и сладостным. А когда Фреда, не поднимая головы с его плеча, немного повернулась, так что волосы ее коснулись его щеки, а глаза, большие, близкие, мягко сияющие и... да, и нежные, встретились с его глазами, -- кого надо было винить в том, что он совершенно потерял власть над собой? Он изменил Флосси, так почему же не изменить и Лорен? Если женщины бегают за ним, из этого еще вовсе не следует, что он должен спешить с выбором. У него куча денег, и Фреда как раз такая девушка, которая может придать им блеск. Это будет жена всем на зависть. Но не надо спешить. Поосторожнее!

-- Вы, кажется, не очень расположены жить во дворцах, правда? -- спросил он.

Она покачала головой.

-- А мне одно время хотелось, но я на днях призадумался и решил, что от такой жизни обязательно растолстеешь, обленишься, размякнешь.

-- Да, это приятно на время, но быстро надоедает, наверное, -- поспешила она рассеять его сомнения. -- Мир хорош, но жизнь должна быть многогранной. Какое-то время работать, бороться со стихиями, а потом отдыхать где-нибудь. Уехать в южные моря на яхте, посмотреть Париж; зиму проводить в Южной Америке, лето в Норвегии, несколько месяцев в Англии...

-- В хорошем обществе?

-- Непременно, в самом лучшем, а потом -- хей-хо! -- на собаках, на нартах, к берегам Гудзонова залива! Разнообразие -- вот что нужно. Такой сильный человек, как вы, полный жизни, энергии, не мог бы и года выдержать во дворце. Это хорошо для неженки, а вы не созданы для такой жизни. Вы мужчина, настоящий мужчина.

-- Вы так думаете?

-- Тут и думать не о чем. Я это знаю. А вы заметили, как вам легко увлечь женщину?

Его наивное недоверие было неподражаемо!

-- Очень легко! А почему? Потому, что вы настоящий мужчина. Вы умеете задеть самые потаенные струны женского сердца. К вам хочется прильнуть потому, что вы такой мускулистый, сильный и отважный. Словом, потому, что вы действительно мужчина.

Она взглянула на часы. Прошло полчаса после назначенного срока. Ситке Чарли она разрешила задержаться не более чем на тридцать минут, так что теперь уже не имело значения, когда придет Деверо. Ее дело было сделано. Она подняла голову, рассмеялась самым искренним смехом, высвободила свою руку и, поднявшись, позвала горничную:

-- Алиса, подайте мистеру Вандерлипу его парку. А рукавицы на подоконнике у печки.

Флойд ничего не мог понять.

-- Благодарю вас за любезность, Флойд. Вы очень милы, что уделили мне столько времени, и я это ценю. Когда выйдете отсюда, поверните налево -- это самый короткий путь к проруби. Спокойной ночи. Я иду спать.

Флойд Вандерлип в крепких словах высказал свое изумление и разочарование. Алиса не любила слушать мужскую ругань и потому бросила парку на пол, а рукавицы на парку. Тогда Флойд кинулся к Фреде, а она не успела скрыться в соседней комнате, так как споткнулась о парку и упала. Он грубо схватил ее за руку и поднял. Но она только расхохоталась. Она не боялась мужчин.

Хуже того, что они с нею сделали, они сделать не могли. А ведь она все-таки выдержала -- разве нет?

-- Перестаньте! -- вырвалось у нее наконец. -- А впрочем, -- она взглянула на свою плененную руку, -- я передумала и решила пока не ложиться спать. Усаживайтесь поудобнее и не будьте смешным. Вопросы есть?

-- Да, сударыня, и, кроме того, нам надо свести счеты. -- Он все еще не выпускал ее руки. -- Что вам известно о проруби? Что вы имели в виду, когда... впрочем, нет, об этом после. Сначала ответьте на первый вопрос.

-- Да ничего особенного не известно. У Ситки Чарли там назначено свидание с одной особой, которую вы, вероятно, знаете, и он просил меня попридержать вас немного, из боязни, что столь опытный сердцеед, как вы, может это свидание испортить. Вот и все. Теперь они уже уехали, добрых полчаса назад...

-- Куда? Вниз по Юкону, и без меня? Да ведь он индеец!

-- Вы же знаете, что о вкусах не спорят, особенно о вкусах женщин.

-- Но я-то в какое положение попал! Четыре тысячи долларов я ухлопал на собак да упустил неплохую бабенку -- и ничего не получу взамен. Кроме вас, -- добавил он, спохватившись, -- и, значит, вы мне достались дешево.

Фреда передернула плечами.

-- Собирайтесь! Я пойду попрошу кого-нибудь одолжить мне две упряжки собак, и мы выедем немедленно.

-- Простите, но я сейчас пойду спать.

-- Укладывайте свои вещи, и советую вам не противиться. Хотите вы спать или нет, но, когда я пригоню собак, будь я проклят, если вы не сядете на нарты. Может быть, вы меня дурачили, но со мной шутки плохи. Я ловлю вас на слове. Понятно?

Он с такой силой сжал ее запястье, что ей стало больно, однако она улыбнулась, внимательно прислушиваясь к шуму на дворе. Зазвенели колокольчики собачьей упряжки, мужской голос крикнул "хо!", чьи-то нарты завернули за угол и подъехали к дому.

-- Ну а теперь вы позволите мне лечь спать?

И Фреда распахнула дверь. В комнату ворвалась стужа, и в свете северного сияния на порог нерешительно ступила женщина в обтрепанной меховой одежде, окутанная до колен клубами пара. Она сняла шарф, которым ее лицо было закрыто до самых глаз, и стояла, моргая, ослепленная светом свечи. Флойд Вандерлип подался вперед.

-- Флойд! -- радостно и с облегчением крикнула женщина и устало шагнула ему навстречу.

Что ему было делать, как не расцеловать эту охапку мехов? А "охапка" была очень хорошенькая, и она прижалась к нему, утомленная, но счастливая.

-- Как ты хорошо сделал, что послал за мной мистера Деверо со свежими собаками! -- проговорила "охапка". -- Если бы не он, я бы добралась только завтра.

Флойд растерянно посмотрел на Фреду и вдруг прозрел.

-- Очень любезно со стороны Деверо, что он согласился поехать, -- сказал он.

-- Тебе не терпелось увидеть меня поскорее, правда, милый? -- И Флосси прижалась к нему еще крепче.

-- Да, я уже начал нервничать, -- признался он бойко и, приподняв ее, понес к выходу.

В эту же самую ночь совершенно необъяснимый случай произошел с преподобным Джеймсом Брауном, миссионером, который жил несколькими милями ниже по течению

Юкона -- жил среди аборигенов, наставляя их на путь истинный, тот путь, который ведет в рай белого человека. Его разбудил незнакомый индеец, который вручил его попечению не только душу, но и тело какой-то неизвестной женщины, а сам быстро уехал. Женщина была полная, красивая, сердитая, и в гневе с губ ее слетали нехорошие слова. Достойный миссионер был шокирован: ведь он был еще молод, и присутствие женщины в его доме могло показаться предосудительным его простодушной пастве; к счастью, незнакомка ушла пешком в Доусон, как только стало рассветать.

А спустя много времени, когда наступило лето, пришел черед быть шокированным Доусону; местное население, собравшись на берегу Юкона в честь некоей виндзорской леди королевских кровей, приветствовало Ситку Чарли, когда он появился на реке и, взмахнув сверкающим на солнце веслом, первым пересек линию финиша. В этот день состязаний миссис Эпингуэлл, которая уже успела узнать многое и о многом изменить свое мнение, увидела Фреду в первый раз после памятного бала-маскарада. "При всех, заметьте, -- как выразилась миссис Мак-Фи, -- не проявив никакого внимания и уважения к нравственным устоям общества", она подошла к танцовщице и протянула ей руку. Сначала, как вспоминают очевидцы, гречанка отшатнулась; потом они обе что-то сказали друг другу, и Фреда, великолепная Фреда, не выдержала и расплакалась на плече жены капитана. Доусону не дано было знать, в чем провинилась миссис Эпингуэлл перед какой-то гречанкой-танцовщицей, но она попросила прощения у Фреды при всех, а это было неприлично.

Не следует забывать о миссис Мак-Фи. Она взяла каюту на первом же пароходе, который шел по Юкону. С собой она прихватила теорию, которую разработала в бессонные часы долгих темных ночей; она убеждена, что Север потому не способствует духовному росту, что там слишком холодно. Жителей ледяного дома нельзя утешить огнями ада. Это утверждение, быть может, голословно, но такова теория миссис Мак-Фи.

В конце занятия студентам предлагается заполнить последнюю графу таблицы - **УЗНАЛ**

СТАДИЯ ОСМЫЛЕНИЯ

На дом

Ответьте на вопросы:

1. Какой была Фреда?
.....
2. Как она выглядит?
.....
3. Кто такая миссис Эппингуеэлл?
.....
4. Знали ли они друг друга?
.....
5.
6. В каком городе они жили?
.....
7. Кто приехал в это город?
.....
8. Каким человеком был Флойд Вандерлип?
.....
9. Как и где он работал? Чего он не боялся?
.....

10. Кем его признали? Почему?
.....
- 10.Какая слабость была у Флойда?
.....
- 11.Как звали девушку, которая осталась в Штатах?
.....
- 12.Что послал Флойд Флосси?
.....
13. Как выглядит Лорэн Лиснай?
.....
14. Какая цель была у Лорен?
.....
- 15.С кем и где она встречается на севере?
.....
16. Кто была новым увлечением Флойда?
.....
17. Что решила Фреда? Какое сердце было у нее?
.....
18. Кем чувствовал себя Флойд?
.....
- 19.Как соблазнила его Фреда?
.....
- 20.Как поступила Эппингуеэлл, когда узнала о встречах Флойда и Фреды?
.....
21. Кто помогает миссис Эппингуеэлл?
.....
- 22.Почему Фреда не приняла миссис Эппингуеэлл?
.....
- 23.Кто такая миссис Мк-Фи? О чём уговорила Флойда Лорэн?
.....
24. У кого купил собак Флойд?
.....
25. Кто такой Ситка Чарли?
.....
- 26.Когда будут готовы собаки?
.....
27. Что получил вечером Флюид?
.....
- 28.К кому Фреда посылала человека? Почему?
.....
29. Что произошло на балу?
.....
30. О чем сожалел Флойд, сидя у камина в доме Фреды?
.....
- 31.Как относиться к нему Фреда?
.....
- 32.Почему Флойд был вне себя, находясь в доме Фреды?
.....

33.Что же произошло потом?

.....

34. Почему Флойд посмотрел на Фреду удивленно?

.....

35.Почему общество было шокировано?

.....

❖ ВАША ВЕРСИЯ

При ответе выскажите собственное мнение.

1. Дайте сравнительную характеристику Фреды и миссис Эппингудеэлл? Докажите текстом.
2. Какие черты характера сближают их? Разделяют?
3. Почему текст называется «Женское презрение»?

НЕДЕЛЯ 9.

Знакомимся с французской литературой

Андре Моруа

Биографическая справка. Интересные факты. Самые лучшие фразы и выражения Андре Моруа.

Преподаватель пишет на доске имя французского писателя Андре Моруа и предлагает студентам самим составить биографическую справку.

Студентам дается инструкция

- основные жизненные события Андре Моруа
- достижения Андре Моруа
- характер писателя Андре Моруа
- какие рассказы пишет Андре Моруа

Четыре вопроса 4 группы.

Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова и запомните их.

<i>настоящее имя</i>	<i>член Французской академии</i>
<i>впоследствии</i>	<i>псевдоним</i>
<i>официальное имя</i>	<i>романизированный</i>
<i>иронично-психологический</i>	<i>опубликованная</i>
<i>продолжение</i>	<i>прелесть</i>
<i>состоятельная семья</i>	<i>обратившихся в католицизм</i>
<i>суконная фабрика</i>	<i>Сопротивление</i>
<i>подданство</i>	<i>присуждают степень</i>
<i>сотрудник</i>	<i>происходил</i>

Андре Моруа (фр. *André Maurois*, настоящее имя **Эмиль Саломон Вильгельм Эрзог**, *Émile-Salomon-Wilhelm Herzog*, 1885—1967), французский писатель и член Французской академии. Впоследствии псевдоним стал его официальным именем.

Всем известны его психологические романы «Превратности любви» (1928), «Семейный круг» (1932). Он был мастером жанра романизированной биографии (книги о Шелли, Байроне, Бальзаке, Тургеневе, Жорж Санд, Дюма-отце и Дюма-сыне, Гюго) и короткого иронично-

психологического рассказа. Известная Книга «Мемуары» была опубликована в 1970 году. «Письма незнакомке», опубликованная в 1956 году, воплощают всю прелесть тонкого, ироничного таланта Моруа («Lettres à l'inconnue»). Моруа происходил из состоятельной еврейской семьи из Эльзаса, принявшей католицизм.

После 1871 г., получив французское подданство, семья переселилась в Нормандию. Отец Андре Моруа владел текстильной фабрикой. Андре посещал гимназию Эльбефа и Руана. Немалую роль в формировании взглядов Моруа на мир, общество, искусство сыграл его школьный учитель Эмиль Шартье, французский философ, моралист и писатель известный под именем Ален. В 1897 году Эмиль Эрзог поступил в Руанский лицей. В шестнадцать лет ему присуждают степень лиценциата. По совету одного из своих учителей, Эмиля Шартье, после окончания курса вместо продолжения учёбы в Эколь Нормаль поступил служащим на суконную фабрику отца.

Во время Первой мировой войны служил военным переводчиком и офицером связи. В 1918 году Моруа публикует роман «Молчаливый полковник Брамбл» (фр. *Les Silences du colonel Bramble*), с которым добивается успеха как во Франции, так и в Великобритании и США. В 1921 году выходит роман «Речи доктора О'Грэди» (фр. *Discours du docteur O'Grady*). После войны работал сотрудником редакции журнала «Круа-де-фё». 23 июня 1938 года был избран во французскую академию. Моруа был участником французского Сопротивления.

Во время Второй мировой войны Моруа служит капитаном во французской армии. После занятия Франции немецкими войсками он уезжает в США. Работает преподавателем в Университете Канзаса. В это время он пишет следующие биографии: Фредерика Шопена (1942), генерала Эйзенхауэра (1945), Франклина (1945) и Вашингтона (1946). В 1943 году Моруа уезжает в Северную Африку, а в 1946-м возвращается во Францию.

Андре Моруа умер 9 октября 1967 года.

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

- Многие произведения писателя переведены на русский язык, в их числе "Превратности любви", "Семейный круг", "Жизнь Александра Флеминга", "Карьера Дизраели", "Байрон", "Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго", "Три Дюма", "Прометей, или Жизнь Бальзака" и др.

- В шестидесятые годы Моруа охотно выступал на страницах советской печати. Им были установлены дружеские связи с советскими литераторами.
- Моруа был членом ряда общественных организаций, сотрудничал в демократических изданиях. Подписывал протесты деятелей культуры против арестов мексиканского художника Давида Сикейроса, греческого поэта Янниса Рицоса.
- Андре Моруа был дважды женат. После смерти первой жены Янины де Сзимкиевик он сочетался браком с Симоной де Кайве, племянницей Марселя Пруста.
- Скончался Андре Моруа в своем доме в пригороде Парижа 9 октября 1967 г.

Цитаты и афоризмы Андре Моруа

- Прощать надо молча — иначе какое же это прощение.
- Любить окружающих меня хороших людей, избегать дурных, радоваться добру, достойно сносить зло, уметь забывать - вот в чем мой оптимизм.
- Если бы все мы знали всё то, что.
- Цель в жизни не в том, чтобы стяжать себе бессмертную славу... Она в том, чтобы превращать каждый день в маленькую вечность.
- Вы всю жизнь будете встречать людей, о которых с удивлением скажете: «За что он меня невзлюбил? Я же ему ничего не сделал». Ошибаетесь! Вы нанесли ему самое тяжкое оскорбление: вы — живое отрицание его природы.
- Счастье — миг, привычка — вечность.
- Когда к нам приходит успех, остается только удивляться количеству людей, которые внезапно оказываются нашими друзьями.
- Мы бываем естественны только с теми, кого мы любим.
- Самая поразительна память — память влюбленной женщины.
- Множество женщин сделало блестящую карьеру, умея лишь слушать, к тому же и слушать не обязательно: достаточно делать вид.
- Грубость – остроумие дураков.
- Некролог – самая краткая и самая лестная служебная характеристика
- Предлог не должен быть убедительным, иначе это уже не предлог, а причина.

2 стадия - рефлексия

Каждая группа длится своими предположениями и лишь после проделанной работы студенты читают биографическую справку и сравнивают со своим вариантом.

Задание на дом

Проверьте себя, правильно ли поняли текст.

1. Как настоящее имя Андре Моруа?

.....

2. Какие психологические романы Андре Моруа известны вам?

.....

3. Мастером какого иронично-психологического рассказа являлся Андре Моруа?

.....

4. В каком году была опубликована книга «Мемуары»?

.....

5. Что воплощает произведение Моруа «Письма незнакомке»?

.....

6. Из какой семьи происходил Андре Моруа?

.....

7. В каком году семья получила французское подданство и переселилась в Нормандию?

.....

8. Чем владел отец Моруа?

.....

9. Кем был его школьный учитель Эмиль Шартье?

.....

10. В каком лицее учился Моруа?

.....

11. Сколько лет было ему, когда присудили степень лиценциата?

.....

12. Кем работал Моруа во время Первой мировой войны ?

.....
13. В каком году и где Моруа добивается успеха?
.....

14. В каком университете работает преподавателем ?
.....

15. В каком году умер Моруа?
.....

НЕДЕЛЯ 10

Преподаватель пишет на доске название текста и спрашивает студентов

- **Как вы думаете о чем это текст?**
- **Соответствует ли название тексту?**
- **По-вашему, кто главные герои и чем они занимаются?**

Метод - чтение с паузами.

Преподаватель делит текст на три-четыре части.

Студентам предлагается прочитать первый отрывок текста.

Преподаватель спрашивает - есть ли общее между текстом и вашими вариантами. Так продолжается несколько раз пока студенты не dokonчат чтение текста.

После прочтения студенты должны записать совпадение и не совпадения с текстом оригинала.

Каждый студент читает текст каждый для себя

ТЕКСТ «РОЖДЕНИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ»

Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова и запомните их.

*с удивлением
необычное, новое!
аналитический портрет
за один час
абсолютно ничего
прекрасно сказали
а жалко!*

*не будет успеха
слишком обыкновенные
выпустить дым
необыкновенно умный
какая экспрессия!
договорились
это триумф!*

Художник Пьер Душ заканчивал натюрморт — цветы в аптечной склянке и баклажаны на блюде, — когда в мастерскую вошёл писатель Поль-Эмиль Глэз. Несколько минут Глэз смотрел, как работает его друг, затем решительно произнёс:

— Нет!

Оторвавшись от баклажанов, художник удивлённо поднял голову.

— Нет, — повторил Глэз. — Нет! Так ты никогда не добьёшься успеха. Мастерство у тебя есть, и талант, и честность. Но искусство твоё слишком обыденно, старина. Оно не кричит, не лезет в глаза. В Салоне, где выставлено пять тысяч картин, твои картины не привлекут сонного посетителя... Нет, Пьер Душ, успеха тебе не добиться. А жаль.

— Но почему? — вздохнул честный малый. — Я пишу то, что вижу. Стараюсь выразить то, что чувствую.

— Разве в этом дело, мой бедный друг? Тебе же надо кормить жену и троих детей. Каждому из них требуется по три тысячи калорий в день. А картин куда больше, чем покупателей, и глупцов гораздо больше, чем знатоков. Скажи мне, Пьер Душ, каким способом ты полагаешь выбиться из толпы безвестных неудачников?

— Трудом, — отвечал Пьер Душ, — правдивостью моего искусства.

— Всё это несерьёзно. Есть только одно средство вывести из спячки тупиц: решиться на какую-нибудь дикую выходку! Объяви всем, что ты отправляешься писать картины на Северный полюс. Или нацепи на себя костюм египетского фараона. А ещё лучше — создай какую-нибудь новую школу! Смешай в одну кучу всякие учёные слова, ну, скажем, — экстериоризация, динамизм, подсознание, беспредметность — и составь манифест!. Отрицай движение или, наоборот, покой; белое или чёрное; круг или квадрат — это совершенно всё равно? Придумай какую-нибудь «неогомерическую» живопись, признающую только красные и жёлтые тона, «цилиндрическую» или «октаэдрическую», «четырёхмерную», какую угодно!..

В эту самую минуту нежный аромат духов возвестил о появлении пани Косневской. Это была обольстительная полька, чьи синие глаза волновали сердце Пьера Душа. Она выписывала дорогие журналы, публиковавшие роскошные репродукции шедевров, выполненных трёхгодовалыми младенцами. Ни разу не встретив в этих журналах фамилии честного Душа, она стала презирать его искусство. Устроившись на тахте, она мельком взглянула на стоявшее перед ней начатое полотно и с досадой тряхнула золотистыми кудрями.

— Вчера я была на выставке негритянского искусства Золотого века! — сообщила она своим певучим голосом, раскатывая звонкое «р». — Сколько экспрессии в нём! Какой полёт! Какая сила!

Пьер Душ показал ей свою новую работу — портрет, который он считал удачным.

— Очень мило, — сказала она нехотя. И ушла... благоухающая, звонкая, певучая и разочарованная.

Швырнув палитру в угол, Пьер Душ рухнул на тахту.

— Пойду служить в страховую кассу, в банк, в полицию, куда угодно! — заявил он. — Быть художником — последнее дело! Одни лишь пройдохи умеют завоевать признание зевак! А критики, вместо того чтобы поддержать настоящих мастеров, потворствуют невеждам!

С меня хватит, я сдаюсь.

Выслушав эту тираду, Поль-Эмиль закурил и стал о чём-то размышлять.

— Сумеешь ли ты, — спросил он наконец, — со всей торжественностью объявить Косневской и ещё кое-кому, что последние десять лет ты неустанно разрабатывал новую творческую манеру?

— Я разрабатывал?

— Выслушай меня... Я сочиню две-три хитроумные статьи, в которых сообщу нашей «элите», будто ты намерен основать «идео-аналитическую» школу живописи. До тебя портретисты по своему невежеству упорно изучали человеческое лицо. Чепуха всё это! Истинную сущность человека составляют те образы и представления, которые он пробуждает в нас. Вот тебе портрет полковника: голубой с золотом фон, на нём — пять огромных галунов, в одном углу картины — конь, в другом — кресты. Портрет промышленника — это фабричная труба и сжатый кулак на столе. Понимаешь теперь, Пьер Душ, что ты подарил миру? Возьмёшься ли ты написать за месяц двадцать «идео-аналитических» портретов? Художник грустно улыбнулся.

— За один час, — ответил он. — Печально лишь то, Глэз, что, будь на моём месте кто-нибудь другой, затея, возможно, удалась бы, а так...

— Что ж, попробуем!

— Не мастер я болтать!

— Вот что, старина, всякий раз, как тебя попросят что-либо объяснить, ты, не торопясь, молча зажги свою трубку, выпусти облако дыма в лицо

любопытному и произнеси эти вот простые слова: «А видели вы когда-нибудь, как течёт река?»

— А что это должно означать?

— Ровным счётом ничего, — сказал Глэз. — Именно поэтому твой ответ покажется всем необычайно значительным. А уж после того, как они сами изучат, истолкуют и превознесут тебя на все лады, мы расскажем им про нашу проделку и позабудем их смущением.

Прошло два месяца. Выставка картин Душа вылилась в настоящий триумф. Обворожительная, благоухающая, певуче раскатывающая звонкое «р» пани Косневская не отходила от своего нового кумира.

— Ах, — повторяла она, — сколько экспрессии в ваших работах! Какой полёт! Какая сила! Но скажите, дорогой друг, как вы пришли к этим поразительным обобщениям?

Художник помолчал, не торопясь закурил трубку, выдохнул густое облако дыма и произнёс:

— А видели вы когда-нибудь, мадам, как течёт река? Губы прекрасной польки затрепетали, суля ему певучее раскатистое счастье.

Группа посетителей обступила молодого блистательного Струнского в пальто с кроличьим воротником.

— Потрясающе! — горячо говорил он. — Потрясающе! Но скажите мне, Душ, откуда на вас снизошло откровение? Не из моих ли статей?

Пьер Душ на этот раз особенно долго молчал, затем, выпустив в лицо Струнскому громадное облако дыма, величественно произнёс:

— А видели вы, дорогой мой, как течёт река?

— Великолепно сказано! Великолепно! В эту самую минуту известный торговец картинами, завершив осмотр мастерской, ухватил художника за рукав и оттащил в угол.

— Душ, приятель, а ведь вы ловкач! — сказал он. — На этом можно сделать карьеру. Беру вашу продукцию. Только не вздумайте менять свою манеру, пока я вам не скажу, и я обещаю покупать у вас пятьдесят картин в год... По рукам?

Не отвечая, Душ с загадочным видом продолжал курить. Постепенно мастерская пустела. Наконец Поль-Эмиль Глэз закрыл дверь за последним посетителем. С лестницы доносился, понемногу отдаляясь, восхищённый гул. Оставшись наедине с художником, писатель с весёлым видом засунул руки в карманы.

— Ну как, старина, — проговорил он, — ловко мы их провели? Слышал, что говорил этот молокосос с кроличьим воротником? А прекрасная полька? А три смазливые барышни, которые только и повторяли: «Как это ново! Как свежо!» Ах, Пьер Душ, я знал, что глупости человеческой нет предела, но то, что я видел сегодня, превзошло все мои ожидания.

Его охватил приступ неукротимого смеха. Художник нахмурил брови и, видя, что его друг корчится от хохота, неожиданно выпалил:

— Болван!

— Я — болван? — разозлившись, крикнул писатель. — Да сегодня мне удалась самая замечательная проделка со времён Биксиу!

Художник самодовольно оглядел всё двадцать идео-аналитических портретов.

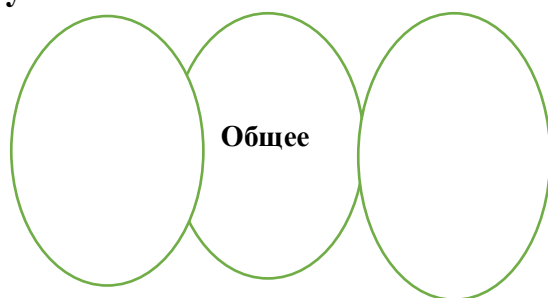
— Да, Глэз, ты и правда болван, — с искренней убеждённо­стью произнёс он. — В этой манере что-то есть... Писатель оторопело уставился на своего друга.

— Вот так номер! — завопил он. — Душ, вспомни! Кто подсказал тебе эту новую манеру?

Пьер Душ помолчал немного, затем, выпустив из своей трубки густое облако дыма, сказал:

— А видели ли ты когда-нибудь, как течёт река?

Стадия рефлексии – составить сравнительную венскую диаграмму-портрет друзей

Задание на дом

❖ **ВАШЕ МНЕНИЕ: ОТВЕЧАЙТЕ ДА/НЕТ**

1. Художник Пьер Душ рисовал натюрморт - цветы и яблоки на тарелке. **ДА/НЕТ**
2. У художника был друг, которого звали Поль Глэз. **ДА/НЕТ**
3. Художнику сказали, что у него никогда не будет успеха. **ДА/НЕТ**
4. Картины художника были слишком обыкновенные. **ДА/НЕТ**
5. Писателю было жалко, что у друга не было успеха. **ДА/НЕТ**
6. Миллионы картин художник мог нарисовать за один час. **ДА/НЕТ**
7. Художник умел хорошо рисовать и говорить. **ДА/НЕТ**
8. Художник рисовал «круглое», или только «квадратное», или только «черное...» **ДА/НЕТ**
9. Художник открыл новый вид искусства. **ДА/НЕТ**

НЕДЕЛЯ 11

Знакомимся с французской литературой

Ги Де Мопассан. Интересные факты. Лучшие цитаты великого мастера.

Тексты для свободного чтения

Студентам предлагается текст.

Каждый студент самостоятельно должен разделить текст на абзацы

Составить план (2 заголовка лишние) (10 минут)

Французский писатель Ги де Мопассан родился 5 августа 1850 года в замке Миромениль близ Турвиля-сюр-Арк (департамент Приморская Сена). Отец - из обедневшего лотарингского дворянского рода, мать из буржуазной семьи. Он был нормандцем по линии матери, по месту рождения, по воспитанию. Отец его происходил из Лотарингии, что вряд ли имело какое-нибудь значение, поскольку этот ловелас оставил свою жену и едва узнавал сына, хотя и не ссорился с ним. Ги был воспитан в краю Ко, на крутых берегах, размытых дождем, среди кошуанских рыбаков и фермеров. Он говорил на их наречии, любил их рассказы, усвоил их добродетели и их пороки. Его мать Лаура Ле Пуатвен была женщиной незаурядной, интеллигентной и страдающей неврозом. Своим талантом рассказчика сын был обязан матери. К несчастью, она передала ему и опасную наследственность (неустойчивость психического равновесия).» (*Андре Моруа, «Литературные портреты. Ги де Мопассан».*)

В 1869 году Ги де Мопассан окончил руанский лицей. В 1870-1871 годах принимал участие во франко-прусской войне, служа рядовым. После возвращения из армии, так как семья была разорена, поступил на службу в Морское министерство. В 1880 году, после публикации первого рассказа и пьесы «Histoire du vieux temps», Мопассану предложили место хроникера в газете «Голуа» (Gaulois), что позволило ему оставить чиновничью службу в министерстве; позднее он сотрудничал в «Жиль Блаз».

Литературными учителями Ги де Мопассана, по его словам, были Гюстав Флобер (мать и дядя будущего писателя с детства были друзьями Флобера) и И.С. Тургенев, благодаря которому он познакомился с русской литературой. В доме Флобера бывали Эдмон Гонкур, Альфонс Доде, Эмиль Золя, Ипполит Тэн, с которыми познакомился и молодой писатель. В феврале 1873 года Флобер писал матери Ги: «Мне кажется, что наш юноша любит немного послоняться без дела и не слишком усидчив в работе. Я хотел бы, чтобы он начал писать длинное произведение, пусть даже никуда не годное... Главное в этом мире - парить душой в высшей сфере...». На протяжении шести лет Ги учился у Флобера писательскому искусству и только в 1880 году была

опубликована первая новелла: рассказ «Пышка» (Boule de suif) был напечатан в сборнике «Меданские вечера» (Les Soirees de Medan), издававшемся Меданским кружком молодых писателей, в который входил и Мопассан (кружок собирался в загородном доме Эмиля Золя в Медане, пригороде Парижа).

Смерть Флобера в 1880 году оборвала связи молодого автора с миром серьезных писателей и художников и он стал реже видиться с Эмилем Золя и его друзьями, среди которых были Сезанн, Моне и Мане. Изменение круга друзей писателя отражается и на его образе жизни.

Произведения Ги де Мопассана имели огромный успех не только во Франции, но и за рубежом, так как он сразу же стал одним из наиболее переводимых французских писателей. Благодаря славе доход писателя вырос до 60 тысяч франков в год. Это позволило поддерживать разорившуюся мать и семью больного брата. К 1883 году у писателя свой дом в Этрета и в Канне. С 1884 года он начал страдать от нервных расстройств, навязчивых идей и галлюцинаций. В декабре 1891 года после покушения на самоубийство, Мопассан был помещен в клинику доктора Бланша в Пасси (предместье Парижа), где находился до самой смерти. В лечебнице для душевнобольных закончил свои дни и брат писателя. Умер Ги де Мопассан 6 июля 1893 года душевнобольным в полусознательном состоянии; причиной смерти был назван прогрессивный паралич мозга.

За пределами Франции, в Англии, США и других странах он был и остается одним из самых читаемых и любимых французских авторов. Его новеллы входят в состав многочисленных антологий. Многие из них считаются совершенно справедливо классическими образцами этого жанра. Во Франции к его творчеству не относятся с таким же уважением, как, скажем, к творчеству Флобера. Никому не придет в голову сравнивать его со Стендалем, Бальзаком или Прустом, разве что затрагивая отдельные штрихи его творчества. Таково отношение к нему, такова оценка, которые нуждаются в пересмотре.

2 стадия – каждый студент выбирает кому дать свой план, чтобы тот озаглавил текст

Произведения Ги де Мопассана

- Среди произведений Ги де Мопассана - романы, рассказы, новеллы, пьесы, стихи, очерки, статьи. За 11 лет творчества им было написано 6 романов, около 300 новелл, вошедших в 18 сборников (название сборнику обычно давалось по названию первого рассказа).

- В России первое отдельное собрание произведений Мопассана было издано в 1894 году, второе издание - в 1896 году.
- Многие романы и новеллы Ги де Мопассана были инсценированы и экранизированы
- «Пышка» (Boule de suif; 1880; новелла; была написана в ответ на предложение Эмиля Золя всем участникам Меданской группы создать коллективный труд, для которого каждый напишет что-нибудь из истории войны; впервые напечатана в 1880 в сборнике «Меданские вечера» [Les Soirees de Medan], издававшемся Меданским кружком молодых писателей; первая постановка в парижском театре - в 1902)
- «Vers» (1880; сборник стихотворных произведений)
- «Histoire du vieux temps» (1880; пьеса в стихах; впервые опубликована в 1880 в сборнике «Vers»)
- «Le mur» (1880; пьеса в стихах; впервые опубликована в 1880 в сборнике «Vers»)
- «Au bord de l'eau» (1880; пьеса в стихах; впервые опубликована в 1880 в сборнике «Vers»)
- «Desirs» (1880; пьеса в стихах; впервые опубликована в 1880 в сборнике «V
- Заведение Телье» (La Maison Tellier; 1881; первый сборник новелл; был посвящен И.С. Тургеневу)
- «Рассказы вальдшнепа» (Contes de la becasse, 1885; сборник новелл)
- В порту», «Заведение Телье», «Завещание», «Менуэт», Статьи об И.С. Тургеневе
- За десять лет литературной деятельности (1880–1890) Мопассан создал шесть романов и около 300 новелл. С 1884 он начал страдать от нервных расстройств, навязчивых идей и галлюцинаций, которые послужили сюжетом для новеллы Орля (Le Horla, 1887), перекликающейся с творчеством Э.А.По. В 1891 Мопассана, впавшего в полное безумие, поместили в клинику в Париже, где он скончался 6 июля 1893.

ЦИТАТЫ

- Слова любви всегда одинаковы, — все зависит от того, из чьих уст они исходят.
- Жизнь — гора: поднимаешься медленно, спускаешься быстро.
- У сердца есть загадки, недоступные разуму.
- Мы знаем, что любовь сильна, как смерть; зато хрупка как, как стекло.
- Кто не уважает себя, тот — несчастен, но зато тот, кто слишком доволен собой, — глуп.

- Моя философия — встречать закат с другом; мои принципы — встречать рассвет в одиночестве; моё творчество — проводить день с врагами.

Рассказы

Рассказ «Заведение Телье» посвящен Ивану Тургеневу: «Дань глубокой привязанности и великого восхищения» Мопассан изучает и преподносит читателю свое видение и свой труд по изучению человеческой природы через ряд иронических рассказов. В «Заведении Телье» писатель ярко и многогранно отображает сущность пороков, обычаев и страстей, которые зачастую становятся неотъемлемым условием бытия многих представителей рода человеческого на протяжении тысячелетий. «Туда ходили каждый вечер часам к одиннадцати, так же просто, как ходят в кафе.

Собиралось там человек шесть – восемь, всегда одни и те же; это были вовсе не кутилы, а люди уважаемые, коммерсанты, городская молодежь; они выпивали по рюмочке шартреза и слегка заигрывали с девицами или вели серьезную беседу с хозяйкой, к которой все относились с уважением. Затем к полуночи расходились по домам. Молодые люди иногда оставались ночевать».

НЕДЕЛЯ 12

Метод - «Аквариум»

Форма. Студенты делятся на 2-4 группы. Одна группа размещается в центре аудитории, создавая внутренний круг. Участники группы начинают обговаривать проблему предложенную преподавателем. Все остальные, молча, наблюдают за решением проблемы. На работу отводится 3-5 минут.

ЧИТАЕМ ТЕКСТ

ИСПОВЕДЬ

(по одноимённому рассказу Ги де Мопассана)

Проверьте, знаете ли вы эти слова

<i>Исповедь</i>	<i>умирать</i>	<i>выглядеть</i>	<i>лекарство</i>
<i>Свеча</i>	<i>священник</i>	<i>жених</i>	<i>неожиданно</i>
<i>Свадьба</i>	<i>отчаяние</i>	<i>вдовье</i>	<i>снимать</i>
<i>Несчастный</i>	<i>действительно</i>	<i>отказать</i>	<i>печальный</i>
<i>Посесть</i>	<i>сутки</i>	<i>родной</i>	<i>ласково</i>
<i>Дитя моё</i>	<i>бояться</i>	<i>избалован</i>	<i>горе</i>

<i>Пирожное</i>	<i>ревновать</i>	<i>поцеловать</i>	<i>поцелуй</i>
<i>Разбить</i>	<i>порошок</i>	<i>стекло</i>	<i>выбросить</i>
<i>Прощение</i>	<i>счастливый</i>	<i>влюблены</i>	<i>постареть</i>

Маргарита де Терель умирала. Ей было пятьдесят шесть лет, но выглядела она на семьдесят пять.

Её сестра Сюзанна была старше её на шесть лет. Она сидела около кровати младшей сестры и плакала. На столе, на полке лежали лекарства и стояли две свечи, потому что скоро должен был прийти священник.

Каждый человек в городе знал историю Маргариты и Сюзанны. Старшая сестра любила молодого человека, и он тоже любил её. Они решили пожениться, но жених, Анри де Сампьер, неожиданно умер перед свадьбой.

Сюзанна была в полном отчаянии и решила никогда не выходить замуж. Она надела вдовье платье и никогда не снимала его.

Однажды утром её сестра Маргарита, которой было только двенадцать лет, сказала:

- Сюзанна, я не хочу, чтобы ты была несчастной. Я не хочу, чтобы ты плакала всю жизнь. Я никогда не оставлю тебя! Я тоже никогда не выйду замуж. Я буду с тобой всегда. Сюзанна поцеловала сестру, но не поверила ей. Но младшая сестра действительно не вышла замуж. Она была красива, очень красива; многие молодые люди были влюблены в неё, но она отказала всем: она не оставила сестру. Но всю жизнь были вместе. Но Маргарита всегда казалась более печальной, чем её старшая сестра. Она быстро постарела, поседела в тридцать лет и часто болела.

Теперь она умирала первой. Уже сутки она молчала и только утром попросила послать за священником. Её сестра плакала и повторяла:

- Марго, родная моя!

Дверь открылась, и в комнату вошёл священник. Он подошёл к Маргарите, поцеловал её и ласково сказал:

- Бог простит вас, дитя моё, говорите.

- Сестра, садись и слушай... - заговорила Маргарита. – Прости меня! О, если бы ты знала, как я всю жизнь боялась этого часа!

- О чём ты говоришь, родная? Ты отдала мне всё. Ты ангел... - плакала Сюзанна.

Но Маргарита остановила её:

- Молчи, молчи! Дай мне сказать... Как страшно!... Дай мне сказать всё... до конца... Ты помнишь Анри?... Слушай, и ты всё поймёшь. Мне было двенадцать лет, только двенадцать, ты помнишь? Я была избалована, делала

всё, что хотела. Я полюбила его сразу, как только увидела. Он был так красив! Я думала только о нём.

Потом я узнала, что он хочет жениться на тебе. Какое это было горе для меня! Я не спала три ночи и плакала... Он приходил каждый день, после завтрака...помнишь? Не отвечай...слушай...Ты делала для него пирожные с кремом, которые он очень любил.

Я ревновала, о, как я ревновала!...Через две недели должна была быть ваша свадьба. Я говорила себе: «Он не женится на Сюзанне, нет, я не хочу, чтобы он женился на ней. Он женится на мне, когда я буду большая. Я никого не полюблю так сильно, как его...». Но однажды вечером ты гуляла с ним в саду, и я увидела, как он поцеловал тебя. Ты помнишь это? Наверно, это был ваш первый поцелуй. Я ненавидела вас.

Ты знаешь, что я сделала? ...Слушай...Я взяла бутылку, разбила её и сделала порошок из стекла. На следующий день, когда ты приготовила пирожные, я положила порошок в крем. Он съел три, а я одно пирожное. Остальные выбросила. Он умер, а я нет...Потом наступило страшное время. Всю мою жизнь я думала, когда и как я расскажу тебе обо всём. Я умираю, и мне страшно умереть без твоего прощения. Прости меня!

Она замолчала. Сюзанна закрыла лицо руками и тоже молчала. Она думала о нём, кого могла бы любить долго, с кем она могла бы жить счастливо. Она вспомнила, как он поцеловал её в саду. Это был первый поцелуй в её жизни, а потом - ничего.

Вдруг она услышала голос священника:

- Мадмуазель Сюзанна! Ваша сестра умирает!

Сюзанна подошла к сестре, поцеловала её и сказала:

- Я прощаю тебя, моя родная, прощаю.....

После решения проблемы группа занимает место во внешнем кругу, а преподаватель задает вопросы студентам:

- Согласны ли Вы с таким решением?
- Достаточно ли аргументировано это решение?
- Какой аргумент Вы считаете наиболее преобладающим?

После этого место в «Аквариуме» занимает другая группа и обговаривает следующую проблему предложенную преподавателя. Все группы по очереди имеют возможность побывать в «Аквариуме».

Стадия закрепления - Задание на дом. Выберите правильный вариант ответа и составить венскую диаграмму – образы сестер

1. Маргарите де Терель было пятьдесят шесть лет, но выглядела она на семьдесят восемь. ДА/НЕТ
2. Сюзанна была старше Маргариты на шесть лет. ДА/НЕТ
3. Не каждый человек в городе знал историю Маргариты и Сюзанны. ДА/НЕТ
4. Анри де Сампьер был женихом Маргариты. ДА/НЕТ
5. Анри де Сампьер внезапно умер перед свадьбой. ДА/НЕТ
6. Сюзанна решила никогда не выходить замуж. ДА/НЕТ
7. Маргарита, которой было 13 лет тоже решила не выходить замуж. ДА/НЕТ
8. В Маргариту были многие влюблены, но она отказала всем и не оставила сестру. ДА/НЕТ
9. Маргарита всегда казалась более весёлой, чем её Сюзанна. ДА/НЕТ
10. Сюзанна быстро постарела, поседела в тридцать лет и часто болела. ДА/НЕТ
11. Маргарита сутки молчала, она умирала первой. ДА/НЕТ
12. Маргарита исповедуется перед смертью. ДА/НЕТ
13. Сюзанна знала всё и простила Марго. ДА/НЕТ
14. Маргарите было страшно умереть без прощения сестры. ДА/НЕТ
15. Сюзанна готовила пирожные из стекольного порошка. ДА/НЕТ
16. Анри де Сампьер съел три пирожное. ДА/НЕТ
17. Сюзанна съела одно пирожное, а остальные выбросила. ДА/НЕТ
18. Анри де Сампьер скончался от руки врага. ДА/НЕТ
19. Перед смертью Сюзанна поцеловала сестру и простила. ДА/НЕТ
20. Маргарита была влюблена в Анри де Сампьера ДА/НЕТ

НЕДЕЛЯ 13

Знакомимся с английской литературой

Роальд Даль – мастер черного юмора. Интересные факты.

*Я пишу только тем, что захватывает дух или смешит
Дети знают, что я на их стороне.*

Студентам дается задание индивидуально прочитать биографию.

Текст биографической справки разделен на абзацы.

Студенты должны озаглавить каждый абзац

Дать название тексту

План

- Детский книги Даля
- Мастер черного юмора
- Даль в чине полковника
- Оригинальные похороны
- Телевизионные сериалы
- Смерть родных
- Сценарий к известным фильмам
- Переводы произведений Даля
- Национальный герой Норвегии

.....**Роальд Даль** - валлийский писатель, автор романов, сказок и новелл. Мастер парадоксального рассказа. Одна из его известных книг «Чарли и шоколадная фабрика» послужила сценарием для фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика» 1971 года и одноимённого фильма 2005 года. По его книге «Матильда» тоже был снят фильм, режиссёр — Дэнни де Вито.

.....Роальд Даль (англ. *Roald Dahl*), родился в Вилле Мэри на Фэрюттер-Роудв в Кардиффе 13 сентября 1916 года у норвежцев Харальда Даля и Софи Магдалены Даль (урождённой Хессэльберг). Отец был родом из Сарпсборга и перебрался в Англию в 1880-х. Софи перебралась туда в 1911 году и в тот же год вышла за Харальда. Роальд назван в честь полярника Руаля Амундсена, национального героя Норвегии в то время. У него было три сестры — Астри, Алхильд и Эльза.

.....Будучи рождёнными в Англии и с детства говорившие на английском языке Даль и его сёстры дома с родителями общались на норвежском. При рождении все четверо были крещены в Норвежской Церкви Кардиффа, где их родители несли службу.

.....В 1920 году, когда Роальду было 3 года, его старшая сестра, 7- летняя Астри умерла, от аппендицита, а спустя несколько недель Харальд в 57 лет умер от пневмонии, когда рыбачил в Антарктике. Хотя у Софи был выбор после этого вернуться в Норвегию к родственникам, она всё же решила остаться в Англии, так как Харальд очень хотел, чтобы его дети получили образование в английских школах, которые он считал самыми лучшими. Он учился в пансионе для мальчиков.

.....Сразу после окончания пансиона, Роальд совершил путешествие на остров Ньюфаундленд. В университет решил не поступать и

в 1933 году устроился на работу в компанию «Шелл». В двадцать лет он уехал в Танзанию. Во время Второй мировой войны он поступил на службу лётчиком-истребителем в Найроби (Кения). Участвовал в боях в небе над Ливией, Сирией, Грецией. Войну Роальд окончил полковником. После войны Даль целиком посвятил себя творчеству: писал рассказы, повести, пьесы, как для взрослых, так и для детей.

.....Книгу «Джеймс и гигантский персик» (1961) Роальд Даль писал для своих детей и не собирался публиковать её, пока семья не уговорила его отнести рукопись в редакцию. После огромного успеха этой книги Даль продолжил писать детские книги («Чарли и шоколадная фабрика», «Матильда»).

.....С выходом в свет в 1959 году очередного сборника рассказов «KISS KISS» («Поцелуй») за Далем прочно закрепилась репутация мастера черного юмора – слово «мастер» в этом определении играет, безусловно, решающую роль, ибо, прежде всего он замечательный рассказчик. Даль второй раз получает престижную премию Э.ПО (1959).

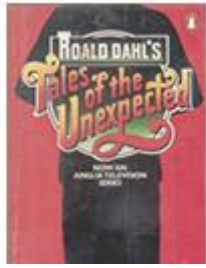
.....Рассказы Даля стали появляться в переводах на итальянский, голландский, французский, немецкий языки. Сборники его рассказов появляются бесчисленными тиражами. Пересказывать содержание этих историй – занятие бесперспективное, ведь это не просто сюжеты, на которые нанизаны диалоги и разного рода художественные описания. Их отличает присущая только одному Далю манера; в пересказе неизбежно утратится дух и стиль, ирония и тонкий юмор, ощущающиеся в каждой фразе.

.....в 1961 году Даль участвует в создании телевизионного сериала WAY OUT (14 эпизодов). Роальд Даль также написал две автобиографические книги «Мальчик» («Boys») о ранних годах жизни и «Полеты в одиночку» («Going solo») о его работе в Африке и участии во Второй мировой войне.

.....Роальд Даль умер 23 ноября 1990 в возрасте 74 лет в Оксфорде (Англия), и был похоронен на кладбище церкви Св. Петра и Св. Павла по обряду викингов с любимыми предметами - бильярдными киями, бутылкой бургундского, шоколадными конфетами, карандашами. В честь Р.Даля открыта Детская галерея в Букингемском музее, день его рождения, 13 сентября, отмечается во вём мире как День Роальда Даля.

КНИГИ

- Джеймс и гигантский персик (1961)
- Чарли и шоколадная фабрика (1964)
- Бесподобный мистер Фокс (9 декабря 1970 года)
- Огромный крокодил (24 августа 1978 года)
- Матильда (21 апреля 1988 года)
- БДВ (14 октября 1982 года)

Рассказ «Человек с юга» также имеет альтернативные названия: «The Smoker» («Курильщик») и «Collector's Item» («Вещь коллекционера»).

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

- Большую часть произведений Роальд Даль написал в своей «хижине», которую Даль называл своим «гнездышком».
- В кабинете до сих пор находится масса предметов, которые Даль любил видеть вокруг себя во время работы, такие как большой шар, свёрнутый из конфетных обёрток, любимое изогнутое кресло и разлинованные жёлтые блокноты, привозимые из США. Необычно то, что в кабинете нет письменного стола — Даль всегда писал карандашом, положив блокнот на колени и подложив под него стопку картона. Сейчас родственники писателя собирают средства на сохранение хижины и перенос её в музей Даля.
- Роальд Даль написал более 60 рассказов и три раза выигрывал престижную американскую литературную премию Edgar Awards, названную так в честь Эдгара Аллана По. В 1954 году этой чести удостоился сборник «Someone Like You», в 1959-м — повесть «Хозяйка», в 1980-м — эпизод сериала «Непридуманные истории», основанный на рассказе «Кожа».
- В список «200 лучших книг по версии ВВС» 2003 года вошло 9 книг Даля.

НЕДЕЛЯ 14

ТЕКСТ МИССИС БИКСБИ И ПОДАРОК ПОЛКОВНИКА

Студентам предлагается или индивидуальная работа или работа в группах. Всем учащимся раздается для анализа одинаковый текст и перед каждым ставится цель — заполнить схему «Рыбий скелет» на протяжении 10 минут. Затем проходит обсуждение результатов, обмен мнениями и заполнение общей схемы на доске.

Или же каждая из групп получает свой текст. Чтение текста происходит индивидуально, а его обсуждение – в группах. Общая схема Фишбоун заполняется на основе мнений групп.

Америка - страна широчайших возможностей для женщин. Уже сейчас они являются владелицами примерно восьмидесяти пяти процентов всего достояния нации. А в скором времени они приберут его к рукам окончательно. Бракоразводный процесс, который просто оформить и еще проще забыть, превратился в золотonosную жилу, и корыстолюбивые самочки могут сколь угодно часто черпать из этого источника прибыли, доводя свои

барыши до астрономических исчислений. Смерть мужа также приносит значительный доход, и некоторые дамы предпочитают полагаться на это средство.

Они знают, что в один прекрасный день их ожидание будет вознаграждено: переутомление и гипертония сделают свое дело, и бедняга безвременно скончается за своим рабочим столом с пузырьком бензедрина в одной руке и коробочкой транквилизаторов в другой.

Сменяющие друг друга поколения молодых американцев отнюдь не обеспокоены грозной перспективой развода и смерти. Чем более грабительскими становятся условия развода, тем больше их это подстегивает.

Юноши не в силах дотерпеть даже до совершеннолетия, женятся, как мыши, и к тридцати шести годам многие из них успевают обременить свой финансовый баланс по меньшей мере двумя бывшими женами. Для того чтобы обеспечить существование этих особ, к чему последние привыкли, мужчины вынуждены вкалывать, как рабы, каковыми, в сущности, они и являются. Но вот, наконец, по мере приближения к подлинной зрелости, чувство разочарования и страха начинает потихоньку проникать в их сердца, и по вечерам они тянутся в клубы и бары, где, собираясь в теплые компании, пьют свое виски, глотают свои таблетки и пытаются ободрить друг друга "историями из жизни".

Основная фабула этих историй неизменна. Главных и обязательных персонажей в них трое: муж, жена и сукин сын. Муж - человек достойный, прямодушный и великий труженик. Жена - существо хитрое, вероломное и порочное; в союзе с сукиным сыном она строит козни. Муж слишком благороден, чтобы ее подозревать.

Он ни сном, ни духом ни о чем не ведает. Так неужто же зло восторжествует и бедный рогоносец останется слеп до конца дней своих? Пожалуй, что так. Но минуточку! Внезапно, одним блестящим маневром, муж одерживает победу, отплатив негодяйке ее же монетой.

Жена обезоружена, посрамлена, унижена и чувствует себя дура душой. Мужская аудитория в баре, слегка утешенная вымыслом, тихо улыбается.

Эти истории, чудные испарения грустного и мечтательного мира несчастных мужей, распространены повсеместно, но по большей части они слишком плоски для пересказа и чересчур пикантны для передачи на бумаге. Но вот, однако, история, выгодно отличающаяся от других, а именно тем, что является сущей правдой.

Как средство утешения, она чрезвычайно популярна среди рогоносцев со стажем, и если вы являетесь одним из них, и если раньше вам не доводилось ее слышать, то вам должен понравиться ее итог. Называется эта история "Миссис Биксби и подарок Полковника", и звучит она приблизительно так: Мистер и миссис Биксби жили в небольшой квартирке где-то в Нью-Йорк-Сити. Мистер Биксби был дантистом с доходом в пределах среднего. Миссис Биксби была видной энергичной женщиной с чувственным ртом. Один раз в месяц, и только по пятницам, миссис Биксби отправлялась на Пенсильвания-Стейшн, брала билет на дневной поезд и ехала в Балтимор проводить свою старую тетушку.

Она оставалась у тетушки на ночь, а на следующий день возвращалась в Нью-Йорк и успевала приготовить для супруга ужин. Мистер Биксби благодушно относился к этим отлучкам. Он знал, что тетя Мод живет в Балтиморе, и что жена очень привязана к старушке, да и было бы просто неразумно лишать их обоих удовольствия традиционных встреч.

- Ну, если ты не желаешь, чтобы я тебя сопровождал, то пока, - говорил поначалу мистер Биксби.

- Разумеется, нет, дорогой, - отвечала миссис Биксби. - В конце концов, это моя тетушка, а не твоя.

Ну вот и ладненько.

Но на самом-то деле тетушка была для миссис Биксби не более чем удобным прикрытием. Сукин сын, воплотившись в джентльмена, известного как Полковник, таился, хитро посмеиваясь, в засаде, и героиня нашей истории проводила в компании этого мерзавца большую часть своих балтиморских выездов. Полковник был очень богат. Он жил в великолепном доме на окраине города. Свободный от семейных уз, его окружали лишь несколько незаметных и верных слуг, и в отсутствие миссис Биксби он развлекался верховой ездой и охотой на лис.

Год за годом, не давая сбоев, длилась между миссис Биксби и Полковником эта легкая, непритязательная связь. Они виделись так редко (двенадцать раз в году- это совсем немного, если хорошенько подумать), что у них попросту не было никакой возможности надоесть друг другу. Напротив, долгие перерывы между свиданиями только наполняли нежностью их сердца, и каждая новая встреча становилась праздником воссоединения.

- Ату ее! - кричал Полковник всякий раз, встречая ее на вокзале в своем шикарном лимузине. - Любовь моя, я почти забыл, как сногшибательно ты выглядишь! Но поехали, спрячемся в нашей норке . . .

Так прошло восемь лет.

Приближалось Рождество. Миссис Биксби стояла на балтиморском вокзале, ожидая обратный поезд на Нью-Йорк. Это свидание, которое только что закончилось, было каким-то по-особому приятным, и потому настроение у нее было самым жизнерадостным. Впрочем, общение с Полковником всегда поднимало ей настроение. Этот человек мог заставить ее почувствовать себя совершенно иной, выдающейся женщиной, личностью, отмеченной тонкими, экзотическими талантами, обаянию которых невозможно сопротивляться, - и как же далеко оказывался в это время дом с мужем-дантистом, который преуспел только в том, что принудил ее ощущать себя некоей разновидностью вечного пациента, бесшумно обитающего в приемной среди пожелтевших журналов и все реже вызываемого на пытку мелочно дозированного вспоможения от этих стерильных розовых рук.

- Полковник велел передать вам это, - раздался рядом чей-то голос. Она повернула голову и увидела Уилкинса, старого слугу Полковника, тщедушного карлика с кожей землистого цвета. Он совал ей в руки широкую картонную коробку.

- Боже мой! - взволнованно воскликнула она. Какая огромная коробка! Что это, Уилкинс? У вас есть какая-нибудь записка? Он передал мне записку?

- Нет, не передал, - сказал слуга и зашагал прочь.

Войдя в поезд, миссис Биксби немедля понесла коробку подальше от чужих глаз, в дамскую уборную.

Какая приятная неожиданность - подарок Полковника к Рождеству! Она принялась развязывать бечевку.

- Наверное, это платье, - предположила она вслух. - А может, даже два платья. Или целый ворох чудесного белья.. Не буду смотреть Лучше просто пощупаю и попытаюсь догадаться, что это такое. И даже попытаюсь угадать, какого оно цвета и фасона. Ну и сколько стоит, конечно.

Она сильно зажмурила глаза, медленно подняла крышку и опустила руку в коробку. Сверху лежала тонкая оберточная бумага, нежно зашуршавшая под ее ладонью. Здесь же она

наткнулась на какой-то конверт или открытку, чему не придавала значения, и, запустив руку под бумагу, принялась осторожно, словно насекомое усиками, ощупывать пальцами содержимое.

- Боже правый! - воскликнула она вдруг. - Этого не может быть!

Широко раскрыв глаза, она уставилась на шубу и тотчас, в молниеносном броске овладев ею, вытащила из коробки. Ласково прошелестела бумага, давая выход потоку гладкого сплошного меха, и, поднятая в полный рост, шуба оказалась такой восхитительной, что у миссис Биксби захватило дух.

Такой норки она раньше даже не видала. Неужели это норка? Да, без всякого сомнения. И какого изумительного цвета! - почти абсолютно черного. Так показалось ей сразу, но когда она поднесла шубу поближе к окну, то увидела синеватый оттенок, глубокий и насыщенный, как кобальт. Она быстро взглянула на этикетку. На ней значилось просто: дикая лабрадорская норка. И больше ничего, ни единого намека на то, где она была куплена и тому подобное. Но об этом, решила миссис Биксби, сам Полковник, должно быть, позаботился. Хитрый лис постарался замести за собой все следы. Молодец. Но сколько же, в самом деле, она может стоить? Страшно подумать. Четыре, пять, шесть тысяч долларов. А может, и того больше.

Она не могла оторвать глаз от шубы. И, разумеется, не примерить ее немедленно было выше ее сил. Прерывисто дыша от волнения, с восторженно округлившимися глазами, она мигмом выскользнула из своего простого красного пальто. Но, силы небесные, что это был за мех! А эти широчайшие рукава с большими тяжелыми отворотами! Кто это говорил ей когда-то, что для рукавов используют шкурки самок, а для всего остального - самцов? Кто-то ей это говорил. Джоан Рутфилд, вероятно, хотя что эта Джоан может смыслить в норках!

Массивная черная шуба словно бы сама прыгнула на плечи миссис Биксби и пристала к ней, как вторая кожа. Ощущение было непередаваемое. Чудеса! Она посмотрелась в зеркало. Просто фантастика. Все ее существо преобразилось до основания. Богатство, великолепие, блеск, красота и чувственная роскошь все одновременно было в женщине, смотревшей на нее из зеркала. А это сладостное ощущение власти и могущества! В такой шубе она может пойти, куда захочет, все будут скакать вокруг нее, как кролики. Да что там говорить, словами этого не выразишь.

Миссис Биксби взяла конверт, который все еще лежал в коробке, открыла его и вынула письмо от Полковника:

Я помню, ты говорила когда-то, что тебе очень нравятся норковые шубы, ну так вот, получай. Мне сказали, что это хорошая вещь. Пожалуйста, прими ее, с моими лучшими пожеланиями, как прощальный подарок. По сугубо личным причинам я не смогу больше с тобой встречаться. Так что всего хорошего и прощай.

О!

Какой кошмар!

Как гром с ясного неба, когда она была так счастлива.

Полковника больше не будет.

Какой страшный удар.

Она будет ужасно по нему скучать.

Миссис Биксби начала задумчиво поглаживать мягкую черную поверхность шубы.

Вот уж действительно - никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь

Она улыбнулась и свернула письмо, намереваясь разорвать его и выкинуть в окно, но вдруг заметила на обратной стороне какую-то приписку.

P. S. Ты скажи там, что это твоя добрая тетушка подарила тебе к Рождеству.

Губы миссис Биксби, до этого момента растянутые в блаженной улыбке, сжались, как отпущенная резинка.

- Да он с ума сошел! - воскликнула она. - У тети Мод сроду не было таких денег. Она не могла бы мне подарить эту шубу. Но если это не тетушкин подарок, то тогда чей же?

О Боже! За всем восторгом от обнаружения шубы и ее примерки она совершенно выпустила из виду этот жизненно важный момент.

Через пару часов она будет в Нью-Йорке. Еще через десять минут войдет в квартиру, где ее встретит муж; и даже у такого человека, как Сирил, этой флегмы, вяло существующей в своем мире зубных каналов, бвкусов и кариесов, возникнут кое-какие вопросы, когда его жена пританцует вдруг с уик-энда в норковой шубе за шесть тысяч долларов.

"Вот что я думаю, - сказала она мысленно, - я думаю, что проклятый Полковник сделал это специально, чтобы надо мной поиздеваться. Он прекрасно знал, что у Тети Мод нет денег на такую шубу. Он знал, что я не смогу ее носить".

Но миссис Биксби уже не могла себе представить, как она расстанется с этим чудом.

- У меня будет эта шуба! - сказала она вслух. - У меня будет эта шуба! У меня будет эта шуба! Ну хорошо, дорогая. У тебя будет эта шуба. Но только без истерики. Сядь, успокойся и подумай. Ты ведь умная девочка, правда? Тебе всегда удавалось его обмануть. Ты же знаешь, что у него никогда не хватало мозгов на что-либо еще, кроме своих дурацких анализов. Так что не дергайся, сядь и думай. Время еще есть.

Спустя два с половиной часа миссис Биксби сошла с поезда на Пенсильвания-стейшн и быстро направилась к выходу. На ней снова было ее старое красное цальто, а в руках она несла картежную коробку. Выйдя из вокзала, она остановила такси.

- Водитель, - сказала она, - вы не знаете здесь поблизости какого-нибудь ломбарда, который еще работает?

Таксист поднял брови, обернулся и окинул ее любопытным взглядом.

- На Шестой авеню сколько угодно, - ответил он.

- В таком случае, остановитесь у первого же, хорошо? - Она села, и машина тронулась.

Вскоре такси притормозило у ломбарда, над входом в который висели три медных шара.

- Подождите меня, пожалуйста, - сказала миссис Биксби водителю, выбралась из такси и вошла в ломбард.

На прилавке, согнувшись над белым блюдцем, сидел огромный кот и поедал рыбы головы. Он сверкнул на миссис Биксби желтыми глазницами, сглотнул и вернулся к еде. Миссис Биксби остановилась у прилавка на безопасном расстоянии от кота и принялась рассматривать, что попадалось на глаза: часы, обувные пряжки, эмалевые броши, старый бинокль, разбитые очки и вставные челюсти. "И почему это они вечно закладывают свои челюсти?" - подумалось ей.

- Слушаю вас, - сказал хозяин, возникая из темных глубин ломбарда.

- А, добрый вечер, - сказала миссис Биксби. Она начала развязывать коробку; хозяин подошел к коту и погладил его по спине; кот продолжал поедать рыбы головы.

- Представьте, какая глупость, - сказала миссис Биксби. - Где-то посеяла свой бумажник. А сегодня суббота, все банки до понедельника закрыты. Мне просто необходимо раздобыть

денег на уик-энд. Это очень дорогая шуба, но мне не нужно много. Ровно столько, чтобы как-то перебиться до понедельника. А тогда я приду и выкуплю.

Хозяин выслушал ее молча. Но когда она вынула шубу и перебросила ее через прилавок, продемонстрировав все великолепие, его брови поползли вверх, и, отвлекшись от кота, он подошел. Взял шубу и, вытянув руки, поднял ее перед собой.

- Бели бы у меня были с собой часы или кольцо, - сказала миссис Биксби, - то, конечно, я бы их заложила. Но, к сожалению, ничего, кроме этой шубы, у меня сейчас нет. - Она растопырила пальцы для подтверждения.

- Похоже, что новая, - сказал хозяин, любовно проводя ладонью по мягкому меху.

- О да, абсолютно. Но, как я уже сказала, мне много не нужно, только до понедельника. Как насчет пятидесяти долларов?

- Я дам вам пятьдесят долларов.

- Она стоит, конечно, в сто раз больше, но я надеюсь, что до понедельника у вас ничего с ней не случится.

Хозяин подошел к столу, достал из ящика залоговый билет и положил на прилавок. Билет напоминал бирку - одну из тех, что обычно привязывают к багажу, такой же формы и размера и из такой же плотной коричневатой бумаги. Отличием были только маленькие дырочки, разделявшие билет на две идентичные части.

- Имя? - спросил хозяин.

- Оставьте без имени. И адреса тоже не нужно.

Перо авторучки в нерешительности застыло над перфорированной линией.

- Но ведь совсем не обязательно записывать имя и адрес, не так ли?

Хозяин пожал плечами, неопределенно хмыкнул, и перо зависло над другой половиной билета.

- Нет, нет, ничего не пишете, - сказала миссис Биксби. - Это мое личное желание.

- В таком случае, не потеряйте билет.

- Не потеряю.

- Вы понимаете, что любой, у кого он окажется, сможет прийти и потребовать вашу вещь?

- Да, я знаю.

- По одному только номеру.

- Разумеется.

- Как вы хотите, чтобы я ее описал?

- Не нужно никаких описаний, спасибо. В этом нет необходимости. Просто поставьте залоговую сумму, и все.

Перо снова поколебалось, зависнув над дырочками рядом со словом "артикул".

- Я думаю, вам все же следует ее описать. Описание может понадобиться, если вы захотите продать билет. Кто знает, а вдруг вы захотите его продать?

- Я не собираюсь его продавать.

- А вдруг соберетесь? Многие так делают.

- Послушайте, - сказала миссис Биксби. - Если вы думаете, что я разорилась, то вы ошибаетесь. Я просто потеряла кошелек. Понятно?

- Ну тогда как хотите, - сказал хозяин. - Дело ваше.

И тут в голову миссис Биксби пришло одно неприятное соображение.

- Хм, - сказала она, - и вот что. Если на билете не будет описания, то как я могу быть уверена, что вы отдадите мне мою шубу, а не что-нибудь другое?

- Я все заносу в реестр.

- Но ведь у меня-то только номер! Так что вы и впрямь сможете всучить мне любое старье, а?

- Ну так вы будете ее описывать или не будете? - спросил хозяин.

- Нет, - сказала она. - Я вам доверяю.

Хозяин написал "пятьдесят долларов" против слова "оценка" на обеих половинах билета, разорвал его по линии и послал нижнюю часть через прилавок. Затем он вытащил из внутреннего кармана пиджака свой бумажник и извлек из него пятьдесят долларов.

- Три процента ежемесячно. - добавил он.

- Хорошо. Благодарю вас. Вы ведь позаботитесь о ней, не правда ли?

Хозяин молча кивнул.

- Хотите, я снова положу ее в коробку?

- Не надо.

Миссис Биксби повернулась и вышла из ломбарда на улицу, где ее дожидалось такси. Через десять минут она была дома.

- Дорогой, - сказала она мужу, наклонившись его поцеловать. - Ты по мне соскучился?

Сирил Биксби отложил вечернюю газету и бросил взгляд на часы.

- Сейчас двенадцать с половиной минут седьмого.

Тебе не кажется, что ты задержалась?

- Да, я знаю. Все из-за этих ужасных поездов. Привет тебе от тети Мод, как обычно. Умираю, хочу что-нибудь выпить, а ты?

Свернув газету в аккуратный прямоугольник и положив его на ручку кресла, мистер Биксби встал и подошел к буфету. Его жена задержалась в центре комнаты и, стаскивая перчатки, внимательно следила за ним, раздражаясь его медлительностью. Он стоял к ней спиной и отмерял порцию джина, согнув шею и приблизив лицо к мензурке, вглядываясь в нее, словно это был рот пациента.

Смешно, до чего же убогим он выглядел после Полковника.

Полковник был огромным и плотным, и вблизи от него всегда пахло приправой из хрена. Этот же был маленьким, худым и невзрачным, и от него вообще ничем не пахло, разве что мятными леденцами, которые он сосал, чтобы его дыхание было приятно пациентам.

- Смотри, что я купил для разливания вермута, - сказал он, поднимая стаканчик с цифровыми делениями. - Им можно отмерять с точностью до миллиграмма.

- Какая ты умница, дорогой.

Нет, в самом деле, нужно заставить его изменить стиль, подумала она. Эти его костюмы просто смехотворны. Было время, когда они казались ей превосходными, - щеголеватые пиджаки с высокими лацканами и шестью пуговицами по вертикали, - но теперь они смотрелись идиотски. То же самое узкие брюки-дудочки. Чтобы носить такие вещи, нужно иметь особую внешность, не такую, как у Сирила. Когда его длинное, тощее лицо с узким носом и слегка выступающей челюстью маячило над одним из этих старомодных облегающих костюмов, весь он выглядел, как карикатура на Сэма Уэллера. А сам-то он, наверное, полагал, что похож на Бью Брумеля. Как бы то ни было, но своих пациентов-женщин он встречал в кабинете с неизменно распахнутым халатом, чтобы они могли оценить его наряд, который, по всей видимости, должен был тонко намекать на то, что он еще может задать жару. Но миссис Биксби знала лучше. Все эти ухищрения ровным счетом ничего не значили. Он напоминал ей одряхлевшего павлина, важно вышагивающего по лужайке, расправив три жалких перышка, оставшиеся от хвоста.

Или одно из тех нелепых самоопыляющихся растений, вроде одуванчика. Для получения семян одуванчик не нуждается в опылении, и все его ярко-желтые лепестки - лишь пустая трата времени, хвастовство, маскарад. Какой же для этого термин у биологов? Бесполой. Одуванчик - бесполой. Летнее потомство водяной блошки, между прочим, тоже. Нечто в духе Льюиса Кэрролла, подумала она: водяные блошки, одуванчики и дантисты.

- Спасибо, дорогой, - сказала она, принимая мартини и усаживаясь на диван, положив сумочку на колени. - А ты чем занимался вчера вечером?

- Сидел у себя в кабинете и делал пломбы. Да еще оформлял кое-какие счета.

- Но в конце концов, Сирил, тебе давным-давно пора оставить эту тупую работу кому-нибудь другому. Для человека с твоим умом и положением это просто несолидно. Почему ты не поручишь пломбы технику?

- Я предпочитаю делать их сам. Пломбы - что моя гордость.

- Я знаю, дорогой, что они совершенно замечательны. Это самые лучшие пломбы в мире. Но мне не нравится, что ты себя перегружаешь. И вообще, почему эта твоя мисс Палтни не занимается счетами? Ведь это ее обязанность, не так ли?

- Она ими занимается. Но Сначала я сам должен определить расценки. Она не в курсе платежеспособности моих пациентов.

- Отличный мартини, - сказала миссис Биксби, отставляя стакан на десертный столик. - Просто отличный.

Она открыла свою сумочку и вынула носовой платок, как будто для того, чтобы высморкаться.

- Ах да! - воскликнула она, увидев билет. - Совсем забыла тебе показать! Я нашла это на сиденье в такси. Здесь какой-то номер, и я подумала, может, это лотерейный билет или что-нибудь такое, ну и взяла.

Она протянула мужу жесткий коричневый листочек; он осторожно взял его и подверг минутному осмотру со всех углов, как осматривал бы сомнительный зуб.

- Ты знаешь, что это такое? - сказал он, растягивая слова.

- Нет, дорогой, не знаю.

- Это залоговый билет.

- Что?

- Билет из ломбарда. Вот здесь название и адрес: где-то на Шестой авеню.

- Ах, милый, ты меня разочаровал! Я было понадеялась, что это билет на ирландскую распродажу.

- Не вижу причин для разочарования, - сказал Сирил Биксби. - По-моему, это очень даже забавно.

- Что же здесь забавного, дорогой?

Он принялся подробно объяснять, как действует залоговый билет, и особый упор сделал на том факте, что любой, у кого он в руках, может потребовать заложенную вещь. Миссис Биксби терпеливо выслушала его лекцию.

- Ты думаешь, стоит попытаться?

- Я думаю, что не стоит упускать шанс. Видишь, здесь написано: пятьдесят долларов. Понимаешь, что это означает?

- Нет, милый. А что?

- Это означает, что данный предмет стоит весьма приличных денег.

- Ты имеешь в виду эти пятьдесят долларов?

- Да нет, больше пятисот.

- Пятисот!

- Неужели до тебя не доходит? - сказал он. - Ростовщик никогда не дает больше десятой части реальной стоимости.

- Подумать только! Я понятия об этом не имела.

- Ты о многом не имеешь понятия, дорогая. А теперь слушай. Видишь, здесь нет ни имени, ни адреса владельца ...

- Но неужели вообще нет никакого знака?

- Ни малейшего. Так многие делают. Допустим, если не хотят, чтобы кто-нибудь узнал о том, что они были в ломбарде. Стыдятся.

- Так ты думаешь, мы можем взять эту вещь?

- Ну конечно, можем. Ведь это теперь наш билет.

- Мой билет, - твердо сказала миссис Биксби. Я его нашла.

- Душа моя, ну какая разница? Важно только то, что теперь мы можем взять этот билет, пойти и получить дорогую вещь всего за пятьдесят долларов. Как ты на это смотришь?

- Великолепно! - воскликнула она. - Это же страшно интересно, тем более когда не знаешь, чего ждать. Это может быть что угодно, правда, Сирил? Абсолютно что угодно!

- Не исключено, хотя скорей всего это будет кольцо или часы.

- А представь, если там окажется настоящее сокровище? Например, что-нибудь жутко старинное, какая-нибудь ваза или римская статуя.

- Не будем заниматься гаданием, дорогая. Надо пойти и все узнать.

- Мне кажется, это что-то фантастическое! Дай мне билет. Я в понедельник же утром помчусь туда и уэнаю!

- Пожалуй, я лучше сам это сделаю.

- Нет!-воскликнула она. - Я сама!

- Не спорь. Я заеду в ломбард по дороге на работу.

- Но ведь это мой билет! Пожалуйста, Сирил, позволь мне это сделать! Ну почему ты один должен получить все удовольствие?

- Ты не знаешь этих ростовщиков, дорогая. А тебя вообще так просто обмануть.

- Меня не обманут, ну правда, не обманут! Пожалуйста, дай его мне.

- А еще у тебя должно быть пятьдесят долларов, - сказал он с улыбкой. Ты должна заплатить маличными, иначе тебе ничего не отдадут.

- У меня есть деньги, - сказала она. - Кажется.

- И все же я не хотел бы, чтобы ты этим занималась.

- Но, Сирил, я нашла его. Он мой. Что бы там ни было, он мой, разве не так?

- Ну разумеется, он твой, дорогая. Зачем столько волнений по этому поводу?

- Я не волнуюсь. Просто немного возбуждена, вот и все.

- Похоже, тебе не приходит в голову, что это может оказаться чисто мужская вещь - карманные часы, например, или набор запонок. В ломбарды, между прочим, ходят не только женщины.

- В таком случае, это будет тебе мой рождественский подарок, великодушно заявила миссис Биксби. Я буду только рада. Но если это женская вещь, я возьму ее себе. Договорились?

- Что ж, это справедливо. А почему бы тебе не пойти вместе со мной?

Миссис Биксби уже открыла рот сказать "да", но вовремя опомнилась. Ей совсем не улыбалось, чтобы владелец ломбарда поздоровался с ней, как со старой клиенткой в присутствии мужа.

- Нет, - сказала она, помедлив. - Мне уже не хочется. Да и ты знаешь, есть своя прелесть в том, чтобы остаться и ждать. Я очень надеюсь, что это не окажется что-либо никому из нас не нужное.

- Вот это ты верно заметила, - сказал мистер Бикоби. - Я не стану ничего выкупать, если увижу, что на это не стоит тратить пятьдесят долларов.

- Но ведь ты сказал, что это должна быть ценная вещь.

- Я нисколько не сомневаюсь, что так и будет. Не волнуйся.

- О, Сирил, я сгораю от нетерпения! Все это так таинственно!

- Это забавно, - сказал он, опуская билет в карман жилета. - Очень даже забавно.

Наконец-то наступил понедельник, и после завтрака миссис Биксби проводила мужа до двери и помогла ему надеть пальто.

- Не перетруждался, милый, - сказала она.

- Хорошо, не буду.

- Дома в шесть?

- Постараюсь.

- У тебя есть еще время заехать в ломбард?

- Боже, я совершенно забыл об этом! Ладно, возьму такси и заеду. Это по дороге.

- Ты ведь не потерял билет?

- Надеюсь, что нет, - сказал он, ощупывая жилетный карман. - Ага, вот он.

- А денег у тебя хватит?

- Хватит.

- Милый, - сказала она и, подойдя к нему вплотную, выровняла галстук, и без того висевший ровно. - Если там окажется что-нибудь хорошее, такое, что может мне понравиться, позвонишь мне сразу из кабинета?

- Пожалуйста, если ты так просишь.

- Хотя знаешь, мне очень хочется, чтобы там было что-нибудь для тебя, Сирил. Правда, очень хочется.

- Как ты добра, дорогая. Но мне пора бежать.

Спустя час, когда зазвонил телефон, миссис Биксби выказала такую прыть, что схватила трубку раньше, чем закончился первый сигнал.

- Дело сделано! - сказал мистер Биксби.

- Да?! И что же там, Сирил? Что-нибудь хорошее?

- Хорошее?! - воскликнул он. - Умопомрачительное! Ты закачаешься, когда увидишь!

- Милый, ну так что же это? Сейчас же скажи мне!

- Тебе фантастически повезло, вот что я тебе скажу.

- Значит, это что-то для меня?

- Ну конечно, для тебя. Хотя, чтоб я провалился, если понимаю, как можно было такое заложить за пятьдесят долларов. Какой-то сумасшедший, наверное.

- Сирил! Перестань испытывать мое терпение! Я этого не вынесу!

- Ты с ума сойдешь, когда увидишь.

- Что это?

- Угадай.

Миссис Биксби выдержала паузу. "Будь осторожна, - приказала она себе. Будь очень осторожна".

- Ожерелье, - сказала она.

- Холодно.

- Бриллиантовое кольцо.
- Ничуть не теплее. Я дам тебе намек. Это такое, что ты можешь носить зимой.
- Что я могу носить зимой? Какая-нибудь шапка?
- Нет, не шапка, - сказал он, смеясь.
- Ради всего святого, Сирил! Почему ты не говоришь?
- Потому что хочу сделать тебе сюрприз. И вечером ты его получишь.
- Никаких сюрпризов! - взорвалась она. - Я сию же минуту еду к тебе и все забираю!
- Я думаю, не стоит этого делать.
- Что за ерунда, дорогой. Почему я не могу приехать?
- Потому что я слишком занят. Ты сломаешь мне весь утренний график. Я и так уже на полчаса отстаю.
- Тогда я приеду в обеденный перерыв. Хорошо?
- У меня не будет перерыва. Хотя ладно, приезжай в половине второго, я съем сэндвич. Пока.

Ровно в половине второго миссис Биксби прибыла к месту работы мистера Биксби и позвонила. Ее муж в своем белом халате сам открыл ей дверь.

- О, Сирил! Я так волнуюсь!
 - Ну-ну, успокойся. И однако ж, тебе фантастически повезло!
- Он провел ее по коридору в хирургическую.

- Идите обедать, мисс Палтни, - оказал он ассистентке, укладывавшей инструменты в стерилизатор. - Закончите это, когда вернетесь.

Он подождал, пока девушка выйдет, подошел к стенному шкафу, в котором держал свою одежду, и остановился перед ним, вытянув указательный палец.

- Это, здесь, - сказал он. - А теперь - закрой глаза.

Миссис Биксби подчинилась. Она глубоко вдохнула и задержала дыхание и в наступившей тишине услышала, как муж открыл шкаф и вытащил оттуда что-то, мягко прошумевшее между прочей одеждой.

- Вьюе! Можешь смотреть!
- Ох, даже страшно, - сказала она со смехом.
- Ну тогда подсмотри.

Медленно, начиная хихикать, она чуть-чуть приоткрыла один глаз - ровно настолько, чтобы увидеть размытую фигуру мужчины в белом, держащего что-то в высоко поднятой руке.

- Норка! - закричал он. - Настоящая норка!

При звуках этого магического слова глаза ее распахнулись, и одновременно вся она как бы подалась вперед, намереваясь заключить шубу в свои объятия.

Но никакой шубы не было. Вместо нее в руке мужа покачивалась желтая меховая горжетка.

- Вот, ты только полюбуйся! - оказал он, встряхнув этим убожеством перед ее лицом.

Миссис Биксби зажала ладонью рот и начала медленно пятиться. "Сейчас я заору, - подумала она. - Не могу. Сейчас заору.

- В чем дело, дорогая? Тебе не нравится?
- Он прекратил трясти мехом и уставился на нее, ожидая, когда она заговорит.
- Нет ... почему... - выдавила она. - Я ... я ... думаю ... это прелестно ... просто прелестно.
 - У тебя, видать, голова от счастья кругом пошла?
 - Да, конечно.

- Высочайшее качество, - сказал он. - И цвет отличный. Знаешь, что я думаю? Я думаю, что за такую вещь в магазине тебе пришлось бы выложить по меньшей мере две-три сотни.

- Не сомневаюсь.

Это были две норковые шкурки, две узкие паршивенькие шкурки с головами, глазами-бусинками и болтающимися лапками. В пасти одной норки был закусен свободный край другой.

- А ну-ка, - сказал он, - примерь. - Приблизившись, он надел горжетку ей на шею и отступил назад полюбоваться. - Великолепно. Тебе очень идет. Не у всякой женщины есть такие вещи, дорогая.

- Да, не у всякой.

- Ты, пожалуй, не надевай ее, когда будешь идти за покупками, "е то подумают, что мы миллионеры, и начнут цену набавлять.

- Я постараюсь запомнить это, Сирил.

- И, кстати, не рассчитывай еще на какой-нибудь подарок к Рождеству. В любом случае, пятьдесят долларов и так слишком много - больше, чем я собирался на это потратить.

Он повернулся, подошел к умывальнику и начал мыть руки.

- А теперь беги, дорогая, и купи себе что-нибудь вкусенькое. Я бы сам тебя проводил, да у меня в приемной сидит старик Гормэн со сломанным протезом.

Миссис Биксби повернулась и пошла к двери.

"Я убью этого ростовщика,- думала она.- Сию же минуту еду в ломбард и швыряю ему в лицо эту мерзкую горжетку. Пусть только попробует не вернуть мне мою шубу. Задушу собственными руками!"

- Я сказал тебе, что буду сегодня поздно? - спросил Сирил Биксби, продолжая мыть руки.

- Нет.

- Судя по обстоятельствам, не раньше половины девятого. Или даже в девять.

- Хорошо. До вечера. - Миссис Биксби вышла, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Именно в этот момент мимо нее по коридору проплывала, уходя на обед, мисс Палтни, секретарь-ассистентка.

- Изумительный сегодня день, не правда ли? - сказала она, сверкнув белозубой улыбкой.

Необычайная легкость была в ее походке, облачко аромата витало вокруг нее, и выглядела она, как королева, как настоящая королева, одетая в великолепную норковую шубу - прощальный подарок Полковника миссис Биксби.

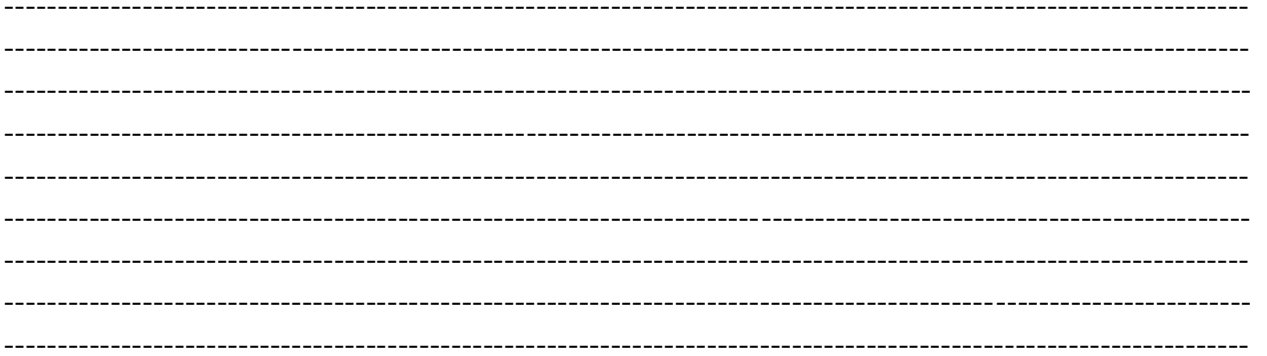
В конце каждый представляет свой вариант рыбьего скелета

- Голова —
- Верхние косточки —
- Нижние косточки —
- Хвост —

Задание на дом

Подумайте – есть ли у женского персонажа Рояда Даля что-нибудь общее с персонажами предыдущих женских образов.

Если есть то напишите

НЕДЕЛЯ 13.

АЗИЗ НЕСИН (1915—1995)

Интересные факты. Почему А. Несин? Лучшие фразы Азиза Несина.

Знакомство с биографией писателя необходимо для дальнейшего изучения его творчества. Лекция о биографии художника слова должна выяснить:

- а) в чём особенности писателя как художника и мыслителя;*
- б) как он связан с эпохой, с теми или иными общественными классами, с народной жизнью;*
- в) как развивался стиль писателя, каковы были основные этапы его творческого пути;*
- г) что нового внёс он в общественную жизнь и в историю литературы.*

Азиз Несин один из псевдонимов Мехмета Нусрета - известного турецкого писателя, драматурга и публициста. Он родился 20 декабря 1920 года в Хейбелиаде, одном из Принцевых островов, о котором сам Несин говорил, что это — «райский уголок, где не положено жить такому, как я. Эта летняя резиденция самых влиятельных турецких толстосумов стала моей родиной. Сильные мира сего не могут обойтись без бедняков, они очень нуждаются в их жилистых руках. Вот поэтому-то мы и жили на Хейбелиада.

В 1939 году он окончил военно-техническое училище, получил специальность сапера и чин младшего офицера. Служба его протекала поначалу во Фракии, затем на востоке страны, в районе Карса, а перед самым увольнением в 1944 году в столице — Анкаре, немало обогатив уже начавшего писать Несина жизненным материалом, который впоследствии послужил основой многих его художественных произведений.

В 1937—1939 гг. слушал лекции в Академии изящных искусств.

Азиз Несин автор 34 сборников сатирических и юмористических рассказов, сборников сатирических сказок «В одной стране» (1958) и «Хоптиринам» (1960), восьми романов, в том числе романа «Король футбола», автобиографического романа «Так было, но так не будет», шести пьес. Сатира А. Несина направлена против социальных пороков, политического приспособленчества. В своем творчестве он неизменно ратовал за свободу, независимость и чистоту человеческих отношений как в Турции, так и во всем мире. Излюбленный герой А. Несина — мелкий чиновник, интеллигент-неудачник, бедняк, мечущийся в поисках работы, то есть человек из народа. Общий тираж изданных произведений писателя в 2010 году составил более 8 миллионов экземпляров.

Первые литературные опыты А. Несина связаны с поэзией. В 1939—1943 гг. он печатал стихи в газете «Еди Гюн». Однако Назым Хикмет посоветовал ему не тратить время на это занятие, потому что стихи его никудашные. «Пиши рассказы и романы», — сказал он. Первые рассказы были опубликованы в 1943 г в журнале «Миллет». *"Когда я закончил свой первый рассказ (я полагал, что читатели будут проливать над ним слезы) и принес его в журнал, редактор, человек очень недалекий, вместо того чтобы плакать, залился веселым смехом и проговорил: «Молодец... Прекрасно. Пиши еще такие рассказы и приноси нам...»,* — иронизировал писатель о начале своей творческой карьеры. Азиз Несин обращается к самым разным жанрам: рассказам, сказкам, пьесам, романам, статьям. Брошюра «Куда мы идем?», выпущенная Несином, подвергала резкой критике «доктрину Трумэна», выдвигавшую американскую программу помощи Турции, а на деле ввергавшую страну в кабальную зависимость от американского капитала. В своих «Воспоминаниях ссыльного» (1957) Несин описывает полное лишений время, когда он был сослан на полтора года в город Бурса. В общем в заключении прошли пять с половиной лет жизни писателя. Будучи в тюрьме, Несин не теряет не покидавшее его чувство «грустного» юмора, и так пишет об этом этапе своей жизни — « Наши отцы рассказывали с гордостью о войнах и сражениях, в которых они участвовали. Мы лишены таких воспоминаний. Нашим детям мы сможем поведать лишь о тюрьмах, полиции, судах да допросах».

Поражает неистощимая изобретательность А. Несина в выборе сюжетов и формы подачи материала. Тематика его произведений очень богата: продажность госслужащих, безработица, безземелье крестьян, преследование прогрессивной мысли. Писателя волновали проблемы жилья, здравоохранения, просвещения. Он высмеивал эгоизм, произвол, низкопоклонство, взяточничество, религиозный фанатизм. «Многих удивляет, — говорит Азиз Несин, — количество написанных мною рассказов. Их более двух тысяч. А чему здесь удивляться? Если бы семья, которую я содержу, состояла не из десяти, а из двадцати человек, я вынужден был бы писать в два раза больше».

Произведения Азиз Несина пронизаны смехом и переполнены болью. Они заставляют смеяться читателя, однако при этом будят его мысль, открывают глаза на царящее вокруг зло. О своем творческом кредо и общественном смысле литературной деятельности Азиз Несин писал, что честным людям стыдно и больно осознавать, что много наших соотечественников пребывает во мраке Средневековья, голоде и неверии в завтрашний день — и тут же рядом счастливые, процветающие пользуются за их счет всеми благами жизни. Поэтому необходимо писать рассказы, чтобы люди смеялись, задумываясь над жизнью, и, задумываясь, смеялись.

Умер Азиз Несин в год своего восьмидесятилетия (1995), оставив огромное литературное наследие, доброе имя и Вақыф-фонд. В шестидесяти километрах к западу от Стамбула, в местечке Чаталджа, в окружении низких построек и фруктовых деревьев, высится четырёхэтажное каменное здание. Нет, это не загородный дом всемирно известного писателя. Это созданный на его средства и рассчитанный на восемьдесят пять мест интернат для круглых сирот и детей из бедных семей. Здесь они живут с трехлетнего возраста и учатся до восемнадцати лет в местной школе с условием, что в дальнейшем получат специальность, а тот, кто проявит особую способность, продолжит учёбу в высшем учебном заведении. Все средства, доходы от книг писатель завещал интернату, а своим четырём детям сказал, что свой хлеб они должны добывать собственным трудом.

Вести дела Фонда Азиз Несин поручил сыну Али, поэтому доктор физико-математических наук и философии вернулся в Турцию из Соединенных Штатов и так же, как и отец, поселился в Чаталдже.

ПОЧЕМУ А.НЕСИН?

В 1934 году в Турции вышел закон, который упразднил титулы и старые формы обращения, и будущий писатель взял себе фамилию «Несин», означающую *«Что ты есть?»*.

«Я надеялся, — поясняет он, — что, когда люди будут обращаться ко мне по фамилии, я стану задумываться над тем, что я и кто я».

Позднее, в поисках очередного псевдонима, было выбрано имя отца — Азиз. Хотя помимо этого, основного псевдонима, у Мехмет Нусрета было более пятидесяти псевдонимов. Это отчасти объяснялось острым социально-политическим характером его сатирических произведений

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ

- А. Несин — лауреат нескольких международных конкурсов писателей-сатириков;
- в 1956 г на IX Международном конкурсе писателей-юмористов в Италии за рассказ «Как был пойман Хамди по кличке „Слон“ Азиз Несин был удостоен первой премии и медали „Золотая пальмовая ветвь“;
- в 1957 г. Несин снова получил ту же награду за рассказ „Банкет по случаю установления котла“;
- в 1959 году за серию репортажей ему была присуждена премия Союза журналистов Турции;

- затем последовали медаль „Золотой еж“ на конкурсе юмористов в Болгарии за рассказ „Патриотический долг“, международная премия журнала „Крокодил“ за рассказ „Он должен остаться“, премия на конкурсе памяти основателя турецкой газеты „Миллиет“ Али Неджми Караджана за пьесы „Карагёз“, премия Турецкого лингвистического общества за пьесу „Чичу“ и ещё немало других наград;
- в 1974 г. Ассоциация писателей Азии и Африки присудила Несину Премию „Лотос“ за выдающиеся заслуги в области литературы и активную общественно-политическую деятельность.

ЦИТАТЫ

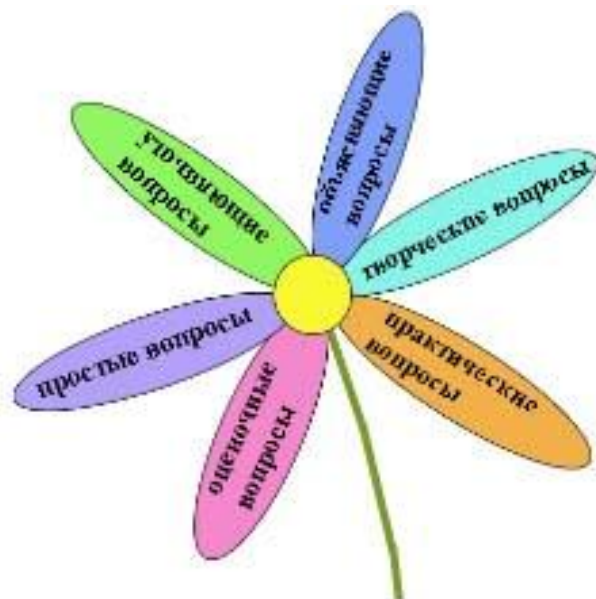
Пока против народ борется«угнетателей и поработителей с оружием в руках, юмору нет места. Но когда народ раздавлен, побежден и боится поработителя-угнетателя, он берет на вооружение юмор, и появляется масса анекдотов»

Великими юмористами в мире стали те, кто сумел в своем юморе выйти за рамки личного и поставил его на службу человечеству

- «По-моему, юморист — это Атлант, несущий на себе мир»
- «Что лучше всего на свете? Для француза — остроумная молодая женщина; для англичанина — пароход; для итальянца — глупая красавица; для немца — военный парад; для американца — бизнес; для турка — посидим, потолкуем.
- Я не уверен, что повторю вслед за некоторыми: „Если бы я родился еще раз, сделал бы то же самое“. Родись я второй раз, я сделал бы гораздо больше, чем сделал сейчас, и гораздо лучше.
- Жаль, что в истории человечества не было ни одного ловкача, сумевшего удрать от смерти, — я последовал бы его примеру. Но что делать, такого примера нет, и не моя вина, если я умру, как

Писатель	Цель	Задачи
Азиз Несин	<i>Понять идейную насыщенность жизненного и творческого пути общественное и литературное значение его творчества.</i>	<i>Постичь исключительно благоприятные условия для универсального развития личности автора; его быстрое и непрерывное творческое восхождение; определяющее влияние творчества автора на последующую литературу.</i>

НЕДЕЛЯ 14.
ТЕКСТ «МУЧЕНИК ПОНЕВОЛЕ»

Учащиеся с удовольствием изготавливают ромашку, на каждом из шести лепестков которой записываются вопросы разных типов. Работа может быть индивидуальной, парной или групповой. Цель - с помощью 6 вопросов выйти на понимание содержащейся в тексте информации, на осмысление авторской позиции (в художественных и публицистических текстах).

При отработке приёма необходимо указывать учащимся на качество вопросов, отсеивая неинформативные, случайные.

Проверьте, знаете ли вы эти слова

Повязка	синяк	предложить	честно
Заразный	матч	сломать	пусть
Живой	болеющий	голос	выиграть
Забить	гол	бить	сзади
Засчитать	скотина	кровь	удача
Взятка	упасть	пролить	во время
войти	в азарт	кричать	несправедливость
Чуть не убить	прийти в себя	мне было всё равно	

Автобус был битком набит. Однако в толчее выделялся один пассажир, который явно попал не на тот вид транспорта. Место ему было в карете «Скорой помощи». Левая рука прибинтована белой повязкой к плечу, голова перевязана, один глаз заплаыл и посинел, вокруг другого кровоподтеки. Он держался за поручень, стараясь как-нибудь поудобнее пристроиться в переполненном автобусе, и все время стонал. Кто-то из сидящих сжалился над ним и уступил место.

- Спасибо,- охая сказал инвалид.

- Ба, да это Сельман-бей! — воскликнул пассажир, уступивший место.

-Здравствуй! Кто это тебя так разукрасил? Чтостряслось?
- О-ох! Ы-ых! Здравствуй, Сарафеттин-бей! И не спрашивай лучше! Я в таком виде пребываю уже третий месяц..

- Вах, вах! Что же это такое!

- Э-эх! Господи, прости и помилуй, совсем пропадаю я...

- А что врачи говорят? Как твоя болезнь называется?

- Ох-ох! Зачем мне врачи! Разве они помогут! Не приведи Аллах, такое несчастье свалилось на мою голову! Пошли его на голову моих врагов! Все тело ломит, ни рукой, ни ногой не могу пошевелиться.

- Как можно без врачей, Сельман-бей! Обязательно сходи в больницу.

- Нечего мне там делать! В сумасшедшем доме мне место. Вай, вай, только в сумасшедшем доме! Скажу честно: у меня очень заразная болезнь...

Сарафеттин даже попятился.

- Раз так, зачем выходишь из дому?

- Ох! Легко сказать, а разве усидишь! Я от сына заразился..

- Он тоже болен?

- И не спрашивай! Еще как!.. Очень ему плохо, у него болезнь хроническая. Вот и у меня теперь. Он никак лицей окончить не мог. В девятом классе сидел два года, в десятом тоже... И все мяч проклятый! Сколько просил я его, сколько умолял: «Брось ты этот проклятый мяч!»

А он мне отвечает:

«Не могу...» Погубил себя совсем. Мы уж не о карьере его думали, а о том, как бы жизнь спасти. С матча он возвращался, как с поля битвы. Слава Аллаху, сломали ему левую ногу, не может теперь играть. Я так рад, что сломали, не то в один прекрасный день его бы убили! Помилуй нас, господь! Мы с матерью сказали: «Пусть без ноги, лишь бы от этой заразы избавился и живой остался!» После увечья сын стал болельщиком. В день матча его никакими силами дома не удержишь. Играют в Анкаре — он в Анкару мчится. Играют в Измире — он в Измир. То, что он ездит туда-сюда, — это еще полбеды. Беда в том, что он приезжает совсем больной, с ног валится. Охрипший, осипший... Сколько раз я просил его, чтобы он не кричал, как безумный. А он отвечает: «Попробуй, не покричи там!..» Однажды он вернулся с проломленной головой. Другой раз — с перебитым носом и затекшим глазом. Когда он приходил с увечьями после игры, это еще понятно. Но теперь-то ведь он просто болельщик! «Тот, кто смотрит матч, — говорит он, — тоже участвует в драке! Попробуй тут удержишься!» А однажды мы нашли его в полицейском участке. Болельщики учинили такую драку, что их всех увели в участок. Раза два мы забирали своего сына из «Скорой помощи». «Как тебе, сын мой, не жалко свою жизнь губить?» — говорил я ему. А он отвечает, что ничего не может с собой поделаться. Меня его слова за живое взяли и я говорю: «Возьми-ка меня с собой! Хочу посмотреть на этот твой футбол».

И отправились мы вместе на стадион Мидхатпаша. Игра началась. Я, конечно, ни за какую команду еще не болел, мне было все равно, кто выиграет. Я больше смотрел на зрителей и посмеивался про себя. И вдруг в ворота забили гол. Это был блестящий удар — сам видел. А судья взял да не засчитал этот мяч! Несправедливости я не выношу. И начал я улюлюкать, подобно сидящим со мной рядом. Вдруг слышу, кто-то говорит, что судья правильно сделал, не засчитав мяч. «Нет, — сказал я, — судья поступил неправильно! Это был блестящий удар. Наверное, он получил взятку». А тот мне и говорит: «Скотина, знаешь ли ты, какие бывают удары!» Я отвечаю, что скотина, мол, — это его отец, а вовсе не я. Я ведь на матче был впервые и нравов болельщиков еще не знал. Только произнес я последнее слово, как сильный удар свалил меня на землю. Мне здорово бы досталось, не заступись за меня соседи, не сын, а соседи. А сын кричал: «Смотри, сейчас еще гол будет!».

После того как я пролил кровь, команда, из-за которой я пострадал, стала дорога моему сердцу. Теперь, когда мяч попадал к нашим игрокам, я уже не мог сидеть спокойно — начинал размахивать руками так, будто готовился к удару, ноги мои невесть что выделывали. Попади мне мяч в самом деле, так он угодил бы, наверно, прямо на луну. В

конце концов угодил я ногой в поясницу сидящего впереди. «Пардон, извините», — сказал я ему, — а тот мне понимающе в ответ: «Ничего, бывает!» Потом мне как поддадут в спину — аж искры из глаз посыпались!.. Вот тут-то я и понял, что на стадионе всякое может случиться!

Удары и пинки так и сыплются справа и слева, только никто на них внимания не обращает. Это значит люди в азарт вошли. Мяч там, где-то в километре от тебя, а ты здесь на соседях силу свою испытываешь. Никто, правда, боли не ощущает. Затем, мой эфенди Сарафеттин, наши забили в ворота мяч. Судья опять не засчитал его. Этого я уж никак стерпеть не мог. «Судью с поля!» — воплю, а сам не вижу, что вокруг творится, только руки и ноги дрожат. Рядом со мной сидел торговец лимонадом. Начал я хватать его бутылочки и бросать в судью. Хорошо, что это были бутылочки с лимонадом, а не гранаты. Никто теперь не видел, что происходит на поле. Лишь колотили друг друга почем зря. Я схватил какого-то мальчишку и чуть не задушил. Так ни за что ни про что мог убийцей стать! Мальчик вовремя сказал, что болеет за мою команду. Только я его отпустил, как какой-то верзила принялся дубасить меня изо всех сил. Я сына зову — а тот на поле с судьей расправляется. Полицию зову — полицейские тоже дерутся. Зрители и игроки тем же заняты. Хорошо, догадался я спросить у своего истязателя, за какую команду он болеет, Оказывается, тоже за моих игроков. Еле вырвался из его лап, не хотел меня отпускать — боялся, что не найдет, кого бить. Один, например, вцепился в доску от трибуны и грызет ее: не нашел себе другого противника.

Через какое-то время все успокоилось, и игра возобновилась. Я, как и остальные, для ободрения игроков выкрикивал: «Бра-бра-бра-во-о-о! Bravo!» Скоро я уже не мог кричать и стал бить в жестянку, которую держал человек впереди меня. Он принес ее специально для этого. Настоящее светопреставление началось, когда на поле сцепились два игрока. Кто-то подбросил меня в воздух. Раньше я не знал, что могу так высоко прыгать. Потом, потом... Я уже не могу сказать, что было потом, — очнулся в больнице.

— Значит, с тех пор ты не можешь поправиться? — спросил Сарафеттин-бей.

— Да нет! Я опять ходил на стадион, в воскресенье. Играла моя команда. Разве я мог усидеть дома. Советовать-то легко, а попробуй остаться дома в такой день! Хоть веревками тебя привяжут, все равно убежишь! Ы-ых! О-ох! До чего же тело ломит!

Из забинтованных рук Сельман-бей что-то выпало. — А, это жестянка... Я бью в нее, когда не могу уже больше кричать, — сказал он, принимая от меня сверток.

Автобус остановился. Сельман-бей со стоном поднялся:

— До свидания, Сарафеттин-бей!

— До свидания! Ты к доктору сейчас, Сельман-бей?

— Нет, что ты! Сегодня такая игра! Ох! Как бы не опоздать!

❖ **ВАШЕ МНЕНИЕ: ОТВЕЧАЙТЕ ДА/НЕТ**

1. В автобусе около двери стоял странный пассажир.	ДА/НЕТ
2. Его правая рука была в гипсе, на голове была повязка.	ДА/НЕТ
3. Все пассажиры предложили ему своё место.	ДА/НЕТ
4. Инвалида звали Кельман.	ДА/НЕТ
5. Сельман сказал честно, что у него очень заразная болезнь.	ДА/НЕТ
6. Сельман ответил, что он в гипсе уже месяц.	ДА/НЕТ
7. Сарафеттин очень обрадовался, услышав рассказ Сельмана.	ДА/НЕТ
8. Врачи не смогли помочь Сельману.	ДА/НЕТ
9. Эту болезнь Сельман получил от сына.	ДА/НЕТ
10. После матча сын приходил домой, как с фронта.	ДА/НЕТ
11. Сын сломал ноги и не может играть в футбол.	ДА/НЕТ
12. Сельман и его жена очень огорчились, когда сын сломал ноги.	ДА/НЕТ

13.Сельман и его сын вместе ходили на матч	ДА/НЕТ
14.Судья не засчитал прекрасный гол	ДА/НЕТ
15.Сельман пришёл в себя через месяц в больнице	ДА/НЕТ
16.После драки на стадионе Сельман не ходил на матч	ДА/НЕТ
17.В воскресенье играла любимая команда Сельмана	ДА/НЕТ
18.Сельман очень не любил несправедливость	ДА/НЕТ
19.Сельман считал, что судья не получал взятку	ДА/НЕТ
20.Сельмана обозвали скотиной	ДА/НЕТ

❖ **КАК СКАЗАТЬ ИНАЧЕ!**

- ❖ Автобус был битком набит.
- ❖ Место ему было в карете «Скорой помощи».
- ❖ Кто-то из сидящих сжалился над ним.
- ❖ Я начал улюлюкать
- ❖ Удары и пинки так и сыплются справа и слева.
- ❖ Лишь колотили друг друга почему зря.

ВАША ВЕРСИЯ

- ❖ **Как вы думаете почему текст называется мученик поневоле?**
- ❖ **Назовите какой персонаж является в тексте мучеником?**

ТЕКСТЫ ДЛЯ СВОБОДНОГО ЧТЕНИЯ

А.П.Чехов

І.ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

Задание 1.

Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

*Лосниться, навьючить,
прищуренный — прищурить,
ябеда — ябедничать, окаменеть,
съёжиться, благоговение, лобзать.*

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Лютеранка – женщина, исповедующая лютеранство (протестантское вероисповедание, возникшее на основе учения Лютера, которое было направлено против католичества и римского папы).
Коллежский ассессор – в царской России и: гражданский чин 8 класса, а также лицо, имеющее этот чин.
Вельможа – знатный и богатый сановник (устар.).
Тайный советник – название высшего гражданского чина в царской России.

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком - его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом - его сын. - Порфирий! - воскликнул толстый, увидев тонкого. - Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет! - Батюшки! - изумился тонкий. - Миша! Друг детства! Откуда ты взялся? Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены. - Милый мой! - начал тонкий после лобызания. - Вот не ожидал! Вот сюрприз! Такой же красавец, как и был! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафания, друг моего детства! В гимназии вместе учились! Нафанаил немного подумал и снял шапку. - В гимназии вместе учились! - продолжал тонкий. - Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафания! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка. Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца. - Ну, как живешь, друг? - спросил толстый, восторженно глядя на друга. Служишь где? Дослужился? - Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником. Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А? - Нет, милый мой, поднимай повыше,- сказал толстый. - Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею. Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он

сжежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки сжежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся и застегнул все пуговицы своего мундира...

- Я, ваше превосходительство... Очень прият-но-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

- Ну, полно! - поморщился толстый.- Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства - и к чему тут это чинопочитание! Помилуйте... Что вы-с... захихикал тонкий, еще более сжеживаясь. Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку. Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

- ❖ Вопросы к тексту:
Какие черты человеческого характера порицает Чехов в «Толстом и тонком»?

II. ХАМЕЛЕОН

Задание 1.

Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Ситцевый — ситец,

крахмал — крахмальный,

щенок, истребить, бешеный, намедни.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Полицейский надзиратель — лицо, служащее в административном органе охраны государственной безопасности и занимающееся надзором за кем- чем-нибудь.

Городовой — в царской России: нижний чин городской полиции.

Крыжовник — колючий садовый кустарник с кисло-сладкими крупными ягодами, а также его ягоды.

Жилетка — короткая мужская одежда без воротника и рукавов, поверх которой надевается пиджак, сюртук, фрак, а также женская одежда такого фасона.

Будуар — приёмная комнаты хозяйки дома в барской квартире, в богатом доме, а также обстановка такой комнаты.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

Распускать руки

показать

кузькину

мать.

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городовой с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души...

- Так ты кусаться, окаянная?- слышит вдруг Очумелов.- Ребята, не пушай ее! Нынче не ведено кусаться! Держи! Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада, прыгая па трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится

человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа. - Никак беспорядок, ваше благородие!.. - говорит городской.

Очумелов шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала - белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса. - По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. - Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

- Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... - начинает Хрюкин, кашляя в кулак, - и вдруг эта подлая ни с того, ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

- Гм!.. Хорошо.. - говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. - Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, - обращается надзиратель к городовому, - узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю? - Это, кажись, генерала Жигалова! ричит кто-то из толпы. - Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? - обращается Очумелов к Хрюкину. - Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! - Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она - не будь дура и тяпни... - Врешь, кривой! Ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

- Нет, это не генеральская... - глубокомысленно замечает городской. - У генерала таких нет. У него всё больше легавые... - Ты это верно знаешь? - Верно, ваше благородие... - Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта - чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида. И этакую собаку держать?!.. Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора... - А может быть, и генеральская... - думает вслух городской. - На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел. - Вестимо, генеральская! - говорит голос из толпы. - Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!.. - Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Погляди на собаку... Ваша? - Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало! - И спрашивать тут долго нечего, - говорит Очумелов. Она бродячая! Истребить, вот и все. - Это не наша, - продолжает Прохор. - Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч.. - Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? - спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. - Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали? - В гости... - Ишь ты, господи... Соскучились по братце... Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Сердится, шельма... цуцык этакий... Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным. - Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Вопрос к тексту:
Почему рассказ называется «Хамелеон»?
Приведите свой вариант названия текста.

Ш.

ФИЛАНТРОП

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

*Роскошный, развалиться, рисоваться,
ломить – руку ломит, расстроить,
капризничать – капризный – капризное личико, искоса.*

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

***Будуар** – приёмная комната хозяйки дома в барской квартире, в богатом доме, а также обстановка в такой комнате.
Кушетка- небольшой диван с изголовьем, но без спинки.*

В роскошном, затейливо убранном будуаре сидел доктор. Был полдень. Она, хорошенькая хозяйка, только что поднялась со своего ложа и, развалясь на мягкой кушетке, лениво потягивалась и вопросительно заглядывала в глаза доктора. Доктор, молодой человек лет двадцати шести, сидел vis-a-vis ее в задумчивой позе и хмурился. «Негодяй я! - размышлял он, искоса поглядывая на личико сидевшей против него хорошенькой женщины.- Тысячу раз негодяй! Две недели я бегал за ней, надоедал ей, вертелся перед ней, как самый последний фат, рисовался, как дурак какой-нибудь... И что же? Я добился того, что она полюбила меня... Не проходит дня, чтобы она раза четыре не присылала за мной... Я заставил ее полюбить себя, но... разве я способен платить ей тем же? Несчастливая!» «И для чего я добивался ее любви? — продолжал размышлять доктор. - Так... фатовства ради... Хотелось самолюбие свое пощекотать. Фаты и дураки любят побеждать женщин. Для чего им эти победы, они не спрашивают себя... Ну что я, например, буду делать с этой куклой? Бедная!» - И правую руку ломит! - перебила дамочка докторские размышления. - Всю ночь ломило. И голова болела ночью...-Гм... Так-с... А спали хорошо? - Плохо... Шум в голове какой-то...- Сердцебиение? - спросил от нечего делать доктор.- Да, и сердцебиение, соврала дамочка.- Вообще нервы ужасно расстроены. Не знаю, что и делать... Каждый день вас беспокою, *и т. д.*Прошло полчаса в подобных расспросах и ответах. Наконец противно стало. Доктор поднялся и взялся за шляпу.- Движения нужно побольше, - сказал он.- Волнений избегайте... Летом за границу, пожалуй, на Кавказ... Завтра заеду. Дамочка тоже поднялась и молча сунула в протянутую руку конверт. Он взял, не глядя на нее... Но он нечаянно взглянул в зеркало и увидел там... что маленькое, хорошенькое, капризное личико собиралось заплакать. Глазки, бедные голубые глазки, усиленно мигали и подергивались влагой. Губки сжимались от злости и досады.«Несчастливая!» - подумал доктор, вздохнул и *сжалился* над нею...- Попробуйте-ка принять эти пилюли,- пробормотал он. -Сейчас я пропишу... Доктор сел, вырезал из белого листа бумажку для рецепта и, после рецептурного значка (Rp.), написал: «Быть сегодня в восемь часов вечера на углу Кузнецкого и Неглинной. Буду ждать».

Вопрос к тексту:
Какой рецепт выписал врач пациентке в рассказе «Филантроп»?

IV.

ХИРУРГИЯ

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

*Коренастый, зловоние, невежа,
благодетель, предрассудок.*

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

*Земская больница — больница в сельской местности.
Фельдшер — помощник врача, лицо со средним медицинским образованием.
Дьячок — низший церковный служитель в православной церкви.
Ряса — одежда служителя церкви.
Клирос — место для певчих в церкви на возвышении по обеим сторонам перед алтарём.*

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

*Уйти восвояси,
раз плюнуть,
этакая оказия*

Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер, толстый человек лет сорока. На лице выражение чувства долга и приятности. Между указательным и средним пальцами левой руки — сигара, распространяющая зловоние. В приёмную входит дьячок, высокий коренастый старик в коричневой рясе и с широким кожаным поясом. Правый глаз с бельмом и полузакрыт, на носу бородавка, похожая издали на большую муху. Секунду дьячок ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылку с карболовым раствором. - А-а-а... моё вам! - зевает фельдшер. - С чем пожаловали? - С воскресным днём вас, Сергей Кузьмич... Истинно и правдиво в псалтыри сказано, извините: «Питие мое с плачем растворяй». Сел намедни со старухой чай пить - и силы моей нету! А кроме того, что в самом зубе, но и всю эту сторону... Так и ломит, так и ломит! В ухо отдаёт, извините, словно в нём гвоздик или другой какой предмет: так и стреляет, так и стреляет! За грехи, Сергей Кузьмич, за грехи! Отец иерей после литургии упрекает: «Поёшь, и ничего у тебя не разберёшь». А какое, судите, тут пение, ежели рта раскрыть нельзя, всё распухши, извините, и ночь не спавши... -М-да...Садитесь...Раскройте рот! Дьячок садится и раскрывает рот. Фельдшер хмурится, глядит в рот и среди пожелтевших от времени и табаку зубов усматривает один зуб, украшенный зияющим дуплом. - Отец диакон велели водку с хреном прикладывать - не помогло. Дали на руку ниточку носить с Афонской горы да велели тёплым молоком зуб полоскать, а я, признаться, ниточку-то надел, а в отношении молока не соблюл: бога боюсь, пост... - Предрассудок... (*пауза*). Вырвать его нужно, Ефим Михеич! - Вам лучше знать, Сергей Кузьмич. На то вы и обучены, чтоб это дело понимать как оно есть.- Пустяки... - скромничает фельдшер, подходя к шкапу и роясь в инструментах. - Хирургия - пустяки... Тут во всём привычка, твёрдость руки... Раз плюнуть... Вырвать можно. Только тут понимать надо, без понятия нельзя... Зубы разные бывают. Один

рвёшь щипцами, другой козьею ножкой, третий ключом... Кому как. Фельдшер берёт козью ножку, минуту смотрит на неё вопросительно, потом кладёт и берёт щипцы.

- Ну-с, раскройте рот пошире... - говорит он, подходя с щипцами к дьячку. - сейчас мы его... тово... Раз плюнуть... Десну подрезать только... тракцию сделать по вертикальной оси... и всё... (*подрезывает десну*) и всё...

- Благодетели вы наши... Нам, дуракам, и невдомёк, а вас господь просветил... - Не рассуждайте, ежели у вас рот раскрыт... Этот легко рвать, а бывает так, что одни только корешки... Этот - раз плюнуть... (*накладывает щипцы*). Пойдите, не дёргайтесь... Сидите неподвижно... В мгновение ока... (*делает тракцию*). Главное, чтоб поглубже взять (*тянет*)... чтоб коронка не сломалась...

- Отцы наши... Мать пресвятая... Ввв... Да дёргай же, дёргай! Чего пять лет тянешь?

- Дело-то ведь... хирургия... Сразу нельзя... Вот, вот... Дьячок поднимает колени до локтей, шевелит пальцами, выпучивает глаза, прерывисто дышит... На багровом лице его выступает пот, на глазах слёзы. Фельдшер сопит, топчется перед дьячком и тянет... Проходят мучительнейшие полминуты - и щипцы срываются с зуба. Дьячок вскакивает и лезет пальцами в рот. Во рту нащупывает он зуб на старом месте. Тянул! - говорит он плачущим и в то же время насмешливым голосом.

- Чтоб тебя так на том свете потянуло! Благодарим покорно! Коли не умеешь рвать, так не берись! Света божьего не вижу...

- А ты зачем руками хватаешь? - сердится фельдшер. - Я тяну, а ты мне под руку толкаешь и разные глупые слова... Дура! - Сам ты дура!

- Ты думаешь, мужик, легко зуб-то рвать? Возьмись-ка! Это не то, что на колокольню полез да в колокола отбарабанил! - Света не вижу... Дай дух перевести... Ох! (*садится*). Не тяни только долго, а дёргай. Ты не тяни, а дёргай... Сразу! - Учи учёного! Экий, господи, народ необразованный! Раскрой рот... Хирургия, брат, не шутка... Это не на клиросе читать... (*делает тракцию*). Не дёргайся... Зуб, выходит, застарелый, глубоко корни пустил... (*тянет*). Не шевелись... Так... так... Не шевелись... Ну, ну... (*слышен хрустящий звук*). Так и знал! Дьячок сидит минуту неподвижно, словно без чувств. Он ошеломлён... Глаза его тупо глядят в пространство, на бледном лице пот. - Было б мне козьею ножкой... - бормочет фельдшер. - Этакая оказия! Придя в себя, дьячок суёт в рот пальцы и на месте больного зуба находит два торчащих выступа.

- Паршивый чёрт... - выговаривает он. - Насажали вас здесь на нашу погибель!

- Поругайся мне ещё тут... - бормочет фельдшер, кладя в шкаф щипцы. - Невежа... Дьячок берёт со стола свою просфору и, придерживая щеку рукой, уходит восвояси...

Вопрос к тексту:

Над какими отрицательными чертами врача мы смеёмся в рассказе «Хирургия»?

V. ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Ковырять — поковырять,

заговор — лечить заговором,

шарлатан — шарлатанство, *царапать*, *орать*,

лопается

голова,

сверлить,

зеленеть,

заговор.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Ваше превосходительство — титулование некоторых высших чинов в буржуазном

обществе.

Приказчик (устар.) — управляющий имением помещика.
Шарлатан — невежда, выдающий себя за знатока, грубый обманщик.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

*Как рукой сняло, знает каждая собака,
орать благим матом, пороть до полусмерти, лопается
голова.*

У отставного генерал-майора разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щеку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но всё это или не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние — жена, дети, прислуга, даже поварёнок Петька предлагали каждый своё средство. Приказчик пришёл к нему и посоветовал полечиться заговором. — Тут в нашем уезде, ваше превосходительство, — сказал он, — десять лет назад служил Яков Васильич. Заговаривал зубы — первый сорт. Бывало, отвернётся к окошку, пошепчет, поплюёт — и как рукой! Сила ему такая дадена... - Где же он теперь? - А после того, как его увольнили, в Саратове у тёщи живёт. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... А деньги за лечение почтой пошлёте. — Ерунда! Шарлатанство!

- А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотник, живёт не с женой, а с немкой, но, можно сказать, чудодейственный господин! - Пошли, Алёша! - взмолилась генеральша. - Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Руки ведь не отвалятся от этого. - Ну, ладно, - согласился генерал. - Как к нему писать? Генерал сел за стол и взял перо в руки. - Его в Саратове каждая собака знает, - сказал приказчик. - Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу... - Ну? - Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл!.. Васильичу... Чёрт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шёл, помнил... Позвольте-с... Приказчик поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Генерал и генеральша ожидали нетерпеливо. - Ну, что же? Скорей думай! - Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая ещё простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая - из головы вышибло... - Жеребятников? - Никак нет. Постойте... Кобылицын... Кобылятников... Кобелев... - Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков? - Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин... Всё не то! - Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай! - Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной... - Коренников? - спросила генеральша. - Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл! - Так зачем же ты, чёрт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? - рассердился генерал. - Ступай отсюда вон! Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам. - Ой, батюшки! - вопил он. - Ох, света белого не вижу! Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию: - Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский... Немного погодя его позвали к господам. - Вспомнил? - спросил генерал. - Никак нет, ваше превосходительство. - Может быть, Конявский? Лошадников? Нет? И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В

доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почёсывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.- Табунов? - спрашивали у него. - Копытин? Жеребовский?- Никак нет, - отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух.- Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...-Папа!- кричали из детской.- Тройкин! Уздечкин!Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами... - Гнедов! - говорили ему. - Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия всё ещё не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы. Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

- Не Меринов ли? - спросил он плачущим голосом.
- Нет, не Меринов, ваше превосходительство,— ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул. - Да может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!
- Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.
- Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором. - Пускай рвёт! - решил он. - Нет больше сил терпеть...Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла, и генерал успокоился. Доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чём-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряжённые, мучительные...

- Буланов... Чересседельников... - бормотал он.- Засупонин... Лошадский...
- Иван Евсеич! - обратился к нему доктор.- Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

- Надумал, ваше превосходительство! — закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу.— Овсов! Овсов фамилия! Посылайте депешу Овсову!- На-кося! - сказал генерал с презрением и поднёс к лицу его два кукиша. - Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! На-кося!

Вопросы к тексту:

1. Какие «лошадиные» фамилии вы узнали из рассказа «Лошадиная фамилия»?
- 2)С какой целью они изобретались?
- 3) Как закончился рассказ «Лошадиная фамилия»?

VI. АНЮТА

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Вышивать – вышивание,

*комок – комкать – скомкать,
табурет, рояльные клавиши,
татуировать* - *татуированный, мудрено, сконфузиться.*

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

*Зубрить – заучивать бессмысленно, без отчётливого понимания.
Штудировать – тщательно изучать.
Натурищик – человек, позирующий перед художником за плату.
Эстетик – специалист по эстетике.*

В самом дешёвом номерке мебелированных комнат «Лиссабон» из угла в угол ходил студент-медик 3-го курса, Степан Клочков, и усердно зубрил свою медицину. От неустанной, напряжённой зубрячки у него пересохло во рту и выступил на лбу пот. У окна, подёрнутого у краёв ледяными узорами, сидела на табурете его жилища, Анюта, маленькая, худенькая брюнетка лет 25-ти, очень бледная, с кроткими серыми глазами. Согнувши спину, она вышивала красными нитками по воротнику мужской сорочки. Работа была спешная... Коридорные часы сипло пробили два пополудни, а в номерке ещё не было убрано. Скомканное одеяло, разбросанные подушки, книги, платье, большой грязный таз, наполненный мыльными помоями, в которых плавали окурки, сор на полу — всё, казалось, было свалено в одну кучу, нарочно перемешано, скомкано... - Правое лёгкое состоит из трёх долей... - зубрил Клочков. - Границы! Верхняя доля на передней стенке груди достигает до 4-5 рёбер, на боковой поверхности до 4-го ребра...
назади до spina scapulae...

Клочков, силясь представить себе только что прочитанное, поднял глаза к потолку. Не получив ясного представления, он стал прощупывать у себя сквозь жилетку верхние рёбра. - Эти рёбра похожи на рояльные клавиши, - сказал он. - Чтобы не спутаться в счёте, к ним непременно нужно привыкнуть. Придётся поштудировать на скелете и на живом человеке... А ну-ка, Анюта, дай-ка я ориентируюсь! Анюта оставила вышиванье, сняла кофточку и выпрямилась. Клочков сел против неё, нахмурился и стал считать её рёбра. - Гм... Первое ребро не прощупывается... Оно за ключицей... Вот это будет второе ребро... Так-с... Это вот третье... Это вот четвёртое... Гм... Так-с... Что ты жмёшься? - У вас пальцы холодные! - Ну, ну... не умрёшь, не вертись... Стало быть, это третье ребро, а это четвёртое... Тощая ты такая на вид, а рёбра едва прощупываются. Это второе... это третье... Нет, этак спутаешься и не представишь себе ясно... Придётся нарисовать. Где мой уголёк?

Клочков взял уголёк и начертил им на груди у Анюты несколько параллельных линий, соответствующих рёбрам. - Превосходно. Всё как на ладони... Ну-с, а теперь и постучать можно. Встань-ка!

Анюта встала и подняла подбородок. Клочков занялся выстукиванием и так погрузился в это занятие, что не заметил, как губы, нос и пальцы у Анюты посинели от холода. Анюта дрожала и боялась, что медик, заметив её дрожь, перестанет чертить углём и стучать, и потом, пожалуй, дурно сдаст экзамен. - Теперь всё ясно, - сказал Клочков, перестав стучать. - Ты сиди так и не стирай угля, а я пока подзубрю ещё немножко. И медик опять стал ходить и зубрить. Анюта, точно татуированная, с чёрными полосами на груди, съёжившись от холода, сидела и думала. Она говорила вообще очень мало, всегда молчала и всё думала, думала... За все шесть-семь лет её шатания по мебелированным комнатам, таких, как Клочков, знала она человек пять. Теперь все они уже покончили курсы, вышли в люди и, конечно, как порядочные люди, давно уже забыли её. Один из них живёт в Париже, два докторами, четвёртый художник, а пятый даже, говорят, уже профессор. Клочков — шестой... Скоро и этот

кончит курс, выйдет в люди. Несомненно, будущее прекрасно, и из Клочкова, вероятно, выйдет большой человек, но настоящее совсем плохо: у Клочкова нет табаку, нет чаю, и сахару осталось четыре кусочка. Нужно как можно скорее оканчивать вышиванье, нести к заказчице и потом купить на полученный четвертак и чаю и табаку. - Можно войти? - послышалось за дверью. Анюта быстро накинула себе на плечи шерстяной платок. Вошёл художник Фетисов. - А я к вам с просьбой, - начал он, обращаясь к Клочкову. - Сделайте одолжение, одолжите мне вашу прекрасную девицу часика на два! Пишу, видите ли, картину, а без натурщицы никак нельзя! - Ах, с удовольствием! - согласился Клочков. Ступай, Анюта. - Чего я там не видела! - тихо проговорила Анюта.

- Ну, полно! Человек для искусства просит, а не для пустяков каких-нибудь. Отчего не помочь, если можешь? Анюта стала одеваться.

- А что вы пишете? - спросил Клочков. - Психею. Хороший сюжет, да всё как-то не выходит; приходится всё с разных натурщиц писать. Вчера писал одну с синими ногами. Почему, спрашиваю, у тебя синие ноги? Это, говорит, чулки линяют. А вы всё зубрите! Счастливый человек, терпение есть.

- Медицина такая штука, такая штука, что никак нельзя без зубрячки.

- Гм... Извините, Клочков, но вы ужасно по-свински живёте! Чёрт знает как живёте!

- То есть как? Иначе нельзя жить... От бабки я получаю только двенадцать в месяц, а на эти деньги мудрено жить порядочно. - Так-то так... - сказал художник и брезгливо поморщился, - но можно всё-таки лучше жить... Развитой человек обязательно должен быть эстетиком. Не правда ли? А у вас тут чёрт знает что! Постель не прибрана, помои, сор... вчерашняя каша на тарелке... тьфу! - Это правда, — согласился медик и сконфузился, - но Анюте некогда было сегодня убрать. Всё время занята. Когда художник и Анюта вышли, Клочков лёг на диван и стал зубрить лёжа, потом нечаянно уснул и, проснувшись через час, подпёр голову кулаками и мрачно задумался. Ему вспомнились слова художника о том, что развитой человек обязательно должен быть эстетиком, и его обстановка в самом деле казалась ему теперь противной, отталкивающей. Он точно бы провидел умственным оком то своё будущее, когда он будет принимать своих больных в кабинете, пить чай в просторной столовой, в обществе жены, порядочной женщины, - и теперь этот таз с помоями, в котором плавали окурки, имел вид до невероятия гадкий. Анюта тоже представлялась некрасивой, неряшливой, жалкой... И он решил расстаться с ней, немедленно, во что бы то ни стало.

Когда она, вернувшись от художника, снимала шубу, он поднялся и сказал ей серьёзно: - Вот что, моя милая... Садись и выслушай. Нам нужно расстаться! Одним словом, жить с тобою я больше не желаю. Анюта вернулась от художника такая утомлённая, изнеможённая. Лицо у неё от долгого стояния на натуре осунулось, похудело, и подбородок стал острее. В ответ на слова медика она ничего не сказала, и только губы у неё задрожали. - Согласись, что рано или поздно нам всё равно пришлось бы расстаться, - сказал медик. - Ты хорошая, добрая, и ты не глупая, ты поймёшь... Анюта опять надела шубу, молча завернула своё вышиванье в бумагу, собрала нитки, иголки; свёрток с четырьмя кусочками сахару нашла на окне и положила на столе возле книг. - Это ваше... сахар... - тихо сказала она и отвернулась, чтобы скрыть слёзы. - Ну, что же ты плачешь? - спросил Клочков. Он прошёлся по комнате в смущении и сказал: - Странная ты, право... Сама ведь знаешь, что нам необходимо расстаться. Не век же нам быть вместе. Она уже забрала все свои узелки и уже повернулась к нему, чтобы проститься, и ему стало жаль её. «Разве пусть ещё одну неделю поживёт здесь? - подумал он. - В самом деле, пусть ещё поживёт, а через неделю я велю ей уйти». И, досадуя на свою бесхарактерность, он крикнул ей сурово: - Ну, что же стоишь? Уходить, так уходить, а не хочешь, так снимай шубу и оставайся! Оставайся! Анюта сняла шубу, молча, потихоньку, потом высморкалась, тоже потихоньку, вздохнула и бесшумно направилась к своей постоянной позиции - к табурету у окна. Студент потянул к себе учебник и опять заходил из угла в

угол. - Правое лёгкое состоит из трёх долей - зубрил он. - Верхняя доля на передней стенке груди достигает до 4-5 рёбер. А в коридоре кто-то кричал во всё горло: Грригорий,самовар!

Вопросы-тесты к тексту:

1.Какой вам представляется героиня этого рассказа Анюта?

- А)жизнерадостной
- Б)кроткой и покорной
- В) наглой

2.В каких взаимоотношениях была Анюта со студентом-медиком Степаном Клочковым?

- А) снимала комнату у студента-медика
- Б) была его сестрой
- В) была его женой

3.По каким предложениям можно судить, что студент Клочков бесчувственный человек и в будущем будет невнимательным врачом?

- А) рёбра похожи на рояльные клавиши
- Б) не умрёшь, не вертись

В) придётся проштудировать на скелете и на живом человеке

4) Каким способом чертил рёбра на теле Анюты студент-медик 3 курса Степан Клочков, изучая грудной каркас?

- А) мелом
- Б) чернилами
- В) угольком

5) Почему Анюта согласилась позировать для картины художнику Фетисову?

- А) нравилось позировать для картины
- Б) нравился художник
- В) боялась оказаться на улице, если послушается студента-медика и не пойдёт к художнику

6) Почему Степан Клочков так «ужасно по-свински живёт»?

- А) «Иначе нельзя жить... От батьки я получаю только 12 в месяц, а на эти деньги мудроно жить порядочно»
- Б) Анюта не убирает в комнате
- В) студент сам не следит за чистотой в комнате

7) Какие чувства вызывает у вас героиня рассказа «Анюта»?

- А) зависть
- Б) жалость и тревогу
- В) радость

VII.СПАТЬ

ХОЧЕТСЯ

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните

их.

*Осипнуть, изнемочь,
униматься, слипаться,
одеревенеть,*

сверчок.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.
Лампада — *небольшой сосуд с фитилём, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконами.*

Образ — *то же, что икона.*

Колыбель — *род качающейся кровати, в которой укачивают ребёнка.*

Щи — *жидкое кушанье, род супа из капусты или щавеля.*

Лучина — *тонкая длинная щепка (колоть лучину).*

Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребёнок, и чуть слышно мурлычет: Баю-баюшки-баю. А я песенку спою... Перед образом горит зелёная лампадка; через всю комнату от угла до угла тянется верёвка, на которой висят пелёнки. От лампадки ложится на потолок большое зелёное пятно, а пелёнки бросают длинные тени на печку, колыбель, на Варьку... Когда лампадка начинает мигать, пятно и тени оживают и приходят в движение, как от ветра. Душно. Ребёнок плачет, кричит, и неизвестно, когда он уймётся. А Варьке хочется спать. Глаза её слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо её высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булавочная головка.

- Баю-баюшки-баю, - мурлычет она, - тебе кашки наварю... Лампадка мигает. Зелёное пятно и тени приходят в движение, лезут в полуоткрытые, неподвижные глаза Варьки и в её наполовину уснувшем мозгу складываются в туманные грёзы. Она видит тёмные облака, которые гоняются друг за другом и кричат, как ребёнок. Но вот подул ветер, пропали облака, и Варька видит широкое шоссе, покрытое жидкою грязью; по шоссе тянутся обозы, плетутся люди, носятся взад и вперёд какие-то тени; по обе стороны сквозь холодный, суровый туман видны леса. Вдруг люди падают на землю в жидкую грязь. «Зачем это?» - спрашивает Варька. «Спать, спать!» - отвечают ей. И они засыпают крепко, спят сладко. - Баю-баюшки-баю, а я песенку спою... - мурлычет Варька и уже видит себя в тёмной, душной избе. На полу ворочается её покойный отец. Она не видит его, но слышит, как он катается от боли по полу и стонет. У него, как он говорит, «разыгралась грыжа». Боль так сильна, что он не может выговорить ни одного слова. Мать Пелагея побежала в усадьбу к господам сказать, что муж помирает. Слышно, кто-то подъехал к избе. Доктор входит в избу. - Засветите огонь, - говорит он. - Бу-бу-бу... - отвечает Ефим. Пелагея бросается к печке и начинает искать черепок со спичками. Проходит минута в молчании. Доктор, порывшись в карманах, зажигает свою спичку. - Сейчас, батюшка, сейчас, - говорит Пелагея, бросается вон из избы и, немного погодя, возвращается с огарком. Щёки у Ефима розовые, глаза блестят и взгляд как-то особенно остр, точно Ефим видит насквозь и избу, и доктора. - Ну, что? Что ты это выдумал? - говорит доктор, нагибаясь к нему. - Эге! Давно это у тебя? - Чего-с? Помирать, ваше благородие, пришло время... Не быть мне в живых... - Вылечим! Доктор с четверть часа возится с Ефимом; потом поднимается и говорит: - Я ничего не могу поделать... Тебе нужно в больницу ехать, там тебе операцию сделают. Сейчас же поезжай... Непременно поезжай! Немножко поздно, в больнице все уже спят, но это ничего, я тебе записочку дам. Слышишь? - Батюшка, да на чём же он поедет? - говорит Пелагея. - У нас нет лошади. - Ничего, я попрошу господ, они дадут лошадь.

Доктор уходит, свеча тухнет. Спустя полчаса к избе кто-то подъезжает. Это господа прислали тележку, чтобы ехать в больницу. Ефим собирается и едет... Но вот наступает хорошее, ясное утро. Пелагеи нет дома: она пошла в больницу узнать, что делается с Ефимом. Где-то плачет ребёнок, и Варька слышит, как кто-то её голосом поёт:

- Баю-баюшки-баю, а я песенку спою... Возвращается Пелагея; она крестится и шепчет: - Ночью вправили ему, а к утру богу душу отдал... Царство небесное, вечный покой... Сказывают, поздно захватили... Надо бы раньше... Варька идёт в лес и плачет там, но вдруг кто-то бьёт её по затылку с такой силой, что она стучается лбом о берёзу. Она поднимает глаза и видит перед собой хозяина-сапожника. - Ты что же это, паршивка? - говорит он. - Дитё плачет, а ты спишь? Он больно треплет её за ухо, а она встряхивает головой, качает колыбель и мурлычет свою песню. - Подай сюда ребёнка! - отвечает ей чей-то знакомый голос. - Подай сюда ребёнка! - повторяет тот же голос, но уже сердито и резко. - Спишь, подлая? Варька вскакивает и, оглядевшись, понимает, в чём дело: нет ни шоссе, ни Пелагеи, ни встречных, а стоит посреди комнатки одна только хозяйка, которая пришла покормить своего ребёнка. Пока толстая, плечистая хозяйка кормит и унимает ребёнка, Варька стоит, глядит на неё и ждёт, когда она кончит. А за окнами уже синее небо, тени и зелёное пятно на потолке заметно бледнеют. Скоро утро.

- Возьми! - говорит хозяйка, застёгивая на груди сорочку. - Плачет. Должно, сглазили. Варька берёт ребёнка, кладёт его в колыбель и опять начинает качать. А спать хочется по-прежнему, ужасно хочется! Варька кладёт голову на край колыбели и качается всем туловищем, чтобы пересилить сон, но глаза всё-таки слипаются и голова тяжела. - Варька, затопи печку! - раздаётся за дверью голос хозяина. Значит, уже пора вставать и приниматься за работу. Варька оставляет колыбель и бежит в сарай за дровами. Она рада. Когда бегаешь и ходишь, спать уже не так хочется, как в сидячем положении. Она приносит дрова, топит печь и чувствует, как расправляется её одеревеневшее лицо и как проясняются мысли. - Варька, поставь самовар! - кричит хозяйка. Варька колет лучину, но едва успевает зажечь их и сунуть в самовар, как слышится новый приказ: - Варька, почишь хозяину калоши! Она садится на пол, чистит калоши и думает, что хорошо бы сунуть голову в большую, глубокую калошу и подремать в ней немножко... И вдруг калоша растёт, пухнет, наполняет собой всю комнату. Варька роняет щётку, но тотчас же встряхивает головой, пучит глаза и старается глядеть так, чтобы предметы не росли и не двигались в её глазах. - Варька, помой снаружи лестницу, а то от заказчиков совестно! Варька моет лестницу, убирает комнаты, потом топит другую печь и бежит в лавочку. Работы много, нет ни одной минуты свободной. Но ничто так не тяжело, как стоять на одном месте перед кухонным столом и чистить картошку. Голову тянет к столу, картошка рябит в глазах, нож валится из рук, а возле ходит толстая, сердитая хозяйка с засученными рукавами и говорит так громко, что звенит в ушах. Мучительно также прислуживать за обедом, стирать, гладить, шить. Бывают минуты, когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на пол и спать. День проходит. Вечерняя мгла ласкает её слипающиеся глаза и обещает ей скорый, крепкий сон. Вечером к хозяевам приходят гости. - Варька, ставь самовар! - кричит хозяйка. Самовар у хозяев маленький, и, прежде чем гости напиваются чаю, приходится подогревать его раз пять. После чаю Варька стоит целый час на одном месте, глядит на гостей и ждёт приказаний. - Варька, покачай ребёнка! - раздаётся последний приказ. А ребёнок кричит и изнемогает от крика. Варька видит опять грязное шоссе, людей с котомками, Пелагею, отца Ефима. Она всё понимает, всех узнаёт, но сквозь полусон она не может никак понять той силы, которая сковывает её по рукам и ногам, давит её и мешает ей жить. Варька оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от неё, но не находит. Прислушавшись к

крику, находит врага, мешающего ей жить. Этот враг - ребёнок. Она смеётся. Ей удивительно: как это раньше она не могла понять такого пустяка? Ложное представление овладевает Варькой. Она встаёт с табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате. Ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребёнка, сковывающего её по рукам и ногам... Убить ребёнка, а потом спать, спать, спать... Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребёнку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеётся от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мёртвая...

Вопросы к тексту:

1. Почему одиннадцатилетняя девочка Варька задушила ребёнка?
2. Как Чехов изображает в рассказе «Спать хочется» непосильный детский труд?

ИТОГОВЫЕ ВОПРОСЫ :

1. Сколько псевдонимов было у Чехова?
2. Мастером какого жанра был А.П.Чехов?
3. В чем состояла функция псевдонима юмориста Чехова?
4. Назовите самую маленькую книгу в мире?
5. Где был установлен первый памятник А.П.Чехову?
6. По данным какого журнала в ходит А.П.Чехов в десятку самых 7.экранизированных классиком мировой литературы.?
8. Продолжите фразу: «Жизнь - это миг.....»
9. Почему рассказ называется Тонкий и Толстый?

Задание 2. Трансформируйте простые предложения в сложные и наоборот.

1. Будь этот господин у нас во Франции, его показывали бы за деньги.
2. Пора обратить внимание на господ, не желающих подчиниться постановлению.
3. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер.

Задание 3. Преобразуйте прямую речь в косвенную.

1. — Откуда ты? — удивились родители. — Что с тобой?
2. Сестра спросила: «Что с тобой? На тебе лица нет».
3. — Чего вы смеётесь? — удивился герой.
4. — Не пойти ли нам домой? — спрашиваю я. — А мне нравится кататься, — говорит Варенька. — Не проехать ли нам ещё раз?
5. — Пустяки, — говорит фельдшер. — Тут во всём привычка нужна, твёрдость руки.
6. — Иван Евсеич, — обратился к нему доктор, — не могу ли я купить у Вас овса?
7. — Это ужасно, — стонет он. — Я умираю.

Задание 4. Найдите вводные слова и словосочетания. Замените их синонимичными.

1. Я собираюсь в Петербург надолго, может быть.
2. К великому удивлению Пуркуа, все вокруг поглощали огромное количество еды.
3. Боже мой, он всё съел!
4. Порядки, нечего сказать.

5. Должно полагать, перед дождём.
6. Загадка, видимо, не даёт ей покоя.
7. Как видите, не даёт ей покоя.
8. Как, однако, много подают в русских ресторанах.

Б.С.ЛАСКИН

Тексты для свободного чтения

Друзья и соседи

(юмористические рассказы)

1. Однажды весной

В восемь часов утра Люба садилась на своё место и открывала окошко, над которым висела табличка — «Приём телеграмм».

Так начинался её трудовой день.

Телеграммы проходили разные. И деловые, и поздравительные, и ласковые. Они кончались словами — «привет, жму руку», «целую». Таких было почему-то особенно много. Потом ещё попадались слова — «лапочка», «солнышко», «зайчик».

Люба часто удивлялась — сколько существует на свете смешных и ласковых слов.

Если телеграмма была забавной, Люба на мгновение поднимала глаза на автора и почти всегда встречала застенчивую улыбку.

Когда началась война, Люба попросилась на фронт, но её не пустили, и она осталась на старом месте, по— прежнему принимала телеграммы, которые стали совсем другими. Она могла не читать газет и не слушать сводок. Война жила в её телеграммах.

Когда фронт находился близко, к Любиному окошку подбегали офицеры в полубухах, с обветренными лицами. Успевая улыбнуться, они давали телеграммы в Свердловск, в Челябинск, в Ташкент.

Одну она запомнила: «Победа будет за нами, целую, когда вернётесь домой — обязательно привезите дыню».

Надо же, сводки ещё тревожные, а младший лейтенант уже требовал дыню.

А потом телеграммы, похожие на эту, начали появляться всё чаще и чаще.

В апреле сорок пятого Люба праздновала день рождения. Ей исполнился двадцать один год. Пришли подружки, ели, пили чай со сгущёнкой и веселились. Близость победы чувствовалась во всём — в сиянии солнца, в звоне ручьёв и даже в телеграммах.

И победа пришла!

В памяти Любы навсегда сохранился майский вечер. Над городом гремел салют из тысячи орудий. Разноцветные лучи прожекторов скрещивались в небе, и казалось, над Москвой построена огромная беседка. Люди стояли под её сводами плечом к плечу, и, вероятно, от такой весёлой тесноты беседка, сотканная из лучей, представлялась Любе маленькой, возведённой только для неё.

Сколько было в эти дни телеграмм!..

Они лежали горой на её столе. Аппараты стрекотали без умолку, и счастливое слово — победа — шло через все телеграммы.

Так начались мирные дни. Сотни телеграмм принимала Люба. Она мельком прочитывала их и видела, как в телеграммах воскресала жизнь.

Люба не выезжала из Москвы, но обо всём, что происходило далеко, за сотни и тысячи километров, она читала на телеграфных бланках: «Люди выехали», «Железо отгружено», «Архитектурный проект утверждён», «Поздравляем восстановлением завода, выпуском первого трактора».

А потом, когда в Кремле заседала сессия Верховного Совета, вновь появилось слово — «пятилетка». Оно стало встречаться так часто, как в недавнем прошлом слово — «победа». К Любе приходили инженеры и хозяйственники. Они всегда торопились. Один

просил ускорить погрузку автопокрышек, другой требовал смету, третий сообщал цифры, целые колонки цифр.

Любе хотелось помочь каждому — и этому со сметой, и этому с погрузкой автопокрышек. Но люди, видимо, на неё не рассчитывали. Получив квитанции, они исчезали так же быстро, как появлялись.

Как-то в её окошко заглянул военный. Она заметила погоны капитана и молодое, неуловимо знакомое лицо. Капитан протянул телеграмму. Медленно считая слова, Люба старалась вспомнить, где и когда она видела этого человека.

А капитан молча стоял у окошка, и, если бы кто-нибудь поглядел на него со стороны, он бы непременно заметил, что капитан любит эту светловолосую девушкой, сосредоточенной и быстрой.

— Два двадцать пять, — сказала Люба и встретила его взгляд.

Капитан уплатил, взял квитанцию, улыбнулся, сказал «спасибо» и ушёл.

Люба приподнялась, проводила его глазами и поймала себя на мысли о том, что ей хочется, чтобы он забыл взять сдачу, чтобы... чтобы он просто вернулся.

На другой день капитан пришёл опять, Люба улыбнулась. А он почему-то смутился и спросил:

— Можно дать телеграмму?

— Конечно, — сказала Люба.

Капитан взял бланк, подумал и написал несколько строк. Люба приняла телеграмму и стала считать слова, подчёркивая их пером: «Я совсем одинокий, ответьте, есть ли у меня надежда. Алексей»,

Люба прочитала адрес — Малая Молчановка, дом 8...

— Вы забыли указать фамилию адресата, — сказала она, не глядя на капитана.

— Фамилию? — капитан помедлил. — Иванова.

Он получил квитанцию и ушёл.

— Иванова, — повторила Люба, — странно как... И я Иванова. Но адрес... адрес совсем другой.

Она вздохнула и вдруг подумала о себе. Она уже вполне взрослая, давно работает, помогает людям признаваться в любви, побеждать разлуку, верить, надеяться... Но всё это другим.

Она держала в руках телеграмму: «Я совсем одинокий...»

Капитан пришёл спустя два дня. Он поздоровался и подал заранее написанную телеграмму: «Я жду ответа. Алексей». Адрес был тот же.

Люба оформила телеграмму. Капитан ушёл, оглянувшись на ходу, и лицо его снова показалось Любе знакомым.

И тогда ей пришла в голову мысль. Она взяла чистый бланк и решительно написала несколько слов...

Капитан явился через день. Вместе с телеграммой он протянул ветку мимозы.

— Спасибо... — сказала Люба и покраснела.

На листочке было написано: «Мы почти не знаем друг друга, но я всё равно хочу надеяться. Алексей».

Люба считала слова и чувствовала, как стучит у неё сердце. Потом, после его ухода, она поняла, что взволновало её. «Qhh» были мало знакомы. «Они» почти не знали друг друга. А этот Алексей, как видно, совсем без самолюбия!..

И тогда Люба решила: она вмешается, она должна поговорить с этой девушкой!..

... Вечером Люба пошла на Малую Молчановку. Под мялась на третий этаж, долго стояла у дверей квартиры! Внизу кто-то хлопнул дверью. «Глупо как, застанут меня у дверей. Будь что будет. Зайду». — И Люба нажала кнопку звонка.

Прошло несколько секунд, и дверь отворилась.

На пороге стоял капитан.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте, извините, — сказала Люба, чувствуя, что от смущения забывает слова, — я хотела... Я...

— Заходите, — сказал капитан.

— Я не к вам... Я пришла к Ивановой...

— К Ивановой? — капитан вышел на площадку. — Здесь Иванова не живёт.

— Как не живёт? Малая Молчановка...

— Вас зовут Люба, да? — сказал капитан, — Зайдите. Я сейчас вам всё расскажу. Всё. Только не делайте такого сердитого лица.

Продолжая удивляться, Люба вошла в квартиру.

— Объясните мне. Я ничего не понимаю...

— Посмотрите на меня, только внимательно, — сказал капитан. — Помните, в декабре сорок первого вы засмеялась, когда я попросил, чтобы родители привезли мне из Ташкента дыню?...

— Ох, — с радостным изумлением сказала Люба, — так это были вы!.. Теперь я всё помню! Всё!..

— Ну вот, а теперь слушайте дальше. Я недавно снова увидел вас, но знакомы-то мы не были. И тогда я в шутку послал грустную телеграмму на свой адрес. А потом ещё одну. Когда я отправил вторую и понял, что моя шутка успеха иметь не будет, я принял решение прийти к вам сознаться и... и просто познакомиться...

— Ну, и что же вы? — тихо спросила Люба.

— На следующее утро я получил...

Капитан достал из кармана вчетверо сложенную бумажку. Это была её телеграмма: «Нельзя быть такой жестокой, вас любит скромный хороший человек. Приветом Люба».

— Когда я получил телеграмму, в которой вы меня назвали хорошим, я догадался, что это вы хорошая — потому, что захотели мне помочь в трудные минуты жизни...

Люба улыбнулась:

— Когда вы ещё не были капитаном и про дыню телеграфировали, я уже тогда заметила, что у вас очень весёлый характер,

Назавтра они встретились опять. Гуляли вечером по Садовому кольцу, держась за руки, и говорили о жизни. Они остановились у планетария и решили зайти, В планетарии была интересная лекция об устройстве вселенной.

Когда лекция кончилась, они вышли на улицу, твёрдо убеждённые в том, что вселенная устроена очень хорошо.

2. Текст Говорящее письмо

— Вы знаете, братцы, — сказал капитан Полухин, у художника Брюллова есть такая картина «Последний день Помпеи». Картина знаменитая. Там и извержение вулкана, и землетрясение, и всякие другие бытовые неудобства... Смотрю я сейчас на эту немецкую квартиру, в которой мы с вами находимся, и думаю, что Брюллову здесь, в городе Олау, работёнка бы нашлась — в смысле запечатлеть...

— Да, — сказал Санько. — Помпея местного значения.

Танкисты капитана Полухина ходили по квартире сбежавшего фабриканта. В квартире был полнейший разгром. Валялись раскрытые чемоданы, наспех связанные тюки, осколки стекла, сорванные портьеры. В стакане на тумбочке красовалась искусственная челюсть.

— Порядок, — сказал Логинов. — Дал хозяин ходу! Зубы и те забыл.

— Не до зубов, — сказал Санько, — он ноги-то еле унёс.

Полухин наклонился и поднял конверт.

— Прочитайте, товарищ капитан, — сказал Логинов. — Интересно, что за письмо. Вы ж знаете немецкий.

— Знаю немного. Адрес — Рихарду Шмерке...

— Шмерке? Это, значит, фамилия этого... зубовладельца?

— По-видимому.

Письмо ещё из Польши... «Дорогой дядя! Новости у нас такие. Сегодня перед строем выступил обер-лейтенант и сообщил, что в ближайшие дни возможны крупные неприятности. Тогда этот идиот Вагнер из фольксштурмистов сказал, что он слышал о том, что русские на нашем направлении уже прорвали фронт. Обер-лейтенант сказал Вагнеру, что он свинья и пораженец и только из уважения к его преклонному возрасту не набил ему морду...»

— Значит, уважил старичка? Ясно.

— «... Дорогой дядя, на всякий случай я бы вам посоветовал передвинуться поближе к Берлину. Может быть, имеет смысл уехать к тётке Грете в Рюдерсдорф. Если вы увидите кого-нибудь из семьи Вернера бакке, сообщите им, что Вернеру оторвало правую руку, но

Мюльбах из роты пропаганды объяснил ему, что он может теперь приветствовать фюрера левой рукой...»

— А если ему и левую оторвёт? — спросил Санько,

— Будет приветствовать правой ногой.

— А потом левой, — сказал Логинов, — всё правильно. Дальше, товарищ капитан.

— «... Это письмо вам передаст мой фронтовой товарищ Вилли Краус. Хочу предупредить, что, если он останется у нас ночевать, не кладите его в столовой, где серебро и ценные вещи. Могут быть неожиданности...»

— Хорош товарищ, — сказал Санько, — положите спать, но наденьте на него наручники. Интеллигенты!

— «... До свиданья, дорогой дядя. Передайте привет Мицци и, кстати, наемните ей, что мне кое-что известно о её шашнях с рыжим Мейером из полицейской дивизии. Ваш племянник Рудольф».

— Ничего, подходящее письмецо, — заметил Санько. — Смотрите, товарищ капитан, патефон коломенский. Земляк мой...

— Патефон? — Полухин быстро поднял крышку. — Хорошо. Очень хорошо. Послушаю ещё разок моё письмо.

Полухин достал из планшета маленькую патефонную пластинку из прозрачного целлулоида и завёл патефон. Видавшая виды пластинка захрипела, и вдруг танкисты услышали женский голос:

— Здравствуй, Павлик!.. Это письмо я наговариваю в Москве, в студии звукозаписи, где работает Василий Иванович.

Павлик, родной! Из твоего последнего письма я узнала, что вы сейчас под Сталинградом. В сводках сообщают, что там идут сильные бои... Павлик, любимый, я очень волнуюсь. Все мы здесь уверены, что фашисты Сталинград не возьмут.

— Историческое предвидение у девушки, — сказал Санько.

Капитан слушал пластинку, закрыв глаза.

— ... У меня всё благополучно, Павлик. Я часто думаю о тебе, и вот я снова вижу тебя перед собой.

— Товарищ капитан, — тихо сказал Санько, мы, пожалуй, пойдём с Логиновым, а то тут сейчас личное начнётся на пластинке. Я ведь её слышал, знаю...

— Ничего, — задумчиво сказал Полухин, — можете остаться.

— ... Если бы знал, Павлик, как я хочу обнять тебя хочу поцеловать в глаза, в правый и в левый... Говорят' что, если поцелуешь человека в глаза, он потом долго видит перед собой ту, которая поцеловала...

— Это правильно, — серьёзно заметил Санько.

— ... А может быть, это глупости, Павлик? — спросила девушка с пластинки.

— Нет, это правильно, — подтвердил Санько.

Полухин улыбнулся, а пластинка продолжала звучать:

— ... Павлик! Прошу, береги эту пластинку. Пусть она всегда будет с тобой. Когда будет трудно или грустно, заведи патефон, он у вас там, наверное, есть где-нибудь, и послушай меня.

Павлик! Мне техник делает знаки, что пластинка вот — вот кончится. Помни, Павлик, я жду тебя. Мы все уверены в нашей победе.

Я люблю тебя. Крепко целую! Целую, целую, целую, целую, целую...

Пластинка повторяла — «целую, целую».

Санько деликатно кашлянул:

— Товарищ капитан, поправьте мембрану, она заела малость.

— Ничего, меня это устраивает. Пусть!..

— ... Целую, целую, целую, — неслось с пластинки.

Полухин легко коснулся мембраны.

— ... И желаю успеха во всём, — сказала девушка. — Передай привет своим боевым друзьям...

— Это нам, между прочим, — с удовольствием отметил Логинов.

— ... И ещё передай привет Волге. Твоя Таня.

Пластинка снова захрипела, и диск остановился.

— Смотрите, — восхищённо сказал Санько, — казалось бы, что — простая техника, а как душу освежает, а?

— Просит передать привет Волге, — сказал Логинов, — а Волга, она где осталась!

— Да, — задумчиво сказал Полухин, — поклонимся Волге, но уже на обратном пути.

— Когда из Берлина будем домой возвращаться, верно? — спросил Логинов.

— Точно.

— Вы знаете, товарищ капитан, — сказал Санько, я вот подумал, если бы у меня в Саратове была такая звукозапись, я бы Любу свою попросил высказаться на пластинку по вопросу о нашей будущей жизни. Она, может, сказала бы — я тебя ожидаю, Алёша, и слушаю приказы, и так вы здорово наступаете, уже перешли Одер, и с каждым днём ты от меня всё дальше и дальше...

— А значит, что встреча ваша всё ближе и ближе. Понял, какая диалектика?

Полухин спрятал пластинку в сумку и пошёл к выходу. Санько и Логинов пошли за ним.

На улице у дома, крытого черепицей, Санько вдруг обнял за плечи Логинова.

— Хорошо тебе, Коля. Никакая тебя звукозапись не беспокоит. Холостяк!

Санько махнул рукой и, уже спускаясь в люк, вдруг обернулся к Логинову:

— Слушай, Коля, как же это мы так ушли?

— А что?

— Мы ж зубы забыли.

— Какие ещё зубы?

— Хозяйские, что в стакане лежат.

— А на кой ляд тебе эти зубы? — спросил Логинов, предвкушая шутку и заранее улыбаясь.

— Мне-то они, конечно, не нужны. Мне своих девать некуда. Я хотел бы их передать при случае этому... как его... Шмерке. Пусть, окаянный, кусает себя за икры и за прочие места, что потянуло их к нам в сорок первом году!..

— Заводи! — послышалась команда.

Почти одновременно громыхнули моторы.

Головная машина рванулась вперёд, и вслед за ней по узкой улице немецкого города Олау в сиреневом облаке дыма и пыли двинулись наши танки.

3.Текст Серые глаза

Если вас не затруднит, будьте добры, опустите это письмецо в Москве. Прямо в ящик опустите. Ну, если конечно, у вас время свободное найдётся, вы уж тогда лично передайте. Приятно бывает, когда с фронта живой привет привозят. Это точно.

У меня такой, знаете ли, интересный случай на почве живого приветов произошёл.

Это весной было. Вызывает меня командир полка и даёт приказание вылететь в Москву в командировку. Ну, я, конечно, собираюсь. Москвичи по-быстрому письма пишут.

Подходит ко мне капитан Соколов.

— Ты, — говорит, — Клименко, в Москву летишь?

— Точно, — говорю, — в Москву.

— Скоро?

Я говорю:

— Заправимся и полечу.

— У меня, — говорит, — Клименко, к тебе просьба.

Я говорю:

— Слушаю.

Он улыбается и говорит:

— Будешь в Москве, зайди к моей жене, передай привет и в глаза ей посмотри, а потом мне расскажешь, какие у ней были глаза.

Я говорю:

— Понятно. — И в книжку записываю: «Зайти к жене капитана Соколова. Передать привет и в глаза посмотреть».

Только я это дело записал, техник докладывает — всё в порядке, можно лететь. Ну, я с ребятами, конечно, прощаюсь. Уже в кабине сижу и вдруг вспоминаю: адреса-то я не спросил у капитана Соколова.

Я кричу:

— Адрес, капитан?

А он в ответ:

— Улица Полянка, тридцать четыре.

Я кричу:

— Будет сделано!

Прилетел в Москву. Явился куда надо по службе.

Потом в ящик письма опустил, что ребята дали. Вижу, все вроде в порядке, одно поручение осталось — «зайти к жене капитана Соколова. Передать привет и в глаза посмотреть».

Стал я эту улицу Полянку искать. Я Москву слабо знаю. В общем, нашёл. Вижу: дом огромный, а номер квартиры у меня не записан. Захожу в домоуправление и там узнаю, в какой квартире Соколова живёт. В шестой.

Поднимаюсь на второй этаж. Квартира шесть. Звоню. Открывается дверь. Смотрю, стоит на пороге товарищ. Техник-лейтенант. Ростом примерно с вас будет. Папироску курит. Я говорю:

— Разрешите войти?

Он говорит:

— Пожалуйста.

Прохожу это я, а сам думаю — лучше бы мне про последнее поручение забыть. Не понравился мне этот товарищ в квартире супруги капитана Соколова.

Проходим в комнату. Я спрашиваю:

— Можно видеть Соколову?

— Посидите, — говорит, — она скоро придёт. Закуривайте, — и портсигар протягивает.

Я говорю:

— Спасибо, не курю, — а сам-то я, между прочим, курю с тридцать восьмого года.

Да. Ну, сидим, молчим. Этот товарищ спрашивает:
— С фронта?
— Да, — говорю, — с фронта.
— Откуда именно? Если не секрет?
Я говорю:
— С того самого.
— Наверно, из Германии?
— Да, — говорю, — оттуда, — а сам папироску достаю и закуриваю.
Тут он ухмыляется:
— А говорили, не курите.
А я говорю:
— Ничего. Курю. Иногда. В отдельных случаях.
Сидим молчим. Он опять вопрос задаёт:
— Как, — говорит, — там дела?
Я говорю:
— Там-то дела хорошие, а какие дела здесь? Вы случайно стихотворение не знаете «Жди меня»?
— Да, — говорит, — помню.
— Прекрасно, — говорю, — что вы это стихотворение помните. — Я говорю: — А вы знаете, что капитан Соколов уже три ордена имеет?
— Знаю, — говорит. — Мне Вера его письмо читала.
Я говорю:
— Ну, хорошо. — А сам чувствую, сильно волнуюсь.
А он вдруг говорит:
— Вы извините, но мне уходить пора.
А я говорю:
— Подождите. У меня поручение к Соколовой имеется, насчёт глаз. Что глаза покажут, что глаза расскажут. Вам ясно?
— Да, — говорит. — Нет, не ясно... Вы, — говорит, — успокойтесь. Отдыхайте.
Я ему говорю:
— Вы мне прямо скажите — женаты?
Он говорит:
— Нет ещё, только собираюсь.
Тут уж я на него зверем смотрю. А он на мои нашивки ранений уставился.
Я говорю:
— Что смотрите, а?
Не успел он ответить, слышу звонок, Он сразу встал. А я говорю:
— Садитесь, я сам открою!..
Иду. Открываю. В прихожей темно. Вдруг чувствую, целует меня женщина. Я назад подаюсь, а она говорит:
— Колноня, ты меня, наверно, ругаешь, что задержалась?
Тут я выхожу на свет. Смотрю — женщина молодая, и выражение лица у неё испуганное до последней степени.
— Ой, — говорит, — что это?... Кто вы такой?..
Я в комнату прохожу, а женщина следом идёт. Тут я на техника-лейтенанта оглядываюсь. Вижу: он ей знаки делает — по голове своей пальцем постукивает, потом на меня показывает. Я говорю:
— Что за жесты, дорогой товарищ? — И к женщине обращаюсь: — Вас, кажется, Верой зовут?
— Да, — говорит, — Верой... А вы кто такой?
Я говорю:
— Я так... боевой товарищ капитана Соколова.

— Значит, вы оттуда?
— Да, мы в одной части.
— Ох как хорошо. Садитесь.
Я говорю:
— Ничего, я постою. Прокурор стоя обвинение говорит.
— Обвинение? Вы что же, военный прокурор? — спрашивает, а сама на этого, на Колю, оглядывается.
— Нет, — говорю. — По службе я не прокурор. Я по дружбе прокурор.
Она говорит:
— Извините, я вас не понимаю. — Говорит, а сама к технику-лейтенанту жмётся...
— Вот что, — говорю, — капитан Соколов мне так сказал: «Ты к ней приди и в глаза ей посмотри. Приедешь — расскажешь».
Тут я смотрю на неё. Лицо у неё испуганное. Глаза серые, большие, и брови тёмные врзлёт.
— Ну что, посмотрели?
— Посмотрел.
— Вот и хорошо. А вы письма не привезли?
Тут я строго ей говорю:
— От кого вы письма ждёте?
— От кого? От капитана Соколова. От Пети.
Я говорю:
— Он не Петя. Он Вася.
Она глаза ещё шире открывает:
— Вася? Какой Вася? У нас нет никакого Васи. У нас, — говорит., — с Колей, вот с ним, брат Петя. Капитан Пётр Соколов,
Я, конечно, падаю на стул и не своим голосом спрашиваю:
— Капитан Василий Соколов, лётчик?
— Нет, — говорит, — капитан Пётр Соколов, танкист.
Я говорю:
— Василий Соколов ваш супруг?
— Нет, — говорит, — Пётр Соколов мой брат, мой и Колин. А супруга у меня, — говорит, — пока ещё нет,
Тут я открываю рот и говорю:
— Товарищи, что же это у нас с вами получилось?
А сам книжку записную достаю. — Вот адрес: Москва, Полянка, 34.
А Вера спрашивает:
— Какая?...
Я говорю:
— Что какая?... Москва — одна.
— Москва-то, — говорит, — одна, а Полянки две. Большая и Малая. Наша Большая.
Ну тут уж я не буду вам рассказывать, как мы этот вечер провели, это, знаете, очень длинный будет рассказ.
В общем, расстались мы по-хорошему, а когда прощались, мне Вера говорит:
— Вы Колю сильно напугали. Он думал, вы контуженый.
— Да, — говорю, — теперь я понимаю, почему он на мои нашивки смотрел.
В общем, посмеялись мы, и Вера говорит:
— Вот какие в жизни забавные бывают совпадения.
— Да, — говорю.
— А я, — говорит, — вас ещё поцеловала.
— Ничего, — говорю, — поцелуй за мной. Возвратимся с победой — я вам его верну.
Раз он ваш, зачем он мне?...
А она говорит:

— Обязательно.

— Что обязательно?

— Обязательно, — говорит, — возвращайтесь с победой. — Говорит, а у самой глаза смеются.

Расстались мы, нашёл я Малую Полянку, жену капитана Соколова нашёл. Обрадовалась она. Я привет ей передал и в глаза посмотрел. Хорошие глаза у неё, синие. Но лично мне больше серые нравятся.

Вот такая была история. Так что, если вам не трудно будет, вы это моё письмецо Вере Соколовой передайте. Адрес на конверте. Только Полянки не перепутайте.

Их в Москве две. Большая и Малая.

4. Текст «БОЕВАЯ ПОДРУГА»

Днём в госпиталь пришла почта. Медсестра Олечка выбрала несколько писем, адресованных раненым её палаты, и печально покачала головой. Письма пришли почти всем: и старшине Фалееву, и старшему сержанту Горохову, и сержанту Фёдору Пастухову. Опять не было письма Егору Фоменко.

Олечка отнесла почту в палату. Младший сержант Фоменко сидел у окна с книгой и молча смотрел на товарищей, жадно читавших письма.

— Опять мимо, сестрица?

— Ничего, — ласково сказала Олечка, — вам ещё напишут.

— Возможно, — сказал Фоменко.

Он встал и, опираясь на палку, вышел в сад. Пастухов проводил его взглядом.

— Сколько времени Фоменко без письма. Это ж ненормальное положение, честное слово.

— Чего ж тут ненормального? — рассудительно сказал Фалеев. — Может, ему получать не от кого.

— Вы смотрите, ребята, какая вещь, — сказал Пастухов. — Мы все выздоравливающие, так?... Помнишь, Фалеев, что врач говорил? Нормальная психика и хорошее настроение — они тоже раны залечивают, не хуже любой мази.

— Правильно, — отозвался Горохов. — Психотерапия.

— Вот именно.

Пастухов закрыл дверь и перешёл на шёпот:

— Ребята, у меня такая мысль. Давайте сочиним письмо Фоменко. Вроде пишет ему — незнакомка. Высказывает восторг и любовь. Желает встреч и так далее. Егор письмо получит, так?... Сразу у человека радость. Безусловно, он ответ ей напишет...

— Ну и что? — спросил Фалеев.

— Что «ну и что»?... У Фоменки, возможно, наметится психотерапия — и он вскорости станет весёлый и здоровый. Неси бумагу, Горохов. Сейчас составим письмо.

Через полчаса аккуратным почерком старшины Фалеева было написано короткое послание.

«Дорогой и пока что мне неизвестный Егор!

Очень извиняюсь, что отрываю вас от медицинского лечения. Не так давно я прочитала заметку в центральной газете про ваш исключительный боевой подвиг, как вы ворвались в траншею и в рукопашной схватке положили четырёх захватчиков.

Этот замечательный боевой эпизод является пре— красным моментом в вашей молодой жизни. Я имею желание быть с вами знакомой, чтобы моя сильная девичья любовь была намечена для вас. Чтобы мы, конечно, встретились и, если не будет возражений, жили в дальнейшем совместной счастливой жизнью.

Желаю вам скорейшего выздоровления. Адрес свой я пока не сообщаю, но впоследствии возможно, что и сообщу.

А пока желаю всего хорошего. Крепко вас целую.

С приветом. Неизвестная девушка».

Прочитав письмо вслух, Пастухов стал мастерить конверт.

— Замечательное письмо, — сказал он, улыбаясь. — Егору будет полное удовольствие, что его крепко целуют и так далее...

— Письмо правильное, — подтвердил Фалеев, — но всё же здесь кое-чего не хватает.

— Адреса, что ли?... Это не обязательно, — сказал Пастухов. — Без адреса даже лучше. Тут налицо загадка.

— Загадка — это хорошо, — сказал Фалеев, — но для такого письма ещё фотокарточка требуется, а на фотокарточке красивое женское лицо. Тогда полная терапия будет.

— Где же её взять, фотокарточку? И так неплохо.

— Нет, — сказал Фалеев, — без фотокарточки это так, пустой номер.

Пастухов на мгновение задумался, затем достал из кармана пижамы маленькую фотографическую карточку. На карточке была изображена милая круглолицая девушка.

— Это кто ж такая? — спросил Фалеев.

— Даша, — сказал Пастухов и вздохнул. — Моя невеста. Хорошая девушка.

— Слушай-ка, Пастухов. Положи фотокарточку в конверт, — сказал Фалеев. — Всё равно это письмо дальше госпиталя не уйдёт. Как вся эта шутка распутается, ты её у Фоменки обратно возьмёшь и всё будет в порядке.

Пастухов посмотрел на лицо Даши, как бы спрашивая у неё совета. У Даши на карточке были весёлые глаза, и Пастухов понял, что Даша не возражает, а, наоборот, даже приветствует.

5. Текст СВИДАНИЕ

По синему небу торопливо бежали легкие облака. Упругий ветерок теребил ветки деревьев. Перегнувшись через перила балкона, стараясь дотянуться до ближайшей ветки, Лена увидела странную процессию. Впереди шла мама - Вера Алексеевна. Рядом бежала Иришка - пятилетняя дочь Лены. А позади тянулась шумная ватага дворовых ребят.

- Что случилось, мама?

Вера Алексеевна остановилась и, угомонив ребят, громко сказала:

- Леночка! Мы сейчас Сергея видели. У этих вот... у Бранденбургских ворот.

- Мама, я сейчас спущусь,- сказала Лена,- подождите. Вы какие-то странности говорите!

Она быстро ушла с балкона и уже через минуту стояла во дворе, окруженная толпой ребят.

- В чем дело?

Вера Алексеевна наклонилась к Иришке:

- Иришка, скажи, кого мы сейчас видели.

- Мама,- спокойно сказала Иришка,- мы сейчас с бабушкой папу нашего видели.

- Кого? Папу?

-Ага. У Никитских ворот.

-Не у Никитских, девочка, а у Бранденбургских,- значительно сказала бабушка.

- Она правильно говорит,- вмешался в разговор Сима Орлов,- кино-то у Никитских ворот... Вот мы его там и видели.

Какое кино? Какие ворота?

- Лена, мы в кино были, кинохронику смотрели про Берлин. Там наш Сергей заснят. Лена всплеснула руками и побежала в кино. У кассы она спохватилась, что забыла дома сумочку.

- Гражданка, будьте добры,- сказала Лена кассирше,- я забыла сумочку. Дайте, пожалуйста, один билет. Я вам потом принесу деньги...

- А что за спешка? Придете на следующий сеанс.

-Не могу. Понимаете, не могу. Меня там муж ждет, в Берлине, у Бранденбургских ворот. Он в кино, заснят, понимаете?

- А-а? Тогда пожалуйста.

Сжимая в руке драгоценный билет, Лена вошла в зал. Картина уже началась, и Лена села на первый попавшийся стул.

На экране проходили кадры штурма Берлина. Гремели пушки, стреляли пулеметы. По улицам, пригнувшись, пробегали солдаты. Потом Лена увидела большой флаг на крыше рейхстага... Лена прижала руку к груди и услышала громкое биение сердца... Потом мимо серых Бранденбургских ворот пошли наши войска. И в стороне, рядом с колонной войск, медленно шел Сергей. Да, да! Это был он. Вот он задержался, поправил гимнастерку, улыбнулся кому-то из своих и снова зашагал вперед.

-Ой,- воскликнула Лена,- Сережа!

Сидящие впереди обернулись и удивленно посмотрели на Лену. Она встала и, пробираясь между рядами, пошла к выходу. Через четверть часа она была уже дома.

- Мама! - сказала Лена.- Я пойду опять... Я его почти не видела. Если задержусь - не беспокойся.

Возвратившись в кино, она отдала кассирше долг и купила билет в первый ряд. Все было как на прошлом сеансе. Сергей шел так же медленно и точно так же поправлял гимнастерку.

На следующем сеансе ей показалось, что Сергей прошел чуть быстрее. Но она все же успела разглядеть его усталое счастливое лицо.

Рано утром Лена пришла на завод. Там уже все знали. Маша Соломина видела хронику и громогласно сообщила о том, что муж Леночки майор Красовский заснят на фоне Бранденбургских ворот в самом Берлине. После работы Лене пошла в кино. Вместе с ней туда направилась целая группа ее сослуживцев. Инженер Курганов купил на бульваре букетик цветов и, поднося его Лене, сказал:

- Возьмите, Лена. Все-таки на свидание идете!..Когда на экране появился Сергей, все Ленины сотрудники захлопали в ладоши, а Курганов тихо сказал:
- Смотрите, он вам улыбается, Леночка. Он определенно вам улыбается!..
Поздно вечером Лена вернулась домой.

- Я в кино была, мама,- сказала она за обедом.- Сергея опять видела.
- И мы с Иришкой еще разок сходили,- сказала Вера Алексеевна.- Сегодня он лучше выглядел. Вчера у него все же усталый вид был.
Лена улыбнулась.

- Нет, мама, он одинаковый. Это же кино.

- Ты со мной не спорь. Мне видней.

Вечер тянулся невыносимо долго. Лена уложила Иришку и распахнула окно. Теплый воздух наполнил комнату. Вера Алексеевна уже спала. Лена переоделась, оставила на столе записку -и вышла на улицу. У ворот она встретила управдома Василия Васильевича. Он поздоровался с Леной за руку и сказал:

- Сегодня, Елона Константиновна, в кино «Новости-дня» супруга вашего видел. Прекрасный вид имеет. Так что позвольте вас поздравить.

- Спасибо, Василий Васильевич.

Кассирша кино поздоровалась с Леной, как со старой знакомой, и даже пошутила:
-Что-то вы давно не были, а муж-то ваш на три сеанса приходил. Приходил, а вас-то и нет...

- Ничего. Придет.

В фойе Лена встретила много знакомых. Пришла вся семья Гороховых из третьей квартиры. Пришли Шуваловы. Пришел даже водопроводчик дядя Егор. Увидев Лену, он несколько неуверенной походкой пошел ей навстречу и, неизвестно почему погрозив ей пальцем, сказал:

- Хочу, Елена Константиновна, на Берлин глянуть, какой он есть... Ну а также, конечно, на мужа на вашего. Ведь я его вот с каких лет знаю. Сеанс начался. Когда на фоне Бранденбургских ворот появился Сергей, в зале раздался неистовый крик дяди Егора:

- Сергею Капитонычу привет!

Кругом засмеялись, а соседи Лены по дому начали аплодировать. ...Самолет, на котором прилетел Сергей, совершил посадку поздно вечером. Сергей вскочил в такси и помчался домой.

Пройдя через темный двор, он быстро поднялся на третий этаж, позвонил и услышал шаги. Дверь открыла Софья Михайловна - соседка по квартире. Она взглянула на майора и ахнула:

- Батюшки!..

- Здравствуйте, Софья Михайловна,- тихо сказал Сергей.- Где мои все?

- С приездом! Дома, дома все... Только, кажется, Леночки нету... Войдя в комнату, Сергей наклонился над кроватью дочки. Иришка спала. На диване спала Вера Алексеевна. На столе лежала записка: «Мама. Я ушла в кино на свидание с Сережей. Если задержусь, значит, осталась на последний сеанс. Лена».

Сергей вышел в коридор и снова прочитал записку, явно не понимая, о каком свидании идет речь. В коридор выглянула Софья Михайловна.

- Леночка в кино ушла к Никитским. Там вас показывают в кинохронике...

Сергей вбежал в вестибюль кино.

- Пожалуйста, один билет!..

- Сеанс уже начался,- ответила кассирша.

- Все равно!

Сергей появился в темном зале в тот самый момент, когда он поправлял гимнастерку и улыбался на экране. С любопытством глядя на свое изображение, Сергей пробирался вперед, пытаясь найти среди зрителей Лену. Но он не видел ее.

А Лена сидела в третьем ряду рядом с дядей Егором, который решил за компанию отбыть еще один сеанс.

- Сейчас кончается, дядя Егор,- сказала Лена. Дядя Егор мирно спал. Лена толкнула его. Вспыхнул

свет. Дядя Егор открыл глаза - и первое, что он увидел, был живой Сергей Капитонович. Дядя Егор потряс головой и протер глаза:

- Ох, мне привиделось... Вроде сон.

- Что за сон?

- Да вот, понимаешь...- дядя Егор посмотрел вперед и умолк.

Лена обернулась. В нескольких шагах от нее стоял Сергей.

- Сережа! - крикнула она и бросилась к мужу. И тут в зале поднялся шум. Незнакомые люди трясли им обоим руки, с чем-то поздравляли, а кто-то даже крикнул «ура!».

Еще не понимая всего того, что произошло, Лена шла рядом с Сергеем, не сводя с него глаз и не отпуская его руки.

А дядя Егор пробился вперед и на многочисленные вопросы: «Что случилось?» - отвечал спокойным голосом:

- Проходите, граждане! Ничего нет особенного. Обыкновенная вещь. Муж к жене с полотна сошел!

Вы знаете, какой мой главный недостаток? Не знаете? Я сейчас скажу. Надежда Яковлевна - наша учительница - говорит:

- Колымагин Дима, в чем твой главный недостаток? Ты никак не можешь сосредоточиться на чем-то основном. Когда ты что-нибудь рассказываешь, ты все время отвлекаешься, вспоминаешь какие-то второстепенные детали, никому не нужные подробности, и в результате твой рассказ теряет стройность. Ты понял?

Я сказал, что понял и больше отвлекаться не буду, чтобы мой рассказ не терял стройность. Сейчас я вам расскажу, почему я больше не езжу на дачу к Юрке Белоусову. Вообще у нас с Юркой отношения очень хорошие. Мы с ним товарищи. Сейчас лето, и Юрка гостит у своего дяди. Его дядя Лев Иваныч, а у него дача. Собственная.

Этот Лев Иваныч очень любит свою дачу. Он ее охраняет прямо как пограничник. Я как-то приехал, а у них возле дачи на цепи страшной силы собака, все время лает - «хау-хау».

Я сказал:

- Лев Иваныч, вашей собаке, наверно, трудно без перерыва лаять. Вы купите магнитофон «Яуза-10» стерео и запишите собаку на магнитофон, а потом запустите эту запись через усилитель. Знаете, какой будет звук! Его даже на станции услышат.

Вообще с магнитофоном много трюков можно сделать. Один изобретатель записал на пленку крик испуганных ворон и потом эту запись у себя на огороде включил на полную мощность. И все. Больше ни одна ворона не залетела.

Но это я про ворон просто так вспомнил. К слову пришлось. А вообще меня Лев Иваныч последнее время не любит, и я к ним на дачу не езжу. Лев Иваныч мне сказал:

- Чтоб и духу твоего здесь не было! Твое счастье, что тебе лет мало, а то как миленький помахал бы метлой пятнадцать суток, хулиган ты этакий!.. Ну, раз он мне прямо так сказал, я, конечно, ушел. Пожалуйста. Подумаешь... Он считает, что во всем только один я виноват.

Лично вы на Цейлоне никогда не были? Да? Я тоже не был. Но я вообще кое-чего знаю про Цейлон. Во-первых, Цейлон - остров, так? Живут на Цейлоне сингалы, тамилы, малайцы и мавры. Чай там растет, каучуконосы... Но я вам подробно не буду про Цейлон рассказывать. У нас мальчишка один есть в классе, Дугин, его старший брат целый год на Цейлоне проработал, а до этого где-то в Африке дороги строил. Он к нам в школу приходил, интересно рассказывал, но, конечно, дело не в этом. Я про другое хочу сказать.

Вы грибы любите собирать? Я лично здорово грибы нахожу. Я их издалека вижу. Мы когда на даче были у Белоусовых, Лев Иваныч говорит:

- Ребята! В воскресенье раненько утром придет к нам дорогой гость Бабкин Федор Константинович, начальник отдела, человек, от которого очень многое зависит.

Мы с Юркой спрашиваем:

- А от нас что зависит? А Лев Иваныч говорит:

- А от вас вот что зависит. Федор Константинович заядлый грибник. Давайте создадим ему условия. Чтобы вышел он на полянку, а там сплошь грибы, одни белые...

Я говорю:

- Лев Иваныч, а где же такую полянку найти? А он говорит:

- А смекалка где?.. Мы в субботу с вами пройдем, наберем белых грибов, только срезать их не станем, а под корень будем брать, прямо с землей. После эти грибы я лично расфасую по полянке, натурально, чтобы никакого подозрения. Федор Константинович пойдет - и пожалуйста!..

Я говорю:

- Лев Иванович, это будет жуткое подхалимство. А Лев Иванович говорит:

- Молодой ты еще и потому дурак. Дурак ты. Дурачок. Никакого в этом подхалимства нету, а есть сюрприз для руководства.

Тогда мы с Юркой сказали:

- Ладно. Сделаем.

Но я вам опять хочу про Цейлон сказать и про Африку. Брат Дугина, который в школу приходил, интересно рассказывал, как там местные жители хищных зверей ловят. Они делают глубокие ямы, сверху маскируют их лианами, ветками разными и такое устройство применяют, что хищник, который в яму провалится, сам ни за что оттуда не вылезет...

А теперь я вам хочу одну тайну открыть. Хотя это, конечно, больше не тайна. Нам уже за нее знаете как попало...

В общем, за неделю до того воскресенья мы с Юркой и еще с одним мальчишкой решили сделать ловушку, как на Цейлоне или в Африке. Мы вырыли на полянке глубокую яму и здорово ее замаскировали. Конечно, у нас хищников особых нету, но вдруг волк попадется или там барсук. Да, я еще забыл сказать: мы туда, в яму-ловушку, таз с водой поставили. Если хищник попадется, чтобы его там не томила жажда. В Африке тоже так делают. И правильно. Идет леопард, р-раз! - и провалился. Что делать? Спокойно, не нервничай, попей водички и жди, пока за тобой придут охотники... Ловушку мы закончили во вторник вечером, а в пятницу у одного дачника, у зубного врача, пропала коза. У этого зубного врача на калитке вывеска: «Удаление зубов без боли». Это вообще простая штука. Укол, все замерзает, и можешь тащить любой зуб. Ерунда.

Зубной врач сразу в милицию заявил. В милиции сказали: не волнуйтесь, доктор, ваша коза, наверно, куда-нибудь приبلудилась, придет. Когда мы узнали, что коза пропела, у нас с Юркой сразу подозрение, но в лес мы не пошли. А Юрка сказал:

- Дима, если все в порядке и коза там, то это даже лучше. Хищник, привлеченный запахом козы, придет и обязательно туда свалится.

Я сказал:

- Юрка, об этом лучше даже не думать, потому что, если коза зубного врача сидит в яме и вся эта штука откроется - кто яму копал, нам с тобой несдобровать, это точно!..

Набрали мы корзину грибов и принесли Льву Иванычу. Он говорит - молодцы! Нате вам на кино.

Мы с Юркой пошли на «Три мушкетера», а Лев Иваныч отправился готовить свой сюрприз начальнику.

После кино я уехал на электричке в город, а в воскресенье рано утром опять приехал на дачу.

Прихожу, смотрю: на террасе за столом сидит толстый такой дядька - тот самый начальник, от которого многое зависит. Он завтракает, Юркина тетка всякую еду носит, а Лев Иваныч чокается с гостем и просто-таки сияет от удовольствия.

- Еще пососок на дорожку! Пей до дна! Пей до дна!.. Вот так. А сейчас, после завтрака, объявляется культпоход за грибами. Ребята пойдут в дальнюю рощу, я пойду налево, а вы, Федор Константинович, вдоль опушки с правом углубиться в лес... Маршрут разработан лично мною. Вперед! Возвращаемся ровно через два часа. Подводим итоги, премируем победителя.

Тогда мы с Юркой переглянулись. Наверно, Лев Иваныч насовал грибов на ту самую полянку, но раз он не попал в ловушку, возможно, что он свой сюрприз на другой полянке подготовил.

В общем, мы с Юркой пошли в дальнюю рощу.

Ровно через два часа мы вернулись. Принесли десяток подберезовиков. Федор Константинович еще не вернулся.

Лев Иваныч подмигнул нам с Юркой:

- Сейчас явится. Наше дело маленькое,- увидим его трофеи и руками разведем: дескать - вот это да!..

Прошел еще целый час, а Федора Константиновича все не было и не было. Лев Иваныч посмотрел на часы и как-то даже весело сказал:

- А вдруг наш дорогой гость заблудился и погибает в лесу от голода и жажды? Кто будет отвечать, а?

Тогда Юркина тетка сказала:

- От голода он не умрет.

- И от жажды он не умрет,- сказал я.

У меня, наверно, было какое-то неестественное выражение лица, потому что Лев Иваныч очень подозрительно на меня поглядел.

- Дядя Лева, пойдем его поищем,- предложил Юрка,- может, он правда заблудился.
- Сейчас придет,- сказал Лев Иваныч.
- А Юрка отозвал меня в сторонку и тихо сказал:
- Спорим, что он там.
- Почему ты думаешь?
- Спорим? Я сказал:
- Нет, спорить я не буду. Я лучше поеду в город. Юрка ничего не ответил. Вдруг - трррр... едет милицейский мотоцикл, а в коляске зубной врач.
- Лев Иваныч кричит:
- Ну как, сосед, коза нашлась? А зубной врач говорит:
- Тысяча и одна ночь!
- Мы с Юркой не поняли, что он хотел этим сказать, но почему-то подумали, что коза - там.
- А сержант милиции затормозил у калитки и спросил:
- У вас случайно лесенки не найдется?- А что случилось, если не секрет?
- Цирковой номер. Гражданин верхом на козе. Когда я услышал эти слова, я сказал:
- Юрка, я сейчас поеду в город. И ты поедешь. Мы вместе поедem в город.
- Лев Иваныч принес лесенку и говорит:
- Если разрешите, я с вами.
- Поехали! - сказал сержант, и мотоцикл умчался. Когда мы с Юркой прибежали на нашу полянку, мы увидели там старшину и сержанта милиции, Льва Иваныча, зубного врача и козу.
- Тут же на пеньке сидел Федор Константинович и, закрыв глаза, растирал свою поясницу.
- У Федора Константиновича было ужасно сердитое лицо.
- Значит, будем считать так,- сказал сержант,- первой в яму рухнула коза, а за ней проследовал этот вот гражданин...
- Этот гражданин - руководящий работник в системе нашей торговли,- сказал Лев Иваныч.
- Ясно,- сказал сержант.- Виноват. Значит, первой свалилась коза, а за ней руководящий работник.
- Не будем на этом останавливаться,- сказал Лев Иваныч,- коза меня мало интересует. У козы что? Одни рога, а у человека репутация.
- Это точно,- подтвердил сержант. Он покосился на Федора Константиновича и сказал: - Ведь это надо же, а?... Козе простительно, ну а вы-то как в яму попали?
- Федор Константинович, вместо того чтобы ответить, погрозил козе пальцем и сказал расплывчатым голосом:
- Мелкий... рогатый... скот... Коза-коза... Ах, эти черные глаза...
- Все ясно,- сказал сержант,- гражданин находится в состоянии опьянения.
- Это вам показалось,- сказал Лев Иваныч и вдруг увидел таз, который еще до нашего прихода кто-то достал из ямы.- Юра! Как сюда попал наш таз? Пока Юра думал, как ему выкрутиться, я решил все взять на себя. Я сказал:
- Этот таз я сюда принес.
- Зачем?
- Чтобы не страдал от жажды тот, кто туда попадет.
- Куда - куда? В таз? - не понял Лев Иваныч.
- Нет, Не в таз. В яму-ловушку, которую мы вырыли...
- Тихо!.. Довольно! - сказал Федор Константинович.- За это хулиганство виновные понесут ответственность! А сейчас прошу проводить меня на станцию. Немедленно!..
- Лев Иваныч сразу растерялся.
- Федор Константинович... Вы, так сказать, не волнуйтесь..., Так получилось.
- А зубной врач говорит:
- Прошу прощения, меня ждут пациенты. Если милиция не возражает, я уведу свою козу. Боюсь, что от всех ее переживаний она перестанет доиться.
- Милиция не возражает,- сказал старшина.

Лев Иваныч, взявшись за голову, пошел вслед за начальником. Потом он вернулся ко мне и сказал то, что вы же знаете:

- Чтoб и твоегo дyхy здeсь нe былo!.. Твое счастье, что тебе лет мало, а то как миленький помахал бы метлой пятнадцать суток, хулиган ты этакий!.. Теперь вы понимаете, почему я больше не езжу на дачу?

Мы все любили ее - и я, и Сергей, и Димка. Случилось так, что и встретили мы ее все вместе. Она вышла с подругами из подъезда института, и все они взялись за руки и пошли по самой середине улицы. Они шли, смеясь и что-то распевая, и шоферы объезжали их, стараясь не нарушить этот веселый строй. Она шла в центре и была так красива, что об этом можно писать отдельно. Мы невольно остановились.

- Братцы! - тихо сказал Димка.- Посмотрите!..

- Я никогда в жизни, - сказал Сергей, - не видел таких девушек

- Да. Ничего,- сказал я сдержанно. Я боялся открыться сразу, и кроме того, сдержанность уже в те годы казалась мне лучшим украшением мужчины.- Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей! •- сказал я, приходя в восторг от собственной хитрости.

На следующий день мы встретили ее снова. Она медленно шла по аллее, держа под мышкой портфель и старательно обрывая лепестки ромашки. Первым ее опять заметил Димка.

- Братцы,- сказал он,- мы погибли. Она гадает на ромашке: любит, не любит...

- Он вас не любит,- сказал я.

- Кто он?

Она посмотрела на каждого из нас, и мне уже тогда показалось, что Димка удостоился самого долгого взгляда.

- Вы ошибаетесь,- сказала она,- я просто гадала, сдам я завтра зачет?

- А что у вас завтра? - спросил Димка.

- Органическая химия.

- Я дам вам свои конспекты,- быстро предложил Димка.

- Если у вас подробные конспекты, я с удовольствием воспользуюсь ими,- сказала она Димке.- будете проходить мимо, занесите.

- Куда? - спросил Димка. Он уже шел напролом.

- Студгородок. Второй корпус, второй этаж, комната пять.

- А как вас зовут?

- Елена,- ответила она.

- Понятно. Значит Леночка,- догадался Димка,- до свиданья.

Она улыбнулась нам и ушла.

- Братцы, так начинается личное счастье,- задумчиво сказал Димка.

С этого действительно все и началось. Сперва Димка отнес ей конспекты. И она сдала зачет. Потом мы пришли к ней в гости. Каждый из нас принес цветы. Потом мы вместе ходили в театр, ездили за город и вместе катались на лодке. И тогда же, я помню, был этот случай, когда, нагибаясь за сорвавшимся веслом, я, как бы невзначай, поцеловал ей руку. Сергей это заметил. Он строго посмотрел на меня и сказал:

- Трое в лодке, не считая собаки!

Итак, мы любили ее. Каждый по-своему, но все нежно и бескорыстно. А потом началась война. И я, и Сергей, и Димка уезжали одновременно. Мы пришли к ней в последний раз. И решили так. Если хотя бы один из нас будет в Москве, он непременно зайдет к ней и проведет с ней вечер, а стол будет накрыт для четырех.

Во время войны мы встречались не все. Но на столе стояли четыре прибора. И тому, кто в редкий вечер был с ней, казалось, что все опять в сборе, что мы никогда не разлучались и что мы обязательно встретимся.

Так было долго. Однажды мы приехали в Москву вместе с Сергеем, мы были оба на

Первом Белорусском. Мы пришли к ней, и стол был накрыт для четырех. Мы вспомнили Димку добрым словом, и тут она прочла нам его письмо. Он писал, что его отзывают с фронта, что он будет военпредом на заводе в ста километрах от Москвы.

Я помню, мы вздохнули с Сергеем, а она улыбнулась и сказала:

- Мальчики, все остается по-старому.

Но в ее глазах мы уже видели Димку. У нее были такие глаза, что об этом можно писать отдельно.

Все произошло в ноябре. Мы с Сергеем приехали в Москву получать награды. Она дала телеграмму Димке, и он тоже приехал на праздники. Итак, мы опять были в полном сборе. Она хотела пригласить подруг, но мы наотрез отказались. Мы сказали: пусть будет так, как было!.. Она надела самое лучшее платье и была прекрасна. Мы рассказывали каждый о себе и расспрашивали Димку о его заводских делах. И тогда она вдруг сказала:

- Друзья! Я приготовила для вас невиданный пирог. Он скоро будет готов.

И тогда я сказал:

- Леночка! У меня есть предложение...

- Какое? Тогда я сказал:

- Леночка! Сергей, и Димка, и я - мы очень любим вас...

- И я люблю и вас, и Сергея, и Димку,- сказала она просто, но мне показалось, что она боится обидеть двоих из нас, но кого, я еще не знал.

- Нет, нет, вы слушайте,- продолжал я,- давайте сделаем так. Возьмите монетку и запрятуйте ее в пирог. А когда пирог будет совсем готов, один из нас разрежет его на три равных части. Мы возьмем каждый свою часть, и тот, кому попадет монетка, тот будет признан сегодня самым лучшим, самым главным и самым...

- И самым достойным,- сказал Сергей. Лена пожала плечами, улыбнулась и сказала:

- Хорошо. Давайте свою монетку... Она вышла, и мы остались втроем.

- Она прекрасно выглядит,- сказал Сергей.

- Она всегда прекрасно выглядит,- сказал Димка.

- Вот так-то...- начал я и замолчал.

Разговор не клеился. Сергей достал папиросы. Димка сел за пианино и начал что-то играть. Он явно волновался, но старался это скрыть.

- Перестань вертеть тарелку,- сказал мне Сергей,- у меня впечатление, что ты нервничаешь...

- Я совершенно спокоен,- сказал я,- кстати, для того чтобы получить полное удовольствие от папиросы, нужно ее зажечь. А пока ты зря затягиваешься - дыма не будет.

Сергей усмехнулся и спрятал папиросу. Мы смотрели на дверь.

- Перестань играть, Димка! - сказал Сергей.- Она идет.

В комнату вошла Лена. Она принесла небольшой пирог и поставила его в центре стола.

- Кто будет резать? - спросила она. Мы молчали и смотрели друг на друга.

- Знаете что, Леночка, режьте сами! - сказал Сергей.

- Правильно. Это будет в некотором смысле рука судьбы,- сказал я.

- А что думает Дима? - спросила Лена.

- Я присоединяюсь к предыдущим ораторам,- нервно сказал Димка.

Тогда Лена взяла нож, медленно разрешила пирог на три равные части. Она подняла тарелку, и каждый из нас взял по куску пирога.

Мы смотрели друг на друга. Все боялись начать. Тогда Сергей сказал:

- Ну ладно, неврастеники, я начинаю... Только спокойно.

Вслед за Сергеем начал Димка, а потом я.

Мы ели пирог медленно, с тревогой глядя друг на друга.

В комнате было тихо, как в храме.

Лена, улыбаясь, смотрела поочередно на каждого из нас. А мы не торопились. Мы

откусывали понемножку и жевали так осторожно, словно ежесекундно рисковали взорваться.

- Товарищи! - сказал Сергей. Мы с Димкой схватились за сердце.

- Товарищи, давайте сделаем перерыв, покурим. А?

- Нет,- сказал я,- питайтесь без перерыва... И в этот момент встал Димка.

- Братцы! - сказал он.- Вот! - И, как фокусник, достал изо рта монетку достоинством в двадцать копеек.

- Судьба! - сказал Сергей.

- Я всегда говорил, что Димка счастливый!..

А Димка, улыбаясь, подошел к Леночке и торжественно произнес:

Я пред тобою, твой избранник,

Тебе намечен я судьбой!..

Мы доели с Сергеем пирог. Сергей отодвинул свою тарелку и многозначительно посмотрел на меня.

- Свадебный пирог,- тихо сказал Сергей,- да?

- Конечно! - сказал я и вздохнул.

Когда мы все уходили, Лена сказала нам на прощанье:

- До новой встречи, друзья!..

И новая наша встреча состоялась ровно через полгода. Мы не удивились Димкиному письму, в котором он сообщал нам о том, что они с Леночкой поженились, но свадьбы еще не праздновали. Они ждали нас на свадьбу. Мы послали им телеграмму и обещали непременно приехать

В мае, после Дня Победы, мы с Сергеем приехали в Москзу. Мы пришли на свадьбу. Мы не могли не прийти. Это была свадьба нашего друга. Мы с волнением поднимались по знакомой лестнице. Из-за двери слышались голоса и смех.

Нам отворил Димка. Мы расцеловались и поздравили его, а потом Леночку.

- Мальчики! - весело сказала Лена.- Вы пришли на свадьбу. Почему вы без свадебных подарков?

Тогда Сергей, чуть помолчав, сказал:

- Подарок за мной. А пока на, Димка, возьми! - И он достал из кармана потемневшую монетку достоинством в двадцать копеек.

- Я не хочу унижать товарища и давать больше, чем он, - сказал я.

- На тебе точно такой же двугривенный!..

- В чем дело, братцы? - спросил Димка, хотя по глазам его мы поняли, что он начинает догадываться.

- Спасибо,- сказала Лена.- Дело в том, Дима, что я тогда положила в пирог три монеты.

- Свою монету я полчаса держал за щекой,- сказал Сергей.

- А я свою чуть не проглотил на нервной почве.

- Братцы! - сказал Димка.

И у него было такое лицо, что об этом можно писать отдельно.

О,ГЕНРИ

Тексты для свободного чтения

1.ТЕКСТ КОМНАТА НА ЧЕРДАКЕ

Сначала миссис Паркер показывает вам квартиру с кабинетом и приемной. Не смея прервать ее, вы долго слушаете описание преимуществ этой квартиры и достоинств джентльмена, который жил в ней целых восемь лет. Наконец, вы набираетесь мужества и, запинаясь, признаетесь миссис Паркер, что вы не доктор и не зубной врач. Ваше признание она воспринимает так, что в душе у вас остается горькая обида на своих родителей, которые не позаботились дать вам в руки профессию, соответствующую кабинету и приемной миссис Паркер. Затем вы поднимаетесь на один пролет выше, чтобы во втором этаже взглянуть на квартиру за восемь долларов, окнами во двор. Тон, каким миссис Паркер беседует на втором этаже, убеждает вас, что комнатки по-настоящему стоят все двенадцать долларов, как и платил мистер Тузенберри, пока не уехал во Флориду управлять апельсиновой плантацией своего брата где-то около Палм Бич, где, между прочим, проводит каждую зиму миссис Мак-Интайр, та, что живет в комнатах окнами на улицу и с отдельной ванной, - и вы в конце концов набираетесь духу пробормотать, что хотелось бы что-нибудь еще подешевле.

Если вам удастся пережить презрение, которое выражает миссис Паркер всем своим существом, то вас ведут на третий этаж посмотреть на большую комнату мистера Скиддера. Комната мистера Скиддера не сдается. Сам он сидит в ней целыми днями, пишет пьесы и курит папиросы. Однако сюда приводят каждого нового кандидата в съемщики, чтобы полюбоваться ламбрекенами. После каждого такого посещения на мистера Скиддера находит страх, что ему грозит изгнание, и он отдает еще часть долга за комнату.

И тогда - о, тогда! - Если вы еще держитесь на ногах, потной рукой зажимая в кармане слипшиеся три доллара, и хриплым голосом объявляете о своей отвратительной, достойной всяческого порицания бедности, миссис Паркер больше не водит, вас по этажам. Она громко возглашает: "Клара!", она поворачивается к вам спиной и демонстративно уходит вниз. И вот когда, чернокожая служанка, провожает вас вверх по устланной половичком узенькой крутой лестнице, ведущей на четвертый этаж, и показывает вам Комнату на Чердаке. Комната занимает пространство величиной семь на восемь футов посередине дома. По обе стороны ее располагаются темный дощатый чулан и кладовка.

В комнате стоит узкая железная кровать, умывальник и стул. Столом и шкафом служит полка. Четыре голые стены словно смыкаются над вами, как крышка гроба. Рука ваша тянется к горлу, вы чувствуете, что задыхаетесь, взгляд устремляется вверх, как из колодца - и вы с облегчением вздыхаете: через маленькое окошко в потолке виднеется квадратик бездонного синего неба.

- Два доллара, сэр, - говорит Клара полупрезрительно, полуприветливо.

Однажды в поисках комнаты здесь появилась мисс Лисон. Она тащила пишущую машинку, произведенную на свет, чтобы ее таскала особа более массивная. Мисс Лисон была совсем крошечная девушка, с такими глазами и волосами, что казалось, будто они все росли, когда она сама уже перестала, и будто они так и хотели сказать: "Ну что же ты отстаешь от нас!"

Миссис Паркер показала ей кабинет с приемной.

- В этом стенном шкафу, - сказала она, - можно держать скелет, или лекарства, или уголь...

- Но я не доктор и не зубной врач, - сказала, поеживаясь, мисс Лисон.

Миссис Паркер окинула ее скептическим, полным жалости и насмешки, ледяным взглядом, который всегда был у нее в запасе для тех, кто оказывался не доктором и не зубным врачом, и повела ее на второй этаж.

- Восемь долларов? - переспросила мисс Лисон. - Что вы! Я не миллионерша. Я всего-навсего машинистка в конторе. Покажите мне что-нибудь этажом повыше, а ценою пониже.

Услышав стук в дверь, мистер Скиддер вскочил и рассыпал окурки по всему полу.

- Простите, мистер Скиддер, - с демонической улыбкой сказала миссис Паркер, увидев его смущение. - Я не знала, что вы дома. Я пригласила эту даму взглянуть на ламбрекены.

- Они на редкость хороши, - сказала мисс Лисон, улыбаясь точь-в-точь, как улыбаются ангелы.

Не успели они уйти, как мистер Скиддер спешно начал стирать резинкой высокую черноволосую героиню своей последней (неизданной) пьесы и вписывать вместо нее маленькую и задорную, с тяжелыми блестящими волосами и оживленным лицом.

- Анна Хелд ухватится за эту роль, - сказал мистер Скиддер, задрав ноги к ламбрекенам и исчезая в облаке дыма, как какая-нибудь воздушная каракатица.

Вскоре набатный призыв "Клара!" возвестил миру о состоянии кошелька мисс Лисон. Темный призрак схватил ее, поднял по адской лестнице, втолкнул в склеп с тусклым светом где-то под потолком и пробормотал грозные таинственные слова: "Два доллара!"

- Я согласна, - вздохнула мисс Лисон, опускаясь на скрипящую железную кровать.

Ежедневно мисс Лисон уходила на работу. Вечером она приносила пачки исписанных бумаг и перепечатывала их на машинке. Иногда у нее не было работы по вечерам, и тогда она вместе с другими обитателями дома сидела на ступеньках крыльца. По замыслу природы мисс Лисон не была предназначена для чердака. Это была веселая девушка, и в голове у нее всегда роились всякие причудливые фантазии. Однажды она разрешила мистеру Скиддеру прочитать ей три акта из своей великой (не опубликованной) комедии под названием "Он не Ребенок, или Наследник Подземки".

Мужское население дома всегда радостно оживлялось, когда мисс Лисон находила свободное время и часок-другой сидела на крыльце. Но миссис Лонгнекер, высокая блондинка, которая была учительницей в городской школе и возражала: "Ну уж, действительно!" на все, что ей говорили, садилась на верхнюю ступеньку и презрительно фыркала. А мисс Дорн, догорая по воскресеньям ездила на Кони-Айленд стрелять в тире по движущимся уткам и работала в универсальном магазине, садилась на нижнюю ступеньку и тоже презрительно фыркала. Мисс Лисон садилась на среднюю ступеньку, и мужчины быстро собирались вокруг нее.

Особенно мистер Скиддер, который отводил ей главную роль в романтической (никому еще не поведенной) личной драме из действительной жизни. И особенно мистер Гувер, сорока пяти лет, толстый, богатый и глупый. И особенно очень молодой мистер Ивэнс, который нарочно глухо кашлял, чтобы она упрашивала его бросить курение. Мужчины признали в ней "забавнейшее и приятнейшее существо", но фыркание на верхней и нижней ступеньках было неумолимо.

Прошу вас, подождем, пока Хор подступит к рампе и прольет траурную слезу на комплекцию мистера Гувера. Трубы, возвестите о пагубности ожирения, о проклятье полноты, о трагедии тучности. Если вытопить романтику из толстяка Фальстафа, то ее, возможно, окажется гораздо больше, чем в худосочном Ромео. Любовнику разрешается вздохнуть, но ни в коем случае не пыхтеть. Удел жирных людей - плясать в свите Момуса. Напрасно самое верное сердце в мире бьется над пятидесятидвухдюймовой талией. Удались, Гувер! Гувер, сорока пяти лет, богатый и глупый, мог бы покорить Елену Прекрасную; Гувер, сорока пяти лет, богатый, глупый и жирный - обречен на вечные муки. Тебе, Гувер, никогда ни на что нельзя было рассчитывать.

Как-то раз летним вечером, когда жильцы миссис Паркер сидели на крыльце, мисс Лисон взглянула на небеса и с милым веселым смешком воскликнула:

- А, вон он, Уилли Джексон! Отсюда его тоже видно. Все насмотрели наверх - кто на окна небоскребов, кто - на небо, высматривая какой-нибудь воздушный корабль, ведомый упомянутым Джексонном.

- Это вон та звезда, - объяснила мисс Лисон, показывая тоненьким пальцем, - не та большая, которая мерцает, а рядом с ней, та, что светит ровным голубым светом. Она каждую ночь видна из моего окна в потолке. Я назвала ее Уилли Джексон.

- Ну уж действительно! - сказала мисс Лонгнекер. - Я не знала, что вы астроном, мисс Лисон.

- О да! - сказала маленькая звездочетша. - Я знаю ничуть не хуже любого астронома, какой покроя рукава будет осенью в моде на Марсе.

- Ну уж действительно! - сказала мисс Лонгнекер. - Звезда, о которой вы упомянули, называется Гамма из созвездия Кассиопеи. Она относится к звездам второй величины и проходит через меридиан в...

- О, - сказал очень молоденький мистер Ивэнс, - мне кажется, для нее больше подходит имя Уилли Джексон.

- Ясное дело, - сказал мистер Гувер, громко и презрительно засопев в адрес мисс Лонгнекер, - мне кажется, мисс Лисон имеет право называть звезды, как ей хочется, ничуть не меньше, чем все эти старинные астрологи.

- Ну уж действительно, - сказала мисс Лонгнекер.

- Интересно, упадет эта звезда или нет, - заметила мисс Дорн. - В воскресенье в тире от моих выстрелов упали девять уток и один кролик из десяти.

- Отсюда, снизу, он не такой красивый, - сказала мисс Лисон. - Вот вы бы посмотрели на него из моей комнаты. Знаете, из колодца звезды видны даже днем. А моя комната ночью прямо как ствол угольной шахты, и Уилли Джексон похож на большую бриллиантовую булавку, которой Ночь украсила свое кимоно.

Потом пришло время, когда мисс Лисон не приносила больше домой неразборчивые рукописи для перепечатки. И по утрам, вместо того, чтобы идти на работу, она ходила из одной конторы в другую, и сердце ее стыло от постоянных холодных отказов, которые ей передавали через наглых молодых конторщиков. Так продолжалось долго.

Однажды вечером, в час, когда она обычно приходила после обеда из закуской, она устало поднялась на крыльцо дома миссис Паркер. Но на этот раз она возвращалась не пообедав.

В вестибюле она встретила мистера Гувера, и тот сразу воспользовался случаем. Он предложил ей руку и сердце, возвышаясь над ней, как громадный утес. Она отступила и прислонилась к стене. Он попытался взять ее за руку, но она подняла руку и слабо ударила его по щеке. Шаг за шагом она медленно переступала по лестнице хватаясь за перила. Она прошла мимо комнаты мистера Скиддера, где он красными чернилами вписывал в свою (непринятую) комедию ремарки для Мэртл Делорм (мисс Лисон), которая должна была "пируэтом пройти от левого края сцены до места, где стоит Граф". По устланной половиком крутой лестничке она, наконец, доползла до чердака и открыла дверь в свою комнату.

У нее не было сил, чтобы зажечь лампу или раздеться. Она упала на железную кровать, и старые пружины даже не прогнулись под ее хрупким телом. Погребенная в этой преисподней, она подняла тяжелые веки и улыбнулась.

Потому что через окно в потолке светил ей спокойным ярким светом верный Уилли Джексон. Она была отрезана от всего мира. Она погрузилась в черную мглу, и только маленький холодный квадрат обрамлял звезду, которую она назвала так причудливо и, увы, так бесплодно. Мисс Лонгнекер, должно быть, права: наверно, это Гамма из

созвездия Кассиопеи, а совсем не Уилли Джексон. И все же так не хочется, чтобы это была Гамма.

Она лежала на спине и дважды пыталась поднять руку. В третий раз она с трудом поднесла два исхудалых пальца к губам и из своей темной ямы послала Уилли Джексону воздушный поцелуй. Рука ее бессильно упала.

- Прощай, Уилли, - едва слышно прошептала она. - Ты за тысячи тысяч миль отсюда и ни разу даже не мигнул. Но ты мне светил оттуда почти все время, когда здесь была сплошная тьма, ведь правда? Тысячи тысяч миль... Прощай, Уилли Джексон.

В десять часов утра на следующий день чернокожая служанка Клара обнаружила, что дверь мисс Лисон заперта, дверь взломали. Не помогли ни уксус, ни растирания, ни жженые перья, кто-то побежал вызывать скорую помощь.

Не позже чем полагается, со страшным звоном, карета развернулась у крыльца, и из нее выпрыгнул ловкий молодой медик в белом халате, готовый к действию, энергичный, уверенный, со спокойным лицом, чуть жизнерадостным, чуть мрачным.

- Карета в дом сорок девять, - коротко сказал он. - Что случилось?

- Ах да, доктор, - надулась миссис Паркер, как будто самым важным делом было ее собственное беспокойство оттого, что в доме беспокойство. - Я просто не понимаю, что с ней такое. Чего мы только не перепробовали, она все не приходит в себя. Это молодая женщина, некая мисс Элси, да, - некая мисс Элси Лисон. Никогда раньше в моем доме...

- Какая комната! - закричал доктор таким страшным голосом, какого миссис Паркер никогда в жизни не слышала.

- На чердаке. Это...

По-видимому, доктор из скорой помощи был знаком с расположением чердачных комнат. Он помчался вверх, прыгая через четыре ступеньки Миссис Паркер медленно последовала за ним, как того требовало ее чувство собственного достоинства.

На первой площадке она встретила доктора, когда он уже возвращался, неся на руках астронома. Он остановился и своим острым, как скальпель, языком отрезал несколько слов, не очень громко Миссис Паркер застыла в неловкой позе, как платье из негнущейся материи, соскользнувшее с гвоздя. С тех пор чувство неловкости в душе и теле осталось у нее навсегда. Время от времени любопытные жильцы спрашивали, что же это ей сказал тогда доктор.

- Лучше не спрашивайте, - отвечала она. - Если я вымолю себе прощение за то, что выслушала подобные слова, я умру спокойно.

Доктор со своей ношей шагнул мимо своры зевак, которые всегда охотятся за всякими любопытными зрелищами, и даже они, ошеломленные, расступились, потому что вид у него был такой, словно он хоронит самого близкого человека.

Они заметили, что он не положил безжизненное тело на носилки, приготовленные в карете, а только сказал шоферу: "Гони что есть духу, Уилсон!"

Вот и все. Ну как, получился рассказ? На следующий день в утренней газете я прочел в отделе происшествий маленькую заметку, и последние слова ее, быть может, помогут вам (как они помогли мне) расставить все случившееся по местам.

В заметке сообщалось, что накануне с Восточной улицы, дом 49, в больницу Бельвю доставлена молодая женщина, страдающая истощением на почве голода. Заметка кончалась словами

"Доктор Уильям Джексон, оказавший первую помощь, утверждает, что больная выздоровеет".

1.ТЕКСТ ФАРАОН И ХОРАЛ

Сопи заерзал на своей скамейке в Мэдисон-сквере. Когда стаи диких гусей тянутся по ночам высоко в небе, когда женщины, не имеющие котиковых манто, становятся ласковыми к своим мужьям, когда Сони начинает ерзать на своей скамейке в парке, это значит, что зима на носу.

Желтый лист упал на колени Сопи. То была визитная карточка Деда Мороза; этот старик добр к постоянным обитателям Мэдисон-сквера и честно предупреждает их о своем близком приходе. На перекрестке четырех улиц он вручает свои карточки Северному ветру, швейцару гостиницы "Под открытым небом", чтобы постояльцы ее приготовились.

Сопи понял, что для него настал час учредить в собственном лице комитет для изыскания средств и путей к защите своей особы от надвигавшегося холода. Поэтому он заерзал на своей скамейке.

Зимние планы Сопи не были особенно честолюбивы. Он не мечтал ни о небе юга, ни о поездке на яхте по Средиземному морю со стоянкой в Неаполитанском заливе. Трех месяцев заключения на Острове - вот чего жаждала его душа. Три месяца верного крова и обеспеченной еды, в приятной компании, вдали от посягательства Борея и фараонов - для Сопи это был поистине предел желаний.

Уже несколько лет гостеприимная тюрьма на Острове служила ему зимней квартирой. Как его более счастливые сограждане покупали себе билеты во Флориду или на Ривьеру, так и Сопи делал несложные приготовления к ежегодному паломничеству на Остров. И теперь время для этого наступило.

Прошлой ночью три воскресных газеты, которые он умело распределил - одну под пиджак, другой обернул ноги, третьей закутал колени, не защитили его от холода: он провел на своей скамейке у фонтана очень беспокойную ночь, так что Остров рисовался ему желанным и вполне своевременным, приютом. Сопи презирал заботы, расточаемые городской бедноте во имя милосердия. По его мнению, закон был милостивее, чем филантропия. В городе имелась тьма общественных и частных благотворительных заведений, где он мог бы получить кров и пищу, соответствовавшие его скромным запросам. Но для гордого духа Сопи дары благотворительности были тягостны. За всякое благодеяние, полученное из рук филантропов, надо было платить если не деньгами, то унижением. Как у Цезаря был Брут, так и здесь каждая благотворительная койка была сопряжена с обязательной ванной, а каждый ломоть хлеба отравлен бесцеремонным залезанием в душу. Не лучше ли быть постояльцем тюрьмы? Там, конечно, все делается по строго установленным правилам, но зато никто не суется в личные дела джентльмена.

Решив, таким образом, отбыть на зимний сезон на Остров, Сопи немедленно приступил к осуществлению своего плана. В тюрьму вело много легких путей. Самая приятная дорога туда пролегла через ресторан. Вы заказываете себе в хорошем ресторане роскошный обед, наедаетесь до отвала и затем объявляете себя несостоятельным. Вас без всякого скандала передают в руки полисмена. Сговорчивый судья довершает доброе дело.

Сопи встал и, выйдя из парка, пошел по асфальтовому морю, которое образует слияние Бродвея и Пятой авеню. Здесь он остановился у залитого огнями кафе, где по вечерам сосредоточивается все лучшее, что может дать виноградная лоза, шелковичный червь и протоплазма.

Сопи верил в себя - от нижней пуговицы жилета и дальше вверх. Он был чисто выбрит, пиджак на нем был приличный, а красивый черный галстук бабочкой ему подарила в День Благодарения (1) дама-миссионерша. Если бы ему удалось незаметно добраться до столика, успех был бы обеспечен. Та часть его существа, которая будет

возвышаться над столом, не вызовет у официанта никаких подозрений. Жареная утка, думал Сопи, и к ней бутылка шабли. Затем сыр, чашечка черного кофе и сигара. Сигара за доллар будет в самый раз. Счет будет не так велик, чтобы побудить администрацию кафе к особо жестоким актам мщения, а он, закусив таким манером, с приятностью начнет путешествие в свое зимнее убежище.

Но как только Сопи переступил порог ресторана, наметанный глаз метрдотеля сразу же приметил его потертые штаны и стоптанные ботинки. Сильные, ловкие руки быстро повернули его и бесшумно выставили на тротуар, избавив, таким образом, утку от уготованной ей печальной судьбы.

Сопи свернул с Бродвея. По-видимому, его путь на Остров не будет усеян розами. Что делать! Надо придумать другой способ проникнуть в рай.

На углу Шестой авеню внимание прохожих привлекали яркие огни витрины с искусно разложенными товарами. Сопи схватил булженик и бросил его в стекло. Из-за угла начал сбегаться народ, впереди всех мчался полисмен. Сопи стоял, заложив руки в карманы, и улыбался навстречу блестящим медным пуговицам.

- Кто это сделал? - живо осведомился полисмен.

- А вы не думаете, что тут замешан я? - спросил Сопи, не без сарказма, но дружелюбно, как человек, приветствующий великую удачу.

Полисмен не пожелал принять Сопи даже как гипотезу. Люди, разбивающие камнями витрины магазинов, не ведут переговоров с представителями закона. Они берут ноги в руки. Полисмен увидел за полквартила человека, бежавшего вдогонку за трамваем. Он поднял свою дубинку и помчался за ним. Сопи с омерзением в душе побрел дальше... Вторая неудача.

На противоположной стороне улицы находился ресторан без особых претензий. Он был рассчитан на большие аппетиты и тощие кошельки. Посуда и воздух в нем были тяжелые, скатерти и супы - жиденькие. В этот храм желудка Сопи беспрепятственно провел свои предосудительные сапоги и красноречивые брюки. Он сел за столик и проглотил бифштекс, порцию оладий, несколько пончиков и кусок пирога. А затем поведал ресторанному слуге, что он, Сопи, и самая мелкая никелевая монета не имеют между собой ничего общего.

- Ну, а теперь, - сказал Сопи, - живее! Позовите фараона. Будьте любезны, пошевеливайтесь: не заставляйте джентльмена ждать.

- Обойдешься без фараонов! - сказал официант голосом мягким, как сдобная булочка, и весело сверкнул глазами, похожими на вишенки в коктейле. - Эй, Кон, подсоби!

Два официанта аккуратно уложили Сопи левым ухом на бесчувственный тротуар. Он поднялся, сустав за суставом, как складная плотничья линейка, и счистил пыль с платья. Арест стал казаться ему радужной мечтой, Остров - далеким миражем. Полисмен, стоявший за два дома, у аптеки, засмеялся и дошел дальше.

Пять кварталов миновал Сопи, прежде чем набрался мужества, чтобы снова попытаться счастья. На сей раз ему представился случай прямо-таки великолепный. Молодая женщина, скромно и мило одетая, стояла перед окном магазина и с живым интересом рассматривала тазики для бритвы и чернильницы, а в двух шагах от нее, опершись о пожарный кран, красовался здоровенный, сурового вида полисмен.

Сопи решил сыграть роль презренного и всеми ненавидимого уличного ловеласа. Приличная внешность намеченной жертвы и близость внушительного фараона давали ему твердое основание надеяться, что скоро он ощутит увесистую руку полиции на своем плече и зима на уютном острове будет ему обеспечена.

Сопи поправил галстук - подарок дамы-миссионерши, вытащил на свет божий свои непослушные манжеты, лихо сдвинул шляпу набекрень и направился прямо к молодой женщине. Он игриво подмигнул ей, крикнул, улыбнулся, откашлялся, словом - нагло пустил в ход все классические приемы уличного приставалы. Уголком глаза Сопи

видел, что полисмен пристально наблюдает за ним. Молодая женщина отошла на несколько шагов и опять предалась созерцанию тазиков для бритвы. Сопи пошел за ней следом, нахально стал рядом с ней, приподнял шляпу и сказал:

- Ах, какая вы милашечка! Прогуляемся?

Полисмен продолжал наблюдать. Стоило оскорбленной молодой особе поднять пальчик, и Сопи был бы уже на пути к тихой пристани. Ему уже казалось, что он ощущает тепло и уют полицейского участка. Молодая женщина повернулась к Сопи и, протянув руку, схватила его за рукав.

- С удовольствием, Майк! - сказала она весело. - Пивком угостишь? Я бы я раньше с тобой заговорила, да фараон подсматривает.

Молодая женщина обвилась вокруг Сопи, как плющ вокруг дуба, и под руку с ней он мрачно проследовал мимо блюстителя порядка. Положительно, Сопи был осужден наслаждаться свободой.

На ближайшей улице он стяхнул свою спутницу и пустился наутек. Он остановился в квартале, залитом огнями реклам, в квартале, где одинаково легки сердца, победы и музыка. Женщины в мехах и мужчины в теплых пальто весело переговаривались на холодном ветру. Внезапный страх охватил Сопи. Может, какие-то злые чары сделали его неуязвимым для полиции? Он чуть было не впал в панику и дойдя до полисмена, величественно стоявшего перед освещенным подъездом театра, решил ухватиться за соломинку "хулиганства в публичном месте".

Во всю мочь своего охрипшего голоса Сопи заорал какую-то пьяную песню. Он пустился в пляс на тротуаре, вопил, кривлялся - всяческими способами возмущал спокойствие.

Полисмен покрутил свою дубинку, повернулся к скандалисту спиной и заметил прохожему:

- Это йэльский студент. Они сегодня празднуют свою победу над футбольной командой Хартфордского колледжа. Шумят, конечно, но это не опасно. Нам дали инструкцию не трогать их.

Безутешный Сопи прекратил свой никчемный фейерверк. Неужели ни один полисмен так и не схватит его за шиворот? Тюрьма на Острове стала казаться ему недоступной Аркадией. Он плотнее застегнул свой легкий пиджачок: ветер пронизывал его насквозь.

В табачной лавке он увидел господина, закуривавшего сигару от газового рожка. Свои шелковый зонтик он оставил у входа. Сопи перешагнул порог, схватил зонтик и медленно двинулся прочь. Человек с сигарой быстро последовал за ним.

- Это мой зонтик, - сказал он строго.

- Неужели? - нагло ухмыльнулся Сопи, прибавив к мелкой краже оскорбление. - Почему же вы не позовете полисмена? Да, я взял ваш зонтик. Так позовите фараона! Вот он стоит на углу.

Хозяин зонтика замедлил шаг. Сопи тоже. Он уже предчувствовал, что судьба опять сыграет с ним скверную шутку. Полисмен смотрел на них с любопытством.

- Разумеется, - сказал человек с сигарой, - конечно... вы... словом, бывают такие ошибки... я... если это ваш зонтик... надеюсь, вы извините меня... я захватил его сегодня утром в ресторане... если вы признали его за свой... что же... я надеюсь, вы...

- Конечно, это мой зонтик, - сердито сказал Сопи.

Бывший владелец зонтика отступил. А полисмен бросился на помощь высокой блондинке в пышном мантио: нужно было перевести ее через улицу, потому что за два квартала показался трамвай.

Сопи свернул на восток по улице, изуродованной ремонтом. Он со злобой швырнул зонтик в яму, осыпая проклятиями людей в шлемах и с дубинками. Он

так хочет попасться к ним в лапы, а они смотрят на него, как на непогрешимого папу римского.

Наконец, Сопи добрался до одной из отдаленных авеню, куда суета и шум почти не долетали, и взял курс на Мэдисон-сквер. Ибо инстинкт, влекущий человека к родному дому, не умирает даже тогда, когда этим домом является скамейка в парке.

Но на одном особенно тихом углу Сопи вдруг остановился. Здесь стояла старая церковь с остроконечной крышей. Сквозь фиолетовые стекла одного из ее окон струился мягкий свет. Очевидно, органист остался у своего инструмента, чтобы проиграть воскресный хорал, ибо до ушей Сопи донеслись сладкие звуки музыки, и он застыл, прижавшись к завиткам чугунной решетки.

Взошла луна, безмятежная, светлая; экипажей и прохожих было немного; под карнизами сонно чирикали воробьи - можно было подумать, что вы на сельском кладбище. И хорал, который играл органист, приковал Сопи к чугунной решетке, потому что он много раз слышал его раньше - в те дни, когда в его жизни были такие вещи, как матери, розы, смелые планы, друзья, и чистые мысли, и чистые воротнички.

Под влиянием музыки, лившейся из окна старой церкви, в душе Сопи произошла внезапная и чудесная перемена. Он с ужасом увидел бездну, в которую упал, увидел позорные дни, недостойные желания, умершие надежды, загубленные способности и низменные побуждения, из которых слагалась его жизнь.

И сердце его забило в унисон с этим новым настроением. Он внезапно ощутил в себе силы для борьбы со злодейкой-судьбой. Он выкарабкается из грязи, он опять станет человеком, он победит зло, которое сделало его своим пленником. Время еще не ушло, он сравнительно молод. Он воскресит в себе прежние честолюбивые мечты и энергично возьмется за их осуществление. Торжественные, но сладостные звуки органа произвели в нем переворот. Завтра утром он отправится в деловую часть города и найдет себе работу. Один меховщик предлагал ему как-то место возчика. Он завтра же разыщет его и попросит у него эту службу. Он хочет быть человеком. Он...

Сопи почувствовал, как чья-то рука опустилась на его плечо. Он быстро оглянулся и увидел перед собою широкое лицо полисмена.

- Что вы тут делаете? - спросил полисмен.

- Ничего, - ответил Сопи.

- Тогда пойдем, - сказал полисмен.

- На Остров, три месяца, - постановил на следующее утро судья.

- День Благодарения - официальный американский праздник, введенный ранними колонистами Новой Англии в ознаменование первого урожая, собранного в Новом Свете (в последний четверг ноября).

1. СЕСТРЫ ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА

Экскурсионный автобус вот-вот отправится в путь. Учтивый кондуктор уже рассадил по местам веселых пассажиров империаля. Тротуар запружен зеваками, которые собрались сюда поглазеть на других зевак, тем самым подтверждая закон природы, гласящий, что всякому существу на земле суждено стать добычей другого существа.

Человек с рупором поднял свое орудие пытки, внутренности огромного автобуса начали бухать и биться, словно сердце у любителя кофе. Пассажиры империаля нервно уцепились за сиденья, пожилая дама из Вальпараисо, штат Индиана, завизжала, что хочет высадиться на сушу. Однако, прежде чем завертятся колеса автобуса, послушайте краткое предисловие к нашему рассказу, которое откроет вам глаза на нечто, достойное внимания в той экскурсии по жизни, которую совершаем мы с вами.

Быстро и легко белый узнает белого в дебрях Африки, мгновенно и безошибочно возникает духовная близость у матери и ребенка, без труда общается хозяин со своей собакой через едва заметную пропасть, которая отделяет человека от животного, с поразительной скоростью обмениваются короткими мудрыми весточками двое влюбленных. Однако во всех этих случаях взаимное понимание устанавливается медленно и как бы на ощупь по сравнению с тем, что вам доведется наблюдать на нашем автобусе с туристами. Вы узнаете (если не узнали еще до сих пор), какие именно два существа из тех, что населяют землю, при встрече быстрее всего проникают в сердце и душу друг друга.

Зазвенел гонг, и автобус, битком набитый Желаящими Просветиться, торжественно отправился в свое поучительное турне.

Заднюю, самую высокую скамью империи занимал Джеймс Уильямс из Кloverдейла, штат Миссури, со своей Новобрачной.

Наборщик, друг, с заглавной буквы наبری это слово - лучшее из слов в великом празднике жизни и любви. Аромат цветов, нектар, собранный пчелой, первая весенняя капель, ранняя песнь жаворонка, лимонная корочка в коктейле мироздания - вот что такое Новобрачная. Мы свято чтим жену, уважаем мать, не прочь пройтись летним вечерком с девушкой, но Новобрачная - это банковский чек, который среди других свадебных подарков боги посылают на землю, когда Человек венчается с Жизнью.

Автобус катился по Золотому пути. На мостике громадного крейсера стоял капитан, через рупор вещая о достопримечательностях большого города. Широко раскрыв глаза и развесив уши, пассажиры слушали громовую команду - любоваться разными знаменитыми видами. Все вызывало интерес у млевших от восторга провинциалов, и они терялись, не зная, куда смотреть, когда труба призывала их к новым зрелищам. Широко раскинувшиеся соборы с торжественными шпилями они принимали за дворец Вандербильтов; они удивились, но решили, что кишачье людьми здание Центрального вокзала и есть смиренная хижина Расселя Сейджа (1). Когда им предложили взглянуть на холмистые берега Гудзона, они замерли от восхищения перед горами земли, навороченными при прокладке новой канализации.

Многим подземная железная дорога казалась торговыми рядами Риальто: на станциях сидят люди в форме и делают отбивную из ваших билетов. Провинциалы по сей день уверены, что Чак Коннорс, прижав руку к сердцу, проводит в жизнь реформы и что, не будь некоего окружного прокурора Паркхерста и его самоотверженной деятельности на благо города, знаменитая банда "Епископа" Поттера перевернула бы вверх дном закон и порядок от Бауэри до реки Гарлем.

Однако вас я прошу взглянуть на миссис Джеймс Уильямс - совсем недавно она была Хэтти Чалмерс, первая красавица в Кloverдейле. Новобрачная должна носить нежно-голубой цвет, если только это будет угодно, и именно этот цвет почтила наша Новобрачная. Розовый бутон с удовольствием уступил ее щекам часть своего румянца, а что касается фиалок! - ее глаза прекрасно обойдутся и без них, спасибо. Бесплезное облако белого газа... - ах, нет! облако газа стлалось за автобусом, - белого шифона - или, может, то была кисея или тюль - подвязано у нее под подбородком якобы для того, чтобы удержать шляпу на месте, Но вы не хуже меня знаете, что на самом деле шляпа держалась на булавках.

На лице миссис Джеймс Уильямс была изложена маленькая библиотечка избранных мыслей человечества в трех томах. Том I содержал в себе мнение, что Джеймс Уильямс - лучше всех в мире. Том II был трактатом о вселенной, из коего явствовало, что это есть восхитительнейшее место. Том III выдвигал тезис, что они с мужем заняли самые высокие места в автобусе для туристов и путешествуют со скоростью, превышающей всякое понимание...

Джеймсу Уильямсу вы бывали года двадцать четыре. Вам будет приятно узнать, насколько эта оценка оказалась точной. Ему было ровно двадцать три

года, одиннадцать месяцев и двадцать девять дней. Он был стройный, энергичный, живой, добродушный, имел надежды на будущее. Он совершал свадебное путешествие.

Милая добрая фея, тебе присылают заказы на деньги, на шикарные лимузины в сорок лошадиных сил, на громкую славу, на новые волосы для лысины, на президентство в яхт-клубе, - отложи эти дела в сторону и оглянись вместе с нами, ах, оглянись назад и дай нам пережить вновь хоть малюсенький кусочек нашего свадебного путешествия! Хоть на часок, душечка фея, чтобы вспомнить, какими были лужайки, и тополя, и облако лент, подвязанное под ее подбородком, даже если на самом деле шляпа держалась на булавках. Не можешь? Жаль. Ну что ж, тогда поторопись с лимузином и с нефтяными акциями.

Впереди миссис Уильямс сидела девушка в свободном оранжевом жакете и в соломенной шляпке, украшенной виноградом и розами. Виноград и розы на одной ветке. - Увы! это можно увидеть только во сне да в лавке шляпницы Большими доверчивыми голубыми глазами девушка глядела на человека с рупором, когда он убежденно трубил о том, что миллионеры достойны занимать наше воображение. В перерывах между его отчаянными воплями она прибегала к философии Эпиктета, воплощенной в жевательной резинке.

Справа от этой девушки сидел молодой человек лет двадцати четырех. Он был стройный, энергичный, живой и добродушный. Если вам кажется, что по нашему описанию получился вылитый Джеймс Уильямс, то отнимите у него все клевердейлское, что так характерно для Джеймса. Наш герой э 2 вырос среди жестких улиц и острых углов Он зорко поглядывал по сторонам, и, казалось, завидовал асфальту под ногами тех, на кого он взирал сверху вниз со своего насеста.

Пока рупор твоякает у какой-то знаменитой гостиницы, я тихонько попрошу вас усесться покрепче, потому что сейчас произойдет кое-что новенькое, а потом огромный город опять сомкнется над нашими героями, как над обрывком телеграфной ленты, выброшенной из окна конторы биржевого спекулянта.

Девушка в оранжевом жакете обернулась, чтобы рассмотреть паломников на задней скамье. Всех прочих пассажиров она уже обзрела, а места позади все еще оставались для нее комнатой Синей Бороды.

Она встретилась взглядом с миссис Джеймс Уильямс. Не успели часы тикнуть, как они обменялись жизненным опытом, биографиями, надеждами и мечтами. И все это, заметьте, при помощи одного взгляда, быстрее, чем двое мужчин решили бы, схватиться ли им за оружие, или попросить прикурить.

Новобрачная низко наклонилась вперед. Между ней и девушкой в жакете завязалась оживленная беседа, языки их работали быстро, точно змеиные - сравнение, в котором не следует идти дальше сказанного. Две улыбки, десяток кивков - и конференция закрылась.

И вдруг посредине широкой спокойной улицы перед самым автобусом встал человек в темном пальто и поднял руку. С тротуара спешил к нему другой.

Девушка в плодородной шляпке быстро схватила своего спутника за руку и шепнула ему что-то на ухо.

Оказалось, что сей молодой человек умеет действовать проворно. Низко пригнувшись, он скользнул через борт империала, на секунду повис в воздухе и затем исчез. Несколько верхних пассажиров с удивлением наблюдали за столь ловким трюком, но от замечаний воздержались, полагая, что в этом поразительном городе благоразумней всего ничему не удивляться вслух, тем более что ловкий прыжок может оказаться обычным способом высаживаться из автобуса. Нерадивый экскурсант увернулся от экипажа и, точно листок в потоке, проплыл куда-то мимо между мебельным фургоном и повозкой с цветами.

Девушка в оранжевом жакете опять обернулась и посмотрела в глаза миссис Джеймс Уильямс. Потом она стала спокойно глядеть вперед, - в этот момент под темным пальто сверкнул полицейский значок, и автобус с туристами остановился.

- Что у вас, мозги заело? - осведомился человек с трубой, прервав свою профессиональную речь и переходя на чистый английский язык.

- Бросьте-ка якорь на минуту, - распорядился полицейский. - У вас на борту человек, которого мы ищем, - взломщик из Филадельфии, по прозвищу Мак-Гайр - "Гвоздика". Вон он сидит на заднем сиденье. Ну-ка, зайди с той стороны, Донован.

Донован подошел к заднему колесу и взглянул вверх на Джеймса Уильямса.

- Слезай, дружок, - сказал он задушевно. - Поймали мы тебя. Теперь опять отдохнешь за решеткой. А здорово ты придумал спрятаться на Глазелке. Надо будет запомнить.

Через рупор кондуктор негромко посоветовал:

- Лучше слезьте, сэр, выясните, в чем там дело. Нельзя задерживать автобус.

Джеймс Уильямс принадлежал к людям уравновешенным. Как ни в чем не бывало, он не спеша пробрался вперед между пассажирами и спустился по лесенке вниз. За ним последовала его жена, однако, прежде чем спуститься, она поискала глазами исчезнувшего туриста и увидела, как он вынырнул из-за мебельного фургона и спрятался за одним из деревьев сквера, в пятидесяти футах от автобуса.

Оказавшись на земле, Джеймс Уильямс с улыбкой посмотрел на блюстителей закона. Он уже предвкушал какую веселенькую историю можно будет рассказать в Кloverдейле о том, как его было приняли за грабителя. Автобус задержался из почтения к своим клиентам. Ну что может быть интересней такого зрелища?

- Меня зовут Джеймс Уильямс из Кloverдейла, штат Миссури, - сказал он мягко, стараясь не слишком огорчить полицейских. - Вот здесь у меня письма, из которых видно...

- Следуй за нами, - объявил сыщик. - Описание Мак-Гайра - "Гвоздики" подходит тебе точь-в-точь, как фланелевое белье после горячей стирки. Один из наших заметил тебя на верху Глазелки около Центрального парка. Он позвонил, мы тебя и сцапали. Объясняться будешь в участке.

Жена Джеймса Уильямса - а она была его женой всего две недели - посмотрела ему в лицо странным, мягким, лучистым взглядом; порозовев, посмотрела ему в лицо и сказала:

- Пойди с ними, не буянь, "Гвоздика", может быть, все к лучшему.

И потом, когда автобус, набитый Желаящими Просветиться, отправился дальше, она обернулась и послала воздушный поцелуй - его жена послала воздушный поцелуй! - кому-то из пассажиров, сидевших на империале.

- Твоя девчонка дала тебе хороший совет, - сказал Донован. - Пошли.

Тут на Джеймса Уильямса нашло умопомрачение. Он сдвинул шляпу на затылок.

- Моя жена, кажется, думает, что я взломщик, - сказал он беззаботно. - Я никогда раньше не слышал, чтобы она была помешана, следовательно, помешан я. А раз я помешан, то мне ничего не сделают, если я в состоянии помешательства убью вас, двух дураков.

После чего он стал сопротивляться аресту так весело и ловко, что потребовалось свистнуть полицейским, а потом вызвать еще резервы, чтобы разогнать тысячную толпу восхищенных зрителей.

В участке дежурный сержант спросил, как его зовут.

- Не то Мак-Дудл - "Гвоздика", не то "Гвоздика" - Скотина, не помню точно, - отвечал Джеймс Уильямс. - Можете не сомневаться, я взломщик, смотрите, не забудьте это записать. Добавьте, что сорвать "Гвоздику" удалось только впятером. Я настаиваю, чтобы эта особо отметили в акте.

Через час миссис Джеймс Уильямс привезла с Мэдисон-авеню дядю Томаса и доказательства невиновности нашего героя; привезла во внушающем уважение автомобиле, точь-в-точь как в третьем акте драмы, постановку которой финансирует автомобильная компания.

После того как полиция сделала Джеймсу Уильямсу строгое внушение за плагиат и отпустила его со всем почетом, на какой была способна, миссис Джеймс Уильямс вновь наложила на него арест и загнала в уголок полицейского участка. Джеймс Уильямс взглянул на нее одним глазом. Он потом рассказывал, что второй глаз ему закрыл Донован, пока кто-то удерживал его за правую руку. До этой минуты он ни разу не упрекнул и не укорил жену.

- Может быть, вы потрудитесь объяснить, - начал он довольно сухо, - почему вы...

- Милый, - прервала она его, - послушай. Тебе пришлось пострадать всего час. Я сделала это для нее... Для этой девушки, которая заговорила со мной в автобусе. Я была так счастлива, Джим... так счастлива с тобой, ну разве я могла кому-нибудь отказать в таком же счастье? Джим, они поженились только сегодня утром... И мне хотелось, чтобы он успел скрыться. Пока вы дрались, я видела, как он вышел из-за дерева и побежал через парк. Вот как было дело, милый... Я не могла Иначе.

Так одна сестра незамысловатого золотого колечка узнает другую, стоящую в волшебном луче, который светит каждому всего один раз в жизни, да и то недолго. Мужчина догадывается о свадьбе по рису да по атласным бантам. Новобрачная узнает новобрачную по одному лишь взгляду. И они быстро находят общий язык, неведомый мужчинам и вдовам.

- Рассель Сейдж - Нью-йоркский миллионер.

2. МИШУРНЫЙ БЛЕСК

Мистер Тауэрс Чендлер гладил у себя в комнатухе свой выходной костюм. Один уют грелся на газовой плитке, а другим он - энергично водил взад и вперед, добиваясь желаемой складки; спустя некоторое время можно будет видеть, как она протянется, прямая, словно стрела от его лакированных ботинок до края жилета с низким вырезом. Вот и все о туалете нашего героя, что можно довести до всеобщего сведения. Об остальном пусть догадываются те, кого благородная нищета толкает на жалкие уловки. Мы снова увидим мистера Чендлера, когда он будет спускаться по лестнице дешевых меблированных комнат; безупречно одетый, самоуверенный, элегантный, по внешности - типичный нью-йоркский клубмен, прожигатель жизни, отправляющийся с несколько скучающим видом в погоню за вечерними удовольствиями.

Чендлер получал восемнадцать долларов в неделю. Он служил в конторе у одного архитектора. Ему было двадцать два года. Он считал архитектуру настоящим искусством и был искренне убежден, - хотя не рискнул бы заявить об этом в Нью-Йорке, - что небоскреб "Утюг" по своим архитектурным формам уступает Миланскому собору.

Каждую неделю Чендлер откладывал из своей полочки один доллар. В конце каждой десятой недели на добытый таким способом сверхкапитал он покупал в лавочке скарредного Папаши Времени один-единственный вечер, который мог провести, как джентльмен. Украсив себя регалиями миллионеров и президентов, он отправлялся в ту часть города, что ярче всего сверкает огнями реклам и витрин, и обедал со вкусом и шиком. Имея в кармане десять долларов, можно в течение нескольких часов мастерски разыгрывать богатого бездельника. Этой суммы

достаточно на хорошую еду, бутылку вина с приличной этикеткой, соответствующие чаевые, сигару, извозчика и обычные и т. п.

Этот один усладительный вечер, выкроенный из семидесяти нудных вечеров, являлся для него источником периодически возрождающегося блаженства. У девушки первый выезд в свет бывает только раз в жизни; и когда волосы ее поседеют, он по-прежнему будет всплывать в ее памяти, как нечто радостное и неповторимое. Чендлер же каждые десять недель испытывал удовольствие столь же острое и сильное, как в первый раз. Сидеть под пальмами в кругу бонвиванов, в вихре звуков невидимого оркестра, смотреть на завсегдатаев этого рая и чувствовать на себе их взгляды - что в сравнении с этим первый вальс и газовое платьице юной дебютантки?

Чендлер шел по Бродвею, как полноправный участник его передвижной выставки вечерних нарядов. В этот вечер он был не только зрителем, но и экспонатом. Последующие шестьдесят девять дней он будет ходить в плохоньком костюме и питаться за сомнительными табльдотами, у стойки случайного бара, бутербродами и пивом у себя в комнатухе. Но это его не смущало, ибо он был подлинным сыном великого города мишурного блеска, и один вечер, освещенный огнями Бродвея, возмещал ему множество вечеров, проведенных во мраке.

Он все шел и шел, и вот уже сороковые улицы начали пересекать сверкающий огнями путь наслаждений; было еще рано, а когда человек приобщается к избранному обществу всего раз в семьдесят дней, ему хочется продлить это удовольствие. Взгляды - сияющие, угрюмые, любопытные, восхищенные, вызывающие, манящие - были обращены на него, ибо его наряд и вид выдавали в нем поклонника часа веселья и удовольствий.

На одном углу он остановился, подумывая о том, не пора ли ему повернуть обратно и направиться в роскошный модный ресторан, где он обычно обедал в дни своего расточительства. Как раз в эту минуту какая-то девушка, стремительно огибая угол, поскользнулась на кусочке льда и шлепнулась на тротуар,

Чендлер помог ей подняться с отменной и безотлагательной вежливостью. Прихрамывая, девушка отошла к стене, прислонилась к ней и застенчиво поблагодарила его.

- Кажется, я растянула ногу, - сказала она. - Я почувствовала, как она подвернулась.

- Очень больно? - спросил Чендлер.

- Только когда наступаю на всю ступню. Думаю, что через несколько минут я уже буду в состоянии двигаться.

- Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен? - предложил молодой человек. - Хотите, я позову извозчика или...

- Благодарю вас, - негромко, но с чувством сказала девушка. - Право, не стоит беспокоиться. Как это меня угораздило? И каблуки у меня самые банальные. Их винить не приходится.

Чендлер посмотрел на девушку и убедился, что его интерес к ней быстро возрастает. Она была хорошенькая и изящная, глядела весело и радушно. На ней было простенькое черное платьице, похожее на те, в какие одевают продавщиц. Из-под дешевой соломенной шляпки, единственным украшением которой была бархатная лента с бантом, выбивались колечки блестящих темно-каштановых волос. С нее можно было писать портрет хорошей, полной собственного достоинства трудящейся девушки.

Вдруг молодого архитектора осенило. Он пригласит эту девушку пообедать с ним. Вот чего недоставало его роскошным, но одиноким пиршествам. Краткий час его изысканных наслаждений был бы приятнее вдвойне, если бы он мог провести его в женском обществе. Он не сомневался, что перед ним вполне порядочная девушка, - ее речь и манеры подтверждали это. И, несмотря на ее простенький наряд, он почувствовал, что ему будет приятно сидеть с ней за столом.

Эти мысли быстро пронесли в его голове, и он решился. Разумеется, он нарушал правила приличия, но девушки, живущие на собственный заработок, нередко в таких делах пренебрегают формальностями. Как правило, они отлично разбираются в мужчинах и скорее будут полагаться на свое личное суждение, чем соблюдать никчемные условности. Если его десять долларов истратить с толком, они вдвоем смогут отлично пообедать.

Можно себе представить, каким ярким событием явится этот обед в бесцветной жизни девушки; а от ее искреннего восхищения его триумф и удовольствие станут еще хладостней.

- По моему, - сказал он серьезно, - вашей ноге требуется более длительный отдых, чем вы полагаете. И я хочу подсказать вам, как можно помочь ей и, вместе с тем, сделать мне одолжение. Когда вы появились из-за угла, я как раз собирался пообедать в печальном одиночестве. Пойдемте со мной, посидим в уютной обстановке, пообедаем, поболтаем, а за это время боль в ноге утихнет и вы, я уверен, легко дойдете до дому.

Девушка сбросила быстрый взгляд на открытое и приятное лицо Чендлера. В глазах у нее сверкнул огонек, затем она мило улыбнулась.

- Но мы не знакомы а так ведь, кажется, не полагается, - в нерешительности проговорила она.

- В этом нет ничего плохого, - сказал он простодушно. - Я сам вам представляюсь... разрешите... Мистер Тауэрс Чендлер. После обеда, который я постараюсь сделать для вас как можно приятнее, я распрощаюсь с вами или провожу вас до вашего дома, - как вам будет угодно.

- Да, но в таком платье и в этой шляпке! - проговорила девушка, взглянув на безупречный костюм Чендлера.

- Это не важно, - радостно сказал Чендлер. - Право, вы более очаровательны в вашем народе, чем любая из дам, которые там будут в самых изысканных вечерних туалетах.

- Нога еще побаливает, - призналась девушка, сделав неуверенный шаг. - По-видимому, мне придется принять ваше приглашение. Вы можете называть меня... мисс Мэриан.

- Идемте же, мисс Мэриан, - весело, но с изысканной вежливостью сказал молодой архитектор. - Вам не придется идти далеко. Тут поблизости есть вполне приличный и очень хороший ресторан. Обопритесь на мою руку, вот так... и пошли, не торопясь. Скучно обедать одному. Я даже немножко рад, что вы поскользнулись.

Когда их усадили за хорошо сервированный столик и услужливый официант склонился к ним в вопросительной позе, Чендлер почувствовал блаженное состояние, какое испытывал всякий раз во время своих вылазок в светскую жизнь.

Ресторан этот был не так роскошен, как тот, дальше по Бродвею, который он облюбовал себе, но мало в чем уступал ему. За столиками сидели состоятельного вида посетители, оркестр играл хорошо и не мешал приятной беседе, а кухня и обслуживание были вне всякой критики. Его спутница, несмотря, на простенькое платье и дешевую шляпку, держалась с достоинством, что придавало особую прелесть природной красоте ее лица и фигуры. И видно было по ее очаровательному личику, что она смотрит на Чендлера, который был оживлен, но сдержан, смотрит в его веселые и честные синие глаза почти с восхищением.

И вот тут в Тауэрса Чендлера вселилось безумие Манхэттена, бешенство суеты и тщеславия, бацилла хвастовства, чума дешевенького позерства. Он - на Бродвее, всюду блеск и шик, и зрителей полным-полно. Он почувствовал себя на сцене и решил в комедии-однодневке сыграть роль богатого светского повесы и гурмана. Его костюм соответствовал роли, и никакие ангелы-хранители не могли помешать ему исполнить ее.

И он пошел врать мисс Мэриан о клубах и банкетах, гольфе и верховой езде, псарнях и котильонах и поездках за границу и даже намекнул на яхту, которая стоит будто

бы у него в Ларчмонте. Заметив, что его болтовня производит на девушку впечатление, он поддал жару, наплел ей что-то о миллионах и упомянул запросто несколько фамилий, которые обыватель произносит с почтительным вздохом. Этот час принадлежал ему, и он выжимал из него все, что, по его мнению, было самым лучшим. И все же раз или два чистое золото ее сердца засияло перед ним сквозь туман самомнения, заставшего ему глаза.

- Образ жизни, о котором вы говорите, - сказала она, - кажется мне таким пустым и бесцельным. Неужели в целом свете вы не можете найти для себя работы, которая заинтересовала бы вас?

- Работа?! - воскликнул он. - Дорогая моя мисс Мэриан! Попытайтесь представить себе, что вам каждый день надо переодеваться к обеду, делать в день по десяти визитов, а на каждом углу полицейские только и ждут, чтобы прыгнуть к вам в машину и потащить вас в участок, если вы чуточку превысите скорость ослиного шага!

Мы, бездельники, и есть самые работающие люди на земле.

Обед был окончен, официант щедро вознагражден, они вышли из ресторана и дошли до того угла, где состоялось их знакомство. Мисс Мэриан шла теперь совсем хорошо, ее хромота почти не была заметна.

- Благодарю вас за приятно проведенный вечер, - искренне проговорила она. - Ну, мне надо бежать домой. Обед мне очень понравился, мистер Чендлер.

Сердечно улыбаясь, он пожал ей руку и сказал что-то насчет своего клуба и партии в бридж. С минуту он смотрел, как она быстро шла в восточном направлении, затем нанял извозчика и не спеша покотил домой.

У себя, в сырой комнатухе, он сложил свой выходной костюм, предоставив ему отлеживаться шестьдесят девять дней. Потом сел и задумался.

- Вот это девушка! - проговорил он вслух. - А что она порядочная, головой ручаюсь, хоть ей и приходится работать из-за куска хлеба. Как знать, не нагороди я всей этой идиотской чепухи, а скажи ей правду, мы могли бы... А, черт бы все побрал! Костюм обязывал.

Так рассуждал дикарь наших дней, рожденный и воспитанный в вигвамах племени манхэттенцев.

Расставшись со своим кавалером, девушка быстро пошла прямо на восток и, пройдя два квартала, поровнялась с красивым большим особняком, выходящим на авеню, которая является главной магистралью Маммоны и вспомогательного отряда богов. Она поспешно вошла в дом и поднялась в комнату, где красивая молодая девушка в изящном домашнем платье беспокойно смотрела в окно.

- Ах ты, сорви-голова! - воскликнула она, увидев младшую сестру. - Когда ты перестанешь пугать нас своими выходками? Вот уже два часа, как ты убежала в этих лохмотьях и в шляпке Мэри. Мама страшно встревожена. Она послала Луи искать тебя на машине по всему городу. Ты скверная и глупая девчонка!

Она нажала кнопку, и в ту же минуту вошла горничная.

- Мэри, скажите маме, что мисс Мэриан вернулась.

- Не ворчи, сестричка. Я бегала к мадам Тео, надо было сказать, чтобы она вместо розовой прошивки поставила лиловую. А это платье и шляпка Мэри очень мнегодились. Все меня принимали за продавщицу из магазина.

- Обед уже кончился, милая, ты опоздала.

- Я знаю. Понимаешь, я поскользнулась на тротуаре и растянула ногу. Нельзя было ступить на нее. Кое-как я доковыляла до ресторана и сидела там, пока мне не стало лучше. Потому я и задержалась.

Девушки сидели у окна и смотрели на яркие фонари и поток мелькающих экипажей. Младшая сестра прикорнула возле старшей, положив голову ей на колени.

- Когда-нибудь мы выйдем замуж, - мечтательно проговорила она, - и ты выйдешь и я. Денег у нас так много, что нам не позволят обмануть ожидания публики. Хочешь, сестрица, я скажу тебе, какого человека я могла бы полюбить?

- Ну, говори, болтушка, - улыбнулась старшая сестра.

- Я хочу, чтобы у моего любимого были ласковые синие глаза, чтобы он честно и почтительно относился к бедным девушкам, чтобы он был красив и добр и не превращал любовь в забаву. Но я смогу полюбить его, только если у него будет ясное стремление, цель в жизни, полезная работа. Пусть он будет самым последним бедняком; я не посмотрю на это, я все сделаю, чтобы помочь ему добиться своего. Но, сестрица, милая, нас окружают люди праздные, бездельники, вся жизнь которых проходит между гостиной и клубом, - а такого человека я не смогу полюбить, даже если у него синие глаза и он почтительно относится к бедным девушкам, с которыми знакомится на улице.

3. ДЕБЮТ ТИЛЬДИ

Если вы не знаете "Закусочной и семейного ресторана" Богля, вы много потеряли. Потому что если вы - один из тех счастливых, которым по карману дорогие обеды, вам должно быть интересно узнать, как уничтожает съестные припасы другая половина человечества. Если же вы принадлежите к той половине, для которой счет, поданный лакеем, - событие, вы должны узнать Богля, ибо там вы получите за свои деньги то, что вам полагается (по крайней мере по количеству).

Ресторан Богля расположен в самом центре буржуазного квартала, на бульваре Брауна-Джонса-Робинсона - на Восьмой авеню; В зале два ряда столиков, по шести в каждом ряду. На каждом столике стоит судок с приправами. Из перечницы вы можете вытрясти облачко чего-то меланхоличного и безвкусного, как вулканическая пыль. Из солонки не сыплется ничего. Даже человек, способный выдавить красный сок из белой репы, потерпел бы поражение, вздумай он добыть хоть крошку соли из боглевской солонки. Кроме того, на каждом столе имеется баночка подделки под сверхострый соус, изготовляемый "по рецепту одного индийского раджи".

За кассой сидит Богль, холодный, суровый, медлительный, грозный, и принимает от вас деньги. Выглядывая из-за горы зубочисток, он дает вам сдачу, накальвает ваш счет, отрывисто, как жаба, бросает вам замечание насчет погоды. Но мой вам совет - ограничьтесь подтверждением его метеорологических пророчеств. Ведь вы - не знакомый Богля; вы случайный, кормящийся у него посетитель; вы мажете больше не встретиться с ним до того дня, когда труба Гавриила призовет вас на последний обед. Поэтому берите вашу сдачу и катитесь куда хотите, хоть к черту. Такова теория Богля.

Посетителей Богля обслуживали две официантки и Голос. Одну из девушек звали Эйлин. Она была высокого роста, красивая, живая, приветливая и мастерица позубоскалить. Ее фамилия? Фамилии у Богля считались такой же излишней роскошью, как полоскательницы для рук.

Вторую официантку звали Тильди. Почему обязательно Матильда? Слушайте внимательно: Тильди, Тильди. Тильди была маленькая, толстенная, некрасивая и прилагала слишком много усилий, чтобы всем угодить, чтобы всем угодить. Перечитайте последнюю фразу раза три, и вы увидите, что в ней есть смысл.

Голос был невидимкой. Он исходил из кухни и не блистал оригинальностью. Это был непросвещенный Голос, который довольствовался простым повторением кулинарных восклицаний, издаваемых официантками.

Вы позволите мне еще раз повторить, что Эйлин была красива? Если бы она надела двухсотдолларовое платье, и прошлась бы в нем на пасхальной выставке нарядов, и вы увидели бы ее, вы сами поторопились бы сказать это.

Клиенты Богля были ее рабами. Она умела обслуживать сразу шесть столов. Торопившиеся сдерживали свое нетерпение, радуясь случаю полюбоваться ее быстрой походкой и грациозной фигурой. Насытившиеся заказывали еще что-нибудь, чтобы подольше побыть в сиянии ее улыбки. Каждый мужчина, - а женщины заглядывали к Бogleю редко, - старался произвести на нее впечатление.

Эйлин умела перебрасываться шутками с десятью клиентами одновременно. Каждая ее улыбка, как дробинки из дробовика, попадала сразу в несколько сердец. И в это же самое время она умудрялась проявлять чудеса ловкости и проворства, доставляя на столы свинину с фасолью, рагу, яичницы, колбасу с пшеничным соусом и всякие прочие яства в сотейниках и на сковородках, в стоячем и лежащем положении. Все эти пиршества, флирт и блеск остроумия превращали ресторан Богля в своего рода салон, в котором Эйлин играла роль мадам Рекамье.

Если даже случайные посетители бывали очарованы восхитительной Эйлин, то что же делалось с завсегдатаями Богля? Они обожали ее. Они соперничали между собою. Эйлин могла бы весело проводить время хоть каждый вечер. По крайней мере два раза в неделю кто-нибудь водил ее в театр или на танцы. Один толстый джентльмен, которого они с Тильди прозвали между собой "боровом", подарил ей колечко с бирюзой. Другой, получивший кличку "нахал" и служивший в ремонтной мастерской, хотел подарить ей пуделя, как только его брат-возчик получит подряд на Девятой улице. А тот, который всегда заказывал свиную грудинку со шпинатом и говорил, что он биржевой маклер, пригласил ее на "Парсифаль".

- Я не знаю, где это "Парсифаль" и сколько туда езды, - заметила Эйлин, рассказывая об этом Тильди, - но я не сделаю ни стежка на моем дорожном костюме до тех пор, пока обручальное кольцо не будет у меня на пальце. Права я или нет?

А Тильди...

В пропитанном парами, болтовней и запахом капусты заведении Богля разыгрывалась настоящая трагедия. За кубышкой Тильди, с ее носом-пуговкой, волосами цвета соломы и веснушчатым лицом, никогда никто не ухаживал. Ни один мужчина не провожал ее глазами, когда она бегала по ресторану, - разве что голод заставит их жадно высматривать заказанное блюдо. Никто не заигрывал с нею, не вызывал ее на веселый турнир остроумия. Никто не подтрунивал над ней по утрам, как над Эйлин, не говорил ей, скрывая под насмешкой зависть к неведомому счастливцу, что она, видно, позднеенько пришла вчера домой, что так медленно подает сегодня. Никто никогда не дарил ей колец с бирюзой и не приглашал ее на таинственный, далекий "Парсифаль".

Тильди была хорошей работницей, и мужчины терпели ее. Те, что сидели за ее столиками, изъяснялись с ней короткими цитатами из меню, а затем уже другим, медовым голосом заговаривали с красавицей Эйлин. Они ерзали на стульях и старались из-за приближающейся фигуры Тильди увидеть Эйлин, чтобы красота ее превратила их яичницу с ветчиной в амброзию.

И Тильди довольствовалась своей ролью серенькой труженицы, лишь бы на долю Эйлин доставались поклонение и комплименты. Нос пуговкой питал верноподданнические чувства к короткому греческому носику. Она была другом Эйлин, и она радовалась, видя, как Эйлин властвует над сердцами и отвлекает внимание мужчин от дымящегося пирога и лимонных пирожных. Но глубоко под веснушчатой кожей и соломенными волосами у самых некрасивых из нас таится мечта о принце или принцессе, которые придут только для нас одних.

Однажды утром Эйлин пришла на работу с подбитым глазом, и Тильди излила на нее потоки сочувствия, способные вылечить даже трахому.

- Нахал какой-то, - объяснила Эйлин. - Вчера вечером, когда я возвращалась домой. Пристал ко мне на Двадцать третьей. Лезет, да и только. Ну, я его отшила и он отстал. Но оказалось, что он все время шел за мной. На Восемнадцатой он опять начал приставать. Я как размахнулась да как ахну его по щеке! Тут он мне этот фонарь и наставил. Правда, Тиль, у меня ужасный вид? Мне так неприятно, что мистер Никольсон увидит, когда придет в десять часов пить чай с гренками.

Тильди слушала, и сердце у нее замирало от восторга. Ни один мужчина никогда не пытался приставать к ней. Она была в безопасности на улице в любой час дня и Ночи. Какое это, должно быть, блаженство, когда мужчина преследует тебя и из любви ставит тебе фонарь под глазом!

Среди посетителей Богля был молодой человек по имени Сидерс, сработавший в прачечной. Мистер Сидерс был худ и белобрыс, и казалось, что его только что хорошенько высушили и накрахмалили. Он был слишком застенчив, чтобы добиваться внимания Эйлин; поэтому он обычно садился за один из столиков Тильди и обрекал себя на молчание и вареную рыбу.

Однажды, когда мистер Сидерс пришел обедать, от него пахло пивом. В ресторане было только два-три посетителя. Покончив с вареной рыбой, мистер Сидерс встал, обнял Тильди за талию, громко и бесцеремонно поцеловал ее, вышел на улицу, показал кукиш своей прачечной и отправился в пассаж опускать монетки в щели автоматов.

Несколько секунд Тильди стояла окаменев. Потом до сознания ее дошло, что Эйлин грозит ей пальцем и говорит:

- Ай да Тиль, ай да хитрюга! На что это похоже! Этак ты отобьешь у меня всех моих поклонников. Придется мне следить за тобой, моя милая.

И еще одна мысль забрезжила в сознании Тильди. В мгновение ока из безнадежной, смиренной поклонницы она превратилась в такую же дочь Евы, сестру всемогущей Эйлин. Она сама стала теперь Цирцеей, целью для стрел Купидона, сабинянкой, которая должна остерегаться, когда римляне пируют. Мужчина обнял ее талию привлекательной и ее губы желанными. Этот стремительный, опаленный любовью Сидерс, казалось, совершил над ней то чудо, которое совершается в прачечной за особую плату. Сняв грубую дерюгу ее непривлекательности, он в один миг выстирал ее, просушил, накрахмалил, выгладил и вернул ей в виде тончайшего батиста - облачения, достойного самой Венеры.

Веснушки Тильди потонули в огне румянца. Цирцея и Психея вместе выглянули из ее загоревшихся глаз. Ведь даже Эйлин никто не обнимал и не целовал в ресторане у всех на глазах.

Тильди была не в силах хранить эту восхитительную тайну. Воспользовавшись коротким затишьем, она как бы случайно остановилась возле конторки Богля. Глаза ее сияли; она очень старалась; чтобы в словах ее не прозвучала гордость и похвальба.

- Один джентльмен оскорбил меня сегодня, - сказала она. - Он обхватил меня за талию и поцеловал.

- Вот как, - сказал Богль, приподняв забрало своей деловитости. - С будущей недели вы будете получать на доллар больше.

Во время обеда Тильди, подавая знакомым посетителям, объявляла каждому из них со скромностью человека, достоинства которого не нуждаются в преувеличении:

- Один джентльмен оскорбил меня сегодня в ресторане. Он обнял меня за талию и поцеловал.

Обедающие принимали эту новость различно - одни выражали недоверие; другие поздравляли ее, третьи забросали ее шуточками, которые до сих пор предназначались только для Эйлин. И сердце Тильди ширилось от счастья - наконец- то на краю

однообразной серой равнины, по которой она так долго блуждала, показались башни романтики.

Два дня мистер Сидерс не появлялся. За это время Тильди прочно укрепилась на позиции интересной женщины. Она накупила лент, сделала себе такую же прическу, как у Эйлин, и затянула талию. На два дюйма туже. Ей становилось и страшно и сладко от мысли, что мистер Сидерс может ворваться в ресторан и застрелить ее из пистолета. Вероятно, он любит ее безумно, а эти страстные влюбленные всегда бешено ревнивы. Даже в Эйлин не стреляли из пистолета. И Тильди решила, что лучше ему не стрелять; она ведь всегда была верным другом Эйлин и не хотела затмить ее славу.

На третий день в четыре часа мистер Сидерс пришел. За столиками не было ни души. В глубине ресторана Тильди накладывала в баночки горчицу, а Эйлин резала пирог. Мистер Сидерс подошел к девушкам.

Тильди подняла глаза и увидела его. У нее захватило дыхание, и она прижала к груди ложку, которой накладывала горчицу. В волосах у нее был красный бант; на шее - эмблема Венеры с Восьмой авеню - ожерелье из голубых бус с символическим серебряным сердечком.

Мистер Сидерс был красен и смущен. Он опустил одну руку в карман брюк, а другую - в свежий пирог с тыквой.

- Мисс Тильди, - сказал он, - я должен извиниться за то, что позволил себе в тот вечер. Правду сказать, я тогда здорово выпил, а то никогда не сделал бы этого. Я бы никогда ни с одной женщиной не поступил так, если бы был трезвый. Я надеюсь, мисс Тильди что вы примете мое извинение и поверите, что я не сделал бы этого, если бы понимал, что делаю, и не был бы пьян.

Выразив столь деликатно свое раскаяние, мистер Сидерс дал задний ход и вышел из ресторана, чувствуя, что вина его заглажена.

Но за спасительной ширмой Тильди упала головой на стол, среди кусочков масла и кофейных чашек, и плакала навзрыд - плакала и возвращалась на однообразную серую равнину, по которой блуждают такие, как она, - с носом-пуговкой и волосами цвета соломы. Она сорвала свой красный бант и бросила его на пол. Сидерса она глубоко презирала; она приняла его поцелуй за поцелуй принца, который нашел дорогу в заколдованное царство сна и привел в движение уснувшие часы и заставил суетиться сонных пажей. Но поцелуй был пьяный и неумышленный; сонное царство не шелохнулось, услышав ложную тревогу; ей суждено навеки остаться спящей красавицей.

Однако не все было потеряно. Рука Эйлин обняла ее, и красная рука Тильди шарила по столу среди объедков, пока не почувствовала теплого пожатия друга.

- Не огорчайся, Тиль, - сказала Эйлин, не вполне понявшая, в чем дело. - Не стоит того этот Сидерс. Не джентльмен, а белобрысая защипка для белья, вот он что такое. Будь он джентльменом, разве он стал бы просить извинения?

4. ПРИНЦЕССА И ПУМА

Перевод М. Урнова

Разумеется, не обошлось без короля и королевы. Король был страшным стариком; он носил шестизарядные револьверы и шпоры и орал таким зычным голосом, что гремучие змеи прерий спешили спрятаться в свои норы под кактусами. До коронации его звали Бен Шептун. Когда же он обзавелся пятьюдесятью тысячами, акров земли и таким количеством скота, что сам потерял ему счет, его стали звать О'Доннел, король скота.

Королева была мексиканка из Ларедо. Из нее вышла хорошая, кроткая жена, и ей даже удалось научить Бена настолько умерять голос в стенах своего дома, что от звука его не разбивалась посуда. Когда Бен стал королем, она полюбила сидеть на галерее ранчо

Эспиноза и плести тростниковые циновки. А когда богатство стало настолько непреодолимым и угнетающим, что из Сан-Антоне в фургонах привезли мягкие кресла и круглый стол, она склонила темноволосую голову и разделила судьбу Данаи.

Во избежание *tese majeste* (1) вас сначала представили королю и королеве. Но они не играют никакой роли в этом рассказе, который можно назвать "Повестью о том, как принцесса не растерялась и как лев свалил дурака",

Принцессой была здравствующая королевская дочь Жозефа О'Доннел. От матери она унаследовала доброе сердце и смуглую субтропическую красоту. От его величества Бена О'Доннела она получила запас бесстрашия, здравый смысл и способность управлять людьми. Стоило приехать из далека, что бы посмотреть на такое сочетание. На всем скаку Жозефа могла всадить пять пуль из шести в жестянку из-под помидоров, вращающуюся на конце веревки. Она могла часами играть со своим белым, котенком, наряжая его в самые нелепые костюмы. Презирая карандаш; она могла высчитать в уме, сколько барыша принесут тысяча пятьсот сорок пять двухлеток, если продать их по восемь долларов пятьдесят центов за голову. Ранчо Эспиноза имеет около сорока миль в длину и тридцать в ширину - правда, большей частью арендованной земли. Жозефа обследовала каждую ее милю верхом на своей лошади. Все ковбои на этом пространстве знали ее в лицо и были ее верными вассалами. Рипли Гивнс, старший одной из ковбойских партии Эспинозы, увидел ее однажды и тут же решил породниться с королевской фамилией. Самонадеянность? О нет. В те времена на землях Нуэсес человек был человеком. И в конце концов титул "короля скота" вовсе не предполагает королевской крови. Часто он означает только, что его обладатель носит корону в знак своих блестящих способностей по части кражи скота.

Однажды Рипли Гивнс поехал верхом на ранчо "Два Вяза" справиться о пропавших однолетках. В обратный путь он тронулся поздно, и солнце уже садилось, когда он достиг переправы Белой Лошади на реке Нуэсес. От переправы до его лагеря было шестнадцать миль. До усадьбы ранчо Эспиноза - двенадцать. Гивнс утомился. Он решил заночевать у переправы.

Река в этом месте образовала красивую заводь. Берега густо поросли большими деревьями и кустарником. В пятидесяти ярдах от заводи поляну покрывала курчавая мескитовая трава - ужин для коня и постель для всадника. Гивнс привязал лошадь и разложил потники для просушки. Он сел, прислонившись к дереву, и свернул папиросу. Из зарослей, окаймлявших реку, вдруг донесся яростный, раскатистый рев. Лошадь заплясала на привязи и зафыркала, почуяв опасность. Гивнс, продолжая попыхивать папироской, не спеша поднял с земли свой пояс и на всякий случай повернул барабан револьвера. Большая щука громко плеснула в заводь. Маленький бурый кролик обскакал куст "кошачьей лапки" и сел, поводя усами и насмешливо поглядывая на Гивнса. Лошадь снова принялась щипать траву.

Меры предосторожности не лишни когда на закате солнца мексиканский лев поет сопрано у реки. Может быть, его песня говорит о том, что молодые телята и жирные барашки попадают редко и что он горит плотоядным желанием познакомиться с вами.

В траве валялась пустая жестянка из-под фруктовых консервов, брошенная здесь каким-нибудь путником. Увидев ее, Гивнс крикнул от удовольствия. В кармане его куртки, привязанной к седлу, было немного молотого кофе. Черный кофе и папиросы! Чего еще надо ковбою?

В две минуты Гивнс развел небольшой веселый костер. Он взял жестянку и пошел к заводи. Не доходя пятнадцати шагов до берега, он увидел слева от себя лошадь под дамским седлом, щипавшую траву. А у самой воды поднималась с колен Жозефа О'Доннел. Она только что напилась и теперь отряхивала с ладоней песок. В десяти ярдах справа от нее Гивнс увидел мексиканского льва, полускрытого ветвями

саквисты. Его янтарные глаза сверкали голодным огнем; в шести футах от них виднелся кончик хвоста, вытянутого прямо, как пойнтера. Зверь чуть раскачивался на задних лапах, как все представители кошачьей породы перед прыжком.

Гивнс сделал, что мог. Его револьвер валялся в траве, до него было тридцать пять ярдов. С громким воплем Гивнс кинулся между львом и принцессой.

Схватка, как впоследствии рассказывал Гивнс, вышла короткая и несколько беспорядочная. Прибыв на место атаки, Гивнс увидел в воздухе дымную полосу и услышал два слабых выстрела. Затем сто фунтов мексиканского льва шлепнулись ему на голову и тяжелым ударом придавили его к земле. Он помнит, как закричал: "Отпусти, это не по правилам!", потом выполз из-под льва, как червяк, с набитым травой и грязью ртом и большой шишкой на затылке в том месте, которым он стукнулся о корень вяза. Лев лежал неподвижно. Раздосадованный. Гивнс, подозревая подвох, погрозил льву кулаком и крикнул: "Подожди, я с тобой еще..." - и тут пришел в себя.

Жозефа стояла на прежнем месте, спокойно перезаряжая тридцативосьмикалберный револьвер, оправленный серебром. Особенной меткости ей на этот раз не потребовалось: голова зверя представляла собою более легкую мишень, чем жестянка из-под помидоров, вертящаяся на конце веревки. На губах девушки и в темных глазах играла вызывающая улыбка. Незадачливый рыцарь-избавитель почувствовал, как фиаско огнем жжет его сердце. Вот где ему представился случай, о котором он так мечтал, но все произошло под знаком Момуса, а не Купидона. Сатиры в лесу уж, наверно, держались за бока, заливаясь озорным беззвучным смехом. Разыгралось нечто вроде водевиля "Сеньор Гивнс и его забавный поединок с чучелом льва".

- Это вы, мистер Гивнс? - сказала Жозефа своим медлительным томным контральто.
- Вы чуть не испортили мне выстрел своим криком. Вы не ушибли себе голову, когда упали?

- О нет, - спокойно ответил Гивнс. - Это-то было совсем не больно.

Он нагнулся, придавленный стыдом, и вытащил из-под зверя свою прекрасную шляпу. Она была так смята и истерзана, словно ее специально готовили для комического номера. Потом он стал на колени и нежно погладил свирепую, с открытой пастью голову мертвого льва.

- Бедный старый Билл! - горестно воскликнул он.

- Что такое? - резко спросила Жозефа.

- Вы, конечно, не знали, мисс Жозефа, - сказал Гивнс с видом человека, в сердце которого великодушие берет верх над горем. - Вы не виноваты. Я пытался спасти его, но не успел предупредить вас.

- Кого спасти?

- Да Билла. Я весь день искал его. Ведь он два года был общим любимцем у нас в лагере. Бедный старик! Он бы и кролика не обидел. Ребята просто с ума сойдут, когда услышат. Но вы-то не знали, что он хотел просто поиграть с вами.

Черные глаза Жозефы упорно жгли его. Рипли Гивнс выдержал испытание. Он стоял и задумчиво ерошил свои темно-русые кудри. В глазах его была скорбь, но без примеси нежного укора. Приятные черты его лица явно выражали печаль. Жозефа дрогнула.

- Что же делал здесь ваш любимец? - спросила она, пуская в ход последний довод.
- У переправы Белой Лошади нет никакого лагеря.

- Этот разбойник еще вчера удрал из лагеря, - без запинки ответил Гивнс. - Удивляться приходится, как его до смерти не напугали койоты. Понимаете, на прошлой неделе Джим Уэбстер, наш конюх, привез в лагерь маленького щенка терьера. Этот щенок буквально отравил Биллу жизнь: он гонял его по всему лагерю, часами жевал его задние лапы. Каждую ночь, когда ложились спать, Билл забирался

под одеяло к кому-нибудь из ребят и спал там, скрываясь от щенка. Видно, его довели до отчаяния, а то бы он не сбежал. Он всегда боялся отходить далеко от лагеря.

Жозефа посмотрела на труп свирепого зверя. Гивнс ласково похлопал его по страшной лапе, одного удара которой хватило бы, чтобы убить годовалого теленка. По оливковому лицу девушки разлился яркий румянец. Был ли то признак стыда, какой испытывает настоящий охотник, убив недостойную дичь? Взгляд ее смягчился, а опущенные ресницы смахнули с глаз веселую насмешку.

- Мне очень жаль, - сказала она, - но он был такой большой и прыгнул так высоко, что...

- Бедняга Билл проголодался, - перебил ее Гивнс, спеша заступиться за покойника. - Мы в лагере всегда заставляли его прыгать, когда кормили. Чтобы получить кусок мяса, он ложился и катался по земле. Увидев вас, он подумал, что вы ему дадите поесть.

Вдруг глаза Жозефы широко раскрылись.

- Ведь я могла застрелить вас! - воскликнула она. - Вы бросились как раз между нами. Вы рисковали жизнью, чтобы спасти своего любимца! Это замечательно, мистер Гивнс. Мне нравятся люди, которые любят животных.

Да, сейчас в ее взгляде было даже восхищение. В конце концов из руин позорной развязки рождался герой. Выражение лица Гивнса обеспечило бы ему высокое положение в "Обществе покровительства животным".

- Я их всегда любил, - сказал он: - лошадей, собак, мексиканских львов, коров, аллигаторов...

- Ненавижу аллигаторов! - быстро возразила Жозефа. - Ползучие, грязные твари!

- Разве я сказал "аллигаторов"? - поправился Гивнс. - Я, конечно, имел в виду антилоп.

Совість Жозефы заставила ее пойти еще дальше. Она с видом раскаяния протянула руку. В глазах ее блестели непролитые слезинки.

- Пожалуйста, простите меня, мистер Гивнс. Ведь я женщина я сначала, естественно, испугалась. Мне очень, очень жаль, что я застрелила Билла. Вы представить себе не можете, как мне стыдно. Я ни за что не сделала бы этого, если бы знала.

Гивнс взял протянутую руку. Он держал ее до тех пор, пока его великодушие не победило скорбь об утраченном Билле. Наконец, стало ясно, что он простил ее.

- Прошу вас, не говорите больше об этом, мисс Жозефа. Билл своим видом мог напугать любую девушку. Я уж как-нибудь объясню все ребятам.

- Правда? И вы не будете меня ненавидеть? - Жозефа доверчиво придвинулась ближе к нему. Глаза ее глядели ласково, очень ласково, и в них была пленительная мольба. - Я возненавидела бы всякого, кто убил бы моего котенка. И как смело и благородно с вашей стороны, что вы пытались спасти его с риском для жизни! Очень, очень немногие поступили бы так.

Победа, вырванная из поражения! Водевиль, обернувшийся драмой! Bravo, Рипли Гивнс!

Спустились сумерки. Конечно, нельзя было допустить, чтобы мисс Жозефа ехала в усадьбу одна. Гивнс опять оседлал своего коня, несмотря на его укоризненные взгляды, и поехал с нею. Они скакали рядом по мягкой траве - принцесса и человек, который любил животных. Запахи прерии - запахи плодородной земли и прекрасных цветов - окутывали их сладкими волнами. Вдали на холме затаивались койоты. Бояться нечего! И все же...

Жозефа подъехала ближе. Маленькая ручка, по-видимому, что-то искала. Гивнс накрыл ее своей. Лошади шли нога в ногу. Руки медленно сомкнулись, и обладательница одной из них заговорила:

- Я никогда раньше не пугалась, - сказала Жозефа, - но вы подумайте, как страшно было бы встретиться с настоящим диким львом! Бедный Билл! Я так рада, что вы поехали со мной...

О'Доннел сидел на галерее.

- Алло, Рип! - гаркнул он. - Это ты?

- Он провожал меня, - сказала Жозефа. - Я сбилась с дороги и запоздала.

- Премного обязан, - возгласил король скота. - Заночуй, Рип, а в лагерь введешь завтра.

Но Гивнс не захотел остаться. Он решил ехать дальше, в лагерь. На рассвете нужно было отправить гурт быков. Он простился и поскакал.

Час спустя, когда погасли огни, Жозефа в ночной сорочке подошла к своей двери и крикнула королю через выложенный кирпичом коридор:

- Слушай, пап, ты помнишь этого мексиканского льва, которого прозвали "Карноухий дьявол?" Того, что задрал Гонсалеса, овечьего пастуха мистера Мартина, и полсотни телят на ранчо Салада? Так вот, я разделалась с ним сегодня у переправы Белой Лошади. Он прыгнул, а я всадила ему две пули из моего тридцативосмикалиберного. Я узнала его по левому уху, которое старик Гонсалес изуродовал ему своим мачете (2). Ты сам не сделал бы лучшего выстрела, папа.

- Ты у меня молодчина! - прогремел Бен Шептун из мрака королевской опочивальни.

1) - Оскорбление величества (франц.).

2) - Большой мексиканский нож.

ДЖЕК ЛОНДОН

Тексты для свободного чтения

1. ТЕКСТ КОСТЁР

День едва занимался, холодный и серый — очень холодный и серый, — когда человек свернул с тропы, проложенной по замерзшему Юкону, и стал подыматься на высокий берег, где едва заметная тропинка вела на восток сквозь густой ельник. Подъем был крутой, и, взобравшись наверх, он остановился перевести дух, а чтобы скрыть от самого себя эту слабость, деловито посмотрел на часы. Стрелки показывали девять. Солнца не было — ни намек на солнце в безоблачном небе, и поэтому, хотя день выдался ясный, все кругом казалось подернутым неуловимой дымкой, словно прозрачная мгла затемнила дневной свет. Но человека это не тревожило. Он привык к отсутствию солнца. Оно давно уже не показывалось, и человек знал, что пройдет еще несколько дней, прежде чем

лучезарный диск на своем пути к югу подымется над горизонтом и мгновенно скроется из глаз. Человек посмотрел через плечо в ту сторону, откуда пришел. Юкон, раскинувшись на милью в ширину, лежал под трехфутовым слоем льда. А лед был прикрыт такою же толстой пеленой снега. Девственно белый покров ложился волнистыми складками в местах ледяных заторов. К югу и к северу, насколько хватал глаз, была сплошная белизна; только очень тонкая темная линия, обогнув поросший ельником остров, извиваясь, уходила на юг и, так же извиваясь, уходила на север, где исчезала за другим поросшим ельником островом. Это была тропа, снежная тропа, проложенная по Юкону, которая тянулась на пятьсот миль к югу до Чилкутского перевала, Дайи и Соленой Воды, и на семьдесят миль к северу до Доусона, и еще на тысячу миль дальше до Нулато и до Сент Майкла на Беринговом море — полторы тысячи миль снежного пути. Но все это — таинственная, уходящая в бесконечную даль снежная тропа, чистое небо без солнца, трескучий мороз, необычайный и зловещий колорит пейзажа — не пугало человека. Не потому, что он к этому привык. Он был чечак, новичок в этой стране, и проводил здесь первую зиму. Просто он, на свою беду, не обладал воображением. Он зорко видел и быстро схватывал явления жизни, но только явления, а не их внутренний смысл. Пятьдесят градусов ниже нуля означало восемьдесят с лишним градусов мороза. Такой факт говорил ему, что в пути будет очень холодно и трудно, и больше ничего. Он не задумывался ни над своей уязвимостью, ни над уязвимостью человека вообще, способного жить только в узких температурных границах, и не пускался в догадки о возможном бессмертии или о месте человека во вселенной. Пятьдесят градусов ниже нуля предвещали жестокий холод, от которого нужно оградиться рукавицами, наушниками, мокасинами и толстыми носками. Пятьдесят градусов ниже нуля были для него просто пятьдесят градусов ниже нуля. Мысль о том, что это может означать нечто большее, никогда не приходила ему в голову. Повернувшись лицом к тропинке, он задумчиво сплюнул длинным плевком. Раздался резкий внезапный треск, удививший его. Он еще раз сплюнул. И опять, еще в воздухе, раньше чем упасть на снег, слюна затрещала. Человек знал, что при пятидесяти градусах ниже нуля плевки трещат на снегу, но сейчас он затрещал в воздухе. Значит, мороз стал еще сильнее; насколько сильнее — определить трудно. Но это неважно. Цель его пути — знакомый участок на левом рукаве ручья Гендерсона, где его поджидают товарищи. Они пришли туда с берегов индейской реки, а он пошел в обход, чтобы посмотреть, можно ли будет весной переправить сплавной лес с островов на Юконе. Он доберется до лагеря к шести часам. Правда, к этому времени уже стемнеет, но там его будут ждать товарищи, ярко пылающий костер и горячий ужин. А завтрак здесь — он положил руку на сверток, оттопыривавший борт меховой куртки; завтрак был завернут в носовой платок и засунут под рубашку. Иначе лепешки замерзнут. Он улыбнулся про себя, с удовольствием думая о вкусном завтраке: лепешки были разрезаны вдоль и переложены толстыми ломтями поджаренного сала. Он вошел в густой еловый лес. Тропинка была еле видна. Должно быть, здесь давно никто не проезжал — снегу намело на целый фут, и он радовался, что не взял нарт, а идет налегке и что вообще ничего при нем нет, кроме завтрака, завязанного в носовой платок. Очень скоро он почувствовал, что у него немеют нос и скулы. Мороз нешуточный, что и говорить, с удивлением думал он, растирая лицо рукавицей. Густые усы и борода предохраняли щеки и подбородок, но не защищали широкие скулы и большой нос, вызывающе выставленный навстречу морозу. За человеком по пятам бежала ездовая собака местной породы, рослая, с серой шерстью, ни внешним видом, ни повадками не отличавшаяся от своего брата, дикого волка. Лютый мороз угнетал животное. Собака знала, что в такую стужу не годится быть в пути. Ее инстинкт вернее подсказывал ей истину, чем человеку его разум. Было не только больше пятидесяти градусов, было больше шестидесяти, больше семидесяти. Было ровно семьдесят пять градусов ниже нуля. Так как точка замерзания по Фаренгейту находится на тридцать втором градусе выше нуля, то было полных сто семь градусов мороза. Собака ничего не знала о термометрах. Вероятно, в ее мозгу

отсутствовало ясное представление о сильном холоде — представление, которым обладает человеческий мозг. Но собаку предостерегал инстинкт. Ее охватывало смутное, но острое чувство страха; она понуро шла за человеком, ловя каждое его движение, словно ожидая, что он вернется в лагерь или укроется где нибудь и разведет костер. Собака знала, что такое огонь, она жаждала огня, а если его нет — зарыться в снег и, свернувшись клубочком, сберечь свое тепло. Пар от дыхания кристаллической пылью оседал на шерсти собаки; вся морда, вплоть до ресниц, была густо покрыта инеем. Рыжая борода и усы человека тоже замерзли, но их покрывал не иней, а плотная ледяная корка, и с каждым выдохом она утолщалась. К тому же он жевал табак, и намордник изо льда так крепко стягивал ему губы, что он не мог сплюнуть, и табачный сок примерзал к нижней губе. Ледяная борода, плотная и желтая, как янтарь, становилась все длинней; если он упадет, она, точно стеклянная, рассыплется мелкими осколками. Но этот привесок на подбородке не смущал его. Такую дань в этом краю платили все жующие табак, а ему уже дважды пришлось делать переходы в сильный мороз. Правда, не в такой сильный, как сегодня, однако спиртовой термометр на Шестидесятой Миле в первый раз показывал пятьдесят, а во второй — пятьдесят пять градусов ниже нуля. Несколько миль он шел лесом по ровной местности, потом пересек поле и спустился к узкой замерзшей реке. Это и был ручей Гендерсона; отсюда до развилины оставалось десять миль. Он посмотрел на часы. Было ровно десять. Он делает четыре мили в час, значит, у развилины будет в половине первого. Он решил отпраздновать там это событие — сделать привал и позавтракать. Собака, уныло опустив хвост, покорно поплелась за человеком, когда тот зашагал по замерзшему руслу. Тропа была ясно видна, но следы последних проехавших по ней нарт дюймов на десять занесло снегом. Видимо, целый месяц никто не проходил здесь ни вверх, ни вниз по течению. Человек уверенно шел вперед. Он не имел привычки предаваться размышлениям, и сейчас ему решительно не о чем было думать, кроме как о том, что, добравшись до развилины, он позавтракает, а в шесть часов будет в лагере среди товарищей. Разговаривать было не с кем, и все равно он не мог бы разжать губы, скованные ледяным намордником. Поэтому он продолжал молча жевать табак, и его янтарная борода становилась все длиннее. Время от времени в его мозгу всплывала мысль, что мороз очень сильный, такой сильный, какого ему еще не приходилось переносить. На ходу он то и дело растирал рукавицей щеки и нос. Он делал это машинально, то одной рукой, то другой. Но стоило ему только опустить руку, и в ту же секунду щеки немели, а еще через одну секунду немел кончик носа. Щеки будут отморожены, он знал это и жалел, что не запасся повязкой для носа, вроде той, которую надевал Бэд, собираясь в дорогу. Такая повязка и щеки защищает от мороза. Но это, в сущности, не так важно. Ну, отморожит щеки, что ж тут такого? Поболят и перестанут, вот и все; от этого еще никто не умирал. Хотя человек шел, ни о чем не думая, он зорко следил за дорогой, отмечая каждое отклонение русла, все изгибы, повороты, все заторы сплавного леса, и тщательно выбирал место, куда поставить ногу. Однажды, огибая поворот, он шарахнулся в сторону, как испугавшаяся лошадь, сделал крюк и вернулся обратно на тропу. Он знал, что ручей Гендерсона замерз до самого дна — ни один ручей не устоит перед арктической зимой, но он знал и то, что есть ключи, которые бьют из горных склонов и протекают под снегом, по ледяной поверхности ручья. Самый лютый мороз бессилен перед этими ключами, и он знал, какая опасность таится в них. Это были ловушки. Под снегом скоплялись озера глубиной в три дюйма, а то и в три фута. Иногда их покрывала ледяная корка в полдюйма толщиной, а корку, в свою очередь, покрывал снег. Иногда ледяная корка и вода перемежались, так что если путник проваливался, он проваливался постепенно и, погружаясь все глубже и глубже, случалось, промокал до пояса. Вот почему человек так испуганно шарахнулся. Он почувствовал, что наст подается под ногами, и услышал треск покрытой снегом ледяной корки. А промочить ноги в такую стужу не только неприятно, но и опасно. В лучшем случае это вызовет задержку, потому что придется разложить костер, чтобы разуться и высушить носки и мокасины. Оглядев

русло реки и берега ее, он решил, что ключ бежит справа. Он постоял немного в раздумье, потирая нос и щеки, потом взял влево, осторожно ступая, перед каждым шагом ногой проверяя крепость наста. Миновав опасное место, он засунул в рот свежую порцию табака и зашагал дальше со скоростью четырех миль в час. В ближайшие два часа он несколько раз наткнулся на такие ловушки. Обычно его предостерегал внешний вид снежного покрова: снег над озерцами был ноздреватый и словно засахаренный. И все таки один раз он чуть было не провалился, а в другой раз, заподозрив опасность, заставил собаку идти вперед. Собака не хотела идти. Она пятилась назад до тех пор, пока человек не подогнал ее пинком. И тогда она быстро побежала по белому сплошному снегу; вдруг ее передние лапы глубоко ушли в снег; она забарахталась и вылезла на безопасное место. Мокрые лапы мгновенно покрылись льдом. Собака стала торопливо лизать их, стараясь снять ледяную корку, потом легла в снег и принялась выкусывать лед между когтями. Она делала это, повинувшись инстинкту. Если оставить лед между когтями, то лапы будут болеть. Она этого не знала, она просто подчинялась таинственному велению, идущему из сокровенных глубин ее существа. Но человек знал, ибо составил себе суждение об этом на основании опыта, и, скинув рукавицу с правой руки, он помог собаке выломать кусочки льда. Пальцы его оставались неприкрытыми не больше минуты, и он поразился, как быстро они заоченели. Мороз нешуточный, что и говорить. Он поспешил натянуть рукавицу и начал яростно колотить рукой по груди. К двенадцати часам стало совсем светло. Но солнце, совершая свой зимний путь, слишком далеко ушло к югу и не показывалось над горизонтом. Горб земного шара заслонял солнце от человека, который шел, не отбрасывая тени, по руслу ручья Гендерсона под полдневным безоблачным небом. В половине первого, минута в минуту, он достиг развилины ручья. Он порадовался тому, что так хорошо идет. Если не убавлять хода, то к шести часам наверняка можно добраться до товарищей. Он расстегнул куртку, полез за пазуху и достал свой завтрак. Это заняло не больше пятнадцати секунд, и все же его пальцы онемели. Он несколько раз сильно ударил голой рукой по ноге. Потом сел на покрытое снегом бревно и приготовился завтракать. Но боль в пальцах так скоро прошла, что он испугался. Не успев поднести лепешку ко рту, он опять заколотил рукой по колену, потом надел рукавицу и оголил другую руку. Он взял ею лепешку, поднес ко рту, хотел откусить, но не мог — мешал ледяной намордник. Как же это он забыл, что нужно разложить костер и оттаять у огня. Он засмеялся над собственной глупостью и тут же почувствовал, что пальцы левой руки коченеют. И еще он заметил, что пальцы ног, которые больно заныли, когда он сел, уже почти не болят. Он не знал, отчего проходит боль, оттого ли, что ноги согрелись, или оттого, что они онемели. Он пошевелил пальцами в мокалинах и решил, что это онемение. Ему стало не по себе, и, торопливо натянув рукавицу, он поднялся с бревна. Потом зашагал взад и вперед, сильно топая, чтобы отогреть пальцы ног. Мороз нешуточный, что и говорить, думал он. Тот старик с Серного ручья не соврал, когда рассказывал, какие здесь бывают холода. А он еще посмеялся над ним! Никогда не нужно быть слишком уверенным в себе. Что правда, то правда — мороз лютый. Он топтался на месте и молотил руками, пока возвращающееся тепло не рассеяло его тревоги. Потом вынул спички и начал раскладывать костер. Топливо было под рукой — в подлесок во время весеннего разлива нанесло много валежника. Он действовал осторожно, бережно поддерживая слабый огонек, пока костер не запылал ярким пламенем. Ледяная корка на его лице растаяла, и, греясь у костра, он позавтракал. Он перехитрил мороз хотя бы на время. Собака, радуясь огню, растянулась у костра как раз на таком расстоянии, чтобы пламя грело ее, но не обжигало. Кончив есть, человек набил трубку и спокойно, не спеша, выкурил ее. Потом натянул рукавицы, поплотнее завязал тесемки наушников и пошел по левому руслу ручья. Собака была недовольна — она не хотела уходить от костра. Этот человек явно не знал, что такое мороз. Может быть, все поколения его предков не знали, что такое мороз в сто семь градусов. Но собака знала, все ее предки знали, и она унаследовала от них это знание. И она знала, что не годится быть в пути в такую лютую

стужу. В эту пору надо лежать, свернувшись клубочком, в норке под снегом, дожидаясь, пока безбрежное пространство, откуда идет мороз, не затянется тучами. Но между человеком и собакой не было дружбы. Она была рабом, трудом которого он пользовался, и не видела от него другой ласки, кроме ударов бича и хриплых угрожающих звуков, предшествующих ударам бича. Поэтому собака не делала попыток поделиться с человеком своими опасениями. Она не заботилась о его благополучии; ради своего блага не хотела она уходить от костра. Но человек свистнул и заговорил с нею голосом, напомнившим ей о биче, и собака, повернувшись, пошла за ним по пятам. Человек сунул в рот свежую жвачку и начал отращивать новую янтарную бороду. От его влажного дыхания усы, брови и ресницы мгновенно заиндевели. На левом рукаве ручья Гендерсона, по видимому, было меньше горных ключей, и с полчаса путник не видел угрожающих признаков. А потом случилась беда. На ровном сплошном снегу, где ничто не предвещало опасности, где снежный покров, казалось, лежал толстым, плотным слоем, человек провалился. Здесь было не очень глубоко. Он промочил ноги до середины икр, пока выбирался на твердый наст. Эта неудача разозлила его, и он выругался вслух. Он надеялся в шесть часов уже быть в лагере среди товарищей, а теперь запоздает на целый час, потому что придется разложить костер и высушить обувь. Иначе нельзя при такой низкой температуре — это, по крайней мере, он знал твердо. Он повернул к высокому берегу и вскарабкался на него. В молодом ельнике, среди кустов, нашлось хорошее топливо — не только прутья и ветки, но и много сухих сучьев и высохшей прошлогодней травы. Он бросил на снег несколько палок потолще, чтобы дать костру прочное основание и чтобы слабое, еще не разгоревшееся пламя не погасло в растаявшем под ним снегу. Потом достал из кармана завиток березовой коры и поднес к нему спичку. Кора вспыхнула, как бумага. Положив ее на толстые сучья, он стал подкладывать в огонь сухие травинки и самые тонкие сухие прутики. Он работал медленно и осторожно, ясно понимая грозившую ему опасность. Мало помалу, по мере того как пламя разгоралось, он стал подкладывать сучки потолще. Он сидел в снегу на корточках, выдергивал хворостинки из кустарника и клал их в костер. Он знал, что должен с первого раза развести костер. Когда термометр показывает семьдесят пять ниже нуля, человек должен без задержки разжечь костер, если у него мокрые ноги. Если ноги у него сухие, он может пробежать с полмили и восстановить кровообращение. Но никакой пробежкой не восстановишь кровообращение в мокрых, коченеющих ногах при семидесяти пяти градусах ниже нуля. Как быстро ни беги, мокрые ноги будут только еще пуще мерзнуть. Все это человек знал. Тот старик с Серного ручья говорил ему об этом осенью, и теперь он оценил его совет. Он уже не чувствовал своих ног. Чтобы разложить костер, ему пришлось снять рукавицы, и пальцы тотчас же онемели. Быстрая ходьба со скоростью четырех миль в час заставляла его сердце накачивать кровью все сосуды на поверхности тела. Но как только он остановился, действие насоса ослабело. Полярный холод обрушился на незащищенную точку земного шара, и человек, находясь в этой незащищенной точке, принял на себя всю силу ударов. Кровь в его жилах отступала перед ними. Кровь была живая, так же как его собака, и так же, как собаку, ее тянуло спрятаться, укрыться от страшного холода. Пока он делал четыре мили в час, кровь волей неволей прилиwała к конечностям, но теперь она отхлынула, ушла в тайники его тела. Пальцы рук и ног первые почувствовали отлив крови. Мокрые ноги коченели все сильнее, пальцы оголенных рук все сильнее мерзли, хотя он еще мог двигать ими. Нос и щеки уже мертвели, и по всему телу, не согреваемому кровью, ползли мурашки. Но он спасен. Пальцы ног, щеки и нос будут только обморожены, ибо костер разгорается все ярче. Теперь он подбрасывал ветки толщиной с палец. Еще минута, и уже можно будет класть сучья толщиной с запястье, и тогда он скинет мокрую обувь и, пока она будет сохнуть, отогреет ноги у костра, после того, конечно, как разотрет их снегом. Костер удался на славу. Он спасен. Он вспомнил советы старика на Серном ручье и улыбнулся. Как упрямо он уверял, что никто не должен один пускаться в путь по Клондайку, если мороз сильнее пятидесяти градусов. И что же? Лед

под ним проломился, он совсем один и все таки спасся. Эти бывалые старики, подумал он, частенько трусливы, как бабы. Нужно только не терять головы, и все будет в порядке. Настоящий мужчина всегда справится один. Но странно, что щеки и нос так быстро мертвеют. И он никак не думал, что руки подведут его. Он едва шевелил пальцами, с большим трудом удерживая в них сучья, и ему казалось, что руки где то очень далеко от него и не принадлежат его телу. Когда он дотрагивался до сучка, ему приходилось смотреть на руку, чтобы убедиться, что он действительно подобрал его. Связь между ним и кончиками его пальцев была прервана. Но все это неважно. Перед ним костер, он шипит и потрескивает, и каждый пляшущий язычок сулит жизнь. Он принялся развязывать мокасины. Они покрылись ледяной коркой, толстые шерстяные носки, словно железные ножницы, сжимали икры, а завязки мокасин походили на клубок побывавших в огне, исковерканных стальных прутьев. С минуту он дергал их онемевшими пальцами, потом, поняв, что это бессмысленно, вытащил нож. Но он не успел перерезать завязки — беда случилась раньше. Это была его вина, вернее, его оплошность. Напрасно он разложил костер под елью. Следовало разложить его на открытом месте. Правда, так было удобнее вытаскивать хворост из кустарника и прямо класть в огонь. Но на ветках ели, под которой он сидел, скопилось много снега. Ветра не было очень давно, и на вершине дерева лежал снег. Каждый раз, когда человек выдергивал хворост из кустов, ель слегка сотрясалась — едва заметно для него, но достаточно сильно, чтобы вызвать катастрофу. Одна из верхних ветвей сбросила свой груз снега. Он упал на ветви пониже, увлекая за собой их груз. Так продолжалось до тех пор, пока снег не посыпался со всего дерева. Этот снежный обвал внезапно обрушился на человека и на костер, и костер погас! Там, где только что горел огонь, лежал свежий слой рыхлого снега. Человеку стало страшно. Словно он услышал свой смертный приговор. С минуту он сидел не шевелясь, пристально глядя на засыпанный снегом костер. Потом вдруг сделался очень спокоен. Быть может, старик с Серного ручья все таки был прав. Будь у него спутник, ему не грозила бы опасность — спутник развел бы костер. Что ж, значит, надо самому сызнова приниматься за дело, и на этот раз не должно быть ошибок. Даже если ему удастся развести огонь, он, вероятно, лишится нескольких пальцев на ногах. Ноги, должно быть, сильно обморожены, а новый костер разгорится не скоро. Таковы были его мысли, но он не предавался им в бездействии. Он усердно работал, пока они мелькали у него в голове. Он сделал новое основание для костра, теперь уже на открытом месте, где ни одна предательская ель не могла загасить его. Потом набрал прошлогодней травы и сушняку из подлеска. Пальцы его не двигались, поэтому он не выдергивал отдельные веточки, а собирал их горстями. Попадалось много гнилушек и комков зеленого мха, которые для костра не годились, но другого выхода у него не было. Он работал методически, даже набрал охапку толстых сучьев, чтобы подкладывать в огонь, когда костер разгорится. А собака сидела на снегу и неотступно следила за человеком тоскливым взглядом, ибо она ждала, что он даст ей огонь, а огня все не было. Приготовив топливо, человек полез в карман за вторым завитком березовой коры. Он знал, что кора в кармане, и, хотя не мог осязать ее пальцами, все же слышал, как она шуршит под рукой. Сколько он ни бился, он не мог схватить ее. И все время его мучила мысль, что ноги у него коченеют сильнее и сильнее. От этой мысли становилось нестерпимо страшно, но он отгонял ее и преодолевал страх. Он зубами натянул рукавицы и, сначала сидя, а потом стоя, принялся изо всех сил размахивать руками, колотить ими по бедрам, а собака сидела на снегу, обвив пушистым волчьим хвостом передние лапы, насторожив острые волчьи уши, и пристально глядела на человека. И человек, размахивая руками и колотя ладонями по бедрам, чувствовал, как в нем поднимается жгучая зависть к животному, которому было тепло и надежно в его природном одеянии. Немного погодя он ощутил первые отдаленные признаки чувствительности в кончиках пальцев. Слабое покалывание становилось все сильнее, пока не превратилось в невыносимую боль, но он обрадовался ей. Он скинул рукавицу с правой руки и вытащил кору из кармана. Голые пальцы тотчас же снова онемели. Потом он

достал связку серных спичек. Но ледящее дыхание мороза уже сковало его пальцы. Пока он тщетно старался отделить одну спичку, вся связка упала в снег. Он хотел поднять ее, но не мог. Омертвевшие пальцы не могли ни нащупать спички, ни схватить их. Он старался не спешить. Он заставил себя не думать об отмороженных ногах, скулах и носе и сосредоточил все внимание на спичках. Он следил за движением своей руки, пользуясь зрением вместо осязания, и, увидев, что пальцы обхватили связку, сжал их, вернее, захотел сжать, но сообщение было прервано, и пальцы не повиновались его воле. Он натянул рукавицу и яростно начал бить рукой по бедру. Потом обеими руками сгреб спички вместе со снегом себе на колени. Но этого было мало. После долгой возни ему удалось зажать спички между ладонями и поднести их ко рту. Лед затрещал, разламываясь, когда он нечеловеческим усилием разжал челюсти. Он втянул нижнюю губу, приподнял верхнюю и зубами стал отделять спичку. Наконец это удалось, и спичка упала ему на колени. Но и этого было мало. Он не мог подобрать ее. Потом выход нашелся. Он схватил спичку зубами и стал тереть о штанину. Раз двадцать провел он спичкой по бедру, раньше чем она зажглась. Когда пламя вспыхнуло, он, все еще держа спичку в зубах, поднес ее к березовой коре. Но едкий дым горячей серы попал ему в ноздри и в легкие, и он судорожно закашлялся. Спичка упала в снег и погасла. Старик был прав, подумал он, подавляя отчаяние: если температура ниже пятидесяти градусов, нужно идти вдвоем. Он снова заколотил руками, но они не оживали. Тогда он зубами стащил рукавицы с обеих рук. Подхватил ладонями всю связку спичек. Мышцы предплечья не замерзли, и, напрягая их, он крепко сжал спички в ладонях. Потом провел всей связкой по штанине. Вспыхнуло яркое пламя — семьдесят серных спичек запылали как одна! И ни малейшего ветра, можно было не опасаться, что ветер задует огонь. Он отвернул голову, чтобы не вдохнуть удушливый дым, и поднес пылающую связку к березовой коре. Вдруг он почувствовал, что пальцы правой руки оживают. Запахло горелым мясом. Где то глубоко под кожей он ощущал жжение. Потом жжение превратилось в острую боль. Но он терпел, стиснув зубы, неловко прижимая горящие спички к коре; его собственные руки заслоняли пламя, и кора не вспыхивала. Наконец, когда боль стала нестерпима, он разжал руки. Пылающая связка с шипением упала в снег, но кора уже горела. Он начал подкладывать в огонь сухие травинки и тончайшие прутики. Выбирать топливо он не мог, потому что ему приходилось поднимать его ладонями. Замечая на хворосте налипший мох или труху, он отгрызал их зубами. Он бережно и неловко выхаживал огонь. Огонь — это жизнь, и его нельзя упускать. Отлив крови от поверхности тела вызвал озноб, и движения человека становились все более неловкими. И вот большой ком зеленого мха придавил едва разгорающийся огонек. Он хотел сбросить его, но руки дрожали от озноба, и он, ковырнув слишком глубоко, разрушил слабый зародыш костра: тлеющие травинки и прутики рассыпались во все стороны. Он хотел снова сложить их, но, как ни старался, не мог преодолеть дрожи, и крохотный костер разваливался. Хворостинки одна за другой, пыхнув дымком, погасали. Податель огня не выполнил своей задачи. Когда человек с равнодушием отчаяния посмотрел вокруг, взгляд его случайно упал на собаку, сидевшую в снегу напротив него, по другую сторону остатков костра; сгорбившись, она беспокойно ерзала, поднимая то одну, то другую переднюю лапу, и выжидательно, с тоской смотрела на него. Вид собаки навел его на безумную мысль. Он вспомнил рассказ о человеке, который был застигнут пургой и спасся тем, что убил вола и забрался внутрь туши. Он убьет собаку и погрузит руки в ее теплое тело, чтобы они согрелись и ожили. Тогда он разложит новый костер. Он заговорил с собакой, подзывая ее; но его голос звучал боязливо, и это испугало животное, потому что человек никогда не говорил с ней таким голосом. Что то было неладно, врожденная подозрительность помогла ей почуять опасность, — она не знала, какая это опасность, но где то в глубине ее сознания зашевелился смутный страх перед человеком. Она опустила уши и еще беспокойнее заерзала, переступая передними лапами, но не трогалась с места. Тогда человек стал на четвереньки и пополз к собаке. Это еще больше испугало ее, и она опасливо подалась в

сторону. Человек сел на снег, стараясь вернуть себе спокойствие. Потом зубами стянул рукавицы и встал. Прежде всего он посмотрел вниз, чтобы убедиться, что он действительно стоит, потому что его онемевшие ноги не чувствовали земли. Стоило ему стать на ноги, как подозрения собаки рассеялись; а когда он повелительно заговорил с ней голосом, напомнившим ей о биче, она выполнила привычный долг и подошла к нему. Как только она очутилась в двух шагах от него, самообладание покинуло человека. Он бросился на собаку — и искренне удивился, когда оказалось, что руки его не могут хватать, пальцы не сгибаются и не держат. Он забыл, что они отморожены и все больше и больше мертвеют. Но в ту же секунду, прежде чем собака успела убежать, он стиснул ее в объятиях. Потом сел на снег, прижимая ее к себе, а животное вырывалось, рыча и взвизгивая. Но это было все, что он мог сделать: сидеть в снегу и сжимать собаку в объятиях. Он понимал, что ему не убить ее. Это было невозможно. Своими бессильными руками он не мог ни ударить ее ножом, ни задушить. Он выпустил ее, и собака кинулась прочь, поджав хвост и все еще рыча. В двадцати шагах она остановилась и с любопытством, подняв уши, оглянулась на него. Он искал глазами свои руки и, только скользнув взглядом от локтя к запястью, нашел их. Странно, что приходится полагаться на зрение, чтобы найти свои руки. Он начал неистово размахивать ими, колотя себя ладонями по бедрам. Через пять минут кровь быстрее побежала по жилам, и озноб прекратился. Но кисти рук по-прежнему не действовали; у него было такое ощущение, словно они гирями висят на запястьях, — откуда взялось это ощущение, он не мог бы сказать. Гнетущая мысль о близости смерти смутно и вяло шевельнулась в его мозгу. Но тотчас же этот неопределенный страх превратился в мучительное сознание опасности: речь шла уже не о том, отморозит ли он пальцы на руках и ногах, и даже не о том, лишится ли он рук и ног, — теперь это был вопрос жизни и смерти, и надежды на спасение почти не было. Его охватил панический ужас. Он повернулся и побежал по занесенной снегом тропе. Собака последовала за ним. Он бежал без мысли, без цели, во власти такого страха, какого ему еще никогда не приходилось испытывать. Мало помалу, спотыкаясь и увязая в снегу, он снова начал различать окружающее — берега реки, заторы сплавного леса, голые осины, небо над головой. От бега ему стало легче. Он уже не дрожал от холода. Может быть, если и дальше бежать, ноги отойдут; может быть, он даже сумеет добежать до лагеря, где его ждут товарищи. Конечно, несколько пальцев на руках и ногах пропали, и лицо обморожено, но товарищи позаботятся о нем и спасут, что еще можно спасти. И в то же время рассудок говорил ему, что никогда он не доберется до товарищей, что до лагеря слишком далеко, что ноги его слишком заоченели и что скоро он будет мертв и недвижим. Но он не позволял этой мысли всплыть на поверхность и отказывался верить ей. Иногда она вырывалась наружу и требовала внимания, но он отталкивал ее и изо всех сил старался думать о другом. Его удивляло, что он вообще может бежать, потому что ноги совсем омертвели и он не чувствовал, как они несут его тяжесть и как касаются земли. Тело словно скользило по поверхности, не задевая ее. Он как то видел на картинке крылатого Меркурия, и ему пришло в голову, что, должно быть, у Меркурия было такое же ощущение, когда он скользил над землей. В его плане добежать до лагеря имелся существенный изъян; у него не было сил выполнить его. Он то и дело оступался, потом ноги у него стали заплетаться, и наконец он свалился в снег. Встать он уже не мог. Надо посидеть и отдохнуть, решил он, а потом просто пойти шагом. Посидев и отдышавшись, он почувствовал, что хорошо согрелся. Его не трясло, и по всему телу даже разливалась приятная теплота. Но, дотронувшись до щек и носа, он убедился, что они все еще бесчувственны. Даже от бега они не отошли. Потом его поразила мысль, что отмороженная площадь тела, вероятно, становится все больше. Он хотел отогнать эту мысль, забыть ее, старался думать о другом; он понимал, что это внушает ему ужас, и боялся поддаться ужасу. Но мысль не уходила, она сверлила мозг, пока он не увидел себя полностью заоченевшим. Это было свыше его сил, и он снова как безумный бросился бежать по снежной тропе. Потом перешел на шаг, но мысль о том, что

он замерзнет насмерть, подгоняла его. А собака неотступно бежала за ним по пятам. Когда он упал во второй раз, она села против него, обвив хвостом передние лапы, зорко и настороженно приглядываясь к нему. Увидев собаку, которой было тепло и надежно в ее шкуре, он пришел в ярость и до тех пор ругал и проклинал ее, пока она не повесила уши, словно прося прощения. На этот раз озноб возобновился быстрее, чем после первого падения. Мороз брал верх над ним, вползал в его тело со всех сторон. Он принудил себя встать, но, пробежав не больше ста футов, зашатался и со всего роста грохнулся оземь. Это был его последний приступ страха. Отдышавшись и придя в себя, он сел на снег и стал готовиться к тому, чтобы встретить смерть с достоинством. Впрочем, он думал об этом не в таких выражениях. Он говорил себе, что нет ничего глупее, чем бегать, как курица с отрезанной головой, — почему то именно это сравнение пришло ему на ум. Ну что же, раз все равно суждено замерзнуть, то лучше уж держать себя пристойно. Вместе с внезапно обретенным покоем пришли первые предвестники сонливости. Неплохо, подумал он, заснуть насмерть. Точно под наркозом. Замерзнуть вовсе не так страшно, как думают. Бывает смерть куда хуже. Он представил себе, как товарищи завтра найдут его, и вдруг увидел самого себя: он идет вместе с ними по тропе, разыскивая свое тело. И вместе с ними он огибает поворот дороги и видит себя лежащим на снегу. Он отделился от самого себя и, стоя среди товарищей, смотрел на свое распростертое тело. А мороз нешуточный, что и говорить. Вот вернусь в Штаты и расскажу дома, что такое настоящий холод, подумал он. Потом ему пригрезился старик с Серного ручья. Он ясно видел его, тот сидел, греясь у огня, и спокойно покуривал трубку. — Ты был прав, старый хрыч, безусловно прав, — пробормотал он, обращаясь к старику. Потом он погрузился в такой сладостный и успокоительный сон, какого не знал за всю свою жизнь. Собака сидела против него и ждала. Короткий день угасал в долгих, медлительных сумерках. Костра не предвиделось, да и опыт подсказывал собаке, что не бывает так, чтобы человек сидел на снегу и не разводил огня. Когда сумерки сгустились, тоска по огню с такой силой овладела собакой, что она, горбясь и беспокойно переступая лапами, тихонько заскулила и тут же прижала уши в ожидании сердитого окрика. Но человек молчал. Тогда собака заскулила громче. Потом, подождав еще немного, подползла к человеку и почуяла запах смерти. Собака попятилась от него, шерсть у нее встала дыбом. Она еще помедлила, протяжно воя под яркими звездами, которые кувыркались и приплясывали в морозном небе. Потом повернулась и быстро побежала по снежной тропе к знакомому лагерю, где были другие податели корма и огня.

ТЕКСТ 2. СЫН ВОЛКА

Мужчина редко понимает, как много значит для него близкая женщина, - во всяком случае, он не ценит ее по-настоящему, пока не лишится семьи. Он не замечает тончайшего, неуловимого тепла, создаваемого присутствием женщины в доме; но едва оно исчезнет, в жизни его образуется пустота, и он смутно тоскует о чем-то, сам не зная, чего же ему недостает. Если его товарищи не более умудрены опытом, чем он сам, они с сомнением покачают головами и начнут пичкать его сильнодействующими лекарствами. Но голод не отпускает - напротив, мучит все сильнее; человек теряет вкус к обычному, повседневному существованию, становится мрачен и угрюм; и вот в один прекрасный день, когда сосущая пустота внутри становится нестерпимой, его, наконец, осеняет.

Когда такое случается с человеком на Юконе, он обычно снаряжает лодку, если дело происходит летом, а зимою запрягает своих собак - и устремляется на юг. Несколько месяцев спустя, если он одержим Севером, он возвращается сюда вместе с женою, которой придется разделить с ним любовь к этому холодному краю, а заодно все труды и тяготы. Вот лишнее доказательство чисто

мужского эгоизма! И тут поневоле вспоминается история, приключившаяся с Бирюком Маккензи в те далекие времена, когда Клондайк* еще не испытал золотой лихорадки и нашествия чечако** и славился только как место, где отлично ловится лосось.

В Бирюке Маккензи с первого взгляда можно было узнать пионера, осваивателя земель. На лицо его наложили отпечаток двадцать пять лет непрерывной борьбы с грозными силами природы; и самыми тяжелыми были последние два года, проведенные в поисках золота, таящегося под сенью Полярного круга. Когда щемящее чувство пустоты овладело Бирюком, он не удивился, так как был человек практический и уже встречал на своем веку людей, пораженных тем же недугом. Но он ничем не обнаружил своей болезни, только стал работать еще яростнее. Все лето он воевал с комарами и, разжившись снаряжением под долю в будущей добыче, занимался промывкой песка в низовьях реки Стюарт. Потом связал плот из солидных бревен, спустился по Юкону до Сороковой Мили и построил себе отличную хижину. Это было такое прочное и уютное жилище, что немало нашлось охотников разделить его с Бирюком. Но он несколькими словами, на удивление краткими и выразительными, разбил вдребезги все их надежды и закупил в ближайшей фактории двойной запас провизии.

Как уже сказано, Маккензи был человек практический. Обычно, чего-нибудь захотев, он добивался желаемого и при этом по возможности не изменял своим привычкам и не уклонялся от своего пути. Тяжелый труд и испытания были Бирюку не в новинку, однако ему ничуть не улыбалось проделать шестьсот миль по льду на собаках, потом плыть за две тысячи миль через океан и, наконец, еще ехать добрую тысячу миль до мест, где он жил прежде, - и все это лишь затем, чтоб найти себе жену. Жизнь слишком коротка. А потому он запряг своих собак, привязал к нартам несколько необычный груз и двинулся по направлению к горному хребту, на западных склонах которого берет начало река Танана.

Он был неутомим в пути, а его собаки считались самой выносливой, быстроногой и неприхотливой упряжкой на Юконе. И три недели спустя он появился в становище племени стиксов с верховий Тананы. Все племя пришло в изумление, увидев его. О стиксах с верховий Тананы шла дурная слава; им не раз случалось убивать белых из-за такого пустяка, как острый топор или сломанное ружье. Но Бирюк Маккензи пришел к ним один, и во всей его повадке была очаровательная смесь смирения, непринужденности, хладнокровия и нахальства. Нужно большое искусство и глубокое знание психологии дикаря, чтобы успешно пользоваться столь разнообразным оружием; но Маккензи был великий мастер в этих делах и хорошо знал, когда надо подольститься, а когда метать громы и молнии.

Прежде всего он засвидетельствовал свое почтение вождю племени Тлинг-Тиннеху, преподнес ему несколько фунтов черного чаю и табаку и тем завоевал его благосклонность. Затем свел знакомство с мужчинами и девушками племени и в тот же вечер задал им потлач*. В снегу была вытоптана овальная площадка около ста футов в длину и двадцать пять в ширину. Посередине развели огромный костер, по обе его стороны настлали еловых веток. Все племя высыпало из вигвамов, и добрая сотня глоток затянула в честь гостя индейскую песню.

За эти два года Бирюк Маккензи выучился языку индейцев - запомнил несколько сот слов, одолел гортанные звуки, затейливые формы и обороты, выражения почтительности, частицы и приставки. И вот он стал ораторствовать, подделываясь под их речь, полную первобытной поэзии, не скупясь на аляповатые красоты и корявые метафоры. Тлинг-Тиннех и шаман отвечали ему в том же стиле, потом он оделил мужчин мелкими подарками, вместе с ними

распевал песни и показал себя искусным игроком в их любимой азартной игре <пятьдесят два>.

Итак, они курили его табак и были очень довольны. Однако молодежь племени держалась по-иному - тут чувствовались и вызов и похвальба; и нетрудно было понять, в чем дело, - стоило прислушаться к хихиканью молодых девушек и грубым намекам беззубых старух. Они знавали не так уж много белых людей - Сыновой Волка, - но эти немногие преподали им кое-какие уроки.

При всей своей кажущейся беззаботности Бирюк Маккензи отлично это замечал. По правде сказать, забравшись на ночь в спальный мешок, он все обдумал еще раз, обдумал с величайшей серьезностью и немало трубок выкурил, разрабатывая план кампании. Из всех девушек только одна привлекла его внимание, и не кто-нибудь, а сама Заринка, дочь вождя. Она резко выделялась среди своих соплеменниц; черты ее лица, фигура, осанка больше отвечали представлениям белого человека о красоте. Он добьется этой девушки, он возьмет ее в жены и назовет... да, он будет звать ее Гертрудой! Придя к этому решению, Маккензи повернулся на бок и уснул - истинный сын рода победителей.

Это была нелегкая задача, она требовала времени и труда, но Бирюк Маккензи действовал хитро, и вид у него при этом был самый беспечный, что совсем сбивало индейцев с толку. Он постарался доказать мужчинам, что он превосходный стрелок и бесподобный охотник, и все становище рукоплескало ему, когда он уложил лося выстрелом с шестисот ярдов. Однажды вечером он посетил вождя Тлинг-Тиннеха в его вигваме из лосиных и оленьих шкур, он хвастал без удержу и не скупился на табак. Не упустил он случая оказать ту же честь и шаману: он ведь хорошо понимал, как прислушивается племя к слову колдуна, и хотел непременно заручиться его поддержкой. Но сей почтенный муж держался до крайности надменно, не пожелал сменить гнев на милость, и Маккензи уверенно занес его в список будущих противников.

Случая поговорить с Заринкой не представлялось, но Маккензи то и дело поглядывал на нее, давая понять, каковы его намерения. И она, разумеется, отлично поняла его, но из кокетства окружала себя целой толпой женщин всякий раз, как мужчины были далеко и Бирюк мог бы к ней подойти. Но он не торопился; притом он знал, что она поневоле думает о нем, - так пусть подумает еще денек-другой, это ему только на руку.

Наконец однажды вечером он решил, что настало время действовать; внезапно поднявшись, он вышел из душного, прокуренного жилища вождя и быстро прошел в соседний вигвам. Заринка по обыкновению сидела окруженная женщинами и молодыми девушками; все они были заняты делом: шили мокасины или расшивали бисером одежду. Маккензи встретили взрывом смеха, посыпались шуточки по адресу его и Заринки; но он без церемоний, одну за другой вышвырнул женщин из вигвама прямо на снег, и они разбежались по становищу, чтобы всем рассказать о случившемся.

Он весьма убедительно изложил Заринке все, что хотел сказать, на ее родном языке (его языка она не знала) и часа через два собрался уходить.

- Так, значит, Заринка пойдет жить в вигвам белого человека? Хорошо! Сейчас я поговорю с твоим отцом, может быть, он еще и не согласен. Я дам ему много даров, но пусть он не спрашивает лишнего. А вдруг он скажет <нет>, говоришь ты? Что ж, хорошо! Заринка все равно пойдет в вигвам белого человека.

Он уже поднял шкуру, которой был завешен вход, но тут девушка негромко окликнула его, и он тотчас вернулся. Она опустила на колени на устилавший пол медвежий мех; лицо ее сияло тем светом, каким светятся лица истинных дочерей Евы; она робко расстегнула тяжелый пояс Маккензи. Он смотрел на нее с недоумением, опасливо прислушиваясь к каждому шороху снаружи. Но следующий жест девушки рассеял его подозрения, и он улыбнулся, польщенный. Она достала из мешка,

где лежало ее рукоделие, ножны из шкуры лося; на них были вышиты бисером яркие фантастические узоры. Вытащила большой охотничий нож Маккензи, почтительно поглядела на острое лезвие, осторожно потрогала его пальцем и вложила в новые ножны. Потом надела их на пояс и сдвинула на обычное место - у левого бедра.

Право же, это было совсем как сцена из далекой старины: дама и ее рыцарь. Маккензи поднял девушку на ноги и коснулся усами ее алых губ – для нее это была незнакомая, чуждая ласка, ласка Волка. Так встретился каменный век с веком стали.

Когда Бирюк Маккензи с объемистым свертком под мышкой вновь появился на пороге шатра Тлинг-Тиннеха, вокруг чувствовалось необычайное оживление.

Дети бегали по становищу, стаскивали сучья и хворост для потлача, болтовня женщин стала громче, молодые охотники сходились кучками и мрачно переговаривались, а из жилища шамана доносились зловещие звуки заклинаний.

Вождь сидел один со своей женой, смотревшей прямо перед собой тусклыми, остановившимися глазами, но Маккензи тотчас понял, что то, о чем он собирается говорить, тут уже известно. Он передвинул вышитые бисером ножны на самое видное место в знак того, что обручение совершилось, и немедленно приступил к делу.

- О Тлинг-Тиннех, могучий повелитель племени стиксов и всей страны Танана, властелин лосося и медведя, лося и оленя! Белого человека привела к тебе великая цель. Уже много лун жилище его пусто, и он одинок. Сердце его тоскует в тиши и томится о женщине - пусть сидит рядом с ним в его жилище, пусть встречает его, когда он возвращается с охоты, разводит огонь в очаге и готовит пищу. Белому человеку чудились странные вещи, он слышал топот маленьких мокасин и детские голоса. И однажды ночью ему было видение. Ворон - твой предок, великий Ворон, отец племени стиксов – явился ему и заговорил с ним. И вот что сказал Ворон одинокому белому человеку:

Надень мокасины, и стань на лыжи, и нагрузи свои нарты припасами для многих переходов и богатыми дарами, предназначенными вождю Тлинг-Тиннеху, ибо ты должен обратиться лицом в ту сторону, где прячется за край земли весеннее солнце, и держать путь в края, где охотится великий Тлинг-Тиннех.

Туда привезешь ты щедрые подарки, и сын мой - Тлинг-Тиннех - станет тебе отцом. В его вигваме есть девушка, в которую я для тебя вдохнул дыхание жизни. Эту девушку возьмешь ты в жены. Так говорил великий Ворон, о вождь. Вот почему я кладу эти дары к твоим ногам. Вот почему я пришел взять в жены твою дочь.

Старый вождь царственным жестом плотнее завернулся в свою меховую одежду, но медлил с ответом. В это время в шатер проскользнул мальчишка, сообщил, что вождя ждут на совет племени, и тотчас исчез.

- О белый человек, которого мы называли Грозой Лосей, известный также под именем Волка и Сына Волка! Мы знаем, ты приходишь из великого племени; мы горды тем, что ты был нашим гостем; но кета не пара лосою.

Так и Волк не пара Ворону.

- Неверно! - воскликнул Маккензи. - Я встречал дочерей Ворона в лагерях Волка - у Мортимера, у Треджидго, у Бэрнеби, - в его жилище скво* вошла два ледохода назад; и я слышал, что есть еще и другие, хоть и не видел их собственными глазами.

- Ты говоришь правду, мой сын, но это дурные браки: все равно что брак воды с песком, снежинки с солнцем. А встречал ли ты человека по имени Мэйсон и его скво? Нет? Он первым из Волков пришел сюда, десять ледоходов тому назад. С ним был великан, могучий, как медведь гризли, и стройный, как побег ивы, с сердцем, точно полная луна летом. Так вот, его...

- Да это Мэйлмют Кид! - прервал Маккензи, узнав по описанию личность, хорошо известную всем на Севере.

- Это он, великан. Но видел ли ты когда-нибудь скво Мэйсона? Она родная сестра Заринки.

- Нет, вождь, я не видал ее, но слышал о ней. Далеко-далеко на Севере обрушилась под тяжестью лет вековая сосна и, падая, убила Мэйсона. Но любовь его была велика, и у него было много золота. Женщина взяла золото, взяла сына, которого оставил он ей, и пустилась в долгий путь, и через несчетное множество переходов прибыла в страну, где и зимой светит солнце... Там она живет до сих пор, там нет свирепых морозов, нет снега, летом в полночь не светит солнце, а зимой в полдень не царит мрак.

Тут их прервал второй гонец и сказал, что вождя требуют в совет. Вышвырнув его в снег, Маккензи мельком заметил раскачивающиеся фигуры вокруг огня, где собрался совет племени, услышал размеренное пение низких мужских голосов и понял, что шаман раздувает гнев в людях племени. Время не ждало. Маккензи обернулся к вождю.

- Слушай! - сказал он. - Я хочу взять твою дочь в жены. Смотри: вот табак, вот чай, много чашек сахара, вот теплые одеяла и большие, крепкие платки, а вот настоящее ружье, и к нему много патронов и много пороха.

- Нет, - возразил старик, силясь не поддасться соблазну огромного богатства, разложенного перед ним. - Сейчас собралось на совет мое племя. Оно не захочет, чтоб я отдал тебе Заринку.

- Но ведь ты вождь.

- Да, но юноши наши разгневаны, потому что Волки отнимают у них невест.

- Слушай, Тлинг-Тиннех! Прежде чем эта ночь перейдет в день, Волк погонит своих собак к Восточным Горам и дальше - на далекий Юкон. И Заринка будет прокладывать путь его собакам.

- А может быть, прежде чем эта ночь достигнет середины, мои юноши бросят мясо Волка собакам, и кости его будут валяться под снегом, пока снег не растает под весенним солнцем.

Угроза в ответ на угрозу. Бронзово-смуглое лицо Маккензи залилось краской. Он возвысил голос. Старуха, жена вождя, до этой минуты остававшаяся бесстрашной зрительницей, попыталась проскользнуть мимо него к выходу. Пение оборвалось, послышался гул множества голосов; Маккензи грубо отбросил старуху на ее ложе из шкур.

- Снова я взываю к тебе - слушай, о Тлинг-Тиннех! Волк умирает, сомкнув челюсти, и вместе с ним навсегда уснут десять сильнейших мужчин твоего племени, - а в мужчинах будет нужда, время охоты только начинается, и до начала рыбной ловли осталось не так уж много лун. И что пользы тебе от того, что я умру? Я знаю обычаи твоего народа: не много из моих богатств придется на твою долю. Отдай мне твою дочь - и все достанется тебе одному. И еще скажу тебе: сюда придут мои братья - их много, и они ненасытны, - и дочери Ворона станут рождать детей в жилищах Волка. Мое племя сильнее твоего. Такова судьба. Отдай мне дочь, и все эти богатства - твои.

Снаружи заскрипел под мокасинами снег. Маккензи вскинул ружье и расстегнул кобуры обоих револьверов на поясе.

- Отдай, о Тлинг-Тиннех!

- Но мой народ скажет <нет>!

- Отдай, и это богатство - твое. А с твоим народом я поговорю потом.

- Пусть будет, как хочет Волк. Я возьму дары, но помни, я тебя предупреждал.

Маккензи передал ему подарки, не забыв поднять предохранитель ружья, и дал в придачу ослепительно пестрый шелковый платок. Тут вошел шаман в сопровождении пяти или шести молодых воинов, но Маккензи дерзко растолкал их и вышел из шатра.

- Собирайся! - вместо приветствия коротко бросил он Заринке, проходя мимо ее вигвама, и поспешно стал запрягать собак.

Через несколько минут он явился на совет, ведя за собой свою упряжку; девушка шла бок о бок с ним. Он занял место в верхнем конце утоптанной площадки, рядом с вождем. Заринке он указал место слева от себя, на шаг позади, как ей и подобало. Притом в час, когда можно ждать недоброго, надо, чтобы кто-нибудь охранял тебя с тыла.

Справа и слева склонились к огню мужчины, голоса их слились в древней, полузабытой песне. Нельзя сказать, чтобы она была красива, эта песня, - вся из странных, неожиданных переходов, внезапных пауз, навязчивых повторений. Вернее всего, пожалуй, назвать ее страшной. В дальнем конце площадки с десятков женщин кружились перед шаманом в обрядовой пляске. И шаман гневно выговаривал тем, кто недостаточно самозабвенно отдавался исполнению обряда. Наполовину окутанные распущенными черными, как вороново крыло, волосами, женщины медленно раскачивались взад и вперед, и тела их изгибались, покорные непрестанно меняющемуся ритму.

Странное это было зрелище, чистейший анахронизм. Дальше к югу был на исходе девятнадцатый век, истекали последние годы его последнего десятилетия, - а здесь процветал первобытный человек, тень доисторического пещерного жителя, забытый обломок Древности. Большие рыжие псы сидели рядом со своими одетыми в звериные шкуры хозяевами или дрались из-за места у огня, и отблески костра играли в их налитых кровью глазах, на влажных клыках. Дремучий лес, окутанный призрачным снежным покровом, спал непробудно, не тревожимый происходящим. Белое Безмолвие, на краткий миг отброшенное к дебрям, обступившим становище, словно готовилось вновь заполнить все; звезды дрожали и плясали в небе, как всегда в пору Великого Холода, и Полярные Духи раскинули по всему небосклону свои сияющие огненные одежды.

Бирюк Маккензи, смутно сознавая дикое величие этой картины, обвел взглядом ряды неподвижных фигур в меховых одеждах, высматривая, кого не хватает. На мгновение глаза его остановились на новорожденном младенце, мирно сосавшем обнаженную грудь матери. Было сорок градусов ниже нуля - семьдесят с лишним градусов мороза. Маккензи подумал о нежных женщинах своего народа и хмуро улыбнулся. И, однако, он, рожденный одной из тех нежных женщин, унаследовал то, что давало ему и его сородичам власть над сушей и морем, над животными и людьми во всех краях земли. Один против ста, в недрах арктической зимы, вдалеке от родных мест, чувствовал он зов этого наследия - волю к власти, безрассудную любовь к опасностям, боевой пыл, решимость победить или умереть.

Пение и пляски прекратились, и шаман разразился речью. Сложными и запутанными примерами из богатой мифологии индейцев он умело действовал на легковверных слушателей. Он говорил сильно и убедительно. Воплощению мирного созидательного начала - Ворону - он противопоставил Волка-Маккензи, заклеив его как воплощение начала воинственного и разрушительного. Борьба этих начал не только духовная, борются и люди - каждый во имя своего тотема*. Племя стиксов - дети Джелкса, Ворона, носителя прометеява огня; Маккензи - сын Волка, иными словами - дьявола. Попытаться приостановить эту извечную войну двух начал, отдавать дочерей племени в жены заклятому врагу - значит совершать величайшее предательство и кощунство. Самые резкие слова, самые гнусные оскорбления еще слишком мягки для Маккензи - ядовитого змея, коварно пытающегося вкрасться к ним в доверие, посланника самого сатаны. Тут слушатели глухо, грозно заворчали, а шаман продолжал:

- Джелкс всемогущ, братья мои! Не он ли принес на землю небесный огонь, чтобы мы могли согреться? Не он ли извлек солнце, месяц и звезды из их небесных нор, чтобы мы могли видеть? Не он ли научил нас бороться с духами Голода и Мороза? А ныне Джелкс разгневался на своих детей, и от племени осталась жалкая горсточка, и Джелкс не поможет им. Ибо они забыли его, они дурно поступают, и идут по дурным тропам, и вводят его врагов в свои вигвамы, и сажают у своего очага. И Ворон скорбит о злонаравии своих детей. Но, когда они поймут глубину своего падения и докажут, что они вернулись к Джелксу, он выйдет из мрака им на помощь. О братья! Носитель Огня поведал шаману свою волю, - теперь послушайте ее вы. Пусть юноши отведут девушек в свои вигвамы, а сами ринутся на Волка, и пусть их ненависть не ослабевает! Тогда женщины будут рожать детей, и народ Ворона станет многочисленным и могущественным. И Ворон выведет великие племена их отцов и дедов с Севера, и они будут сражаться с Волками, пока не превратят их в ничто, в пепел прошлогоднего костра, а сами снова станут властелинами всей страны. Так сказал Джелкс, Ворон!

Услышав эту весть о близком пришествии мессии, стиксы с хриплым воплем вскочили на ноги. Маккензи высвободил большие пальцы из рукавиц и ждал. Раздались крики: Лис! Лис! Они становились все громче; наконец один из молодых охотников выступил вперед и заговорил:

- Братья! Шаман сказал мудрые слова. Волки отнимают наших женщин, и некому рожать нам детей. Нас осталась горсточка. Волки отнимают у нас теплые меха и дают нам взамен злого духа, живущего в бутылке, и одежды, сделанные не из шкуры бобра или рыси, но из травы. И эти одежды не дают тепла, и наши люди умирают от непонятных болезней. У меня, Лиса, нет жены.

А почему? Дважды девушки, которые нравились мне, уходили в становище Волка. Вот и сейчас отложил я шкуры бобра, лося, оленя, чтобы завоевать благосклонность Тлинг-Тиннеха и взять в жены его дочь Заринку. И вот, смотрите, она встала на лыжи и готова прокладывать путь собакам Волка. И я говорю не за себя одного. То же самое мог бы сказать Медведь. Он тоже пожелал стать отцом детей Заринки и тоже приготовил много шкур, чтобы отдать Тлинг-Тиннеху. Я говорю за всех молодых охотников, у которых нет жен. Волки вечно голодны. И всегда они берут себе лучшие куски, а нам, Воронам, достаются жалкие остатки.

- Посмотрите, вот Гукла! - и Лис бесцеремонно указал на одну из женщин; она была хромая. - Ноги ее искривлены, точно борта лодки. Она не может собирать дрова и хворост, не может носить за охотниками убитую дичь. Выбрали ее Волки?

- О! О! - вскричали собратья Лиса.

- Вот Мойри, - продолжал он. - Злой дух перекошил ей глаза. Даже младенцы пугаются, глядя на нее, и, говорят, сам медведь уступает ей дорогу. Выбрали ее Волки?

И снова грозный гул одобрения.

- А вот сидит Писчет. Она не слышит моих слов. Никогда она не слышала ни веселой беседы, ни голоса своего мужа, ни лепета своего ребенка. Она живет в Белом Безмолвии. Разве Волки хотя бы взглянули на нее? Нет! Им достается отборная добыча, нам - остатки. Братья, больше так быть не должно! Довольно Волкам рыскать у наших костров! Время настало!

Гигантское огненное полотнище северного сияния - пурпурное, зеленое, желтое пламя - затрепетало в небе, охватив его от края до края. И Лис, запрокинув голову и воздев руки к небесам, воскликнул:

- Смотрите! Духи наших предков восстали! Великие дела совершатся в эту ночь!

Он отступил, и другой молодой охотник нерешительно вышел вперед,

подталкиваемый товарищами. Он был на голову выше всех остальных, широкая грудь обнажена, точно назло морозу. Он переминался с ноги на ногу, слова не шли у него с языка, он был застенчив и неловок. Страшно было смотреть на его лицо: когда-то его, видимо, изорвало, исковеркало каким-то чудовищной силы ударом. Наконец он гулко ударил себя кулаком в грудь, точно в барабан, и заговорил; голос его звучал глухо, как шум прибоя в пещере на берегу океана.

- Я Медведь, Серебряное Копье и сын Серебряного Копья. Когда мой голос был еще звонок, как голос девушки, я убивал рысь, лося и оленя; когда он зазвучал, как крик росомахи в ловушке, я пересек Южные Горы и убил троих из племени Белой реки; когда он стал, как рев Чинука, я встретил медведя гризли - и я не уступил ему дороги.

Он помедлил, многозначительно провел ладонью по страшным шрамам на лице. Потом продолжал:

- Я не Лис. Язык мой замерз, как река. Я не умею красно говорить. Слов у меня немного. Лис говорит: <Великие дела совершатся в эту ночь. Хорошо! Речь его бежит с языка, точно река в половодье, но на дела он совсем не так щедр. Сегодня ночью я буду сражаться с Волком. Я убью его, и Заринка сядет у моего очага. Я, Медведь, сказал.

Настоящий ад бушевал вокруг, но Маккензи был тверд. Хорошо понимая, что ружье на таком близком расстоянии бесполезно, он незаметно передвинул вперед на поясе обе кобуры, готовясь пустить в дело револьверы, и спустил рукавицы так низко, что они теперь висели у него на пальцах. Он знал - если на него нападут все разом, ему не на что надеяться, и, верный своей недавней похвальбе, намеревался умереть, сомкнув челюсти на горле врага. Но Медведь сдержал своих братьев, отбросил самых пылких назад ударами страшного кулака. Буря начала стихать, и Маккензи мельком взглянул на Заринку. Это было великолепное зрелище. Стоя на лыжах, она вся подалась вперед, губы ее приоткрылись, ноздри трепетали - совсем тигрица перед прыжком. В больших черных глазах ее, устремленных на сородичей, был и страх и вызов. Все ее существо напряглось, как натянутая тетива, она даже дышать забывала. Она так и застыла, судорожно прижав одну руку к груди, стиснув в другой длинный бич. Но как только Маккензи взглянул на нее, Заринку словно отпустило. Напряженные мышцы ослабли, она глубоко вздохнула, выпрямилась и ответила ему взглядом, полным безграничной преданности.

Тлинг-Тиннех пытался заговорить, но голос его утонул в общем крике. И тут Маккензи выступил вперед. Лис открыл было рот, но тотчас шарахнулся назад, и пронзительный вопль застрял у него в глотке - с таким бешенством обернулся к нему Маккензи. Поражение Лиса было встречено взрывами хохота - теперь его соплеменники готовы были слушать.

- Братья! - начал Маккензи. - Белый человек, которого вы называете Волком, пришел к вам с открытой душой. Он не станет лгать, подобно иннуиту. Он пришел как друг, как тот, кто хочет стать вам братом. Но ваши мужчины сказали свое слово, и время мирных речей прошло. Так слушайте: прежде всего ваш шаман - злой болтун и лживый прорицатель, и воля, которую он передал вам, - не воля Носителя Огня. Уши его глухи к голосу Ворона, он сам сочиняет коварные небылицы, и он обманул вас. Он бессилен. Когда вам пришлось убить и съесть своих собак и на желудке у вас была тяжесть от сыромятной кожи мокасин; когда умирали старики, и умирали старухи, и младенцы умирали у иссохшей груди матери; когда ваша земля была окутана тьмою и все живое ггло, точно лосось в осеннюю пору; да, когда голод обрушился на вас, - разве ваш шаман принес удачу охотникам? Разве он наполнил мясом ваши желудки? Опять скажу вам: шаман бессилен. Вот, я плюю ему в лицо!

Все были поражены этим кощунством, но никто не крикнул. Иные женщины перепугались, мужчины же в волнении ждали чуда. Все взоры обратились на двух главных героев происходящего. Жрец понял, что настала решающая минута, почувствовал, что власть его колеблется, и уже готов был разразиться угрозами, но передумал: Маккензи занес кулак и шагнул к нему - свирепый, со сверкающими глазами. Шаман злобно усмехнулся и отступил.

- Что ж, поразила меня внезапная смерть? Сожгло меня молнией? Или, может, звезды упали с неба и раздавили меня? Тьфу! Я покончил с этим псом. Теперь я скажу вам о моем племени, могущественнейшем из племен, которое владычествует во всех землях. Сначала мы охотимся, как я, в одиночку. Потом охотимся стаями и, наконец, как олени стада, заполняем весь край. Те, кого мы берем в свои вигвамы, остаются в живых, остальных ждет смерть.

Заринка красивая девушка, крепкая и сильная, она будет хорошей матерью Волков. Вы можете убить меня, но она все равно станет матерью Волков, ибо мои братья многочисленны, и они придут по следу моих собак. Слушайте, вот Закон Волка: если ты отнимешь жизнь у одного Волка, десятеро из твоего племени заплатят за это своей жизнью. Эту цену платили уже во многих землях, во многих землях ее еще будут платить.

Теперь я буду говорить с Лисом и с Медведем. Видно, им приглянулась эта девушка. Так? Но смотрите - я купил ее! Тлинг-Тиннех опирается на мое ружье, и еще я дал за нее другие товары, которые лежат у его очага. И все-таки я буду справедлив к молодым охотникам. Лису, у которого язык пересох от долгих речей, я дам табак - пять больших пачек. Пусть рот его вновь увлажнится, чтоб он мог всласть шуметь на совете. Медведю же - я горжусь знакомством с ним - я дам два одеяла, двадцать чашек муки, табак

вдвое больше, чем Лису; а если он пойдет со мной к Восточным Горам, я дам ему еще и ружье, такое же, как у Тлинг-Тиннеха. А если он не хочет? Что ж, хорошо! Волк устал говорить. Но он еще раз повторит вам Закон: если ты отнимешь жизнь у одного Волка, десятеро из твоего племени заплатят за это своей жизнью.

Маккензи улыбнулся и отступил на прежнее место, но на душе у него было беспокойно. Ночь была еще совсем темна. Девушка стала рядом с Маккензи и наскоро рассказывала, какие хитрости пускает в ход Медведь, когда дерется на ножах, и Маккензи внимательно слушал.

Итак, решено - они будут биться. Мигом десятки мокасин расширили утоптанную площадку вокруг огня. Немало тут было и разговоров о поражении, которое у всех на глазах потерпел шаман; некоторые уверяли, что он еще покажет свою силу, другие вспоминали разные события минувшего и соглашались с Волком. Медведь выступил вперед, в руке у него был обнаженный охотничий нож русской работы. Лис обратил общее внимание на револьверы Маккензи, и тот, сняв свой пояс, надел его на Заринку и передал ей свое ружье. Она покачала головой в знак того, что не умеет стрелять: откуда женщине знать, как обращаться со столь драгоценным оружием.

- Тогда, если опасность придет сзади, крикни громко: Муж мой! Нет, вот так: Муж мой!

Он рассмеялся, когда она повторила незнакомое английское слово, ущипнул ее за щеку и вернулся в круг. Медведь превосходил его не только ростом, у него и руки были длиннее и нож длиннее на добрых два дюйма. Бирюку Маккензи случалось и прежде смотреть в глаза противнику, и он сразу понял, что перед ним настоящий мужчина; и, однако, он весь ожил при виде сверкнувшей стали, и, послушная зову предков, кровь быстрее побежала в его жилах.

Снова и снова противник отбрасывал его то к самому костру, то в глубокий снег, но снова и снова, шаг за шагом, как опытный боксер, Маккензи отжимал его к центру. Никто не крикнул ему ни единого слова

одобрения, тогда как его соперника подбадривали похвалами, советовали, предостерегали. Но Маккензи только крепче стискивал зубы, когда со звоном сталкивались лезвия ножей, и нападал или отступал с хладнокровием, которое рождается из сознания своей силы. Сперва он ощущал невольную симпатию к врагу, но это чувство исчезло перед инстинктом самосохранения, который, в свою очередь, уступил место жажде убийства. Десять тысяч лет цивилизации слетели с Маккензи, как шелуха, и он стал просто пещерным жителем, сражающимся из-за самки.

Дважды он достал Медведя ножом и ускользнул невредимый; но на третий раз, чтобы избежать удара, ему пришлось схватиться с Медведем вплотную -каждый свободной рукой стиснул руку другого, вооруженную ножом. И тут Маккензи почувствовал всю ужасающую силу соперника. Мышцы его мучительно свело, все связки и сухожилия готовы были лопнуть от напряжения... а лезвие русской стали все ближе, ближе... Он попытался оторваться от противника, но только ослабил свою позицию. Кольцо людей в меховых одеждах сомкнулось теснее, - никто не сомневался, что близок последний удар, и

всем не терпелось его увидеть. Но приемом опытного борца Маккензи откатнулся в сторону и ударил противника головой. Медведь невольно попятился, потерял равновесие. Маккензи мгновенно воспользовался этим и, всей тяжестью обрушившись на Медведя, отшвырнул его за круг зрителей, в глубокий, неуютанный снег. Медведь с трудом выбрался оттуда и ринулся на Маккензи.

- О муж мой! - зазвенел голос Заринки, предупреждая о близкой опасности.

Загудела тетива, но Маккензи уже успел пригнуться, - стрела с костяным наконечником, пролетев над ним, вонзилась в грудь Медведя, и тот тяжело упал, подмявая под себя противника. Секунду спустя Маккензи был снова на ногах. Медведь лежал без движения, но по ту сторону костра шаман готовился пустить вторую стрелу.

Маккензи схватил тяжелый нож за конец лезвия, коротко взмахнул им. Сверкнув, как молния, нож пролетел над костром. Лезвие вонзилось шаману в горло по самую рукоятку, он зашатался и рухнул на пылающие уголья.

Клик! Клик! - Лис завладел ружьем Тлинг-Тиннеха и тщетно пытался загнать патрон в ствол, но тотчас выронил ружье, услышав хохот Бирюка.

- Так, значит, Лис еще не научился обращаться с этой игрушкой? Стало быть, Лис пока еще женщина? Поди сюда! Дай ружье, я покажу тебе, что надо делать.

Лис колебался.

- Поди сюда, говорят тебе!

И Лис подошел, неловкий, как побитый щенок.

- Вот так и так - и все в порядке.

Патрон скользнул на место, щелкнул курок, Маккензи вскинул ружье к плечу.

- Лис сказал, что великие дела совершатся в эту ночь, и он говорил правду. Великие дела совершились, но их совершил не Лис. Что же, он все еще намерен взять Заринку в свой вигвам? Он желает пойти той тропой, которую проложили шаман и Медведь? Нет? Хорошо!

Маккензи презрительно отвернулся и вытащил свой нож из горла шамана.

- Может быть, кто-нибудь другой из молодых охотников этого хочет?

Если так, Волк отправит их той же дорогой - по двое, по трое, пока ни одного не останется. Никто не хочет? Хорошо. Тлинг-Тиннех, второй раз я отдаю тебе это ружье. Если когда-нибудь ты отправишься на Юкон, знай, что в жилище Волка тебя всегда ждет место у очага и вдоволь еды. А теперь ночь переходит в день. Я ухожу, но, возможно, я еще вернусь. И в последний раз говорю: помните Закон Волка!

Он подошел к Заринке, а они смотрели на него, как на какое-то сверхъестественное существо. Заринка заняла свое место впереди упряжки, и собаки

пошли. Несколько минут спустя призрачный снежный лес поглотил их. И тогда стоявший неподвижно Маккензи, в свою очередь, стал на лыжи, готовый двинуться следом.

- Разве Волк забыл про пять больших пачек табаку?

Маккензи гневно обернулся к Лису, но тут же ему стало смешно.

- Я дам тебе одну маленькую пачку.

- Как будет угодно Волку, - скромно сказал Лис и протянул руку.

Незнакомые слова

* Клондайк - приток Юкона, где в 1896 году были найдены богатейшие россыпи золота.

** Чечачо - новички.

** * Сяквяю - женщина (на языках североамериканских индейцев).

**** Тяоятяем - знак племени с изображением животного, растения или какого-либо элемента природы, которому оказывалось религиозное почитание.

3. ТЕКСТ ПОТЕРЯВШИЙ ЛИЦО

Это был конец. Стремясь, подобно перелетным птицам, домой, в европейские столицы, Субьенков проделал длинный путь, отмеченный страданиями и ужасами. И вот здесь, в русской Америке, дальше, чем когда либо, от желанной цели, этот путь оборвался. Он сидел на снегу со связанными за спиной руками и ожидал пытки. Он с ужасом смотрел на распростертого перед ним огромного казака, стонущего от боли. Мужчинам надоело возиться с этим гигантом, и они передали его в руки женщин. И женщины, как о том свидетельствовали вопли жертвы, сумели превзойти мужчин в своей дьявольской жестокости. Субьенков наблюдал за этим и содрогался от отвращения. Он не боялся смерти. Он слишком часто рисковал жизнью на протяжении тягостного пути от Варшавы до Нулато, чтобы испытывать страх при мысли о смерти. Но все его существо восставало против пытки. Это вызывало отвращение — не потому, что придется перенести нечеловеческие страдания, — вызывало отвращение то жалкое зрелище, когда он, корчась от боли, будет просить, умолять, выпрашивать, точно так же, как это делал Большой Иван и другие. Это отвратительно. Встретить смерть мужественно, оставаясь самим собой, с улыбкой и шуткой на устах — вот это было бы достойно! Но потерять самообладание, когда дух твой раздавлен физической болью, визжать и корчиться, как обезьяна, превратиться в животное — вот что ужасно. Никаких шансов спастись не было. С самого начала, загоревшись страстной мечтой о свободе Польши, он оказался игрушкой в руках судьбы. И с самого начала — в Варшаве, в Санкт Петербурге, в сибирских рудниках, на Камчатке, на утлых суденышках охотников за пушным зверем — судьба вела его к этому концу. Поистине еще при сотворении мира ему была назначена именно такая смерть — ему, такому утонченному и чувствительному ко всему, что окружало его, для него, который был мечтателем, поэтом и художником. Он еще не родился на свет, а уже было предопределено, что трепещущий комок нервов, который он собой представлял, будет

обречен жить среди звериной вопиющей жестокости и умереть в этой далекой стране северной ночи, в этом мрачном уголке на самом краю света. Он вздохнул. Неужели то, что он видит сейчас перед собой, и было Большим Иваном — человеком без нервов, словно выкованным из железа, казаком, ставшим морским грабителем, существом флегматичным, как бык, со столь примитивной нервной системой, что какойнибудь удар, причинявший нормальному человеку боль, воспринимался им едва ли не как простая щекотка. И все таки эти индейцы из Нулато нашли у Большого Ивана нервы и прощупали их до самых корней его трепещущей души. Они добились своего. Казалось непостижимым, что человек может перенести такое и еще оставаться живым. Большой Иван дорого расплачивался за примитивность своей нервной системы. Он продержался вдвое дольше, чем все остальные. Субьенков чувствовал, что ему не вынести мучений казака. Почему Иван не умирает? Субьенкову казалось, что он сойдет с ума, если не прекратится этот душераздирающий вопль. Но ведь когда вопль прекратится, настанет его, Субьенкова, очередь. А вон там стоит, ожидая того момента, Якага, уже ухмыляющийся в предвкушении пытки, тот самый Якага, которого какуюнибудь неделю назад он выгнал из форта, хлестнув по лицу бичом. Якага о нем позаботится. Якага, конечно, припас для него самые изощренные пытки, самые утонченные мучения. Очевидно, эта новая пытка была особенно хороша, судя по тому, как взвыл Иван. Женщины, склонившиеся над ним, расступились, смеясь и хлопая в ладоши. Субьенков увидел чудовищное дело, которое они сделали, и начал истерически хохотать. Индейцы смотрели на него, изумляясь, что он способен смеяться. Но Субьенков не мог сдержаться. Нет, этого делать нельзя. Он кое как справился с собой, спазматические судороги в горле постепенно затихли. Он заставил себя думать о чемнибудь постороннем и принялся вспоминать свою прошлую жизнь. Он представил себе мать и отца, своего маленького, в яблоках, пони, гувернера француза, который учил его танцам и однажды тайком принес ему старый, затрепанный томик Вольтера. Вновь Субьенков видел перед собой Париж, сумрачный Лондон, веселую Вену, Рим. Вновь ему представилась компания отчаянных молодых людей, которые, как и он, мечтали о свободной Польше с польским королем на троне в Варшаве. Вот откуда начался этот долгий путь. Что ж, он остался последним из всех. Одного за другим вспоминал Субьенков этих погибших в пути храбрецов, начиная с тех двух, которые были казнены в Санкт Петербурге. Один был забит насмерть тюремщиком, другой, отправленный по этапу, свалился где то на далеком, кровью политом тракте, которым они шагали бесконечные месяцы, подгоняемые ударами казаков конвоиров. И всегда их окружала жестокость, дикая, звериная жестокость. Они умирали — от лихорадки, в рудниках, под кнутом. Последние двое погибли уже после побега, во время схватки с казаками, и только он один добрался до Камчатки, украв у какого то путника документы и деньги и оставив его умирать на снегу. Он не видел ничего, кроме жестокости. Все эти годы, когда сердце его жило прошлым, — в мастерских художников, в театрах, на светских приемах — его окружала жестокость. Он покупал свою жизнь ценой крови. Убивали все. И он убил того путника ради документов. Он показал, на что способен, когда в один и тот же день дрался на дуэли с двумя русскими офицерами. Ему приходилось как то проявлять себя, чтобы занять достойное место среди охотников за мехами. Он должен был завоевать себе это место. Позади лежал долгий, отнявший, казалось, тысячу лет, путь через всю Сибирь и всю Россию. Тем путем бежать было невозможно. Он мог идти только вперед — через мрачное, покрытое льдами Берингово море на Аляску. Путь этот вел в мир, где дикость с каждым шагом становилась все более ужасающей. На суденышках охотников за мехами, среди свирепствующей цинги, без пищи и воды, в борьбе с бесконечными морскими штормами люди превращались в животных. Трижды он отплывал на восток от Камчатки. И трижды, после невероятных трудностей и страданий, оставшиеся в живых возвращались назад. Путь к бегству был закрыт, а идти назад тем путем, которым он попал сюда, Субьенков не мог, ибо там его ждали рудники и кнут. Наконец в четвертый и последний раз он поплыл на восток. Он

отправился с теми, кто впервые открыл легендарные Котиковые острова, но он не вернулся с ними, чтобы принять участие в дележе добычи и в диких оргиях на Камчатке. Он поклялся никогда не возвращаться туда. Он знал: чтобы добраться до дорогих его сердцу европейских столиц, он должен идти вперед. Поэтому он переходил на другие суда и остался в этих незнакомых полуночных краях. Его спутниками были охотники славяне и русские — искатели приключений, монголы, татары и исконные жители Сибири; они кровью прокладывали путь среди дикарей этого нового света. Они вырезали целые становища за то, что эскимосы отказывались платить им дань мехами, а на них в свою очередь нападали команды других кораблей. Субьенков вместе с одним финном оказался единственным, кто в конце концов спасся из всей их шайки. Они провели одинокую и голодную зиму на одном из пустынных Алеутских островов, а весной им выпал один шанс из тысячи — их подобрало какое-то судно охотников за пушниной. Но всегда его окружали ужасающая жестокость и дикость. Переходя с одного судна на другое и ни за что не желая возвращаться назад, он попал наконец на судно, отправившееся на юг. Они шли вдоль побережья Аляски и всюду наталкивались на толпы дикарей. Каждый раз, когда они бросали якорь у островов или у мрачных утесов материка, их встречала битва или шторм. Либо на них обрушивалась буря, угрожая разбить судно, либо появлялись боевые каноэ, переполненные завывающими туземцами с раскрашенными боевой краской лицами, которые подплывали, чтобы испытать на себе убойную силу ружей пиратов. Так они пробирались на юг, в сказочную страну Калифорнию. Говорили, что там обретаются испанцы, искатели приключений, пробившиеся туда из Мехико. Он возлагал свои надежды на этих испанцев. Только бы удрать к ним, дальше уже будет проще: через год или два — это уже не имеет значения, — но рано или поздно он доберется до Мехико, затем корабль — и он в Европе. Но они не встретили испанцев. Вновь и вновь они наталкивались на ту же неприступную стену дикости. Обитатели этого края, с лицами, раскрашенными для войны, отгоняли их прочь от берега. Под конец, когда одно судно было захвачено и вся команда перебита, капитан решил прекратить поиски и повернул обратно на север. Шли годы. Субьенков служил под началом Тебенкова, когда строился Михайловский редут. Два года он провел в низовьях Кукоквима. Два раза летом, в июне месяце, ему удавалось побывать в устье залива Коцебу, где в такую пору собирались племена для меновой торговли. Здесь можно было найти шкуры пятнистых оленей из Сибири, кость с островов Диомида, моржовые шкуры с берегов Северного океана, какие-то удивительные, неизвестно откуда, каменные светильники, переходившие от одного племени к другому, однажды ему даже попался охотничий нож английской работы. Субьенков знал, что здесь та школа, где можно изучить географию. Ведь здесь он встречал эскимосов из пролива Нортон, с острова Кинг и с островов Святого Лаврентия, с мыса Принца Уэльского и с мыса Барроу. Здесь эти места именовались по иному и расстояние до них мерилось не километрами, а днями пути. Туземцы сходились сюда для торговли с огромной территории, а каменные светильники или стальной нож, переходя из рук в руки, попадали из еще более отдаленных мест. Субьенков запугивал эскимосов, улещивал, подкупал. Каждого дальнего путника или представителя неизвестного племени приводили к нему. Они рассказывали ему о несчетных и невероятных опасностях, подстерегавших путешественника, о диких зверях, враждебных племенах, непроходимых лесах и высоких горных хребтах, но во всех этих рассказах непременно фигурировали белые люди с голубыми глазами и белокурыми волосами, которые сражались, как дьяволы, и постоянно искали меха. Они находились на востоке, далеко далеко на востоке. Никто не видел их. Это были только слухи, которые передавались из уст в уста. Тяжелой была эта школа. Нельзя изучать географию через посредство непонятных диалектов, от людей, в чьем темном мозгу факты мешаются с вымыслом, людей, измеряющих расстояния ночевками, колеблющимися в зависимости от трудности перехода. В конце концов Субьенков узнал то, что придавало ему мужества. На востоке есть большая река, где и обретаются эти голубоглазые люди. Река эта называется Юконом. Южнее

Михайловского редута в море впадала река, известная русским под названием Куикпак. Ходили слухи, что это одна и та же река. Субьенков вернулся на Михайловский редут. В течение года он добивался, чтобы организовали экспедицию вверх по Куикпаку. Тут выделился Малахов, наполовину русский, возглавивший отряд самых отчаянных и жестоких авантюристов, которые когда либо переправлялись сюда с Камчатки. Субьенков стал его помощником. Они пробрались сквозь лабиринт дельты Куикпака, миновали первые невысокие холмы на северном берегу и в обитых кожей каноэ, груженных до планшира товарами и боевыми припасами, на протяжении пятисот миль плыли против сильного, в пять узлов, течения по реке, ширина которой колебалась от двух до десяти миль, и глубиной в много сажен. Малахов решил построить форт в Нулато. Субьенков сначала уговаривал плыть дальше, но потом примирился с Нулато. Приближалась долгая зима. Лучше было переждать. Как только наступит лето и сойдет лед, он отправится вверх по Куикпаку и будет пробиваться к факториям Компании Гудзонова залива. До Малахова никогда не доходили слухи о том, что Куикпак и есть Юкон, а Субьенков не рассказывал ему об этом. Началось строительство форта. Они заставили работать местных жителей. Стены из тесаных бревен вырастали под аккомпанемент вздохов и стонов нулатских индейцев. По их спинам гулял бич, и держала этот бич железная рука морских грабителей. Кое кто из индейцев убежал, но когда их ловили, то возвращали назад и раскладывали перед фортом, и тут они вместе с соплеменниками узнавали на своей шкуре силу кнута. Двое индейцев умерли под кнутом, другие остались калеками на всю жизнь. А остальные усвоили этот урок и больше не пытались бежать. Снег выпал еще до того, как был закончен форт, и настало время для добычи пушнины. На племя была наложена тяжелая дань. Индейцев продолжали избивать и пороть кнутами, а для того, чтобы дань поступала, женщин и детей взяли в качестве заложников и обращались с ними с той жестокостью, на которую способны только охотники за мехами. Что ж, то был кровавый посев, а теперь пришла пора жатвы. Форт был спален. При зловещем свете пожара половина партии была перебита. Остальные были подвергнуты пыткам. Остался только Субьенков, или, точнее, Субьенков и Большой Иван, если это стонущее и визжащее существо на снегу можно было назвать Большим Иваном. Субьенков заметил, как ухмыляется, глядя на него, Якага. Ему нечего было сказать Якаге. На лице у того до сих пор виднелся след от бича. В конце концов Субьенков не мог осуждать его, но ему была противна мысль о том, что с ним сделает Якага. Он подумал было просить вождя племени Макамука, но разум подсказал ему, что такая просьба окажется бесполезной. Тогда он решил разорвать ремни и погибнуть в схватке. Такой конец был бы скорым. Но разорвать их он не мог. Ремни из оленьей кожи оказались сильнее его. Он продолжал искать выход, и в голову ему пришла новая идея. Он сделал знак Макамуку, чтобы привели переводчика, знающего наречие прибрежных жителей. — О, Макамук, — сказал Субьенков, — я не собираюсь умирать. Я великий человек, и глупо было бы мне умирать. Да я и не умру. Я ведь не то, что вся эта падаль. Он глянул на стонущее существо, которое когда то было Большим Иваном, и презрительно пнул его ногой. — Я слишком мудр, чтобы умереть. Я знаю великое лечебное снадобье. Только я один знаю это снадобье. Поскольку я не собираюсь умирать, я готов в обмен дать тебе это средство. — Что это за средство? — потребовал ответа Макамук. — Это особенное средство. Субьенков сделал вид, словно он колеблется, стоит ли делиться своим секретом. — Ладно, тебе я скажу. Если каплей этого зелья помазать кожу, то она становится твердой, как скала, и прочной, как железо, и никакое оружие не может его рассечь. Самый сильный удар ничего не может с ней сделать. Костяной нож против нее все равно что комок грязи, от нее отскочит даже стальной нож, какие мы раздавали вам. Что ты мне дашь за секрет этого зелья? — Я подарю тебе жизнь, — ответил Макамук через переводчика. Субьенков презрительно расхохотался. — И ты будешь до смерти рабом в моем доме, — продолжал Макамук. Поляк расхохотался еще более презрительно. — Пусть мне развяжут руки и ноги, и тогда мы будем разговаривать. Вождь сделал знак, и когда Субьенкову освободили руки, он сделал самокрутку и закурил.

— Это глупые слова, — сказал Макамук, — нет такого зелья. Не может быть. Нож сильнее любого зелья. Вождь был настроен скептически, но все таки он колебался. Он не раз видел, как охотникам за мехами удавались всякие дьявольские фокусы. Он не мог ни в чем быть уверен. — Я сохраню тебе жизнь, и ты не будешь рабом, — заявил он. — Этого мало. Субьенков играл свою роль абсолютно хладнокровно, как будто торговался за лисий мех. — Это великое снадобье. Много раз оно спасало мне жизнь. Я хочу получить нарты и собак, и чтобы шестеро твоих охотников сопровождали меня вниз по реке и в безопасности проводили до последней ночевки перед Михайловским редутом. — Ты должен жить здесь и обучить нас всем твоим дьявольским штукам, — был ответ. Субьенков молча пожал плечами. Он выпускал табачный дым в морозный воздух и с любопытством рассматривал то, что осталось от казака гиганта. — А это? — неожиданно сказал Макамук, показывая на шею Субьенкова, где виднелся синеватый шрам от ножевого удара, который ему нанесли на Камчатке во время какой то ссоры. — Твое зелье — плохое зелье. Лезвие было сильнее, чем твоё средство. — Тот, кто нанес удар, был очень сильный человек. — Субьенков оценивающе взглянул на Макамука. — Сильнее, чем ты, сильнее самого сильного твоего охотника, сильнее, чем был он. И опять он пнул носком своего мокашина казака; тот являл собой отвратительное зрелище. Хотя Большой Иван и потерял сознание, его измученное пытками тело еще цеплялось за жизнь. — И, кроме того, зелье было слабым. В тех местах не было нужных мне ягод, которых полно, как я вижу, в ваших краях. Здесь средство будет сильным. — Я отпущу тебя вниз по реке, — сказал Макамук, — и дам тебе нарты, собак и шестерых охотников. — Ты слишком долго раздумываешь, — последовал холодный ответ. — Ты оскорбил мое средство тем, что не сразу принял мои условия. Слушай же, теперь я требую большего. Я хочу получить сотню бобровых шкур. — Макамук насмешливо усмехнулся. — Я хочу получить сотню фунтов сушеной рыбы. — Макамук кивнул головой, рыбы было вдоволь, и она мало чего стоила. — Я хочу получить двое нарт, одни для меня и вторые для моих мехов и рыбы. Кроме того, пусть мне вернут ружье. Если тебя не устраивает моя цена, то имей в виду, что она вскоре увеличится. Якага что то шепнул на ухо вождю. — А как я узнаю, что твоё зелье настоящее? — спросил Макамук. — Это очень легко. Прежде всего я пойду в лес... Якага опять стал шептать на ухо Макамуку, который недоверчиво покачал головой. — Ты можешь послать со мной двадцать охотников, — продолжал Субьенков. — Я должен найти ягоды и корни; из которых варится средство. Потом ты приготовишь нарты, нагрузишь их рыбой и бобровыми шкурами, положишь туда ружье и отберешь шестерых охотников, которые пойдут со мной, а когда все будет готово, я натру зельем шею и положу голову вот на это бревно. И тогда пусть самый сильный твой охотник возьмет топор и трижды ударит меня по шее. Ты сам можешь трижды ударить меня. Макамук стоял с разинутым ртом, дивясь этому новому для него и самому удивительному чуду охотников за мехами. — Но имей в виду, — торопливо добавил поляк, — что перед каждым ударом я должен заново смазывать шею своим зельем. Топор — штука тяжелая и острая, и я не хочу, чтобы произошла ошибка. — Ты получишь все, что требуешь, — торопливо закричал Макамук. — Готовь свое зелье. Субьенков постарался скрыть свою радость. Он вел отчаянную игру, и оступиться было нельзя. Он высокомерно произнес: — Ты слишком медлил. Мое средство оскорблено. Чтобы смыть это оскорбление, ты должен отдать мне свою дочь. И он показал пальцем на девушку, несчастное создание, у которой был кривой глаз и торчащие по волчьим зубам. Макамук был рассержен, но поляк невозмутимо свернул и закурил новую самокрутку. — Поспеш, — с угрозой в голосе сказал он, — если ты будешь медлить, я потребую большего. В наступившем молчании Субьенков перенесся мысленным взором от мрачной картины северной природы, расстилавшейся перед ним, к своей родине и к Франции и, взглянув на эту девушку с торчащими зубами, он вспомнил другую девушку, певицу и балерину, которую знал, когда юношей впервые попал в Париж. — Зачем тебе нужна девушка? — спросил Макамук. — Чтобы она поплыла вместе со мной вниз по реке. — Субьенков критически

оглядел ее. — Из нее выйдет хорошая жена, и честь жениться на девушке твоей крови — достаточная плата за мое средство. Он вновь вспомнил певицу и балерину и принялся мурлыкать песню, которой та научила его. Он заново переживал всю свою жизнь, но на этот раз рассматривая сцены из своего прошлого как будто со стороны, словно это были картинки в книге, рассказывающей о чьей то чужой судьбе. Голос вождя неожиданно нарушил молчание, и он вздрогнул. — Все будет сделано, — сказал Макамук. — Девушка отправится вместе с тобой вниз по реке. Но имей в виду, что я сам трижды ударю топором по твоей шее. — Но я каждый раз буду заново намазываться своим средством, — отозвался Субьенков, изображая плохо скрытое беспокойство. — Ты будешь намазываться своим зельем перед каждым ударом. Вот охотники, которые будут следить, чтобы ты не сбежал. Отправляйся в лес и собирай свое зелье. Макамука убедила в ценности зелья именно жадность поляка. Конечно, только величайшее средство могло дать силу человеку, над которым нависла тень смерти, упорствовать и торговаться, как старая баба. — Кроме того, — шепнул Якага, когда поляк вместе со своей стражей исчез среди елей, — когда ты узнаешь средство, ты легко сможешь убить его. — Как же это я смогу убить его? — спросил Макамук. — Средство не даст мне убить. — Будут какие то места, которые он не натрет своим зельем, — ответил Якага. — Мы и умертвим его через такое место. Может быть, это будут его уши. Тогда мы воткнем ему копые в одно ухо, а выйдет оно в другое. Очень хорошо. А может быть, это будут глаза. Наверняка зелье слишком сильное, чтобы он намазал им глаза. Вождь кивнул головой. — Ты мудр, Якага. Если у него в запасе нет других дьявольских штук, мы уьем его. Субьенков не тратил много времени для сбора составных частей для своего зелья. Он поднимал все, что попадется под руку, — еловую хвою, ивовую кору, бересту и множество клюквы, которую он заставлял охотников выкапывать из под снега. К своим запасам он добавил несколько замерзших корней и направился обратно в лагерь. Макамук и Якага не отходили ни на шаг, тщательно запоминая количество и вид составных частей, которые он кидал в чан с кипящей водой. — Заметьте, клюкву надо класть в первую очередь, — объяснил Субьенков. — Ах да, еще одна вещь, человеческий палец. Дай ка, Якага, я отрежу у тебя палец. Но Якага спрятал руки за спину и сердито посмотрел на него. — Всего только мизинец, — просил Субьенков. — Якага, дай ему свой палец, — приказал Макамук. — Здесь вокруг много пальцев, — проворчал Якага, показывая на валявшиеся на снегу остатки замученных насмерть. — Это должен быть палец живого человека, — возразил поляк. — Ну так ты получишь палец живого человека. — Якага нагнулся над казаком и отсек у него палец. — Он еще не умер, — объяснил Якага, швыряя свой кровавый трофей к ногам поляка. — И вообще это хороший палец, потому что он большой. Субьенков бросил палец в пламя под чаном и начал петь. Это была французская любовная песенка, и он исполнял ее с необычайной торжественностью. — Без этих слов зелье не будет иметь силы, — пояснил он. — Эти слова составляют его главную силу. Ну вот, готово! — Повтори слова медленно, чтобы я мог запомнить их, — приказал Макамук. — Только после испытания. Когда топор трижды отскочит от моей шеи, тогда я раскрою тебе секрет этих слов. — А если средство окажется плохим средством? — с беспокойством спросил Макамук. Субьенков в гневе обернулся к нему. — Мое средство не может оказаться плохим. А если оно окажется плохим, тогда сделайте со мной то же, что вы сделали с остальными. Разрежьте меня на куски, как вы разрезали его. — Он кивнул на казака. — Зелье уже остыло. Итак, я натираю им шею и говорю при этом заклинания. Субьенков с самым серьезным лицом медленно пропел строку из «Марсельезы», одновременно натирая себе шею отвратительным варевом. Его представление было прервано диким воплем. Огромный казак, в котором в последний раз вспыхнула его чудовищная жизненная сила, приподнялся на колени. Индейцы принялись смеяться, кричать от удивления, хлопать в ладоши, а Большой Иван бился на снегу в страшных судорогах. Субьенкову стало нехорошо от этого зрелища, но он справился с приступом тошноты и притворился рассерженным. — Так дело не пойдет, — сказал он, — прикончите его, и

тогда мы приступим к испытанию. Ну ка, Якага, прекрати этот шум. Когда это было исполнено, Субьенков повернулся к Макамуку. — И помни, что ты должен бить изо всех сил. Это занятие не для детей. Возьми ка топор и ударь по бревну, чтобы я мог видеть, что ты делаешь это как мужчина. Макамук повиновался и дважды со всего маху ударил по бревну, отколов порядочный кусок. — Хорошо! — Субьенков оглядел лица туземцев, которые словно символизировали ту стену варварства, которая окружала его с тех пор, как царская полиция арестовала его в Варшаве. — Бери топор, Макамук, и стань вот здесь. Я лягу. Когда я махну рукой, бей что есть мочи. И смотри, чтобы никто не стоял позади тебя. Мое средство крепкое, и топор может отскочить от моей шеи и вылететь у тебя из рук. Он посмотрел на две собачьи упряжки с нартами, нагруженными мехами и рыбой. Сверху на бобровых шкурах лежало его ружье. Шестеро охотников, которые должны были составлять его охрану, стояли у нарт. — А где девушка? — спросил поляк. — Приведите ее сюда прежде, чем мы приступим к испытанию. Когда девушку привели, Субьенков опустился на снег и положил голову на бревно, словно усталый ребенок, собирающийся уснуть. Он пережил столько тяжелых лет, что и в самом деле чувствовал себя смертельно уставшим. — Я смеюсь над тобой и над твоей силой, о Макамук, — сказал он, — бей, бей изо всех сил! Он поднял руку. Макамук поднял топор, огромный топор, которым обтесывают бревна. Блестящая сталь сверкнула в морозном воздухе, на какое то едва уловимое мгновение топор задержался над головой Макамука и затем обрушился на обнаженную шею Субьенкова. Топор рассек мышцы и позвоночник и глубоко вонзился в бревно. Изумленные дикари увидели, как голова отскочила на добрый ярд от кровоточащего туловища. Все стояли в страшном замешательстве и молчали, пока постепенно не начали соображать, что никакого средства и не было. Охотник за мехами перехитрил их. Единственный из всех пленников он избежал пытки. Такова была ставка, ради которой он вел игру. И тут все разразились хохотом. Макамук от стыда опустил голову. Охотник за мехами обманул его. Макамук потерял лицо, потерял уважение в глазах своих соплеменников. Они продолжали хохотать. Макамук повернулся и побрел прочь. Он знал, что отныне он никогда не будет зваться Макамуком. Его будут звать Потерявший лицо, и ему не искупить своего позора до самой смерти, и когда бы ни собирались окрестные племена, — весной ли для лова лосося или летом для меновой торговли, — повсюду, у всех костров, будут вновь и вновь рассказывать историю о том, как спокойно, с одного удара умер охотник за мехами от руки Потерявшего лицо. И он словно заранее слышал, как какойнибудь наглый юнец будет спрашивать: — А кто такой Потерявший лицо? — Потерявший лицо? — скажут в ответ. — Его звали Макамуком до того, как он отрубил голову охотнику за мехами.

БОЛЕЗНЬ ОДИНОКОГО ВОЖДЯ

Эту историю рассказали мне два старика. Когда спала жара — было это в полночь, — мы сидели в дыму костра, защищавшего нас от комаров, и то и дело яростно давили тех крылатых мучителей, которые, не страшась дыма, хотели полакомиться нашей кровью. Справа от нас, футах в двадцати, у подножия рыхлого откоса, лениво журчал Юкон. Слева, над розоватым гребнем невысоких холмов, тлело дремотное солнце, которое не знало сна в эту ночь и обречено было не спать еще много ночей.

Старики, которые вместе со мною сидели у костра и доблестно сражались с комарами, были Одинокий Вождь и Мутсак — некогда товарищи по оружию, а ныне

дряхлые хранители преданий старины. Они остались последними из своего поколения и не пользовались почетом в кругу молодых, выросших на задворках приисковой цивилизации. Кому дороги предания и легенды в наши дни, когда веселье можно добыть из черной бутылки, а черную бутылку можно добыть у добрых белых людей за несколько часов работы или завалиющую шкуру! Чего стоят все страшные обряды и таинства шаманов, если каждый день можно видеть, как живое огнедышащее чудовище – пароход, наперекор всем законам, кашляя и отплеываясь, ходит вверх по Юкону! И что проку в родовом достоинстве, если всех выше ценится у людей тот, кто больше срубит деревьев или ловчее управится с рулевым колесом, ведя судно в лабиринте протоков между островами!

В самом деле, прожив слишком долго, эти два старика – Одинокий Вождь и Мутсак – дожили до черных дней, и в новом мире не было им ни места, ни почета. Они тоскливо ждали смерти, а сейчас рады были раскрыть душу чужому белому человеку, который разделял их мучения у осаждаемого мошкаррой костра и внимательно слушал рассказы о той давно минувшей поре, когда еще не было пароходов.

– И вот выбрали мне девушку в жены, – говорил Одинокий Вождь. Его голос, визгливый и пронзительный, то и дело срывался на сиплый, дребезжащий басок; только успеешь к нему привыкнуть, как он снова взлетает вверх тонким дискантом, – кажется, то верещит сверчок, то квакает лягушка.

– И вот выбрали мне девушку в жены, – говорил он. – Потому что отец мой, Каск-Та-Ка, Выдра, гневался на меня за то, что я не обращал свой взгляд на женщин. Он был вождем племени и был уже стар, а из всех его сыновей я один оставался в живых, и только через меня он мог надеяться, что род его продлится в тех, кому еще суждено явиться на свет. Но знай, о белый человек, что я был очень болен; и если меня не радовали ни охота, ни рыбная ловля и мясо не согревало моего желудка, – мог ли я заглядываться на женщин, или готовиться к свадебному пиру, или мечтать о лепете и возне маленьких детей?

– Да, – вставил Мутсак. – Громадный медведь обхватил Одинокого Вождя лапами, и он боролся, пока у него не треснул череп и кровь не хлынула из ушей.

Одинокий Вождь энергично кивнул.

– Мутсак говорит правду. Прошло время, я исцелился, но в то же время и не исцелился. Потому что, хотя рана затянулась и больше не болела, здоровье не вернулось ко мне. Когда я ходил, ноги подо мной подгибались, а когда я смотрел на свет, глаза наполнялись слезами. И когда я открывал глаза, вокруг меня все кружилось; а когда я закрывал глаза, моя голова кружилась, и все, что я когда-либо видел, кружилось и кружилось у меня в голове. А над глазами у меня так сильно болело, как будто на мне всегда лежала какая-то тяжесть или голову сжимал туго стянутый обруч. И речь у меня была медленной, и я долго ждал, пока на язык придет нужное слово. А если я не ждал, то у меня срывалось много всяких слов и язык мой болтал глупости. Я был очень болен, и когда отец мой, Выдра, привел девушку Кэсан...

– Молодую и сильную девушку, дочь моей сестры, – перебил Мутсак. – С сильными бедрами, чтобы рожать детей, стройная и быстроногая была Кэсан. Ни одна девушка не умела делать таких мокасин, как она, а веревки, которые она плела, были самыми прочными. И в глазах у нее была улыбка, а на губах смех, и нрава она была покладистого; и она не забывала, что дело мужчины – приказывать, а женщины – повиноваться.

– Так вот, я был очень болен, – продолжал Одинокий Вождь. – И когда отец мой, Выдра, привел девушку Кэсан, я сказал, что лучше бы они готовили мне погребение, чем свадьбу. Тогда лицо отца моего почернело от гнева, и он сказал, что со мною поступят по моему желанию, и, хотя я еще жив, мне будут готовить погребение, как если бы я уже умер...

– Не думай, что таков обычай нашего народа, о белый человек, – прервал его Мутсак. – Знай, то, что сделали с Одиноким Вождем, у нас делают только с мертвыми. Но Выдра уж очень гневался.

шкурах у костра. И раз я, его сын, все равно должен умереть, так лучше мне пойти на мукумуков, и пусть меня убьют. Так я завоюю себе почет и сделаюсь вождем в обители мертвых, и не лишится почета отец мой, Выдра. Поэтому он приказал подготовить вооруженный отряд, который я поведу вниз по реке. А когда мы встретимся с мукумуками, я должен, отделившись от отряда, пойти вперед, словно готовясь вступить в бой и тогда меня убьют.

– Нет, ты только послушай, о белый человек! – вскричал Мутсак, не в силах дольше сдерживаться. – В ту ночь шаман Смолка долго шептал что-то на ухо Выдре, и это он сделал так, что Одинокого Вождя послали на смерть. Выдра был очень стар, а Одинокий Вождь – его единственный сын, и Смолка задумал сам стать вождем племени. Одинокий Вождь все еще был жив, хотя весь день и всю ночь у его вигвама пели песню смерти, и потому Сколка боялся, что он не умрет. Это Сколка, своими красивыми словами о почете и добрых делах, говорил языком Выдры.

– Да, – подхватил Одинокий Вождь. – Я знал, что Сколка во всем виноват, но это меня не трогало, потому что я был очень болен. У меня не было сил гневаться и не хватало духу произносить резкие слова; и мне было все равно, какой смертью умереть, – я хотел только, чтобы с этим было скорей покончено. И вот, о белый человек, собрали боевой отряд. Но в нем не было ни испытанных воинов, ни людей, умудренных годами и знаниями, а всего лишь сотня юношей, которым еще мало приходилось сражаться. И все селение собралось на берегу реки, чтобы проводить нас. И мы пустились в путь под ликующие возгласы и восхваления моих доблестей. Даже ты, о белый человек, возликовал бы при виде юноши, отправляющегося в бой, хотя бы и на верную смерть.

И мы отправились – сотня юношей, в том числе и Мутсак, потому что тоже был молод и неискушен. По приказанию моего отца, Выдры, мое каноэ привязали с одной стороны к каноэ Мутсака, а с другой стороны – к каноэ Канакута. Так было сделано для того, чтобы мне не грести и чтобы я сохранил силу и, несмотря на болезнь, мог достойно умереть. И вот мы двинулись вниз по реке.

Я не стану утомлять тебя рассказом о нашем пути, который не был долгим. Неподалеку от селения мукумуков мы встретили двух их воинов в каноэ, которые, увидев нас, пустились наутек. Тогда, как приказал мой отец, мое каноэ отвязали, и я совсем один поплыл вниз по течению. А юноши, как приказал мой отец, остались, чтобы увидеть, как я умру, и по возвращении рассказать, какой я смертью умер. На этом особенно настаивали отец мой Выдра и шаман Сколка, и они пригрозили жестоко наказать тех, кто ослушается.

Я погрузил весло в воду и стал громко насмехаться над удиравшими воинами. Услышав мои обидные слова, они в гневе повернули головы и увидели, что отряд не тронулся с места, а я плыву за ними один. Тогда они отошли на безопасное расстояние и, разъехавшись в стороны, остановились так, что мое каноэ должно было пройти между ними. И я с копьем в руке, распевая воинственную песню своего племени, стал приближаться к ним. Каждый из двух воинов бросил в меня копье, но я наклонился, и копья просвистели надо мной, и я остался невредим. Теперь все три каноэ шли наравне, и я метнул копье в воина справа: оно вонзилось ему в горло, и он упал навзничь в воду.

Велико было мое изумление – я убил человека. Я повернулся к воину слева и стал грести изо всех сил, чтобы встретить смерть лицом к лицу; и его второе копье задело мое плечо. Тут я напал на него, но не бросил копье, а приставил острие к его груди и нажал обеими руками. А пока я напрягал все свои силы, стараясь вонзить копье глубже, он ударил меня по голове раз и еще раз лопастью весла.

И даже когда копье пронзило его насквозь, он снова ударил меня по голове. Слепительный свет сверкнул у меня перед глазами, и я почувствовал, как в голове у меня что-то треснуло, – да, треснуло. И тяжести, что так долго давила мне на глаза, не стало, а обруч, так туго стягивавший мне голову, лопнул. И восторг охватил меня, и сердце мое запело от радости.

«Это смерть», – подумал я. И еще я подумал, что умереть хорошо. Потом я увидел два пустых каноэ и понял, что я не умер, а опять здоров. Удары по голове, нанесенные мне воином, исцелили меня. Я знал, что убил человека; запах крови привел меня в ярость, – и я погрузил весло в грудь Юкона и направил свое каноэ к селению мукумуков. Юноши, оставшиеся позади, громко закричали. Я оглянулся через плечо и увидел, как пенится вода под их веслами...

– Да, вода пенилась под нашими веслами, – сказал Мутсак, – потому что мы не забыли приказания Выдры и Сколки, что должны собственными глазами увидеть, какой смертью умрет Одинокый Вождь. В это время какой-то молодой мукумук, плывший туда, где были расставлены ловушки для лососей, увидел приближающегося к их селению Одинокого Вождя и сотню воинов, следовавших за ним. И он сразу же кинулся к селению, чтобы поднять тревогу. Но Одинокый Вождь погнался за ним, а мы погнались за Одиноким Вождем, потому что должны были увидеть, какой смертью он умрет. Только у самого селения, когда молодой мукумук прыгнул на берег, Одинокый Вождь поднялся в своем каноэ и со всего размаху метнул копье. И копье вонзилось в тело мукумука выше пояса, и он упал лицом вниз.

Тогда Одинокый Вождь выскочил на берег, держа в руке боевую дубинку, и, испустив боевой клич, ворвался в деревню. Первым встретился ему Итвили, вождь племени мукумуков. Одинокый Вождь ударил его дубинкой, и он свалился мертвым на землю. И, боясь, что мы не увидим, какой смертью умрет Одинокый Вождь, мы, сотня юношей, тоже выскочили на берег и поспешили за ним в селение. Но мукумуки не поняли наших намерений и подумали, что мы пришли сражаться, – и тетивы их луков зазвенели, и засвистели стрелы. И тогда мы забыли, для чего нас послали, и набросились на них с нашими копьями и дубинками, но так как мы застали их врасплох, то тут началось великое избиение...

– Своими руками я убил их шамана! – воскликнул Одинокый Вождь, и его изборожденное морщинами лицо оживилось при воспоминании о том далеком дне. – Своими руками я убил его – того, кто был более могучим шаманом, чем Сколка, наш шаман. Каждый раз, когда я схватывался с новым врагом, я думал: «Вот пришла моя смерть»; но каждый раз я убивал врага, а смерть не приходила. Казалось, так сильно было во мне дыхание жизни, что я не мог умереть...

– И мы следовали за Одиноким Вождем по всему селению, – продолжал рассказ Мутсак. – Как стая волков, мы следовали за ним – вперед, назад, из конца в конец, до тех пор, пока не осталось ни одного мукумука, способного сражаться. Тогда мы согнали вместе всех уцелевших – сотню рабов-мужчин, сотни две женщин и множество детей, потом развели огонь, подожгли все хижины и вигвамы и удалились. И это был конец племени мукумуков.

– Да, это был конец племени мукумуков, с торжеством повторил Одинокый Вождь. – А когда мы пришли в свое селение, люди дивились огромному количеству добра и рабов, а еще больше дивились тому, что я все еще жив. И пришел отец мой, Выдра, весь дрожа от радости при мысли о том, что я совершил. Ибо он был стар, а я был последним из его сыновей, оставшимся в живых. И пришли все испытанные в боях воины и люди, умудренные годами и знаниями, и собралось все наше племя. И тогда я встал и голосом, подобным грому, приказал шаману Сколке подойти ближе...

– Да, о белый человек! – воскликнул Мутсак, – голосом, подобным грому, от которого подгибались колени и людей охватывал страх.

– А когда Сколка подошел ближе, рассказывал дальше Одинокый Вождь, – я сказал, что я умирать не собираюсь. И еще я сказал, что нехорошо обманывать злых духов, которые поджидают по ту сторону могилы. И потому считаю справедливым, чтобы душа Сколки отправилась в Неведомое, где она будет вечно выть в темном, дремучем лесу. И я убил его тут же, на месте, перед лицом всего племени. Да, я, Одинокый Вождь,

собственными руками убил шамана Сколку перед лицом всего племени. А когда послышался ропот, я громко крикнул...

– Голосом, подобным грому, – подсказал Мутсак.

– Да, голосом, подобным грому, я крикнул: «Слушай, мой народ! Я, Одинокий Вождь, умертвил вероломного шамана. Я единственный из людей прошел через врата смерти и вернулся обратно. Мои глаза видели то, чего никому не дано увидеть. Мои уши слышали то, что никому не дано услышать. Я могущественнее шамана Сколки. Я могущественнее всех шаманов. Я более великий вождь, чем мой отец, Выдра. Всю жизнь он воевал с мукумуками, а я уничтожил их всех в один день. Как бы одним дуновением ветра я уничтожил их всех. Отец мой, Выдра, стар, шаман, Сколка, умер, а потому я буду и вождем и шаманом. Если кто-нибудь не согласен с моими словами, пусть выйдет вперед!»

Я ждал, но никто вперед не вышел. Тогда я крикнул: «Хо! Я отведал крови! Теперь несите мясо, потому что я голоден. Разрыйте все ямы со съестными припасами, принесите рыбу из всех вершей, и пусть будет великое пиршество. Пусть люди веселятся и поют песни, но не погребальные, а свадебные. И пусть приведут ко мне девушку Кэсан. Девушку Кэсан, которая станет матерью детей Одинокого Вождя!»

Услышав мои слова, отец мой, Выдра, который был очень стар, заплакал, как женщина, и обнял мои колени. И с этого дня я стал вождем и шаманом. И был мне большой почет, и все люди нашего племени повиновались мне.

– До того дня, пока не появился пароход, – вставил Мутсак.

– Да, – сказал Одинокий Вождь. – До того дня, пока не появился пароход.

ДОЧЬ СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

– Вы... как это говорится... лентяй! Вы, лентяй, хотите стать моим мужем? Напрасный старанья. Никогда, о нет, никогда не станет моим мужем лентяй!

Так Джой Молино заявила без обиняков Джеку Харрингтону; ту же мысль, и не далее как накануне, она высказала Луи Савою, только в более банальной форме и на своем родном языке.

– Послушайте, Джой...

– Нет, нет! Почему должна я слушать лентяй? Это очень плохо – ходить за мной по пятам, торчать у меня в хижина и не делать никаких дел. Где вы возьмете еда для famille?^[41] Почему у вас нет зольотой песок? У других польный карман.

– Но я работаю, как вол, Джой. День изо дня рыскаю по Юкону и по притокам. Вот и сейчас я только что вернулся. Собаки так и валяются с ног. Другим везет – они находят уйму золота. А я... нет мне удачи.

– Ну да! А когда этот человек – Мак-Кормек, ну тот, что имеет жена-индианка, – когда он открыл Кльондайк, почему вы не пошел? Другие пошел. Другие стал богат.

– Вы же знаете, я был далеко, искал золото у истоков Тананы, – защищался Харрингтон. – И ничего не знал ни об Эльдорадо, ни о Бонанзе. А потом было уже поздно.

– Ну, это пусть. Только вы... как это... сбитый с толк.

– Что такое?

– Сбитый с толк. Ну, как это... в потемках. Поздно не бывает. Тут, по этот ручей, по Эльдорадо, есть очень богатый россыпь. Какой-то человек застольбил и ушел. Никто не знает, куда он девался. Никогда больше не появлялся он тут. Шестидесят дней никто не может получить бумага на этот участок. Потом все... целый уйма людей... как это... кинутся застольбить участок. И помчатся, о, быстро, быстро, как ветер, помчатся получать бумага. Один станет очень богат. Один получит много еда для famille.

Харрингтон не подал виду, как сильно заинтересовало его это сообщение.

– А когда истекает срок? – спросил он. – И где этот участок?

– Вчера вечером я говорила об этом с Луи Савой, – продолжала она, словно не слыша его вопроса. – Мне кажется, участок будет его.

– К черту Луи Савоя!

– Вот и Луи Савой сказал вчера у меня в хижине. «Джой, – сказал он, – я сильный. У меня хороший упряжка. У меня хороший дыханье. Я добуду этот участок. Вы тогда будете выходить за меня замуж?» А я сказала ему... я сказала...

– Что же вы сказали?

– Я сказала: «Если Луи Савой победит, я буду стать его женой».

– А если он не победит?

– Тогда Луи Савой... как это по-вашему... тогда ему не стать отцом моих детей.

– А если я выйду победителем?

– Вы – победитель? – Джой расхохоталась. – Никогда!

Смех Джой Молино был приятен для слуха, даже когда в нем звучала издевка. Харрингтон не придал ему значения. Он был приручен уже давно. Да и не он один. Джой Молино терзала подобным образом всех своих поклонников. К тому же она была так обольстительна сейчас – жгучие поцелуи мороза размягчили ей щеки, смеющийся рот был полуоткрыт, а глаза сверкали тем великим соблазном, сильнее которого нет на свете, – соблазном, таящимся только в глазах женщины. Собаки живой косматой грудой копошились у ее ног, а вожак упряжки – Волчий Клык – осторожно положил свою длинную морду к ней на колени.

– Ну а все же, если я выйду победителем? – настойчиво повторил Харрингтон.

Она посмотрела на своего поклонника, потом снова перевела взгляд на собак.

– Что ты скажешь, Вольчий Клык? Если он сильный и польючит бумага на участок, может быть, мы согласимся стать его женой? Ну, что ты скажешь?

Волчий Клык наострил уши и глухо заворчал на Харрингтона.

– Хольдно, – с женской непоследовательностью сказала вдруг Джой Молино, встала и подняла свою упряжку.

Ее поклонник невозмутимо наблюдал за ней. Она задавала ему загадки с первого дня их знакомства, и к прочим его достоинствам с той поры прибавилось еще и терпение.

– Эй, Вольчий Клык! – воскликнула Джой Молино, вскочив на нарты в ту секунду, когда они тронулись с места. – Эй-эй! Давай!

Не поворачивая головы, Харрингтон краем глаза следил, как ее собаки свернули на тропу, проложенную по замерзшей реке, и помчались к Сороковой Миле. У развилки, откуда одна дорога уходила через реку к форту Кьюдахы, Джой Молино придержала собак и обернулась.

– Эй, мистер Лентяй! – крикнула она. – Вольчий Клык говорит – да... если вы побеждать!

Все это, как обычно бывает в подобных случаях, каким-то образом получило огласку, и население Сороковой Мили, долго и безуспешно ломавшее себе голову, на кого из двух последних поклонников Джой Молино падет ее выбор, строило теперь догадки, кто из них окажется победителем в предстоящем состязании, и яростно заключало пари. Лагерь раскололся на две партии, и каждая старалась помочь своему фавориту прийти к финишу первым. Разгорелась ожесточенная борьба за лучших во всем крае собак, ибо в первую голову от собак, от хороших упряжек, зависел успех. А он сулил немало. Победителю доставалась в жены женщина, равной которой еще не родилось на свет, и в придачу золотой прииск стоимостью по меньшей мере в миллион долларов.

Осенью, когда разнеслась весть об открытиях, сделанных Мак-Кормеком у Бонанзы, все – и в том числе и жители Серкла и Сороковой Мили – ринулись вверх по Юкону; все, кроме тех, кто, подобно Джеку Харрингтону и Луи Савою, ушел искать золото на запад. Лосиные пастбища и берега ручьев столбились подряд, без разбору. Так, случайно, застолбили и малообещающий с виду ручей Эльдорадо. Олаф Нелсон воткнул на берегу колышки на расстоянии пятисот футов один от другого, без промедления отправил по почте свою заявку и так же без промедления исчез. Ближайшая приисковая контора, где регистрировались участки, помещалась тогда в полицейских казармах в форте Кьюдахы –

как раз через реку напротив Сороковой Миля. Лишь только пронесся слух, что Эльдорадо – настоящее золотое дно, кому-то сейчас же удалось разнюхать, что Олаф Нелсон не дал себе труда спуститься вниз по Юкону, чтобы закрепить за собой свое приобретение. Уже многие жадно поглядывали на бесхозный участок, где, как всем было известно, на тысячи тысяч долларов ждало только лопаты и промывочного лотка. Однако завладеть участком никто не смел. По неписанному закону, старателю, застолбившему участок, давалось шестьдесят дней на то, чтобы оформить заявку, и пока не истечет этот срок, участок считался неприкосновенным. Об исчезновении Олафа Нелсона уже знали все кругом, и десятки золотоискателей готовились вбить заявочные столбы и помчаться на своих упряжках в форт Кьюдахы.

Но Сороковая Миля выставила мало претендентов. После того, как весь лагерь направил свои усилия на то, чтобы обеспечить победу либо Джеку Харрингтону, либо Луи Савою, никому даже не пришло на ум попытаться счастья в одиночку. От участка до приисковой конторы считалось не менее ста миль, и на этом пути решено было расставить по три сменных упряжки для каждого из фаворитов. Последний перегон являлся, понятно, решающим, и для этих двадцати пяти миль ретивые добровольцы старались раздобыть самых сильных собак. Такая лютая борьба разгорелась между двумя партиями и в такой они вошли азарт, что цены на собак взлетели неслыханно высоко, как никогда еще не бывало в истории этого края. И не мудрено, если эта борьба еще крепче приковывала все взоры к Джой Молино. Ведь она была не только причиной этих треволнений, но и обладательницей самой лучшей упряжной собаки от Чилкута до Берингова моря. Как вожак, или головной, Волчий Клык не знал себе равных. Тот, чью упряжку повел бы он на последнем перегоне, мог считать себя победителем. На этот счет ни у кого не было сомнений. Но на Сороковой Миле чутьем понимали, что можно и чего нельзя, и никто не потревожил Джой Молино просьбой одолжить собаку. Каждая сторона утешала себя тем, что не только фавориту, но и противнику не придется воспользоваться таким преимуществом.

Однако мужчины – каждый в отдельности и все вкуче – устроены так, что часто доходят до могилы, оставаясь в блаженном неведении всей глубины коварства, присущего другой половине рода человеческого, и по этой причине мужское население Сороковой Миля оказалось неспособным разгадать дьявольские замыслы Джой Молино. Все признавались впоследствии, что недооценили эту черноокую дочь северного сияния, чей отец промышлял мехами в здешних краях еще в ту пору, когда им и не снилось, что они тоже нагрянут сюда, и чьи глаза впервые взглянули на мир при холодном мерцании полярных огней. Впрочем, обстоятельства, при которых появилась на свет Джой Молино, не мешали быть ей женщиной до мозга костей и не ограничили ее способности понимать мужскую натуру. Мужчины знали, что она ведет с ними игру, но им и в голову не приходило, как глубоко продумана эта игра, как она искусна и хитроумна. Они принимали в расчет лишь те карты, которые Джой пожелала им открыть, и до последней минуты пребывали в состоянии приятного ослепления, а когда она пошла со своего главного козыря, им оставалось только подсчитать проигрыш.

В начале недели весь лагерь провожал Джека Харрингтона и Луи Савоя в путь. Соперники выехали с запасом на несколько дней – им хотелось прибыть на участок Олафа Нелсона загодя, чтобы немного отдохнуть и дать собакам восстановить свои силы перед началом гонок. По дороге они видели золотоискателей из Доусона, уже расставлявших сменные упряжки на пути, и получили возможность убедиться, что никто не поскупился на расходы в погоне за миллионом.

Дня через два после их отъезда Сороковая Миля начала отправлять подставы – сначала на семьдесят пятую милю пути, потом на пятидесятую и, наконец, – на двадцать пятую. Упряжки, предназначавшиеся для последнего перегона, были великолепны – все собаки как на подбор, и лагерь битый час, при пятидесятиградусном морозе, обсуждал и сравнивал их достоинства, пока, наконец, они не получили возможности тронуться в путь.

Но тут, в последнюю минуту, к ним подлетела Джой Молино на своих нартах. Она отозвала в сторону Лона Мак-Фейна, правившего харрингтоновской упряжкой, и не успели первые слова слететь с ее губ, как он разинул рот с таким остолбенелым видом, что важность полученного им сообщения стала очевидна для всех. Он выпряг Волчьего Клыка из ее нарт, поставил во главе харрингтоновской упряжки и погнал собак вверх по Юкону.

– Бедняга Луи Савой! – заговорили кругом.

Но Джой Молино вызывающе сверкнула черными глазами и повернула нарты назад к отцовской хижине.

Приближалась полночь. Несколько сот закутанных в меха людей, собравшихся на участке Олафа Нелсона, предпочли шестидесятиградусный мороз и все тревобления этой ночи соблазну натопленных хижин и удобных коек. Некоторые из них держали свои колышки наготове и своих собак под рукой. Отряд конной полиции капитана Констэнтайна получил приказ быть на посту, дабы все шло по правилам. Поступило распоряжение: никому не ставить столбы, пока последняя секунда этого дня не канет в вечность. На Севере такой приказ равносителен повелению Иеговы, – ведь пуля дум-дум карает так же мгновенно и безвозвратно, как десница божья. Ночь была ясная и морозная. Северное сияние зажгло свои праздничные огни, расцветив небосклон гигантскими зеленовато-белыми мерцающими лучами, затмевавшими свет звезд. Волны холодного розового блеска омывали зенит, а на горизонте рука титана воздвигла сверкающие арки. И, потрясенные этим величественным зрелищем, собаки поднимали протяжный вой, как их далекие предки в незапамятные времена.

Полисмен в медвежьей шубе торжественно шагнул вперед с часами в руке. Люди засуетились у своих упряжек, поднимая собак, распутывая и подтягивая постромки. Затем соревнующиеся подошли к меже, сжимая в кулаке колышки и заявки. Они уже столько раз переступали границы участка, что могли бы теперь сделать это с закрытыми глазами. Полисмен поднял руку. Скинув с плеч лишние меха и одеяла, в последний раз подтянув пояса, люди замерли в ожидании.

– Приготовиться!

Шестьдесят пар рукавиц сдернуто с рук; столько же пар обутых в мокасины ног покрепче уперлось в снег.

– Пошли!

Все ринулись с разных сторон на широкое пустое пространство участка, вбивая колышки по углам и посередине, где надлежало поставить две центральные заявки, потом опрометью бросились к своим нартам, поджидавшим их на замерзшей глади ручья. Все смешалось – движения, звуки; все слилось в единый хаос. Нарты сталкивались; оцетинившись, оскалив клыки, упряжка с визгом налетала на упряжку. Образовавшаяся свалка создала затор в узком месте ручья. Удары бичей сыпались на спины животных и людей без разбора. И в довершение неразберихи вокруг каждого гонщика суетилась кучка приятелей, старавшихся выволить их из свалки. Но вот, силой проложив себе путь, одни нарты за другими стали вырываться на простор и исчезать во мраке между угрюмо нависших берегов.

Джек Харрингтон предвидел заранее, что давки не миновать, и ждал у своих нарт, пока не уляжется суматоха. Луи Савой, зная, что его соперник даст ему сто очков вперед по части езды на собаках, ждал тоже, решив следовать его примеру. Крики уже затихли вдаль, когда они пустились в путь, и, пройдя миль десять вниз до Бонанзы, нагнали остальные упряжки, которые шли гуськом, но не растягиваясь. Возгласов почти не было слышно, так как на этом участке пути нечего было и думать вырваться вперед: ширина нарт – от полоза до полоза – равнялась шестнадцати дюймам, а ширина проторенной дороги – восемнадцати. Этот санный путь, укатанный вглубь на добрый фут, был подобен желобу. По обеим сторонам его расстилался пушистый, сверкающий снежный покров. Стоило кому-нибудь, пытаясь обогнать другие нарты, сойти с пути, и его собаки

неминуемо провалились бы по брюхо в рыхлый снег и поплелись бы со скоростью улитки. И люди замерли в своих подсакивавших на выбоинах нартах и выжидали. На протяжении пятнадцати миль вниз по Бонанзе и Клондайку до Доусона, где они вышли к Юкону, никаких изменений не произошло. Здесь их уже ждали сменные упряжки. Но Харрингтон и Савой расположили свои подставы двумя милями дальше, решив, если потребуется, загнать первую упряжку насмерть. Воспользовавшись сутолокой, воцарившейся при смене упряжек, они оставили позади добрую половину гонщиков. Когда нарты вынесли их на широкую грудь Юкона, впереди шло не более тридцати упряжек. Здесь можно было помериться силами. Осенью, когда река стала, между двумя мощными пластами льда осталась быстрина шириной в милю. Она совсем недавно оделась льдом, и он был твердым, гладким и скользким, как паркет бального зала. Лишь только полозья нарт коснулись этого сверкающего льда, Харрингтон привстал на колени, придерживаясь одной рукой за нарты, и бич его яростно засвистел над головами собак, а неистовая брань загремела у них в ушах. Упряжки растянулись по ледяной глади, и каждая напрягала силы до предела. Но мало кто на всем Севере умел так высылать собак, как Джек Харрингтон. Его упряжка сразу начала вырываться вперед, но Луи Савой прилагал отчаянные усилия, чтобы не отстать, и его головные собаки бежали, едва не касаясь мордами нарт соперника.

Где-то на середине ледяного пути вторые подставы вынеслись с берега им навстречу. Но Харрингтон не замедлил бега своих собак. Выждав минуту, когда новая упряжка поравнялась с ним, он, гикнув, перескочил на другие нарты, с ходу надав жару собакам. Гонщик подставы кубарем полетел с нарт. Луи Савой и тут во всем последовал примеру своего соперника. Брошенные на произвол судьбы упряжки заметались из стороны в сторону, и на них налетели другие, и на льду поднялась страшная кутерьма. Харрингтон набирал скорость. Луи Савой не отставал. У самого конца ледяного поля их нарты начали обходить головную упряжку. Когда они снова легли на узкий санный путь, проторенный в пушистых снежных сугробах, они уже вели гонку, и Доусон, наблюдавший за ними при свете северного сияния, клялся, что это была чистая работа.

Когда мороз крепчает до шестидесяти градусов, надо или двигаться, или разводить огонь, иначе долго не протянешь. Харрингтон и Савой прибегли теперь к старинному способу – «бегом и на собаках». Соскочив с нарт, они бежали сзади, держась за лямки, пока кровь, сильнее забурлив в жилах, не изгоняла из тела мороз, потом прыгали обратно на нарты и лежали на них, пока опять не промерзали до костей. Так – бегом и на собаках – они покрыли второй и третий перегоны. Снова и снова, вылетев на гладкий лед, Луи Савой принимался нахлестывать собак, и всякий раз его попытки обойти соперника оканчивались неудачей. Растянувшись позади на пять миль, остальные участники состязания силились их нагнать, но безуспешно, ибо одному Луи Савою выпала в этих гонках честь выдержать убийственную скорость, предложенную Джеком Харрингтоном.

Когда они приблизились к подставе на Семьдесят Пятой Миле, Лон Мак-Фэйн пустил своих собак. Их вел Волчий Клык, и как только Харрингтон увидел жоака, ему стало ясно, кому достанется победа. На всем Севере не было такой упряжки, которая могла бы теперь побить его на этом последнем перегоне. А Луи Савой, заметив Волчьего Клыка во главе харрингтоновской упряжки, понял, что проиграл, и послал кому-то сквозь зубы проклятия, какие обычно посылают женщинам. Но все же он решил биться до последнего, и его собаки неотступно бежали в вихре снежной пыли, летящей из-под передних нарт. На Юго-востоке занялась заря; Харрингтон и Савой неслись вперед: Один преисполненный радостного, другой горестного изумления перед поступком Джой Молино.

Вся Сороковая Миля вылезла на рассвете из-под своих меховых одеял и столпилась у края санного пути. Он далеко был виден отсюда – на несколько миль вверх по Юкону, до первой излучины. И путь через реку к финишу у форта Кьюдахи, где ждал охваченный нетерпением приисковый инспектор, тоже был весь как на ладони. Джой Молино устроилась несколько поодаль, но ввиду столь исключительных обстоятельств никто не

позволил себе торчать у нее перед глазами и загоразивать ей чуть приметно темневшую на снегу полоску тропы. Таким образом, перед нею оставалось свободное пространство. Горели костры, и золотоискатели, собравшись у огня, держали пари, закладывая собак изолотой песок. Шансы Волчьего Клыка стояли необычайно высоко.

– Идут! – раздался с верхушки сосны пронзительный крик мальчишки-индейца.

У излучины Юкона на снегу появилась черная точка, и сейчас же следом за ней – вторая. Точки быстро росли, а за ними начали возникать другие – на некотором расстоянии от первых двух. Мало-помалу все они приняли очертания нарт, собак и людей, плашмя лежавших на нартах.

– Впереди Волчий Клык! – шепнул лейтенант полиции Джой Молино.

Она ответила ему улыбкой, не тая своего интереса.

– Десять против одного за Харрингтона! – воскликнул какой-то король Березового ручья, вытаскивая свой мешочек с золотом.

– Королева... она не очень щедро платит вам? – спросила Джой Молино лейтенанта. Тот покачал головой.

– Есть у вас зольотой песок? Как много? – не унималась Джой.

Лейтенант развязал свой мешочек. Одним взглядом она оценила его содержимое.

– Пожалуй, тут... да, сотни две тут будет, верно? Хорошо, сейчас я дам вам... как это... подсказка. Принимайте пари. – Она загадочно улыбнулась.

Лейтенант колебался. Он взглянул на реку. Оба передних гонщика, стоя на коленях, яростно нахлестывали собак, Харрингтон шел первым.

– Десять против одного за Харрингтона! – орал король Березового ручья, размахивая своим мешочком перед носом лейтенанта.

– Принимайте пари! – подзадорила лейтенанта Джой.

Он повиновался, пожав плечами в знак того, что уступает не голосу рассудка, а ее чарам. Джой ободряюще кивнула.

Шум стих. Ставки прекратились.

Накренясь, подскакивая, ныряя, словно утлые парусники в бурю, нарты бешено мчались к ним. Луи Савой все еще не отставал от Харрингтона, но лицо его было мрачно: надежда покинула его. Харрингтон не смотрел ни вправо, ни влево. Рот его был плотно сжат. Его собаки бежали ровно, ни на секунду не сбиваясь с ритма, ни на йоту не отклоняясь от пути, а Волчий Клык был поистине великолепен. Низко опустив голову, ничего не видя вокруг и глухо подвывая, вел он своих товарищей вперед.

Сороковая Миля затаила дыхание. Слышен был только хрип собак да свист бичей.

Внезапно звонкий голос Джой Молино нарушил тишину:

– Эй-эй! Вольчий Клык! Вольчий Клык!

Волчий Клык услышал. Он резко свернул в сторону – прямо к своей хозяйке. Вся упряжка ринулась за ним, нарты накренились и, став на один полоз, выбросили Харрингтона в снег. Луи Савой вихрем пролетел мимо. Харрингтон поднялся на ноги и увидел, что его соперник мчится через реку к приисковой конторе. В эту минуту он невольно услышал разговор у себя за спиной.

– Он? Да, он очень хорошо шел, – говорила Джой Молино лейтенанту. – Он... как это говорится... задал темп. О да, он отлично задал темп.

ЗАКОН ЖИЗНИ

Старый Коскуш жадно прислушивался. Его зрение давно угасло, но слух оставался по-прежнему острым, улавливая малейший звук, а мерцающее под высохшим лбом сознание было безучастным к грядущему. А, это пронзительный голос Сит-Кум-То-Ха; она с криком бьет собак, надевая на них упряжь. Сит-Кум-То-Ха – дочь его дочери, но она слишком занята, чтобы попусту тратить время на дряхлого деда, одиноко сидящего на снегу, всеми забытого и беспомощного. Пора сниматься со стоянки. Предстоит далекий

путь, а короткий день не хочет помедлить. Жизнь зовет ее, зовут работы, которых требует жизнь, а не смерть. А он так близок теперь к смерти.

Мысль эта на минуту ужаснула старика, и он протянул руку, нащупывая дрожащими пальцами небольшую кучку хвороста возле себя. Убедившись, что хворост здесь, он снова спрятал руку под износившийся мех и опять стал вслушиваться.

Сухое потрескивание полузамерзшей оленьей шкуры сказало ему, что вигвам вождя уже убран, и теперь его уминают в удобный тюк. Вождь приходился ему сыном, он был рослый и сильный, глава племени и могучий охотник. Вот его голос, понукающий медлительных женщин, которые собирают пожитки. Старый Коскуш напряг слух. В последний раз он слышит этот голос. Сложен вигвам Джиохоу и вигвам Тускена! Семь, восемь, десять... Остался, верно, только вигвам шамана, укладывавшего свой вигвам на нарты. Захныкал ребенок; женщина стала утешать его, напевая что-то тихим гортанным голосом. Это маленький Ку-Ти, подумал старик, капризный ребенок и слабый здоровьем. Может быть, он скоро умрет, и тогда в мерзлой земле тундры выжгут яму и набросают сверху камней для защиты от росомах. А впрочем, не все ли равно? В лучшем случае проживет еще несколько лет и будет ходить чаще с пустым желудком, чем с полным. А в конце концов смерть все равно дождется его – вечно голодная и самая голодная из всех.

Что там такое? А, это мужчины увязывают нарты и туго затягивают ремни. Он слушал, – он, который скоро ничего не будет слышать. Удары бича со свистом сыпались на собак. Слышишь, завыли! Как им ненавистен трудный путь! Уходят! Нарты за нартами медленно скользят в тишину. Ушли. Они исчезли из его жизни, и он один встретит последний тяжкий час. Нет, вот захрустел снег под мокасинами. Рядом стоял человек; на его голову тихо легла рука. Как добр к нему сын! Он вспомнил других стариков, их сыновья уходили вместе с племенем. Его сын не таков. Старик унесся мыслями в прошлое, но голос молодого человека вернул его к действительности.

– Тебе хорошо? – спросил сын.

И старик ответил:

– Да, мне хорошо.

– Около тебя есть хворост, – продолжал молодой, – костер горит ярко. Утро серое, мороз спадает. Скоро пойдет снег. Вот он уже идет.

– Да, он уже идет.

– Люди спешат. Их тюки тяжелы, а животы подтянуло от голода. Путь далек, и они идут быстро. Я ухожу. Тебе хорошо?

– Мне хорошо. Я словно осенний лист, который еле держится на ветке. Первое дуновение ветра – и я упаду. Мой голос стал как у старухи. Мои глаза больше не показывают дорогу ногам, а ноги отяжелели, и я устал. Все хорошо.

Довольный Коскуш склонил голову и сидел так, пока не замер вдали жалобный скрип снега; теперь он знал, что сын уже не слышит его призыва. И тогда рука его поспешно протянулась за хворостом. Только эта вязанка отделяла его от зияющей перед ним вечности. Охапка сухих сучьев была мерой его жизни. Один за другим сучья будут поддерживать огонь, и так же, шаг за шагом, будет подползать к нему смерть. Когда последняя ветка отдаст свое тепло, мороз примется за дело. Сперва сдадутся ноги, потом руки, под конец оцепенеет тело. Голова его упадет на колени, и он успокоится. Это легко. Умереть суждено всем.

Коскуш не жаловался. Такова жизнь, и она справедлива. Он родился и жил близко к земле, и ее закон для нее не нов. Это закон всех живых существ. Природа не милостива к отдельным живым существам. Ее внимание направлено на виды, расы. На большие обобщения примитивный ум старого Коскуша был не способен, но это он усвоил твердо. Примеры этому он видел повсюду в жизни. Дерево наливается соками, распускаются зеленые почки, падает желтый лист – и круг завершен. Но каждому живому существу природа ставит задачу. Не выполнив ее, оно умрет. Выполнит – все равно умрет. Природа безучастна: покорных ей много, но вечность суждена не покорным, а покорности. Племя

Коскуша очень старо. Старики, которых он помнил, еще когда был мальчиком, помнили стариков до себя. Следовательно, племя живет, оно олицетворяет покорность всех своих предков, самые могилы которых давно забыты. Умершие не в счет; они только единицы. Они ушли, как тучи с неба. И он тоже уйдет. Природа безучастна. Она поставила жизни одну задачу, дала один закон. Задача жизни – продолжение рода, закон ее – смерть. Девушка – существо, на которое приятно посмотреть. Она сильная, у нее высокая грудь, упругая походка, блестящие глаза. Но задача этой девушки еще впереди. Блеск в ее глазах разгорается, походка становится быстрее, она то смела с юношами, то робка и заражает их своим беспокойством. И она хорошеет день ото дня; и, наконец, какой-нибудь охотник берет ее в свое жилище, чтобы она работала и стряпала на него и стала матерью его детей. Но с рождением первенца красота начинает покидать женщину, ее походка становится тяжелой и медленной, глаза тускнеют и меркнут, и одни лишь маленькие дети с радостью прижимаются к морщинистой щеке старухи, сидящей у костра. Ее задача выполнена. И при первой угрозе голода или при первом длинном переходе ее оставят, как оставили его, – на снегу, подле маленькой охапки хвороста. Таков закон жизни.

Коскуш осторожно положил в огонь сухую ветку и вернулся к своим размышлениям. Так бывает повсюду и во всем. Комары исчезают при первых заморозках. Маленькая белка уползает умирать в чашу. С годами заяц тяжелеет и не может с прежней быстротой ускакать от врага. Даже медведь слепнет к старости, становится неуклюжим и в конце концов свора визгливых собак одолевает его. Коскуш вспомнил, как он сам бросил своего отца в верховьях Клондайка, – это было той зимой, когда к ним пришел миссионер со своими молитвенниками и ящиком лекарств. Не раз облизывал Коскуш губы при воспоминании об этом ящике, но сейчас у него во рту уже не было слюны. В особенности вспоминался ему «болеутолитель». Но миссионер был обузой для племени, он не приносил дичи, а сам ел много, и охотники ворчали на него. В конце концов он простудился на реке около Мэйю, а потом собаки разбросали камни и подрались из-за его костей.

Коскуш снова подложил хворосту в костер и еще глубже погрузился в мысли о прошлом. Во время Великого Голода старики жались к огню и роняли с уст туманные предания старины о том, как Юкон целых три зимы мчался, свободный ото льда, а потом стоял замерзший три лета. В этот голод Коскуш потерял свою мать. Летом не было хода лосося, и племя с нетерпением дожидалось зимы и оленей. Зима наступила, но олени не пришли вместе с ней. Такое никогда не бывало даже на памяти стариков. Олени не пришли, и это был седьмой голодный год. Зайцы не плодились, а от собак остались только кожа да кости. И дети плакали и умирали в долгой зимней тьме, умирали женщины и старики, и из каждых десяти человек только один дожил до весны и возвращения солнца. Да, вот это был голод!

Но он видел и времена изобилия, когда мяса было столько, что оно портилось, и разжиревшие собаки совсем обленелись, – времена, когда мужчины смотрели на убегающую дичь и не убивали ее, а женщины были плодовиты, и в вигвамах возились и ползали мальчики и девочки. Мужчины стали тогда заносчивы и чуть что вспоминали прежние ссоры. Они перевалили через горы на юг, чтобы истребить племя пелли, и на запад, чтобы полюбоваться на потухшие огни племени танана. Старик вспомнил, что еще мальчиком он видел в год изобилия, как волки задрали лося. Зинг-Ха лежал тогда вместе с ними на снегу, – Зинг-Ха, который стал потом искусным охотником и кончил тем, что провалился в полынью на Юконе. Ему удалось выбраться из нее только до половины – так его и нашли через месяц примерзшим ко льду.

Так вот – лось. Он и Зинг-Ха пошли в тот день поиграть в охоту, подражая своим отцам. На замерзшей реке они наткнулись на свежий след лосося и на следы гнавшихся за ним волков.

– Старый, – сказал Зинг-Ха, умевший лучше разбирать следы. – Старый. Отбил от стада. Волки отрезали его от братьев и теперь не выпустят.

Так оно и было. Таков волчий обычай. Днем и ночью, без отдыха, они будут с рычаньем преследовать его по пятам, щелкать зубами у самой его морды и не отстанут от него до конца. Кровь закипела у обоих мальчиков. Конец охоты – на это стоит посмотреть.

Сгорая от нетерпения, они шли все дальше и дальше, и даже он, Коскуш, не обладавший острым зрением и навыками следопыта, мог бы идти вперед с закрытыми глазами – так четок был след. Он был совсем свежий, и они на каждом шагу читали только что написанную мрачную трагедию погони. Вот здесь лось остановился. Во все стороны на расстоянии в три человеческих роста снег был истоптан и взрыт. Посредине глубокие отпечатки разлтых копыт лося, а вокруг более легкие следы волков. Некоторые, пока их собратья бросались на жертву, видимо, отдыхали, лежа на снегу. Отпечатки их туловищ были так ясны, словно это происходило всего лишь минуту тому назад. Один волк попался под ноги обезумевшей жертве и был затоптан насмерть. Куча костей, чисто обглоданных, подтверждала это.

Они снова замедлили ход своих лыж. Вот здесь тоже происходила отчаянная борьба. Дважды опрокидывали лося наземь, – как свидетельствовал снег, – и дважды он сбрасывал своих противников и снова поднимался на ноги. Он давно выполнил свою задачу, но жизнь была дорога ему. Зинг-Ха сказал: «Никогда не бывало, чтобы раз опрокинутый лось снова встал на ноги». Но этот встал.

Когда потом они рассказывали об этом шаману, он счел это чудом и каким-то предзнаменованием.

Наконец, они подошли к тому месту, где лось хотел подняться на берег и скрыться в лесу. Но враги надели на него сзади, и он стал на дыбы и опрокинулся навзничь, придавив двух из них. Они так и остались лежать в снегу, не тронутые своими собратьями, ибо погоня близилась к концу. Еще два места битвы мелькнули мимо, одно вслед за другим. Теперь след покраснел от крови и плавный шаг крупного зверя стал неровным и спотыкающимся. И вот они услышали первые звуки битвы – не громогласный хор охоты, а короткий отрывистый лай, говоривший о близости волчьих зубов к бокам лося. Держась против ветра, Зинг-Ха полз на животе по снегу, а за ним полз Коскуш – тот, кому предстояло с годами стать вождем своего племени. Они отвели в сторону ветки молодой ели и выглянули из-за них. И увидели самый конец битвы.

Зрелище это, подобно всем впечатлениям юности, до сих пор было еще свежо в памяти Коскуша, и конец погони стал перед его потускневшим взором так же ярко, как в те далекие времена. Коскуш изумился этому, ибо в последующие дни, будучи вождем мужей и главой совета, он совершил много великих деяний – даже если не говорить о чужом белом человеке, которого он убил ножом в рукопашной схватке, – и имя его стало проклятием в устах людей племени пелли.

Долго еще Коскуш размышлял о днях своей юности, и, наконец, костер стал потухать, и мороз усилился. На этот раз он подбросил в огонь сразу две ветки, и теми, что остались, точно измерил свою власть над смертью. Если бы Сит-Кум-То-Ха подумала о деде и собрала охапку побольше, часы его жизни продлились бы. Разве это так трудно? Но ведь Сит-Кум-То-Ха всегда была беззаботная, а с тех пор как Бобр, сын Зинг-Ха, впервые бросил на нее взгляд, она совсем перестала чтить своих предков. А впрочем, не все ли равно? Разве он в дни своей резвой юности поступал по-иному?

С минуту Коскуш вслушивался в тишину. Может быть, сердце его сына смягчится и он вернется назад с собаками и возьмет своего старика отца вместе со всем племенем туда, где много оленей с тучными от жира боками.

Коскуш напряг слух, его мозг на мгновение приостановил свою напряженную работу. Ни звука – тишина. Посреди полного молчания слышно лишь его дыхание. Какое одиночество! Чу! Что это? Дрожь пошла у него по телу. Знакомый протяжный вой прорезал безмолвие. Он раздался где-то близко. И перед незрячими глазами Коскуша предстало видение: лось, старый самец, с истерзанными, окровавленными боками и взъерошенной гривой, гнет книзу большие ветвистые рога и отбивается ими из последних

сил. Он видел мелькающие серые тела, горящие глаза, клыки, слюну, стекающую с языков. И он видел, как круг неумолимо сжимается все тесней и тесней, мало-помалу сливаясь в черное пятно посреди истоптанного снега.

Холодная морда ткнулась ему в щеку, и от этого прикосновения мысли его перенесли в настоящее. Он протянул руку к огню и вытащил головешку. Уступая наследственному страху перед человеком, зверь отступил с протяжным воем, обращенным к собратьям. И они тут же ответили ему, и брызжущие слюной волчи пасти кольцом сомкнулись вокруг костра. Старик прислушался, потом взмахнул головешкой и фырканье сразу перешло в рычанье; звери не хотели отступать. Вот один подался грудью вперед, подтягивая за туловищем и задние лапы, потом второй, третий; но ни один не отступил назад. Зачем цепляться за жизнь? – спросил Коскуш самого себя и уронил пылающую головню на снег. Она зашипела и потухла. Волки тревожно зарычали, но не двигались с места. Снова Коскуш увидел последнюю битву старого лося и тяжело опустил голову на колени. В конце концов не все ли равно? Разве не таков закон жизни?

«КОРОЛЬ ГРЕКОВ»

Рыбачьему патрулю ни разу не удалось задержать Большого Алека. Он хвастался, что никто не сумеет поймать его живым, а из прошлого этого человека было известно, что все попытки взять его мертвым терпели неудачу. Рассказывали также, что по крайней мере двое из патрульных, пытавшихся взять его мертвым, поплатились жизнью. При этом никто так систематически и умышленно не нарушал закона о рыбной ловле, как Большой Алек.

Его прозвали Большим Алеком за исполинское телосложение. Рост его достигал шести футов и трех дюймов, и соответственно этому он был широкоплеч и широкогруд. У него были могучие, крепкие, как сталь, мускулы, а о его недюжинной силе среди рыбаков ходили многочисленные легенды. Смелость и неукротимость духа не уступали его физической силе, благодаря чему ему дали еще одно прозвище – «Король греков». Рыбаки, большинство которых были греки, относились к нему с почтением и слушались, как вожака. Он и был их вожаком, защищал их интересы, лез за них в драку, вырывал из лап закона, если они попадались, и так их объединил, что в беде они горой стояли за него и друг за друга.

Рабочий патруль не раз попытался поймать Большого Алека, но поскольку ни одна попытка не увенчалась успехом, от этой затеи в конце концов отказались; естественно, что когда разнесся слух о его приходе в Беншинию, мне не терпелось увидеть этого героя. Только он появился, как первым делом, действуя, по обычаю, нагло, сам нашел нас.

В ту пору мы с Чарли Ле Грантом служили под начальством патрульного, которого звали Карминтел, и все трое находились на «Северном олене», готовясь к очередному переходу, когда к нам пожаловал Большой Алек. Карминтел наверняка встречался с ним прежде, ибо они подали друг другу руки, как добрые знакомые. На нас с Чарли Алек даже не взглянул.

– Я пришел сюда месяца на два – ловить осетров, – сказал он Карминтелу.

Взгляд его вызывающе блеснул, и мы заметили, что наш патрульный опустил глаза.

– Хорошо, Алек, – ответил Карминтел тихим голосом. – Не буду тебе докучать. Пойдем в каюту, там поговорим, – добавил он.

Когда они вошли туда и заперли за собой дверь, Чарли выразительно подмигнул мне. Я был еще юнцом, плохо разбирался в людях и в поступках иных из них, поэтому намека не понял. Чарли не стал объяснять, хотя я почувствовал в этом деле что-то неладное.

Оставив их совещаться, мы, по предложению Чарли, пересели в ялик и отправились к Старой пароходной пристани, где стоял плавучий дом Большого Алека. Это была барка, маленькая, но вместительная, столь же необходимая рыбакам Верхнего залива, как сети и лодки. Нам обоим любопытно было взглянуть на барку Большого Алека, ибо молва гласила, что она была ареной многих ожесточенных схваток и вся изрешечена пулями.

Мы обнаружили следы дыр, заделанных деревянными пробками и сверху покрашенных, но их оказалось не так много, как я ожидал. Чарли, заметив мое разочарование, засмеялся и, желая меня утешить, рассказал доподлинную историю одного рейда, предпринятого к плавучему дому Короля греков с целью захватить его владельца, предпочтительно живым, а в крайнем случае – мертвым. После шестичасового боя патрульные отступили в поврежденных лодках, потеряв одного убитым и трое ранеными. Вернувшись на следующее утро с подкреплением, они от барки Большого Алека застали только причальные сваи. Сама барка на многие месяцы была спрятана в Сьюисанские камыши.

– Но почему его не повесили за убийство? – спросил я. – Соединенные Штаты, мне думается, достаточно сильны, чтобы привлечь его к ответственности.

– Он сам отдался в руки властей, и был суд, – ответил Чарли. – Дело это обошлось ему в пятьдесят тысяч долларов, а выиграл он его на всяких процессуальных уловках с помощью лучших адвокатов штата. Все греки, рыбачившие на реке, внесли в это свою лепту. Большой Алек обложил их налогом и собрал его, как заправский король. Соединенные Штаты, может, и всемогущи, мой мальчик, но факт остается фактом: Большой Алек – король, у которого на территории Соединенных Штатов есть и владения и подданные.

– А что ты сделаешь, когда он начнет ловить здесь осетров? Ведь ловить-то он будет «китайской лесой».

– Поживем – увидим, – пожав плечами, загадочно ответил Чарли.

«Китайская леса» – это хитроумное устройство, изобретенное народом, именем которого оно названо. Над самым дном, на высоте, начиная от шести дюймов и до фута, с помощью простой системы поплавков, грузил и якорей подвешивают тысячи крючков, каждый на отдельной лесе. Крючок и есть самое примечательное в этой снасти. На нем нет обычной зазубрины, ее заменяет длинный конусообразный конец, острый, как игла. Крючки висят лишь в нескольких дюймах один от другого, и когда такая бахрома из тысячи крючков протянута над самым дном почти на тысячу пятьсот футов, она создает грозную преграду идущей по низу рыбе.

Такая рыба, как осетр, всегда идет, взрывая носом дно, словно свинья, поэтому его часто и называют «рыба-свинья». Уколовшись о первый же крючок, которого он коснулся, осетр в испуге бросается в сторону и натывается на десяток других крючков. Тогда он начинает отчаянно метаться, и крючок за крючком вонзаются в его нежное тело; крючки крепко держат злосчастную рыбу со всех сторон, пока она окончательно не выбьется из сил. Так как ни один осетр не может прорваться сквозь такую снасть, в законе о рыбной ловле ее именуют капканом, а поскольку этот способ ловли ведет к истреблению осетров, он признан незаконным. Мы ничуть не сомневались, что Большой Алек поставит именно такую снасть, подло и открыто попирая закон.

После визита Короля греков прошло несколько дней, в течение которых мы с Чарли зорко следили за ним. Свою барку он перетащил на буксире с Соланской пристани в большую бухту у Тернерской верфи. Эта бухта считалась излюбленным местом осетров, и мы были уверены, что как раз здесь Король греков и разовьет свою деятельность. В часы прилива и отлива вода неслась в бухте, как по мельничному лотку, так что поднимать, опускать и ставить «китайскую лесу» можно было только во время малой воды; поэтому в промежутки между приливом и отливом мы с Чарли попеременно наблюдали за бухтой с пристани.

На четвертый день, лежа на солнышке за балкой, я увидел, что от дальнего берега отошел ялик и направился к бухте. В тот же миг бинокль оказался у моих глаз, и я стал следить за каждым движением ялика. В нем находились двое, и, хотя нас разделяла добрая миля, в одном из них я увидел Алека. И не успел еще ялик вернуться обратно к берегу, как я окончательно убедился в том, что грек поставил свою снасть.

– Большой Алек поставил «китайскую лесу» в бухте у Тернерской верфи, – в тот же день доложил Чарли Ле Грант Кармантелу.

На лице патрульного мелькнула досада, он рассеянно сказал «да?», и только.

Сдерживая гнев, Чарли закусил губу, круто повернулся и вышел.

– Ну как, сынок, рискнем? – спросил он меня вечером, когда мы, надраив палубы «Северного оленя», собрались ложиться спать.

Дыхание у меня захватило, и я лишь кивнул головой.

– Так вот, – глаза Чарли загорелись решимостью, – мы сами, я и ты, поймем Большого Алека, придется нам это сделать, хочет Карминтел или нет. Согласен? – И после паузы добавил: – Дело нелегкое, но мы, пожалуй, справимся.

– Конечно, справимся, – с горячностью подтвердил я.

– Обязательно справимся, – сказал и Чарли.

Мы обменялись рукопожатием и пошли спать.

Да, мы взяли на себя нелегкую задачу. Чтобы обвинить человека в браконьерстве, нужно было застать его на месте преступления, задержать и захватить все улики: крючки, снасти и рыбу. Это означало, что мы должны поймать Короля греков в открытом море, где он увидит нас еще на подходе и не преминет подготовить одну из тех «теплых» встреч, какими славился.

– Нам его не провести, – сказал как-то утром Чарли. – Но если подойти борт к борту, наши силы сравняются. Ничего другого не остается, как попробовать. Пошли, сынок!

Мы отправились на паруснике с реки Колумбия, которым уже пользовались в облаве на китайцев – ловцов креветок. Стояла малая вода, и, обогнув Соланскую пристань, мы увидели Большого Алека за работой: он обходил свою снасть и выбирал рыбу.

– Поменяемся местами! – скомандовал Чарли. – Веди прямо на его корму, будто мы идем к верфи.

Я взялся за румпель, а Чарли сел на среднюю банку, положив рядом револьвер.

– Если он начнет стрелять, – предостерег Чарли, – ложись прямо на дно и правь оттуда так, чтобы видна была только рука.

Я кивнул, и мы смолкли; лодка мягко скользила по воде и подходила к Королю греков все ближе и ближе. Мы видели его уже совсем отчетливо, видели, как он вылавливает багром осетров и кидает их в лодку, а его помощник двигается вдоль снасти, очищая крючки, прежде чем снова забросить их в воду. Но мы были от них еще в пятистах ярдах, когда великан рыбак нас окликнул.

– Эй вы! Что вам здесь надо? – закричал он.

– Не останавливайся, – прошептал Чарли, – будто не слышишь.

Следующие несколько мгновений были очень тревожными. С каждой секундой мы все ближе подходили к нему, а он смотрел на нас в упор, пронизывая взглядом.

– Убирайтесь, коли вам дорога жизнь! – вдруг крикнул он, словно поняв, кто мы и зачем явились. – Не то вам не уйти отсюда живыми!

Он приложил карабин к плечу и прицелился в меня.

– Ну, уберетесь? – потребовал он.

Чарли разочарованно вздохнул.

– Поворачивай, – шепнул он мне, – на этот раз все.

Я бросил руль, ослабил шкот, и наша лодка повернула на пять-шесть румбов. Большой Алек не спускал с нас глаз и вернулся к работе, лишь когда мы были уже далеко.

– Лучше оставьте Большого Алека в покое, – сердито сказал Карминтел в тот же вечер.

– Так он уже жаловался тебе, – многозначительно спросил Чарли.

Карминтел густо покраснел.

– Лучше оставьте Большого Алека в покое, говорю я вам, – повторил он. – Он опасный человек, и нет никакого расчета с ним связываться.

– Конечно, – сдержанно отозвался Чарли, – я слышал, что большой расчет оставить его в покое.

Это был уже прямой вызов Карминтелу, и по выражению его лица мы видели, что удар попал в цель. Ни для кого не было тайной, что Король греков столь же охотно дает взятки, как и вступает в драку, и за последние годы не один патрульный сталкивался с ним за деньги.

– Ты хочешь сказать... – запальчиво начал Карминтел, но Чарли оборвал его:

– Я ничего не хочу сказать. Ты слышал, что я сказал, а коли на воре шапка горит...

Он пожал плечами, а Карминтел, не в силах произнести ни слова, бросил на него яростный взгляд.

– Чего нам не хватает, так это смекалки, – сказал однажды Чарли, после того, как мы однажды попытались подкрасться к Королю греков в предрассветном сумраке и, на свою беду, были обстреляны.

После этого я много дней ломал себе голову, стараясь придумать способ, с помощью которого двоим удалось бы поймать в открытом море третьего, умеющем обращаться с оружием и никогда с ним не расстающегося. Всякий раз в малую воду Большой Алек нагло, открыто, среди бела дня ловил осетров своей китайской снастью. Особенно обидно было сознавать, что все рыбаки от Бенишии до Валлехо знают, как безнаказанно он оставляет нас в дураках. Не давал нам покоя и Карминтел, то и дело гонявший нас в Сан-Пабло, где бесчинствовали ловцы сельдей, так что на Короля греков почти не оставалось времени. Но жена и дети Чарли жили в Бенишии, там была наша штаб-квартира, и мы постоянно туда возвращались.

– Вот что мы можем сделать, – сказал я спустя несколько недель, в течение которых мы так ничего и не добились. – Подождем малой воды, а когда Алек заберет рыбу и отправится на берег, войдем в бухту и захватим его снасть. Ему понадобятся деньги и время, чтобы сделать новую, а дальше мы сообразим, как захватить и ту. Уж если не удастся его поймать, так хоть собьем с него спесь. Понял?

Чарли понял и сказал, что это неплохая мысль. Мы не упустили возможности, и с наступлением малой воды, когда Король греков собрал рыбу и пошел к берегу, мы в своем паруснике двинулись в путь. По береговым знакам мы знали, где должна находиться снасть, и не сомневались, что легко отыщем ее. Прилив только начался; мы подошли к тому месту, где, по нашим предположениям, была протянута снасть, и отдали якорь. Вытавив столько каната, сколько требовалось, чтобы якорь едва касался грунта, мы медленно тянули его за собой, пока он не зацепился за снасть и лодка не замерла в неподвижности.

– Есть! – крикнул Чарли. – Иди сюда и помоги тащить.

Вдвоем мы тянули веревку, пока не показался якорь с осетровой снастью, зацепившейся за одну из его лап. Десятки страшных на вид крючков заблестели перед нами, когда мы освобождали якорь, но только мы направились вдоль снасти, к противоположному концу, чтобы вытащить ее, как нас остановил резкий удар по лодке. Мы оглянулись, но, ничего не увидев, вернулись к своей работе. Через минуту раздался еще такой же удар, и планшир между мной и Чарли разлетелся в щепы.

– Уж больно на пулю похоже, сынок, – раздумчиво сказал Чарли. – Это стреляет Большой Алек. У него бездымный порох, – заключил он, внимательно оглядев берег в миле от нас. – Вот почему мы не слышали выстрелов.

Я тоже посмотрел на берег, но не заметил и следа Короля греков; тот, видимо, прятался за скалой, в бухточке, тогда как мы были совсем на виду. Третья пуля ударилась о воду, отскочила рикошетом и, со свистом пролетев над нашими головами, упала в воду позади нас.

– Пожалуй, нам лучше убраться отсюда, – спокойно заметил Чарли. – Ты как думаешь, сынок?

Я тоже был того же мнения и сказал:

– Черт с ней, с этой лесой!

Мы подняли шпринтовый парус и тронулись с места. Стрельба тут же прекратилась, и мы ушли с неприятным сознанием, что Большой Алек смеется над нами.

Мало того, на следующий день, когда мы осматривали на рыбацкой пристани сети, он не постеснялся издеваться и зубоскалить на наш счет в присутствии всех рыбаков. Чарли прямо почернел от гнева, но сдержался и только пообещал Большому Алеку, что рано или поздно упечет его в тюрьму. Король греков стал похваляться, что ни один рыбацкий патруль не поймал его и никогда не поймают, а рыбаки поддакивали ему, утверждая, что это истинная правда. Они так распалились, что казалось, вот-вот начнется потасовка, но Большой Алек своей королевской властью усмирил их.

Смеялся над Чарли и Карминтел, отпуская язвительные замечания и всячески досаждая ему. Однако Чарли не проявил гнева и по секрету сказал мне, что все равно поймают Большого Алека, если даже придется гоняться за ним до конца своих дней.

– Не знаю как, но сделать я это сделаю, – заявил он. – Это так же верно, как то, что меня зовут Чарли Ле Грант. Не бойся, в свой час верная мысль непременно придет.

Действительно, в свой час она пришла, и пришла тогда, когда мы меньше всего ждали. Целый месяц мы неустанно ходили вверх и вниз по реке, бороздили вдоль и поперек залива, и у нас не было свободной минуты, чтобы заняться рыбаком, который китайской лесой ловил осетров в бухте у Тернерской верфи.

Как-то в полдень, неся патрульную службу, мы подошли к Селбийскому плавильному заводу, и тут нам наконец представился наш долгожданный случай. Он явился в облике никем не управляемой яхты, ибо все пассажиры ее страдали от морской болезни. Конечно, едва ли можно было ждать, что мы распознаем в ней нашего спасителя. То была большая яхта-шлюп, совсем беспомощная, так как дул почти штормовой пассат, а на борту не было ни одного умелого матроса.

С Селбийской пристани мы с беспечным любопытством наблюдали за неуклюжими попытками поставить яхту на якорь и столь же неуклюжими попытками спустить лодку и отправиться в ней на берег. Весьма жалкого вида человек в грязных парусиновых штанах, чуть не утопив свою лодчонку в бурном море, передал нам фалинь и с трудом выбрался на пристань. Он шатался так, как будто земля под ним ходила ходуном, и рассказывал нам о своей беде, то есть, собственно, о том, что произошло с яхтой. Единственного опытного матроса, человека, от которого они все зависели, отозвали телеграммой в Сан-Франциско, и они попытались продолжить путь одни. Справиться с крепким ветром и волнением в бухте Сан-Пабло оказалось им не под силу. Все больны, никто ничего не знает и не умеет делать; вот они и подошли к плавильне, чтобы оставить здесь яхту или найти кого-нибудь, кто отвел бы ее Банишию. Словом, не знаем ли мы моряков, которые согласились бы отвезти яхту в Бенишию?

Чарли взглянул на меня. «Северный олень» спокойно стоял на якорю. Мы были свободны от патрульной службы до полуночи. Дул попутный ветер, мы могли бы добраться до Бенишии часа за два, побыть несколько часов на берегу и вернуться сюда вечерним поездом.

– Все будет в порядке, капитан, – сказал Чарли неудачливому яхтсмену, вяло улыбнувшемуся, когда его называли капитаном.

– Я только владелец яхты, – пояснил он.

Мы доставили его на яхту куда лучшим манером, чем это сделал он, переправляясь на берег, и убедились собственными глазами, до чего беспомощны были пассажиры. Их было там человек двенадцать, мужчины и женщины, и все они так страдали от морской болезни, что даже не ожевились при нашем появлении. Яхту отчаянно качало, и едва ее владелец ступил на палубу, как свалился, разделив участь всех остальных. Ни один из пассажиров не был в состоянии оказать помощь, поэтому нам с Чарли пришлось вдвоем разбирать запутанный такелаж, ставить парус и поднимать якорь.

Путешествие было беспокойным, хотя и недолгим. Каркинезский пролив представлял собой мешанину бурлящей пены и густого тумана, но мы стремительно проскочили сквозь них и, опережая ветер, понеслись вперед, в то время, как большой грот попеременно то окунал, то подбрасывал в небо свой гик. Но люди этого не замечали. Они ничего не замечали. Двое или трое, включая владельца яхты, растянулись в кубрике, вздрагивая всякий раз, когда яхта взлетала на гребень волны, а потом падала вниз, в бездну, и время от времени с тоской посматривая на берег. Остальные лежали вповалку среди подушек на полу в каюте. Иногда оттуда доносился стон, но большей частью они были немые и неподвижные, как покойники.

Но вот показалась Тернерская верфь, и Чарли проскользнул в бухту, так как там было тише. Уже виднелась и Бенишия, и мы шли по сравнительно спокойной воде, как вдруг впереди, прямо у нас на пути, заплясало пятнышко – ялик. Стояла малая вода. Мы с Чарли переглянулись. Ни слова не было сказано, но яхта повела себя удивительным образом, то и дело меняя направление и рыская, словно у штурвала стоял совсем зеленый новичок. Моряку нашлось бы над чем посмеяться. Со стороны казалось, будто через весь залив во весь дух несется взбесившаяся яхта и лишь временами ее сдерживает чья-то рука, тщетно пытаясь направить в Бенишию.

Владелец, позабыв о своей морской болезни, с тревогой смотрел на нас. Пятнышко – ялик – на нашем пути все росло, мы могли уже разглядеть склонившихся над накинутаю на крьюс осетровой снастью Большого Алека и его приятеля, которые прервали работу, чтобы над нами посмеяться. Чарли надвинул зюйдвестку на глаза, и я последовал его примеру, хотя не догадывался, что он затеял и как собирается осуществить свою затею.

Вспенивая воду и держась на траверзе ялика, мы подошли к нему так близко, что по ветру до нас донеслись голоса Короля греков и его помощника, ругавших нас со всем презрением, какое истые моряки испытывают к любителям, особенно если те ведут себя, как последние идиоты.

Словно грозовой шквал, мы пронеслись мимо рыбаков, но ничего не случилось. Взглянув на мое разочарованное лицо, Чарли усмехнулся и крикнул:

– На грота-шкот, к повороту!

Он переложил руль на борт, и яхта послушно сделала поворот. Грота-шкот ослаб и опустился, вслед за гиком пролетел над нашими головами и с треском растянулся на раке-бугеле. Яхта сильно накренилась, почти легла на бок; страшный вопль донесся из каюты: это больных пассажиров прокатило через всю каюту и швырнуло вповалку на койки правого борта.

Но нам было не до них. Завершив свой маневр, яхта с полоскающимися парусами двинулась против ветра и встала на ровный киль. Мы снова понеслись вперед; ялик был теперь прямо перед нами. Я увидел, как Большой Алек бросился за борт, а его помощник ухватился за наш бушприт. Тут мы наскочили на ялик, раздался треск, потом еще толчки и удары, когда ялик очутился под нашим днищем.

– Теперь его карабину крышка, – пробормотал Чарли, бросившись на палубу, чтобы взглянуть, нет ли Большого Алека где-нибудь за кормой.

Ветер и волны быстро остановили наше движение вперед, и нас стало относить туда, где мы только что видели ялик. Черноволосая голова и смуглое лицо грека высунулось из воды чуть ли не рядом, и мы втащили его на борт. Он ничего не подозревал и был страшно зол на «любителей», которые столь неуклюжим маневром чуть не утопили его, заставив глубоко нырнуть и долго оставаться под водой, чтобы не разбиться о киль.

В следующую минуту, к великому ужасу и изумлению владельца яхты, Чарли уже сидел верхом на Короле греков, а я помогал вязать его сезенью. Владелец яхты возбужденно запрыгал вокруг нас, требуя объяснений, но к этому времени приятель Алека сполз с бушприта на корму и заглядывал через поручни в кубрик, силясь понять, что творится. Чарли тут же обхватил его за шею и уложил на спину рядом с Большим Алеком.

Разбитый ялик лениво покачивался невдалеке; я привел в порядок паруса, а Чарли стал править к ялику.

– По этим людям тюрьма плачет, – пояснил Чарли взбешенному владельцу. – Они злостные браконьеры. Вы видели, что мы накрыли их на месте преступления, и вас, конечно, вызовут в суд штата, как свидетеля.

Тем временем мы поравнялись с яликом, за которым тянулась оборвавшаяся снасть. Чарли вытянул на борт футов сорок или пятьдесят ее вместе с молодым осетром, так и застрявшим в путанице острых крючков, потом отхватил этот кусок снасти своим ножом и бросил в кубрик рядом с пленниками.

– А вот и вещественное доказательство, улика номер один, – продолжал Чарли. – Смотрите внимательно, чтобы опознать на суде, и запомните время и место, где преступники были пойманы.

Вскоре, перестав рыскать и кружиться во все стороны, мы торжественно шли к Бенишии. Король греков, связанный по рукам и ногам, лежал в кубрике, наконец-то оказавшись пленником рыбацкого патруля.

Азиз Несин

ТЕКСТЫ ДЛЯ СВОБОДНОГО ЧТЕНИЯ ТЕЛЕГРАММА

Разве кто поверит, что одна какая-то телеграмма может так испортить жизнь целой семье? Из семи строк мы смогли разобрать в ней только два слова: название города — София, из которого ее послали, и фамилию адресата, то есть мою... Я приведу здесь из софийского ребуса лишь одну строчку: «Che remonsi eurne sin comme inr cat ducon cors aseko...»

Было ясно, что телеграмма послана не на турецком языке, совсем не похоже это и на английский, который я знаю.

Я пошел к соседу, он преподает французский язык в лицее.

- Друг мой, вот получил я телеграмму из Софии. Не будете ли вы любезны перевести ее на турецкий? Некоторое время он изучал телеграмму:

- А вы уверены, что она написана по-французски?

- Да, - ответил я. - Хорошо, но из чего вы это заключаете?

- В тексте один раз встречается словечко «par». Насколько мне известно, «par» есть во французском... - Послушайте, в этой телеграмме приблизительно пятьдесят слов. Можно ли из-за одного-единственного «par» считать, что она написана по-французски?

- Ну, а на каком же языке она по-вашему составлена?

- Конечно, на болгарском. - Но я не знаю болгарского... - Это не важно, зато отправитель знает... - Значит, вы владеете и болгарским? - Не-е-е... - А откуда же вы тогда взяли, что она на болгарском?

- Телеграмма поступила из Софии. София — столица Болгарии. Ну-у? А болгары говорят по-болгарски... - А ведь вы правы... Смотрите, а мне и в голову не пришло. Я пришел с телеграммой к одному приятелю, переселенцу из Болгарии. - Это не болгарский, - заявил он.

- Аллах, Аллах... Не по-французски, не по-английски. На каком же еще языке может быть телеграмма из Софии? - А может, на немецком?

-Может... Почему не может? Сын приятеля изучал германскую филологию. Мы дали ему телеграмму.

- Она не на немецком, - ответил он, - мне кажется, что телеграмма на итальянском или же на испанском. - Почему так? - спросил я.

- Вот смотрите, почти все слова оканчиваются на гласный звук...

-А может, это португальский?

-Все может быть.

- Да бросьте вы! Чепуха какая-то!- закричал я.- С чего это вдруг болгарин будет посылать турку телеграмму на испанском языке!

- А не мог ли болгарин подшутить над вами?

Я отнес телеграмму в бюро переводов. Выяснилось, что телеграмма была не на испанском, не на итальянском и вообще ни на одном из известных языков мира. Все в нашей округе узнали, что я получил телеграмму, написанную неизвестно на каком языке. То ли действительно хотели помочь мне, то ли просто из любопытства, но в дом к нам повалили знакомые и незнакомые.

- Эфенди мой, разрешите мне посмотреть телеграмму. Может быть, я смогу вам помочь. - Спасибо. А какой вы знаете язык?

- Арабский... - С какой стати болгарин пошлет мне телеграмму на арабском?

- В этом мире все случается, разве поймешь, что теперь происходит!

Приходили разные люди, среди них один знал финский, а другой — бенгальский.

Но как только выяснялось, что язык телеграммы непонятен еще одному человеку, на душе у меня становилось радостно, ибо сокращалось число известных в мире языков, на котором она могла быть написана, и, значит, моя задача облегчалась.

В один прекрасный день я нашел человека, знающего сразу шестнадцать языков. Этот полиглот сам ко мне домой не пришел. Я направился к нему собственной персоной. Многомудрый лингвист, изучив телеграмму, сказал, что она написана по-кубински. Я задрожал от страха. Как бы не навлечь на свою голову неприятности.

- А что сказано в этой телеграмме?! - закричал я в отчаянии.

-На это я не отвечу, потому что не владею кубинским...

-Так почему вы решили, что она написана по-кубински?

-Потому что телеграмма начинается с «che». Известно, что «che» — уменьшительное имя Гевары, Че Гевара...

-Извините, но зачем болгарин станет посылать мне телеграмму по-кубински?

-Хорошо, а что делать болгарину, если он других языков не знает?

По этой причине я потерял сон. Хорошо, что другой знаток языков разъяснил мне, что кубинский это тот же испанский. Тогда я немного успокоился.

Кто-то высказал предположение, что телеграмма написана на эсперанто. Мне это показалось вполне вероятным. После долгих поисков я нашел человека, знающего эсперанто. Нет, телеграмма была не на эсперанто.

Проще всего было разорвать ее или выбросить и так избавиться от забот. Но вдруг в ней говорилось о деле важном, не терпящем отлагательств?

По настоянию друзей я отнес телеграмму ученому, знавшему древнегреческий, латинский, санскрит. После долгого изучения телеграммы он сказал: - Вы зря стараетесь перевести эту телеграмму. Она ни на каком языке не написана.

- То есть как это, — возмутился я, — что вы хотите этим сказать?

-Я хотел вам сказать, что это шифровка.

-Аллах, помилуй меня! — заорал я от страха.

- Шифровка?

-Да... Без шифровального ключа ее никто не сможет прочитать.

Шифрованная телеграмма, полученная от болгарина!..

Я должен сразу же сжечь ее и развеять пепел по ветру. Но теперь какой от этого толк? Копия телеграммы имеется на почте, она наверняка попала в руки соответствующих органов. Вероятно, там уже нашли ключ и давно ее расшифровали.

Я окончательно растерялся и метался по дому, не находя места. Вдруг в парадное застучали. О беда! Вот и пришли... Но это оказался мой старый друг.

Потрясая бумагой, он кричал: - Безобразие, безобразие!.. - Что такое? Что случилось? - с тревогой уставился Я на него. - Хуже и быть не может... Неделю назад я получил телеграмму из Анкары. Вот смотри! Попробуй прочитай, что здесь написано! Я старался разобрать то, что он мне всучил, но ничего не мог понять. Телеграмма выглядела так:

«Выз ыва етрук овод ствопар тииср очноп риез жай жен есыну привет».
- Ты что-нибудь понял? - спросил он. - В конце стоит «привет», а больше ничего не могу разобрать. - Конечно, тут никто ничего не разберет, ничего. Все слоги перепутаны. Я тоже ничего не понял и погорел...

Погорел? Почему? - Она читается так: «Вызывает руководство партии, срочно приезжай». Меня, оказывается, вызывали, чтобы назначить министром... Ты понимаешь, что произошло? - Ну-у! Ты бы сразу же отправился...
- Куда отправился? Я же не мог прочитать эту галиматью... Пока я показывал ее тому-другому, выяснял, спрашивал, прошло много времени... Не будет же правительство ждать, когда я сообразоволю приехать и стать министром... Они решили, что я отказываюсь от этого поста, и назначили другого.

Успокаивая друга, я упомянул о своей беде: - Я тоже получил телеграмму, никто ее не может прочитать... - Помилуй, как бы это тебя не вызывали в правительство...
- Нет, дорогой мой, эта телеграмма прислана из Болгарии... У тебя есть опыт, может, ты поймешь, что в ней сказано... Поломав голову, мы в конце концов разобрались, что телеграмма из Софии написана по-французски, что все слоги в ней перепутаны, а смысл ее в том, что мои болгарские друзья, писатели, просили меня прислать рассказ в связи с юбилеем софийской газеты «Народна младеж». Пока я возился с телеграммой, прошли дни, недели. Я написал им телеграфный ответ, думая что «Народна младеж» использует его в следующем свой юбилей. На почте я одумался. Как быстро мы, люди, забываем неприятности! Сколько я пережил из-за этой телеграммы. А теперь сам творю, не ведая что. На этот раз такие же неприятности могут свалиться на голову редактора «Народна младеж»! За столь короткое время ведь не повысилась культура болгарских телеграфистов в Софии и турецких — в Стамбуле... Как и в тот раз, половину телеграммы исказит наш телеграфист здесь, а остальное доделает болгарский, в Софии. Я отказался от мысли посылать телеграмму. Вместо этого я написал вот этот рассказ. «Поздравляю с праздником, долгих лет здоровья тебе, «Народна младеж»!..»

2. СКОРО ПОДОРОЖАЕТ

К нам пришли гости. Между делом спросили:

— У вас есть сахар?

— Должен быть. Вчера купили кило.

Гость улыбается:

— Вы что, с ума сошли? Купите несколько мешков сахара и спрячьте. Сахар скоро исчезнет...

Не несколько килограммов, а несколько мешков! Приходит знакомый и говорит:

— Вы купили керосин?

— Есть немного.

— Керосина скоро не будет в продаже, так что купите бидонов пятнадцать-двадцать и

спрячьте...

Не пятнадцать-двадцать литров, а пятнадцать-двадцать бидонов!..

Приходит приятель и спрашивает:

— Есть у вас чай!

— Есть, только купили пачку.

— Помилуйте, да вы в своем уме? Немедленно купите сорок-пятьдесят пачек, не пройдет и недели, как его днем с огнем не найдешь!

Мой друг советует:

— Фасоль, знаете... Бегите и купите пять-десять мешков... Она вот-вот подорожает.

Не пять-десять килограммов, а пять-десять мешков!.. Приходит сосед и спрашивает:

— У вас есть мыло?

— Есть несколько кусков...

— Вы не знаете, что творится на свете? Все скупают у бакалейщиков мыло.

Один из соседей предупредил:

— Никому не говорите: оливковое масло подскочит в цене. Купите пока не поздно несколько бидонов.

Если послушать друзей и знакомых, то наш дом нужно превратить в продовольственный склад, а самим переехать жить в гостиницу.

«Спрячь где-нибудь...» «И не кило и не два, а мешки, ящики, бидоны...»

Слава Аллаху, у нас нет денег, и мы по старому обходимся килограммом оливкового масла, тремя кусками мыла, пачкой чая, килограммом сахара. Но когда кто-нибудь приходит и спрашивает:

-У вас есть сахар?- У-у-у-... полно, все под кроватями забито сахаром...

- А керосин есть?

-Сто бочек, — затыкаем мы ему рот.

— Чай?

— Навалом, — отвечаю я, — купили пятьсот пачек и спрятали.

А ведь есть люди, которые, услышав, что повысятся цены, закупают продовольствие оптом, сразу пригоняют несколько автомобилей, строят по три-четыре квартиры.

Что касается меня, то я ничего не могу заготовить впрок. Но я тоже принял меры в связи с надвигающейся дороговизной.

Я целыми днями езжу в автобусе, который курсирует между моим домом в Эрэнкёе и Кадыкёем [1]. Вчера катался, пока автобус не пошел в парк.

— Простите, — говорит кондуктор, — мы уже отправляемся в восьмой рейс, а вы сидите. Куда вам нужно?

— Я не сойду с автобуса, пока он не пойдет в последний рейс.

— Почему?

— Только никому не говорите, скоро проезд в автобусах подорожает... А пока дешево, хочу досыта накататься.

СИЛЬНЫЙ

Целый ряд наших журналов и газет печатает брачные объявления. Не знаю, как вы, но я внимательный и неприменный читатель этих объявлений. В каждой их строчке и смех и слезы.

Почти все девушки и женщины, желающие выйти замуж, первым долгом требуют, чтобы у их будущих супругов был «сильный характер». В разговоре между собой они только и лепечут: «караактер», «халактер», «характел».

Что уж тут скрывать? Когда вы покупаете автомобиль, то хотите, чтобы он был с сильным мотором, а когда ищете себе спутника жизни, то требуете, чтобы у него был

сильный характер.
Но что такое «сильный характер»?

Говорится: «То не дыня, что можно понюхать». Если бы характер человека можно было понюхать, то мужчин очень просто было бы рассортировать, как кровь, по группам, а затем наклеивать на них ярлыки: «С характером», «Бесхарактерный», «Слабохарактерный»...

Давая объявления, женщины и девушки объясняют, что они понимают под характером. Вот пример: «Человек, за которого я могла бы выйти замуж, должен быть с сильным характером, ростом не больше ста восьмидесяти сантиметров, не старше тридцати лет, широкоплечий, с зелеными глазами...» Есть дамы, которые предпочитают, чтобы их будущий супруг характером был похож на такого-то киноактера в таком-то фильме. А одна пишет: «Я довольно фотогенична и артистична. Мой будущий супруг должен разбираться в европейской и турецкой культуре и иметь характер...» Интересно знать, какой характер у этой дамы?

Вот еще одно брачное объявление: «Я знаю все, что положено знать молодой девушке. Мой будущий муж должен быть примерным семьянином и обладать сильным характером».

В другом объявлении некой особы сказано, что ей хотелось бы иметь мужа с таким сильным характером, который давал бы ему возможность зарабатывать в месяц две тысячи лир.

Эти «девушки с чистым прошлым», ищущие для себя мужей с «сильным характером», любят употреблять такие слова, как «безлунная ночь», «бесконечный сон», «цветок счастья». Мне эти девушки не по душе. Но, может быть, и мы, подобно женщинам, желающим выйти замуж, не знаем, что такое сильный характер? В самом деле, что это за штука, с чем ее едят? Может быть, супруг без сильного характера то же, что банан, лишенный сладости?

Вчера одна газета, рассказывая о сильном характере политического деятеля, писала, что долгие годы он состоял в народно-республиканской партии, затем являлся деятельным членом демократической партии, потом был в числе бесстрашных борцов республиканско-национальной партии и, наконец, начал вести настоящую борьбу за свободу, состоя в партии свободы.

Я поднял этот вопрос по случаю беседы нашей последней королевы красоты с одним журналистом. Какой-то пакистанский миллионер сделал ей предложение. У этого человека, кроме многих миллионов, есть еще фабрика, на которой работает тысяча человек. Наша королева отказалась выйти замуж за этого миллионера. Журналист спросил ее:

— Каким вы представляете себе человека, за которого можете выйти замуж?

Красавица ответила:

— Прежде всего он должен жить в Стамбуле и быть человеком с сильным характером.

Журналист поинтересовался: сколько должно быть денег у мужчины, чтобы он считался человеком с сильным характером.

— Выйдете ли вы замуж за чиновника, который получает в месяц двести пятьдесят лир?

— Нет уж, увольте! — ответила госпожа Гюнер. Человек, зарабатывающий двести пятьдесят лир, не может иметь сильный характер. Им может считаться человек, зарабатывающий при нынешней дороговизне по крайней мере тысячи три-четыре. Вы понимаете, что ищут наши девушки в мужьях с сильным характером? [1] Эрэнкёй, Кадыкёй — районы Стамбула.

Чернокожий

солдат

Я полагаю, эту фотографию, обошедшую газеты, вы тоже видели: раненый солдат-негр с автоматом в руках, из которого он не успел выстрелить, под ураганным огнем ищет место, где бы укрыться, спрятаться, спасти свою жизнь. Чернокожий сын Америки пришел воевать против вьетнамцев. В пламени, бушующем на земле и в воздухе, жалким и ничтожным выглядит этот рослый и сильный, с симпатичным лицом парень. Сейчас оно искажено страхом и болью. Когда я смотрю на фотографию, мне кажется, что я слышу отчаянный вопль.

Несчастный чернокожий солдат, может, он раньше не знал и названия этой страны, понятия не имел, где она находится. Его послали сюда, чтобы убивать вьетнамцев, которые встали на защиту своей родины и независимости.

Я смотрю на снимок солдата. Он оживает, поднимается во весь рост, и мне хочется задать вопрос:

- Что ты здесь забыл? Зачем пришел сюда?

- Защищать свободу, освобождать...

Да, так сказали негритянскому юноше из Америки.

Я видел нескольких вьетнамцев из Северного и из Южного Вьетнама, приехавших с поля боя на конгресс Всемирного Совета мира... Нежные, хрупкие на вид. Смех их напоминал музыку дождя. Пальцы их будто ласкали то, чего касались. Я представил себе, как эти руки бросают гранаты, нажимают на спусковой крючок. Да, этим рукам выпало на долю защищать свою родину. От кого? От таких вот чернокожих американских солдат...

Наверное, американскому негру сказали, что вьетнамцы со своими женщинами, детьми, стариками — главные враги свободы на земле.

Чернокожий солдат, а какую свободу защищать ты пришел сюда? Уж не свободу ли быть в Америке людьми второго сорта?

Американский солдат-негр, изрешеченный свинцовыми пулями, корчится от боли. По его черной коже течет кровь. Эту кровь, впитает вьетнамская земля, которую он, солдат иностранной армии, топчет. Мелькнула ли у него мысль, за что он умирает? Ради чего?

- Ради свободы! Даст ли тебе так называемый свободный мир, за который ты пришел умирать во Вьетнам, в твоей Америке, где ты лишь на бумаге считаешься гражданином, право жить в таких же условиях, в каких живут белые?

Нежные руки хрупких по виду людей обрушили ливень пуль на твое огромное чернокожее тело... Почему ты стал врагом вьетнамцев, смеющихся, словно звон дождя? Потому что пришел воевать за свободу, которой сам никогда не обладал... И против кого? Против тех, кто защищает свою родину, свою независимость. Жаль тебя, чернокожий солдат... С криком ты рухнешь на землю рядом со стонущим вьетнамцем... Посмотрите друг на друга. Вас разъединяет незнание языка — поговорите глазами... Посмотри в эти светящиеся, узкие глаза. Может быть, умирая, ты, чернокожий солдат, поймешь, что погибаешь зря...

Относительное представительство

Зеленые двери кофейни под вывеской "Читальня друзей — арендатор Джемаль Джаймаз" были распахнуты настежь. Джемаль-эфенди стоял возле очага и щипцами перемешивал угли в самоваре. Его подручный Хюсейн подметил земляной пол, который от обильного поливания и шарканья ног стал похож на черный бетон. На него легла тень от залитого солнцем пышного куста под окном. Она напоминала ковер, расшитый причудливыми узорами.

Покончив с кофейней, Хюсейн начал подметать увитый плющом садик, полил колокольчики, протер мраморные столики. Когда он расставлял бутылочки газоса по краям маленького бассейна, находившегося в центре садика, золотые рыбки испугались и ушли поглубже.

Газос — сладкая газированная вода, закупоренная в бутылочке.

- Вытащи Хайдара во двор! — крикнул Джемаль-эфенди Хюсейну.

Хайдар — это канарейка. Хюсейн снял клетку, подвешенную к потолку, и повесил ее на гвоздь под навесом, где стояли горшки с геранью и гвоздикой; на цветы были надеты яичные скорлупки. Покончив с уборкой, он пустил воду в фонтанчике. У дверей показался Ихсан-бей, бывший служащий на телефонной станции, а теперь пенсионер. Заходи, Ихсан-бей!..

-Благодарствую! Здравствуйте!

-Здравия желаем!

-Приготовь-ка мне кофе, сынок. Где газета? Ихсан-бей сел, поджав под себя правую ногу, поправил очки на носу. Хюсейн принес газету. Ихсан-бей раскрыл ее. Затем пришел Хаджи Махмут-эфенди. Поздоровались. За ним - отставной полицейский Бюньямин-эфенди.

- Включи радио, Хюсейн! — попросил он, отхлебывая крепкий чай.

Мальчик повернул переключатель приемника, прикрытого вышитой белой накидкой, Передавали какую-то беседу. Ихсан-бей, уткнувшийся в газету, замахал вдруг рукой, будто отгонял назойливую муху. -Выключи, выключи! Радио замолкло. Разносчик цветов Мазлум и молочник Халим вошли вместе. Они поздоровались с сидевшими за столиком и попросили домино. В кофейне сталолюдно. - О-о-о!.. Все друзья в сборе, — приветствовал посетителей с порога Мухтар Эмруллах-эфенди. Ихсан-бей, оторвавшись от газеты и посматривая вверх очков, произнес:

- Слава и благодарение Аллаху! Дожили мы до блаженных дней.

Никто не понял его слов, но все головы повернулись к нему. А Ихсан-бей, тыча рукой в газету, продолжал: -То, что до сих пор было причиной наших страданий, слава богу, уже позади. Пусть теперь объединятся хоть самые сильные державы, они не смогут нас согнуть. Мухтар Эмруллах-эфенди, который всегда спорил с Ихсан-беем, спросил:

-Опять что-нибудь случилось, Ихсан-бей? Что пишут в газете?

-Что пишут в газете?.. Наконец-то принята система относительного представительства.

Имеется в виду пропорциональная система избирательного права в капиталистических странах, при которой места в парламенте распределяются между отдельными партиями пропорционально количеству голосов избирателей, поданных за список кандидатов каждой из этих партий. В 1950 г. правительство Народно-республиканской партии, чтобы не допустить к власти оппозицию, ввело мажоритарную систему, при которой избранным в данном округе считается только кандидат (или список кандидатов), получивший большинство голосов. В 1961 г. после переворота 27 мая 1960 г. был принят избирательный закон, по которому было введено пропорциональное представительство при избрании национальной палаты и мажоритарная система при избрании сената. В 1964 г. мажоритарная система была заменена пропорциональной и при выборах в сенат.

Мухтар Эмруллах-эфенди, чтобы сообразить, о чем идет речь, и что бы такое придумать в ответ, протянул: -Да-а-а... Вот этому я рад. Значит, приняли... систему относительного представительства. Мазлум, оторвавшись от игры, спросил: -Америка или Россия?

- Какая там Америка, какая Россия, сынок!.. Мы приняли, мы. Отныне у нас относительное представительства.

-Да-а-а... Хорошо, хорошо, пусть. Отставной полицейский Бюньямин спросил:

-А почему вы думаете, что это хорошо? -А что плохого?

Мухтар Эмруллах, не желая отставать от Ихсан-бея, сказал:

-Хорошо — не то слово, прекрасно! -Дай бог, к лучшему!..

Ихсан-бей продолжал разъяснять: -Возьми ты, например, Америку, Францию возьми, Англию, Германию, возьми Японию... Все они высокоразвитые страны, не так ли? -Да, так. Все они далеко ушли, - заметил Хаджи Махмут. - Почему? Потому что и в Европе, и в Америке принята система относительного представительства. В этом все дело.

Мухтар Эмруллах: - Стоит только принять систему относительного представительства, как страна быстро двинется вперед.

Ихсан-бей продолжал: -Мы, начиная с танзимата, стремимся к прогрессу, но ничего у нас не получается. И не понимаем причины нашей отсталости. Если бы мы знали, в чем дело, давно бы все было по-иному.

-Так в чем же дело, Ихсан-бей? -Как в чем? В относительном представительстве... Сколько раз у нас менялась власть. Пораскинь-ка умом и подумай: почему это Европа, Америка все время идут вперед?..

-Конечно, причина есть.

Танзимат - период умеренных реформ, проводившихся в Турции в 40 — 70-х годах XIX в. Опять заговорил Мухтар Эмруллах:

-Причина ясна: относительное представительство. Если бы это относительное представительство приняли у нас пять-десять лет назад, то сейчас и Европа, и Америка были бы далеко позади нас.

- Да, слава Аллаху, — подтвердил Ихсан-бей, — у нас все есть. Есть руда, земли наши богаты, реки прекрасны, страна наша обширна, и климат благодатен... Чего нам не хватает? Только одного — относительного представительства...

- Теперь и это будет. Пусть посмотрят тогда на нас... Все в кофеине, разинув рот, слушали разговор Ихсан-бея и Мухтара Эмруллаха.

-Слава и благодарение Аллаху, получили мы относительное представительство!.. Если бы, например, это случилось сто лет назад, то мы давно бы уже слетали и на Луну, и на Солнце...

-Знаешь, братец, отчего у меня душа болит? Ведь никому в голову это не приходило! А народ страдал. Ну, ничего, в конце концов поняли...

В разговор вмешался молочник Халим:

- Ихсан-бей, значит, это относительное представительство так необходимо?

- А как же!.. Еще бы! Все зависит от него. В какой стране нет относительного представительства - там отсталость. Хозяин кофейни Джемаль глянул из-за самовара.

- Простите, я одного не понимаю. Раз это относительное представительство так важно, так полезно, почему тогда до сих пор наши союзники американцы, наши друзья англичане, французы ни словечка нам не сказали?! Они дают нам займы, открывают кредиты, составляют планы. Вместо этого лучше бы посоветовали ввести относительное представительство - и крутись колеса... Право, позор! Какая же это дружба? Ну ладно, мы не могли заметить, а им-то со стороны видней. -Не могу ничего вам сказать, - отвечал Ихсан-бей. Дружба дружбой, а табачок врозь. Каким бы ты другом ни был, а своя рубашка ближе к телу. В разговор вступил Хюсейн:

-Значит, дело, о котором вы говорите, очень хорошее дело?

-Конечно... И какое еще! Богатство страны, безработица, то, другое, пятое, десятое - все зависит от относительного представительства...

-Черт возьми!..-хлопнул Хюсейн себя по коленям.

-Стыдно спросить, - сказал Мазлум, - но что это такое - система относительного представительства, или как ее, которую мы теперь приняли? Как же это теперь будет у нас? - Да, что это такое — относительное представительство?- спросил молочник Халим.

Мухтар Эмруллах, который всегда вмешивался в разговор, сделал вид, что не слышит, и посмотрел на Ихсан-бея, своего соперника в ученых спорах.

- Господа, — начал Ихсан-бей. — Относительное представительство означает следующее: то есть все будет по отношению. Понятно? Относительно...

-Как?-спросил Джемаль. -Аллах, Аллах!.. Какие еще есть люди! Трудно вам объяснить, невеждам! Имеются отношения, не так ли? Каждая вещь имеет свое отношение. Ты, допустим, хозяин кофейни, а другой, например, купец. Все вы теперь будете жить в каких-то отношениях, то есть относительно. Ты не будешь стремиться жить, как купец, одеваться, как он. Не будешь говорить: «У него холодильник, значит, и у меня должен

быть». Каждый будет знать свое отношение. Все беды, которые падали на наши головы, происходили из-за отсутствия относительности. От этого портятся нравы.

-Ей-богу, правда! — сказал Хаджи-Махмут. — Нравы испортились. Женщина смотрит на богатую соседку и хочет одеваться, как она.

Мухтар Эмруллах, улыбаясь из-под усов, заметил:

- Ты ошибаешься, Ихсан-бей, система относительного представительства значит не то.. — А что? - Как только партия приходит к власти, она начинает притеснять партию, которая потеряла власть, и перешла в оппозицию. Ее приверженцы обогащаются. Не так ли? Относительное представительство и означает: когда оппозиционная партия придет к власти, она по отношению к партии, передавшей ей власть, будет делать то же самое. Например, она будет обогащать своих приверженцев. Допустим, если старая власть построила цементный завод, то новая, к слову, построит автомобильный. Если старая власть построила пять сахарных заводов, то новая по отношению к ней власть построит десять. Потом другая власть построит двадцать... Вот таким образом страна постепенно и будет развиваться...

Тут не вытерпел отставной полицейский Бюньямин:

- По-моему, вы оба ошибаетесь. Система относительного представительства -- Это значит представление в определенных отношениях. Например, в школах бывают представления. В театрах бывают представления... Вот так. Допустим, в стране нужно что-то построить. Ну, например, нам нужны пароходы... Мы посмотрим, что лучше: построить их у себя или купить за границей? Все будет представлено точно, как в театре. Граждане будут приходить и смотреть. Одобряют они или нет, покажет голосование. То есть ничего не будет скрыто от народа. Все, что нужно сделать, будет представляться в определенных отношениях перед глазами народа, а затем...

Ихсан-бей расхохотался. - Послушай, ты хочешь огромную страну превратить в театр? -С какой стати!.. Во всем мире так. В Англии, Германии, Японии, Италии — везде так. Только у нас не так.

-А по-моему, — сказал молочник Халим, — при системе относительного представительства каждому будут предоставлены права. Человеку высокого роста потребуется на костюм два с половиной метра ткани, а нашему Хюсейну и полтора хватит. Так ведь? Вот в соответствии с этим... У одного человека в семье шесть человек, а другой холост. Но оба они чиновники и получают одинаковое жалованье. Разве так хорошо? Система относительного представительства не допускает такой несправедливости...

- Значит, система относительного представительства, — хотел подытожить спор Джемаль,

- это вроде как, например... -Да, приблизительно...

-Очень хорошая вещь... -Хорошая — не то слово... - Значит, важная?

-Конечно, важная... Очень важная... -Хорошо, что мы ее приняли...

-Если бы мы ее приняли раньше, нам бы так не пришлось страдать...

-Слава Аллаху, что мы дожили до этих дней!..

-Слава и благодарение Аллаху!.. Лучше поздно, чем никогда...

Моруа

1.ФИАЛКИ ПО СРЕДАМ

— О Женни, останьтесь!

За обедом Женни Сорбье была ослепительна. Она обрушила на гостей неистощимый поток всевозможных историй и анекдотов, которые рассказывала с подлинным актёрским мастерством и вдохновением прирождённого писателя. Гостям Леона Лорана — очарованным, восхищённым и покорённым — время, проведённое в её обществе, показалось одним волшебным мгновением.

- Нет, уже почти четыре часа, а ведь сегодня среда... Вы же знаете, Леон, в этот день я всегда отношу фиалки моему другу...

- Как жаль! — произнёс Леон своим неподражаемым раскатистым голосом, составившим ему немалую славу на сцене. — Впрочем, ваше постоянство всем известно... Я не стану вас удерживать.

Женни расцеловалась с дамами, мужчины почтительно поцеловали ей руку, и она ушла. Как только за ней закрылась дверь, гости наперебой принялись расточать ей восторженные похвалы.

- Она и впрямь восхитительна! Сколько лет ей, Леон?

- Что-то около восьмидесяти. Когда в детстве мать водила меня на классические утренники Комеди Франсез, Женни, помнится, уже блистала в роли Селимены. А ведь я тоже не молод.

- Талант не знает старости, — вздохнула Клер Менетрие. — А что это за история с фиалками?

- О, да тут целый роман... Она как-то поведала мне его, однако никогда об этом не писала... Но я просто не рискую выступать в роли рассказчика после неё. Сравнение будет для меня опасным.

- Да, сравнение вообще опасно. Но ведь мы у вас в гостях, и ваш долг — развлекать нас. Вы просто обязаны заменить Женни, раз уж она нас покинула.

- Ну что ж! Я попытаюсь рассказать вам историю фиалок по средам... Боюсь только, как бы она не показалась слишком сентиментальной по нынешним временам...

- Не бойтесь, — произнёс Бертран Шмит. — Наше время жаждет нежности и любви. Под напускным цинизмом оно прячет тоску по настоящим чувствам.

- Вы так думаете?.. Что ж... Если так, я постараюсь утолить эту жажду... Все вы, здесь сидящие, слишком молоды, чтобы помнить, как хороша была Женни в годы высшего расцвета своей славы. Огненно-рыжие волосы свободно падали на её восхитительные плечи, лукавые раскосые глаза, звучный, почти резкий голос, в котором вдруг прорывалось чувственное волнение, — всё это ещё больше подчёркивало её яркую и гордую красоту.

- А вы красноречивы, Леон!

- Боюсь, что моё красноречие несколько старомодно. Но всё же благодарю...

Женни окончила консерваторию в 1895 году с первой премией и сразу же была приглашена в Комеди Франсез. Увы, я по собственному опыту знаю, как тяжело приходится новичку в труппе этого знаменитого театра. На каждое амплуа имеется актёр с именем, ревниво оберегающий свои роли. Самая восхитительная из субреток может лет десять дожидаться выигрышной роли в пьесах Мариво и Мольера. Чаровница Женни столкнулась с властными, цепкими королевами сцены. Всякая другая на её месте смирилась бы со своей участью или, промаявшись год-два, перебралась бы в один из театров бульвара Мадлен. Но не такова была наша Женни. Она ринулась в бой, пустив в ход всё, что у неё было: талант актрисы и блестящую образованность, всё своё обаяние и свои восхитительные волосы.

Очень скоро она стала одной из ведущих актрис театра. Директор в ней души не чаял. Драматурги наперебой требовали, чтобы она играла созданные ими трудные роли, уверяя, что никто, кроме неё, не сумеет донести их до публики. Критики с небывалым постоянством пели ей дифирамбы. Сам грозный Сарсэ, и тот писал о ней: «Один поворот её головы, один звук её голоса способен очаровать даже крокодила».

Мои отец, который в те годы был с ней знаком, рассказывал, что она страстно любила своё ремесло, судила о нём с умом и неустанно отыскивала новые, волнующие актёрские приёмы. В ту пору в театре увлекались реализмом довольно наивного толка. Если роль предписывала Женни умереть в какой-то пьесе от яда, она всякий раз перед спектаклем отправлялась в больницу — взглянуть на мучения тех, кто погибал от отравы. Борьбу человеческих чувств она изучала на самой себе. Служа искусству, она выказывала то же полное отсутствие щепетильности, которым отличался Бальзак, описавший в одном из своих романов собственные страсти и чувства любимой им женщины.

Вы, конечно, догадываетесь, что у девушки двадцати двух лет, ослепительно прекрасной и молниеносно завоевавшей громкую славу, должно было появиться множество поклонников. Приятели по театру, драматурги, банкиры — все пытались завоевать её расположение. Она избрала банкира Анри Сталь. Не потому, что он был богат, — Женни жила вместе с родными и ни в чём не нуждалась. А потому, что он, как и она, обладал редким обаянием, и главное — предлагал ей законный брак. Вы, возможно, знаете, что брак этот состоялся не сразу, — родители Сталя долго не давали своего согласия. Анри и Женни поженились лишь спустя три года, но вскоре разошлись — Женни с её независимым характером не в силах была подчиниться семейному рабству. Но это уже другая история. А сейчас вернёмся к Комеди Франсез, к дебюту нашей Женни и... к фиалкам.

Представьте себе артистическое фойе в тот самый вечер, когда Женни вновь появилась в «Принцессе Багдадской» Дюма-сына. Пьеса эта не лишена недостатков. И даже у меня, склонного восхищаться такими добротными сделанными пьесами, как «Полусвет», «Друг женщин», «Франсийон», капризы Дюма в «Чужестранке» и «Принцессе Багдадской» вызывают улыбку. Однако все, кто видел Женни в главной роли, писали, что она сумела создать правдоподобный образ. Мы часто говорим с ней о тех временах. Как ни странно, Женни сама верила тому, что играла. «В свои юные годы, — призналась она мне, — я рассуждала почти так же, как какая-нибудь героиня Дюма-сына, и до чего же удивительно было играть на залитой светом сцене то, что зрело во мне, в самых тайниках моей души». Добавьте ещё, что эта роль позволяла ей прибегнуть к эффектному приёму: она распускала свои чудесные волосы, которые падали на прекрасные обнажённые плечи. Одним словом, Женни была великолепна.

В антракте, после овации, которую устроила ей публика, она вышла в артистическое фойе. Все тотчас столпились вокруг неё. Женни опустилась на диван, рядом с Анри Сталем. Она весело болтала с ним, вся во власти того радостного возбуждения, которое даёт победа.

- Ах, мой милый Анри!.. Вот я снова выплыла на поверхность! Наконец-то я дышу полной грудью... Вы сами видели, как я играла три дня назад... Правда, ведь я никуда не годилась?.. Фу! Мне казалось, что я барахтаюсь на самом дне. Я задыхалась. И вот наконец — сегодняшняя вечер. Сильный рывок — и опять я на поверхности! Послушайте, Анри; а что, если я провалюсь в последнем акте? Что, если у меня неостанет сил доплыть до конца? О боже, боже!

Вошедший капельдинер вручил ей цветы.

- От кого бы это? А, от Сен-Лу... От вашего соперника, Анри... Отнесите букет в мою уборную.

- И ещё письмо, мадемуазель, — сказал капельдинер.

Распечатав послание, Женни звонко рассмеялась:

- Записка от лицеиста. Он пишет, что они создали в лицее «Клуб поклонников Женни».

- Весь «Жокей-клуб» ныне превратился в клуб ваших поклонников...

- Меня больше трогают лицеисты... А это послание к тому же заканчивается стихами...

Послушайте, дорогой мой...

Скромные строки: «Я вас люблю» —

Не судите и не отвергайте,

И бедного автора — нежно молю —

Директору не выдавайте.

- Ну, разве не прелесть?

- Вы ответите ему?

- Конечно, нет. Таких писем я получаю ежедневно не меньше десятка... Если я начну на них отвечать, я пропала... Но письма меня радуют... Эти шестнадцатилетние поклонники ещё долго будут мне верны...

- Как знать... В тридцать лет они уже будут нотариусами.

- А почему бы нотариусам не быть моими поклонниками?
- Вот ещё просили вам передать, мадемуазель, — сказал подошедший снова капельдинер. И он протянул Женни букетик фиалок за два су.
- О, как это мило, поглядите, Анри! А записки нет?
- Нет, мадемуазель. Швейцар сказал мне, что фиалки принёс какой-то студент Политехнической школы.
- Дорогая, — воскликнул Анри Сталь. — Позвольте вас поздравить! Право, потрясти этих «икс-игреков» не так-то просто.
- Женни глубоко вдохнула запах фиалок.
- Какой дивный аромат! Только такие знаки внимания и радуют меня. Терпеть не могу солидную, довольную собой публику, ту, что является поглазеть, как я буду умирать, в полночь, точно так же, как в полдень спешит в Пале-Рояль — послушать, как стреляет пушка.
- Зрители — садисты, — ответил Анри Сталь. — Они всегда такими были. Вспомните бои гладиаторов... Каким успехом пользовалась бы актриса, вздумавшая проглотить набор иголок!
- Женни рассмеялась:
- А если какая-нибудь актриса вздумала бы проглотить швейную машину, слава её достигла бы апогея! Послышался возглас: «На сцену!» Женни встала:
- Ну что ж, до скорого... Пойду глотать иголки!.. Вот так, по рассказу Женни, и началась вся эта история.
- В следующую среду во время последнего антракта улыбающийся капельдинер снова принёс Женни букетик фиалок.
- Вот как! — воскликнула она. — Неужто опять тот же студент?
- Да, мадемуазель.
- А каков он из себя?
- Не знаю, мадемуазель. Хотите, спрошу у швейцара?
- Нет, не стоит, какая разница...
- В среду на следующей неделе спектакля не было, но когда в четверг Женни пришла на репетицию, букетик фиалок, на сей раз немного увядший, уже лежал в её уборной. Покидая театр, она заглянула в каморку швейцара.
- Скажите-ка, Бернар, фиалки принёс... всё тот же молодой человек?
- Да, мадемуазель... В третий раз.
- А каков он из себя, этот студент?
- Он славный мальчик, очень славный... Пожалуй, немного худощав, щёки у него впалые и глаза печальные, небольшие чёрные усики и лорнет... Лорнет и сабля на боку — это, конечно, смешно... Право, мадемуазель, юноша, видимо, влюблён не на шутку... Всякий раз он протягивает мне свои фиалки со словами: «Для мадемуазель Женни Сорбье» — и заливается краской...
- Отчего он всегда приходит по средам?
- А вы разве не знаете, мадемуазель? В среду у студентов Политехнической школы нет занятий. В этот день они заполняют весь партер и галёрку... Каждый приводит с собой барышню...
- И у моего есть барышня?
- Да, мадемуазель, да только это его сестра... Они так похожи друг на друга, просто диву даёшься...
- Бедный мальчик! Будь у меня сердце, Бернар, я бы попросила вас хоть разочек пропустить его за кулисы, чтобы он мог сам вручить мне свои фиалки.
- Не советую, мадемуазель, никак не советую... Пока этих театральных воздыхателей почти не замечают, они не опасны. Они восхищаются актрисами издали, и это вполне их удовлетворяет... Но стоит показать им малейший знак внимания, как они сразу начнут докучать вам, и это становится ужасным... Протянешь им мизинец, они ладонь захватят...

Протянешь ладонь — руку захватят. Смейтесь, смейтесь, мадемуазель, да только я-то знаю, как это бывает. Двадцать лет служу в этом театре! Уж сколько влюблённых барышень я повидал на своём веку в этой каморке... И свихнувшихся молодых людей... И стариков... Я всегда принимал цветы и записки, но никогда не пропускал никого из них наверх. Чего нельзя, того нельзя!

- Вы правы, Бернар. Что ж, будем холодны, осмотрительны и жестоки!

- Какая тут жестокость, мадемуазель, просто здравый смысл...

Прошли недели. Каждую среду Женни получала свой букетик фиалок за два су. Весь театр прослышал об этом. Однажды одна из актрис сказала Женни:

- Видела я твоего студента... Он очарователен, такая романтическая внешность... Прямо создан, чтобы играть в «Подсвечнике» или «Любовью не шутят».

- Откуда ты знаешь, что это мой студент?

- Я случайно заглянула к швейцару в ту самую минуту, когда он принёс цветы и робко попросил: «Пожалуйста, передайте мадемуазель Женни Сорбье...» Это была трогательная картина. Видно, юноша умён и не хотел казаться смешным, но всё же он не мог скрыть волнения... Я даже на минуту пожалела, что он не мне носит фиалки, уж я отблагодарила бы его и утешила... Заметь, он ничего не просил, даже не добивался разрешения увидеть тебя... Но будь я на твоём месте...

- Ты бы приняла его?

- Конечно, и уделила бы ему несколько минут. Ведь он так давно ходит сюда. К тому же и каникулы подоспели. Ты уедешь, так что нечего опасаться, что он начнёт тебе досаждать...

- Ты права, — сказала Женни. — Сущее безумие пренебрегать поклонниками, когда они молоды и им нет числа, а потом гоняться за ними спустя тридцать лет, когда их останется совсем немного и все они обзаведутся лысиной...

Выходя в этот вечер из театра, она сказала швейцару:

- Бернар, в среду, когда студент опять принесёт фиалки, скажите ему, чтобы он сам вручил их мне после третьего акта... Я играю в «Мизантропе». По роли я переодеваюсь всего один раз. Я поднимусь в свою уборную и там приму его... Нет, лучше я подожду его в коридоре, у лестницы или, может быть, в фойе.

- Хорошо. Вы не боитесь, мадемуазель, что...

- Чего мне бояться? Через десять дней я уеду на гастроли, а этот мальчик прикован к своей Политехнической школе.

- Хорошо, мадемуазель... А всё же, на мой взгляд... В следующую среду Женни играла Селимену с особым блеском, вся во власти горячего желания понравиться незнакомцу. Когда наступил антракт, она ощутила острое любопытство, почти тревогу. Она устроилась в фойе и стала ждать. Вокруг неё сновали завсегдатаи театра. Директор о чём-то беседовал с Бланш Пьерсон, слывшей в те времена соперницей Женни. Но нигде не было видно чёрного мундира. Охваченная нетерпением, взволнованная, Женни отправилась искать капельдинера.

- Никто меня не спрашивал?

- Нет, мадемуазель.

- Сегодня среда, а фиалок моих нет как нет. Может быть, Бернар забыл передать их... Или тут какое-нибудь недоразумение?

- Недоразумение, мадемуазель? Какое недоразумение? Если угодно, я схожу к швейцару?

- Да, пожалуйста... Впрочем, нет, не стоит. Я сама спрошу Бернара, когда пойду домой.

Она посмеялась над собой: «Странные мы создания, — подумала она, — в течение шести месяцев я едва замечала робкую преданность этого юноши. И вдруг сейчас только потому, что мне недостаёт этих знаков внимания, которыми я всегда пренебрегала, я волнуюсь, словно жду любовника... “Ах, Селимена, как сильно пожалеешь ты об Альцесте, когда он покинет тебя, охваченный нестерпимым горем!”»

После спектакля она заглянула к швейцару.

- Ну как, Бернар, где мой поклонник? Вы не прислали его ко мне?

- Мадемуазель, как назло, сегодня он не приходил... В первый раз за полгода он не явился в театр — именно в тот самый день, когда мадемуазель согласилась его принять.

- Странно. Может быть, кто-нибудь предупредил его и он испугался?

- Нет, мадемуазель, что вы... Никто и не знал об этом, кроме вас и меня... Вы никому не сказали? Нет? Ну и я тоже молчал... Я даже жене ничего не говорил...

- Так как же вы всё это объясните?

- А никак не объясню, мадемуазель... Может быть, случайно так совпало. А может быть, ему наскучило всё это... Может быть, он захворал... Поглядим в следующую среду...

Но и в следующую среду опять не было ни студента, ни фиалок.

- Что же теперь делать, Бернар?.. Как выдумаете, может быть, приятели его помогут нам разыскать юношу? А, может быть, обратиться к директору Политехнической школы?

- Но как мы это сделаем, мадемуазель? Мы ведь даже не знаем его имени.

- И то правда, Бернар. Как всё это грустно! Не везёт мне, Бернар.

- Полно, мадемуазель. Вы с таким блеском провели этот сезон. Скоро вы уедете на гастроли, где вас ждут новые успехи... Разве не грех говорить, будто вам не везёт!

- Вы правы, Бернар! Я просто неблагодарное существо... Да только уж очень я привыкла к своим фиалкам.

На следующий день Женни покинула [Париж](#). Анри Сталь сопровождал её в этой поездке. В какой бы гостинице ни остановилась Женни, её комната всегда утопала в розах. Когда она возвратилась в Париж, она уже позабыла о романтическом студенте.

Спустя год она получила письмо от некоего полковника Женеврьер, который просил принять его по личному делу. Письмо было написано, очень корректно, с большим достоинством, и не было никакой причины отказывать в свидании. Женни предложила полковнику навестить её в один из субботних вечеров. Он пришёл, одетый в чёрное штатское платье. Женни встретила его с той очаровательной непосредственностью, которой её наделила природа и научила сцена. Но во всём её поведении, естественно, проскальзывал немой вопрос: что нужно от неё этому незнакомцу? Она терпеливо ждала объяснений

- Благодарю вас, мадемуазель, за то, что вы согласились принять меня. Я не мог объяснить в письме цель своего визита. И если я позволил себе просить вас о свидании, то, поверьте, не мужская дерзость тому причиной, а родительские чувства... Вы видите, я одет во всё чёрное. Я ношу траур по сыну, лейтенанту Андре де Женеврьер, убитому на Мадагаскаре два месяца назад.

Женни сделала невольное движение, словно желая сказать: «Сочувствую вам от всего сердца, но только...»

- Вы не знали моего сына, мадемуазель, мне это известно... Но зато он знал вас и восхищался вами. Вам покажется это невероятным, а между тем всё, что я расскажу вам сейчас, — чистейшая правда. Он любил и боготворил вас больше всех на свете...

- Кажется, я начинаю понимать, полковник. Он сам поведал вам об этом?..

- Мне? Нет. Он рассказал обо всём сестре, которая была поверенной его тайны. Всё началось в тот день, когда он пошёл вместе с ней смотреть «Игру любви и случая». Возвратившись домой из театра, дети мои с восхищением отзывались о вас: «Сколько тонкости и чистоты в её игре, сколько волнующей поэзии!..» Они говорили ещё много такого, что наверняка было справедливо, я в этом не сомневаюсь... И всё же страстность, присущая молодости, её готовность идеализировать... Мой бедный мальчик был мечтателем, романтиком.

- Боже мой, — воскликнула Женни, — так значит, это он...

- Да, мадемуазель, тот самый студент Политехнической школы, который из месяца в месяц каждую среду приносил вам букетик фиалок, был мой сын — Андре... Это я тоже узнал от своей дочери. Надеюсь, подобное ребячество, наивный знак восхищения не

рассердил вас?.. Он ведь так сильно любил вас или, быть может, тот созданный его воображением образ, который он носил в своём сердце... Стены его комнаты были увешаны вашими портретами... Сколько усилий стоило его сестре раздобыть у ваших фотографов какой-нибудь новый портрет!.. В Политехнической школе приятели посмеивались над его страстью. «Напиши ей обо всём!» — говорили они.

- Жаль, что он этого не сделал...

- Сделал, мадемуазель! Я принёс вам целую пачку писем, которые так и не были отправлены. Мы нашли их после его смерти.

Достав из кармана пакет, полковник вручил его Женни. Однажды она показала мне эти письма — почерк тонкий, стремительный, неразборчивый. Почерк математика, зато стиль поэта.

- Сохраните эти письма, мадемуазель. Они принадлежат вам. И простите меня за необычный визит... Мне казалось, что я обязан сделать это в память о сыне... В чувстве, которое вы ему внушали, не было ничего непочтительного, легкомысленного... Он считал вас олицетворением красоты и совершенства... Уверю вас, Андре был достоин своей великой любви.

- Но отчего же он не пытался увидеть меня? Отчего я сама не постаралась встретиться с ним?.. Ах, как я ненавижу себя за это, как ненавижу...

- Не корите себя, мадемуазель... Вы же не могли знать... Тотчас после окончания Политехнической школы Андре попросил направить его на Мадагаскар... Не скрою, причиной этого решения были вы... Да, он говорил сестре: «Одно из двух: или разлука излечит меня от этой безнадёжной страсти, или же я совершу какой-нибудь подвиг и тогда...»

- Разве скромность, постоянство и благородство не лучше всякого подвига? — со вздохом произнесла Женни.

Заметив, что полковник собирается уходить, она порывисто схватила его за руки.

- Кажется, я не совершила ничего дурного, — сказала она, — и всё же... И всё же сдаётся мне, что и у меня есть долг по отношению к покойному, не успевшему вкусить радости жизни... Послушайте, полковник, скажите мне, где похоронен ваш сын... Клянусь вам: пока я жива, я каждую среду буду приносить букетик фиалок на его могилу.

- Вот почему, — закончил свой рассказ Леон Лоран, — вот почему наша Женни, которую многие считают женщиной скептической, сухой, даже циничной, неизменно каждую среду покидает друзей, работу и порой любимого человека и идёт одна на кладбище Монпарнас, к могиле незнакомого ей лейтенанта... Ну вот, теперь вы и сами видите, что я был прав, — история эта слишком сентиментальна для нынешних времён.

Наступило молчание. Затем Бертран Шмит сказал:

- На свете всегда будет существовать романтика для того, кто её достоин.

2. ТЕКСТ СОБОР

В 18... году у витрины торговца картинами на улице Сент-Онорэ остановился студент. В витрине была выставлена картина Манэ «Шартрский собор». В те времена работами Манэ восхищались лишь немногие любители живописи, но у студента был хороший вкус: прекрасная картина привела его в восторг. Он чуть не каждый день приходил к этой лавке — взглянуть на картину. Наконец он решился войти в магазин — узнать цену.

— Что ж, — ответил продавец, — картина уже давно висит здесь. За две тысячи франков я, пожалуй, уступлю её вам.

Студент не располагал такой суммой, но его семья, жившая в провинции, была не лишена достатка. Когда он уезжал в Париж, дядя сказал ему: «Я знаю, какую жизнь ведут молодые люди в столице. Если тебе дозарезу понадобятся деньги, напиши мне». Студент просил торговца не продавать картину в течение недели и написал дяде.

У нашего героя была в Париже любовница. Будучи замужем за человеком намного старше её, она томилась скукой. Была она немного вульгарна, довольно глупа, но очень хороша собой. В тот самый вечер, когда студент справлялся о цене «Собора», любовница сказала ему:

— Завтра я жду к себе в гости подругу по пансиону. Она приедет из Тулона, чтобы повидаться со мной. Мужу нас развлекать некогда — вся надежда на вас.

Подруга приехала на следующий день и привезла с собой свою приятельницу. Несколько дней подряд студенту пришлось возить трёх дам по Парижу. Он платил за всё — за обеды, фиакр, театр — и довольно быстро истратил деньги, на которые должен был жить целый месяц. Он занял у приятеля и уже начал тревожиться, как быть дальше, когда пришло письмо от дядюшки. В нём было две тысячи франков. Студент вздохнул с облегчением. Он уплатил долги и сделал подарок любовнице. А «Собор» купил коллекционер, который спустя много лет передал свои картины в Лувр.

Сейчас тот студент — старый знаменитый писатель. Но сердце его осталось молодым. Он по-прежнему в восхищении застывает на месте при виде прекрасного пейзажа или красивой женщины. Часто, выйдя из дому, он встречает на улице пожилую даму, живущую по соседству. Эта дама — его бывшая любовница. Лицо её заплывло жиром, под глазами, когда-то столь прекрасными, набухли мешки, над верхней губой торчат седые волоски. Она с трудом передвигается — видно, дряблые ноги плохо слушаются её. Писатель раскланивается с ней и, не задерживаясь, спешит дальше, ему хорошо известен её злобный нрав и неприятно вспоминать, что когда-то он любил её.

Иногда он заходит в Лувр и поднимается в зал, где висит «Собор». Он долго смотрит на картину и вздыхает.

3. ТЕКСТ ЗАВЕЩАНИЕ

Замок маркизов де Шардейль был приобретён крупным промышленником, которого болезни и возраст вынудили уйти на покой и поселиться в деревне. Вскоре весь Перигор только и говорил о том, с какой роскошью и вкусом восстановлен этот уголок, покинутый прежними владельцами более сотни лет назад. В особенности восхищались парком. Выписанный из [Парижа](#) архитектор и планировщик, построив запруду на реке Лу, создал искусственное озеро и превратил Шардейль в новый Версаль.

В Перигоре, бедной сельской провинции, где большинство владельцев поместий по примеру Савиньяков используют свою землю под огороды, очень мало красивых садов. Цветники Шардейля вызвали оживлённые толки в Бриве, Периге и даже в самом Бордо. Однако, когда работы, продолжавшиеся целый год, пришли к концу и новые хозяева въехали в своё поместье, гостей, поспешивших нанести им визит, оказалось гораздо меньше, чем можно было ожидать. В Перигоре к чужакам относятся недоверчиво, а ведь никто толком не знал, что за особа эта госпожа Верней.

На вид ей было никак не больше тридцати пяти лет, а мужу самое малое шестьдесят пять. Она была довольно привлекательна и даже в деревенском уединении меняла туалеты по три раза в день. Это насторожило соседей, и они решили, что она не жена, а любовница Бернена. Правда, госпожа де ла Гишарди, первая дама Перигора, которая, хотя и обосновалась с начала войны в провинции, по-прежнему знала парижский свет как свои пять пальцев, подтвердила, что госпожа Бернен — законная жена Бернена и происходит из скромной, но добропорядочной буржуазной семьи; злым языкам пришлось умолкнуть, ибо в подобном вопросе никто не осмеливался перечить могущественной и осведомлённой госпоже де ла Гишарди. Однако кое-кто всё же тайком продолжал еретически утверждать, будто госпожа Бернен, даже если она и носит имя Бернена, — всего-навсего бывшая его любовница, на которой он женился в преклонном возрасте.

Гастон и Валентина Ромильи, владельцы поместья Прейссак, с холмов которого видны башни Шардейля, решили, что уж кому-кому, а им, ближайшим соседям Берненов,

нет никакого резона чваниться перед приезжими, вдобавок чета Бернен оставила свои визитные карточки в Прейссаке, да и госпожа де ла Гишарди подала пример милостивого отношения к новым хозяевам усадьбы. Короче, Ромильи явились в Шардейль с ответным визитом.

Их приняли с тем большим радушием, что они были одни из первых гостей. Хозяева уговорили супругов Ромильи остаться к чаю и любезно предложили им осмотреть дом, парк и службы. Гастон и Валентина почувствовали, что Бернены уже начинают тяготиться тем, что, владея всем этим великолепием, лишены возможности похвалиться им перед соседями.

Бернен, привыкший полновластно распоряжаться на своём заводе, и поныне сохранил повелительный голос и манеру не допускающим возражения тоном высказываться о предметах, о которых не имел ни малейшего понятия, и всё же он производил впечатление добряка. Валентину растрогала любовь, которую он выказывал жене, маленькой пухленькой блондинке, нежной и весёлой. Однако гостю покорило слова, услышанные от госпожи Бернен, когда, осматривая второй этаж и восторгаясь тем, как неузнаваемо преобразился замок в такой короткий срок, она похвалила ваннные комнаты, размещённые в толще старых стен, в нишах, и лифты, устроенные в башнях.

— Да, — сказала госпожа Бернен, — Адольф хотел, чтобы в Шардейле всё было образцовым... Правда, пока здешний замок для нас всего лишь загородный дом, но Адольф знает, что когда он умрёт — надеюсь, конечно, что это случится не скоро, — я поселюсь именно здесь, и хочет, чтобы в деревне меня окружал такой же комфорт, как в городе... Может быть, вы слышали, у Адольфа от первого брака много детей... Вот он и принял меры предосторожности: Шардейль куплен на моё имя и полностью принадлежит мне.

На лугу неподалёку от замка строения бывшей фермы были переоборудованы под конюшни. Гастон восхитился красотой лошадей, великолепием упряжи, выправкой конюхов.

— Лошади — моё любимое развлечение, — оживлённо сказала госпожа Бернен. — Мой отец служил в кирасирах и с колыбели приучал нас к седлу.

Она потрепала по холке великолепного коня и со вздохом добавила:

— Правда, содержание конюшни обходится очень дорого... Но Адольф и об этом позаботился. В завещании предусмотрены специальные средства для конного завода на территории парка Шардейль... И всё это помимо моей доли наследства, не правда ли, Адольф? Таким образом, понимаете, мне не придётся платить лишних налогов.

Разбивка парка ещё не была завершена, но уже можно было угадать общий рисунок цветника. В местах, к которым архитектор желал привлечь взгляды гуляющих, стояли прекрасные статуи. Посредине продолговатого бассейна на искусственном островке из железобетона рабочие возводили романтическую колоннаду. Хозяева и гости вступили в длинную каштановую аллею. Она обрывалась у группы маленьких строений в стиле перигорских ферм, крытых старой черепицей.

— А я и не знала, что здесь деревня, — заметила Валентина.

— Это вовсе не деревня, — смеясь, пояснила госпожа Бернен, — здесь живут слуги. Адольф надумал поселить их в отдельных домиках. Правда, мило? Это сыграет мне на руку... в будущем, конечно... Среди нашей прислуги есть несколько супружеских пар — люди очень преданные, и я хотела бы удержать их у себя, даже когда овдовею... Ну так вот, Адольф откажет каждой семье домик, в котором она живёт, оговорив в особом пункте, что право на владение аннулируется в случае, если слуга от меня уходит... Таким образом, мои люди не только будут связаны со мной, но и частично вознаграждены за свой труд, причём мне это не будет стоить ни гроша. Так что я могу ни о чём не беспокоиться. Всё это, конечно, тоже не считая доли в наследстве... И дети Адольфа ни к чему не смогут придаться.

— Вы уверены, мадам? Разве это по закону? — спросил Гастон Ромильи.

— Ах, господин Ромильи, вы не знаете Адольфа... Он несколько часов кряду просидел со своим адвокатом, изыскивая наилучшую форму для завещания. Вы и представить себе не можете, как он внимателен ко мне, несмотря на свои медвежьи манеры. Правда, Адольф?

Она взяла старика под руку, и тот что-то нежно проворчал. Прогулка затянулась, потому что гостей заставили осмотреть и образцовую молочную ферму, и птичий двор, где кудахтали сотни белоснежных кур какой-то особенно редкой породы. Когда супруги Ромильи наконец очутились одни в своей машине, Валентина спросила:

— Как тебе понравилась эта пара, Гастон?

— Бернен мне понравился, — ответил муж. — Он грубоват, самодоволен, но, думаю, в глубине души он добрый малый... А она какая-то чудачка...

— Чудачка? — переспросила Валентина. — По-моему, она просто дрянь... На каждом слове — завещание да завещание... «Когда я овдовею... надеюсь, конечно, не скоро...» Обсуждать в присутствии этого бедняги всё, что случится после его смерти! Я просто места себе не находила, не знала, что сказать...

Они долго молчали, а машина мчалась через окутанные мглой луга и заросшие тополями долины. Га-стон, сидевший за рулём, не спускал глаз с дороги, на которую то и дело выбегали дети, возвращавшиеся из школы. Наконец он сказал:

— А знаешь... Вообще-то говоря, он поступил разумно, приняв меры предосторожности. После его смерти жена будет застрахована от всех превратностей... Я его слушал, а сам думал о нас... Напрасно я не составил завещания. Надо будет этим заняться.

— Господь с тобой, милый... Не пугай меня... Во-первых, я умру раньше...

— Почему? Кто может знать наперёд... Ты моложе меня. Ты здорова. А я...

— Молчи... Ты просто мнителен, ты совершенно здоров... К тому же, если ты умрёшь, я тебя не переживу... Разве я смогу жить без тебя... Я покончу с собой...

— Как тебе не стыдно, Валентина! Что за вздор? Ты прекрасно знаешь, никто ещё не умирал от вдовства, как бы оно ни было горько... И потом, кроме меня, у тебя есть Колетт, её муж... внуки.

— У Колетт своя жизнь... Мы ей больше не нужны.

— Что правда, то правда... Тем более я должен принять меры, чтобы тебя обеспечить...

Они снова замолчали, потому что машина въехала в полосу более густого тумана, но вот Валентина заговорила еле слышно:

— Конечно, если моя злая судьба захочет, чтобы я пережила тебя на несколько месяцев, я буду спокойней, если у меня... О, нет, только не завещание... Мне бы чудилось в нём дурное предзнаменование... Ни в коем случае... Просто бумага, где было бы оговорено, что Прейссак со всеми его угодьями остаётся в моём полном пожизненном владении. Наш зять очень мил, но он из рода Савиньяков... Он пошёл в отца... Любит землю... Он, пожалуй, способен округлить свои земли за счёт моих, а меня отправит доживать век в каком-нибудь жалком домишке подальше от этих мест... Мне было бы очень больно...

— Это надо предотвратить... — сказал Гастон, слегка помрачнев... — Я готов подписать любую бумагу и, если хочешь, даже завещать тебе Прейссак... Но только законно ли это? Не превышает ли стоимость Прейссака размера твоей доли наследства?

— Немного превышает, но всё легко уладить, — сказала Валентина. — Если только ты пожелаешь.

— Как? — спросил он. — Разве ты уже советовалась с нотариусом?

— О нет, что ты! Как-то случайно, — ответила Валентина.

4. ТЕКСТ ПОКА ЖДЁТ АВТОМОБИЛЬ (1908)

Как только начало смеркаться, в этот тихий уголок тихого маленького парка опять пришла девушка в сером платье. Она села на скамью и открыла книгу, так как ещё с полчаса можно было читать при дневном свете. Повторяем: она была в простом сером платье — простом ровно настолько, чтобы не бросалась в глаза безупречность его покроя и стиля. Негустая вуаль спускалась со шляпки в виде тюрбана на лицо, сиявшее спокойной, строгой красотой. Девушка приходила сюда в это же самое время и вчера и позавчера, и был некто, кто знал об этом. Молодой человек, знавший об этом, бродил неподалёку, возлагая жертвы на алтарь Случая, в надежде на милость этого великого идола. Его благочестие было вознаграждено, — девушка перевернула страницу, книга выскользнула у неё из рук и упала, отлетев от скамьи на целых два шага.

Не теряя ни секунды, молодой человек алчно ринулся к яркому томику и подал его девушке, строго придерживаясь того стиля, который укоренился в наших парках и других общественных местах и представляет собою смесь галантности с надеждой, умеряемых почтением к постовому полисмену на углу. Приятным голосом он рискнул отпустить незначительное замечание относительно погоды — обычная вступительная тема, ответственная за многие несчастья на земле, — и замер на месте, ожидая своей участи. Девушка не спеша окинула взглядом его скромный аккуратный костюм и лицо, не отличавшееся особой выразительностью.

— Можете сесть, если хотите, — сказала она глубоким, неторопливым контральто. — Право, мне даже хочется, чтобы вы сели. Всё равно уже темно и читать трудно. Я предпочитаю поболтать.

Раб Случая с готовностью опустился на скамью.

— Известно ли вам, — начал он, изрекая формулу, которой обычно открывают митинг ораторы и парке, — что вы самая что ни на есть потрясающая девушка, какую я когда-либо видел? Я вчера не спускал с вас глаз. Или вы, деточка, даже не заметили, что кое-кто совсем одурел от ваших прелестных глазёнок?

— Кто бы ни были вы, — произнесла девушка ледяным тоном, — прошу не забывать, что я — леди. Я прощаю вам слова, с которыми вы только что обратились ко мне, — заблуждение ваше, несомненно, вполне естественно для человека вашего круга. Я предложила вам сесть; если моё приглашение позволяет вам называть меня «деточкой», я беру его назад.

— Ради Бога, простите, — взмолился молодой человек. Самодовольство, написанное на его лице, сменилось выражением смирения и раскаяния. — Я ошибся; понимаете, я хочу сказать, что обычно девушки в парке... вы этого, конечно, не знаете, но...

— Оставим эту тему. Я, конечно, это знаю. Лучше расскажите мне обо всех этих людях, которые проходят мимо нас, каждый своим путём. Куда идут они? Почему так спешат? Счастливы, ли они?

Молодой человек мгновенно утратил игривый вид. Он ответил ни сразу, — трудно было понять, какая собственно роль ему предназначена,

— Да, очень интересно наблюдать за ними, — промямлил он, решив, наконец, что постиг настроение своей собеседницы. — Чудесная загадка жизни... Одни идут ужинать, другие... гм... в другие места. Хотелось бы узнать, как они живут.

— Мне — нет, — сказала девушка. — Я не настолько любознательна. Я прихожу сюда посидеть только за тем, чтобы хоть ненадолго стать ближе к великому, трепещущему сердцу человечества. Моя жизнь проходит так далеко от него, что я никогда не слышу его

биения. Скажите, догадываетесь ли вы, почему я так говорю с вами, мистер...

— Паркенстэкер, — подсказал молодой человек и взглянул вопросительно и с надеждой.

— Нет, — сказала девушка, подняв тонкий пальчик и слегка улыбнувшись. — Она слишком хорошо известна. Нет никакой возможности помешать газетам печатать некоторые фамилии. И даже портреты. Эта вуалетка и шляпа моей горничной делают меня «инкогнито». Если бы вы знали, как смотрит на меня шофёр всякий раз, как думает, что я не замечаю его взглядов. Скажу откровенно: существует всего пять или шесть фамилий, принадлежащих к святой святых; и моя, по случайности рождения, входит в их число. Я говорю всё это вам, мистер Стекенпот.

— Паркенстэкер, — скромно поправил молодой человек.

— Мистер Паркенстэкер, потому что мне хотелось хоть раз в жизни поговорить с естественным человеком — с человеком, не испорченным презренным блеском богатства и так называемым «высоким общественным положением». Ах, вы не поверите, как я устала от денег — вечно деньги, деньги! И от всех, кто окружает меня, — все пляшут, как марионетки, и все на один лад. Я просто больна от развлечений, бриллиантов, выездов, общества, от роскоши всякого рода.

— А я всегда был склонён думать, — осмелился нерешительно заметить молодой человек, — что деньги, должно быть, всё-таки недурная вещь.

— Достаток в средствах, конечно, желателен. Но когда у вас столько миллионов, что... — Она заключила фразу жестом отчаяния. — Однообразие, рутина, — продолжала она, — вот что нагоняет тоску. Выезды, обеды, театры, балы, ужины — и на всём позолота бьющего через край богатства. Порою даже хруст льдинки в моём бокале с шампанским способен свести меня с ума.

Мистер Паркенстэкер, казалось, слушал её с неподдельным интересом.

— Мне всегда нравилось, — проговорил он, — читать и слушать о жизни богачей и великосветского общества. Должно быть, я немножко сноб. Но я люблю обо всём иметь точные сведения. У меня составилось представление, что шампанское замораживают в бутылках, а не кладут лёд прямо в бокалы.

Девушка рассмеялась мелодичным смехом, — его замечание, видно, позабавило её от души.

— Да будет вам известно, — объяснила она снисходительным тоном, — что мы, люди праздного сословия, часто развлекаемся именно тем, что нарушаем установленные традиции. Как раз последнее время модно класть лёд в шампанское. Эта причуда вошла в обычай с обеда в Уолдорфе, который давали в честь приезда татарского князя. Но скоро эта прихоть сменится другой. Неделю тому назад на званом обеде на Мэдисон-авеню возле каждого прибора была положена зелёная лайковая перчатка, которую полагалось надеть, кушая маслины.

— Да, — признался молодой человек смиренно, — все эти тонкости, все эти забавы интимных кругов высшего света остаются неизвестными широкой публике.

— Иногда, — продолжала девушка, принимая его признание в невежестве лёгким кивком головы, — иногда я думаю, что если б я могла полюбить, то только человека из низшего класса. Какого-нибудь труженика, а не трутня. Но, безусловно, требования богатства и знатности окажутся сильнее моих склонностей. Сейчас, например, меня осаждают двое. Один из них герцог немецкого княжества. Я подозреваю, что у него есть или была жена, которую он довёл до сумасшествия своей необузданностью и жестокостью. Другой претендент — английский маркиз, такой чопорный и расчётливый, что я, пожалуй, предпочту свирепость герцога. Но что побуждает меня говорить всё это вам, мистер Покенстэкер?

— Паркенстэкер, — едва слышно пролепетал молодой человек. — Честное слово, вы не можете себе представить, как я ценю ваше доверие.

Девушка окинула его спокойным, безразличным взглядом, подчеркнувшим разницу их общественного положения.

— Какая у вас профессия, мистер Паркенстэкер? — спросила она.

— Очень скромная. Но я рассчитываю кое-чего добиться в жизни. Вы это серьёзно сказали, что можете полюбить человека из низшего класса?

— Да, конечно. Но я сказала: «могла бы». Не забудьте про герцога и маркиза. Да, ни одна профессия не показалась бы мне слишком низкой, лишь бы сам человек мне нравился.

— Я работаю, — объявил мистер Паркенстэкер, — в одном ресторане.

Девушка слегка вздрогнула.

— Но не в качестве официанта? — спросила она почти умоляюще. — Всякий труд благороден, но... личное обслуживание, вы понимаете, лакеи и...

— Нет, я не официант. Я кассир в... — Напротив, на улице, идущей вдоль парка, сияли электрические буквы вывески «Ресторан». — Я служу кассиром вон в том ресторане.

Девушка взглянула на крохотные часики на браслетке тонкой работы и поспешно встала. Она сунула книгу в изящную сумочку, висевшую у пояса, в которой книга едва помещалась.

— Почему вы не на работе? — спросила девушка.

— Я сегодня в ночной смене, — сказал молодой человек. — В моём распоряжении ещё целый час. Но ведь это не последняя наша встреча? Могу я надеяться?..

— Не знаю. Возможно. А впрочем, может, мой каприз больше не повторится. Я должна спешить. Меня ждёт званый обед, а потом ложа в театре — опять, увы, всё тот же неразрывный круг. Вы, вероятно, когда шли сюда, заметили автомобиль на углу возле парка? Весь белый.

— И с красными колёсами? — спросил молодой человек, задумчиво сдвинув брови.

— Да. Я всегда приезжаю сюда в этом авто. Пьер ждёт меня у входа. Он уверен, что я провожу время в магазине на площади, по ту сторону парка. Представляете вы себе пути жизни, в которой мы вынуждены обманывать даже собственных шофёров? До свиданья.

— Но уже совсем стемнело, — сказал мистер Паркенстэкер, — а в парке столько всяких грубиянов. Разрешите мне проводить...

— Если вы хоть сколько-нибудь считаетесь с моими желаниями, — решительно ответила девушка, — вы останетесь на этой скамье ещё десять минут после того, как я уйду. Я вовсе не ставлю вам это в вину, но вы, по всей вероятности, осведомлены о том, что обычно на автомобилях стоят монограммы их владельцев. Ещё раз до свиданья.

Быстро и с достоинством удалилась она в темноту аллеи. Молодой человек глядел вслед её стройной фигуре, пока она не вышла из парка, направляясь к углу, где стоял автомобиль. Затем, не колеблясь, он стал предательски красться следом за ней, прячась за деревьями и кустами, всё время идя параллельно пути, по которому шла девушка, ни на секунду не теряя её из виду.

Дойдя до угла, девушка повернула голову в сторону белого автомобиля, мельком взглянула на него, прошла мимо и стала переходить улицу. Под прикрытием стоявшего возле парка кэба молодой человек следил взглядом за каждым её движением. Ступив на противоположный тротуар, девушка толкнула дверь ресторана с сияющей вывеской. Ресторан был из числа тех, где всё сверкает, всё выкрашено в белую краску, всюду стекло и где можно пообедать дёшево и шикарно. Девушка прошла через весь ресторан, скрылась куда-то в глубине его и тут же вынырнула вновь, но уже без шляпы и вуалетки.

Сразу за входной стеклянной дверью находилась касса. Рыжеволосая девушка, сидевшая за ней, решительно взглянула на часы и стала слезать с табурета. Девушка в сером платье заняла её место.

Молодой человек сунул руки в карманы и медленно пошёл назад. На углу он споткнулся о маленький томик в бумажной обёртке, валявшийся на земле. По яркой обложке он узнал

книгу, которую читала девушка. Он небрежно поднял её и прочёл заголовок. «Новые сказки Шехерезады»; имя автора было Стивенсон. Молодой человек уронил книгу в траву и с минуту стоял в нерешительности. Потом открыл дверцу белого автомобиля, сел, откинувшись на подушки, и сказал шофёру три слова:
— В клуб, Анри.

ПРИЛИВ

— Сбрасывать маски? — переспросил Бертран Шмит. — Вы всерьёз думаете, что людям надо почаще сбрасывать маски? А я так, напротив, полагаю, что все человеческие отношения, если не считать редчайших случаев бескорыстной дружбы, на одних только масках и держатся. Если обстоятельства иной раз вынуждают нас открыть вдруг всю правду тем, от кого мы привыкли её скрывать, нам вскоре приходится раскаяться в своей необдуманной откровенности.

Кристиан Менетрие. поддержал Бертрана.

— Я помню, в Англии произошла катастрофа, — сказал он. — В шахте взорвался рудничный газ, и там оказались заживо погребены человек двенадцать шахтёров... Через неделю, не надеясь больше на спасение и понимая, что обречены, они ударились вдруг в своеобразное публичное покаяние. Представляете: «Ладно, раз всё равно умирать, я могу признаться...» Против всякого ожидания, их спасли... С той поры они никогда не встречались друг с другом... Каждый инстинктивно избегал свидетелей, которые знали о нём слишком много. Маски вновь были водворены на место, и общество спасено.

— Да, — подтвердил Бертран. — Но бывает и по-другому. Помню, как во время одной из поездок в Африку мне пришлось стать невольным свидетелем потрясающего признания.

Бертран откашлялся и обвёл всех нас неуверенным взглядом. Станный человек Бертран — ему много приходилось выступать публично, но это не излечило его от застенчивости. Он всегда боится наскутить слушателям. Но так как в этот вечер никто не обнаружил намерения его перебить, Бертран приступил к рассказу.

— Вряд ли кто из вас помнит, что в 1938 году по просьбе «Альянс франсез» я объездил Французскую Западную, Экваториальную Африку и другие заморские территории, выступая там с лекциями... Где я только не побывал — в английских, французских, бельгийских колониях (в ту пору ещё было в ходу слово «колонии») — и ничуть об этом не жалею. Европейцы в эти страны наезжали редко, и местные власти принимали их по-королевски, или, вернее сказать, по-дружески, что, кстати, гораздо приятнее... Не стану называть вам столицу маленького государства, где произошли события, о которых пойдёт речь в моём рассказе, потому что действующие лица этой истории ещё живы. Мои главные герои: губернатор, человек лет пятидесяти, седовласый, гладко выбритый, и его жена, женщина значительно моложе его, черноглазая блондинка, живая и остроумная. Для удобства повествования назовём их Буссарамы. Они радушно приютили меня в своём «дворце» — большой вилле казарменного типа, расположенной среди красноватых скал и весьма оригинально обставленной; там я два дня наслаждался отдыхом. Посредине гостиной лежала тигровая шкура, на которой стоял столик чёрного дерева, а на нём я обнаружил «Нувель ревью франсез», «Меркюр де Франс» и новые романы. Я выразил восхищение заведёнными в доме порядками молодому адъютанту губернатора лейтенанту Дюга.

— Я тут ни при чём, — заявил он. — Это мадам Буссар... Цветы и книги по её части.

— А что, мадам Буссар — «литературная дама»?

— Ещё бы... Разве вы сами не заметили... Жизель, как мы её непочтительно зовём между собой, окончила Эколь нормаль в Севре. До замужества она преподавала литературу в Лионе... Там губернатор вновь увидел её во время отпуска... Я говорю увидел вновь, потому что он был с ней знаком раньше. Жизель — дочь одного из близких

друзей моего патрона. Он влюбился в неё, и она согласилась поехать за ним сюда. Как видно, она тоже давно его любила.

— Несмотря на разницу в возрасте?

— В ту пору губернатор был неотразим. Те, кто встречал его до женитьбы, говорят, что он пользовался громадным успехом у женщин... Теперь-то он постарел.

— Такие браки плохо отзываются на здоровье.

— Ну, тут дело не только в браке. Патрон прожил трудную жизнь... Тридцать лет службы в Африке. В этом климате, в вечных тревогах, работая как вол... Патрон — человек, каких мало... Сюда он приехал десять лет назад. В этих непроходимых дебрях жили дикие племена. Они подыхали с голоду. Жрецы науськивали их друг на друга, подстрекали к убийствам, к похищению детей и женщин, к человеческим жертвоприношениям... Патрон усмирил, объединил все эти племена, научил их выращивать деревья какао... Поверьте мне, это не шуточное дело — убедить людей, которым неведомо само понятие «будущее», сажать деревья, начинающие плодоносить лишь через шесть лет.

— А дикари не жалеют об утраченной свободе, о безделье? Как они относятся к губернатору?

— Они его любят или, вернее, почитают... Как-то раз мне пришлось сопровождать губернатора, когда он посетил одно из здешних племён дикарей. Вождь преклонил перед ним колена. «Ты обошёлся со мной как отец с ленивым сыном, — сказал он. — Ты сделал доброе дело... ты вразумил меня... Теперь я богат...» Эти люди очень умны, вы в этом убедитесь, их легко просвещать, если уметь к ним подойти... Но чтобы внушить им уважение, надо быть чуть ли не святым.

— А губернатор — святой?

Молодой лейтенант взглянул на меня с улыбкой.

— Смотри по тому, что понимать под словом «святой», — сказал он.

— Ну, не знаю... человек абсолютно безгрешный.

— А-а, ну что ж, патрон именно таков... Я не знаю за ним никаких пороков, даже слабостей, разве что одну-единственную... Он честолюбив, но это не мелочное тщеславие, а желание принести пользу делу... Он любит управлять и хотел бы, чтобы его попечению вверяли всё более обширные территории.

— Совсем как маршал Лиотей, который воскликнул: «Марокко? Да ведь это деревушка... А мне подавайте земной шар!»

— Вот именно. Патрон был бы счастлив, доведись ему управлять нашей маленькой планетой. И, поверьте мне, он справился бы с этой обязанностью лучше других.

— Но ваш святой был когда-то донжуаном?

— Велика беда — святой Августин начал с того же. Что поделаешь — грехи молодости... Зато, женившись, губернатор стал примерным мужем... А ведь вы сами понимаете, в его положении случаи представляются на каждом шагу... Уж на что я — всего только тень губернатора, и то...

— И вы таких случаев не упускаете?

— Да ведь я не губернатор, не святой, к тому же я не женат... Я пользуюсь преимуществом своей безвестности... Однако поговорим о вашей поездке, дорогой мэтр. Вы знаете, что патрон намерен сопровождать вас завтра до вашего первого пункта назначения?

— Губернатор в самом деле предложил мне место в своём личном самолёте. Он сказал, что ему надо провести инспекцию на побережье, присутствовать на открытии какого-то памятника... А вы тоже летите с нами?

— Нет... Кроме вас и губернатора, летит только мадам Буссар, которая не любит отпускать мужа одного в полёты над джунглями, пилот и комендант местного гарнизона, подполковник Анжелини, который участвует в инспекции.

— Я встречал его?

— Не думаю, но он вам понравится... Это блестящий, остроумный человек... Дока в военных делах... Был когда-то офицером разведки в Марокко, один из питомцев вашего маршала Лнотея. Молодой, а уже в чине подполковника... Будущность блестящая...

— Скажите, а долго ли нам лететь?

— Какое там! Час над джунглями до дельты, потом километров сто над пляжем — и вы на месте.

Прощальный обед во «дворце» прошёл очень мило. На нём присутствовал подполковник Анжелини, которому надлежало подготовить всё к отъезду. Этого подполковника можно было принять за капитана. Он был молод годами и душой, говорил много и увлекательно. В нём чувствовался склонный к парадоксам, подчас дерзкий ум человека очень образованного. Анжелини лучше губернатора был осведомлён о нравах туземцев, об их тотемах и табу, и, к моему большому удивлению, мадам Буссар вторила ему с полным знанием дела. Губернатор с откровенным восхищением слушал жену и время от времени украдкой поглядывал в мою сторону, чтобы проверить, какое впечатление она производит на меня. После обеда он увёл Анжелини и Дюга в свой кабинет, чтобы обсудить с ними какие-то неотложные дела, я остался наедине с Жизель. Она была кокетлива, а я легко попадаюсь на эту удочку, и, почувствовав, что я возымел к ней доверие, она тотчас заговорила со мной о подполковнике.

— Какое он на вас произвёл впечатление? — спросила мадам Буссар. — Вам, писателю, он должен нравиться. В этих краях он незаменим. Муж во всём на него полагается... А я здесь чувствую себя в некотором роде изгнанницей, и Анжелини вносит в нашу жизнь дыхание Франции... и света... При случае заставьте его почитать вам стихи. Это ходячая антология.

— Что ж, я воспользуюсь этим во время полёта.

— Нет, — возразила Жизель, — в самолёте вы ничего не услышите из-за шума пропеллера.

Часам к десяти вернулись губернатор с подполковником, и вскоре после этого мы все разошлись, потому что вылет из-за ожидавшейся непогоды был назначен на четыре часа утра.

Когда чернокожий бой разбудил меня, небо хмурилось. С востока дул резкий ветер. Я налетал на своём веку много тысяч километров и поэтому сажусь в самолёт без всякой опаски. И всё же я недолюбливаю полёты над джунглями, где негде приземлиться, а уж если и удастся сесть на какой-нибудь прогалине, всё равно мало надежд, что тебя обнаружат пилоты, отправленные на поиски.

Спустившись к завтраку, я увидел за столом лейтенанта Дюга.

— Сводка скверная, — озабоченно сообщил он. — Пилот советовал отложить вылет, но патрон и слышать об этом не хочет. Он уверяет, будто ему всегда везёт и к тому же сводки чаще всего врут.

— Будем надеяться, что губернатор прав: у меня вечером лекция в Батоке, а туда можно добраться только самолётом.

— Мне храбриться легко, — заметил Дюга. — Я не лечу. Но я и в самом деле согласен с патроном. Катастрофы, о которых предупреждают заранее, никогда не случаются.

Вскоре в столовую спустились губернатор с женой. Он был в белом полотняном кителе, на котором выделялась орденская планка. Мадам Буссар, в элегантном спортивном костюме, казалась его дочерью. Она ещё не стряхнула с себя сон и была молчалива. На взлётной дорожке (громадной просеке, вырубленной среди леса) нас ждал подполковник, который с насмешливым вызовом поглядывал на предгрозовое небо.

— Помните, — спросил он меня, — как Сент-Экзюпери описывает воздушные ямы в горах? А воздушные ямы над джунглями куда хуже. Впрочем, вы сами убедитесь. Приготовьтесь к пляске... Вам было бы лучше остаться, мадам, — обратился он к жене губернатора.

— Об этом не может быть и речи, — решительно заявила она. — Если все останутся, и я останусь, если все летят, я тоже лечу.

Лётчик отдал честь губернатору и отошёл с ним в сторону. Я понял, что он пытался уговорить Буссара отложить вылет, но потерпел неудачу. Губернатор вскоре вернулся к нам и сухо объявил:

— Пора.

Через несколько минут мы уже летели над морем джунглей. Шум пропеллеров заглушал голоса. Нахлестываемый ветром лес трепетал, точно холка породистого жеребца. Мадам Буссар закрыла глаза, я взял было книгу, но самолёт сотрясся так, что мне пришлось её отложить. Мы летели на высоте примерно тысячи метров над джунглями среди чёрных туч, в сплошной пелене дождя. Было жарко и душно. Время от времени самолёт словно проваливался в пропасть, с такой силой ударяясь о слои более плотного воздуха, что, казалось, крылья не выдержат.

Не стану описывать вам это кошмарное путешествие. Вообразите сами: ураган, усиливающийся с каждой минутой, вздыбленный самолёт и пилота, время от времени поворачивающего к нам встревоженное лицо. Губернатор был невозмутим, его жена по-прежнему сидела, закрыв глаза. Так прошло больше часа. Вдруг подполковник взял меня под руку и притянул к иллюминатору.

— Смотрите! — крикнул он мне в самое ухо. — Прилив... Дельту затопило.

Моим глазам и в самом деле представилось необычайное зрелище. Там, где обрывался чёрный массив деревьев, не было видно ничего, кроме воды, воды без конца и края, такого жёлтого цвета, точно море сплошь состояло из жидкой грязи. Подгоняемые яростными порывами урагана волны шли приступом на лес и, казалось, частично уже затопили его. Пляж исчез под водой. Пилот нацарапал карандашом какую-то записку и, полуобернувшись, протянул её подполковнику, а тот показал мне.

«Никаких ориентиров. Радио молчит. Не знаю, где приземлиться».

Подполковник встал и, держась за спинки кресел, чтобы не упасть при толчках, направился к губернатору — передать слова пилота.

— Хватит ли у него горючего, чтобы изменить курс и вернуться?

Подполковник передал вопрос пилоту и вновь возвратился к губернатору.

— Нет, — спокойно сообщил он.

— Тогда пусть снизится и поищет, не осталось ли где-нибудь незатопленного островка или косы. Другого выхода у нас нет. — И обернувшись к жене, которая открыла глаза, сказал: — Не пугайтесь, Жизель. Это прилив. Мы попытаемся где-нибудь приземлиться. Там мы переждём, пока ураган утихнет и нас найдут.

Она встретила это зловещее известие с поразившим меня самообладанием. Самолёт резко пошёл на снижение. Я ясно различал огромные жёлтые волны и в грязноватой дымке — деревья, гнувшиеся под порывами ветра. Пилот вёл машину над границей моря и леса, ища прогалину или кусочек берега. Я молчал и думал, что мы погибли.

«И во имя чего? — размышлял я. — За каким чёртом понесло меня на эту проклятую галеру? Чтобы прочитать лекцию двум или трём сотням равнодушных слушателей? На кой черт пускаться в эти бесполезные путешествия? А впрочем, от смерти всё равно не уйдёшь. Не здесь — так в другом месте. Я мог попасть под грузовик на окраине Парижа, погибнуть от болезни или шальной пули... Словом — будь, что будет».

Не подумайте, что я рисуюсь своим смирением перед судьбой. Просто надежда на спасение так живуча в людях, что, несмотря на очевидную опасность, я не мог поверить в неминуемость нашей гибели. Разум твердил мне, что мы обречены, тело этому не верило. Подполковник подошёл к пилоту и стал вместе с ним пристально вглядываться в желтеющий океан. Я видел, как он протянул руку. Самолёт лёг на крыло. Подполковник обернулся к нам, и его лицо, до этого мгновения совершенно бесстрастное, теперь просияло.

— Островок, — сказал он.

— На нём довольно места для посадки? — спросил губернатор.

— Пожалуй...

И спустя несколько мгновений подтвердил:

— Да, безусловно... Идите на посадку, Бок. Через пять минут мы сели на песчаную отмель — по-видимому, всё, что осталось от дельты, — и пилот так ловко сманеврировал, а может, ему просто повезло, что самолёт застрял, вклинившись между двумя пальмами, и это защищало его от ударов ветра. А ветер бушевал с такой силой, что выйти из самолёта было невозможно. Да и зачем? Куда идти? Справа и слева сотня метров мокрого песка, впереди и позади океан. Нам удалось лишь отсрочить гибель, отвратить её полностью могло только чудо.

В этом почти безвыходном положении я был восхищён самообладанием нашей спутницы. Она держалась не только мужественно, но спокойно и весело.

— Кто хочет есть? — спросила она. — Я захватила с собой сэндвичи и фрукты.

Пилот, который вышел к нам из своей кабины, заметил, что продукты лучше побережь, потому что одному богу известно, когда и как мы отсюда выберемся. Он ещё раз попытался сообщить по радио о нашем местонахождении, но не получил никакого ответа. Я взглянул на часы. Было одиннадцать утра.

К полудню ветер немного утих. Наши пальмы держались молодцом. Губернатор задремал. Меня тоже клонило в сон от усталости. Я закрыл глаза, но сразу же невольно открыл их от странного ощущения, будто меня обдало вдруг жаркой волной. И тут я перехватил взгляд, которым обменялись подполковник и Жизель, стоявшие в нескольких метрах друг от друга. В выражении их лиц была такая нежность, такое самозабвение, что сомнений не оставалось: они были любовниками. Это подозрение мелькнуло у меня ещё накануне вечером, сам не знаю почему, — держались они безупречно. Я вновь поспешил закрыть глаза, усталость одолела меня, и я уснул.

Меня разбудил шквальный порыв ветра, с чудовищной силой рванувший самолёт. Мне показалось, что наша шаткая опора не выдержала.

— Что происходит? — спросил я.

— Ураган усилился, и вода прибывает — сказал пилот не без горечи. — На этот раз надежды нет, мсье. Через час море затопит отмель, а с нею... и нас.

Он укоризненно, а может быть, даже и озлобленно, взглянул на губернатора и добавил:

— Я бретонец и верю в бога... Я буду молиться. Накануне Дюга рассказывал мне, что губернатор — антиклерикал в силу политической традиции, тем не менее покровительствовал миссионерам, оказывавшим ему большие услуги. Теперь на лице Буссара не выразилось ни намерения помешать пилоту, ни желания последовать его примеру. В эту минуту раздался треск: порыв ветра расщепил пальму, росшую слева. Наши минуты были сочтены. И вот тут-то Жизель без кровинки в лице в каком-то безотчётном порыве страсти бросилась к молодому подполковнику:

— Раз мы обречены, — сказала она, — я хочу умереть в твоих объятиях.

И, повернувшись к мужу, добавила:

— Простите меня, Эрик... Я старалась, как могла, уберечь вас от этого горя до тех пор, пока... Но теперь всё кончено и для меня, и для вас... Я больше не в силах лгать.

Подполковник встал, дрожа как лист, и пытался отстранить от себя обезумевшую женщину.

— Господин губернатор... — начал он.

Вой урагана помешал мне расслышать конец фразы. Сидя в двух шагах от Жизели и подполковника, губернатор как заворожённый не сводил глаз с этой пары. Губы его тряслись, но я не мог понять, говорит ли он что-то или безуспешно пытается овладеть голосом. Он побледнел так сильно, что я испугался, как бы он не лишился чувств. Самолёт, который теперь удерживало на земле только одно крыло, застрявшее в ветвях правой пальмы, трепыхался на ветру, точно полотнище знамени. Мне следовало бы

думать о смертельной опасности, которая нависла над нами, об Изабелле, о близких, но все мои мысли были поглощены спектаклем, разыгрывавшимся на моих глазах.

Впереди — коленопреклонённый пилот, повернувшись спиной к остальным участникам этой сцены, бормотал молитвы. Подполковник — сердце которого, как видно, разрывалось между любовью, повелевавшей ему заключить в объятия молящую женщину, и мучительной боязнью унижить начальника, которого он, несомненно, почитал. Что до меня, то, съёжившись в кресле, чтобы предохранить себя от толчков, я старался сделаться совсем незаметным и как можно меньше стеснять трёх участников этой драмы. Впрочем, я думаю, они просто забыли о моём присутствии.

Наконец губернатору удалось, цепляясь за кресла, приблизиться к жене. В этой страшной катастрофе, в которой разом гибли и жизнь его и счастье, он сохранял удивительное достоинство. Ни тени гнева не было в его прекрасных чертах, только в глазах стояли слёзы. Очутившись рядом с женой, он опёрся на меня и с надрывавшей душу нежностью произнёс:

— Я ничего не знал, Жизель, ничего... Идите ко мне, Жизель, сядьте со мной... Прошу вас... Приказываю вам.

Но она, обвив руками подполковника, пыталась привлечь его к себе.

— Любимый, — говорила она. — Любимый, зачем ты противишься? Ведь всё кончено... Я хочу умереть в твоих объятиях... Любимый, неужели ты принесёшь наши последние минуты в жертву щепетильности?... Ведь я слушалась тебя, пока было необходимо, ты сам знаешь... Ты уважал Эрика, любил его... И я тоже... Да, Эрик, это правда, я любила тебя!.. Но раз мы умрём...

Кусочек металла, сорвавшийся откуда-то при особенно сильном толчке, ударил Жизель в лицо. Тоненькая струйка крови потекла по её щеке.

— «Надо соблюдать приличия!» — с горечью сказала она. — Сколько раз ты повторял мне эти слова, любимый... И мы героически соблюдали приличия... Ну, а теперь? Теперь речь идёт не о приличиях, а о наших последних, коротких минутах...

И глухим шёпотом добавила:

— Оставь же! Мы вот-вот умрём, а ты стоишь навтыжку перед призраком!

Губернатор вынул платок, склонился к жене и ловким, ласковым движением отёр окровавленную щеку. Потом посмотрел на подполковника с печальной решимостью, но без укора. Мне казалось, что я прочитал в его взгляде: «Обнимите же эту несчастную... Я уже не способен страдать...» А тот, потрясённый, казалось, так же беззвучно отвечал: «Нет, не могу. Я слишком уважаю вас. Простите». Мне чудилось, что передо мной Тристан и король Марк. Я никогда не был свидетелем такой патетической сцены. Ни звука, кроме воя ветра и неясного бормотания — молитвы пилота; а в иллюминатор видно было только свинцово-серое небо, вереницы клочковатых, белесых облаков, а если глянуть вниз — жёлтые, всё прибывающие волны.

Потом на мгновение ветер стих, и женщине, цеплявшейся за мундир офицера, удалось приподняться. С каким-то отчаянным вызовом она поцеловала его прямо в губы. Он ещё несколько секунд пытался сопротивляться, но потом, уступив то ли жалости, то ли страсти, отвёл наконец глаза от своего начальника и с жаром ответил на её поцелуй. Губернатор побледнел ещё больше, откинулся на спинку кресла и, казалось, потерял сознание. Инстинктивное чувство стыдливости побудило меня закрыть глаза.

Сколько времени прошло таким образом? Не знаю. Достоверно я помню лишь одно: спустя несколько минут, а может быть часов, мне послышался в грохоте бури шум мотора. Неужели это галлюцинация? Я напряг слух и огляделся. Мои спутники тоже прислушивались. Подполковник и Жизель уже стояли поодаль друг от друга. Она сделала шаг к мужу, который приник к иллюминатору. Пилот, поднявшись с колен, шёпотом спросил Буссара:

— Слышите, господин губернатор?

— Слышу. Это самолёт?

— Пожалуй, нет, не похоже, — сказал пилот. — Это шум мотора, но более слабый.

— Так что же это? — спросил подполковник. — Я ничего не вижу.

— Может быть, дозорное судно?

— Как они могли узнать, что мы здесь?

— Не знаю, господин подполковник, но шум всё слышнее. Они приближаются. Шум идёт с востока, стало быть — со стороны берега... Смотрите, господин подполковник, там серая точка, там — на волнах! Так и есть, это катер!

И он истерически расхохотался.

— Господи! — выдохнула Жизель, сделав ещё один шаг к мужу.

Прильнув лицом к иллюминатору, я теперь совершенно явственно различал катер, направлявшийся к нам. С трудом преодолевая бушующую стихию, он то и дело исчезал среди вздымающихся волн, но всё-таки неуклонно двигался к островку. Четверть часа понадобилось морякам, чтобы добраться до нас, и это время показалось нам вечностью. Наконец, приблизившись, они зацепились багром за пальму, но им далеко не сразу удалось переправить нас на корабль. Самолёт содрогался под порывами ветра, поэтому каждое движение было чревато опасностью. Да и катер швыряло на волнах, точно щепку. Наконец лётчик сумел открыть дверцу кабины и выкинуть верёвочную лестницу, конец которой подхватили матросы. Я и по сей день не пойму, как это нам всем пятерым посчастливилось переправиться на катер и никто не свалился в море.

Облачившись в непромокаемые плащи, мы с борта катера глядели на наш самолёт и задним числом холодели от ужаса. Для того, кто видел его со стороны, было совершенно ясно, что это чудо эквилибристики не могло продолжаться долго. Жизель с удивительным хладнокровием пыталась привести в порядок свою причёску. Гардемарин, командовавший маленьким судном, рассказал нам, что сторожевой катер видел, как мы приземлились, и с самого утра нам пытались прийти на помощь. Но разбушевавшееся море трижды заставляло наших спасителей отступить. На четвёртый раз они добились успеха. Матросы сообщили также, что наводнение причинило громадный ущерб прибрежным сёлам и порту Батока.

В порту нас встретил представитель местной администрации. Это был молодой чиновник колониального управления, несколько растерявшийся от множества проблем, возникших перед ним из-за стихийного бедствия. Но с той минуты, как губернатор Буссар ступил на сушу, он вновь стал «патроном». Отданные им распоряжения обличали в нём прекрасного организатора. Чтобы бросить войска на спасательные работы, ему нужно было содействие подполковника Анжелини, и я был поражён поведением обоих мужчин. Глядя, как они энергично делают общее дело, никто не заподозрил бы, что один из них оскорблён, а другого терзают угрызения совести. Мадам Буссар отвели в дом местного администратора, где молодая хозяйка напоила её чаем и дала свой плащ, после чего Жизель немедленно выразила желание принять участие в помощи пострадавшим и занялась ранеными и детьми.

— А открытие памятника, господин губернатор? — напомнил чиновник.

— Мы займёмся мёртвыми, когда обеспечим безопасность живых, — сказал губернатор.

О моей лекции, разумеется, не могло быть и речи. Я чувствовал, что участники этой маленькой драмы рады поскорее сплавить меня отсюда. Решено было, что в следующий пункт я отправлюсь поездом. Я зашёл проститься к мадам Буссар.

— Какое ужасное воспоминание вы сохраните о нас! — сказала она.

Но я не понял, что она имеет в виду: наш страшный перелёт или любовную трагедию.

— И вы их больше не встречали? — спросила Клер Менетрие.

— А вот послушайте, — ответил Бертран Шмит... — Через два года, в 1940 году, я был призван как офицер, и на фландрском фронте в штабе генерала одной колониальной дивизии встретил Дюга, уже в капитанском чине. Он вспомнил о нашем ужасном путешествии.

— Вы дёшево отделались, — сказал он. — Лётчик рассказал мне все подробности... Он рвал и метал, негодуя на патрона, которого перед вылетом предупреждал об опасности.

После минутной неловкой заминки Дюга добавил:

— Скажите, дорогой мэтр, что такое стряслось во время полёта? Мне никто ничего не сказал, но над губернатором, его женой и подполковником Анжелини с момента возвращения нависла тень какой-то драмы... Не знаю, известно ли вам, что подполковник в скором времени подал прошение о переводе, и оно было удовлетворено? И что самое странное — губернатор энергично поддержал его просьбу.

— Что ж тут странного?

— Как вам сказать... Губернатор очень ценил Анжелини... И потом я думал, что кое-кто будет удерживать подполковника.

— Кое-кто?.. Вы имеете в виду Жизель? Дюга испытующе посмотрел на меня:

— Представьте, она усерднее всех хлопотала о его переводе.

— Что же случилось с Анжелини?

— Получил полковника, как и следовало ожидать. Командует танковым соединением.

Наступили дни поражения. Потом пять лет борьбы, страданий и надежд. А потом на наших глазах Париж мало-помалу стал возрождаться к своей прежней жизни. В начале 1947 года Элен де Тианж как-то спросила меня:

— Хотите познакомиться с четой Буссар? Они сегодня завтракают у меня. Говорят, его назначают генеральным резидентом в Индокитай... Это редкий человек, может быть, несколько холодный, но очень образованный. Представьте, в прошлом году он выпустил под псевдонимом томик своих стихов... А жена у него красавица.

— Я с ней знаком, — заметил я. — Незадолго до войны мне пришлось как-то остановиться в их доме, когда Буссар был губернатором в Чёрной Африке... Я бы очень хотел повидать их.

Я не был уверен, что Буссаров обрадует встреча со мной. Ведь я был единственным свидетелем того, что, безусловно, составляло трагедию их жизни. Однако любопытство пересилило, и я принял приглашение.

Неужели я так сильно изменился за время войны и всех её невзгод? Буссары сначала меня не узнали. Я направился прямо к ним, но так как они глядели на хозяйку дома с вежливым недоумением, как бы прося объяснений, она назвала мою фамилию. Замкнутое лицо губернатора просияло, жена его улыбнулась.

— Как же, — сказала она. — Вы ведь приезжали к нам в Африку?

За столом она оказалась моей соседкой. Точно ступая по льду, я осторожно прокладывая себе дорогу среди её воспоминаний. Видя, что она охотно и безмятежно поддерживает разговор, я отважился напомнить ей наш полёт во время урагана.

— Ах, правда, — сказала она. — Вы ведь тоже участвовали в этой безумной экспедиции... Ну и приключение! Чудо, что мы уцелели.

Она на мгновение умолкла, потому что ей подали очередное блюдо, а потом продолжала самым естественным тоном:

— Стало быть, вы должны помнить Анжелини... Вы знаете, что он, бедняжка, убит?

— Нет, я не знал... В эту войну?

— Да, в Италии... Он командовал дивизией под Монте Кассино и не вернулся с поля боя... Очень жаль, ему пророчили блестящее будущее. Мой муж его очень ценил...

Я озадаченно глядел на неё, гадая, понимает ли она, в какое изумление повергли меня её последние слова. Но вид у неё был самый невинный, держалась она непринуждённо и казалась опечаленной ровно настолько, насколько это принято, когда говоришь о смерти постороннего человека. И тогда я понял, что маска была водворена на место и так прочно приросла к лицу, что стала второй кожей. Жизель забыла, что я всё знал.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРЬЕРЫ

В предпоследнюю субботу каждого месяца в мастерской художника Бельтара собирались: депутат Ламбэр-Леклерк (сейчас он уже помощник министра финансов), писатель Сиврак и драматург Фабер, автор той самой пьесы «Король Калибан», что ещё недавно гремела на сцене театра «Жимназ».

В один из таких вечеров Бельтара представил друзьям своего двоюродного брата — молодого провинциала, решившего посвятить себя литературе.

— Этот мальчик, — объявил Бельтара, — написал роман. На мой взгляд, книга его ничуть не хуже других произведений подобного рода, и я прошу тебя, Сиврак, прочитать её. У моего кузена нет никаких знакомств в Париже, он инженер и живёт в Байе.

— Счастливы вы человек, — сказал юноше Фабер. — Сочинили роман, живёте в провинции и ровным счётом никого не знаете в Париже! Ваша карьера обеспечена! Издатели тотчас начнут драться за честь «открыть» ваш талант, и если вы умело составите себе репутацию, то через год ваш успех затмит даже славу нашего друга Сиврака. Но послушайтесь моего совета: никогда не показывайтесь в столице! Байе... Это же замечательно — Байе. Мыслимо ли противиться обаянию человека, живущего в Байе? На вид вы славный малый, но таковы уж люди: чужую гениальность они выносят лишь на приличном расстоянии.

— Советую вам сказатьсь больным, — вмешался Ламбэр-Леклерк, — очень многие добились успеха таким путём.

— Но что бы ты ни предпринимал, — сказал Бельтара, — ни в коем случае не бросай своей службы. Служба — это отличный наблюдательный пункт. Если же ты запрёшься в своём кабинете, то через год станешь писать, как профессионал: твои сочинения будут безупречны по форме и невыносимо скучны.

— Глупец! — презрительно воскликнул Сиврак. — «Служба — отличный наблюдательный пункт!» Как не стыдно умному человеку повторять такие пошлости! Да что может писатель найти в мире такого, что не жило бы уже в нём самом? Разве Пруст покидал свою обитель? Разве Толстой уезжал из своей деревни? Когда его спрашивали, кто такая Наташа, он отвечал: «Наташа — это я». А Флобер...

— Прошу прощения, что я решаюсь возражать тебе, — отвечал Бельтара, — но Толстого окружала многочисленная родня, и в этом был один из источников его силы. А Пруст часто бывал в отеле «Ритц», он имел множество друзей, и всё это давало богатую пищу его воображению. Что же до Флобера...

— Ясно!.. — оборвал его Сиврак. — Но представь себе, что Пруст не мог бы черпать свои сюжеты из светской жизни — всё равно у него нашлось бы что сказать. Пруст одинаково восхитителен, когда рассказывает о своей болезни, о комнате, где он жил, или о своей старой служанке. А кроме того, я берусь доказать тебе, что даже самого блестящего ума, у которого к тому же имеется возможность наблюдать жизнь в самых любопытных её проявлениях, ещё недостаточно для создания истинного произведения искусства. Взять, к примеру, нашего друга Шалона... У кого, как не у него, было больше возможности и времени наблюдать самые различные круги общества? Шалон был на короткой ноге с художниками, писателями, промышленниками и актёрами, политическими деятелями, дипломатами, он имел доступ за кулисы театра, где разыгрывается человеческая комедия. А каков результат? Увы, мы знаем, чем это кончилось!..

— А в самом деле, что стало с Шалоном? — спросил Ламбэр-Леклерк. — Что с ним? Кто из вас слышал о нём?

— У нас с ним один издатель, — ответил Сиврак, — и я иногда сталкиваюсь у него с Шалоном, но наш друг делает вид, будто не узнаёт меня.

Наклонившись к хозяину дома, молодой провинциал вполголоса осведомился, кто такой Шалон.

— Сиврак, — сказал Бельтара, — расскажи-ка этому младенцу историю карьеры Шалона. Для человека его возраста пример этот может быть поучителен.

Сиврак встал — и, пересев на край дивана, тотчас начал рассказ, построенный по всем правилам искусства. Его резкий насмешливый голос, казалось, рубил звуки.

— Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь слышать о знаменитом классе риторики лица Генриха IV, выпуска 1893 года? Во всяком случае, он стяжал в академических кругах не меньшую известность, чем прославленный некогда выпуск Эколь Нормаль, где были, как вы знаете, Тэн, Прево-Парадоль, Сарсэ и Эдмон Абу. Этот класс, как до сих пор твердит мне при каждой встрече один из наших старых учителей, был «колыбелью знаменитых мужей», потому что в этом классе одновременно учились Бельтара, Ламбэр-Леклерк, Фабер и я. Ламбэр-Леклерк, который тогда уже готовился к политическому поприщу и вместе с Фабером проводил все вечера на скачках...

— Никакого почтения к моему превосходительству... — вздохнул — помощник министра.

— Вы, ваше превосходительство, были единственным из нас, чьи юношеские склонности уже тогда позволяли предсказать ваше будущее. Бельтара, напротив, не проявлял особенного интереса к живописи, а Фабер не выказывал ни малейшего расположения к драматургии. Наш преподаватель литературы, отец Гамлен, говорил ему: «Бедняга Фабер, наверно, вы никогда не освоите как следует французский язык». Суждение вполне справедливое, но ныне, кажется, отвергнутое невежественной публикой. Я же в те годы высшее эстетическое наслаждение находил в том, что рисовал Венеру на полях школьных тетрадей. Наш кружок дополнял Шалон.

Это был белокурый юноша, с тонкими, приятными чертами лица. Он мало утруждал себя занятиями, зато много читал, столь же удачно выбирая любимых поэтов, как и галстуки. Безупречный вкус создал ему громадный авторитет в нашем кружке. Прочитав к тому времени историю общества «Тринадцати», мы вчетвером да ещё Шалон решили создать по их примеру свою «Пятёрку». Каждый член «Пятёрки» дал клятву всегда и во всём поддерживать остальных. Мы условились, что деньги, влияние, связи — всё, чего добьётся любой из нас, будет служить всем членам кружка. Это было прекрасно задумано, но замысел наш так и не претворился в жизнь — по выходе из лица нам пришлось расстаться. Его превосходительство и я посвятили себя изучению права. Фабер, которому надо было зарабатывать на жизнь, поступил на службу в банк своего дядюшки. Бельтара занялся медициной. Окончательно нас разлучила военная служба, а затем и другие случайности судьбы. В течение шести лет мы почти ничего не слышали друг о друге.

В Салоне 1900 года я впервые увидел картину Бельтара. Я был удивлён тем, что он сделался художником, но ещё больше изумил меня его талант. Когда человек обнаруживает талант у друга детства, это неизменно повергает его в глубочайшее изумление. Хотя все мы понимаем, что любой гений кому-нибудь да приходился приятелем, всё же почти невозможно свыкнуться с мыслью, что кто-то из твоих приятелей — гений. Я тотчас написал Бельтара, и он пригласил меня к себе. Мне понравилось в его мастерской, и я стал частенько навещать его. После длительного обмена письмами и телеграммами мне удалось наконец созвать «Пятёрку» на обед. Тут каждый из присутствовавших рассказал, чем он занимался после окончания лица.

По воле случая трое из нас избрали отнюдь не тот путь, который был уготован им родителями. Бельтара, вступив в связь с натурщицей, забавы ради написал с неё несколько картин, которые оказались весьма удачными. Эта женщина и ввела его в круг художников. Он стал учиться живописи, добился на этом поприще успеха и спустя несколько месяцев окончательно оставил занятия медициной.

Затем он поехал на юг Франции — в те края, где родился и вырос. Он написал здесь множество портретов марсельских торговцев и их жён и заработал на этом тысяч двадцать франков. Это позволило ему, когда он возвратился в Париж, работать над тем, что его

интересовало. Он показал мне несколько полотен, где он «утверждал своё творческое “я”», как говорили тогда критики.

Фабер, чья одноактная пьеса была сыграна любителями во время одного из вечеров в доме его дяди, удостоился восторженной похвалы со стороны некоего старого драматурга, дядюшкиного приятеля. Этот добряк почувствовал расположение к Фаберу и рекомендовал театру «Одеон» первую пьесу нашего товарища — «Степь». Ламбэр-Леклерк служил секретарём сенатора от департамента Ардеш, и тот обещал выхлопотать ему должность супрефекта. Я же успел написать к тому времени несколько новелл, которые предложил вниманию «Пятёрки».

Шалон молча слушал нас. Он сделал ряд тонких и справедливых замечаний о моих первых литературных опытах. Отметил, что сюжет одного из рассказов — как бы вывернутая наизнанку новелла Мериме, а в стиле слишком явно ощущается влияние Барреса, которым я в ту пору увлекался. Он успел побывать на пьесе Фабера и, выказав поразительное понимание драматургических приёмов, растолковал автору, как лучше переработать одну из сцен. Вместе с Бельтара он обошёл его мастерскую и с удивительной тонкостью и глубиной рассуждал об импрессионистской живописи. Разговорившись с Ламбэр-Леклерком, он дал точный анализ политической ситуации в департаменте Ардеш, тут также обнаружив глубокое знание предмета. Всё это снова укрепило наше прежнее убеждение, что из всех членов кружка самый блистательный, несомненно, Шалон. С искренней почтительностью мы попросили его в свою очередь поведать нам о своих успехах.

Получив в наследство восемнадцати лет от роду довольно значительное состояние, он поселился в маленькой квартире со своими любимыми книгами и, по его словам, приступил к работе сразу же над несколькими произведениями.

Первое было задумано как большой роман в духе гётевского «Вильгельма Мейстера» и должно было составить лишь первый том «Новой человеческой комедии». У Шалона родился также замысел театральной пьесы, в которой он собирался отдать дань одновременно Шекспиру, Мольеру и Мюссе. «Вы понимаете, что я имею в виду: она должна быть полна фантазии и иронии, лёгкости и глубины». Кроме того, он начал работать над трактатом «Философия духа». «В какой-то мере он будет переключаться с Бергсоном, — пояснил он, — но я пойду гораздо дальше в области анализа».

Я навел его, и мне, ютившемуся тогда в меблированных комнатах, квартира его показалась самым очаровательным уголком на свете. Старинная мебель, несколько копий статуэток из Лувра, отличная репродукция Гольбейна, полки с книгами в роскошных переплётах, рисунок Фрагонара — подлинник — всё свидетельствовало о том, что хозяин квартиры — истинный художник.

Он угостил меня английской сигаретой удивительного цвета и аромата. Я попросил разрешения прочитать начало «Новой человеческой комедии», но Шалон ещё не дописал до конца первую страницу. Его пьеса не продвинулась дальше заголовка, а в фундамент «Философии духа» было заложено лишь несколько карточек. Зато мы долго любовались прелестным миниатюрным изданием «Дон Кихота», снабжённым восхитительными рисунками, которое он купил у соседнего букиниста, рассматривали автографы Верлена, изучали каталоги торговцев картинами. Я провёл у него весь вечер — он был чрезвычайно приятным собеседником.

Миррина

Творчеством Кристиана Менетрие восхищались лучшие писатели нашего поколения. Правда, было у него и немало врагов, отчасти потому, что где успех — там и враги, отчасти потому, что к Менетрие признание пришло поздно, и к этому времени его собратья по перу и критики уже привыкли видеть в нём поэта для избранных, который вызывает уважение, но не способен стать баловнем публики, а стало быть, восхищаться его произведениями было и благородно и безопасно. Начало карьеры Менетрие положила

его жена Клер, женщина честолюбивая, пылкая и деятельная, убедившая в 1927 году композитора Жан-Франсуа Монтеля сочинить музыку к лирической драме мужа «Мерлин и Вивиана». Но окончательным превращением Кристиана в автора сценичных и не сходящих с подмостков пьес мы обязаны актёру Леону Лорану. История эта почти никому не известна и, на мой взгляд, заслуживает внимания, потому что проливает свет на некоторые малоизученные стороны творческого процесса.

Леон Лоран, сыгравший такую благотворную роль в возрождении французского театра между двумя войнами, на первый взгляд меньше всего напоминал «комедианта». Совершенно чуждый самовлюблённости, всегда готовый бескорыстно содействовать успеху любого шедевра, он в буквальном смысле слова был жрецом театрального искусства и при этом отличался редкой образованностью. Всё, что он любил в искусстве, было действительно достойно любви, но мало этого: он знал и понимал самые сложные и непопулярные произведения. Создал свою собственную труппу, он не побоялся поставить эсхилловского «Прометея», «Вакханок» Еврипида и шекспировскую «Бурю». Его Просперо и Ариэль в исполнении Элен Мессьер запечатлелись в душе многих из нас среди самых возвышенных воспоминаний. Как актёр и постановщик, Лоран вдохнул новую жизнь в произведения Мольера, Мюссе и Мариво в ту пору, когда погруженный в спячку театр Комеди Франсез ещё только ждал появления Эдуара Бурде, которому суждено было его пробудить. Наконец, среди наших современных писателей Лоран сумел найти тех, кто был достоин продолжать прекрасную традицию поэтического театра. Французская драматургия обязана ему школой и целой плеядой авторов.

Я уже сказал, что с первого взгляда Лорана трудно было принять за актёра. В самом деле — его интонация, манеры, речь скорее вызвали представление об учителе или о враче. Но такое впечатление сохранялось недолго. Стоило вам в течение пяти минут понаблюдать его игру на сцене, и вы тотчас убеждались, что перед вами — великий актёр, наделённый поразительным даром перевоплощения и способный с равным успехом быть величавым Августом в «Цинне», трагикомическим Базилем в «Севильском цирюльнике» или потешать зрителей в роли аббата из комедии «Не надо биться об заклад».

Кристиан Менетрие восхищался Лораном, не пропускал ни одной премьеры с его участием, но, по всей вероятности, между писателем и актёром никогда не завязалось бы личного знакомства, так как оба были застенчивы, не вмешайся в это дело Клер Менетрие. Клер разделяла восторженное отношение мужа к Леону Лорану; она мечтала, чтобы Кристиан писал для театра, и при этом прекрасно понимала, что толкнуть его на эту стезю может только по-настоящему культурный актёр. Поэтому она решила во что бы то ни стало ввести Леона в круг их интимных друзей, и ей это удалось. Клер всё ещё была красавицей с матовой кожей и аквамариновыми глазами, а Лоран никогда не мог устоять перед женской красотой. Вдобавок с той минуты, как знакомство состоялось, мужчины не могли наговориться о театре. У Кристиана было множество различных идей на этот счёт, и большинство из них совпадало со взглядами знаменитого актёра.

— Величайшее заблуждение реалистов, — говорил Кристиан, — в том, что они на сцене рабски копируют повседневную речь... А зритель как раз ищет в театре совсем другое... Нельзя забывать, что драма родилась из обряда, что шествия, выходы и хоры занимали в ней громадное место... Да и в комедии тоже... Нам твердят, что Мольер-де прислушивался к языку крючников Моста менял... Что же, возможно, пожалуй даже бесспорно, однако он прислушивался к этому языку, чтобы потом его стилизовать.

— Вы правы, — отвечал Леон Лоран. — Вы совершенно правы. Вот почему мне и хочется, Менетрие, чтобы вы писали для театра... Ваши лирические тирады, ваши изысканные образы... Вопреки поверхностному впечатлению они великолепный материал для актёров. Возьмите же на себя роль скульптора. Мы оживим ваши статуи.

Лоран говорил короткими фразами, которым его прекрасный голос придавал глубокую выразительность.

— Да ведь я и так пишу для театра, — отвечал Кристиан.

— Нет, дорогой! Нет!.. Вы пишете поэмы-диалоги, это театр в кресле у камина, но вы ни разу не дерзнули предстать перед публикой.

— Мои пьесы не ставят.

— Скажите лучше, что вы никогда не стремились к тому, чтобы их ставили... Вы никогда не считались с законами сцены. А ведь без этого нет театра... Напишите пьесу для меня... Да, мой друг, лично для меня... Тогда вы увидите, что такое репетиция... А это лучшая школа... Понимаете, вы ещё не избавились — на мой взгляд, это ваш единственный недостаток — от некоторой ходульности символизма... Так вот, стоит вам услышать ваш текст со сцены, и вы сами заметите все ваши промахи. Театральные подмостки для драматурга — то же самое, что для оратора пластинка с записью его голоса. Он слышит свои недостатки и исправляет их.

— Вот эти самые слова я твержу Кристиану с утра до вечера, — сказала Клер. — Он создан для театра.

— Не знаю, — сказал Кристиан.

— Ну что вам стоит попробовать... Я вам повторяю:

напишите пьесу для меня.

— На какой сюжет?

— Да их у вас сотни, — сказал Леон Лоран. — Боже мой, ведь каждый раз, как мы встречаемся, вы излагаете мне первый акт какой-нибудь пьесы, почти всегда блестящий. Сюжет! Да вам надо только сесть за стол и записать то, что вы мне уже рассказывали... И вообще это проще простого. Я с закрытыми глазами возьму любую пьесу, какую вы мне принесёте. Кристиан на мгновение задумался.

— Пожалуй, у меня есть одна идея, — сказал он. — Вы знаете, как меня сейчас волнует угроза войны, как я пытаюсь, к сожалению тщетно, привлечь внимание французов к откровенным планам безумцев, правящих Германией...

— Я читал ваши статьи в «Фигаро», — сказал Леон Лоран. — Они красноречивы и полезны. Но только, вы сами знаете, слишком современная пьеса...

— Да нет же, я вовсе не собираюсь предлагать вам пьесу из современной жизни. Я хотел бы перенести действие совсем в другую эпоху. Помните, как вели себя афиняне, когда Филипп Македонский требовал жизненного пространства и завоёвывал одно за другим маленькие греческие государства? «Берегитесь, — твердил афинянам Демосфен. — Берегитесь! Если вы не придёте на помощь Чехословакии, вам тоже не избежать гибели». Но афиняне были доверчивы, легкомысленны, а у Филиппа была пятая колонна... Демосфен потерпел поражение... А потом в один прекрасный день настал черёд Афин... Это будет второй акт.

— Великолепно! — с увлечением воскликнул Леон Лоран. — Чудесно. Вот вам и сюжет! А теперь не откладывайте в долгий ящик и за работу!

— Погодите, — сказал Кристиан. — Мне надо ещё кое-что перечитать. Но я уже представляю, каким вы будете блистательным Демосфеном. Ведь вы, конечно, возьмёте роль Демосфена?

— Ещё бы!

Восхищённая Клер до пяти часов утра упивалась их спорами о будущей пьесе. Когда Лоран и Менетрие расстались, основные сцены были уже намечены. Кристиан даже придумал финальную реплику. После множества перипетий внезапная смерть Филиппа кажется чудом, которое спасёт Афины. Но Демосфен не верит ни в длительность чудес, ни в то, что афиняне могут спасти что-нибудь иное, кроме их собственной воли, мужества и стойкости. «Да, — говорит он, — я слышу... Филипп умер... Но как зовут сына Филиппа?» И чей-то голос отвечает:

«Александр!»

— Превосходно! — воскликнул Леон Лоран. — Превосходно! Я уже представляю, как я это скажу... Менетрие! Если вы не закончите пьесу в течение месяца, вы недостойны театра.

Через месяц пьеса была завершена. Теперь мы знаем, что она оправдала все надежды Клер и Лорана. Но когда после читки пьесы в театре, ставшей подлинным триумфом автора, Лоран явился к нему, чтобы договориться о распределении ролей, сроках постановки и репетициях, вид у актёра был озабоченный и смущённый. Кристиану, болезненно мнительному, как все художники, когда дело касается их творений, показалось, что Лоран не вполне удовлетворён.

— Нет, — сказал он жене после того, как Леон Лоран ушёл. — Нет, что-то его не устраивает... Но что?.. Он мне не сказал... Ничего не сказал... Но что-то неуловимое... Я не стану утверждать, что пьеса ему не нравится... Наоборот, он опять говорил о своей роли и о сцене в ареопаге с увлечением, в искренности которого невозможно усомниться... Но у него какая-то задняя мысль... В чём дело... Не понимаю...

Клер улыбнулась.

— Кристиан, — сказала она. — Вы — великий писатель, и я от всей души восхищаюсь вами. Но вы трогательно наивны во всём, что касается самых простых человеческих отношений. Поверьте мне, даже не видя Лорана, я совершенно твёрдо знаю, что произошло.

— Что же?

— Вернее сказать — чего не произошло. Чего не хватает... А не хватает в вашей пьесе, дорогой, роли для Элен Мессьер... Признайтесь по справедливости, что я вас об этом предупреждала.

Кристиан раздражённо возразил.

— А какая тут могла быть роль для Мессьер? Она прелестная комедийная актриса, ей отлично удаются образы Мюссе и Мариво, но что ей, скажите на милость, делать в политической трагедии?

— Ах, любовь моя, вы смешиваете совершенно разные проблемы! Речь идёт совсем не о том, что Элен будет делать в политической трагедии. Всё гораздо проще — речь идёт о том, что сделать, чтобы Леон Лоран жил в добром согласии со своей любовницей.

— Элен Мессьер — любовница Леона Лорана?

— Вы свалились с луны, дорогой? Они живут вместе вот уже четыре года.

— Откуда я мог это знать? И при чём здесь моя пьеса? Так вы думаете, что Лорану хочется...

— Я не думаю, Кристиан, я твёрдо знаю, что Лоран хочет и, если вы его к этому вынудите, потребует роли для Мессьер. Замечу, кстати, что, по-моему, не так уж трудно доставить ему это удовольствие... Почему бы вам не добавить одно действующее лицо...

— Ни за что! Это разрушит всю композицию моей пьесы...

— Дело ваше, Кристиан... Но мы ещё вернёмся к этой теме...

Они и в самом деле вернулись к этой теме, когда Леон Лоран, который становился всё более озабоченным и хмурым, начал говорить о трудностях постановки, о прежних обязательствах театра, о предстоящих гастролях. Кристиан, которому с тех пор, как он закончил пьесу, не терпелось увидеть её на сцене, тоже стал раздражительным и мрачным.

— Друг мой, — сказала ему Клер. — Оставьте меня как-нибудь наедине с Лораном. Мне он решится высказать всё, что у него на душе, и я обещаю вам всё уладить... Разумеется, с условием, что вы напишете женскую роль.

— Да как же я её напишу? Не могу же я переделывать пьесу, которую я имею смелость считать произведением искусства, по прихоти...

— Ох, Кристиан, ведь это же легче лёгкого, да ещё при вашей богатой фантазии... Ну вот хотя бы во втором акте, когда македонцы организуют в Афинах пятую колонну, почему бы им не прибегнуть к услугам умной куртизанки, подруги влиятельных афинян, банкиров и государственных деятелей... Вот вам готовый персонаж — и, кстати сказать, вполне правдоподобный.

— Гм, пожалуй... И при этом можно... А знаете, вы правы, очень интересно показать секретные методы пропаганды, старые как мир...

Клер знала, что каждое семя, брошенное в воображение Кристиана, обязательно даст росток. Теперь она взялась за Лорана и тут тоже одержала полную победу.

— Ах, что за чудесная мысль! — с облегчением сказал Лоран. — Понимаете, я не смел заговорить об этом с вашим мужем — к нему невозможно подступиться, когда речь идёт о его произведениях, — но публика очень плохо принимает пьесы без женщин... Даже Шекспир в «Юлии Цезаре»... Да и Корнель ввёл в драму Горацийев фигуру Сабини, а Расин Арисию в миф о Федре... И потом, мадам, вам я признаюсь откровенно: я бы не хотел ставить пьесу, где у Элен не будет роли... Не хотел бы... Понимаете, она молода, она привязана ко мне, но она любит танцевать, как огня боится одиночества... Если я буду каждый вечер занят в театре, она станет проводить время с другими мужчинами, и, сознаюсь вам, я потеряю покой... Но если ваш муж напишет для неё маленькую роль, всё уладится... Через неделю мы начнём репетировать...

Так родился образ Миррины. Создавая её, Кристиан вспоминал одновременно и некоторых героинь Аристофана, женщин остроумных и циничных, и кокеток Мариво, играя которых Элен Мессьер стяжала первые лавры. Из этого парадоксального сочетания, к удивлению самого автора, родился оригинальный и пленительный образ. «На редкость выигрышная роль», — говорил Лоран.

Клер пригласила Элен Мессьер к обеду, чтобы Менетрие мог прочитать ей новый вариант пьесы. Элен была прелестная крошечная женщина с длинными опущенными ресницами, осторожная и вкрадчивая, как кошечка. Говорила она мало, но ни разу не сказала глупости. Кристиану она понравилась.

— Эта отнюдь не наивная инженю прямо создана для роли коварной предательницы.

— Уж не слишком ли она вам нравится, Кристиан?

— О нет! А потом разве она не любит Лорана? Он не только её любовник, он её создал. Она — творение его рук. Не будь Лорана, чего бы она стоила?

— Вы думаете, Кристиан, сознание того, что она многим ему обязана, подогревает её нежные чувства? А вот мне, закоренелой женоненавистнице, сдаётся, что она скорее затаила против него неосознанную досаду... Впрочем, какое нам до этого дело? Роль ей понравилась, значит, всё идёт как по маслу.

Всё и впрямь шло как по маслу в течение недели. Но потом Лоран снова помрачнел.

— Что с ним такое? — спросил Кристиан.

— На этот раз не знаю, — ответила Клер. — Но узнаю...

Лоран и в самом деле не заставил себя долго просить и поведал Клер свои тревоги.

— Ну так вот: роль прелестна, и Элен в восторге... Но... Понимаете, мы живём под одной крышей, и когда надо ехать в театр, берём одно такси... Какой смысл ехать врозь?.. Но если Элен появляется на сцене только во втором акте, что она станет делать целый час в своей уборной? Либо она будет скучать, а этого она совершенно не выносит, либо станет принимать поклонников... А уж я себя знаю... это отзовется на моей игре. Не говоря о моём сердце... Конечно, Кристиану Менетрие нет дела до моего сердца, но зато моя игра...

— Короче говоря, — сказала Клер, — вы хотите, чтобы Миррина появлялась на сцене в первом акте?

— Мадам, от вас ничего не скроешь.

Когда Клер передала мужу это новое требование, он сначала пришёл в негодование: «Ни одному писателю не приходилось работать в таких условиях!» Но Клер отлично знала характер Кристиана; прежде всего следовало успокоить его совесть.

— Кристиан, все драматурги работали именно в таких условиях... Вы отлично знаете, что Шекспиру приходилось считаться с внешностью своих актёров, а Расин писал для Шанмеле. Об этом свидетельствует мадам де Севинье.

— Она ненавидела Расина.

— Но она хорошо его знала.

Миррина появилась в первом акте. Надо ли говорить, что проблема такси, связанная с прибытием артистов в театр, вставала со всей остротой и после спектакля, и что в последнем варианте пьесы Миррине пришлось участвовать и в третьем акте. Тут снова не обошлось без вмешательства Клер.

— В самом деле, Кристиан, почему бы этой Миррине не стать после поражения добродетельной патриоткой? Пусть она уйдёт в маки, станет любовницей Демосфена.

— Право, Клер, вздумай я следовать вашим советам, я скоро дойду до голливудских сусальностей... Хватит, больше я не добавлю ни строчки.

— Я не вижу ничего пошлого и неправдоподобного в том, что легкомысленная женщина любит родину.

В жизни такие случаи бывают сплошь и рядом. Кастильоне пленила Наполеона III своей страстной мечтой объединить Италию... Только преображение Миррины надо подать изящно и неожиданно... Но вы в таких сценах не знаете соперников... Ну, а насчёт связи с Демосфеном я, конечно, пошутила...

— А почему пошутили? Очень многие деятели французской революции...

Успокоенная Клер поспешила утешить Лорана, и роль Миррины, разросшаяся и обогащённая, стала одной из главных ролей пьесы.

Наступил день «генеральной». Это был триумф. «Весь Париж, как Лоран, восхищался Мирриной»^[9]. Зрители, которые в душе разделяли политические опасения Менетрие и подсознательно тосковали по национальной драматургии в духе эсхиливых «Персов», устроили овацию автору. Критики хвалили писателя за то, что он с таким мастерством осовременил античный сюжет, ни разу не впад в пародию. Даже Фабер, всегда очень придирчивый к своим собратьям, сказал Клер за кулисами несколько любезных слов.

— Вы приложили свою лапку к этой Миррине, прелестная смуглянка, — заметил он с брюзгливым добродушием. — Спору нет — это истая женщина, женщина до мозга костей. Ваш праведный супруг без вашей помощи никогда не додумался, бы до такого образа... Признайтесь, Кристиан мало что смыслит в женщинах!..

— Очень рада, что вам нравится Миррина, — сказала Клер. — Но я тут ни при чём.

На другой день Робер Кам в своей рецензии говорил только о Миррине. «Отныне, — утверждал он, — имя Миррины станет таким же нарицательным, как имена Агнесы или Селимены». Клер, через плечо мужа с восторгом читавшая статью, не удержалась и пробормотала:

— Подумать только, не будь этой истории с такси, Миррина никогда не увидела бы света.

Остальное принадлежит истории литературы. Как известно, «Филипп» был переведён на многие языки и положил начало новому французскому театру. Но зато вряд ли кто знает, что в прошлом году, когда Элен Мессьер, бросив Лорана, вышла замуж за голливудского режиссёра, великий артист обратился к вдове Кристиана Менетрие, Клер, наследнице авторских праупокойного драматурга, с просьбой вычеркнуть роль Миррины.

— Ведь мы-то с вами знаем, — сказал он, — что эта роль появилась в пьесе случайно, в первом варианте её не было; почему бы нам не восстановить старый вариант?.. Это вернуло бы роли Демосфена аскетическую суровость, которая, признаться, мне гораздо больше по сердцу... Кстати, тогда не придётся искать новую актрису на роль Миррины... А обойдясь без премьерши, мы сэкономим на её жалованье.

Однако Клер мягко, но решительно отклонила его просьбу.

— Уверяю вас, Лоран, вы без труда создадите новую Миррину. Вам это хорошо удаётся... А я не хочу никаких переделок в пьесе моего мужа. Не следует разъединять то, что соединил Кристиан...

И Миррина, дитя необходимости и вдохновения, продолжала своё триумфальное шествие по сценам мира.

МЕНУЭТ

Новелла из сборника "Рассказы вальдшнепа"

— Великие бедствия нисколько не печалят меня, — сказал Жан Бридель, старый холостяк, слывший за скептика. — Я видел войну воочию и, не испытывая жалости, шагал по трупам. Грубая жестокость природы и людей может исторгнуть у нас крик ужаса или негодования, но она вовсе не способна ущемить сердце и вызвать пробегающую по спине дрожь, подобно тому как это бывает при виде некоторых раздирающих душу мелочей.

Самое сильное горе, выпадающее на долю человека, — конечно, потеря ребенка матерью и утрата матери взрослым человеком. Это горе жестокое, ужасное, оно потрясает нас целиком, раздирает душу; но от этих катастроф выздоравливают, как о поверхностных кровотокающих ран. Между тем иные встречи, иные едва подмеченные или угаданные события, иные потаенные горести, иные вероломные удары судьбы, пробуждая в нас целый рой печальных мыслей, внезапно приоткрывая перед нами таинственную дверь нравственных страданий, сложных, неисцелимых, тем более глубоких, чем они кажутся безобиднее, тем более мучительных, чем они кажутся неуловимее, тем более упорных, чем они кажутся менее естественными, оставляют в нашей душе некий след печали, привкус горечи, ощущение разочарования, от которого мы долго не можем освободиться.

Мне постоянно вспоминаются два — три случая, которые, вероятно, вовсе не были замечены другими, но в моей душе оставили тонкие, глубокие и неизлечимые уколы.

Вы не поймете, пожалуй, того чувства, которое осталось у меня от этих мимолетных впечатлений. Я расскажу вам только об одном из них. Оно очень давнее, но еще так свежо в моей памяти, словно это произошло вчера. Возможно, что своей умиленностью я обязан только воображению.

Теперь мне пятьдесят лет. Тогда я был молод и изучал право. Немного мечтательный, немного грустный, проникнутый какой-то меланхолической философией, я не любил ни шумных кафе, ни крикунов-товарищей, ни тупоумных девиц. Я вставал спозаранку, и одним из самых больших моих наслаждений были одинокие прогулки часов в восемь утра в питомнике Люксембургского сада.

Знавали ли вы, люди нового поколения, этот питомник? Он походил на забытый сад прошлого века и был прелестен, как кроткая улыбка старушки. Густые ряды кустов обрамляли несколько узких правильных аллей, тихих аллей, тянувшихся между стен ровно подстриженной зелени. Большие ножницы садовника беспрерывно выравнивали эти перегородки из древесных ветвей. Местами попадались цветочные клумбы, грядки с молодыми деревцами, выстроившимися, словно школьники на прогулке, купы роскошных розовых кустов и шеренги фруктовых деревьев.

Один из уголков этой восхитительной, рощи был населен пчелами. Их крытые соломой домики, умело размещенные на досках, открывали навстречу свои дверцы величиною с отверстие наперстка, и повсюду вдоль дорожек попадались жужжащие золотистые пчелы, подлинные хозяйки этого мирного уголка, исконные посетительницы этих спокойных аллей-коридоров.

Я приходил туда почти каждое утро, садился на скамью и читал. Временами я ронял книгу на колени, отдаваясь мечтам, прислушиваясь к окружавшей меня шумной жизни Парижа и наслаждаясь бесконечным покоем этих старомодных грабовых аллей.

Вскоре, однако, мне пришлось заметить, что не один я спешу туда, как только отпираются ворота. В густом углу сада мне иногда случалось встречаться носом к носу с одним странным маленьким старичком.

На нем были башмаки с серебряными пряжками, штаны до колен с бантами, сюртук табачного цвета, кружевное жабо вместо галстука и невероятная, допотопная серая шляпа с широкими полями и длинным ворсом.

Он был худ, очень худ, угловат и поминутно гримасничал и улыбался. Его живые глаза не знали покоя и бегали под непрерывно двигавшимися веками; он не выпускал из рук великолепную трость с золотым набалдашником, с которой, очевидно, у него было связано какое-то дорогое воспоминание.

Этот человек сначала удивил меня, а потом чрезвычайно заинтересовал. Я стал наблюдать за ним через стену зелена, следуя издали, останавливаясь на поворотах рощиц, чтоб не быть замеченным.

И вот как-то утром, когда ему казалось, что он совсем один, он начал делать странные движения: сначала несколько маленьких прыжков, затем глубокий поклон; далее своей худой ногой он еще бодро проделал трудное антраша, потом начал ловко вертеться, подпрыгивая, забавно суетясь, улыбаясь, словно перед публикой, делая грациозные движения, округляя локти, извиваясь всем своим жалким телом марионетки и посылая в пустоту умильные и смешные поклоны.

Он танцевал! Я стоял в полном изумлении, спрашивая себя, кто из нас сошел с ума - я или он? Но вдруг он остановился, выступил вперед, как актер на сцене, потом поклонился, отступая с любезными улыбками и посылая дрожащей ручкой поцелуи двум рядам подстриженных деревьев.

Затем он степенно продолжал прогулку. С этого дня я уже не упускал его больше из виду, а он каждое утро повторял свои необыкновенные упражнения.

Меня охватило безумное желание заговорить с ним. Я набрался смелости и, поклонившись, сказал:

- Хорошая погода сегодня, сударь! Он тоже поклонился.

- Да, сударь, совсем как в былые времена. В конце недели мы были уже друзьями, и я знал его историю.

Он был преподавателем танцев в Опере во время короля Людовика XV. Великолепная трость была ему подарена графом де Клермоном. А когда с ним заговаривали о танцах, он начинал болтать без умолку.

И вот что однажды он доверил мне: - Я женат на знаменитой Кастри, сударь. Я ей представлю вас, если вам угодно, но она приходит сюда позднее. Видите ли, этот сад — наша радость, наша жизнь. Это все, что нам осталось от прошлого. Нам кажется, что мы не могли бы существовать, если б его у нас не было. Здесь все так старо и так почтенно, не правда ли? Мне кажется, что здесь я дышу воздухом моей юности. Мы с женой проводим здесь все послеобеденное время. Но я прихожу сюда с самого утра, так как встаю рано.

Едва покончив с завтраком, я поспешил вернуться в Люксембургский сад и вскоре заметил моего друга, церемонно выступавшего под руку с маленькой старушкой, одетой в черное, которой я и был представлен. То была Кастри, великая балерина, любимая некогда принцами, любимая королем, любимая всем этим галантным веком, как бы оставившим после себя в мире аромат любви.

Мы сели на скамью. Был май. Благоухание цветов разносилось по прибранным аллеям; ласковое солнце, проскальзывая сквозь листву, покрывало нас крупными пятнами света. Черное платье Кастри, казалось, было насквозь пронизано сиянием. В саду было пусто. Издали доносился шум проезжавших фиакров.

- Объясните мне, пожалуйста, — сказал я старому танцовщику, — что такое менуэт?

Он вздрогнул. Менуэт, сударь, — это король танцев и танец королей. С тех пор как не стало королей, не стало и менуэта...

И он начал витиеватым слогом длинный восторженный дифирамб менуэту, из которого я ничего не понял. Я хотел, чтобы он описал мне все па, движения, позы. Он путался, сердясь на свое бессилие, нервничал и приходил в отчаяние. И вдруг он обернулся к своей дряхлой подруге, все такой же тихой и молчаливой:

- Элиза, скажи, согласишься ли — это было бы так мило с твоей стороны, -- согласишься ли ты показать вместе со мной этому господину, что такое был менуэт? Она беспокойно оглянулась по сторонам, затем поднялась, не говоря ни слова, и встала против

него. Тогда я увидел нечто незабываемое.

Они двигались взад и вперед с детскими ужимками, улыбались друг другу, покачивались, кланялись, подпрыгивали, подобно двум старым куклам, которых приводит в движение старый, немного попорченный механизм, сделанный давным-давно искусным мастером по способу того времени.

Я смотрел на них, и сердце мое волновалось необычайным ощущением, а душа была полна невыразимой грусти. Мне казалось, что я вижу перед собой жалкий и смешной призрак, обветшавшую тень прошлого века. Мне хотелось смеяться, и в то же время я чуть не плакал.

Вдруг они остановились: все фигуры танца были исполнены. Несколько секунд они стояли неподвижно друг против друга, удивительно гримасничая, а затем обнялись, рыдая.

Три дня спустя я уехал в провинцию и больше их никогда не встречал. Когда через два года я вернулся в Париж, питомник был уничтожен. Что случилось с ними без этого дорогого для них сада былых времен, с его лабиринтами, с его ароматом прошлого, с красивыми извилинами грабовых аллей?

Умерли они или еще живы? Бродят ли еще по современным улицам, словно изгнанники, лишённые надежды? Или они — смутные призраки — танцуют призрачный менуэт среди кладбищенских кипарисов при свете луны, вдоль дорожек, окаймленных могилами?

Воспоминание о них не покидает меня, преследует, терзает, как незаживающая рана. Почему? Не знаю.

Вам это, вероятно, покажется смешным?

Напечатано в "Голуа" 20 ноября 1882 года.

Поль Бурже (1852 — 1935) — французский писатель, автор психологических романов и драматург. Посвятил Мопассану несколько критических статей. Его воспоминания о Мопассане см. в книге: Paul Bourget. Sociologie et litterature. P. 1906. Анри Сearу

Текст НА МОРЕ

Недавно в газетах появились следующие строки:

«Булонь-Сюр-Мер, 22 января. Нам сообщают:

Наших рыбаков, перенесших уже столько испытаний за последние два года, повергло в ужас и уныние новое страшное бедствие. Рыболовное судно, управляемое его владельцем Жавелем, при входе в гавань было отброшено к западу и разбилось о скалы, вблизи волнореза мола.

Несмотря на все усилия спасательной лодки и на выброшенные канаты, четверо рыбаков и юнга погибли. Шторм продолжается. Опасаются новых несчастий».

Что это за судовладелец Жавель? Не брат ли однорукого?

Если этот несчастный, унесенный волнами и, быть может, погибший под обломками своего разбитого вдребезги судна, если это тот самый человек, о котором я думаю, то восемнадцать лет тому назад ему пришлось быть очевидцем другой драмы, страшной и простой, какими всегда бывают драмы, разыгрывающиеся на море.

В то время Жавель-старший был хозяином тралера.

Тралер — судно, предназначенное для ловли рыбы сетью. Прочно построенное, годное для всякой погоды, с круглым дном, беспрестанно подбрасываемое волнами, как пробка, вечно в открытом море, вечно бичуемое резкими солеными ветрами Ламанша, оно без устали рассекает волны, раздув паруса и таща сбоку огромную сеть, которая скребет по дну океана, отрывая и захватывая животных, спящих на скалах, плоских рыб, словно прилипших к песку, тяжелых крабов с крючковатыми лапами, омаров с острыми усами.

При свежем бризе и невысокой волне судно отправляется на ловлю. Его сеть укреплена на длинном деревянном, обитом железом шесте и спускается при помощи двух канатов, скользящих по двум воротам на концах судна. Несясь по ветру и течению, судно тащит за собой этот снаряд, опустошающий и подчищающий морское дно.

На судне Жавеля находились его младший брат, четверо рыбаков и юнга. Судно при чудной, ясной погоде вышло из Булони, чтобы закинуть сеть.

Вскоре, однако, поднялся ветер, и налетевший шквал обратил тралер в бегство. Судно приблизилось было к берегам Англии, но разбушевавшееся море билось о прибрежные скалы, кидалось на сушу, так что не было никакой возможности войти в гавань. Маленькое судно снова вышло в открытое море и вернулось к берегам Франции. Буря продолжалась и не давала возможности подойти к молу, она окружала пеной и грохотом и делала неприступным любое место, где можно было бы причалить.

Судно ушло снова, мчась по гребням волн, подвергаясь качке и тряске, залитое водой, обдаваемое волнами, но, несмотря на это, бодрое, привычное к бурям, которые заставляли его иной раз по пяти — шести дней блуждать между соседними странами, не давая пристать ни к той, ни к другой.

Наконец, пока судно находилось в открытом море, ураган стих, и, хотя волны были еще высоки, хозяин приказал бросить сеть.

Огромная рыболовная снасть была спущена за борт, и двое рыбаков на носу, двое других на корме начали отпускать канаты, державшие ее. Внезапно она коснулась дна, но высокая волна наклонила судно, и Жавель-младший, находившийся на носу и управлявший спуском сети, покачнулся, а руку его зажало между канатом, на минуту ослабленным из-за толчка, и воротом, по которому он скользил. Жавель сделал отчаянное усилие, стараясь другой рукой приподнять канат, но сеть уже тащила, и натянутый канат не подавался.

Корчась от боли, он стал звать на помощь. Все сбежались. Его брат оставил руль. Все бросились к канату, сию же минуту высвободить придавленную руку. Напрасно! "Надо перерезать канат", — сказал один из матросов и выхватил из кармана острый нож, которым можно было в два удара спасти руку Жавеля-младшего.

Но перерезать канат значило потерять сеть, а сеть стоила денег, больших денег, полторы тысячи франков; она принадлежала Жавелю-старшему, который дорожил своим добром.

В отчаянии он крикнул:

- Нет, не режь, погоди, я попробую держаться к ветру!

Он побежал к рулю и изо всех сил налег на него.

Судно еле повиновалось, парализованное сетью, не дававшей ему идти вперед, и увлекаемое вдобавок силой течения и ветра.

Жавель-младший упал на колени, стиснув зубы, с блуждающим взглядом. Ни слова не вырвалось у него. Брат вернулся, все еще опасаясь, что матрос пустит в дело нож:

- Погоди, погоди, не режь, надо бросить якорь.

Якорь был брошен, вся цепь отдана, затем принялись вертеть ворот, чтобы ослабить канаты, державшие сеть. Они наконец ослабли, и омертвевшая рука в окровавленном шерстяном рукаве была высвобождена.

Жавель-младший, казалось, обезумел. С него сняли куртку и увидели нечто ужасное: мясо превратилось в месиво, из которого ручьями лилась кровь, словно ее выкачивали насосом. Он взглянул на свою руку и прошептал:

Кончено.

От кровотечения на палубе образовался целый пруд, и один из матросов воскликнул:
- Он изойдет кровью, надо перевязать жилу!

Тогда они взяли бечевку, толстую, темную, просмоленную бечевку, и, перевязав ею руку повыше раны, затянули изо всей силы. Струя крови становилась все меньше и наконец

иссякла.
Жавель-младший встал; рука его висела, как плеть. Он взял ее здоровой рукой, приподнял, повернул, потряс. Вся она была изодрана, кости переломаны. Этот кусок тела держался только на мускулах. Жавель-младший глядел на него в мрачном раздумье. Потом он сел на сложенный парус, и товарищи посоветовали ему все время промывать рану водой, чтоб не допустить заражения крови.

Подле него поставили ведро; он поминутно зачерпывал стаканом и поливал ужасную рану тонкой стружкой прозрачной воды.
-Тебе лучше сойти вниз, — сказал ему брат.

Он так и сделал, но через час вернулся обратно, чувствуя себя плохо в одиночестве. К тому же он предпочитал быть на воздухе. Он снова сел на парус и опять начал поливать свою руку водой.

Ловля была удачная. Сотрясаясь а предсмертных судорогах, возле него лежали огромные белобрюхие рыбы; он смотрел на них, не переставая смачивать свою израненную плоть.

Когда подходили к Булони, налетел новый порыв ветра, и суденышко снова бешено понеслось, прыгая, кувыряясь и трясая несчастного раненого.

Настала ночь. Шторм свирепствовал до зари. На восходе солнца они вновь увидели берег Англии, но море стало спокойнее, и судно, лавируя, отплыло к Франции.

Вечером Жавель-младший позвал товарищей и показал им черные пятна — отвратительные признаки гниения на той части руки, которая едва держалась.

Матросы разглядывали их и высказывали свои предположения.
-Быть может, антонов огонь, — говорил один.

-Надо бы полить ее соленой водой, — посоветовал другой.

Принесли морской воды и полили рану. Раненый помертвел, заскрежетал зубами, передернулся, но не вскрикнул.

Когда жгучая боль несколько стихла, он сказал брату:

-Дай мне твой нож. Брат протянул ему нож.

-Подержи-ка мне руку на весу, прямо, тяни кверху. Сделали, как он просил.

Тогда он сам начал резать. Он резал медленно, обдуманно, отсекая последние сухожилия острым, как бритва, ножом; вскоре от руки остался только обрубок. Несчастный глубоко вздохнул и сказал:

- Так надо было. Рука все равно пропала.

Он, по-видимому, почувствовал облегчение, стал глубже дышать. И снова начал лить воду на обрубок, оставшийся вместо руки.

Ночь выдалась бурная, и к берегу все еще нельзя было пристать.

Когда рассвело, Жавель-младший взял свою отрезанную руку и долго разглядывал ее. Гниение обозначалось явственно. Товарищи тоже подошли посмотреть, передавали ее друг другу, щупали, поворачивали, нюхали.

Брат сказал:

-Теперь надо бросить ее в море.

Но Жавель-младший рассердился:

- Ну, нет! Ну, нет! Не хочу. Это уж мое дело, не правда ли, раз рука моя.

Он взял ее и положил между ног.

- Она же будет гнить, — заметил старший.

Тогда раненому пришла в голову новая мысль. Когда рыбаки остаются подолгу на море, они кладут рыбу в бочки с солью, чтобы предохранить от порчи.

Он спросил:

- Не положить ли ее в рассол? - Правильно, — поддержали другие.

Опростили один из бочонков, уже наполненный уловом последних дней, и на самое дно его положили руку. Поверх нее насыпали соли, затем одну за другой водворили туда и рыбу.

Кто-то из матросов пошутил:

- Не продать бы только нам ее с торгов.

Все рассмеялись, кроме двух братьев. Ветер бушевал по-прежнему. Пришлось лавировать в виду Булони до десяти часов следующего дня. Раненый не переставал поливать рану водой.

Время от времени он вставал и прохаживался взад и вперед по палубе. Его брат, стоявший на руле, следил за ним взглядом и покачивал головой. Наконец судно вошло в гавань.

Доктор осмотрел рану и нашел ее в хорошем состоянии. Он сделал перевязку и предписал покой. Но Жавель-младший не хотел ложиться, не взяв своей руки, и поспешил в гавань, чтобы отыскать бочонок, который он отметил крестом.

Бочонок опорожнили в его присутствии, и он схватил свою руку, хорошо сохранившуюся в рассоле, — посвежевшую, слегка сморщенную. Он завернул ее в салфетку, принесенную для этой цели, и вернулся домой.

Жена и дети долго разглядывали отцовскую руку, ощупывали пальцы, счищали крупинки соли, оставшиеся под ногтями; затем призвали столяра, и он снял мерку, чтобы изготовить маленький гробик.

На другое утро весь экипаж тралера в полном составе присутствовал на похоронах отрезанной руки. Братья шли рядом во главе траурной процессии. Приходский пономарь под мышкой нес гробик.

Жавель-младший перестал выходить в море. Он получил скромное местечко в гавани и, рассказывая впоследствии о своем несчастье, шепотом говорил слушателю:

- Если бы брат согласился перерезать сеть, то рука у меня была бы еще цела, в этом я уверен. Но уж больно он дорожил своим добром.

Напечатано в "Жиль Блас" 12 февраля 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Анри Сепар (1851 — 1924) — французский писатель, участник "Вечеров в Медане", автор ряда натуралистических романов. Оставил о Мопассане несколько статей критического и мемуарного характера

НОРМАНДЕЦ

Полю Алексис.

Мы выехали из Руана и покатали рысью по Жюмьежской дороге. Легкая коляска неслась по лугам; затем лошадь пошла шагом, взбираясь на холм Кантелё.

Отсюда открывается один из великолепнейших видов в мире. Позади нас — Руан, город церквей с готическими колоколенками, похожими на точеные безделушки из слоновой кости; впереди — Сен-Севэр, фабричноепредместье, которое возносит к небу сотни дымящих труб, как раз напротив сотен колоколенок старого города.

Здесь — шпиль собора, одного из высочайших памятников человечества; там — его соперница, паровая водокачка "Молния", столь же высокая и на один метр выше самой

огромной из египетских пирамид.

Перед нами развевалась покрытая рябью Сена, усеянная островками, окаймленная справа белыми скалами, заросшими на вершине лесом, а слева — необозримыми полями, замыкавшимися вдали, на горизонте, другим лесом.

Кое-где вдоль высокого берега широкой реки стояли на якоре большие суда. Три огромных парохода шли гуськом по направлению к Гавру; целая группа судов, состоящая из трехмачтовика, двух шхун и брига, поднималась к Руану, следуя на буксире за маленьким пароходом, изрыгавшим облака черного дыма.

Мой спутник, местный уроженец, почти не смотрел на этот захватывающий пейзаж, а только все улыбался, словно смеясь своим мыслям. Вдруг он промолвил:

— Ах, вы сейчас увидите кое-что забавное — часовню дядюшки Матье. Вот, друг мой, диковинка!..

Я взглянул на него с удивлением. Он продолжал: — На вас пахнет таким нормандским букетом, что вы долго его не забудете. Дядюшка Матье — самый типичный нормандцу во всем этом крае, а его часовня — одно из чудес света, ни более, ни менее; но сначала я должен дать вам некоторые пояснения.

Дядюшка Матье, которого прозвали также "Дядей Выпивалой", — это унтер-офицер в отставке, вернувшийся на родину. Он изумительно соединяет в себе балагурство старого солдата с мелочной хитростью нормандца. Приехав в родные места, он благодаря многочисленным связям и невероятной ловкости сумел получить место сторожа при чудотворной часовне, при часовне, покровительствуемой святой девой и посещаемой преимущественно беременными девушками. Он окрестил чудотворную статую в часовне "богоматерью брюхатых" и говорит о ней с несколько насмешливой фамильярностью, отнюдь не исключаяющей уважения. Он сам сочинил и напечатал особую молитву к пресвятой деве. Эта молитва — шедевр бессознательной иронии и нормандского остроумия, в которой насмешка соединяется со страхом перед святостью, с суеверной боязнью тайных сил. Он не слишком верит в свою покровительницу, однако же из осторожности немного верит и из расчета бережет.

Вот начало этой поразительной молитвы: "Добрая владычица наша, дева Мария, покровительница девушек-матерей нашей страны и всей земли, спаси свою рабу, согрешившую по оплошности".

Молитва кончается так:

"Не оставь меня своим заступничеством перед святым своим супругом и моли господи отца нашего, чтобы он даровал мне доброго мужа, подобного твоему".

Эта молитва, запрещенная местным духовенством, продается дядюшкой Матье из-под полы, и считается, что она помогает тем, кто благоговейно читает ее.

Вообще он говорит о пресвятой деве, как камердинер грозного государя о своем господине, который доверяет ему все свои маленькие интимные тайны. Он знает о нем множество занимательных историй и шепотом рассказывает их приятелям после выпивки.

Впрочем, вы увидите сами.

Доходы со святой девы казались ему далеко не достаточными, — он прибавил к главной своей заступнице еще и святых. Они у него имеются все или почти все. Ввиду того, что в часовне тесно, он поместил их в сарайчике, откуда выносит их, как только потребует верующий. Он сам вырезал эти невероятно смешные деревянные фигурки и выкрасил их ярко-зеленой краской в тот год, когда красили его дом. Вы знаете, что святые вообще исцеляют от болезней, но у каждого из них есть своя особая специальность; здесь никак нельзя ошибиться или смешать их друг с другом. Они завистливы и ревнивы, как плохие актеры.

Чтобы не оплошать, старушки советуются с дядюшкой Матье: - От ушных болезней какой святой лучше?

- Тут хорош святой Озим; недурен также и святой Памфил.
Но это еще не все.

У дядюшки Матье много свободного времени, поэтому он пьет, но пьет художественно, убежденно и так обстоятельно, что пьян каждый вечер. Он пьян, но сознает это, и сознает настолько ясно, что ежедневно точно отмечает степень опьянения. В этом и состоит его главное занятие; часовня занимает второстепенное место.

Он изобрел — слушайте хорошенько и обратите на это внимание, — он изобрел пьяномер.

Самого измерительного прибора не существует, но наблюдения дядюшки Матье так же точны, как наблюдения математика.

От него то и дело слышишь:

С понедельника я ни разу не перешел за сорок пять градусов.

Или:

Я был между пятьюдесятью двумя и пятьюдесятью восемью.

Или:

Я, несомненно, дошел до шестьдесят шестого или даже до семидесятого.

Или:

По глупости я считал себя в пятидесяти, как вдруг замечаю, что я в семидесяти пяти!

И он никогда не ошибается.

Он утверждает что никогда не достигал полных ста градусов, но так как он сам признает, что наблюдения утрачивают точность при переходе за девяносто, его утверждениям и нельзя верить безусловно.

Когда дядюшка Матье говорит, что перешел за девяносто, будьте уверены, что он был вдребезги пьян.

В этих случаях жена его, Мели, — тоже своего рода редкость — приходит в безумную ярость. Она ожидает его возвращения у двери и встречает ревом:
-Наконец-то явился, негодяй, свинья, пьяница!

Тогда дядюшка Матье, уже не смеясь, вооружается против нее и говорит строго:

- Помолчи, Мели, теперь не время разговаривать. Подожди до завтра.

Если же она продолжает кричать, он подходит к ней, и голос его дрожит:

- Не ори, я в девяностом и уж больше не меряю; берегись, вздуо!

Тогда Мели бьет отбой.

Если на следующий день ей вздумается вернуться к этому вопросу, он смеется ей в лицо и отвечает:

- Ну, ну, будет! Довольно поговорила, дело прошлое. Пока я не дохожу до ста градусов, не беда. Вот если перевалю за сто, бей меня, позволяю, честное слово!

Мы достигли вершины холма. Дорога углублялась в дивный Румарский лес.

Очень, чудная осень смешала свой пурпур и золото с последней зеленью, хранившей еще свою свежесть; словно капли расплавленного солнца излились с неба на лесную чащу.

Мы проехали Дюклер, и тут, вместо того чтобы продолжать путь на Жюмьеж, мой приятель свернул влево, на поперечную дорогу; мы въехали в лесок.

Вскоре с вершины высокого холма перед нами снова открылась великолепная долина Сены и извилистая река, вытянувшаяся внизу у наших ног.

Направо, прислонясь, к хорошенькому домику с зелеными ставнями, увитому розами и жимолостью, стояло крохотное здание под шиферной крышей, увенчанное колоколенкой вышиной с зонтик.

Чей-то низкий голос воскликнул: "Вот и дорогие гости!" — и дядюшка Матье появился

на пороге. То был человек лет шестидесяти, худой, с седой бородкой и длинными седыми усами.

Мой товарищ пожал ему руку, представил меня, и Матье ввел нас в прохладную кухню, служившую ему также столовой.

- У меня, сударь, нет богатых хором, — говорил он. — Я не люблю сидеть далеко от кушанья. Кастрюли, знаете ли, отличная компания.

И он обратился к моему другу:

- Почему вы приехали в четверг? Вы ведь знаете, что в этот день приходят за советом к моей заступнице. В этот день я не могу выходить после обеда.

И, подбежав к двери, он испустил такой ужасающий рев: "Мели-и, Ме-ли-и-и!" — что, вероятно, обернулись даже матросы на судах, плывших вверх и вниз по далекой реке, там внизу, в глубине долины.

Мели не отвечала.

Тогда Матье лукаво подмигнул:

- Она недовольна мною, видите ли, потому что вчера я был в девяноста градусах.

Мой спутник расхохотался:

В девяноста, Матье? Как это вы ухитрились? Матье отвечал: - Сейчас расскажу. В прошлом году я собрал всего двадцать мер абрикосов. Это немного, но для сидра вполне достаточно. Так вот я и сделал из них сидр и вчера слил его в бочку. Это нектар, прямо-таки нектар: сами убедитесь. У меня был в гостях Полит. Мы прошлись с ним по стаканчику, затем по другому, но жажда не унималась (ведь его и пить-то можно до следующего дня), да так, что чем дальше, тем я все больше чувствую холод в желудке. Говорю Политу: "А не выпить ли нам по стаканчику водки, чтобы согреться?" Он соглашается. Но от водки вас бросает в жар, так что пришлось вернуться к сидру. И вот, переходя от холода к жару, от жара к холоду, я вдруг замечаю, что достиг девяноста. Полит добрался уже почти до сотни.

Дверь отворилась. Показалась Мели и тотчас же, еще не поздоровавшись с нами, закричала:

- Ах, вы, свиньи, в оба были в ста градусах!

Тут Матье рассердился:

- Не говори вздора, Мели, не говори вздора, я никогда не бывал в ста градусах!

Нам подали вкусный завтрак у крыльца, в тени двух лип, близ самой часовни "богоматери брюхатых". Перед нами расстился необъятный простор. Дядюшка Матье с неожиданной верой, сквозившей в его шутках, рассказывал нам про невероятные чудеса.

Мы выпили огромное количество восхитительного сидра, острого и сладкого, свежего и пьянящего, который дядюшка Матье предпочитал всем напиткам; сидя верхом на стульях, мы закурили трубки, как вдруг к нам подойти две женщины.

Они были старые, высохшие, сгорбленные. Поклонившись, они попросили дать им святого Бланка. Матье подмигнул нам и ответил: - Сейчас вам его принесу.

И исчез в сарайчике.

Он пробыл там добрых пять минут, затем вернулся с перекосившимся лицом. Разводя руками, он проговорил:

- Не знаю, куда он девался, не могу его найти, а между тем уверен, что он у меня есть. И, сложив руки в виде рупора, он заревел снова:

-Мели-и-и!

Из глубины двора жена отвечала:

- Чего тебе?

- Где святой Бланк? Я не нахожу его в сарае!

Тогда Мели дала следующее объяснение:

Не им ли ты на прошлой неделе заткнул дыру в крольчатнике?

Матье вздрогнул:

- Провалиться мне! Так оно, вероятно, и есть!

И обратился к старушкам:

- Идите за мной.

Они двинулись в путь. Мы последовали за ними, давась от еле сдерживаемого смеха.

В самом деле, святой Бланк, воткнутый в землю в виде колышка, замаранный грязью и нечистотами, подпирал собою кроличий домик.

Едва завидя его, старушки упали на колени, перекрестились и начали бормотать Oremus [1]. Но Матье бросился к ним:

- Погодите, вы стоите в навозе, я принесу вам охапку соломы.

Он принес солому и расстелил ее так, чтобы они могли стоять на коленях. Затем, взглянув на своего грязного святого и обеспокоившись, как бы это не подорвало его коммерцию, прибавил:

- Я вам его немножко помою.

Он принес ведро воды, щетку и с ожесточением начал мыть и теперь деревянного человечка, а тем временем старушки продолжали молиться.

Закончив мытье, он прибавил:

Теперь чисто. И увел нас выпить еще по стаканчику.

Поднося ко рту стакан, он остановился и в некотором смущении проговорил:

— Что подделаешь! Я снес святого Бланка к кроликам, думая, что от него уж не будет дохода. Два года не было на него спроса. Но на святых, как видите, мода никогда не проходит! Он выпил и сказал:

- Ну, пройдемтесь еще по одному. С приятелями надо подходить, по крайней мере, до пятидесяти градусов, а мы еще только в тридцати восьми.

Помолимся — католическая молитва (лат.)

Напечатано в "Жиль Блас" 10 октября 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Поль Алексис (1847 — 1901) — французский писатель, романист и драматург натуралистической школы, один из преданнейших друзей Золя. Оставил рассказ (как впоследствии и Энник) об истории создания сборника "Вечера в Медане".

ЗАВЕЩАНИЕ

Полю Эрвье.

Я знавал этого высокого молодого человека, по имени Рене де Бурневаль. Он был любезен, хотя и немного грустен, казался разочарованным во всем и большим скептиком, последователем того скептицизма, который судит точно и колко и с особенной меткостью умеет заклеить краткой репликой светское лицемерие. Он часто повторял:

— Честных людей нет; во всяком случае, они честны только по сравнению с негодяями. У него было два брата, гг. де Курсиль, с которыми он никогда не видался. Из-за разных фамилий братьев я считал их сводными. Мне говорили несколько раз, что в этой семье произошла какая-то странная история, но не рассказывали подробностей.

Де Бурневаль очень понравился мне, и мы вскоре подружились. Однажды вечером, обедая у него с ним наедине, я случайно спросил:

— Вы от первого или от второго брака вашей матушки?

Он слегка побледнел, затем покраснел и несколько секунд молчал в явном смущении. Потом улыбнулся своей особенной, меланхолической, кроткой улыбкой и сказал:

— Друг мой, если вам будет не скучно, я расскажу вам некоторые необычайные подробности относительно моего происхождения. Я считаю вас разумным человеком и не боюсь, что от этого пострадает наша дружба; если же ей и придется пострадать, то я не стану насильно удерживать вас в числе моих друзей.

Моя мать, г-жа де Курсиль, была несчастная, застенчивая женщина, на которой ее муж женился по расчету. Вся жизнь ее была сплошной мукой. Ее любящая, робкая и деликатная душа чувствовала только непрерывную грубость со стороны человека, который должен был стать моим отцом, — одного из тех мужланов, которых называют деревенскими дворянами. Не прошло и месяца после свадьбы, а он уже жил со служанкой. Сверх того, его любовницами были жены и дочери его фермеров, что отнюдь не мешало ему иметь двух сыновей от жены; со мною следовало бы считать трех. Мать постоянно молчала и жила в этом вечно шумном доме, как мышка, притаившаяся под мебелью. Незаметная, поблекшая, трепещущая, она поднимала на людей светлый, беспокойный, вечно бегающий взгляд, взгляд существа, испуганного и томимого постоянным страхом. Между тем она была прелестна, исключительно прелестна: волосы у нее были какие-то боязливо-белокурые, с пепельным оттенком; они словно немного выцвели под влиянием непрерывного страха.

В числе приятелей г-на де Курсиль, постоянно посещавших замок, был один отставной кавалерийский офицер, вдовец, человек нежный и порывистый, способный внушать страх, готовый на самые энергичные решения, — г-н де Бурневаль, имя которого я и ношу. То был высокий худой мужчина с длинными черными усами. Я очень похож на него. Он много читал и совершенно не разделял убеждений, свойственных людям его класса. Его прабабка была подругой Жан-Жака Руссо, и он, казалось, унаследовал кое-что от этой связи своего предка. Он прекрасно знал Общественный договор, Новую Элоизу и все другие философские сочинения, исподволь подготовлявшие будущий переворот в наших древних обычаях, в наших предрассудках, наших устарелых законах и в нашей глупой морали.

Он, по-видимому, горячо полюбил мою мать и был любим ею. Эта связь оставалась настолько скрытой, что никто о ней и не подозревал. Несчастливая, покинутая, печальная женщина безумно привязалась к нему и переняла весь образ его мыслей, его теорию свободного чувства и независимой любви; но она была до того робка, что никогда не смела высказаться вслух, и все это накапливалось, собиралось и оставалось под спудом в ее сердце, которое так и не открылось ни разу.

Мои братья относились к ней сурово, подобно отцу, никогда не выказывали ей ласки и обращались с нею, почти как с прислугой, привыкнув к тому, что в доме она ничего не значит.

Из ее сыновей я один действительно любил ее и был любим ею.

Она умерла. Мне в то время было восемнадцать лет. Должен прибавить, чтобы вам стало понятно последующее, что муж ее был взят под опеку, что имуществом своим она владела раздельно, и таким образом, благодаря ухищрениям закона и просвещенной преданности нотариуса, мать моя сохранила право завещать свое состояние по личному усмотрению.

Мы были извещены, что у нотариуса имеется завещание, и получили приглашение присутствовать при его вскрытии. Помню все, как если бы это происходило вчера. Сцена, вызванная посмертным бунтом умершей, этим криком свободы, этим замогильным протестом со стороны мученицы, загубленной нашими нравами и бросавшей отчаянный призыв к независимости из своего заколоченного гроба, была грандиозна, трагична, нелепа и захватывающа.

Человек, считавшийся моим отцом, толстый сангвиник, напоминавший мясника, и братья, двое рослых малых двадцати и двадцати двух лет, спокойно ожидали, сидя на стульях. Г-н де Бурневаль, также приглашенный присутствовать при вскрытии завещания, вошел и стал позади меня. В наглухо застегнутом сюртуке, очень бледный, он нервно покусывал седеющие усы. Конечно, он предвидел то, что должно было произойти.

Нотариус запер дверь на двойной поворот ключа и приступил к чтению, вскрыв при нас запечатанный красным сургучом конверт, содержания которого он не знал.

Здесь мой друг умолк, встал, отыскал в письменном столе старую бумагу, развернул ее, поцеловал долгим поцелуем и продолжал:

- Вот завещание моей дорогой матери:

"Я, нижеподписавшаяся Анна-Катерина-Жаневьева-Матильда де Круалюс, законная супруга Жана-Леопольда-Жозефа-Гонтрана де Курсиль, находясь в здравом уме и твердой памяти, выражаю здесь свою последнюю волю.

Прошу прощения у господ бога и у дорогого сына моего Рене в том, что собираюсь совершить. Я считаю моего ребенка достаточно великодушным, чтобы понять и простить меня. Я страдала всю свою жизнь. Муж женился на мне по расчету, он презирал меня, угнетал и беспрестанно изменял мне.

Я прощаю ему, но я не обязана ему ничем.

Старшие сыновья совсем не любили меня, не проявляли ко мне ласки, едва считали своей матерью. При жизни я была для них тем, чем должна была быть; после смерти у меня нет по отношению к ним никаких обязательств. Узы крови ничто без постоянной, священной, ежедневной привязанности. Неблагодарный сын хуже чужого; это преступник, так как сын не имеет права быть равнодушным к матери.

Я всегда трепетала перед людьми, перед их несправедливыми законами, перед их бесчеловечными обычаями, перед их бесчестными предрассудками. Перед лицом бога я больше ничего не боюсь. Умирая, я сбрасываю с себя постыдное лицемерие; Я осмеливаюсь высказать свою мысль, признать и засвидетельствовать тайну моего сердца.

Итак, всю ту часть моего состояния, которою я имею право располагать по закону, я оставляю в распоряжении моего возлюбленного Пьера-Жерме-Симона де Бурневаль с тем, чтобы впоследствии она перешла к нашему дорогому сыну Рене.

(Эта воля, помимо настоящего завещания, изложена подробнее в особом нотариальном акте.)

И перед лицом всевышнего судии, который слышит меня, я объявляю, что прокляла бы небо и все существующее, если бы не встретила глубокой, преданной, нежной и непоколебимой привязанности в лице моего возлюбленного, если бы не поняла в его объятиях, что творец создал людей для того, чтобы любить, поддерживать, утешать друг друга и плакать вместе в горькие минуты жизни.

Два моих старших сына — дети г-на де Курсиль, и только один Рене обязан жизнью г-ну де Бурневаль. Молю владыку людей и людских судеб помочь отцу и сыну стать выше общественных предрассудков, любить всю жизнь друг друга и по-прежнему любить меня за гробом.

Таковы моя последняя мысль и мое последнее желание.
Матильда де Круалюс".

Г-н де Курсиль встал.

- Это — завещание сумасшедшей! — воскликнул он.

Тогда г-н де Бурневаль сделал шаг вперед и произнес громким и отчетливым голосом: — Я, Симон де Бурневаль, заявляю, что в этой бумаге содержится только святая истина. Я готов подтвердить ее перед кем угодно и даже доказать ее имеющимися у меня письмами.

Тогда г-н де Курсиль двинулся к нему. Я думал, что между ними произойдет схватка. Они стояли лицом к лицу, оба одинаково высокие, один толстый, другой худой, и оба дрожали от негодования. Муж моей матери невнятно выговорил:

- Вы негодяй!

Г-н де Бурневаль ответил все так же громко и резко:
- Мы встретимся с вами в другом месте, сударь. Я уже давно дал бы вам пощечину и вызвал вас на дуэль, если бы при жизни несчастной женщины, которой вы причинили столько страданий, не дорожил прежде всего ее покоем.

И он обернулся ко мне:

— Вы — мой сын. Хотите следовать за мной? Я не имею права уводить вас, но сделаю это, если вы согласны.

Я молча пожал ему руку. Мы вышли вместе. Разумеется, я почти лишился рассудка.

Два дня спустя г-н де Бурневаль убил на дуэли г-на де Курсиль. Братья мои, боясь страшного скандала, молчали. Половину состояния, оставленного мне матерью, я им уступил, и они его приняли.

Я стал носить имя моего настоящего отца, отказавшись от того, которое предоставлял мне закон и которое не было моим.

Г-н де Бурневаль умер пять лет тому назад. Я до сих пор не могу утешиться после этой утраты.

Он поднялся, прошелся по комнате и, став передо мной, сказал:
— Так вот, я утверждаю, что завещание моей матери — это лучший, честнейший и величайший поступок, на который способна женщина. Не так ли?

Я протянул ему обе руки:

- Разумеется, друг мой.

Напечатано в "Жиль Блас" 7 ноября 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Поль Эрве (1857 — 1915) — французский драматург и романист. Мопассан напечатал в 1882 году в "Жиль Блас" рецензию о первой книге Эрве.

Общественный договор. Новая Элоиза — произведения Ж.-Ж. Руссо.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВАЛЬТЕРА ШНАФФСА

Роберу Пеншону.

С той минуты как Вальтер Шнаффс вступил в пределы Франции в рядах армии завоевателей, он почитал себя несчастнейшим из смертных. Он был толст, ходил с трудом, страдал одышкой, и у него страшно болели ноги, плоские и очень жирные. Кроме того, по натуре он был миролюбив, приветлив, ни в какой мере не воинственен и не кровожаден, у него было четверо детей, которых он обожал, и молодая белокурая жена, ласки, заботы и поцелуи которой он отчаянно оплакивал каждый вечер. Он любил вставать поздно, а укладываться спозаранку, не спеша есть вкусные вещи и сидеть за кружкой пива в пивных. Кроме того, он был уверен в том, что все приятные стороны жизни исчезнут вместе с нею, и таил в сердце своем ужасную — инстинктивную и в то же время сознательную — ненависть к пушкам, ружьям, револьверам, саблям, а в особенности к штыкам, так как чувствовал себя неспособным с достаточным проворством действовать этим стремительным оружием, чтобы защищать свой толстый живот.

Ночью, завернувшись в шинель и лежа на земле рядом с храпевшими товарищами, он подолгу раздумывал о близких, оставшихся на родине, и об опасностях, которыми был усеян его путь. Если его убьют, что станется с малютками? Кто их будет кормить и воспитывать? Да и теперь-то они не богаты, несмотря на долги, сделанные им перед отъездом, чтобы оставить родным хоть немного денег. И Вальтер Шнаффс плакал не раз.

В начале каждого сражения он чувствовал такую слабость в ногах, что готов был упасть, если бы только не помнил, что вся армия пройдет по его телу. От свиста пуль поднимался дыбом каждый волосок на его голове.

Целый месяцы жил он так, в страхе и тоске.

Армейский корпус, в котором он служил, продвигался к Нормандии, и вот однажды он был послан на рекогносцировку с небольшим отрядом, которому надлежало только обследовать часть местности и затем отступить. Все кругом, казалось, было спокойно; ничто не указывало на возможность подготовленного отпора.

Пруссаки не спеша спускались в маленькую долину, прорезанную глубокими оврагами, как вдруг жестокая пальба, свалив сразу человек двадцать, заставила их остановиться, и отряд вольных стрелков, внезапно выскочив из маленького, величиною чуть ли не с ладонь, леска, сомкнув штыки, бросился вперед.

Вальтер Шнаффс сначала не двинулся с места: он был так поражен и растерян, что и не думал бежать. Затем им овладело безумное желание обратиться в бегство, но он тотчас же вспомнил, что бегают, как черепаха, в сравнении с сухопарыми французами, бежавшими вприпрыжку, словно стадо коз. Тогда, увидев шагах в шести от себя широкий ров, заросший мелким кустарником с сухими листьями, он прыгнул туда, подумав даже о его глубине, как прыгают с моста в реку.

Он пролетел, как стрела, сквозь толстый слой ползучих растений и острых колючек, исцарапавших ему лицо и руки, и тяжело плюхнулся задом на каменистое дно.

Подняв тотчас глаза, он увидел небо сквозь пробитое им отверстие. Это предательское отверстие могло его выдать, и он с предосторожностью пополз на четвереньках по дну ямы, под прикрытием сплетавшихся между собой ветвей, передвигаясь как можно быстрее и удаляясь от места сражения. Затем он остановился и снова сел, притаясь, как заяц, в высокой сухой траве.

В течение некоторого времени он еще слышал выстрелы, крики и стоны. Потом шум битвы стал слабеть и наконец совсем стих. Все снова погрузилось в молчание.

Вдруг возле него что-то зашевелилось. Он вскочил в ужасном испуге. То была маленькая птичка; опустившись на ветку, она шевельнула сухие листья. Почти целый час после этого сердце Вальтера Шнаффса билось сильно и учащенно.

Наступила ночь, наполняя ров темнотою. Солдат принялся размышлять. Что ему делать? Что с ним будет? Догнать армию?.. Но как это сделать? По какой дороге? И ему придется начать сызнова эту безобразную жизнь, полную тоски, страха, усталости и страданий, которую он вел с начала войны! Нет! Он больше не чувствовал в себе мужества для этого! У него больше не хватило бы силы переносить мучительные переходы и ежеминутно становится лицом к лицу с опасностью.

Но что же делать? Не может же он оставаться в этом овраге и прятаться тут до окончания войны? Конечно, нет. Если б можно было обойтись без пищи, эта перспектива не очень смутила бы его; но ведь есть было нужно, и притом ежедневно.

Таким образом, он очутился совершенно один, вооруженный и в мундире, на неприятельской территории, вдали от товарищей, которые могли бы его защитить. Озноб пробегал по его телу.

Вдруг он подумал: "Хорошо бы попасть в плен!" И сердце его замерло от желания, сильного, беспредельного желания сделаться французским пленником. Сдаться в плен! Ведь это значило быть спасенным, сытым, иметь верный приют, защищенный от ядер и сабель, в отличной, хорошо охраняемой тюрьме. Стать пленником! Какая сладкая мечта!

И решение его сложилось немедленно:

"Пойду и сдамся в плен!"

Он поднялся, намереваясь осуществить свой план, не медля ни минуты. Но не мог двинуться с места, осажденный вдруг целым роем досадливых мыслей и новых ужасов.

Где объявит он себя пленным? При каких обстоятельствах? И страшные образы, образы смерти, быстро пробегали в его мозгу.

Ему грозят ужасные опасности, если он пустится в путь один, в своей остроконечной каске, по равнине.

Что, если он встретит крестьян? Увидев заблудившегося пруссака, беззащитного пруссака, крестьяне убьют его, как бродячую собаку. Своими вилами, заступами, косами, лопатами они искрошат его! С остервенением отчаявшихся побежденных они превратят его в кашу, в месиво.

А если он встретит вольных стрелков? Эти вольные стрелки, эти бешеные, не признающие ни закона, ни дисциплины, расстреляют его просто ради забавы, чтобы весело провести часок и посмеяться, глядя на его физиономию. И он уже видел себя приставленным к стене, против двенадцати ружейных дул, как будто смотревших на него своими круглыми черными отверстиями.

А что, если ему встретится французская армия? Солдаты авангарда примут его за разведчика, за какого-нибудь смелого и ловкого служаку, который отправился на рекогносцировку один, и будут стрелять по нему. И он уже слышал беспорядочные залпы солдат, лежавших в кустарниках, в то время как он, один посреди равнины, падает на землю, пробитый, наподобие шумовки, их пулями, которые уже ощущал в своем теле.

В отчаянии он снова присел. Положение представлялось ему безвыходным.

Наступила ночь, немая и черная ночь. Он не шевелился больше, дрожа от малейшего неведомого шума в темноте.

Кролик, шлепавший своим задом у входа в норку, едва не обратил в бегство Вальтера Шнаффса. Крики совы раздирали ему душу, пронизывая его внезапными страхами, болезненными, как рана. Он широко раскрывал свои круглые глаза, стремясь увидеть что-нибудь в темноте, и ему поминутно казалось, что кто-то шагает неподалеку.

После бесконечно тянувшихся часов жестоких страданий он увидел небо, светлевшее в просвете прикрывавших его веток. Тогда он почувствовал огромное облегчение; члены его расправились и словно разом отдохнули, сердце утихло, глаза закрылись. Он уснул.

Когда он проснулся, солнце почти достигло зенита; по всей вероятности, близился полдень. Ни малейший шум не нарушал угрюмой тишины полей, и Вальтер Шнаффс ощутил вдруг приступ острого голода.

Он зевнул, и у него потекли слюнки при воспоминании о колбасе, о вкусной солдатской колбасе; желудок его занял.

Он встал, сделал несколько шагов; увидел, что ноги его ослабли, и снова сел, чтобы собраться с мыслями. В течение двух или трех часов он взвешивал все за и против, ежеминутно меняя решения, чувствуя себя окончательно подавленным, несчастным, терзаемым самыми противоположными доводами.

Наконец одна мысль показалась ему логичной и удобоисполнимой: это выждать какого-нибудь деревенского жителя, безоружного, не имеющего при себе опасных сельскохозяйственных орудий, побежать ему навстречу и отдаться ему в руки, предварительно хорошенько дав понять, что он сдается.

Тогда он снял каску, острие которой могло его выдать, и с бесконечными предосторожностями высунул голову над краем ямы.

Ни единого живого существа не было видно на горизонте. Вдали, направо, над крышами маленькой деревушки поднимался в небеса дым, кухонный дым! Налево, в конце обсаженной деревьями дороги, он заметил высокий замок с башнями по бокам.

Так он прождал до самого вечера, ужасно страдая, ничего не видя, кроме летающих ворон, ничего не слыша, кроме глухого урчания своих кишок.

И снова наступила ночь.

Он вытянулся на дне своего убежища и заснул лихорадочным сном, наполненным кошмарами, сном голодного человека.

Заря снова занялась над его головой. Он опять принялся за свои наблюдения. Но местность была пустынна, как и накануне, и новый страх овладел душой Вальтера Шнаффса — страх умереть с голоду! Он уже видел себя распростертым навзничь на дне ямы, с закрытыми глазами. Множество хищников, мелких хищников, приближалось к его трупу и начинало его глотать, набрасываясь на него сразу со всех сторон, пробираясь под одежду, чтобы вырвать клочок его холодной кожи. А огромный ворон выклевывал ему глаза своим длинным клювом.

Тут им овладело безумие; он вообразил, что вот-вот потеряет сознание от слабости и не сможет ходить. Он приготовился уже бежать в деревню, пренебрегая всеми опасностями, как вдруг увидел трех крестьян, шедших в поле с вилами на плечах, и снова нырнул в свой тайник.

Но едва только вечер одел равнину тьмой, он медленно вылез из ямы и, согнувшись, дрожа от страха, с бьющимся сердцем пустился в путь по направлению к отдаленному замку, предпочитая идти туда, чем отправляться в деревню, которая казалась ему такой же страшной, как логовище тигров.

Нижние окна были освещены. Одно из них было даже открыто, и сильный запах жареного мяса вырывался наружу; запах этот ударил в нос Вальтеру Шнаффсу, проник до самых недр его желудка, заставив солдата скорчиться, задохнуться, и неумолимо повлек его, пробудив в сердце мужество отчаяния.

И быстро, не размышляя, он появился у окна с каской на голове. Вокруг большого стола обедали восемь слуг. Но вдруг горничная разинула рот и уставилась в одну точку, уронив стакан. Все глаза устремились за ее взором.

Все увидели неприятеля!

Боже! Пруссаки напали на замок!..

Сначала раздался крик, единый крик, в котором слились восклицания восьми голосов в восьми разных тонах — крик чудовищного ужаса; затем все поднялись с шумом, толкотней, давкой и обратились в паническое бегство через дверь в глубине комнаты. Стулья валились, мужчины опрокидывали женщин и бежали через них. В две секунды комната опустела, и стол, заставленный едой, был покинут на глазах у остолбеневшего Вальтера Шнаффса, продолжавшего стоять у окна.

Поколебавшись несколько мгновений, он перелез через подоконник и приблизился к столу с тарелками. Он дрожал, как в лихорадке, от жестокого голода, но страх все еще удерживал, парализовал его. Он прислушался. Весь дом, казалось, дрожал, запирали двери, над потолком раздавались быстрые шаги. Пруссаки тревожно прислушивались к смутным звукам, а затем услышал глухие удары, словно от падения тел на мягкую землю у основания стен, человеческих тел, прыгавших со второго этажа.

Вскоре всякое движение прекратилось, волнение улеглось, и большой замок сделался безмолвен, как могила.

Вальтер Шнаффс уселся перед нетронутой тарелкой и принялся есть. Он глотал большими кусками, словно боясь, что ему помешают и он не успеет проглотить достаточное количество пищи. Обеими руками отправлял он большие куски в рот, открытый, словно люк, и эти куски, раздувая горло, опускались один за другим в его желудок. Порою он останавливался, чуть не лопаясь, словно переполненная труба. Тогда он брал кружку сидра и прочищал себе пищевод, как промывают заморившийся сток.

Он опустошил все тарелки, все блюда и все бутылки, а затем, опьянев от еды, и питья, отупевший, красный, сотрясаемый икотой, с помутившейся головой и салным ртом, расстегнул мундир, чтобы передохнуть, и почувствовал, что уже не в силах ступить ни шагу. Его глаза смыкались, мысли цепенели; он опустил отяжелевшую голову на руки, сложенные на столе, и незаметно утратил представление обо всем окружающем.

Ущербный месяц стоял над деревьями парка, смутно освещая равнину. Был тот час холода, который предшествует рассвету.

Многочисленные и безмолвные тени скользили в кустарниках, и по временам луч луны

заставлял светиться во мраке стальные острия.

Спокойный замок поднимался огромным черным силуэтом. Блестели только два окна нижнего этажа.

Вдруг громовой голос проревел:

- Вперед, черт подери! На приступ, ребята!

И в одно мгновение двери, ставни и окна затрещали под напором людского потока, который, вторгаясь, наводнял дом, бил и сокрушал все на своем пути. В одну минуту пятьдесят солдат, вооруженных до зубов, ворвались в кухню, где мирно спал Вальтер Шнаффс, и, приставив к его груди пятьдесят заряженных ружей, повалили его на землю, схватили и связали с головы до ног.

Ошеломленный, избитый, сброшенный на пол, обезумевший от страха, он задыхался, слишком отупев, чтобы понять, что случилось.

Вдруг толстый офицер, весь в золотых галунах, поставил ему на живот ногу и проревел:

- Вы мой пленник! Сдавайтесь!

Пруссак понял только одно слово — "пленник" и простонал:

-Ja, ja, ja!

Он был поднят, привязан к стулу и с неподдельным любопытством осмотрен своими победителями, пыхтевшими, как паровозы. Многие из них сели, изнемогая от волнения и усталости.

Он улыбался теперь, он улыбался, уверившись наконец в том, что попал в плен!

Вошел другой офицер и возвестил:

— Полковник! Враг отступил; многие, как видно, были ранены. Мы остаемся хозяевами замка.

Толстый офицер, вытирая лоб, закричал:

- Победа!

И, вынув из кармана маленькую записную книжку, какие в ходу у торговцев, записал:

"После ожесточенной битвы пруссаки принуждены были отступить, унося, своих убитых и раненых, которых насчитывается до пятидесяти человек. Несколько человек остались в наших руках".

Молодой офицер продолжал:

- Какие будут распоряжения, полковник?

Полковник ответил:

— Мы должны отступить во избежание новой неприятельской контратаки с артиллерией и более значительными силами.

И он скомандовал отступление.

Колонна снова выстроилась в темноте, под прикрытием стен замка, и двинулась в путь, окружая со всех сторон Вальтера Шнаффса, охраняемого шестью солдатами с револьверами в руках.

Для обследования дороги были посланы разведчики. Отряд подвигался осторожно, останавливаясь время от времени.

К восходу солнца прибыли к супрефектуре Ла Рош Узеля, национальная гвардия которого одержала эту победу.

Напуганное и сильно возбужденное население ожидало их. Когда разглядели каску пленника, раздались грозные крики. Женщины махали руками, старухи плакали, а какой-то старец бросил в пруссака своим костылем и поранил нос одному из его конвоиров.

Полковник ревел:

- Охраняйте пленного!

Наконец отряд достиг ратуши. Отперли тюрьму, и Вальтер Шнаффс, освобожденный от веревок, был ввергнут в нее.

Двести вооруженных человек образовали караул вокруг здания. Тогда, несмотря на признаки несварения желудка, уже мучившие его с некоторых пор, пруссак, не помня себя от радости, принялся плясать, неистово плясать, высоко подбрасывая руки и ноги, плясать, заливаясь безумным хохотом, пока не свалился наконец, обессилев, у стены. Он в плену! Он спасен!

Вот как замок Шампинье был отбит у неприятеля, занимавшего его только в течение шести часов.

Полковник Ратье, торговец сукном, взявший его приступом во главе национальной гвардии Ла Рош Узеля, был награжден орденом.

Напечатано в "Голуа" 11 апреля 1883 года.

Робер Пеншон (1846 — 1925) — французский литератор, один из самых близких в руанском лицее, разделявший его увлечение гребным спортом и соавтор фарса "Турецкий дом". С 1880 года Пеншон поселился в Руане, где до конца жизни проработал в городской библиотеке. Ревностно собирал различные материалы о Мопассане, его иконографию и оказал большую помощь Альберту Лумброзо в уточнении данных его книги. В 1892 году Пеншон написал воспоминания о Мопассане, перепечатанные в книге Лумброзо.

По свидетельству Шарля Лапьерра, тема настоящей новеллы была сообщена Мопассану именно Пеншоном, нередко снабжавшим его и другими сюжетами (А. Lumbroso, p. 612).

НОРМАНДСКАЯ ШУТКА

А. де Жуэнвиллю.

Процессия двигалась по выбитой дороге, под сенью высоких деревьев, росших по откосам, на которых были разбросаны фермы. Впереди шли новобрачные, за ними родственники, далее гости, наконец местные бедняки; мальчишки носились вокруг процессии, как мухи, протискивались в ее ряды, влезали на деревья, чтобы лучше видеть.

Новобрачный, Жан Патю, красивый малый и самый богатый фермер в округе, был прежде всего завзятым охотником, он забывал всякое благоразумие ради удовлетворения этой страсти и тратил кучу денег на собак, сторожей, хорьков и ружья.

За новобрачной, Розали Руссель, настойчиво ухаживали все окрестные женихи, так как находили ее привлекательной к знали, что за нею хорошее приданое; она выбрала Патю, быть может потому, что он нравился ей больше других, а скорее всего — как и подобало рассудительной нормандке — потому, что у него было больше денег.

Когда они обогнули высокий забор мужниной фермы, раздалось сорок ружейных выстрелов, но стрелков не было видно: они спрятались в канавах. При этом грохоте мужчинами овладела бурная веселость, и они стали тяжело приплясывать в своих праздничных одеждах, а новобрачный, оставив жену, бросился к слуге, которого заметил за деревом, выхватил у него ружье и выстрелил сам, резвясь, как жеребенок.

Затем процессия возобновила свой путь, следуя мимо яблонь, уже отягощенных плодами, по нескошенной траве, среди телят, которые таращили огромные глаза, медленно поднимались и стояли, вытянув морды к проходившим.

Приближаясь к дому, где ждал обед, мужчины становились серьезнее. Одни из них, побогаче, нарядились в блестящие шелковые цилиндры, казавшиеся чем-то чужеземным в этом месте; на других были старые широкополые шляпы с длинным ворсом, словно сделанные из кротовых шкурок; самые бедные были в картузах.

У всех женщин были шали, наброшенные на спину, концы которых они церемонно поддерживали руками. Эти шали были пестрого, красного и огненного цвета, и их яркость, казалось, приводила в изумление черных кур на навозных кучах, уток в лужах и голубей на соломенных крышах.

Вся зелень деревни, зелень травы и деревьев, словно стремилась не уступить этому пламенеющему пурпуру, и оба цвета, соприкасаясь друг с другом, становились еще ослепительнее под лучами полуденного солнца.

Там, где кончался свод яблоневых ветвей, стояла, как бы в ожидании, большая ферма. Из раскрытых окон и дверей валил пар, густой запах съестного шел из всех отверстий обширного здания, от самих его стен.

Вереница приглашенных змеей вилась по двору. Передние, дойдя до крыльца, разрывали цепь, разбредались, между тем как в распахнутые настежь ворота продолжали входить все новые и новые. Канавы были теперь усеяны мальчишками и любопытными из бедняков; ружейные выстрелы не прекращались, раздаваясь со всех сторон сразу, оставляя в воздухе пороховой дым и запах, пьянящий, как абсент.

У входа женщины стряхивали пыль с платьев, развязывали длинные яркие ленты шляп, снимали шали, перекидывали их через руку и входили в дом, чтобы окончательно освободиться там от этих украшений.

Стол был накрыт в большой кухне, которая могла вместить человек сто.

За обед сели в два часа. В восемь часов вечера еще ели. Мужчины, в расстегнутых жилетах, без сюртуков, с покрасневшими лицами, поглощали яства, как бездонные бочки. Желтый, прозрачный, золотистый сидр весело искрился в больших стаканах наряду с кроваво-темным вином.

Между каждым блюдом, по нормандскому обычаю, делали передышку, пропуская стаканчик водки, вливавшей огонь в жилы и придури в головы.

Время от времени кто-нибудь из гостей, наевшись до отвала, выходил под ближайšie деревья и, облегчившись, возвращался к столу с новым аппетитом.

Фермерши, багровые, еле дышавшие, в раздутых наподобие пузырей лифах, перетянутые корсетами, из стыдливости не решались выходить из-за стола, хотя их подпирало сверху и снизу. Но одна из них, которой стало совсем невмоготу, вышла, и за ней последовали все остальные. Они возвратились повеселев, готовые опять хохотать. И тут-то начались тяжеловесные шутки.

Через стол перелетали залпы сальностей — все по поводу брачной ночи. Весь арсенал крестьянского остроумия был пущен в ход. Лет сто одни и те же непристойности неизменно служат в подобных случаях и, несмотря на свою общеизвестность, по-прежнему возбуждают среди гостей взрывы хохота.

Один седовласый старик провозгласил: "Кому в Мезидон, пожалуйста в карету!" И последовали вопли веселья. На конце стола четыре парня, соседи, готовили новобрачным шутки и, видимо, придумали что-то удачное, до того они топали ногами, перешептываясь.

Один из них, воспользовавшись минутой тишины, вдруг крикнул: — Уж и потешатся сегодня ночью браконьеры, да еще при такой луне!.. Ведь ты, Жан, не этой луной любоваться будешь?

Новобрачный быстро обернулся:

- Пусть попробуют только сунуться!

Но тот расхохотался:

- Чего ж им не прийти, ты ведь, небось, ради них не бросишь своего дела!

Весь стол задрожал от смеха. Затрясся пол, зазвенели стаканы.

Новобрачный пришел в ярость при мысли, что его свадьбой могут воспользоваться, чтобы браконьерствовать на его земле.

- Говорю тебе: пусть только сунуться!

Тут хлынул целый ливень двусмысленных шуток, заставивших слегка покраснеть новобрачную, трепетавшую от ожидания.

Наконец, когда выпито было несколько бочонков водки, все пошли спать; молодые отправились в свою комнату, находившуюся, как все комнаты на фермах, в нижнем этаже, а так как в ней было немного жарко, они отворили окно и закрыли ставни. Маленькая безвкусная лампа, подарок отца молодой, горела на комод; постель готова была принять новую чету, вовсе не стремившуюся обставлять свои первые объятия буржуазным церемониалом горожан.

Молодая женщина уже сняла головной убор и платье и, оставшись в нижней юбке, снимала башмаки, в то время как Жан докуривал сигару, искоса поглядывая на свою подругу.

Он следил за нею масляным взглядом, скорее похотливым, чем нежным, потому что не столько любил, сколько желал ее, и вдруг резким движением сбросил с себя одежду, словно собираясь приняться за работу.

Она развязала ботинки и теперь снимала чулки; обращаясь к нему на "ты", как к другу детства, она сказала:

— Спрячься на минуту за занавеску, пока я не лягу в постель.

Он сделал было вид, что не хочет, затем пошел с лукавым видом и скрылся за занавеской, высунув, однако, голову. Она смеялась, хотела завязать ему глаза, и они играли так, любовно и весело, без притворной стыдливости и стеснения.

Чтобы кончить с этим, он уступил; тогда она мгновенно развязала последнюю юбку, которая, скользнув вдоль ее ног, упала плоским кругом на пол. Она оставила ее на полу и, перешагнув через нее, в развевающейся рубашке нырнула в постель; пружины взвизгнули под ее тяжестью.

Он тотчас же подошел, тоже уже разувшись, в одних брюках, и нагнулся к жене, ища ее губ, которые она прятала от него в подушку; но в этот миг вдали раздался выстрел, как ему показалось в направлении леса Рапе.

Он выпрямился, встревоженный, с бьющимся сердцем, и, подбежав к окну, распахнул ставень.

Полная луна заливала двор желтым светом. Тени от яблонь лежали черными пятнами у подножия стволов, а вдали блестели поля спелых хлебов.

В ту минуту как Жан высунулся из окна, вслушиваясь во все ночные звуки, две голые руки обвились вокруг его шеи, и жена, увлекая его в глубь комнаты, прошептала: -Брось, что тебе до этого, пойдём.

Он обернулся, схватил ее, сжал в объятиях, ощущая ее тело сквозь тонкое полотно рубашки, и, подняв ее своими сильными руками, понес к их ложу.

В ту минуту, как он опустил ее на постель, осевшую под тяжестью, опять раздался выстрел, на этот раз ближе.

Тогда Жан закричал, весь дрожа от бурной злобы:

— Черт возьми! Они думают, что я не выйду из-за тебя?.. погоди же, погоди!

Он обулся и снял со стены ружье, всегда висевшее на уровне его руки; испуганная жена цеплялась с мольбой за его колени, но он живо высвободился, подбежал к окну и выпрыгнул во двор.

Она ждала час, другой, до рассвета. Муж не возвращался. Тогда, потеряв голову, она созвала людей, рассказала им, как рассердился Жан и как погнался за браконьерами.

Тотчас же слуги, возчики, парни — все отправились на поиски хозяина.

Его нашли в двух лье от фермы, связанного с головы до ног, полумертвого от ярости, со сломанным ружьем, в вывороченных наизнанку брюках, с тремя мертвыми зайцами вокруг шеи и с запиской на груди: "Кто уходит на охоту, теряет свое место".

Впоследствии, рассказывая о своей брачной ночи, он прибавлял:

— Да, уж что говорить, славная это была шутка! Они, негодные, словили меня в силки, как кролика, и накинули мне на голову мешок. Но берегись, если я когда-нибудь до них доберусь!

Вот как забавляются на свадьбах в Нормандии.

*Напечатано в "Жиль Блас" 8 августа 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.
А. де Жуэвиль — один из друзей молодости Мопассана, разделявший его увлечение гребным спортом.*

ТЕКСТЫ ДЛЯ СВОБОДНОГО ЧТЕНИЯ

ДОРОГА В РАЙ (рассказы)

1. СМЕРТЬ СТАРОГО ЧЕЛОВЕКА

О Господи, как мне страшно.

Но теперь я один и не буду этого скрывать. Мне вообще больше ничего не нужно скрывать. Теперь я могу дать волю чувствам, потому что меня никто не видит, потому что между мною и ними двадцать одна тысяча футов. И еще потому, что больше я не могу притворяться, даже если бы и захотел. Мне теперь не нужно стискивать зубы и поджимать подбородок, как я это сделал во время обеда, когда капрал принес приказ и отдал его Жестянщику, а Жестянщик посмотрел на меня и сказал: "Твоя очередь, Чарли. Ты следующий". Будто я этого не знал. Будто не знал, что следующим полечу я. Будто я не знал об этом накануне, когда отправился спать. Да я знал об этом и в полночь, когда не мог заснуть, и помнил об этом всю ночь напролет, помнил и в час ночи, и в два, и в три, и в четыре, и в пять, и в шесть, и в семь часов утра, когда встал с кровати. Будто я этого не знал, когда одевался, завтракал и просматривал журналы в столовой, играл там в орел и решку и бильярд и читал объявления на доске. Я и тогда это знал и помнил об этом, когда мы шли обедать и когда ели баранину на обед. А когда капрал принес приказ, то я счел, что так и должно быть. Стоит ли удивляться, что начинается дождь после того, как налетит туча? Когда капрал вручил приказ Жестянщику, я знал, что Жестянщик скажет, прежде чем тот открыл рот. Я точно знал, что он скажет.

Так что чему тут удивляться.

Но когда он сложил приказ, сунул его в карман и сказал: "Доедай свой пудинг. У тебя еще куча времени", - вот тогда мне сделалось не по себе, потому что я понял, что скоро все начнется сначала, через полчаса буду застегиваться на все ремни, проверять двигатель и подам знак технику убрать колодки. Все остальные доедали пудинги; мой же лежал нетронутым на тарелке; я и притронуться к нему не мог. Но мне полегчало, когда я поджал подбородок и сказал: "Ну наконец-то. Давно надоело сидеть тут и ковырять в носу". Мне точно полегчало, когда я это сказал. Наверное, и другие говорят то же самое перед вылетом. А когда я встал из-за стола и сказал: "Увидимся за чаем", то и это, думаю, прозвучало нормально.

Но теперь мне уже не нужно делать ничего такого. Слава Богу, ничего подобного делать уже не нужно. Теперь можно расслабиться и вести себя спокойно. Теперь я могу делать все, что захочу. Главное - правильно вести самолет. Раньше такого не было. Четыре года назад все было прекрасно. Мне нравилось летать, потому что это увлекательно, потому что ожидание на аэродроме можно было сравнить с ожиданием начала футбольного матча или вечеринки с друзьями. Да и три года назад все было нормально. И потом, эти обязательные три месяца отдыха, затем возвращение, отдых, возвращение. Всегда возвращаешься затем, чтобы снова отлучиться, и при этом все говорят, какой ты замечательный летчик, и никто не знает, что с тобой было в тот раз

около Брюсселя, и как тебе повезло над Дьепом¹, и какой кошмар творился в другой раз над Дьепом, и как тебе фартило каждую неделю в этом году, и сколько страху ты натерпелся, и сколько раз удача отворачивалась от тебя - и так во время каждого полета. Никто этого не знает. Все только и говорят: "Чарли отличный летчик", "Чарли - прирожденный пилот", "Чарли - молодец".

Был когда-то. Но не сейчас.

Теперь с каждым разом ему все хуже. Начинается все с того, что сзади к тебе медленно что-то подкатывается, как бы надвигается, притом бесшумно, а потом будто на тебя что-то давит. Не повернувшись, так и не узнаешь, что это. Если бы можно было обернуться, то, вероятно, это можно было бы и остановить, но это всякий раз происходит внезапно. Словно что-то подбирается, становится все ближе и ближе. Точно так же кот подкрадывается к воробью, но только то, что приближается к тебе, не прыгает, как прыгнул бы кот, а просто склоняется над тобой и что-то шепчет тебе в ухо. Потом мягко касается твоего плеча и нашептывает тебе, что ты молод, что тебе нужно сделать миллион дел и сказать миллион слов, что если ты не будешь осторожен, то пеняй на себя, раньше или позже тебе все равно придется пенять на себя, и что, когда тебе крупно не повезет, ты превратишься в ничто, в обожженный труп. Тебе будто кто-то нашептывает, как будет выглядеть твой труп, когда сгорит, каким он будет черным, исковерканным и покоробившимся, с черным лицом, черными пальцами и босыми ногами, потому что ботинки всегда сползают с ног, когда вот так умираешь. Поначалу нашептывание происходит только по ночам, когда тебе не спится. Потом - в самое неподходящее время днем, когда ты чистишь зубы, или пьешь пиво, или идешь по коридору. А в конце концов ты слышишь все это и днем и ночью.

Вон там Имуйден². Такой же, как обычно, с небольшим выступом в море. А вон Фризские острова - Тексель, Влиланд, Тершеллинг, Амеланд, Юйст и Нордерней. Я их все знаю. Они похожи на бактерии под микроскопом. А вон там Зей-дер-Зе³, вон Голландия, Северное море, там Бельгия и весь мир. Там, внизу, весь этот чертов мир, со всеми его людьми, которых никто не собирается убивать, с его домами, городами и морем, полным рыбы. Рыбу тоже никто не собирается убивать. Убивать собираются только меня. Но я не хочу умирать. О Боже, да не хочу я умирать! Сегодня, во всяком случае. И дело не в том, что может быть больно. Вовсе нет. Пусть мне отдавит ногу или обгорит рука - клянусь, я этого не боюсь. Но умирать я не хочу. А ведь четыре года назад я не боялся. Точно помню - четыре года назад мне было не страшно. Да и три года назад тоже. Все было замечательно и так интересно. Всегда интересно, когда кажется, что можно и проиграть, а мне тогда именно так и казалось. Всегда интересно вести бой, когда есть что терять, а четыре года назад так и было. Но теперь нужно обязательно выходить победителем. А это ведь совсем другое, когда нужно только побеждать. Если я сейчас проиграю сражение, то потеряю пятьдесят лет жизни, а этого терять я не хочу. Я готов потерять все, что угодно, но только не это, потому что это как раз то, что я хочу сделать, что хочу увидеть, вообще все, включая нас с Джоуи. И я хочу иногда возвращаться домой. И гулять по лесу. И наливать что-нибудь из бутылки. И с нетерпением ждать уикенда, и чувствовать каждый час, каждый день, каждый год, что я жив, и чтобы это продолжалось пятьдесят лет. Если я сейчас умру, то этого не будет, да и всего остального тоже. Не будет того, чего я не знаю. Мне кажется, что именно это я и боюсь потерять. Думаю, умирать я не хочу потому, что на что-то надеюсь. Да, пожалуй, так и есть. Уверен, что это так. Наставь револьвер на бродягу, на промокшего трясущегося бродягу, стоящего на обочине дороги, и скажи ему: "Я тебя сейчас убью" - и он ответит сквозь слезы: "Не стреляйте. Прошу вас, не стреляйте". Бродяга цепляется за жизнь потому, что на что-то надеется. И я цепляюсь за нее по этой же причине. Но я уже так давно за нее цепляюсь, что больше не могу. Скоро сдамся. Это все равно что висеть над обрывом, вот что это такое. А я уже давно повис, ухватившись пальцами за выступ скалы, не в силах подтянуться, а пальцы все слабеют и немеют, так что раньше или позже я точно сдамся. Звать на помощь я не стану, это

единственное, на что у меня не хватит духу, поэтому и дальше буду висеть над обрывом и скрести ногами о скалу, отчаянно пытаюсь нащупать опору. Скала, однако, крутая и гладкая, как борт судна, а опоры все нет и нет. Теперь я стучу по ней ногами, вот чем я занимаюсь. Я стучу ногами по гладкой скале, но опоры-то нет. Скоро придется сдаться. Чем дольше буду висеть, тем больше буду в этом уверен, поэтому с каждым часом, с каждым днем, с каждой ночью, с каждой неделей страх все больше одолевает меня. Четыре года назад я вот так не висел на краю обрыва. Я бегал по плоской вершине, и хотя и знал, что где-то есть обрыв, с которого можно упасть, мне это никак не мешало. Так было три года назад, а сейчас все по-другому.

Я знаю, что я не трус. Да я уверен в этом. Я всегда буду делать свое дело. Сегодня, в два часа дня, я лечу курсом сто тридцать пять со скоростью сто шестьдесят миль в час, и полет проходит нормально. И хотя я настолько боюсь, что с трудом шевелю мозгами, я все равно буду и дальше летать. Еще ни разу не вставал вопрос о том, чтобы не лететь или возвращаться назад. Лучше умру, чем поверну назад. Мне никогда и в голову не приходит повернуть назад. Хотя было бы легче, если бы пришло. Я бы предпочел бороться с этим искушением, чем со страхом.

Вон там Вассалт. Несколько замаскированных зданий и большой замаскированный аэродром, на котором, наверное, полно "сто девярых" и "сто девяностых"⁴. Голландия выглядит прекрасно. Летом, наверное, это замечательное место. Думаю, сейчас там внизу заготавливают сено, а немецкие солдаты, надо полагать, смотрят, как голландки заготавливают сено. Мерзавцы. Сначала смотрят, как те заготавливают сено, потом уводят их к себе в дом. Хотел бы я сейчас заготавливать сено. Заготавливать сено и пить сидр.

Летчик сидел в кабине. Его лица не было видно за очками и кислородной маской. Его правая рука свободно лежала на ручке управления, а левая - на рычаге газа. Он то и дело осматривал небо. Его голова по привычке все время вертелась из стороны в сторону - медленно, механически, как у заводной куклы, так что почти каждое мгновение он осматривал какую-либо часть голубого неба: вверху, внизу и вокруг себя. Но пару раз он посмотрел и в сторону солнца, как смотрел в другие стороны, ибо именно там прячется враг, там он тебя поджидает, чтобы броситься на тебя. На небе можно спрятаться только в двух местах. Одно из них - это туча, а другое - солнечный свет.

Он продолжал полет. И хотя мысли его были заняты совсем другим, а мозг был мозгом человека, испытывающего страх, им все-таки владел инстинкт летчика, который находится во вражеском небе. Не прекращая крутить головой, он бросил быстрый взгляд на приборы. На это ушло не больше секунды, но, так же как фотокамера фиксирует множество предметов после открытия затвора, так и он одним взглядом отметил давление масла, количество горючего, обороты двигателя, высоту и скорость, и почти в то же время он снова осматривал небо. Он посмотрел в сторону солнца, и, когда сощурил глаза и впился взглядом в ослепительную яркость солнца, ему показалось, будто он что-то увидел. Ну да - маленькая черная точка медленно движется по яркой поверхности солнца, но для него это была вовсе не точка, а самый настоящий немецкий летчик в "фокке-вульфе" с пушкой под крылом.

Он понял, что его увидели. Он был уверен в том, что тот, наверху, наблюдает за ним, выжидает удобный момент, точно знает, что его не видно из-за яркого солнца, следит за "спитфайром" и готовится к атаке. Человек в "спитфайре" не отводил глаз от маленькой черной точки. Он больше не крутил головой. Он следил за врагом и, не спуская с него глаз, убрал левую руку с рычага газа и осторожно отвел ее назад. Его рука двигалась быстро и уверенно, касаясь то этого, то того, включая тумблер "огонь", снимая гашетку с предохранителя, а большой палец медленно нажимал на рычаг, с помощью которого едва заметно увеличивается шаг винта.

Теперь все его мысли были только о бое, больше ни о чем. Он уже не испытывал страха и не думал о том, что ему страшно. Все это осталось в мечтах, и, так же как человек, проснувшись утром, забывает свой сон, так и он, увидев врага, забыл, что ему

было страшно. Такое с ним случалось уже сотни раз, и вот теперь происходит то же самое. Неожиданно, в одно мгновение, он стал спокойным и расчетливым и, в то время как готовился внутренне и производил необходимые действия в кабине, не спускал глаз с немца, выжидая действий с его стороны.

Он был отличным летчиком. Потому что, когда было необходимо, когда наступал нужный момент, он становился спокойным, смелым и руководствовался инстинктом, который превосходил его спокойствие, смелость или опыт. Он добавил газ и осторожно взял на себя ручку управления, стремясь набрать высоту и лишить немца хотя бы немного того преимущества, которое тот имел, находясь на высоте пять тысяч футов. Но времени у него было немного. "Фокке-вульф" помчался на него со стороны солнца носом вниз, и помчался быстро. Летчик увидел его, но продолжал свой полет, делая вид, что ничего не заметил, и все это время он смотрел на немца через плечо, выбирая момент, когда можно будет повернуть. Если повернуть слишком рано, то и немец повернет вместе с ним, и тогда ему крышка. Если повернуть слишком поздно, то немец все равно его достанет, если сможет выстрелить прямо по курсу, а значит, и тогда ему крышка. Поэтому он смотрел и выжидал, повернув голову и глядя через плечо, и прикидывал, какое между ними расстояние. И едва немец приблизился настолько, что мог в любую секунду нажать большим пальцем на гашетку, летчик резко изменил курс. Он рванул ручку управления на себя и налево, сильно надавил левой ногой на педаль руля направления, и "спитфайр" метнулся в сторону, точно лист, подхваченный порывом ветра. Летчик на мгновение потерял сознание.

Когда к нему вернулось зрение, когда кровь отхлынула от головы и от глаз, он взглянул вверх и увидел, как немецкий истребитель, сильно накренившись, разворачивается вместе с ним, пытаясь крутануться как можно круче, чтобы снова сесть на хвост "спитфайру". Бой начался. "Поехали, сказал он про себя. - Ну, кто кого на сей раз?" И быстро улыбнулся, потому что был уверен в себе и еще потому, что в такой ситуации ему приходилось быть не раз, а также потому, что он всегда выходил победителем.

Он был великолепным летчиком. Но и немец был неплох, и, когда "спитфайр" развернулся круче, "фокке-вульф", кажется, сделал то же самое, и они развернулись вместе. Когда "спитфайр" неожиданно убрал газ и встал свечой, "фокке-вульф" перевернулся через крыло и ушел в пике, а затем закрутил петлю, так что снова оказался сверху и сзади. "Спитфайр" перевернулся через крыло и метнулся в сторону, но "фокке-вульф" следил за ним и тоже перевернулся через крыло и метнулся в сторону, сидя у него на хвосте, и тотчас выпустил по "спитфайру" короткую очередь, но промахнулся. Минут пятнадцать два небольших самолета кружились друг вокруг друга, делая крутые виражи; они следили друг за другом и держали дистанцию, как это делают боксеры на ринге, выжидая момент, когда противник раскроется или потеряет бдительность. То и дело, резко развернувшись, один самолет атаковал другой, и маневры с пикированием, переворотом через крыло и набором высоты повторялись.

Все это время летчик в "спитфайре" сидел в кабине с прямой спиной и вел самолет не руками, а кончиками пальцев, и "спитфайр" был не самолетом, а частью его тела. Мышцы его рук и ног были в крыльях и в хвосте машины, и, когда он делал вираж, разворот, пикировал или набирал высоту, он двигал не своими руками и ногами, а крыльями, хвостом и корпусом самолета, потому что корпус "спитфайра" был телом летчика и между тем и другим не было разницы.

Бой продолжался, и все это время, пока они сражались друг с другом, они теряли высоту и оказывались все ближе и ближе к голландским полям, так что скоро до земли осталось всего три тысячи футов и можно было разглядеть изгороди, и низкие деревья, и тени, которые эти деревья бросали на траву.

Раз немец выстрелил наудачу длинной очередью с расстояния тысячи ярдов. Летчик "спитфайра" увидел, как перед носом его машины промелькнул трассирующий

снаряд. В другой раз, когда они летели близко друг от друга, он успел разглядеть под стеклянным фонарем кабины голову, коричневый шлем, очки, маску, белый шарф и плечи немца, причем голова была повернута в его сторону. И еще был раз, когда он потерял сознание после быстрого выхода из пикирования и временная слепота длилась больше, чем обычно. Она продолжалась секунд, быть может, пять, и, когда зрение вернулось к нему, он быстро огляделся в поисках "фокке-вульфа" и увидел его на расстоянии полумили. Тот летел прямо на него - тонкая полоска длиной в дюйм, которая быстро увеличивалась, притом так быстро, что почти тотчас она была длиной уже не в дюйм, а в полтора, потом в два, потом в шесть, а потом и в фут. Времени в его распоряжении не было совсем - может, секунда, самое большее две, но и этого было достаточно, потому что ему не нужно было думать или решать, что предпринять. Ему надо было лишь дать волю инстинкту, который руководит его руками, ногами и крыльями и корпусом самолета. Нужно было сделать только одно, и "спитфайр" это сделал. Он круто набрал высоту и, резко развернувшись под прямым углом, бросился на "фокке-вульф". Он летел прямо на него, готовый к лобовой атаке.

Две машины быстро мчались навстречу друг другу. Летчик в "спитфайре" сидел с прямой спиной в своей кабине, и теперь самолет окончательно стал частью его тела. Он смотрел на перекрестие прицела - маленькую желтую точку электрического света, выступающую в верхней части козырька кабины, и теперь она приближалась к "фокке-вульфу". Он быстро и точно подправлял самолет немного в одну сторону, немного в другую, и желтая точка, двигавшаяся вместе с самолетом, плясала и дергалась из стороны в сторону, и неожиданно она остановилась на тонкой полоске "фокке-вульфа". Большим пальцем правой руки в кожаной перчатке он нащупал гашетку, осторожно нажал на нее, как охотник нажимает на курок ружья, его пушки выстрелили, и он увидел, как в то же самое время из носа "фокке-вульфа" вырвались маленькие язычки пламени. От начала и до конца на все про все ушло не больше времени, чем на то, чтобы закурить сигарету. Немецкий летчик шел прямо на него, и неожиданно пилот "спитфайра" отчетливо увидел перед собой круглый бесцветный нос "фокке-вульфа" и его тонкие распростертые крылья. Когда концы крыльев встретились, раздался треск, левое крыло "спитфайра" с хрустом оторвалось от корпуса машины.

"Спитфайру" пришел конец. Он стал падать, как падает мертвая птица, и, умирая, слегка трепетал одним крылом. Падая, самолет продолжал движение по тому курсу, которым летел. Руки летчика единым движением расстегнули ремни, сорвали шлем и отодвинули верх кабины, затем ухватились за ее края. Покинув самолет, летчик потянулся за вытяжным кольцом парашюта, схватил его правой рукой и дернул, так что парашют вырвался и раскрылся и ремни впились ему в промежность.

Неожиданно наступила полная тишина. Ветер дул ему в лицо, трепал его волосы. Он поднял руку и убрал волосы с глаз. Он находился на высоте примерно в тысячу футов. Взглянув вниз, он увидел плоскую зеленую местность - поля, изгороди, и никаких деревьев. На поле, внизу, он увидел несколько коров. Потом он посмотрел вверх и тут же произнес: "О Господи", и его рука быстро метнулась к правому бедру. Он нащупал револьвер, который захватил с собой. Не более чем в пятистах ярдах от него одновременно с ним и с такой же высоты спускался на парашюте еще один человек. Едва взглянув на него, он понял, что это мог быть только немецкий летчик, и никто другой. Его самолет наверняка тоже пострадал в столкновении со "спитфайром". Должно быть, и он быстро выбрался. И вот они оба спускаются на парашюте так близко друг от друга, что, возможно, и приземлятся на одном поле.

Расставив ноги и держась за ремни парашюта поднятыми руками, он еще раз посмотрел на немца. Это был невысокий мужчина, коренастый, но отнюдь не молодой. Немец тоже смотрел на него, просто не сводил с него глаз, и, когда его крутануло в воздухе, он повернул голову и принялся смотреть через плечо.

Они продолжали опускаться. Оба смотрели друг на друга, думая о том, что же будет дальше, но немец был королем, потому что приземлялся на своей территории. Летчик "спитфайра" опускался на вражеской территории; его возьмут в плен или же убьют, или он убьет немца, а если сделает это, то убежит. В любом случае убегу, подумал он. Я уверен, что бегаю быстрее, чем этот немец. Он, похоже, не очень-то быстро бегают. Побегу от него по полю и скроюсь где-нибудь.

Земля была уже близко. До приземления оставалось лишь несколько секунд. Он видел, что немец почти наверняка приземлится на том же поле, что и он, на поле, где паслись коровы. Он посмотрел, что это за поле, широкая ли изгородь, и есть ли в изгороди проход, и тут увидел небольшой пруд и ручеек. Коровы пили воду из этого пруда, вокруг него было грязно, и вода была грязной. Пруд оказался прямо под ним. Он уже был на высоте роста лошади над прудом и быстро падал. Он падал в самую середину пруда. Он быстро ухватился за ремни над головой и попытался подтянуть парашют стропами с одной стороны, чтобы изменить направление, но было слишком поздно - его усилия не увенчались успехом. Неожиданно что-то пронеслось у него в голове и отдалось где-то в желудке, и страх, о котором он забыл во время боя, снова навалился на него. Он видел пруд и черную поверхность воды в пруду, но это был уже и не пруд вовсе, а вода - совсем не вода. Это была небольшая черная дыра в земле, которая вела на многие мили вниз, с крутыми гладкими стенами, как борт судна, и она была такая глубокая, что стоит в нее попасть, как будешь падать, и падать, и падать, и так до конца жизни. Он видел вход в эту дыру, видел, какая она глубокая, а он был лишь маленьким коричневым камешком, который кто-то поднял, потом подбросил в воздух, да так, чтобы он полетел в эту дыру. Он был камешком, который кто-то нашел в траве в поле, вот что он такое. И вот он падает, а внизу эта дыра.

Подняв брызги, он опустился в воду. Он с головой ушел под воду, и его ноги коснулись дна пруда и увязли в грязи. Голова его была под водой, но она снова показалась над поверхностью. Он стоял на дне. Вода была ему по плечи. Парашют накрыл его сверху. Его голова была опутана ремнями и белым шелком, он попытался было высвободиться, сначала с одной стороны, потом с другой, но вышло только хуже, да и страх усилился, потому что белый шелк накрыл его с головой и он ничего не видел, кроме груды белой материи и спутавшихся ремней. Он сделал попытку приблизиться к берегу, но его ноги застряли в грязи; он стоял по колено в грязи. Поэтому он продолжал бороться с парашютом и спутавшимися ремнями. Он дергал за ремни, стараясь высвободить голову, и тут услышал шаги человека, который бежал по траве. Он слышал, как шаги приближаются. Немец, должно быть, прыгнул, потому что послышался всплеск и он упал под весом этого другого человека.

Оказавшись под водой, он начал инстинктивно сопротивляться. Но его ноги увязли в грязи, тот, другой человек был сверху и, держа руками за шею, пытался удержать его под водой. Сильные пальцы сдавили ему горло. Он открыл глаза и увидел коричневую воду, а в воде - пузырьки. Маленькие светлые пузырьки медленно поднимались вверх в коричневой воде. Не было ни шума, ни криков, ничего больше не было, лишь светлые пузырьки поднимались в воде, и вдруг в голове у него тоже просветлело, как светлеет в тихий солнечный день. Да не буду я бороться, подумал он. К чему бороться, ведь если на небо набежала туча, значит, быть дождю.

Он обмяк и расслабил все мышцы, потому что у него не было никакого желания бороться. Как это хорошо - не бороться. Да и зачем это? Глупо было столько бороться и так долго; глупо было молиться на то, чтобы вышло солнце, когда на небе туча. Надо было кричать: "Пусть идет дождь! Пусть льет как из ведра! Мне все равно!" Тогда было бы легче. Тогда было бы намного легче. Я сражался пять лет, но мне больше не нужно этого делать. Так гораздо лучше, гораздо, ведь где-то есть лес, по которому мне хотелось бы пройти, а не пойдешь же гулять в лес затем, чтобы сражаться. Где-то есть девушка, с которой мне хотелось бы переспать, но ведь не станешь же спать с ней и одновременно

бороться. Ничего нельзя сделать, одновременно борясь. И особенно нельзя жить, все время борясь. Теперь я сделаю все то, что хочу, но борьбы больше не будет.

Как сразу стало спокойно и чудесно. Какой солнечный день, и какое красивое поле, с коровами, и маленьким прудом, и зелеными изгородями с примулами, растущими прямо в них. Ничто меня больше не будет беспокоить, ничто, ничто, ничто. Даже тот, другой человек, который плещется вон там в воде, в этом же пруду. Кажется, он совсем запыхался и дышит с трудом. Кажется, он вынимает что-то из пруда, что-то тяжелое. Вот уже вынул на берег и теперь тащит по траве. Смешно. Оказывается, это тело. Тело какого-то мужчины. Вообще-то, по-моему, это я. Да-да, я. Я это знаю точно, потому что на груди моего комбинезона пятнышко желтой краски. Вот он наклонился и проверяет мои карманы, вынимает деньги и удостоверение личности. Он нашел мою трубку и письмо, которое я получил утром от матери. Снимает часы. Встает. Уходит. Он решил оставить мое тело на траве рядом с прудом. Он быстро идет по полю в сторону прохода в изгороди. Похоже, он насквозь промок и к тому же возбужден. Надо бы ему немного отдохнуть. Надо бы отдохнуть, как это делаю я. Если не отдохнет, то ему и самому это не понравится. Надо ему сказать об этом.

– Почему бы тебе немного не отдохнуть?

Боже мой, как он вздрогнул, когда я заговорил. А его лицо; вы только посмотрите на его лицо. Никогда не видел такого испуганного человека. Он побежал прочь. То и дело оглядывается через плечо, а сам бежит. Но вы только посмотрите на его лицо; видите, какой у него несчастный вид и как он напуган. Нет, мне с ним не по пути. Думаю, лучше его оставить. Пожалуй, побуду здесь еще немного. Потом пойду вдоль изгороди, поищу примулы, а повезет, так и фиалки найду. А потом усну. Прямо на солнце.

2. АФРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Для Англии война началась в сентябре 1939 года. Жители острова тотчас о ней узнали и принялись готовиться. В более отдаленных местах о ней узнали спустя несколько минут после начала войны и тоже стали готовиться.

А в Восточной Африке, в Кении, жил молодой белый человек; он был охотником и любил равнины и долины и холодные ночи на склонах Килиманджаро. Он тоже прослышал о войне и начал готовиться. Он прибыл в Найроби, для чего ему понадобилось пересечь всю страну, явился в местное управление Королевских воздушных сил и попросил сделать из него летчика. Его приняли, и он приступил к тренировкам в аэропорту Найроби. Он летал на небольших "бабочках-медведицах"⁵ и хорошо справлялся с управлением ими.

Спустя пять недель он едва не предстал перед военно-полевым судом за то, что, вместо того чтобы учиться вращению ласточкой и входить в повороты с заглушкой двигателя, как ему было приказано, он полетел в сторону Накуру посмотреть сверху на животных и на равнину. По пути ему показалось, будто он увидел саблерогую антилопу, а поскольку это редкое животное, его охватило любопытство, и он снизился, чтобы получше ее рассмотреть. Он разглядывал антилопу с левой стороны кабины и потому не увидел жирафа с другой. Передней кромкой правое крыло врезалось в шею жирафа чуть ниже головы животного и прошло насквозь. Вот так низко он летел. Крыло получило повреждение, но ему удалось добраться до Найроби, и, как я уже говорил, он едва не предстал перед военно-полевым судом, ибо разве можно оправдаться, заявив, что сбил большую птицу, когда к крылу и к стойкам пристали куски жирафьей шкуры и его шерсть.

Через шесть недель ему разрешили совершить первый самостоятельный маршрутный полет, и он полетел из Найроби в местечко под названием Эльдорет - маленький городишко, расположившийся в горах на высоте восьми тысяч футов. Но ему опять не повезло. На этот раз случился перебой в работе двигателя, из-за того что в баки с горючим попала вода. Он сохранил самообладание и, не повредив самолет, совершил

великолепную, хотя и вынужденную посадку неподалеку от маленькой хижины, одиноко стоявшей на высокогорной равнине. Других жилищ не было видно. Местность там пустынная.

Он подошел к хижине и обнаружил там жившего в одиночестве старика, у которого всего-то и было, что небольшой клочок земли, засаженный сладким картофелем, а также несколько куриц и черная корова.

Старик был добр к нему. Он дал ему еды и молока, уложил спать; летчик оставался у него два дня, и две ночи, пока спасательный самолет из Найроби не обнаружил на земле его машину; летчик-спасатель приземлился рядом с ней, узнал, что случилось, улетел и вернулся с неразбавленным горючим, что дало возможность и молодому человеку взлететь и вернуться на базу.

Однако пока он был с одиноким стариком, который месяцами никого не видел, тот радовался его обществу и выпавшему случаю поболтать. Старик без конца говорил, а летчик слушал. Старик рассказывал о своей одинокой жизни, о львах, которые приходили по ночам, о слоне-отшельнике, который жил за холмом на западе, о знойных днях и о тишине, которая приходила в полночь вместе с прохладой.

На вторую ночь он рассказал о себе. Он поведал летчику длинную странную историю, и, когда он рассказывал ее, слушателю казалось, будто старик тем самым снимает с плеч огромную тяжесть. Закончив, он сказал, что никогда раньше никому не рассказывал эту историю и что никогда никому больше ее не расскажет, но история была такая странная, что летчик записал ее на бумаге, как только возвратился в Найроби. Он записал ее не словами старика, а своими собственными, так что старик стал персонажем рассказа, - да так, наверное, и лучше было. Раньше летчик никогда не писал рассказов и, естественно, не избегал ошибок. Ему неведомы были приемы, к которым прибегают писатели, равно как не знал он ничего и о методах, которыми пользуются художники, но, когда он закончил писать, отложил карандаш и отправился в клуб-столовую, чтобы выпить там пинту пива, ему показалось, что у него вышел рассказ редкой силы.

Мы нашли этот рассказ в его чемодане две недели спустя, когда разбирали его вещи, после того как он погиб в ходе боевой подготовки, а поскольку у него, похоже, не было родственников и поскольку он был моим другом, я взял рукопись и позаботился о ней за него.

Вот что он написал.

Старик вышел из дома. Ослепительно сияло солнце, и с минуту он стоял, опираясь на свою палку, оглядываясь вокруг и щурясь от яркого света. Он стоял склонив голову набок, поглядывая вверх, прислушиваясь к шуму, который, как ему почудилось, он незадолго перед тем услышал.

Он был невысок ростом, коренаст, и ему уже давно перевалило за семьдесят, хотя на вид ему можно было дать и восемьдесят пять - так его скрутил ревматизм. Его лицо было покрыто щетиной, а когда он раскрывал рот, двигался только один его уголок. На его голове, находился ли он дома или на открытом воздухе, всегда был грязный белый тропический шлем.

Он стоял совершенно неподвижно на ярком солнце, щурясь и прислушиваясь к шуму.

И снова те же звуки. Старик резко повернул голову и посмотрел в сторону небольшой деревянной лачуги, стоявшей на пастбище в сотне ярдов от него. На этот раз сомнений никаких не было: где-то взвизгивала собака; так мучительно и пронзительно она взвизгивает, когда ей грозит большая опасность. Взвизгивания раздались еще дважды, и на сей раз они были больше похожи на крики. Казалось, эти звуки вырывались из самого нутра животного.

Старик повернулся и быстро заковылял по траве по направлению к деревянной лачуге, где жил Дзадсон; подойдя к ней, он распахнул дверь и вошел внутрь.

На полу лежала маленькая белая собака, а над ней, расставив ноги, стоял Джадсон; темные волосы закрывали его длинное красное лицо. Этот высокий тощий человек стоял и бормотал что-то про себя; его грязная белая рубаша пропиталась потом. Челюсть его отвисла, будто отяжелела, рот как-то странно раскрылся, точно онемел, а по середине подбородка медленно текла слюна. Он стоял и смотрел на маленькую белую собаку, лежавшую на полу, и медленно тербил рукой мочку левого уха; в другой руке он держал тяжелую бамбуковую палку.

Не обращая внимания на Джадсона, старик опустился на колени рядом с собакой и ласково погладил ее своими костлявыми пальцами. Собака лежала неподвижно, глядя на него водянистыми глазами. Джадсон не двигался. Он смотрел на собаку и на старика.

Старик медленно, с трудом поднялся, опираясь обеими руками на палку. Он оглядел комнату. В дальнем углу лежал грязный мятый матрас; на столе, сколоченном из упаковочных ящиков, стоял примус и кастрюля с оббитыми краями. Грязный пол был усеян куриными перьями.

Старик увидел то, что ему было нужно. Это был тяжелый железный лом, стоявший у стены возле матраса. Он заковылял к нему, стуча своей палкой по прогнувшимся половым доскам. Пока он ковылял, собака не сводила с него глаз. Старик взял палку в левую руку, лом - в правую, приковылял обратно к собаке, поднял лом и не мешкая с силой опустил его на голову животного. Отшвырнув лом в сторону, он взглянул на Джадсона, который по-прежнему стоял в той же позе; по подбородку его все еще текла слюна, а краешки глаз подергивались. Старик приблизился к Джадсону и заговорил. Он говорил очень тихо и медленно, кипя от гнева, и при этом двигался только один уголок его рта.

- Ты убил ее, - сказал он. - Ты сломал ей шею. Затем, переполнившись гневом и ощутив прилив сил, он нашел и другие слова. Он поднял голову и плюнул в лицо тощего Джадсона, который заморгал и попятился к стене.

- Ты, паршивый подлый ублюдок, ты убил собаку. Это была моя собака. Какое чертово право ты имел бить мою собаку, говори! Отвечай же, ты, слюнявый псих. Отвечай!

Джадсон принялся медленно вытирать ладонь и тыльную сторону руки о рубашку, все лицо его при этом дергалось. Не поднимая глаз, он сказал:

- Она без конца лизала себя, и так шумно, что я не мог этого вынести. Терпеть не могу, когда вот так себя лижут, лижут, лижут. Я сказал ей, чтобы она прекратила. Она посмотрела на меня и помахала хвостом, а потом снова стала себя лизать. Этого я стерпеть не мог, потому взял и побил ее.

Старик ничего на это не сказал. Какое-то мгновение казалось, что он вот-вот ударит этого типа. Он даже поднял было руку, но потом опустил ее, сплюнул на пол, повернулся и проковылял за дверь, туда, где светило солнце. Он прошел по траве к тому месту, где в тени небольшой акации стояла черная корова, жевавшая свою жвачку; корова стояла и смотрела, как он ковыляет к ней. Жевать она не переставала ни на минуту, челюстями двигала размеренно, механически - точно метроном отмеривает время. Старик подошел к ней, остановился и принялся гладить ее шею. Потом оперся о ее лопатку и стал чесать ей спину толстым концом своей палки. Он долго так стоял, прислонившись к корове, почесывая ей спину палкой; время от времени он заговаривал с ней, тихо произнося какие-то слова, - точно так же один человек делится с другим своими секретами.

В тени акации было прохладно; все вокруг нее после долгих дождей было покрыто буйной растительностью и радовало глаз, ведь на кенийском высокогорье растет по-настоящему зеленая трава. В это время года, после дождей, она сочная и зеленая, какой и должна быть трава. Далеко на севере возвышалась сама гора Кения, со снежной шапкой наверху; с ее вершины, где ледяные ветры подняли бурю, сдувая белую пыль, тянулась

белая струйка. Где-то внизу, на склонах той же горы, обитали львы и слоны, и по ночам иногда можно было слышать, как лев рычит на луну.

Прошло несколько дней, и Джадсон вернулся к своей работе на ферме; молча, как бы механически, он собирал зерно, выкапывал сладкий картофель и доил черную корову, тогда как старик оставался в доме, прячась от жестокого африканского солнца. Только к концу дня, когда становилось прохладнее и поднимался резкий ветер, он, прихрамывая, выходил наружу и всякий раз шел к черной корове, чтобы провести с ней часок под акацией. Однажды, выйдя из дома, он застал возле коровы Джадсона. Тот как-то странно смотрел на нее, в присущей ему манере выставив вперед ногу и теребя мочку уха правой рукой.

– В чем дело? - медленно подойдя к нему, спросил старик.

– Корова без конца жует, - ответил Джадсон.

– Ну и пусть себе жует, - сказал старик. - Оставь ее в покое.

– Этот хруст, разве ты не слышишь его? - сказал Джадсон. - Такой стоит хруст, будто она жует гальку, только это совсем другое. Она жует траву, смачивает ее в слюне. Посмотри на нее - все жует и жует, а ведь это всего лишь трава и слюна. Этот хруст не дает мне покоя.

– Убирайся, - сказал старик. - Убирайся с глаз моих.

По утрам старик сидел и обыкновенно глядел в окно. Вот Джадсон выходит из хижины и идет доить корову. Он видел, как тот сонно передвигается по полю, при ходьбе разговаривая сам с собой, волочит ноги, оставляя на мокрой траве темный зеленый след. В руках у него старая канистра из-под керосина в четыре галлона, которую он приспособил для молока. Солнце поднималось над откосом, бросая длинные тени за Джадсоном, коровой и невысокой акацией. Старик видел, как Джадсон ставит канистру, тащит ящик из-за акации и усаживается на него, готовясь к дойке. Он видел, как тот опускается на колени, нащупывая коровье вымя. В этот раз и старик с того места, где сидел, увидел, что у коровы нет молока. Он видел, как Джадсон поднимается и быстро идет к хижине. Остановившись под окном, возле которого сидел старик, он поднял голову.

– У коровы нет молока, - сказал он.

Старик высунулся в открытое окно, опершись обеими руками о подоконник.

– Ты, паршивый ублюдок, ты украл его.

– Я его не брал, - сказал Джадсон. - Я спал.

– Ты украл его. - Старик еще дальше высунулся из окна; голосом он говорил тихим, при этом двигался лишь один уголок его рта.

– Кто-то украл его ночью, кто-нибудь из кикуйю⁶, - сказал Джадсон. - А может, она заболела.

Старик подумал, что, может, это и правда.

– Ладно, посмотрим, - ответил он, - даст ли она молока вечером. А теперь проваливай.

К вечеру у коровы было полное вымя, и старик видел, как Джадсон вынул из-под нее две кварты хорошего густого молока.

На следующее утро корова была пуста. Вечером молока было много. На третье утро она снова была пуста.

На третью ночь старик решил проследить, в чем дело. Как только начало темнеть, он уселся перед открытым окном со старым ружьем двенадцатого калибра, положив его на колени. Он стал дожидаться вора, который доит его корову по ночам. Тьма была кромешная, и корову он не видел, но скоро над холмами поднялась луна в три четверти, и стало светло как днем. Было страшно холодно - как-никак, высота семь тысяч футов над уровнем моря. Старик дрожал и плотнее кутал плечи коричневым пледом. Корову он теперь хорошо видел, так же хорошо, как днем; небольшая акация бросала на траву глубокую тень, потому что луна находилась за ней.

Всю ночь старик сидел и следил за коровой и только один раз оторвал взгляд от нее, когда поднялся и, ковляя, сходил еще за одним одеялом. Корова мирно стояла под деревцем, жуя свою жвачку и поглядывая на луну.

За час до рассвета вымя было полным. Старик видел это; он все время следил за ней, и хотя не видел того момента, когда оно начало разбухать, невозможно ведь уследить за началом движения часовой стрелки, - однако он чувствовал, что оно все это время наполнялось молоком. До рассвета оставался один час. Луна висела низко, но светила по-прежнему. Он видел корову, деревце и зелень травы вокруг коровы. Неожиданно он вскинул голову. Он что-то услышал. Разумеется, что-то ему послышалось. Да-да, вот и опять послышался шелест травы под окном, у которого он сидел. Он быстро поднялся и, перегнувшись через подоконник, посмотрел вниз.

И тут он увидел ее. Большая черная змея, мамба, длиной восемь футов и толщиной в руку человека, ползла по сырой траве прямо к корове, и притом быстро. Ее небольшая грушевидной формы головка немного приподнималась над землей, а скольжение ее тела по мокрой траве производило отчетливый шипящий звук, точно газ выходил из горелки. Он поднял ружье, собираясь выстрелить, но тотчас снова его опустил, почему - он и сам не знал, и продолжал сидеть не двигаясь, глядя, как мамба приближается к корове, прислушиваясь к шороху, который она при этом производит, следя за тем, как она все ближе подползает к корове, и выжидая, когда же произойдет нападение.

Но она не нападала. Она подняла голову и с минуту покачивала ею из стороны в сторону; потом подняла переднюю часть своего черного тела прямо под выменем коровы, бережно взяла один из толстых сосков и начала пить.

Корова не шевелилась. Не было слышно ни звука; тело мамбы изящно изгибалось, поднимаясь от земли, и висело под коровьим выменем. Черная змея и черная корова были отчетливо видны при лунном свете.

С полчаса старик наблюдал за тем, как мамба берет у коровы молоко. Он видел, как мягко пульсирует черное тело, высасывая жидкость из вымени. Время от времени змея переходила от одного соска к другому, пока у коровы совсем не осталось молока. Тогда мамба осторожно опустилась на землю и поползла назад по траве в том же направлении, откуда появилась. И снова она производила тот же шипящий звук, и снова проползла под окном, возле которого сидел старик, и оставляла на мокрой траве темный след. Затем она исчезла за хижинкой.

Луна медленно опустилась за Кенийским хребтом. Почти тотчас из-за откоса на востоке поднялось солнце, и Джадсон вышел из своей лачуги с четырехгаллонной канистрой из-под керосина в руке. Он сонно поплелся к корове, волоча ноги по густой росе. Старик смотрел на него и ждал. Джадсон наклонился и ощупал вымя, и едва он проделал это, как старик заговорил. Джадсон вздрогнул, услышав голос старика.

– Его опять нет, - сказал старик.

Джадсон ответил:

– Да, корова пуста.

– Думаю, - медленно произнес старик, - это проделки какого-нибудь мальчишки-кикуйю. Я задремал, а когда проснулся, он уже удрал. Выстрелить я не мог, потому что боялся попасть в корову. Но сегодня вечером я его дождусь. Уж сегодня-то он у меня не уйдет, - прибавил он.

Джадсон не отвечал. Он подхватил четырехгаллонную жестянку и побрел к своей лачуге.

В эту ночь старик опять сидел у окна и наблюдал за коровой. На этот раз он предвкушал какое-то удовольствие. Он знал, что снова увидит мамбу, но хотел в этом убедиться. И когда за час до восхода солнца большая черная змея проползла по траве к корове, старик перегнулся через подоконник и принялся внимательно следить за ее движением. Он видел, как она выждала какое-то мгновение под животом, медленно покачивая головой с полдюжины раз, прежде чем оторвала свое тело от земли, чтобы взять

первый сосок. Он видел, как она с полчаса пила молоко, пока его совсем не осталось, и видел, как змея опустила свое тело и мягко заскользила за хижину, откуда явилась. Наблюдая за всем этим, старик едва заметно улыбался краешком рта.

Потом из-за холмов поднялось солнце, и из своей лачуги вышел Джадсон с четырехгаллонной канистрой в руке, но на этот раз он направился прямо к окну хижины, возле которого, завернувшись в одеяло, сидел старик.

– Ну как? - спросил Джадсон.

Старик смотрел на него из окна.

– Не знаю, - ответил он. - Никого не видел. Я опять задремал, а этот паршивец явился и взял молоко, пока я спал. Послушай-ка, Джадсон, - прибавил он, - нам надо поймать этого мальчишку, иначе тебе не хватит молока, хотя это тебе и не повредит. Но мальчишку поймать надо. Выстрелить в него не могу, очень уж он ловок, да и корова мешает. Ты должен схватить его.

– Я? Но как?

Старик заговорил очень медленно.

– Думаю, - сказал он, - думаю, тебе лучше спрятаться недалеко от коровы. Только так его и можно схватить.

Джадсон взъерошил волосы левой рукой.

– Сегодня, - продолжал старик, - ты выкопаешь неглубокую яму рядом с коровой. Ты ляжешь в нее, я прикрою тебя сеном и травой. Воришка тебя не заметит, пока совсем близко не подойдет.

– У него может быть нож, - сказал Джадсон.

– Нет, ножа у него не будет. Возьми свою палку. Больше тебе ничего не понадобится.

Джадсон сказал:

– Хорошо, я возьму палку. Когда он подойдет, я выскочу и поколочу его палкой.

Тут он вдруг что-то вспомнил.

– А как же насчет того, что она все время жует? - спросил он. - Я не вынесу того, что она будет хрустеть всю ночь, пережевывая слюну и траву, точно гальку. Всю ночь мне этого не вынести. - И он снова принялся тереть мочку левого уха.

– Ты сделаешь так, как тебе, черт побери, говорят, - сказал старик.

В тот день Джадсон выкопал канаву рядом с коровой, которую решили привязать к акации, чтобы она не бродила по полю. Затем, когда наступил вечер и когда уже можно было улечься в канаву, старик подошел к двери его лачуги и сказал:

– До утра можно ничего не делать. Пока вымя не наполнится, никто не придет. Заходи ко мне; у меня теплее, чем в твоей конуре.

Джадсон никогда еще не получал приглашения зайти в хижину старика. Он последовал за ним, довольный тем, что ему не придется лежать всю ночь в канаве. В комнате горела свеча. Она была воткнута в горлышко бутылки, а бутылка стояла на столе.

– Приготовь-ка чаю, - сказал старик, указывая на примус, стоявший на полу.

Джадсон зажег примус и приготовил чай. Они уселись на пару деревянных ящиков и начали пить. Старик пил чай горячим и при этом шумно прихлебывал его. Джадсон дул на свой чай, осторожно его потягивал и поглядывал поверх кружки на старика. Старик продолжал прихлебывать чай, когда Джадсон сказал:

– Прекрати.

Он произнес это тихо, почти жалостно, и уголки его глаз и рта тотчас задергались.

– Что? - спросил старик.

Джадсон сказал:

– Шумно ты очень пьешь.

Старик поставил кружку и спокойно смотрел на него короткое время, потом спросил:

– Сколько собак ты убил за свою жизнь, Джадсон?

Ответа не последовало.

– Я спрашиваю - сколько? Сколько собак?

Джадсон принялся вынимать чайники из своей кружки и приклеивать их к тыльной стороне левой руки. Старик, не вставая с места, подался вперед.

– Так сколько же, Джадсон?

Джадсон вдруг засуетился. Он сунул пальцы в пустую кружку, вынул оттуда чайнику, быстро приклеил ее к тыльной стороне руки и тут же полез за второй. Когда чайнок осталось немного и ему никак не удавалось выудить хотя бы одну из них, он близко поднес кружку к глазам, чтобы посмотреть, сколько их там. Тыльная сторона руки, державшей кружку, была покрыта мокрыми черными чайниками.

– Джадсон! - вскричал старик, и один уголок его рта открылся и закрылся, точно то были клещи.

Свеча вспыхнула и едва не погасла, но спустя мгновение снова загорелась ровным пламенем.

Тихо и очень медленно, точно уговаривая маленького ребенка, старик спросил:

– За всю твою жизнь сколько же было собак?

– Почему я должен тебе говорить? - отозвался Джадсон.

Не поднимая глаз, он отлеплял чайники одну за другой с тыльной стороны руки и снова складывал их в кружку.

– Я хочу знать, Джадсон. - Старик говорил очень ласково. - Меня это тоже интересует. Поговорим об этом, а потом о чем-нибудь другом.

Джадсон поднял глаза. По его подбородку потекла капля слюны, зависла на какое-то время в воздухе, потом сорвалась и упала на пол.

– Я их только потому убиваю, что они шумят.

– Как часто ты это делал? Мне бы хотелось знать - как часто?

– Много раз, да и давно.

– Как? Расскажи мне, как ты это обычно делал? Как тебе больше нравилось?

Молчание.

– Скажи мне, Джадсон. Я хочу знать.

– Не понимаю, почему я должен об этом говорить. Это секрет.

– Я никому не скажу. Клянусь, никому.

– Что ж, если ты обещаешь. - Джадсон придвинул свой ящик и заговорил шепотом.

- Как-то я подождал, пока она заснет, потом взял большой камень и размозжил ей голову.

Старик поднялся и налил себе еще одну кружку чая.

– Мою ты не так убивал.

– У меня не было времени. Столько было шуму, когда она облизывалась, я просто обязан был все сделать быстро.

– Ты ведь так и не убил ее.

– Зато тише стало.

Старик подошел к двери и выглянул наружу. Было темно. Луна еще не взошла, но ночь была светлая и холодная, и на небе было много звезд. На востоке небо было немного бледным, и, глядя в том направлении, старик видел, как бледность сменяется яркостью, разливавшейся по небосводу, так что свет отражался в каплях росы в траве. Над холмами медленно взошла луна. Старик обернулся и сказал:

– Собирайся-ка. Никогда не знаешь - сегодня, может, и раньше явится.

Джадсон поднялся, и они вдвоем вышли из дома. Джадсон улегся в канаву рядом с коровой, и старик прикрыл его травой, так что только голова торчала над землей.

– Я тоже буду смотреть, - сказал он. - Из окна. Когда крикну, вскакивай и хватай его.

Он доковылял до хижины, поднялся наверх, завернулся в одеяло и занял свой пост у окна. Было еще рано. Луна была почти полной и продолжала подниматься. Она освещала снег на вершине горы Кения.

Спустя час старик выкрикнул в окно:

– Ты еще не уснул там, Джадсон?

– Нет, - ответил тот. - Я не сплю.

– И не надо, - сказал старик. - Делай что хочешь, только не спи.

– Корова все время хрустит, - пожаловался Джадсон.

– Пусть себе хрустит, только я тебя пристрелю, если ты поднимешься, сказал старик.

– Пристрелишь меня?

– Поднимешься - сразу пристрелю.

Оттуда, где лежал Джадсон, донеслось едва слышное всхлипывание странный судорожный вздох, точно ребенок старался не расплакаться, - и тут же послышался голос Джадсона:

– Я должен встать, пожалуйста, дай мне встать. Этот хруст...

– Если ты поднимешься, - отвечал старик, - я выстрелю тебе в живот.

Всхлипывания продолжались еще около часа, потом неожиданно прекратились.

Ближе к четырем часам утра очень сильно похолодало, и старик, плотнее закутавшись в плед, прокричал:

– Ты не замерз там, Джадсон? Холодно тебе?

– Да, - послышался ответ. - Так холодно! Но зато корова больше не хрустит. Она спит.

– Что ты собираешься сделать с вором, когда схватишь его? - спросил старик.

– Не знаю.

– Убьешь его?

Пауза.

– Не знаю. Для начала брошусь на него.

– Посмотрим, - сказал старик. - Будет, наверное, на что посмотреть.

Он смотрел в окно, опершись руками о подоконник.

И тут он услышал скользящий звук под окном и, бросив взгляд вниз, увидел черную мамбу, которая ползла по траве к корове, двигаясь быстро и чуть приподняв голову над землей.

Когда мамба оказалась в пяти ярдах от коровы, старик закричал. Он сложил ладони трубочкой и крикнул:

– Он идет, Джадсон, вон он идет. Давай хватай его.

Джадсон быстро поднял голову и тут же увидел мамбу, а мамба увидела его. Змея на секунду, быть может, на две замерла, подалась назад и подняла переднюю часть тела. Потом она бросилась на свою жертву - просто метнулось что-то черное, и послышался легкий шлепок, когда она стукнулась ему в грудь. Джадсон закричал - протяжный высокий крик, который не усиливался и не стихал, а без конца тянулся на одной ноте, пока не превратился в ничто, и наступила тишина. Он стоял, разорвав на себе рубашку и нащупывая то самое место на груди, при этом он тихо скулил, постанывал и тяжело дышал раскрытым ртом. И все это время старик спокойно сидел возле открытого окна, высунувшись наружу, и не отрывал глаз от того, там, внизу.

Когда кусает черная мамба, все происходит очень быстро; яд и на этот раз начал тотчас оказывать свое действие. Он бросил человека на землю, и тот принялся кататься по траве, выгнув спину. Не было слышно ни звука. Все происходило бесшумно, будто человек, обладающий огромной силой, борется с гигантом, которого не видно, а гигант держит его и не дает ему подняться, вытягивает ему руки, а колени прижимает к подбородку.

Затем он начал выдергивать траву и спустя короткое время повалился на спину, судорожно раскидывая ноги. Но держался он не очень долго. Скорчившись, он еще раз выгнул спину, перевернулся и остался спокойно лежать на земле лицом вниз, подогнув под себя правую ногу и вытянув руки перед головой.

Старик продолжал сидеть у окна, и, даже когда все было кончено, он не вставал с места и не шевелился. В тени под акацией что-то пришло в движение - это мамба медленно направилась к корове. Она приблизилась к ней, остановилась, приподнялась, выждала какое-то время, опустила голову и проскользнула прямо под брюхо животного. Приподнявшись еще выше, она взяла один из коричневых сосков и начала пить. Старик сидел и смотрел, как мамба берет у коровы молоко. Он снова увидел, как мягко пульсирует ее тело, когда она вытягивает жидкость из вымени.

Змея продолжала пить, когда старик поднялся и отошел от окна.

– Забирай его долю, - тихо произнес он. - Мы не против, если ты возьмешь его долю.

И с этими словами он оглянулся и снова увидел черное тело мамбы, которое, изгибаясь, поднималось от земли, соединяясь с животом коровы.

– Да-да, - снова произнес он, - мы не против, если тебе достанется его доля.

3. ПУСТЯКОВОЕ ДЕЛО

Из того, что произошло, я мало что запомнил. Что было до этого, не помню. Да вообще ничего не помню, пока это не случилось.

Была посадка в Фоуке⁷, где парни, летавшие на "бленхаймах"⁸, помогли нам и угостили нас чаем, пока заправляли наши самолеты. Помню, какие спокойные были парни с "бленхаймов". Они зашли в палаточную столовую выпить чаю и пили его молча. Напившись чаю, поднялись и вышли, так и не проронив ни слова. Я знал, что каждый из них старается сдерживаться, потому что дела у них тогда шли не очень-то хорошо. Им приходилось часто вылетать, а замен не было.

Мы поблагодарили их за чай и вышли, чтобы посмотреть, не заправили ли наши "гладиаторы". Помню, дул такой ветер, что "колдун"⁹ лежал как указатель. Песок шуршал возле наших ног, со свистом бился о палатки, и палатки хлопали на ветру, точно сшитые из брезента люди хлопали в ладоши.

– Невеселый вид у бомберов, - сказал Питер.

– Чего уж тут веселиться, - отозвался я.

– Рассердились на кого-то, что ли.

– Да не в этом дело. Просто они сыты по горло, вот и все. Но они держатся. Да ты и сам видел.

Два наших старых "гладиатора" стояли бок о бок на песке, и ребята в рубашках и шортах цвета хаки, похоже, все еще были заняты заправкой. На мне был тонкий белый хлопчатобумажный комбинезон, а на Питере - голубой. Летать в чем-либо более теплом не было нужды.

– Далеко это отсюда? - спросил Питер.

– Двадцать одна миля за Черинг-кросс, - ответил я, - справа от дороги.

Так называемый Черинг-кросс находился там, где дорога, тянувшаяся по пустыне, отходила на север к Мерса-Матруху¹⁰. Итальянские войска стояли близ Мерсы и действовали довольно хорошо. Насколько я знаю, они только здесь и действовали хорошо. Их моральный дух то поднимался, то падал, как чувствительный высотомер, и в то время он находился на отметке в сорок тысяч, потому что державы оси Берлин - Рим были на седьмом небе. Мы побродили вокруг, ожидая, когда закончат заправку.

– Дело-то пустяковое, - сказал Питер.

– Да. Ничего сложного нет.

Мы разошлись. Я забрался в свою кабину. Всегда буду помнить лицо техника, который помог мне пристегнуться. Это был немолодой уже человек, лет сорока, лысый, если не считать ухоженного пучка золотистых волос на макушке. Все его лицо было в морщинах, глаза напомнили мне глаза моей бабушки, и вид у него был такой, будто он

всю жизнь помогал пристегнуться летчикам, которые не возвращались. Он стоял на крыле, затягивал потуже ремни и говорил:

- Будь осторожнее. Об осторожности никогда нельзя забывать.
- Дело-то пустяковое, - сказал я.
- Мне так не кажется.
- Да ну. И говорить-то не о чем. Пустяки.

Что было дальше, не очень хорошо помню, но помню то, что произошло уже спустя какое-то время. Кажется, мы взлетели с Фоука и взяли курс на Мерсу и летели, кажется, на высоте футов восьмисот. Справа, кажется, мы видели море, и, кажется, - да нет, я уверен в этом, - оно было голубое и красивое, особенно было красиво, когда волны накатывались на песок, и на запад и на восток, насколько хватало глаз, тянулась толстая белая полоса. Кажется, мы пролетели над Черинг-кросс и летели двадцать одну милю, куда нам было приказано, но точно сказать не могу. Знаю лишь, что у нас были неприятности, куча неприятностей, и еще знаю, что мы повернули назад и, когда возвращались, дела пошли совсем плохо. Самая большая неприятность состояла в том, что я летел слишком низко, так что выпрыгнуть с парашютом у меня не было возможности. С этого момента память возвращается ко мне. Помню, как самолет клюнул носом, и еще помню, как я посмотрел вниз и увидел на земле несколько кустов верблюжьей колючки, жавшихся друг к другу. Помню, что я видел несколько камней, валявшихся рядом с колючкой, и вдруг верблюжья колючка, песок и камни оторвались от земли и полетели в меня. Это я помню очень хорошо.

Потом наступил небольшой провал. Возможно, он продолжался секунду, а может, и полминуты, не знаю. Наверное, он был очень короткий, с секунду, и в следующее мгновение я услышал "бах!" - это загорелся бак на правом крыле, потом снова - "бах!" - то же случилось и с баком на левом крыле. Для меня это было неважно, и какое-то время я сидел спокойно, чувствуя себя вполне нормально, хотя меня немного клонило в сон. Глаза мои ничего не видели, но и это было не важно. Поводов для волнений никаких. Совсем никаких. Вот только ногам горячо. Сначала я почувствовал тепло, но не обращал на это внимания, но вдруг ногам стало горячо, обе ноги охватил сильнейший жар.

Я знал, жар - не к добру, но только это я и знал. Мне он не нравился, поэтому я убрал ноги под сиденье и стал ждать. Думаю, нарушилась телеграфная связь между телом и мозгом. Она, кажется, не очень-то хорошо действовала. По какой-то причине она медленно передавала мозгу сообщения и столь же медленно спрашивала, что делать. Но, полагаю, сообщение в конце концов дошло. Вот оно: "Тут внизу очень горячо. Что нам делать?" И подпись: "Левая Нога и Правая Нога". Долгое время ответа не было. Мозг обдумывал сложившееся положение.

Потом медленно, слово за словом, по проводам пришел ответ: "Самолет... горит... Выберишься из него... повторяю... выберишься... выберишься". Приказ был отдан всей системе, всем мышцам ног, рук и тела, и мышцы принялись за работу. Они делали все возможное, где-то слегка что-то подтолкнули, где-то немного потянули и при этом сильно напряглись, но все без толку. Наверх ушла вторая телеграмма: "Не можем выбраться. Что-то нас держит". На сей раз на ответ ушло еще больше времени, поэтому я просто сидел и ждал, а жар между тем все усиливался. Что-то удерживало меня, а вот что - это должен был решить мозг. То ли меня держали за плечи руки гигантов, а может, то были булыжники, или дома, или катки, или шкафы, или я был связан веревками... Погодите-ка. Веревки... веревки... Послание стало доходить до меня. Но очень медленно. "Привязные ремни... расстегни привязные ремни". Руки получили послание и принялись за работу. Они потянули ремни, но те не поддавались. Они тянули и тянули, поначалу слабо, но в меру сил, а толку никакого. Ушло новое послание: "Как нам отстегнуть ремни?"

На этот раз я сидел в ожидании ответа минуты, наверное, три или четыре. Не было никакого смысла спешить или нервничать. Это единственное, в чем я был уверен. Однако как же долго приходится ждать! Я громко сказал:

– Черт побери, да я же сгорю. Я... - Но меня прервали.

Кажется, пришел ответ... нет, еще не пришел, идет, но очень медленно. "Вытащи... предохранитель... ты... болван... да побыстрее".

Я вытащил предохранитель, и ремни ослабли. Теперь надо бы выбраться. Да выбирайся же, выбирайся. Но я не мог этого сделать. Я просто высунулся из кабины. Руки и ноги старались вовсю, но безрезультатно. Наверх пулей улетел отчаянный запрос, на сей раз с пометкой "срочно".

"Что-то еще нас держит внизу, - говорилось в сообщении. - Что-то еще, что-то еще, что-то тяжелое".

А руки и ноги по-прежнему не боролись. Похоже, они чувствовали инстинктивно, что им нет смысла использовать свою силу. Они вели себя спокойно, ожидая ответа, но как же долго он не приходил! Двадцать, тридцать, сорок жарких секунд. Еще не раскаленных добела, еще не шипит горящая плоть и нет запаха горелого мяса, но это может начаться в любую минуту, потому что эти старые "гладиаторы", в отличие от "харрикейнов" и "спитфайров", сделаны не из упрочненной стали. У них полотняные, туго натянутые крылья, пропитанные абсолютно несгораемым составом, а под ними - сотни маленьких тонких реек, вроде тех, что идут на растопку, только эти суше и тоньше. Если бы какой-то умник сказал: "А смастерю-ка я этакую большую штуковину, которая загорится быстрее и будет полыхать лучше, чем что-либо на свете", и доведись ему прилежно исполнить эту задачу, то он, вероятно, смастерил бы в конце концов что-то вроде "гладиатора". Я продолжал ждать.

И вот пришел ответ, замечательный по краткости, но в то же время он все объяснил. "Парашют... открой... замок".

Я открыл замок, освободился от привязных ремней парашюта и с некоторым усилием приподнялся и перевалился за борт. Казалось, что-то горит, поэтому я покатился немного по песку, а затем отполз от огня на четвереньках и лег.

Я слышал, как в огне рвутся боеприпасы моего пулемета, и я слышал, как пули со стуком падают в песок рядом со мной. Я их не боялся, просто слышал.

Начались боли. Сильнее всего болело лицо. С лицом у меня было что-то не то. Что-то с ним произошло. Я медленно поднял руку и ощупал его. Оно было липким. Носа, казалось, не было на месте. Я попытался пощупать зубы, но не помню, пришел ли я к какому-либо заключению насчет зубов. Кажется, я задремал.

Откуда ни возьмись возник Питер. Я слышал его голос и слышал, как он суетится вокруг, кричит как сумасшедший, трясет мою руку и говорит:

– О Господи, я думал, ты все еще в кабине. Я приземлился в полумиле отсюда и бежал как черт. Ты в порядке?

– Питер, что с моим носом? - спросил я.

Я услышал, как он чиркнул спичкой в темноте. В пустыне быстро темнеет. Наступило молчание.

– Вообще-то его как бы и нет, - ответил он. - Тебе больно?

– Что за дурацкий вопрос, еще как больно.

Он сказал, что сходит к своему самолету и возьмет морфий в аптечке, но скоро вернулся и сообщил, что не смог найти свой самолет в темноте.

– Питер, - сказал я. - Я ничего не вижу.

– Сейчас ночь, - ответил он. - И я ничего не вижу.

Было холодно. Было чертовски холодно, и Питер лег рядом со мной, чтобы нам обоим было хоть немного теплее. Он то и дело повторял:

– Никогда еще не видел человека без носа.

Я без конца сплевывал кровь, и Питер всякий раз, когда я делал это, зажигал спичку. Он предложил мне сигарету, но она тотчас промокла, да мне и не хотелось курить.

Не знаю, сколько мы там оставались, да и помню еще совсем немного. Помню, я несколько раз говорил Питеру, что у меня в кармане коробочка с таблетками от горла и

чтоб он взял одну, а то заразится от меня и у него тоже заболит горло. Помню, я спросил у него, где мы находимся, и он ответил:

– Между двумя армиями.

И еще помню английские голоса - это английский патруль спрашивает, не итальянцы ли мы. Питер что-то сказал им, но не помню что.

Потом помню густой горячий суп, от одной ложки которого меня стошнило. И помню замечательное ощущение того, что Питер рядом, что он ведет себя прекрасно, делает то, что нужно, и никуда не уходит. Вот и все, что я помню.

Возле самолета стояли люди с кистями и красками и жаловались на жару.

– Разрисовывают самолеты, - сказал я.

– Да, - сказал Питер. - Отличная идея. Не всякому придет в голову.

– А зачем они это делают? - спросил я. - Расскажи.

– Картинки должны быть смешными, - сказал он. - Немецкие летчики увидят их и будут смеяться. Они будут так трястись от смеха, что не смогут точно стрелять.

– Что за ерунда!

– Да нет же! Прекрасная мысль. Чудесная. Пойдем, сам увидишь.

Мы побежали к самолетам, выстроившимся в линию.

– Прыг-скок, - приговаривал Питер. - Прыг-скок! Не отставай!

– Прыг-скок, - повторял я. - Прыг-скок!

И мы побежали вприпрыжку.

Первый самолет разрисовывал человек в соломенной шляпе и с грустным лицом. Он перерисовывал картинку из какого-то журнала, и, увидев ее, Питер сказал:

– Вот это да! Ты только посмотри, - и рассмеялся.

Сначала он издал какой-то непонятный звук, который быстро перешел в раскатистый смех. Он хлопал себя по бедрам двумя руками одновременно и раскачивался взад-вперед, широко раскрыв рот и зажмурив глаза. Шелковый цилиндр свалился с его головы на песок.

– Не смешно, - сказал я.

– Не смешно? - воскликнул он. - Что ты этим хочешь сказать - "не смешно"? Да ты на меня посмотри. Видишь, как я смеюсь? Разве могу я сейчас попасть в цель? Да я ни в телегу с сеном не попаду, ни в дом, ни в блоху.

И он запрыгал по песку, трясясь от смеха. Потом схватил меня за руку и мы попрыгали к следующему самолету.

– Прыг-скок, - приговаривал он. - Прыг-скок.

Мужчина невысокого роста с морщинистым лицом красным карандашом писал на фюзеляже что-то длинное. Его соломенная шляпа сидела у него на самой макушке, лицо блестело от пота.

– Доброе утро, - произнес он. - Доброе утро, доброе утро.

И весьма элегантно снял шляпу.

– Ну-ка, помолчи, - сказал Питер.

Он наклонился и стал читать, что написал мужчина. Питера уже разбирал смех, а начав читать, он стал смеяться еще пуще. Он покачивался из стороны в сторону, подпрыгивал на песке, хлопал себя по бедрам и сгибался в пояснице.

– Ну и дела, вот так история. Посмотри-ка на меня. Видишь, как мне смешно?

И он приподнялся на цыпочки и стал трясти головой и смеяться сдавленным смехом как ненормальный. А тут и я понял шутку и стал смеяться вместе с ним. Я так смеялся, что у меня заболел живот. Я повалился на песок и стал кататься по нему и при этом хохотал, хохотал, потому что было так смешно, что словами не передать.

– Ну, Питер, ты даешь, - кричал я. - Но как насчет немцев? Они что, умеют читать по-английски?

– Вот черт, - сказал он. - Ну и ну. Прекратите, - крикнул он. Прекратить работу.

Все те, кто был занят разрисовыванием самолетов, оставили это занятие и, медленно повернувшись, уставились на Питера. Потом приподнялись на цыпочки и, пританцовывая на месте, запели хором.

– Разрисуем самолеты и отправимся в полет мы, - пели они.

– Замолчите! - сказал Питер. - У нас проблема. Надо подумать. Где мой цилиндр?

– А при чем тут цилиндр? - спросил я.

– Ты говоришь по-немецки, - сказал он. - Вот ты и переведешь нам. Он вам переведет, - крикнул он. - Он переведет.

И тут я увидел его черный цилиндр на песке. Я отвернулся, потом крутнулся волчком и еще раз посмотрел на него. Шелковый парадный цилиндр лежал на боку на песке.

– Да ты с ума сошел! - закричал я. - Совсем рехнулся! Сам не знаешь, что делаешь. Да нас убьют из-за тебя. Ты просто ненормальный! Сам-то знаешь об этом? Свихнулся! Чокнутый какой-то.

– Ну и шуму ты наделал. Нельзя так кричать. Тебе это не идет.

Это был женский голос.

– Зачем так кипятиться? Не нужно так себя накручивать.

После этого она ушла, и я видел только небо, бледно-голубое небо. Облаков не было, но всюду были немецкие истребители - вверху, внизу, с обеих сторон, и от них некуда было деться. И сделать я ничего не мог. Они атаковали меня по очереди, а пока один атаковал, другие делали виражи и мертвые петли, беззаботно кружась и танцуя в воздухе. Но я не боялся, потому что на крыльях у меня были смешные картинки. Я держался уверенно и думал про себя: "Да я и один с целой сотней справлюсь и всех сшибу. Как рассмеются, так и начну стрелять. Вот что я сделаю".

Они подлетели ближе. Все небо кишело ими. Их было так много, что я не знал, за кем из них следить и кого атаковать. Их было так много, что они образовали сплошную черную завесу, и лишь в некоторых местах можно было увидеть кусочки голубого неба. Но самолетов хватало и на то, чтобы залатать эти прорехи, а только это и имело значение. Главное - чтобы их хватало, тогда все будет в порядке.

А они все приближались. Они подлетали все ближе и ближе и вот уже были прямо у меня перед носом, так что я видел черные кресты, которые ярко выступали на "мессершмиттах" и на фоне голубого неба. Поворачивая голову из стороны в сторону, я видел все больше самолетов и все больше крестов, а потом видел только кресты и кусочки голубого неба. Кресты соединились друг с другом, словно взяли за руки, образовали круг и стали танцевать вокруг моего "гладиатора". Моторы "мессершмиттов" радостно пели низкими голосами. Они распевали "Апельсинчики как мед"¹¹. То и дело в центр круга по очереди выходили двое из них и атаковали меня, и я понимал, что они и есть "апельсинчики". Они делали виражи, резко меняли курс, приподнимались на цыпочках и опирались о воздух то одним крылом, то другим.

Апельсинчики как мед,

В колокол Сент-Клемент бьет.

Но я по-прежнему сохранял уверенность. Я умел танцевать лучше, чем они, да и партнерша у меня была лучше. Это была самая красивая девушка на свете. Я бросил взгляд вниз и увидел изгиб ее шеи, мягкий наклон плеч, изящные руки, распростертые в страстном томлении.

Неожиданно я увидел пробоины от пуль в правом крыле. Я рассердился и одновременно испугался, но больше рассердился. Потом снова обрел уверенность и сказал про себя: "Немец, который сделал это, лишен чувства юмора. В любой компании всегда найдется человек, у которого нет чувства юмора. Но мне-то что тревожиться. Тут и тревожиться-то не о чем".

Потом я увидел еще пробоины и опять испугался. Я отодвинул фонарь кабины, приподнялся и закричал:

– Идиоты, да вы бы хоть посмотрели, что за смешные картинки! Смотрите, что нарисовано на хвосте, почитайте, что написано на фюзеляже. Вы только посмотрите на фюзеляж!

Но они продолжали делать свое дело - танцевали парами в центре крута и, приблизившись ко мне, стреляли. А двигатели "мессершмиттов" громко пели:

И Олд-Бейли, ох, сердит.

Возвращай должок! - гудит.

Все больше пробоин было в крыльях моего самолета, в капоте двигателя и в кабине.

И неожиданно пробоины появились и в моем теле.

Боли, однако, я не чувствовал, даже когда вошел в штопор и крылья моего самолета захлопали - хлоп-хлоп-хлоп, а потом они стали хлопать все быстрее и быстрее, голубое небо и черное море погнались друг за другом по кругу и наконец исчезли, и только солнце мелькало, когда я крутился. Однако черные кресты преследовали меня, продолжая танцевать и держась друг за друга. Я по-прежнему слышал пение их моторов:

Вот зажгу я пару свеч

Ты в постельку можешь лечь.

Вот возьму я острый меч

И головка твоя с плеч.¹²

Хлоп-хлоп-хлоп - били крылья, и вокруг меня не было ни неба, ни моря, осталось одно лишь солнце.

А потом было только море. Я видел его внизу и видел белые барашки на нем. "Белые барашки бегут по беспокойному морю", - сказал я про себя. Я знал, что соображаю хорошо, потому что белые барашки были на море - это я видел. И еще я знал, что времени оставалось немного, потому что море и барашки приближались, белые барашки делались все больше, а море уже было похоже на море и на воду, а не на пустую тарелку. И вот остался только один белый барашек. Он мчался с пеной у рта, поднимая брызги и выгибая спину. Он как безумный скакал по морю, один-одинешенек, и остановить его было невозможно. Вот тут я понял, что сейчас разобьюсь.

Потом стало теплее. Ни черных крестов больше не было, ни неба. Было тепло, но не жарко и не холодно. Я сидел в красном бархатном кресле. Был вечер. В спину дул ветер.

– Где я? - спросил я.

– Ты не вернулся с боевого задания. А поскольку ты не вернулся, тебя считают убитым.

– Тогда я должен сообщить об этом матери.

– Нет. Пользоваться телефоном запрещено.

– Почему?

– Отсюда звонят только Богу.

– Так что же со мной произошло?

– Не вернулся с боевого задания, считаешься убитым.

– Неправда. Это ложь. Гнусная ложь, потому что вот я здесь, а вы говорите - не вернулся. Просто вы хотите запугать меня, но вам это не удастся. Вам это не удастся, это я говорю, потому что я знаю, что это ложь, и я возвращаюсь в свою эскадрилью. Вы меня не остановите, потому что я просто встану и пойду. Видите, я уже иду, видите - иду.

Я поднялся с кресла и побежал.

– Сестра, покажите мне еще раз эти рентгеновские снимки.

– Вот они, доктор.

Снова тот же женский голос, на этот раз ближе.

– Что-то вы сегодня ночью расшумелись. Дайте я поправлю вам подушку, а то вы ее с кровати сбросите.

Голос был совсем близко. Он звучал мягко и ласково.

– Я пропал без вести?

– Ну что вы, конечно нет. С вами все в порядке.

– А мне сказали, что пропал.

– Не говорите глупости. У вас все хорошо.

Глупости, глупости, глупости, но день-то до чего хороший, и бежать никуда не хочется, и остановиться нельзя. Я продолжал бежать по траве и не мог остановиться, потому что ноги сами несли меня, и я не мог ничего с этим поделать. Они будто и не моими были, хотя когда я посмотрел вниз, то увидел, что мои, и ботинки мои, да и ноги составляют с телом одно целое. Но они не хотели слушаться меня. Они бежали себе по полю, и я вынужден был бежать вместе с ними. Я бежал, бежал, бежал, и, хотя в некоторых местах на поле встречались кочки и ухабы, я ни разу не споткнулся. Я бежал мимо деревьев и изгородей, и на каком-то поле мне встретились овцы. Они перестали щипать траву и бросились наутек, когда я пробежал мимо. Раз я увидел свою мать в светло-сером платье. Она собирала грибы. Когда я пробежал мимо, она подняла голову и сказала: "Я собрала уже почти целую корзину. Скоро пойдем домой, хорошо?" Но мои ноги не пожелали останавливаться и продолжали бежать.

Потом я увидел отвесную скалу. А за ней было темно - это я тоже видел. Вот стоит себе эта скала, а за ней сплошная темнота, хотя, когда я бежал по полю, светило солнце. Солнечные лучи не проникали дальше скалы, за которой была одна лишь темнота. "Вот, наверное, где начинается ночь", - подумал я и снова попытался остановиться, но и на этот раз не вышло. Мои ноги побежали быстрее к скале, делая большие шаги. Я попытался остановить их, схватившись за штанину, но и это не помогло. Тогда я попробовал упасть. Но мои ноги оказались проворнее, и, падая, я всякий раз приземлялся на обе ступни и продолжал бежать.

Теперь скала и темнота были гораздо ближе, и я видел, что если не остановлюсь, то свалюсь со скалы. Я еще раз попытался броситься на землю и снова приземлился на ступни и продолжал бежать.

Оказавшись у обрыва, я по-прежнему бежал быстро, а потому полетел в темноту и стал падать.

Поначалу было не очень темно. Я видел деревца, росшие на склоне скалы, и по пути я хватался за них руками. Несколько раз мне удавалось ухватиться за ветки, но те всякий раз тотчас ломались, потому что я был такой тяжелый, да и падал так быстро, а однажды я вцепился обеими руками в толстый сук. Дерево согнулось, и я услышал, как корни с треском вырываются из скалы, так что я вместе с деревом полетел дальше вниз. Потом стало темнее, потому что солнце и день остались далеко в полях за вершиной скалы. Падая, я старался не закрывать глаза и видел, как темнота из серо-черной делается черной, из черной - иссиня-черной, из иссиня-черной превращается в сплошную тьму, до того осязаемую, что я мог коснуться ее руками, а вот видеть не мог. Я продолжал падать, но было так темно, что нигде ничего не было видно. Что-либо предпринимать было бесполезно, как бесполезно было беспокоиться или думать о чем-то, и всему виной темнота и падение. Бесполезно, и все тут.

– Сегодня вы выглядите лучше. Намного лучше.

Опять женский голос.

– Привет.

– Привет. Мы уж решили, что вы никогда не придете в сознание.

– Где я?

– В Александрии. В госпитале.

– И давно я здесь?

– Четыре дня.

– Сколько сейчас времени?

– Семь утра.

– Почему я ничего не вижу?
Я услышал, что она подошла ближе.
– Просто мы ненадолго наложили вам на глаза повязку.
– Ненадолго - это насколько?
– Скоро снимем. Да вы не беспокойтесь. С вами все в порядке. Знаете, а вам очень повезло.
Я попытался ощупать свое лицо, но у меня ничего не вышло. Под пальцами было что-то другое.
– Что у меня с лицом?
Я услышал, как она подошла к кровати и коснулась моего плеча.
– Не говорите больше ничего. Вам нельзя разговаривать. От этого вам может быть только хуже. Лежите спокойно и ни о чем не беспокойтесь. У вас все в порядке.
Я услышал, как она подошла к двери, открыла, а потом закрыла ее.
– Сестра, - сказал я. - Сестра.
Но она уже ушла.

4. МАДАМ РОЗЕТТ

– О Боже, до чего же хорошо, - сказал Старик.
Он лежал в ванне: в одной руке - стакан виски с содовой, в другой сигарета. Ванна наполнилась до краев, и время от времени он добавлял горячей воды, поворачивая кран пальцами ног.
Он приподнял голову и отхлебнул виски, потом снова откинулся и закрыл глаза.
– Умоляю тебя, вылезай, - послышался голос из соседней комнаты. Вылезай, Старик, ты уже больше часа там сидишь.
Юнец сидел голый на краю кровати, медленно попивая из стакана и дожидаясь своей очереди.
– Ладно, - отозвался Старик. - Выпускаю воду.
И он протянул ногу и вытащил пальцами пробку.
Юнец поднялся и побрел в ванную со стаканом в руке. Старик полежал в ванне еще немного, потом бережно поставил свой стакан на полочку для мыла, поднялся и взял полотенце. Он был невысокого роста, приземист, с сильными толстыми ногами и выступающими икрами. У него были грубые вьющиеся рыжие волосы, а тонкое, несколько заостренное лицо покрыто веснушками. Рыжие волосы росли у него и на груди.
– Боже мой, - сказал он, глянув на дно ванны, - да я полпустыни сюда принес.
– А ты смой песок и пусти туда меня. Я пять месяцев не мылся в ванне.
Это было в начале войны, когда мы сражались с итальянцами в Ливии. Очень были трудные денечки, потому что летчиков не хватало, а летать приходилось много. Из Англии их, разумеется, не могли прислать, поскольку шла битва за Британию. Поэтому приходилось подолгу оставаться в пустыне, ведя странную, неестественную жизнь, обитая в одной и той же грязной маленькой палатке, моясь и бреясь каждый день из той же кружки, из которой до этого чистил зубы, постоянно вынимая мух из чая и из тарелок с едой, при этом песчаные бури одинаково бушевали как вне палаток, так и внутри их, и даже обычно уравновешенные мужчины ожесточались, теряли самообладание, срываясь на товарищах и злясь на самих себя. Они страдали дизентерией, "египетским поносом", у них болели уши, и их донимали все те болячки, которые неизбежны при жизни в пустыне. На них падали бомбы с итальянских С-79, у них не было воды, женщин, они не видели, чтобы из земли росли цветы. У них почти ничего не было, а был лишь песок, песок, песок.

На старых "глостер-гладиаторах" они сражались с итальянскими СР-42, а когда не летали, не знали, чем себя занять.

Иногда кто-нибудь ловил скорпионов, сажал их в канистры из-под керосина и заставлял сражаться не на жизнь, а на смерть. В эскадрилье всегда был чемпион среди скорпионов, свой Джо Луис¹³, который был непобедим и выигрывал все бои. Ему давали кличку; он становился знаменитым, а его тренировочный рацион держался под большим секретом, известный только хозяину. Считалось, что тренировочный рацион для скорпионов очень важен. Одних кормили солониной, другим давали нечто под названием "маконачиз" - отвратительные мясные консервы, третьих потчевали живыми жуками, а еще были такие, которых заставляли выпить перед боем немного пива. От пива скорпион будто бы становится счастливым и обретает уверенность. Эти последние всегда проигрывали. Но были великие битвы и великие чемпионы, а по вечерам, когда полеты заканчивались, можно было увидеть группу летчиков и техников, собравшихся на песке в кружок. Опершись руками о колени, они следили за битвой, подбадривали скорпионов и кричали, как кричат зрители во время поединка боксеров или борцов. Потом приходила победа, и хозяин победителя ликовал. Он плясал на песке, кричал, размахивал руками и громко расписывал достоинства победоносного питомца. Хозяином самого выдающегося скорпиона был сержант, которого звали Мечтатель. Он кормил чемпиона одним лишь мармеладом. У скорпиона была неприличная кличка, но он выиграл подряд сорок два боя, а потом тихо скончался во время тренировки, и это случилось как раз тогда, когда Мечтатель раздумывал над тем, не отпустить ли его для воспроизводства себе подобных.

Так что сами видите: поскольку, когда живешь в пустыне, больших радостей нет, то большими радостями становятся маленькие радости, и детские забавы становились забавами взрослых мужчин. Это относилось ко всем в равной мере: к летчикам, механикам, укладчикам парашютов, капралам, которые готовили еду, и к владельцам лавок. Это относилось и к Старика и Юнцу. Они выпросили себе отпуск на двое суток, и их подбросили самолетом до Каира. Оказавшись в гостинице, они мечтали о ванне с не меньшим нетерпением, чем молодожены ждут первой брачной ночи.

Старик вытерся и, обмотавшись полотенцем и положив руки под голову, улегся на кровати. Юнец был в ванной. Положив голову на край ванны, он постанывал и вздыхал от блаженства.

– Послушай-ка, Юнец, - произнес Старик.

– Да.

– А чем мы теперь займемся?

– Женщинами, - ответил Юнец. - Найдем женщин и пригласим их на ужин.

– Это потом, - сказал Старик. - Это может подождать.

Был еще ранний вечер.

– Мне так не кажется, - сказал Юнец.

– А по-моему, - возразил Старик, - с этим можно и подождать.

Старик был очень старым и разумным. Действовать поспешно было не в его правилах. Ему было двадцать семь лет, гораздо больше, чем кому-либо в эскадрилье, включая командира, и все весьма считались с его мнением.

– Сначала пройдемся по магазинам, - сказал он.

– А потом? - послышался голос из ванной.

– Потом обдумаем сложившуюся ситуацию.

Наступило молчание.

– Старик?

– Да.

– Ты знаешь здесь каких-нибудь женщин?

– Знал когда-то. Знал одну турчанку с очень белой кожей. Ее звали Венка. Еще была одна югославка, на голову выше меня, по имени Кики, и еще была, кажется, сирийка. Не помню, как ее звали.

- Позвони им, - сказал Юнец.
- Уже позвонил, пока ты ходил за виски. Ни одну не застал. Не вышло.
- Вот так всегда, - сказал Юнец.
- Походим сначала по магазинам, - сказал Старик. - У нас еще куча времени.

Юнец вылез из ванны через час. Оба надели на себя чистые шорты и рубашки цвета хаки и пошли вниз. Пройдя через гостиничный вестибюль, они оказались на улице, залитой жарким солнцем. Старик надел темные очки.

- Знаю, что мне нужно, - сказал Юнец. - Очки от солнца.
- Хорошо. Пойдем купим.

Они остановили извозчика и велели ему ехать в Сигурел. Юнец купил очки, а Старик - покерные кости, после чего они побрели по раскаленной многолюдной улице.

- Обратил внимание на девушку? - спросил Юнец.

– У которой ты купил очки?

– Да. Темненькая.

– Наверное, турчанка, - сказал Старик.

– Мне все равно, - сказал Юнец. - Но девчонка потрясающая. Тебе так не показалось?

Засунув руки в карманы, они шли вдоль Шариа-Каср-эль-Нил. Юнец надел только что купленные очки. Был жаркий день. Пыльная улица была переполнена египтянами, арабами и босоногими мальчишками. Мухи кружились вокруг мальчишек, жужжали возле их воспаленных глаз. Глаза у них были воспалены, потому что их матери сделали с ними что-то ужасное, когда мальчики были совсем детьми, и все затем, чтобы их не взяли в армию, когда они вырастут. Мальчишки шли следом за Стариком и Юнцом и громко кричали без устали: "Бакшиш! Бакшиш!" - и мухи преследовали попрошаек. В Каире пахнет не так, как в каком-нибудь другом городе. Пахнет тут не чем-то одним, и запах не исходит из какого-то определенного места. Им пропитано все вокруг: сточные канавы, тротуары, дома, магазины, товары, продающиеся в магазинах, еда, которая готовится тут же, лошади и лошадиный навоз на улицах. Им пропахли люди и солнце, заливающее своими лучами людей, а также сточные канавы, лошадей, еду и отбросы, валяющиеся на улицах. Это особый острый запах, в котором одновременно чувствуется и что-то сладкое, и гниющее, и жаркое, и соленое, и горькое, и он никогда не исчезает, даже прохладным ранним утром.

Два летчика медленно брели в толпе.

- Разве тебе она не показалась потрясающей? - спросил Юнец.

Ему хотелось услышать мнение Старика.

– Хороша.

– Еще как хороша. Знаешь что, Старик?

– Что?

– Я бы хотел провести вечер с этой девушкой.

Они перешли на другую сторону улицы и двинулись дальше.

- Да ради Бога, - сказал Старик. - Но почему бы тебе не позвонить мадам Розетт?

– Что еще за Розетт?

– Мадам Розетт, - поправил его Старик. - Великая женщина.

Они проходили мимо заведения, которое называлось "Бар Тима". Его держал англичанин, которого звали Тим Гилфиллан. Во время минувшей войны он был сержантом-квартирмейстером, и каким-то образом ему удалось остаться в Каире, после того как оттуда ушли военные.

- А вот и Тим, - сказал Старик. - Давай-ка заглянем к нему.

Внутри, кроме Тима, никого не было. Он был занят тем, что расставлял бутылки на полках за баром.

– Так-так-так, - сказал он, обернувшись. - Где это вы, ребята, пропадали все это время?

– Привет, Тим.
Он не помнил их, но, глядя на них, было ясно, что они явились из пустыни.
– Как там мой старый друг Грациани? - спросил он, облокотившись о стойку бара.
– Он недалеко от нас, - сказал Старик. - Около Мерсы.
– На чем вы сейчас летаете?
– На "гладиаторах".
– Вот черт, да на них же еще лет восемь назад летали.
– Это все те же, - сказал Старик. - Совсем износились.
Они взяли стаканы с виски и направились к столику в углу.
– А кто она, эта Розетт? - спросил Юнец.
Старик сделал большой глоток и поставил стакан.
– Великая женщина, - ответил он.
– Кто она такая?
– Старая грязная сирийская еврейка.
– Это ладно, - сказал Юнец, - но почему ты о ней вспомнил?
– Что ж, - ответил Старик. - Я скажу тебе. Мадам Розетт держит самый большой бордель на свете. Говорят, что она может доставить тебе любую девушку во всем Каире.
– Чушь собачья.
– Нет, так и есть. А ты возьми позвони ей и скажи, где ты видел женщину, где она работает, в каком магазине, в каком отделе, опиши ее поточнее, а все остальное она сделает сама.
– Да не будь же ты таким наивным, - сказал Юнец.
– Это правда. Чистая правда. Мне о ней в тридцать третьей эскадрилье рассказывали.
– Тебя разыграли.
– Хорошо. Давай возьмем телефонный справочник и найдем номер ее телефона.
– Под этой фамилией ее вряд ли найдешь в телефонном справочнике.
– А я тебе говорю - найдешь, - сказал Старик. - Пойди и поищи мадам Розетт. Сам увидишь, что я прав.
Юнец не верил ему, однако пошел к Тиму и попросил у него телефонный справочник. Вернувшись, он положил книгу на стол, раскрыл ее и принялся листать страницы, пока не дошел до "Роз...". Его палец двинулся по колонке. Розеппи... Розери... Розетт. Вот она, Розетт, мадам, адрес и номер телефона, все есть. Старик внимательно наблюдал за ним.
– Нашел?
– Да, вот здесь. Мадам Розетт.
– Ну так почему бы тебе не позвонить ей?
– А что я ей скажу?
Старик посмотрел на дно своего стакана и перемешал пальцами кусочки льда.
– Скажи, что ты полковник, - ответил он. - Полковник Хиггинс. Летчикам она не очень-то доверяет. И скажи, что ты видел красивую смуглую девушку, которая продает солнцезащитные очки в Сигуреле, и ты хотел бы, как ты выразился, поужинать с ней.
– Здесь нет телефона.
– Еще как есть. Вон он.
Юнец огляделся и увидел телефон, который висел на стене в конце стойки бара.
– У меня нет пиастра.
– У меня есть, - сказал Старик.
Он порылся в кармане и положил на столик монету.
– Тим услышит все, что я буду говорить.
– А какое, черт возьми, это имеет значение? Может, он и сам ей иногда звонит. - И прибавил: - Трус ты.
– А ты говнюк, - сказал Юнец.

Юнец был еще совсем ребенком. Недавно ему исполнилось девятнадцать - на восемь лет меньше, чем Старик. Он был довольно высок ростом, худой, с большой копной черных волос и красивым лицом с широким ртом; лицо его стало цвета кофе от пребывания на солнце в пустыне. Несомненно, он был лучшим летчиком в эскадрилье. Уже в начале войны он сбил четырнадцать итальянцев, что было документально подтверждено. По земле он передвигался медленно и лениво, как это делает усталый человек, и думал он медленно и лениво, как сонный ребенок, но, поднявшись в воздух, соображал быстро, и движения его становились быстрыми, настолько быстрыми, что казалось, он действует рефлекторно. Когда он ходил по земле, было такое впечатление, что он отдыхает, дремлет, чтобы накопить силы, перед тем как сесть в кабину, но зато потом он становился свежим и быстрым и готовым для двухчасовой предельной концентрации. Но сейчас Юнец находился далеко от аэродрома, и в мыслях у него было нечто такое, что заставляло его бодрствовать как во время полета. Может, это состояние и не продлится долго, но по крайней мере в ту минуту он действовал сосредоточенно.

Он еще раз взглянул на номер телефона в справочнике, потом поднялся и медленно направился к телефонному аппарату. Опустив монету в один пиастр, он набрал номер и услышал гудок на другом конце. Старик сидел за столиком и смотрел на него, тогда как Тим по-прежнему расставлял за стойкой бара бутылки. Тим находился всего-то ярдах в пяти от Юнца и явно расположился слушать, о чем пойдет разговор. Юнец чувствовал себя довольно глупо. Он облокотился о стойку бара и стал ждать, надеясь, что никто не ответит.

Но тут раздался щелчок. Трубку на том конце подняли, и он услышал женский голос:

– Алло.

– Здравствуйте, - ответил он. - Могу я поговорить с мадам Розетт?

Он не сводил глаз с Тима. Тим продолжал расставлять бутылки, делая вид, что разговор его не касается, но Юнец понял, что тот прислушивается.

– А я и есть мадам Розетт. А вы кто?

В ее голосе слышались нотки нетерпения и недовольства. Казалось, ей меньше всего хотелось, чтобы ее тревожили именно в эту минуту.

Юнец постарался сделать так, чтобы в его голосе звучала непринужденность.

– Это полковник Хиггинс.

– Полковник... как вы сказали?

– Полковник Хиггинс.

Он назвал фамилию по буквам.

– Да-да, полковник. Что вам угодно?

В ее голосе по-прежнему слышалось нетерпение. Эта женщина явно не из тех, кто станет церемониться. Он постарался держаться как можно более естественно.

– Видите ли, мадам Розетт, я тут подумал... Не могли бы вы мне помочь в одном дельце?

Юнец не отводил глаз от Тима. То, что он подслушивал, было ясно. Того, кто подслушивает, можно запросто вычислить, даже если тот и притворяется, будто ничего не слышит. В таких случаях человек старается не шуметь и делает вид, будто очень занят своей работой. Тим именно так себя и вел, переставляя бутылки с одной полки на другую, вертел их в руках, но не шумел и не оглядывался. В другом углу Старик курил сигарету, положив локти на столик. Он внимательно наблюдал за Юнцом. Ему нравилось следить за тем, что происходит, и он чувствовал, что Юнец стесняется Тима. Однако Юнцу надо было продолжать разговор.

– Я тут подумал, может, вы могли бы мне помочь, - сказал он. - Я сегодня был в Сигуреле, купил там темные очки и увидел девушку, с которой очень хотел бы сегодня поужинать.

– Как ее зовут?

Резкий скрипучий голос зазвучал по-деловому.

– Не знаю, - застенчиво ответил он.

– Как она выглядит?

– У нее... темные волосы, она... высокая и... очень красивая.

– Какое платье на ней было?

– Э-э... дайте подумать. Кажется, белое, с красными цветами.

И тут, будто его осенило, он прибавил:

– И красный пояс.

Он вспомнил, что на ней был блестящий красный пояс.

Наступила пауза. Юнец смотрел на Тима, который старался не греметь бутылками.

Он осторожно брал в руки бутылку и так же осторожно ставил ее на место.

И тут вновь послышался скрипучий голос:

– Это может обойтись вам недешево.

– Я понимаю.

Юнцу вдруг надоел весь этот разговор. Ему захотелось закончить его.

– Может, это будет стоить шесть фунтов, а то и восемь или десять. Не могу ничего сказать, пока не увижу ее. Вас это устраивает?

– Да-да, устраивает.

– Где вы остановились, полковник?

– В отеле "Метрополитен", - не задумываясь, ответил он.

– Хорошо, я вам перезвоню.

И она бросила трубку.

Юнец повесил трубку, медленно вернулся к столику и опустился на стул.

– Ну как, - спросил Старик, - удачно?

– Да вроде да.

– Что она сказала?

– Сказала, что перезвонит мне в гостиницу.

– То есть перезвонит полковнику Хиггинсу в гостиницу?

– О Господи, - пробормотал Юнец.

– Да все в порядке. Мы скажем в гостинице, что полковник находится у нас в номере и чтобы соединили с ним. Что она еще сказала?

– Что это будет дорого стоить, от шести до десяти фунтов.

– Розетт возьмет себе девяносто процентов, - сказал Старик. - Это грязная старая сирийская еврейка.

– Что она теперь собирается предпринять? - спросил Юнец.

Он был тихим человеком и теперь чувствовал себя неловко, оттого что затеял нечто такое, что может обернуться делом серьезным.

– Она поручит какому-нибудь своему своднику разыскать девушку и разузнать, кто она такая. Если она уже есть в списках, тогда все просто. Если нет, то сводник тут же в Сигуреле, не отходя от прилавка, сделает ей предложение. Если девушка скажет ему, чтобы он убирался к чертям, он поднимет цену, если она еще раз пошлет его к чертям, он снова поднимет цену, и в конце концов она соблазнится наличными и скорее всего согласится. Затем мадам Розетт назовет тебе цену в три раза больше, а разницу возьмет себе. Платить ты будешь ей, а не девушке. Разумеется, потом девушка попадет в списки Розетт, а как только она окажется у нее в лапах, ей конец. В следующий раз Розетт будет диктовать цену, и девушка не сможет с ней спорить.

– Почему?

– Потому что если она откажется, то Розетт скажет: "Ладно, моя милая, я позабочусь о том, чтобы твои хозяева в Сигуреле узнали о том, чем ты занималась в прошлый раз, как работала на меня и как использовала их магазин в собственных интересах. И тебя уволят". Вот что скажет Розетт. Несчастливая девушка перепугается и будет делать то, что ей скажут.

– Судя по всему, хороший человек, - сказал Юнец.

– Кто?

– Мадам Розетт.

– Чудесный, - сказал Старик. - Просто чудесный человек.

Было жарко. Юнец вытер лицо носовым платком.

– Еще виски, - сказал Старик. - Эй, Тим, еще пару того же.

Тим принес стаканы и, не говоря ни слова, поставил на столик. Взяв пустые стаканы, он тотчас удалился. Юнцу казалось, что он изменился по сравнению с тем Тимом, который встретил их, когда они пришли. Теперь он был не веселым, а молчаливым и безразличным. Казалось, это не тот человек, который говорил: "Привет, ребята, где вы пропадали все это время?" Зайдя за стойку бара, он повернулся к ним спиной и стал опять расставлять бутылки.

Старик спросил:

– Сколько у тебя денег?

– Думаю, фунтов девять.

– Этого может и не хватить. Ты ведь отдал ей инициативу. Надо было тебе обозначить какой-то предел. Теперь она обдерет тебя как липку.

– Знаю, - сказал Юнец.

Какое-то время они пили молча.

– Тебя что-то волнует, Юнец?

– Ничего, - был ответ. - Совсем ничего. Пошли в гостиницу. Она может позвонить.

Они расплатились за напитки и попрощались с Тимом, который кивнул им, но ничего не сказал. Они вернулись в "Метрополитен". Подойдя к администратору, Старик сказал:

– Если будут спрашивать по телефону мистера Хиггинса, переключите на наш номер. Он будет у нас.

– Да, сэр, - сказал египтянин и сделал у себя пометку.

Войдя в спальню, Старик лег на кровать и закурил сигарету.

– А вот я чем займусь сегодня вечером? - спросил он.

Юнец по дороге в гостиницу был молчалив и не произнес ни слова. Он сел на край другой кровати, так и не вынув руки из карманов.

– Послушай, Старик, - сказал он, - что-то мне больше не нравится затея с этой Розетт. Это очень дорого может стоить. Можем мы все это как-то отменить?

– Да ты что! Ты теперь связан по рукам и ногам. С Розетт такие шутки не шутят. Скорее всего, она уже этим делом занимается. Тебе никак нельзя отказываться.

– А если у меня денег не хватит? - спросил Юнец.

– А ты подожди, еще не вечер.

Юнец поднялся, подошел к парашютному мешку и вытащил бутылку виски. Он плеснул виски в два стакана, плеснул туда же в ванной воды из-под крана, вернулся и протянул один стакан Старику.

– Старик, - сказал он. - Позвони Розетт и скажи ей, что полковник Хиггинс вынужден был срочно покинуть город, чтобы вернуться в свой полк в пустыне. Позвони ей и скажи это. Скажи, что полковник просил тебя передать ей это сообщение, потому что у него не было времени.

– Сам позвони.

– Она знает мой голос. Ну давай же, Старик, звони.

– Нет, - ответил Старик. - Не буду.

– Послушай, - неожиданно заговорил Юнец другим голосом - голосом ребенка. - Я не хочу никуда идти с этой женщиной и не хочу сегодня иметь никаких дел с мадам Розетт. Давай придумаем что-нибудь другое.

Старик коротко взглянул на него и сказал:

– Ладно. Позвоню.

Он взял телефонный справочник, поискал номер и набрал его. Юнец слышал, как Старик попросил ее к телефону и передал ей сообщение полковника. Наступила пауза, потом Старик сказал:

– Простите, мадам Розетт, но я тут ни при чем. Я просто передаю то, что меня просили передать.

Еще одна пауза; потом Старик повторил то же самое еще раз, на что у него ушло довольно много времени, в результате он, похоже, устал от всего этого и положил трубку. Его разобрал смех.

– Паршивая старая сука, - говорил он сквозь смех.

– Она была недовольна? - спросил Юнец.

– Недовольна, - повторил Старик. - По-твоему, это называется "недовольна"? Да ты бы слышал ее. Хочет знать, в каком полку служит полковник и бог знает что еще. Сказала, что он за это заплатит. Вы, парни, говорит, думаете, что надо мной можно издеваться, но это вам не пройдет.

– Ура! - воскликнул Юнец. - Грязная старая еврейка.

– Чем мы теперь займемся? - спросил Старик. - Уже шесть часов.

– Пойдем пройдемся и выпьем чего-нибудь в каком-нибудь египетском заведении.

– Отлично. Походим по египетским кабакам.

Они выпили еще, а потом вышли из гостиницы. Сначала они отправились в заведение под названием "Эксельсиор", потом перешли в заведение под названием "Сфинкс", потом в небольшое заведение, названное по имени какого-то египтянина, и в десять часов, счастливые и довольные, сидели в заведении без названия вообще, пили пиво и смотрели что-то вроде представления. В "Сфинксе" они познакомились с летчиком из тридцать третьей эскадрильи, который сказал, что его зовут Уильям. Он был примерно такого же возраста, что и Юнец, но на первый взгляд казался моложе, потому что еще не летал так долго. Возраст его выдавал рот - как у ребенка. У него было круглое лицо, как у школьника, небольшой вздернутый нос, а кожа была коричневой от пребывания в пустыне.

Счастливые и довольные, они сидели втроем в заведении без названия и пили пиво. А пиво они пили потому, что ничего другого там не было. Вокруг были дощатые стены, на некрашеном деревянном полу, посыпанном опилками, стояли деревянные столы и стулья. В дальнем конце был дощатый помост, на котором шло какое-то представление. В помещении было полно египтян в красных фесках. Они пили черный кофе. На сцене находились две толстые девушки в блестящих серебряных трико и серебряных лифчиках. Одна из них виляла задом в такт музыке. Другая трясла грудями, и тоже в такт музыке. Та, что трясла грудями, была более искусной. Она могла трясти только одной грудью, а при этом еще и виляла задом. Египтяне смотрели на нее как зачарованные и не скупались на аплодисменты. Чем больше они аплодировали и чем больше она трясла грудями, тем быстрее играла музыка, и чем быстрее играла музыка, тем быстрее она трясла грудями - все быстрее, быстрее и быстрее, не сбиваясь с ритма, не переставая улыбаться застывшей бесстыжей улыбкой. Египтяне хлопали все больше и больше, по мере того как убыстрялась музыка. Все были очень счастливы.

Когда все закончилось, Уильям спросил:

– Почему у них женщины всегда такие скучные и толстые? Где же их красивые женщины?

– Египтяне любят толстых. Вроде этих, - сказал Старик.

– Быть такого не может, - сказал Юнец.

– Правду говорю, - сказал Старик. - Это у них с давних пор. Все началось с того времени, когда здесь был голод, все бедняки были худыми, а богатые и аристократы - упитанными и жирными. Так что если тебе доставалась толстуха, значит, она из высших слоев общества.

– Ерунда какая-то, - сказал Юнец.

– А мы сейчас узнаем, - сказал Уильям. - Пойду спрошу вон у тех египтян.

Он указал большим пальцем на двух египтян среднего возраста, сидевших за соседним столиком, футах в четырех от них.

– Нет, - сказал Старик. - Не надо. Они нам тут не нужны.

– Да, - сказал Юнец.

– Да, - сказал Уильям. - Мы должны узнать, почему египтяне любят толстых женщин.

Он не был пьян. Никто из них не был пьян, но выпитое пиво и виски сделали их счастливыми, а счастливее всех чувствовал себя Уильям. Его загорелое мальчишеское лицо светилось счастьем, вздернутый нос, казалось, задрался еще больше. Похоже, он впервые расслабился за много недель. Он поднялся, сделал три шага по направлению к столику, за которым сидели египтяне, и, улыбаясь, остановился перед ними.

– Господа, - сказал он, - мои друзья и я сочтем за большую честь, если вы пересядете за наш столик.

У египтян была темная лоснящаяся кожа и пухлые лица. На них были красные фески, а у одного из них был золотой зуб. Когда Уильям обратился к ним, они вроде как встревожились. Потом поняли, что к чему, переглянулись и, ухмыльнувшись, закивали головами.

– Пажалста, - сказал один из них.

– Пажалста, - сказал другой.

Они поднялись, пожали Уильяму руку и последовали за ним к столику, за которым сидели Старик и Юнец.

– Познакомьтесь с моими друзьями, - сказал Уильям. - Это Старик. Это Юнец. А меня зовут Уильям.

Старик и Юнец поднялись, все пожали друг другу руки, египтяне еще раз повторили "пажалста", и все сели.

Старик знал, что их религия запрещает им пить спиртное.

– Будете кофе? - спросил он.

Тот, у кого был золотой зуб, широко улыбнулся, поднял руки ладонями кверху и слегка пожал плечами.

– Мне - да, - ответил он. - Я к нему привык. А вот за своего друга я не могу говорить.

Старик взглянул на друга.

– Кофе? - спросил он.

– Пажалста, - ответил тот. - Я к нему привык.

– Отлично, - сказал Старик. - Значит, два кофе.

Он подозвал официанта.

– Два кофе, - заказал он. - Да, и еще кое-что. Юнец, Уильям, еще пива?

– Мне - да, - ответил Юнец. - Я к нему привык. А вот за своего друга, он повернулся к Уильяму, - я не могу говорить.

– Пожалуйста, - сказал Уильям. - Я к нему привык.

Ни тот ни другой при этом не улыбнулись.

– Отлично, - сказал Старик. - Официант, два кофе и три пива.

Официант принес заказ, и Старик расплатился. Старик поднял свой стакан и, повернувшись к египтянам, произнес:

– Будьте здоровы.

– Будьте здоровы, - сказал Юнец.

– Будьте здоровы, - сказал Уильям.

Египтяне, казалось, поняли их и подняли свои чашки с кофе.

– Пажалста, - сказал один из них.

– Спасибо, - сказал другой.

Все выпили.

Старик поставил свой стакан и сказал:

– Для нас это честь - находиться в вашей стране.

– Вам нравится?

– Да, - ответил Старик. - Очень нравится.

Снова заиграла музыка, и две толстые женщины в серебристом трико вышли на бис. Зрелище было сногшибательное. Без сомнения, то была невиданная, поистине замечательная демонстрация владения своим телом и мышцами, ибо, несмотря на то что та, которая до этого виляла задом, продолжала делать то же самое, другая, с грудями, застыла, как дуб, в центре помоста, воздев над головой руки. При этом она вертела своей левой грудью по часовой стрелке, а правой - против часовой стрелки. Одновременно она вертела задом, и все это в такт музыке. Постепенно темп музыки возрос, и по мере его нарастания скорости кручения и верчения тоже увеличивались. Некоторые египтяне были настолько заворожены тем, что груди женщины крутятся в противоположных направлениях, что невольно повторяли движения груди своими руками. Держа перед собой руки, они описывали круги в воздухе. Все топали ногами, кричали от восторга, и две женщины на сцене продолжали улыбаться своими застывшими бесстыжими улыбками.

Но вот все кончилось. Аплодисменты постепенно стихли.

– Замечательно, - сказал Старик.

– Вам понравилось?

– Еще как.

– Эти девушки, - сказал человек с золотым зубом, - они особенные.

Уильям не мог больше сдерживаться. Он перегнулся через столик и спросил:

– Могу я задать вам вопрос?

– Пажалста, - сказал Золотой Зуб. - Пажалста.

– Какие женщины вам нравятся? - спросил Уильям. - Вот такие, - и он показал руками, - тонкие? Или вот такие - толстые?

Золотой зуб ярко сверкнул за широкой улыбкой.

– Я сам, я люблю таких, толстых. - И две пухлые ладони нарисовали в воздухе большой круг.

– А ваш друг? - спросил Уильям.

– За своего друга, - ответил он, - я не могу говорить.

– Пажалста, - ответил друг. - Вот таких.

Он усмехнулся и нарисовал руками в воздухе толстую женщину.

– А почему вам нравятся толстые? - спросил Юнец.

Золотой Зуб подумал с минуту, а потом спросил:

– А вам нравятся худые, а?

– Пожалуйста, - ответил Юнец. - Мне нравятся худые.

– А почему вам нравятся худые? Скажите мне.

Юнец потер ладонью затылок.

– Уильям, - спросил он. - Тебе нравятся худые женщины?

– Мне - да, - ответил Уильям. - Я к ним привык.

– Мне тоже, - сказал Юнец. - Но почему?

Уильям задумался.

– Не знаю, - сказал он. - Сам не знаю, почему нам нравятся худые.

– Ха, - произнес Золотой Зуб. - И вы не знаете.

И он перегнулся через столик и торжествующе сказал Уильяму:

– Вот и я не знаю.

Но Уильяма такой ответ не устроил.

– Старик говорит, - сказал он, - что раньше в Египте все богатые были толстыми, а все бедные - худыми.

– Нет, - сказал Золотой Зуб. - Нет, нет и нет. Посмотрите вон на тех девушек. Очень толстые. Очень бедные. Посмотрите на королеву Египта Фариду. Очень худая. Очень богатая. Так что ошибаетесь.

– Да, но как было в давние времена? - спросил Уильям.

– Что такое - давние времена?

– Ладно, - сказал Уильям. - Оставим это.

Египтяне пили кофе и при этом производили те же звуки, что и вода, которая уходит из ванны. Выпив кофе, они поднялись, чтобы уйти.

– Уходите? - спросил Старик.

– Пажалста, - ответил Золотой Зуб.

– Спасибо, - сказал Уильям.

– Пажалста, - сказал Юнец.

Другой египтянин сказал:

– Пажалста.

А Старик сказал:

– Спасибо.

Они пожали друг другу руки, и египтяне удалились.

– Лопухи, - сказал Уильям.

– Самые настоящие, - согласился Юнец.

Все трое продолжали с удовольствием выпивать до полуночи, пока к ним не подошел официант и не сказал, что заведение закрывается и наливать больше не будут. Они в общем-то и не были пьяны, потому что выпивали медленно, и чувствовали в себе силы продолжать.

– Говорит, мы должны уйти.

– Хорошо. А куда пойдём? Куда пойдём, Старик?

– Не знаю. А куда вы хотите?

– Пойдемте в какое-нибудь заведение вроде этого, - сказал Уильям. - Мне тут понравилось.

Наступила пауза. Юнец поглаживал ладонью затылок.

– Слушай, Старик, - медленно произнес он. - Я знаю, куда хочу пойти. Я хочу пойти к мадам Розетт и спасти всех ее девушек.

– А кто это - мадам Розетт? - спросил Уильям.

– Великая женщина, - ответил Старик.

– Грязная старая сирийская еврейка, - сказал Юнец.

– Паршивая старая сука, - сказал Старик.

– Отлично, - сказал Уильям. - Пошли. Но кто она все-таки такая?

Они сказали ему, кто она такая, рассказали о телефонных разговорах, о полковнике Хиггинсе, и Уильям сказал:

– Пошли немедленно. Спасем всех девушек.

Они поднялись и вышли. Оказавшись на улице, они вспомнили, что находятся в весьма отдаленной части города.

– Придется немного пройтись, - сказал Старик. - Извозчиков тут нет.

Была темная звездная безлунная ночь. Улица была узкая и неосвещенная. На ней сильно пахло каирским запахом. Они шли в тишине, иногда проходя мимо мужчин, которые стояли в темноте по одному или по двое, прислонившись к стене, и курили.

– Говорил ведь - лопухи, - сказал Уильям.

– Самые что ни на есть, - поддержал его Юнец.

Так они и шагали нога в ногу - коренастый рыжий Старик, высокий темноволосый Юнец и высокий юный Уильям. Последний шел с обнаженной головой, потому что потерял свою фуражку. Они направлялись наугад к центру города и были уверены, что там найдут извозчика, который отвезет их к Розетт.

– А как рады будут девчонки, когда мы их освободим, - сказал Юнец.

– Еще как! - сказал Старик. - Надо будет это отметить.
– Она действительно держит их взаперти? - спросил Уильям.
– Нет, - ответил Старик. - Не совсем так. Но если мы сейчас их освободим, то им, во всяком случае сегодня, не придется работать. Видите ли, в ее заведении простые девчонки, которые днем работают в магазинах. Каждая из них совершила какую-нибудь ошибку, которой Розетт либо воспользовалась, либо узнала о ней, а теперь держит их всех на крючке. Она заставляет их приходить к ней вечером. Но они ненавидят ее и не на ее деньги живут. Будь у них возможность, так они бы зубы ей выбили.

– Мы дадим им такую возможность, - сказал Юнец.

Они перешли на другую сторону улицы.

– Слушай, Старик, а сколько там будет девушек? - спросил Уильям.

– Не знаю. Думаю, около тридцати.

– О Боже, - сказал Уильям. - Вот это будет вечеринка. Она действительно очень плохо с ними обращается?

– Ребята из тридцать третьей говорили мне, что она им ничего не платит, может акеров двадцать за ночь. С каждого клиента она берет сто или двести акеров. Каждая девушка зарабатывает для Розетт от пятисот до тысячи акеров за ночь.

– Вот это да! - воскликнул Уильям. - Тысяча пиастров за ночь, и тридцать девушек. Да она, должно быть, миллионерша.

– Самая настоящая. Кто-то прикинул, что, даже если не учитывать другой ее бизнес, она зарабатывает в пересчете на английские деньги что-то около тысячи пятисот фунтов в неделю. А это... дайте-ка подумать... пять-шесть тысяч фунтов в месяц. Шестидесят тысяч фунтов в год.

Юнец словно очнулся.

– О Господи, - произнес он. - О Господи Боже мой. Грязная старая сирийская еврейка.

– Паршивая старая сука, - сказал Уильям.

Они оказались в более цивилизованной части города, но извозчиков по-прежнему не было.

– Вы что-нибудь слышали о Доме Марии? - спросил Старик.

– Что еще за Дом Марии? - сказал Уильям.

– Место такое, в Александрии. Мария - это Розетт из Алекса¹⁴.

– Паршивая старая сука, - сказал Уильям.

– Совсем нет, - возразил Старик. - Говорят, она хорошая женщина. Но, как бы то ни было, в Дом Марии на прошлой неделе попала бомба. В порту в то время стоял военный корабль, и в заведении было полно матросов.

– Все убиты?

– Много погибло. И знаете, что было потом? Их объявили погибшими в бою.

– Адмирал - джентльмен, - сказал Юнец.

– Молодчага! - сказал Уильям.

Тут они увидели извозчика и остановили его криками.

– Но мы не знаем адреса, - сказал Юнец.

– Он знает, - сказал Старик. - К мадам Розетт, - добавил он, обращаясь к извозчику.

Извозчик ухмыльнулся и кивнул.

– Править буду я, - сказал Уильям. - Отдай-ка мне поводья, извозчик, а сам садись рядом и говори, куда ехать.

Извозчик поначалу энергично возражал, но, получив от Уильяма десять пиастров, передал ему поводья. Уильям уселся на высокие козлы, а извозчик занял место возле него. Старик и Юнец забрались в повозку.

– Взлет разрешаю, - сказал Юнец.

Уильям тронулся в путь. Лошади помчались галопом.

– Так нельзя! - завопил извозчик. - Так нельзя! Остановитесь!

– В какую сторону к Розетт? - крикнул ему Уильям.

– Остановитесь! - не унимался извозчик.

Уильям был счастлив.

– Розетт! - кричал он. - В какую к ней сторону?

Извозчик принял решение. Он решил, что единственный способ остановить этого безумца - указать ему направление.

– Сюда! - закричал он. - Налево!

Уильям резко дернул поводья, и лошади свернули налево за угол дома. Коляска повернула на одном колесе.

– Вираз круговат, - послышался голос Юнца.

– Теперь куда? - крикнул Уильям.

– Налево! - завопил извозчик.

На следующей улице они повернули налево, потом направо, потом еще пару раз свернули налево, потом снова направо, и неожиданно извозчик крикнул:

– Здесь, пажалста, здесь Розетт. Остановитесь.

Уильям с силой натянул поводья, лошади медленно задрали головы и перешли на рысцу.

– Где? - спросил Уильям.

– Здесь, - ответил извозчик. - Пажалста.

Он указал на какой-то дом ярдах в двадцати впереди. Уильям остановил лошадей прямо перед этим домом.

– Отличная работа, Уильям, - сказал Юнец.

– О Господи, - сказал Старик. - Ну ты и гнал.

– Все отлично, - сказал Уильям. - А что, не понравилось?

Он был очень счастлив.

Извозчик весь вспотел. Он был слишком напуган, чтобы выражать недовольство.

– Сколько с нас? - спросил Уильям.

– Двадцать пиастров, пажалста.

Уильям дал ему сорок и сказал:

– Большое спасибо. Отличные лошади.

Извозчик взял деньги, вскочил в коляску и укатил. Он постарался уехать как можно быстрее.

Они снова оказались на узкой темной улице, но дома здесь, насколько можно было их разглядеть, казались большими и богатыми. Тот, на который указал извозчик, был широким, с толстыми стенами, в три этажа. Построен дом был из серого бетона. Большая толстая входная дверь была распахнута настежь. Старик сказал, когда они вошли в нее:

– Теперь предоставьте все мне. У меня есть план.

Они оказались в сером каменном холле, холодном и пыльном, освещенном одной-единственной электрической лампочкой, свешивавшейся с потолка. В холле стоял человек-гора, огромный египтянин с плоским лицом и двумя изуродованными ушными раковинами. В те времена, когда он был борцом, на афишах он, наверное, значился под именем Абдул Убийца или Паша Отравитель. Теперь же на нем был грязный белый хлопчатобумажный костюм.

– Добрый вечер, - сказал Старик. - Мадам Розетт у себя?

Абдул подозрительно посмотрел на трех летчиков и после некоторого колебания ответил:

– Мадам Розетт на верхнем этаже.

– Спасибо, - сказал Старик. - Большое спасибо.

Юнец отметил, что Старик держится вежливо. Если он так себя ведет, значит, кому-то несдобровать. Когда он вел за собой эскадрилью и они, завидев врага, готовились к бою, Старик никогда не отдавал приказ, не сказав "пожалуйста", а получив ответ, неизменно говорил "спасибо". Он только что сказал "спасибо" Абдулу.

Они поднялись по голой каменной лестнице с железными перилами, миновали первую площадку, вторую, - в доме было пусто, как в пещере. Наверху, в конце третьего марша, площадки не оказалось; перед ними была стена, и ступеньки вели прямо к двери. Старик нажал на звонок. Они подождали немного, потом в двери отодвинулась планка и в образовавшейся щели показалась пара небольших черных глаз.

– Чего вам, ребята, надо? - спросил женский голос.

Старик и Юнец узнали этот голос - они слышали его по телефону.

– Мы бы хотели повидать мадам Розетт, - сказал Старик.

Слово "мадам" он произнес на французский манер, потому что был вежлив.

– Вы офицеры? Здесь обслуживают только офицеров, - произнес голос.

Она издавала звуки, напоминающие треск ломающейся доски.

– Да, - сказал Старик. - Мы офицеры.

– Что-то вы не похожи на офицеров. В каких войсках служите?

– Вэ-вэ-эс Великобритании.

Наступила пауза. Старик понял, что она раздумывает. Наверное, уже имела неприятности с летчиками. Он надеялся, что она не увидит Уильяма и особенно блеска в его глазах, ибо Уильям еще не пришел в себя, после того как они прокатились в коляске. Неожиданно планка задвинулась и дверь открылась.

– Ладно, заходите, - сказала она.

Эта женщина была очень жадной и потому не слишком разборчивой с клиентами.

Они вошли и теперь увидели ее всю. Низкого роста, толстая, с прядями сальных нечесанных черных волос на лбу, лицо крупное, цвета грязи, большой широкий нос и маленький ротик, как у рыбы, с черными усиками над верхней губой. На ней было черное атласное платье свободного покроя.

– Заходите в контору, мальчики, - сказала она и, переваливаясь с боку на бок, пошла по коридору налево.

Коридор был длинный и широкий, ярдов пятьдесят в длину и четыре-пять ярдов в ширину. Он тянулся по середине дома, параллельно улице, и, поднявшись по лестнице, нужно было повернуть налево, чтобы пройти по этому коридору. По обеим его сторонам было по восемь-десять дверей. Если, поднявшись по лестнице, поворачивали направо, то оказывались в конце коридора, но и там была одна дверь, и, когда они проходили мимо, за этой дверью слышалось журчание женских голосов. Старик отметил про себя, что в этой комнате девушки переодевались.

– Сюда, мальчики, - сказала Розетт.

Она повернула налево и зашагала по коридору, удаляясь от двери, за которой слышались голоса. Трое летчиков шли за ней следом - первым был Старик, потом Юнец, за ним Уильям. Они шли по коридору, устланному красным ковром. С потолка свисали огромные розовые абажуры. Они прошли примерно половину коридора, когда из той комнаты, где девушки переодевались, раздался крик. Розетт остановилась и оглянулась.

– Вы, мальчики, идите в контору, - сказала она, - это последняя дверь налево. Я мигом вернусь.

Она повернулась и направилась обратно к комнате, откуда был слышен крик. Однако они не пошли в контору, а, оставшись на месте, стали смотреть ей вслед. В тот самый момент, когда она подошла к гардеробной, дверь распахнулась и в коридор выбежала девушка. С того места, где они стояли, им было видно, что ее белокурые волосы растрепаны. На ней было измятое зеленое вечернее платье. Увидев перед собой Розетт, она остановилась. Они услышали, как Розетт сердито и быстро что-то сказала, а девушка громко ей ответила. Потом они увидели, как Розетт подняла свою правую руку и ладонью со всего размаха ударила девушку по лицу. Затем ударила еще раз по той же щеке. Била она сильно. Девушка подняла руки к лицу и расплакалась. Розетт открыла дверь в комнату и втокнула девушку внутрь.

– О Господи, - произнес Старик. - Тяжелая рука.

– У меня тоже, - сказал Уильям.

Юнец промолчал.

Вернувшись к ним, Розетт сказала:

– Пошли, мальчики. Небольшие неприятности, только и всего.

Дойдя до конца коридора, они вошли вслед за ней в последнюю дверь слева. Это и была контора - комната средних размеров с двумя красными плюшевыми диванами, двумя или тремя красными плюшевыми креслами и толстым красным ковром на полу. В одном углу стоял небольшой письменный стол, за который Розетт и села лицом к двери.

– Присаживайтесь, мальчики, - сказала она.

Старик сел в кресло, Юнец и Уильям - на диван.

– Итак, - сказала она. - Перейдем к делу.

В ее голосе появились резкие, нетерпеливые нотки.

Старик подался вперед. Его короткие рыжие волосы выглядели нелепо на фоне ярко-красного плюша.

– Мадам Розетт, - сказал он, - для нас огромное удовольствие познакомиться с вами. Мы так много о вас слышали.

Юнец бросил взгляд на Старика. Тот снова стал вежливым. Розетт тоже смотрела на него, при этом в ее маленьких черных глазках было подозрение.

– Поверьте мне, - продолжал Старик, - мы действительно уже довольно давно с нетерпением ждали этой встречи.

Его голос звучал так приятно и он был так вежлив, что Розетт приняла его поведение за чистую монету.

– Рада слышать это, мальчики, - сказала она. - Вы всегда можете хорошо провести здесь время. Я об этом позабочусь. А теперь к делу.

Уильям не мог больше ждать.

– Старик говорит, что вы великая женщина, - медленно произнес он.

– Спасибо, мальчики.

– И еще Старик говорит, что вы грязная старая сирийская еврейка, сказал Юнец.

– Старик говорит, что вы паршивая старая сука, - быстро добавил Уильям.

– А я знаю, что говорю, - сказал Старик.

Розетт вскочила с места.

– Это еще что такое? - заорала она.

Теперь лицо ее было не цвета грязи, а цвета красной глины. Мужчины не двигались. Они не улыбались и не смеялись, а сидели спокойно, немного подавшись вперед, и смотрели на нее.

Розетт уже имела раньше неприятности, много неприятностей, и знала, как справиться с ними. Но на этот раз случилось нечто новое. Похоже, они не были пьяны, речь не шла о деньгах или о какой-нибудь из ее девушек. Речь шла о ней самой, а ей это не нравилось.

– Убирайтесь вон, - закричала она. - Убирайтесь, если не хотите скандала.

Но они не двигались с места.

Она выждала какое-то время, потом быстро вышла из-за стола и направилась к двери. Но Старик опередил ее, и, когда она набросилась на него, Юнец и Уильям схватили ее сзади за руки.

– Запрет ее, - сказал Старик. - И уходим.

Она совсем раскричалась, а слова, которые при этом употребляла, невозможно передать, потому что это были ужасные слова. Они выплескивались из ее маленького рыбьего рта одним длинным непрерывным пронзительным криком, а вместе с ними вылетала слюна, которую она обращала в плевки. Юнец и Уильям подтолкнули ее к одному из больших кресел. Она сопротивлялась и кричала, как большая жирная свинья, которую волокут на бойню. Подведя к креслу, они резко подтолкнули ее, и она упала на него спиной. Юнец подскочил к столу, быстро нагнулся и выдернул телефонный шнур.

Старик открыл дверь, и все трое выскочили в коридор, прежде чем Розетт успела подняться. Старик вынул ключ с внутренней стороны двери и запер ее снаружи. Они стояли в коридоре.

– О Господи! - воскликнул Старик. - Ну и женщина!

– Совсем с ума сошла, - сказал Уильям. - Вы только послушайте.

Они прислушались. Женщина сначала кричала, потом стала колотить в дверь, не переставая при этом вопить совсем не женским голосом. Это был голос разъяренного быка, способного издавать членораздельные звуки.

– Теперь быстро к девушкам, - сказал Старик. - Следуйте за мной. Настройтесь на серьезный лад. На самый серьезный.

Он побежал по коридору к гардеробной, Юнец и Уильям устремились следом за ним. Перед дверью он остановился, остановились и двое других. Слышно было, как Розетт вопит в конторе.

– Ничего не говорите, - сказал Старик. - И будьте серьезны.

И он открыл дверь и вошел в комнату.

Там было около дюжины девушек. Они все уставились на него. Их разговоры прервались на полуслове. Все глаза были прикованы к Старика, стоявшему в дверях. Щелкнув каблуками, он сказал:

– Военная полиция. *Les Gendarmes Militaires*.

Он произнес это строгим голосом, с самым серьезным выражением лица, стоя в дверях по стойке "смирно". Фуражки он не снял. Юнец и Уильям находились за его спиной.

– Военная полиция, - повторил он.

Он достал свое удостоверение и, держа его двумя пальцами, показал девушкам. Те не двигались и ничего не говорили, замерев в позах, в которых их застали летчики. Казалось, будто это живые картины. Одна из них натягивала чулок, да так и застыла: сама сидит на стуле, вытянув ногу, чулок надет до колена, руки держат чулок. Другая причесывалась перед зеркалом, а обернувшись, так и замерла с поднятыми руками. Третья красила губы; она подняла глаза на Старика, а помаду по-прежнему держала у рта. Несколько девушек просто сидели на некрашенных деревянных стульях и ничем не были заняты. Они повернули головы в сторону двери, но продолжали сидеть. По большей части они были в блестящих вечерних платьях; одна или две оставались полуодетыми, но на большинстве были все-таки зеленые, голубые, красные или золотые блестящие платья. Обернувшись в сторону Старика, они так и застыли, словно живые картины.

Старик помолчал. Потом сказал:

– Должен заявить от имени властей - мы сожалеем, что вынуждены вас потревожить. Примите мои извинения, барышни. Однако вам надлежит пойти со мной для регистрации и всего такого прочего. После этого вы сможете уйти. Это простая формальность. А теперь прошу вас следовать за мной. С мадам я переговорил.

Старик умолк, но девушки по-прежнему не двигались.

– Прошу вас, - сказал Старик, - одевайтесь. Мы люди военные.

Он отступил на шаг и открыл дверь. Неожиданно картина ожила, девушки поднялись со своих мест. Некоторые выражали недоумение, другие что-то бормотали, а две или три направились к двери. За ними последовали остальные. Те, кто не успел одеться до прихода летчиков, быстро надели платья, пригладили волосы руками и также пошли к дверям. Пальто ни у кого из них не было.

– Пересчитай их, - сказал Старик Юнцу, когда девушки одна за другой стали выходить из гардеробной.

Юнец сосчитал вслух - их было четырнадцать.

– Четырнадцать, сэр, - доложил Юнец, как это сделал бы эскадронный старшина.

– Хорошо, - сказал Старик и повернулся к девушкам, которые столпились в коридоре. - А теперь, барышни, послушайте меня. У меня есть список с вашими именами,

которые мне дала мадам, так что прошу не разбегаться. И не волнуйтесь. Это простая формальность военного времени.

Уильям был в коридоре. Открыв дверь, которая вела на лестницу, он вышел первым. За ним последовали девушки, а замыкали шествие Старик и Юнец. Девушки вели себя тихо. Некоторые были озадачены и взволнованы, некоторые немного напуганы, но никто из них ничего не говорил. Лишь высокая черноволосая девушка сказала:

– Mon Dieu¹⁵, формальность военного времени. Mon Dieu, mon Dieu, что же дальше-то будет.

Но этим все и кончилось, и они пошли дальше. В холле они столкнулись с египтянином с плоским лицом и изуродованными ушами. Поначалу показалось, что неприятностей не избежать, однако Старик сунул ему в лицо свое удостоверение и сказал:

– Военная полиция. - И тот так удивился, что не предпринял никаких действий и пропустил их.

Когда они оказались на улице, Старик сказал:

– Придется немного пройти пешком, но очень немного.

И они повернули направо и пошли по тротуару. Впереди шествовал Старик, сзади - Юнец, а Уильям шагал по мостовой, охраняя фланг. Появилась луна, и было видно довольно хорошо. Уильям старался идти в ногу со Стариком, а Юнец старался идти в ногу с Уильямом. Все трое размахивали руками, высоко держали головы и казались военными хоть куда, да и вообще зрелище было еще то. Четырнадцать девушек в блестящих вечерних платьях, четырнадцать девушек, шагающих под луной в своих сверкающих голубых, красных, черных и золотых туалетах, при этом Старик идет впереди, Уильям рядом, а Юнец замыкает процессию. Зрелище было еще то.

Девушки начали болтать. Старик слышал их, но не оборачивался. Он продолжал шагать во главе колонны, а когда они подошли к перекрестку, повернул направо. Остальные последовали за ним, и, пройдя ярдов пятьдесят вдоль ряда домов, они подошли к египетскому кафе. Старик увидел его первым, и он же обратил внимание на то, что сквозь затемненные окна пробивается свет.

– Стой! - обернувшись, крикнул он.

Девушки остановились, но продолжали болтать. Было очевидно, что в их рядах зреет недовольство. Трудно заставить четырнадцать девушек шагать с вами по всему городу на высоких каблуках и в блестящих вечерних платьях. Долго во всяком случае они идти не станут, ни за что на свете, даже если это формальность военного времени. Старик знал, что так и будет, и произнес следующее.

– Барышни, - сказал он, - слушайте меня.

Однако в рядах все зрело недовольство и девушки продолжали болтать, а высокая черноволосая говорила:

– Mon Dieu, да что же это такое? Что же это происходит, о mon Dieu?

– Тихо! - сказал Старик. - Тихо!

Во второй раз он произнес это слово командным тоном. Разговоры прекратились.

– Барышни, - продолжал он.

Он опять стал вежливым. Он говорил с ними так, как только он и умеет, а когда Старик был вежлив, никто не мог перед ним устоять. Происходило нечто удивительное, потому что в его голосе звучала улыбка, тогда как губы не улыбались. В голосе звучала улыбка, а лицо оставалось серьезным. Воздействие было очень сильное, потому что у людей складывалось впечатление, будто он всерьез старается казаться приятным.

– Барышни, - заговорил он, и в его голосе прозвучала улыбка. - У военных всегда находится какая-нибудь формальность. Избежать этого нельзя. Я чрезвычайно об этом сожалею. Но есть ведь и такая вещь, как рыцарство. И вы должны знать, что особенно оно характерно для Вэ-вэ-эс Великобритании. Поэтому всем нам доставит удовольствие, если вы зайдете вместе с нами в это заведение и выпьете по стакану пива.

Он распахнул дверь кафе и сказал:

– О Господи, да давайте же выпьем. Кто хочет выпить?

И тут девушки поняли, что к чему, притом поняли все разом. А сообразив, удивились и задумались. Потом они переглянулись, посмотрели на Старика, на Юнца и на Уильяма, а когда смотрели на двух последних, то увидели в их глазах смех. Все девушки рассмеялись, рассмеялись и Уильям с Юнцом, а потом все вошли в кафе.

Высокая черноволосая девушка взяла Старика за руку и сказала:

– Mon Dieu, военная полиция, mon Dieu, o mon Dieu.

И откинув голову назад, она рассмеялась, и Старик рассмеялся вместе с ней.

– Со стороны военных это проявление рыцарства, - сказал Уильям, и они тоже пошли в кафе.

Заведение оказалось примерно таким же, как то, в котором они были до этого, - деревянные столы и стулья, пол, посыпанный опилками. Несколько египтян в красных фесках пили кофе. Уильям и Юнец составили три круглых стола и принесли стулья. Девушки расселись. Египтяне, сидевшие за другими столиками, поставили чашки, обернулись, не вставая со своих стульев, и стали на них глазеть. Они глазели на них, как жирные рыбы, выглядывающие из ила. Некоторые даже переставили стулья, чтобы лучше было видно вновь пришедших.

Подошел официант, и Старик сказал ему:

– Пиво для семнадцати человек. Принеси-ка нам всем пива.

Официант произнес "пажалста" и удалился.

Они сидели в ожидании пива и смотрели друг на друга: девушки на троих летчиков, а летчики на девушек.

– Это и есть рыцарство по-военному, - сказал Уильям.

А черноволосая высокая девушка все приговаривала:

– О mon Dieu, вы ненормальные, o mon Dieu.

Официант принес пива. Уильям поднял свой стакан и сказал:

– За рыцарство военных.

На что темноволосая девушка откликнулась:

– О mon Dieu.

Юнец ничего не говорил. Он был занят тем, что рассматривал девушек, оценивал их, пытаясь решить для себя, какая ему больше нравится, с тем чтобы тотчас приступить к делу. Старик между тем продолжал улыбаться. Девушки сидели в своих блестящих вечерних платьях - красных, золотых, голубых и зеленых, черных и серебряных, и опять возникло впечатление, будто это живая картина. Конечно, это была картина: сидят девушки, потягивают пиво, выглядят счастливыми, не испытывают более никаких подозрений, потому что они все поняли так, как нужно.

– О Господи, - проговорил Старик.

Он поставил свой стакан и огляделся.

– О Господи, да вас тут на целую эскадрилью хватит. Как бы я хотел, чтобы ребята были здесь!

Он сделал еще один глоток и вдруг отставил стакан.

– Знаю, что надо делать, - сказал он. - Официант, эй, официант!

– Пажалста.

– Принесите мне большой лист бумаги и карандаш.

– Пажалста.

Официант удалился и вскоре вернулся с листом бумаги. Вынув карандаш из-за уха, он вручил его Старика. Старик ударил по столу, призывая к тишине.

– Барышни, - сказал он, - еще одна формальность, на этот раз последняя. Больше формальностей не будет.

– Со стороны военных, - сказал Уильям.

– О mon Dieu, - произнесла черноволосая девушка.

– Дело пустяковое, - сказал Старик. - Вы должны написать на этом листе бумаги свое имя и номер телефона. Это для моих друзей из эскадрильи. Хочу, чтобы и они были счастливы, как вот я сейчас, но только без тех сложностей, через которые нам пришлось пройти.

В голосе Старика опять прозвучала улыбка. Девушкам явно нравился его голос.

– Вы окажете очень большую любезность, если сделаете то, что я прошу, продолжал он, - потому что и они хотели бы познакомиться с вами. Для них это будет удовольствием.

– Замечательно, - произнес Уильям.

– Ненормальные, - сказала черноволосая девушка, но и она написала на бумаге свое имя и номер телефона и пустила бумагу дальше по кругу.

Старик заказал еще всем по пиву. Девушки выглядели забавно в своих платьях. Между тем все записали свои имена. Вид у них был довольный, а вот Юнец казался серьезным, потому что проблема выбора была сложной и это омрачало его существование. Девушки были симпатичными, молодыми и симпатичными, все разные, очень разные, потому что среди них были и гречанки, и сирийки, и француженки, и итальянки, и египтянки со светлой кожей, и югославки, и представительницы других национальностей, но они были симпатичными, все как одна, симпатичными и привлекательными.

Лист бумаги вернулся к Старика; все девушки на нем расписались. Четырнадцать имен причудливым почерком, четырнадцать телефонных номеров. Старик не спеша ознакомился со списком.

– Этот список будет висеть на доске объявлений, - сказал он, - а на меня будут смотреть как на великого благодетеля.

– Да в штаб его надо отправить, - сказал Уильям. - Распечатать на ротаторе и разослать по всем эскадрильям. Для поддержания боевого духа.

– O mon Dieu, - проговорила черноволосая девушка. - Да вы ненормальные.

Юнец медленно поднялся, взял свой стул и, обойдя с ним стол, втиснул его между стульев двух девушек.

– Извините, - только это он и сказал. - Не возражаете, если я здесь присяду?

В конце концов он принял решение. Повернувшись к девушке, что сидела справа от него, он спокойно принялся за дело. Она была очень хороша: очень темная, очень симпатичная и очень стройная. Повернувшись к девушке и подперев подбородок рукой, Юнец заговорил с ней, совершенно забыв об остальных. Глядя на него, несложно было понять, почему он считался лучшим летчиком в эскадрилье. Он был молод, этот Юнец, но он умел концентрироваться, умел собраться и идти к цели строго по прямой. Оказавшись на извилистых дорогах, он тщательно распрямлял их и затем двигался по ним с огромной скоростью, и ничто не могло остановить его. Вот таким он был. А теперь он разговаривал с красивой девушкой, но никто не слышал, что он ей говорит.

Старик между тем задумался. Он раздумывал над тем, каков будет его следующий шаг. Когда все допивали по третьему стакану пива, он снова стукнул по столу, призывая к тишине.

– Барышни, - сказал он. - Для нас будет удовольствием проводить вас домой. Я беру с собой пять человек, - он уже все рассчитал, - Юнец тоже пять, а Лихач - четырех. Мы возьмем трех извозчиков, пять девушек я посажу в свою коляску и быстро развезу вас по домам.

– Это и есть рыцарство военных, - сказал Уильям.

– Юнец, - сказал Старик. - Эй, Юнец, тебя это устраивает? Ты возьмешь пять девушек. Тебе решать, кого высадишь последней.

Юнец оглянулся.

– Да, - ответил он. - Хорошо. Меня это устраивает.

– Уильям, ты возьмешь четырех. Каждую довезешь до дома. Понял?

– Еще как понял, - ответил Уильям. - Будет сделано.

Все поднялись и направились к двери. Высокая черноволосая девушка взяла Старика за руку и спросила:

– Ты возьмешь меня с собой?

– Да, - ответил он. - Возьму.

– А высадишь меня последней?

– Да. Высажу тебя последней.

– O mon Dieu, - сказала она. - Это просто замечательно.

Выйдя на улицу, они взяли три экипажа и разбились на группы. Юнец не терял времени. Быстро усадив своих девушек в коляску, он взобрался туда вслед за ними, и Старик видел, как они отъехали. Потом он видел, как отъехал экипаж Уильяма, при этом ему показалось, что лошади дернулись резко и едва ли не с места помчались галопом. Старик посмотрел внимательнее и увидел, что Уильям сидит на козлах с поводьями в руках.

– Поехали, - сказал Старик.

Пять его девушек заняли места в коляске. Было тесно, но все поместились. Старик тоже сел и тут почувствовал, как кто-то берет его под руку. Это была высокая черноволосая девушка. Он обернулся к ней.

– Привет, - сказал он. - Ну привет.

– Ах, - прошептала она. - Какие же вы ненормальные, черт побери.

У Старика потеплело внутри, и он принялся напевать какую-то мелодию, прислушиваясь к тому, как коляска грохочет по темным улицам.

5. КАТИНА

(Заметки о последних днях истребителей ВВС Великобритании во время первой греческой кампании)

Питер увидел ее первым.

Она совершенно неподвижно сидела на камне, положив руки на колени, и отсутствующим взглядом смотрела перед собой, ничего не видя. А вокруг нее по маленькой улочке взад-вперед сновали люди с ведрами воды. Воду они выплескивали в окна горящих домов.

На булыжной мостовой лежал мертвый мальчик. Кто-то оттащил его тело в сторону, чтобы оно никому не мешало.

Чуть поодаль какой-то старик разбирал кучу камней и булыжников. Он оттащивал камни по одному и складывал их на обочине. Время от времени он наклонялся и всматривался в развалины, снова и снова повторяя чье-то имя.

Все вокруг кричали, бегали с ведрами воды, стараясь затушить огонь. Пыль стояла столбом. А девочка преспокойно сидела на камне и смотрела прямо перед собой, не двигаясь. По ее левой щеке со лба бежала струйка крови и капала с подбородка на грязное ситцевое платье.

Увидев ее, Питер сказал:

– Посмотрите-ка вон на ту девчущку.

Мы подошли к ней. Киль положил руку ей на плечо и склонился над ней, чтобы получше рассмотреть рану.

– Похоже на шрапнель, - сказал он. - Надо бы показать ее врачу.

Мы с Питером сплели руки. Киль поднял девочку и усадил ее на руки, как на стул. Мы пошли по улицам к аэродрому. Идти нам с Питером было довольно неудобно, потому что мы нагнулись над ношей. Я чувствовал, как пальцы Питера крепко сжимают мои, и я совсем не чувствовал ягодиц маленькой девочки на моих запястьях, такие они были легкие. Я был слева от нее, и кровь капала с ее лица на рукав моего комбинезона, а с непромокаемой материи стекала на тыльную сторону руки. Девочка не двигалась и так ничего и не говорила.

– У нее довольно сильное кровотечение, - сказал Киль. - Надо бы прибавить шагу.

Я не очень-то хорошо разглядел ее лицо, потому что левая половина его была в крови, но было ясно, что она симпатичная - высокие скулы и большие круглые глаза, бледно-голубые, как осеннее небо. Белокурые волосы коротко подстрижены. Думаю, ей было лет девять.

Это было в Парамитии, в Греции, в начале апреля 1941 года. Наша истребительная эскадрилья базировалась на грязном поле близ деревни. Мы расположились в глубокой долине. Вокруг нас были горы. Холодная зима кончилась, и не успел никто разобраться, что к чему, как пришла весна. Она пришла тихо и быстро, растопив лед на озерах и сметя снег с горных вершин. Вокруг аэродрома можно было увидеть бледно-зеленые травинки, пробивавшиеся сквозь грязь и создававшие ковер для приземления самолетов. В нашей долине дули теплые ветры и росли полевые цветы.

Пройдя несколькими днями ранее через Югославию, немцы теперь вели наступление крупными силами. Днем очень высоко в небе появились тридцать пять "дорнье"¹⁶. Они сбросили бомбы на деревню. Питер, Киль и я были какое-то время свободны, и мы втроем отправились в деревню, чтобы посмотреть, нельзя ли там чем-нибудь помочь. Несколько часов мы копались в развалинах, помогали тушить огонь, и уже собирались возвращаться, когда увидели девочку.

Подходя к летному полю, мы увидели, как в небе кружатся "харрикейны", собираясь садиться. Врач, как ему и подобает, стоял перед входом в палаточный медпункт в ожидании раненых. Мы направились в его сторону с девочкой, и Киль, шедший впереди нас, сказал ему:

– Доктор, старый ты лентяй, вот тебе работенка.

Врач был молод и добр, а будучи не пьяным, мрачнел. Выпив, он очень хорошо пел.

– Отнесите ее в палатку, - сказал он.

Мы с Питером внесли ее внутрь и посадили на стул, после чего побрели к выходу, чтобы посмотреть, как дела у парней.

Смеркалось. На западе, за хребтом, был виден закат. В небе поднималась полная луна - "луна бомбардировщиков". Лунный свет освещал палатки со всех сторон, отчего те казались белыми, - маленькие белые квадратные пирамиды, теснящиеся небольшими аккуратными группами по краям аэродрома. Стоят прижавшись друг к другу, точно перепуганные овцы, а то и живые люди, - так тесно они друг к другу прижимались. Казалось, они знали, что быть беде, будто кто-то предупредил их, что их могут забыть и оставить здесь. Я смотрел на них, и мне почудилось, будто они шевелятся. Мне показалось, что они прижимаются друг к другу еще теснее.

И тут совершенно неожиданно и горы чуть теснее обступили нашу долину.

В следующие несколько дней было много полетов. Вставать приходилось на рассвете, потом вылет, воздушный бой и сон; и еще отступление армии. Это почти все. Или все, на что уходило время. Но на третий день облака закрыли горы и опустились в долину. И пошел дождь. Мы сидели в палаточной столовой, пили пиво и рецину¹⁷, а дождь между тем стучал по крыше, как швейная машинка. Потом обед. Впервые за многие дни собралась вся эскадрилья. Пятнадцать летчиков за длинным столом сидят на скамейках по обеим его сторонам, а во главе сидит Шеф, наш командир.

Только мы приступили к жареной солонине, как у входа хлопнул брезент и вошел врач в огромном плаще с капюшоном. С плаща текла вода. А под плащом была девочка. У нее была перевязана голова.

– Привет, - сказал врач. - Со мной гость.

Мы обернулись и неожиданно все встали как по команде.

Врач снял свой плащ, и маленькая девочка осталась стоять, вытянув руки по бокам. Она смотрела на мужчин, а мужчины смотрели на нее. Со своими белокурыми волосами и бледной кожей она менее всего походила на гречанку, я во всяком случае таких гречанок никогда не видел. Пятнадцать неопрятных на вид иностранцев, которые неожиданно

поднялись, когда она вошла, внушали ей страх, и с минуты она стояла полуобернувшись, будто собиралась выбежать под дождь.

– Привет, - сказал Шеф. - Ну, привет. Проходи, садись.

– Говорите по-гречески, - сказал врач. - Она вас не понимает.

Киль, Питер и я переглянулись, и Киль сказал:

– О Господи, да это же наша маленькая девочка. Отличная работа, доктор.

Она узнала Киля и подошла к нему. Он взял ее за руку и сел на скамейку. Остальные тоже сели. Мы дали ей немного жареной солонины. Она стала медленно есть, не отрывая глаз от тарелки.

– Подать сюда Перикла, - сказал Шеф.

Перикл, грек, был переводчиком, прикрепленным к эскадрилье. Замечательный был человек. Мы нашли его в Янине, где он работал учителем в местной школе. С начала войны у него не было работы.

– Дети не ходят в школу, - говорил он. - Они уходят воевать в горы. Я не могу преподавать арифметику камням.

Вошел Перикл. Он был старый, с бородой, с длинным острым носом и грустными серыми глазами. Рта не было видно, но, когда он говорил, казалось, что улыбается его борода.

– Спросите, как ее зовут, - сказал Шеф.

Тот произнес что-то по-гречески. Девочка подняла глаза и ответила:

– Катина.

Только это она и сказала.

– Послушай-ка, Перикл, - попросил Питер, - спроси у нее, зачем она сидела на груди этих развалин в деревне.

– Да оставьте вы ее в покое, ради Бога, - сказал Киль.

– Давай, Перикл, спрашивай, - повторил Питер.

– Что я должен спросить? - нахмурившись, сказал Перикл.

– Зачем она сидела на груди развалин в этой деревне, когда мы ее нашли?

Перикл опустился на скамью рядом с девочкой и снова заговорил с ней. Говорил он ласково, и видно было, как при этом улыбается и его борода. Он подбадривал девочку. Она слушала его и, казалось, раздумывала, прежде чем ответить. Потом она произнесла лишь несколько слов, которые старик и перевел:

– Она говорит, что под камнями осталась ее семья.

Дождь пошел еще сильнее. Он стучал по крыше палаточной столовой так, что брезент трясся от напора воды. Я встал и, подойдя к выходу, поднял кусок брезента. Гор из-за дождя не было видно, но я знал, что они окружают нас со всех сторон. У меня было такое чувство, будто они смеются над нами, смеются над тем, как нас мало, и еще над тем, что храбрость наших летчиков бессмысленна. Я чувствовал, что горы умнее нас. Разве это не они повернулись сегодня утром к северу в сторону Тепелена¹⁸, где увидели тысячу немецких самолетов, собравшихся под сенью Олимпа? Разве не правда, что снег над Додоной¹⁹ растаял за день и по летному полю побежали ручейки? Разве Катафиди²⁰ не спрятал свою голову в облаке, так что наши летчики, если и решатся на полет сквозь белизну, разобьются о его твердые плечи?

Я стоял и смотрел на дождь. Я точно знал, что теперь горы против нас, ибо чувствовал это нутром.

Вернувшись в палатку, я увидел, что Киль сидит рядом с Катиной и учит ее английским словам. Не знаю, преуспел ли он в этом, но он рассмешил ее, и то, что ему это удалось, замечательно. Помню, как она вдруг звонко рассмеялась. Мы все обернулись в ее сторону и увидели совершенно другое выражение лица. Только Киль мог сделать это, никто другой. Он был таким веселым, что трудно было сохранять серьезность в его присутствии. Этот веселый высокий черноволосый человек сидел на скамейке и,

подавшись вперед, что-то негромко говорил и при этом улыбался. Он учил Катину говорить по-английски. Он учил ее смеяться.

На следующий день небо прояснилось, и мы снова увидели горы. Мы патрулировали войска, которые медленно отступали в направлении Фермопил, и столкнулись с "мессершмиттами" и Ю-87, бомбившими с пикирования пехоту. Кажется, мы подбили несколько машин, но они сбили Сэнди. Я видел, как он падает. С полминуты я сидел не двигаясь и наблюдал за тем, как его самолет по спирали идет вниз. Я сидел и ждал, когда он выпрыгнет с парашютом. Помню, я включил связь и тихо произнес: "Сэнди, давай прыгай. Да прыгай же. Земля уже совсем близко". Но парашюта не было видно.

Приземлившись и вырубив к месту стоянки, мы увидели Катину, которая стояла около медпункта с врачом, - не девочка, а крошечный человечек в грязном ситцевом платье. Она стояла и смотрела, как приземляются самолеты. Когда к ней подошел Киль, она сказала:

– Tha girisis хана.

– Что это значит, Перикл? - спросил Киль.

– Просто - "ты снова вернулся", - ответил Перикл и улыбнулся.

Когда самолеты взлетали, девочка сосчитала их на пальцах и теперь обратила внимание на то, что одного самолета не хватает. Мы снимали с себя парашюты, а она все пыталась нас спросить об этом, и тут кто-то вдруг сказал:

– Смотрите. Вон они.

Они воспользовались просветом между холмами, и теперь масса тонких черных силуэтов приближалась к аэродрому.

Все бросились к окопам для укрытия, и я помню, как Киль подхватил Катину и побежал вместе с ней за нами, и еще я помню, как она всю дорогу вырывалась, точно тигренок.

Едва мы оказались в окопах и Киль отпустил ее, как она выскочила и побежала по полю. Опустившись так низко, что можно было разглядеть носы летчиков под очками, "мессершмитты" открыли огонь из пулеметов. Вокруг вскипали облачка пыли, и я увидел, как запылал один из наших "харрикейнов". Я смотрел на Катину, стоявшую прямо посреди поля. Расставив ноги, она твердо стояла на земле к нам спиной и смотрела вверх на немцев, пронесившихся мимо нее. В жизни я не видел такого маленького человечка, такого сердитого и грозного. Казалось, она кричит на них, но шум стоял такой, что слышен был только гул двигателей и стрельба авиационных пулеметов.

А потом все кончилось. Все кончилось так же внезапно, как и началось, и тут Киль сказал, пока другие молчали:

– Никогда бы так себя не повел, никогда. Даже если бы с ума сошел.

В тот же вечер Шеф подсчитал, сколько нас осталось в эскадрилье, и добавил имя Катины к списку личного состава, а начальнику материально-технического обеспечения было приказано выдать ей палатку. Таким образом 11 апреля 1941 года она вошла в списочный состав нашей эскадрильи.

Спустя два дня она знала имена или клички всех летчиков, а Киль уже выучил ее говорить "Удачно слетал?" и "Отличная работа".

Но время было очень напряженное, и, когда я пытаюсь восстановить события час за часом, в голове у меня образуется туман. Главным образом, помнится, мы сопровождали "бленхаймы" в Валону, или же атаковали с бреющего полета итальянские грузовики на албанской границе, или получали сигнал бедствия от нортумберлендского полка, в котором говорилось, что их бомбит едва ли не половина самолетов, имеющих в Европе, и у них там творится черт знает что.

Ничего этого я не помню. Толком вообще ничего не помню, если не считать Катину. Помню, как она была с нами все это время, как была всюду и, куда бы ни пришла, ей всегда были рады. Еще помню, как Бык зашел как-то вечером в столовую

после одиночного патрулирования. Бык был огромным человеком с широкими, слегка сутулыми плечами, а грудь его напоминала дубовую столешницу. До войны он много чем занимался, в основном тем, на что человек может пойти, лишь заранее уверившись, что нет разницы между жизнью и смертью. Он вел себя тихо и незаметно и в комнату или в палатку всегда заходил с таким видом, будто делает что-то не так и вообще-то он вовсе и не собирался заходить. Темнело. Мы сидели за столом и играли в шафлборд, и тут вошел Бык. Мы знали, что он только что приземлился.

Он огляделся с несколько извиняющимся видом, а потом сказал:

– Привет.

После чего подошел к стойке и потянулся за бутылкой пива.

– Бык, ты ничего не видел? - спросил кто-то.

– Видел, - ответил Бык, продолжая возиться с бутылкой пива.

Наверное, мы все были увлечены игрой в шафлборд, потому что в последующие минут пять никто не произнес ни слова. А потом Питер спросил:

– И что же ты видел, Бык?

Бык стоял, облокотившись о стойку. Он то потягивал пиво, то дул в пустую бутылку, отчего та гудела.

– Так что ты видел?

Бык поставил бутылку и посмотрел на него.

– Пять "эс семьдесят девярых", - сказал он.

Помню, я слышал, как он это произнес, но помню и то, что игра шла интересная и Киль должен был выиграть еще одну партию. Мы все наблюдали за тем, как он ее проигрывает.

– Киль, по-моему, ты проиграешь, - сказал Питер.

А Киль ему на это ответил:

– Да иди ты к черту.

Мы закончили игру. Я поднял глаза и увидел, что Бык по-прежнему стоит прислонившись к стойке и заставляет гудеть бутылку.

– Звук такой, будто "Мавритания"²¹ заходит в нью-йоркскую гавань, - сказал он и снова загудел своей бутылкой.

– А что случилось с "эс семьдесят девятыми"? - спросил я.

Он отставил бутылку в сторону.

– Я их сбил.

Все это услышали. В ту минуту одиннадцать летчиков, находившихся в палатке, оторвались от того, чем занимались, одиннадцать голов повернулись в сторону Быка и все уставились на него. Он сделал еще один глоток пива и тихо произнес:

– В воздухе я насчитал восемнадцать парашютов.

Спустя несколько дней он вылетел на боевое патрулирование и больше не вернулся.

Вскоре после этого Шеф получил предписание из Афин. В нем говорилось, что эскадрилья должна перебазироваться в Элевсин и вести оттуда оборону самих Афин, а также обеспечивать прикрытие войск, отступающих через горный проход Фермопилы.

Катина должна была отправиться с грузовиками. Мы поручили врачу проследить за тем, чтобы она добралась благополучно. На поездку у них должен был уйти один день. Нас было четырнадцать, и, перелетев через горы к югу, в половине третьего мы приземлились в Элевсине. Аэродром был отличный, со взлетно-посадочными полосами и ангарами, но еще лучше было то, что до Афин было всего-то двадцать пять минут на машине.

В тот вечер, когда стемнело, я стоял возле своей палатки. Засунув руки в карманы, я смотрел, как садится солнце, и думал о работе, которую нам предстояло сделать. Чем больше я думал о ней, тем сильнее укреплялся в мысли о том, что сделать ее невозможно. Я взглянул вверх и снова увидел горы. Здесь они находились еще ближе. Обступив нас

со всех сторон, они стояли плечо к плечу, высокие, голые, с головами в облаках. Они окружали нас отовсюду, кроме юга, где были Пирей и открытое море. Я знал, что каждую ночь, когда было очень темно, когда мы все, усталые, спали в наших палатках, эти горы бесшумно подкрадываются к нам поближе, и это будет происходить до тех пор, пока в назначенный день они не свалятся огромной грудой в море и не увлекут нас за собой.

Из палатки вышел Киль.

– Ты видел горы? - спросил я.

– Там полно богов. Ничего хорошего в этом нет, - ответил он.

– Лучше бы они стояли на месте, - сказал я.

Киль посмотрел на огромные скалистые Парнес и Пентеликон.

– Там полно богов, - повторил он. - Иногда посреди ночи, когда светит луна, можно увидеть богов, восседающих на вершинах. Один из них был на Катафиди, когда мы стояли в Парамитии. Громадный, как дом, только бесформенный и совершенно черный.

– Ты его видел?

– Конечно видел.

– Когда? - спросил я. - Когда ты его видел, Киль?

– Поехали-ка лучше в Афины, - сказал Киль. - Посмотрим на афинских женщин.

На следующий день на аэродром с грохотом въехали грузовики с наземным оборудованием. Катина сидела на переднем сиденье ведущего грузовика, а рядом с ней сидел врач. Соскочив с подножки, она замахала рукой и побежала нам навстречу. Она смеялась и произносила наши имена на греческий лад. На ней по-прежнему было все то же грязное ситцевое платье, и голова ее была перевязана, однако солнце сияло в ее волосах.

Мы показали ей палатку, которую для нее приготовили, а потом показали и ночную рубашку из хлопка, которую Киль накануне достал каким-то загадочным образом в Афинах. Та была белой, а спереди на ней было вышито много маленьких голубых птичек. Нам всем казалось, что это очень красивая вещь. Катина захотела тут же ее надеть, и мы очень долго убеждали ее, что эта рубашка только затем, чтобы в ней спать. Шесть раз Киль вынужден был разыгрывать непростую сцену, в ходе которой делал вид, будто надевает ночную рубашку, потом запрыгивает на кровать и быстро засыпает. В конце концов она все поняла и энергично закивала головой.

В следующие два дня ничего не произошло, если не считать того, что с севера явились остатки другой эскадрильи и присоединились к нам. Они доставили шесть "харрикейнов", так что всего у нас стало машин двадцать.

Потом мы стали ждать.

На третий день появился немецкий разведывательный самолет. Он кружил высоко над Пиреем. Мы бросились за ним, но опоздали, что и понятно, поскольку наш радар весьма особенный. Теперь он уже вышел из употребления, и я сомневаюсь, что им когда-нибудь снова будут пользоваться. По всей стране: во всех деревнях, на островах - всюду были греки, и все они были связаны посредством полевого телефона с нашим маленьким командным пунктом.

Офицера оперативного отдела штаба у нас не было, поэтому дежурили мы по очереди. Моя очередь пришла на четвертый день, и я четко помню, что произошло в тот день.

В половине седьмого утра зазвонил телефон.

– Это а-семь, - произнес голос, звучащий очень по-гречески. - Это а-семь. Слышу шум наверху.

Я посмотрел на карту. Прямо возле Янины на ней был нарисован кружочек, а внутри написано - "А-7". Я поставил крестик на целлулоиде планшета с полетной картой и написал рядом "шум", а также время: "0631".

Через три минуты телефон снова зазвонил.

– Это а-четыре. Это а-четыре. Надо мной много шумов, - проговорил старческий дребезжащий голос, - но я ничего не вижу из-за облачности.

Я взглянул на карту. А-4 - это гора Каравы. Я поставил еще один крестик на целлулоиде и написал: "Много шумов. 0634", а потом провел линию между Яниной и Каравой. Линия шла к Афинам, поэтому я дал сигнал дежурным экипажам на взлет, и они поднялись в воздух и начали кружить над городом. Потом они увидели над собой Ю-88, который производил разведку, но так и не добрались до него. Вот так работал радар.

В тот вечер, сменившись с дежурства, я не мог выбросить из головы мысли о старом греке, который сидел один-одинешенек в хижине на А-4. Сидит он себе на склоне Каравы, вглядывается в белизну и прислушивается днем и ночью к разным звукам в небе. Я представил себе, с какой жадностью он схватился за телефон, когда что-то услышал, и какую, должно быть, ощутил радость, когда голос на другом конце повторил сообщение и поблагодарил его. Интересно, во что он одет, подумал я, теплые ли на нем вещи, и еще почему-то я подумал о его ботинках, у которых, наверное, не осталось подошв, а внутри он напихал кору и бумагу.

Это было семнадцатого апреля. Это было в тот вечер, когда Шеф сказал:

– Говорят, немцы в Ламии, а это означает, что мы в пределах досягаемости их истребителей. Вот завтра повеселимся.

И повеселились. На рассвете налетели бомбардировщики. Над ними кружились истребители и следили за бомбардировщиками, выжидая момент, когда нужно будет устремиться вниз, однако пока никто не мешал бомбардировщикам, они ничего не предпринимали.

Еще до их появления мы подняли в воздух, наверное, восемь "харрикейнов". Моя очередь взлетать еще не пришла, поэтому мы стояли с Катиной и наблюдали за боем с земли. Девочка не говорила ни слова. Она то и дело вертела головой, следя за маленькими серебристыми точками, танцевавшими высоко в небе. Я увидел, как падает самолет, за которым стелется след черного дыма, и посмотрел на Катину. Ее лицо выражало ненависть. То была сильная жгучая ненависть старухи, которая носит ее в своем сердце. То была ненависть женщины, немало повидавшей на своем веку, и это было странно.

В том бою мы потеряли сержанта по имени Дональд.

В полдень Шеф получил еще одно предписание из Афин. В нем говорилось, что моральный дух в столице сломлен и все имеющиеся "харрикейны" должны пролететь парадным строем низко над городом, дабы продемонстрировать жителям, насколько мы сильны и как много у нас самолетов. Мы взлетели, все восемнадцать. Мы летали туда-сюда в тесном боевом порядке над главными улицами, едва не задевая крыши домов. Я видел, как люди смотрят на нас, подняв головы, приставив к глазам ладони, чтобы защититься от солнца, а на одной улице я увидел старуху, которая вообще не смотрела вверх. Никто не махал нам рукой, и я понял, что они смирились со своей судьбой. Никто не махал рукой, и я понял, хотя и не видел их лиц, что они отнюдь не рады тому, что мы тут летаем.

Потом мы направились к Фермопилам, но по дороге дважды облетели Акрополь. Я впервые увидел его так близко.

Я увидел небольшой холм - может, курган, как мне показалось, - а на вершине его стояли белые колонны. Их было много, и они были выстроены в совершенном порядке, а не сгрудившись возле какой-нибудь одной, белые на солнце. Глядя на них, я подумал, как это кому-то удалось расставить так много колонн на вершине такого маленького холма, и расставить столь изящно.

Потом мы перелетели через горный проход Фермопилы, и я видел длинные транспортные обозы, медленно двигавшиеся в южном направлении к морю. Когда снаряд падал в долину, то тут, то там появлялось облачко белого дыма. Я видел, как в результате прямого попадания в обозе возник разрыв. Но вражеских самолетов мы не видели.

Когда мы приземлились, Шеф сказал:

– Быстро заправляйтесь и взлетайте еще раз. По-моему, они хотят застать нас на земле.

Но было поздно. Они ринулись на нас с небес через пять минут, после того как мы приземлились. Помню, я находился в комнате летчиков в ангаре номер два и разговаривал с Килем и большим высоким человеком со взъерошенными волосами, которого звали Пэдди. Мы услышали, как по рифленой железной крыше ангара застучали пули, потом раздались взрывы, и мы все трое бросились под небольшой деревянный стол, стоявший посреди комнаты. Но стол перевернулся. Пэдди поставил стол и заполз под него.

– Все-таки хорошо под столом, - сказал он. - Я не чувствую себя в безопасности, пока не заберусь под стол.

– А я вообще никогда не чувствую себя в безопасности, - сказал Киль.

Он сидел под столом и смотрел, как пули дырявят рифленую железную стену комнаты. Когда пули застучали по жести, поднялся жуткий грохот.

Потом мы осмелели, вылезли из-под стола и выглянули за дверь. Над аэродромом кружилось много "Мессершмиттов-109". Они вываливались из строя один за другим и пикировали на ангары, поливая землю из пулеметов. Но это еще не все. Пролетая над нами, они сдвигали фонари кабин и выбрасывали небольшие бомбы, которые взрывались, едва касаясь земли, и с ужасной силой разбрасывали во все стороны и в большом количестве крупную шрапнель. Именно эти взрывы мы и слышали, и, когда шрапнель стучала об ангар, поднимался большой шум.

Потом я увидел, как техники, стоя в окопах, вели по "мессершмиттам" ружейный огонь. Они перезаряжали винтовки и быстро стреляли, ругаясь и крича при каждом выстреле, при этом целились неумело, безнадежно рассчитывая попасть в самолет. Другой обороны в Элевсине не было.

Неожиданно все "мессершмитты" развернулись и ушли, кроме одного, который спланировал вниз и приземлился на аэродроме на брюхо.

Поднялась суматоха. Греки подняли крик, забрались на пожарную машину и направились к потерпевшему аварии немецкому самолету. В то же самое время отовсюду высыпало еще сколько-то греков. Все они кричали, требуя крови летчика. Толпа жаждала мести, и людей нельзя было за это винить. Но были и другие соображения. Нам нужен был летчик для допроса, и он нужен был живой.

Шеф что-то крикнул нам от бетонированной площадки перед ангаром, и мы с Килем и Пэдди бросились к фургону, стоявшему в пятидесяти ярдах от нас. Шеф молнией влетел в кабину, завел мотор и рванул с места; мы трое успели вскочить на подножку. Пожарная машина с греками двигалась медленно, а проехать предстояло еще двести ярдов, людям же нужно было бежать за ней. Шеф ехал быстро, и мы обошли их ярдов на пятьдесят.

Спрыгнув с подножки, мы подбежали к "мессершмитту". В кабине сидел белокурый мальчик с розовыми щеками и голубыми глазами. Я никогда не видел человека, на лице которого был бы написан такой страх.

Он сказал Шефу по-английски:

– Я ранен в ногу.

Мы вытащили его из кабины и посадили в машину. Греки стояли и смотрели на него. Пуля раздробила ему голень.

Мы отвезли его назад и препоручили врачу. Катина подошла близко к немцу и стала смотреть ему в лицо. Девятилетний ребенок стоял и смотрел на немца, не в силах произнести ни слова; она и двигаться была не в состоянии. Уцепившись руками за подол платья, она не сводила глаз с лица летчика. "Тут что-то не так, - казалось, говорила она. - Вышла какая-то ошибка. У этого розовые щеки, белокурые волосы и голубые глаза. Он никак не может быть одним из них. Это же самый обыкновенный мальчик". Его положили на носилки и унесли, и только после этого она повернулась и побежала к своей палатке.

Вечером на ужин я ел жареные сардины, а вот ни хлеб, ни сыр есть не мог. Три дня я маялся животом. У меня сосало под ложечкой, как это бывает перед операцией или перед удалением зуба. Это продолжалось целыми днями, с раннего утра, когда я просыпался, и до позднего вечера, когда засыпал. Питер сидел напротив меня. Я рассказал ему об этом.

– У меня такое было неделю, - сказал он. - Для кишечника это нормально. Потом лучше работать будет.

– Немецкие самолеты - как таблетки от печени, - сказал Киль, сидевший в конце стола. - От них одна польза, разве не так, доктор?

– А ты не переборщил с этими таблетками? - спросил врач.

– Может быть, - ответил Киль. - Принял слишком большую дозу немецких таблеток от печени. Не прочитал инструкцию на пузырьке, а там сказано: "Принимать по две штуки перед выходом в отставку".

– С удовольствием бы вышел в отставку, - сказал Питер.

После ужина мы пошли все трое вместе с Шефом к ангарам.

Шеф сказал:

– Меня беспокоит эта атака с бреющего полета. Они никогда не атакуют ангары, потому что знают, что у нас там ничего нет. Думаю, сегодня надо бы завести четыре самолета в ангар номер два.

Мысль хорошая. Обычно "харрикейны" были рассредоточены по краю аэродрома, но их поражали один за другим, потому что нельзя все время находиться в воздухе. Мы все четверо сели в машины и зарулили их в ангар номер два, потом задвинули большие скользкие ворота и заперли их.

На следующее утро, когда солнце еще не поднялось из-за гор, прилетела стая Ю-87 и попросту смела ангар номер два с лица земли. Попадание было точным, и они даже не стали бомбить ангары, стоявшие рядом.

Днем они достали Питера. Он вылетел в сторону деревни под названием Халкис, которую бомбили Ю-87, и больше его никто не видел. Веселый, смешливый Питер. Его мать жила на ферме в Кенте. Она присылала ему письма в длинных бледно-голубых конвертах, которые он всюду носил с собой в карманах.

Я всегда жил в одной палатке с Питером, с того самого времени, когда появился в эскадрилье, и в тот вечер, как только я лег спать, он вернулся в эту палатку. Вы можете не верить мне; я и не жду, чтобы вы поверили, но рассказываю так, как было.

Я всегда ложился спать первым, потому что в этих палатках не хватит места для того, чтобы двое возились в ней одновременно. Питер обычно заходил минуты через две-три. В тот вечер, улегшись спать, я лежал и думал о том, что сегодня он не придет. Я думал, что его тело, наверное, осталось в обломках самолета на склоне продуваемой ветром горы, а может, лежит на дне моря. Мне оставалось лишь надеяться на то, что у него были достойные похороны.

Неожиданно я услышал какое-то движение. Кусок брезента на входе приподнялся и снова опустился. Но шагов не было слышно. Потом я услышал, как он садится на кровать. Этот звук я слышал каждую ночь в течение последних нескольких недель, и всегда он был один и тот же. Человек садится на походную кровать, и ее деревянные ножки скрипят. Один за другим скидываются на землю летные ботинки, и, как обычно, на то, чтобы снять один из них, уходит в три раза больше времени, чем на другой. После этого едва слышно шуршит одеяло, а потом под весом тела мужчины скрипит шаткая койка.

Эти звуки я слышал каждую ночь, одни и те же звуки в одной и той же последовательности. Вот и сейчас я приподнялся на кровати и произнес: "Питер". В палатке было темно. Мой голос прозвучал очень громко.

– Привет, Питер. Ну и не повезло же тебе сегодня.

Но ответа не последовало.

Мне не было не по себе, я не испытывал чувства страха, но помню, что я дотронулся до кончика носа, чтобы убедиться, что не сплю. А потом я уснул, потому что очень устал.

Утром я посмотрел на постель и увидел, что она смята. Но я ее никому не показал, даже Килу. Я снова ее застелил и взбил подушку.

В этот день, 20 апреля 1941 года, мы участвовали в битве за Афины. Наверное, это был последний из великих воздушных боев, потому что в наши дни самолеты всегда летают в плотных боевых порядках авиакрыльев и эскадрилий, и атака осуществляется строго научно по приказам ведущего группы, и таких боев, как тот, больше, пожалуй, не будет. В наши дни воздушных боев вообще не бывает, за исключением очень редких случаев. Но битва за Афины была продолжительным, красивым воздушным боем, в ходе которого пятнадцать "харрикейнов" полчаса бились с немецкими бомбардировщиками и истребителями, которых было от ста пятидесяти до двухсот.

Бомбардировщики появились первыми где-то днем. Был чудесный весенний день, и впервые солнце светило по-летнему тепло. Небо было голубое, правда, на нем то тут, то там плавали клочковатые облака, а горы на фоне голубого неба казались черными.

Пентеликон больше не прятал свою голову в облаках. Он навис над нами, мрачный и грозный, следил за каждым нашим шагом и знал, что от всего, что мы ни делаем, мало толку. Люди глупы и созданы лишь для того, чтобы умереть, а вот горы и реки живут вечно и течения времени не замечают. Да разве сам Пентеликон не глядел сверху вниз на Фермопилы и не видел горстку спартанцев, защищавших проход от посягателей, разве не видел, как они бились до последнего? Разве он не видел, как Леонид²² рубится у Марафона, и разве он не смотрел сверху вниз на Саламин и на море, когда Фемистокл и афиняне оттеснили врага от своих берегов, вынудив его потерять больше двухсот парусных судов?²³ Все это он видел, как и многое другое, а теперь он смотрел на нас сверху вниз. В его глазах мы были ничто. Мне даже показалось, будто я увидел презрительную улыбку и услышал смех богов. Уж им-то отлично известно, что нас мало и в конце концов мы потерпим поражение.

Бомбардировщики налетели вскоре после обеда. Сразу же было видно, что их много. Глядя на небо, мы видели, что на небе полно маленьких серебряных точек. Солнечные лучи плясали и сверкали на сотне самых разных крыльев.

Всего было пятнадцать "харрикейнов", грозных как ураган²⁴. Нелегко вспомнить подробности этой битвы, но я помню, как смотрел на небо и видел массу маленьких черных точек. Помню, я тогда еще подумал, что это точно не самолеты; ну не могут они быть самолетами, потому что на свете нет столько самолетов.

Потом они полетели на нас, и я помню, как выпустил щиток-закрылок, чтобы иметь возможность делать более крутые виражи. Еще в моем мозгу отпечаталось, как из пулеметов "мессершмитта", атаковавшего меня на встречно-пересекающихся курсах справа, вырывались вспышки пламени. Как загорелся, едва раскрывшись, парашют немца. Как ко мне подлетел немец и стал делать пальцами неприличные знаки. Как "харрикейн" столкнулся с "мессершмиттом". Как самолет налетел на летчика, спускавшегося с парашютом, после чего самолет вошел в жуткий безумный штопор и помчался к земле вместе с летчиком и парашютом, прицепившимся к его левому крылу. Как столкнулись два бомбардировщика, которые изменили курс, уклоняясь от истребителя, и я отчетливо помню, как человека выбросило из дыма и обломков и как он висел какое-то время в воздухе, раскинув руки и ноги. Говорю вам, в этой битве было все, что только может произойти. В какой-то момент я видел, как одинокий "харрикейн" кружит вокруг вершины горы Парнес, близко прижимаясь к ней, а на хвосте у него сидят девять "мессершмиттов", а потом, помню, на небе начало неожиданно проясняться. Самолеты исчезли из виду. Битва закончилась. Я развернулся и полетел назад, в сторону Элевсина. По дороге я видел внизу Афины и Пирей и берег моря, огибавший залив и уходивший к югу, к Средиземному морю. Я видел разбомбленный порт Пирей. Над горевшими доками

поднимался дым. Я видел узкую прибрежную равнину и крошечные костры на ней. Тонкие струйки черного дыма, извиваясь, тянулись вверх и плыли в восточном направлении. Это горели сбитые самолеты, и мне оставалось лишь уповать на то, что среди них нет "харрикейнов".

И тут я увидел "Юнкерс-88". Этот бомбардировщик, последним возвращавшийся с задания, отстал от строя. У него были неприятности - черный дым струился от одного из его двигателей. Хотя я выстрелил в него, думаю, можно было этого и не делать. Он все равно снижался. Мы летели над морем, и мне было ясно, что до суши он не дотянет. И не дотянул. Он мягко сел на брюхо в Пирейском заливе, в двух милях от берега. Я покружил над ним, чтобы убедиться, что экипаж благополучно заберется в надувную лодку.

Машина начала медленно тонуть, погружаясь носом в воду, тогда как ее хвост поднимался в воздух. Однако экипажа не было видно. Неожиданно хвостовая огневая установка "юнкерса" открыла огонь, и пули проделали небольшие рваные отверстия в моем правом крыле. Я свернул в сторону и, помню, заорал на них. Я отодвинул крышку кабины и крикнул: "Эй вы, паршивые мерзавцы! Тоже мне, смельчаки! Да чтоб вы все утонули". Бомбардировщик скоро затонул.

Когда я вернулся, все стояли возле ангаров и считали вернувшиеся самолеты, а Катина сидела на ящике, и по ее щекам катились слезы. Но она не плакала. Киль стоял на коленях рядом с ней и тихо, нежно говорил ей что-то по-английски, забыв, что она ничего не понимает.

Мы потеряли в этой битве треть наших "харрикейнов", но немцы еще больше.

Врач накладывал повязку летчику, получившему ожог.

– Ты бы слышал, как радовались греки, когда бомбардировщики падали с неба, - посмотрев на меня, сказал он.

Мы стояли и разговаривали, и тут подъехал грузовик, из которого вышел грек и сказал, что у него в машине части тела.

– Эти часы, - говорил он, - с чьей-то руки.

Часы были наручные, со светящимся циферблатом и инициалами на обратной стороне. Мы не стали заглядывать в грузовик.

Теперь, думал я, у нас осталось девять "харрикейнов".

В тот вечер из Афин приехал очень высокий начальник из Военно-воздушных сил Великобритании и заявил:

– Завтра на рассвете вы все летите в Мегару. Это миль десять вдоль побережья. Там есть маленькое поле, на котором сможете приземлиться. Солдаты подготовят его за ночь. У них там два больших катка, и они выравнивают поле. Как только приземлитесь, спрячьте самолеты в оливковой роще, которая находится с южной стороны поля. Наземная служба переместится дальше к югу в Аргос, и вы присоединитесь к ней позднее, однако день или два можете действовать и из Мегары.

– А где Катина? - спросил Киль. - Доктор, разыщите Катину и проследите, чтобы она благополучно добралась до Аргоса.

– Хорошо, - ответил врач.

Мы знали - на него можно положиться.

На следующее утро, на рассвете, когда было еще темно, мы взлетели и направились к маленькому полю в Мегаре, что в десяти милях. Приземлившись, мы спрятали наши самолеты в оливковой роще. Наломав веток, закрыли ими самолеты. Потом уселись на склоне холма в ожидании приказаний.

Когда солнце поднялось над горами, мы увидели толпу греческих крестьян, которые направлялись из деревни Мегара в сторону нашего поля. Их было несколько сотен, в основном женщины и дети, и они все шли к полю и при этом спешили.

– Что за черт, - сказал Киль.

Мы поднялись и стали на них смотреть в ожидании дальнейших действий с их стороны.

Подойдя к полю, они разбрелись и принялись собирать охалками вереск и папоротник. Потом, выстроившись друг за другом, стали разбрасывать вереск и папоротник по траве. Таким образом они маскировали наш аэродром. Катки, проехав по земле, оставили легко видимые сверху полосы, вот греки - все мужчины, женщины и дети - и пришли из деревни, чтобы исправить ситуацию. Я и сегодня не знаю, кто просил их об этом. Они вытянулись в длинную линию на поле и медленно двигались, разбрасывая вереск. Мы с Килем тоже походили среди них.

В основном там были старые женщины и мужчины, очень маленькие и очень печальные с виду, с темными лицами в глубоких морщинах. Разбрасывая вереск, они работали медленно. Когда мы проходили мимо, они прекращали работу и улыбались, говоря что-то по-гречески, чего мы не понимали. Кто-то из детей протянул Килю маленький розовый цветочек, и он, не зная, что с ним делать, так и ходил с цветком в руке.

Потом мы вернулись к тому месту на склоне холма, где сидели прежде, и стали ждать. Скоро зазвонил полевой телефон. Говорил офицер очень высокого ранга. Он сказал, что кто-нибудь должен немедленно вылететь обратно в Элевсин, чтобы забрать оттуда важные сообщения и деньги. Он также сказал, что мы все должны оставить наше маленькое поле в Мегаре и вечером отправиться в Аргос. Летчики решили дожидаться, когда я вернусь с деньгами, чтобы полететь в Аргос всем вместе.

В то же время кто-то сказал двум солдатам, которые продолжали выравнивать поле, чтобы они уничтожили катки, иначе те достанутся немцам. Когда я забирался в свой "харрикейн", то, помню, видел, как два огромных катка двигаются по полю навстречу друг другу. Помню, как солдаты отпрыгнули в сторону, прежде чем катки столкнулись. Раздался оглушительный скрежет, и я видел, как все греки, разбрасывавшие вереск, прекратили работу и замерли на месте, глядя на катки. Потом кто-то из них побежал. Это была старуха. Она побежала в сторону деревни что было сил, что-то при этом крича, и тотчас все мужчины, женщины и дети, находившиеся в поле, как показалось, испугались и бросились вслед за ней. Мне захотелось побежать с ними рядом и объяснить им, в чем дело, сказать, что мне жаль, но делать нечего. Мне хотелось сказать им, что мы их не забудем и когда-нибудь вернемся. Но все напрасно. Сбитые с толку и напуганные, они бежали к своим домам и бежали, включая стариков, до тех пор, пока не скрылись из глаз.

Я взлетел и направился к Элевсину. Приземлился я на мертвом аэродроме. Нигде не было ни души. Я остановил свой "харрикейн", и едва подошел к ангарам, как снова налетели бомбардировщики. Пока они не закончили свою работу, я прятался в канаве, потом вылез оттуда и направился к небольшой комнате, где размещалась штабная палатка. Телефон все еще стоял на столе. Я зачем-то снял трубку и сказал:

– Алло.

На другом конце кто-то ответил с немецким акцентом.

– Вы слышите меня? - спросил я, и голос произнес:

– Да-да, я вас слышу.

– Хорошо, - сказал я, - тогда слушайте внимательно.

– Да, продолжайте, пожалуйста.

– Это Вэ-вэ-эс Великобритании. Мы еще вернемся, понятно? Мы обязательно вернемся.

После этого я выдернул шнур из розетки и швырнул аппарат в стекло закрытого окна. Когда я вышел из помещения, у дверей стоял небольшого роста мужчина в гражданской одежде. В одной руке он держал револьвер, а в другой небольшой мешок.

– Вам нужно что-нибудь? - спросил он на довольно хорошем английском.

– Да, - сказал я, - мне нужны важные сведения и бумаги, которые я должен отвезти обратно в Аргос.

– Вот они, - сказал он, протягивая мне мешок. - И желаю удачи.

Я полетел обратно в Мегару. Недалеко от берега стояли два подожженных греческих эсминца. Они тонули. Я покружил над нашим полем, другие самолеты вырулили из укрытий, и мы все полетели в сторону Аргоса.

Площадка для приземления в Аргосе представляла собой небольшое поле. Оно было окружено густыми оливковыми рощами, где мы спрятали наши самолеты. Не знаю, какой длины было поле, но приземлиться на нем было не просто. Поэтому нужно было планировать с низкой глиссадой, "вися на пропеллере", а в момент касания нажимать на тормоз, отпуская его в критический момент, чтобы избежать капотирования. Лишь одному из наших не удалось все правильно сделать, и он разбился.

Наземная служба была уже там, и, когда мы вылезли из самолетов, подбежала Катина с корзинкой черных оливок. Она показывала на наши животы, и это, судя по всему, означало, что мы должны поесть.

Киль наклонился и потрепал ее по волосам.

– Катина, - сказал он, - когда-нибудь мы сходим в город и купим тебе новое платье.

Она улыбнулась ему, но ничего не поняла, и мы все принялись за черные оливки.

Потом я огляделся и увидел, что в лесу полно самолетов. За каждым деревом стоял самолет, и, когда мы спросили, в чем дело, нам ответили, что греки перевели в Аргос все свои военно-воздушные силы и спрятали их в этом небольшом лесу. У них были машины какого-то древнего типа, очень странные, каждой не меньше пяти лет, а сколько дюжин их было, не знаю.

Ту ночь мы провели под деревьями. Катину мы завернули в большой комбинезон и подложили ей под голову шлем вместо подушки. Когда она уснула, мы расселись полукругом и стали есть черные оливки и пить репину из огромной канистры. Но мы очень устали за день и скоро заснули.

Весь следующий день мы наблюдали, как грузовики перевозят войска по дороге, ведущей к морю. Мы взлетали так часто, как только могли, и кружили над ними.

То и дело прилетали немцы и бомбили дорогу недалеко от нас, но наш аэродром они не заметили.

Позднее в тот же день нам сообщили, что все имеющиеся в наличии "харрикейны" должны взлететь в шесть часов вечера, чтобы защитить важное передвижение по морю, и девять машин - все, что осталось, - были дозаправлены и приготовились к вылету. Без трех шесть мы начали вырывать из оливковой рощи на поле.

Взлетели первые две машины, но едва они оторвались от земли, как что-то черное метнулось с неба, и они обе запылали. Я огляделся и увидел не меньше пятидесяти "Мессершмиттов-110", круживших над полем. Некоторые из них развернулись и атаковали оставшиеся семь "харрикейнов", которые ждали разрешения на взлет.

Времени на то, чтобы что-то предпринять, не было. Все самолеты были повреждены во время первого налета, хотя, как это ни смешно, ранение получил только один летчик. Взлетать теперь было невозможно, поэтому мы повыпрыгивали из самолетов, вытащили раненого летчика из кабины и побежали вместе с ним к окопам, к большому, глубокому зигзагообразным спасительным окопам, которые выкопали греки.

"Мессершмитты" не спешили. Противодействия не было ни с земли, ни с воздуха, если не считать того, что Киль стрелял по ним из револьвера.

Не очень-то приятно, когда тебя атакуют с бреющего полета, особенно если на крыльях имеются пушки, а если нет глубокого окопа, в котором можно укрыться, то нет и будущего. По какой-то причине - возможно, немцы решили порезвиться - их летчики начали обстреливать окопы, прежде чем взяться за самолеты. Первые десять минут мы как безумные носились по углам окопов, чтобы не оказаться в том окопе, который шел параллельно курсу атакующего самолета. То были жуткие, страшные десять минут. Кто-то кричал: "Вон еще один", после чего все вскакивали и бежали к углу, чтобы скрыться в другой части окопа.

Затем немцы взялись за "харрикейны", а заодно и за кучу старых греческих самолетов, стоявших в оливковой роще, и, методично и систематически расстреливая их, подожгли один за другим. Шум стоял страшный, повсюду стучали пули - по деревьям, скалам и по траве.

Помню, я осторожно выглянул из окопа и увидел маленький белый цветочек, который рос всего-то в нескольких дюймах от моего носа. Он был чисто-белый, с тремя лепестками. Помню, я посмотрел дальше и увидел трех немцев, заходивших на мой "харрикейн", который стоял на другой половине поля. Помню, я крикнул на них, хотя и не помню что.

И тут вдруг я увидел Катину. Она бежала с дальнего конца аэродрома прямо туда, куда стреляли пушки и где горели самолеты, и бежала изо всех сил. Раз она споткнулась, но снова поднялась на ноги и продолжала бежать. Потом она остановилась и стала смотреть вверх, махая кулачками пролетающим мимо самолетам.

Помню - вот она стоит, и один из "мессершмиттов" разворачивается и устремляется вниз, в ее сторону. Еще помню, я тогда подумал - да она такая маленькая, что в нее и не попадешь. Помню, когда он подлетел ближе, показались язычки пламени из его пушек, и помню, как я смотрю на ребенка, который стоит совершенно неподвижно - это продолжалось долю секунды, - лицом к машине. Помню, ветер трепал ее волосы.

А потом она упала.

То, что было в следующий момент, я не забуду никогда. Точно по волшебству, отовсюду из земли повыскакивали люди. Они вылезли из своих окопов и обезумевшей толпой выплеснулись на аэродром. Все бежали к крошечному тельцу, которое неподвижно лежало посреди поля. Они бежали быстро, хотя и пригнувшись. Помню, я тоже выскочил из окопа и присоединился к ним. Помню, я тогда вообще ни о чем не думал и бежал, глядя на ботинки человека, бежавшего впереди меня. Я заметил, что у него немного кривые ноги, а синие штаны непомерно длинны.

Помню, я увидел, что Киль подбежал первым, тут же оказался сержант по кличке Мечтатель, и помню, как они вдвоем подхватили Катину и побежали обратно к окопам. Я увидел ее ногу, которая представляла собой кровавое месиво из костей, а кровь из раны на груди заливала ее белое ситцевое платье. Я мельком увидел ее лицо, которое было белым, как снег на вершине Олимпа.

Я бежал рядом с Килем, а он без конца повторял на бегу:

– Паршивые мерзавцы, паршивые, грязные мерзавцы. Когда мы добрались до нашего окопа, он, помню, с удивлением огляделся. Было тихо, и стрельба прекратилась.

– Где врач? - спросил Киль, а врач уже был рядом. Он смотрел на Катину, вернее, на ее лицо.

Врач нежно коснулся ее запястья и, не поднимая глаз, произнес:

– Она мертва.

Ее положили под низким деревом. Я отвернулся и увидел, как повсюду дымятся бесчисленные самолеты. Я увидел, что и мой "харрикейн" горит неподалеку. Я стоял и, не в силах ничего предпринять, смотрел, как язычки пламени пляшут по двигателю и лижут металл крыльев.

Я глаз не мог отвести от огня. Я видел, что огонь становится ярко-красным, а за ним я увидел не груды дымящихся обломков, а пламя еще более обжигающего и сильного огня, который горел в сердцах народа Греции.

Я продолжал смотреть на огонь, и в том самом месте, откуда вырывались языки пламени, мне показалось, будто что-то накалилось добела, будто яркость пламени достигла предела.

Потом яркость рассеялась, и я увидел мягкий желтый свет, какой исходит от солнца, а за ним я увидел маленькую девочку, стоящую посреди поля. Солнечный свет играл в ее волосах. С минуту она стояла и смотрела в небо. Оно было чистое и голубое, без единого облака. Затем она повернулась и посмотрела в мою сторону, и, когда она

повернулась, я увидел, что ее ситцевое платье спереди все в ярко-красных пятнах, цвета крови.

А потом исчезли и огонь, и пламя, и я видел перед собой лишь тлеющие обломки сгоревшего самолета. Должно быть, я долго стоял возле него.

6. ПРЕКРАСЕН БЫЛ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Он наклонился и потер лодыжку в том месте, где от ходьбы растянулись связки. Спустя какое-то время выпрямился и огляделся. Нащупав в кармане пачку, он достал сигарету и закурил. Тыльной стороной руки вытер пот со лба и, стоя посреди улицы, снова огляделся.

– Черт побери, да кто-то ведь должен здесь быть, - громко сказал он.

Услышав собственный голос, он почувствовал себя лучше.

Прихрамывая, ступая только на пальцы больной ноги, он пошел дальше. За следующим поворотом он увидел море. Дорога, петляя, тянулась между разрушенными домами и спускалась с холма к берегу. Темное море было спокойным. На материке, вдали, отчетливо была видна линия холмов; навскидку, до них было миль восемь. Он снова нагнулся и потер лодыжку.

– Черт побери, - произнес он. - Кто-то ведь должен тут быть живой.

Но нигде не было ничего слышно. От домов, да и от всей деревни исходила такая тишина, что казалось, будто все здесь вымерло тысячу лет назад.

Неожиданно он услышал едва различимый звук, словно кто-то переступил с ноги на ногу на гравии. Он оглянулся и увидел старика, который сидел на камне возле поилки для скота. Странно, как это он его раньше не заметил.

– Здравствуйте, - сказал летчик. - Ghia sou.

Он выучил греческий, когда общался с людьми около Ларисы и Янины.

Старик медленно поднял глаза, при этом повернулась его голова, а плечи остались неподвижны. У него была почти белая борода, на голове матерчатая кепка. Он был в серой, в тонкую черную полоску, рубашке без воротничка. На летчика он смотрел так, как слепой смотрит на то, чего не видит.

– Я рад тебя видеть, старик. В деревне есть еще кто-нибудь?

Ответа не было.

Летчик присел на край поилки, давая отдохнуть своей ноге.

– Я Inglese²⁵, - сказал он. - Я летчик. Меня сбили, и я выпрыгнул с парашютом. Я Inglese.

Старик поднял голову и снова опустил ее.

– Inglesus, - произнес он. - Ты Inglesus.

– Да. Я ищу кого-нибудь, у кого была бы лодка. Хочу вернуться на материк.

Наступила пауза, а потом старик заговорил как во сне.

– Они все время приходят, - говорил он. - Germanoi приходят все время.

Его голос звучал бесстрастно. Он взглянул на небо, потом опустил голову, повернулся и снова посмотрел вверх.

– Они и сегодня придут, Inglese. Скоро придут снова.

В его голосе не было тревоги, вообще не было никакого выражения.

– Не понимаю, почему они приходят к нам, - прибавил он.

– Может, не сегодня, - сказал летчик. - Сейчас уже поздно. Думаю, на сегодня они закончили.

– Не понимаю, почему они приходят к нам, Inglese. Здесь же никого нет.

– Я ищу человека с лодкой, - сказал летчик, - который смог бы отвезти меня на материк. В деревне есть кто-нибудь с лодкой?

– С лодкой?

– Ну да.

Чтобы ответить на этот вопрос, понадобилось какое-то время.

– Есть такой человек.

– Как мне его найти? Где он живет?

– В деревне есть человек с лодкой.

– Пожалуйста, скажи мне, как его зовут.

Старик снова посмотрел на небо.

– Йоаннис. Вот кто имеет здесь лодку.

– Йоаннис, а дальше как?

– Йоаннис Спиракис. - И старик улыбнулся.

Видимо, это имя что-то значило для старика. Он улыбнулся.

– Где он живет? - спросил летчик. - Извините, что беспокою вас из-за этого.

– Где живет?

– Да.

Старик опять задумался. Потом отвернулся и посмотрел в конец улицы, которая шла к морю.

– Йоаннис жил в доме, который ближе других к воде. Но его дома больше нет. Germanoi разрушили его сегодня утром. Было рано и еще темно. Видите дома больше нет. Нет его.

– А где он сам?

– Живет в доме Антонины Ангелу. Вон тот дом с красными окнами.

Он указал в конец улицы.

– Большое вам спасибо. Пойду поговорю с хозяином лодки.

– Он еще мальчиком был, - продолжал, старик, - а лодку уже имел. У него белая лодка с голубой полосой по всей корме.

Он снова улыбнулся.

– Но я не думаю, что он сейчас в доме. А жена его там. Анна, наверное, там, с Антониной Ангелу. В доме они.

– Еще раз спасибо. Пойду поговорю с его женой.

Летчик поднялся и пошел было по улице, однако старик окликнул его:

– Inglese.

Летчик обернулся.

– Когда будешь разговаривать с женой Йоанниса... когда будешь разговаривать с Анной... не забудь кое-что.

Он умолк, подбирая слова. Его голос уже не был невыразительным, и он смотрел летчику прямо в глаза.

– Его дочь была в доме, когда пришли Germanoi. Вот это ты должен помнить.

Летчик стоял на дороге и ждал.

– Мария. Ее зовут Мария.

– Я запомню, - ответил летчик. - Мне жаль.

Он отвернулся и стал спускаться вниз, направляясь к дому с красными окнами. Подойдя к дому, он постучался и стал ждать. Потом постучался снова и еще подождал. Послышался звук шагов, и дверь раскрылась.

В доме было темно, и он смог разглядеть только черноволосую женщину, с такими же черными, как волосы, глазами. Она смотрела на летчика, который стоял на солнце.

– Здравствуйте, - произнес он. - Я Inglese.

Она не пошевелилась.

– Я ищу Йоанниса Спиракиса. Говорят, у него есть лодка.

Она по-прежнему стояла не шевелясь.

– Он в доме?

– Нет.

– Может, его жена здесь? Она, наверное, знает, где он.

Сначала ответа не было. Затем женщина отступила на шаг и распахнула дверь.

– Входи, Inglesus.

Она провела его по коридору в заднюю комнату. В комнате было темно, потому что в окнах не было стекол - только куски картона. Но он увидел старую женщину, которая сидела на скамье, положив руки на стол. Она была совсем крошечной, точно маленький ребенок, а лицо ее напоминало скомканный кусок оберточной бумаги.

– Кто это? - спросила она резким голосом.

Первая женщина сказала:

– Это Inglesus. Он ищет твоего мужа, потому что ему нужна лодка.

– Здравствуй, Inglesus, - сказала старая женщина.

Переступив порог, летчик остановился в дверях. Первая женщина стояла возле окна, опустив руки.

Старая женщина спросила:

– Где Germanoi?

Казалось, ее голосу было тесно в тщедушном теле.

– Сейчас где-то около Ламии.

– Ламия.

Она кивнула.

– Скоро они будут здесь. Может, уже завтра будут здесь. Но мне все равно. Слышишь, Inglesus, все равно.

Она подалась вперед. Голос ее зазвучал еще резче.

– Ничего нового не произойдет, когда они придут. Они уже были здесь. Каждый день они здесь. Являются каждый день и бросают бомбы - бах, бах, бах. Закроешь глаза, потом откроешь их, поднимешься, выйдешь на улицу, а от домов одна пыль... да и от людей тоже.

Она умолкла и быстро задышала.

– Сколько человек ты убил, Inglesus?

Летчик оперся рукой о дверь, снимая тяжесть с больной ноги.

– Сколько-то убил, - тихо произнес он.

– Сколько?

– Сколько смог. Мы не можем вести подсчет.

– Убивай их всех, - спокойно сказала она. - Иди и убивай каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка. Слышишь меня, Inglesus? Ты должен их всех убить.

Кусок оберточной бумаги сделался еще меньше.

– Сама я убью первого же, который мне попадется.

Она помолчала.

– А потом, Inglesus, потом его семье сообщат, что он мертв.

Летчик ничего не сказал. Она посмотрела на него и заговорила другим голосом:

– Что тебе нужно, Inglesus?

– Что касается Germanoi, то мне жаль. Мало что в наших силах.

– Да, - ответила она, - я понимаю. Но что тебе нужно?

– Я ищу Йоанниса. Я бы хотел взять его лодку.

– Йоаннис, - тихо произнесла она, - его здесь нет. Он вышел.

Неожиданно она оттолкнула скамью, поднялась на ноги и вышла из комнаты.

– Идем, - сказала она.

Он пошел следом за ней по коридору к входной двери. Теперь она казалась еще меньше, чем когда сидела. Она быстро дошла до двери и открыла ее. Когда она оказалась на солнце, он впервые увидел, насколько она старая.

У нее не было губ. Вокруг рта была такая же морщинистая кожа, как и на всем лице. Она прищурилась от солнца и посмотрела в сторону дороги.

– Вон он, - сказала она. - Это он и есть.

И она показала на старика, который сидел возле поилки.

Летчик посмотрел на него. Потом повернулся, чтобы сказать что-то старухе, но она уже исчезла в доме.

7. ОНИ НИКОГДА НЕ СТАНУТ ВЗРОСЛЫМИ

Мы сидели вдвоем возле ангара на деревянных ящиках.

Был полдень. Солнце стояло высоко в небе и шпарило, как огонь. Жара была страшная. Горячий воздух с каждым вдохом обжигал легкие, поэтому мы старались дышать быстро, почти не разжимая губ; так было легче. Солнце жарило нам плечи, спины, пот просачивался сквозь поры, струился по шее, груди и ниже к животу и собирался там, где брюки были туго перетянуты ремнем. Он все-таки просачивался и под ремень, где и собиралась влага, что причиняло большое неудобство; было такое ощущение, будто в этом месте покалывает.

Два наших "харрикейна" стояли всего лишь в нескольких ярдах от нас. У них обоих был тот исполненный терпения и самоуверенности вид, который характерен для истребителей, когда двигатель не работает. Тонкая черная взлетная полоса спускалась к пляжу и морю. Черная поверхность полосы и белый песок по ее сторонам, сквозь который пробивалась трава, блестели и сверкали на солнце. Знойное марево висело над аэродромом.

Старик посмотрел на часы.

– Пора бы уже и вернуться, - сказал он.

Мы оба были готовы к вылету и сидели в ожидании приказа. Старик поджал под себя ноги, убрав их с горячей земли.

– Пора бы уже и вернуться, - повторил он.

Прошло уже два с половиной часа с того времени, когда Киль улетел, и, конечно, ему давно уже пора было бы вернуться. Я посмотрел на небо и прислушался. Возле топливозаправщика громко разговаривали техники, и было слышно, как волны накатываются на берег, самолета же было не видно, не слышно. Мы еще немного молча посидели.

– Похоже, ему не повезло, - сказал я.

– Да, - ответил Старик. - Выходит, что так.

Старик поднялся и засунул руки в карманы своих шорт цвета хаки. Я тоже встал. Мы смотрели в северном направлении, где было чистое небо, и при этом переминались с ноги на ногу, потому что гудрон был мягкий и горячий.

– Как звали эту девчонку? - спросил Старик, не поворачивая головы.

– Никки, - ответил я.

Не вынимая рук из карманов, старик снова сел на деревянный ящик и стал рассматривать землю между ног. Старик был самым старшим по возрасту летчиком в нашей эскадрилье; ему было двадцать семь. У него была копна рыжих волос, которые он никогда не расчесывал. Лицо его было бледным, хотя он и провел столько времени на солнце, и все покрыто веснушками. Рот был широкий, а губы плотно сжаты. Он не был высок ростом, но под рубашкой цвета хаки были широкие и мускулистые плечи, как у борца. Человек он был тихий.

– Может, все и обойдется, - сказал он, поглядев на небо. - И кстати, хотел бы я посмотреть на француза, которому по зубам Киль.

Мы находились в Палестине и воевали с французами в Сирии. Мы стояли в Хайфе, и тремя часами раньше Старик, Киль и я приготовились к вылету. Киль вылетел в ответ на срочную просьбу военных моряков, которые позвонили и сказали, что из гавани Бейрута выходят два французских эсминца. Пожалуйста, вылетайте немедленно и посмотрите, куда они направились, попросили военные моряки. Просто подлетите к побережью, осмотритесь и быстро возвращайтесь, а потом сообщите нам, куда они направляются.

И Киль вылетел на своем "харрикейне". Прошло много времени, а он так и не вернулся. Мы знали, что надежды нет почти никакой. Если его не сбили, то у него какое-то время назад уже должно было бы кончиться горючее.

Я посмотрел на его голубую фуражку с кокардой ВВС Великобритании. Он бросил ее на землю, когда побежал к своему самолету. Сверху на ней были масляные пятна, а выдавший виды козырек погнулся. Трудно было поверить в то, что его больше нет. Он был в Египте, Ливии и Греции. Он всегда был с нами на аэродроме и в столовой. Это был человек высокого роста, весельчак. Он всегда много смеялся, этот Киль. У него были черные волосы и длинный прямой нос, по которому он частенько проводил кончиком пальца. Слушая чей-нибудь рассказ, он имел обыкновение откидываться на стуле с высоко поднятой головой, при этом глаза его смотрели вниз. Еще вчера вечером за ужином он неожиданно сказал:

– А знаешь, я не прочь жениться на Никки. По-моему, она неплохая девчонка.

Старик сидел напротив него и ел вареную фасоль.

– Ты хочешь сказать - иногда неплохая, - произнес он.

Никки работала в кабаре в Хайфе.

– Нет, - ответил Киль. - Из девушек, работающих в кабаре, получают хорошие жены. Они никогда не бывают неверными. В неверности для них нет новизны. Это все равно что вернуться к прежним занятиям.

Старик оторвался от тарелки с фасолью.

– Да не будь же ты таким дураком, - сказал он. - Ни за что не поверю, что ты собираешься жениться на Никки.

– Никки, - совершенно серьезно заговорил Киль, - из хорошей семьи. Она отличная девушка. И никогда не спит на подушке. Знаешь, почему она никогда не кладет подушку под голову?

– Нет.

Все сидевшие за столом прислушались к разговору. Всем было интересно узнать, что Киль расскажет о Никки.

– Еще очень молоденькой она была обручена с французским моряком. Она его очень любила. Однажды они загорали на пляже, и он сказал ей, что никогда не кладет подушку под голову, когда спит. Подобные вещи люди часто говорят друг другу просто так, для поддержания разговора. Но Никки этого не забыла. С этого времени она стала пробовать обходиться без подушки. Француз попал под грузовик и погиб, и в память о своем возлюбленном она стала спать без подушки, хотя это и очень неудобно.

Киль набил рот фасолью и стал медленно ее пережевывать.

– Печальная история, - сказал он. - Из нее следует, что девушка она хорошая. Мне кажется, и я бы не прочь жениться на ней.

Киль говорил это накануне вечером за ужином. Теперь его больше нет. Интересно, что делает Никки, чтобы сохранить память о нем.

Солнце раскалило мне спину, и я невольно повернулся, подставляя зною другой бок. Повернувшись, я увидел Кармель²⁶ и город Хайфу. Крутой бледно-зеленый склон спускался к морю, а внизу раскинулся город. На солнце ярко сверкали дома. Дома с выбеленными стенами покрывали склоны Кармеля, и их красные крыши усыпали всю гору.

Из серого железного ангара вышли трое летчиков, которые должны были вылететь вслед за нами, и медленно направились в нашу сторону. На них были захлестнутые стропами желтые парашюты. Они неторопливо шли в нашу сторону, неся в руках шлемы.

Когда они приблизились, Старик сказал:

– Килю не повезло.

И они ответили:

– Да, мы знаем.

Они сели на такие же деревянные ящики, на которых сидели мы, и солнце тотчас стало жечь им спины, и они начали потеть. Мы со Стариком пошли прочь.

На следующий день было воскресенье. Утром мы вылетели к Ливанской долине, чтобы на бреющем полете атаковать аэродром под названием Райяк. Мы пролетели мимо Хермона²⁷ с его снежной шапкой, снизившись, спрятались от солнца и атаковали на бреющем полете французские бомбардировщики, стоявшие в Райяке. Помню, что, когда мы летели низко над землей, двери французских бомбардировщиков стали открываться. Помню, я видел, как по аэродрому побежало много женщин в белых платьях. Особенно хорошо я запомнил белые платья.

Дело в том, что было воскресенье, и французские летчики пригласили женщин из Бейрута посмотреть на их бомбардировщики. Приезжайте в воскресенье, говорили французы, мы покажем вам наши самолеты. Очень по-французски.

И, когда мы начали стрелять, женщины повыскакивали из самолетов и побежали по аэродрому в своих выходных белых платьях.

Помню, Шеф сказал по рации:

– Пусть уходят, дайте им уйти.

И вся эскадрилья развернулась и сделала круг над аэродромом, пока женщины разбегались в разные стороны по траве. Одна из них споткнулась и дважды упала, другая захромала, и ей помогал какой-то мужчина, но мы не спешили. Помню, я увидел яркие вспышки пулеметной стрельбы со стороны земли. Я еще тогда подумал, что лучше бы они не стреляли, пока мы ждем, когда их женщины в белых платьях убегут прочь.

Это было на следующий день после того, как не стало Киля. Через день мы снова уселись со Стариком на деревянные ящики возле ангара. Пэдди, большой белокурый мальчик, занял место Киля и сидел рядом с нами.

Был полдень. Солнце стояло высоко в небе и шпарило, как огонь. Пот бежал по шее, под рубашкой, по груди и по животу, а мы сидели и ждали, когда нас сменят. Старик пришивал отодравшийся ремешок своего шлема и рассказывал мне о Никки, которую он увидел как-то вечером в Хайфе, и о том, как рассказал о ней Килю.

Неожиданно мы услышали гул летящего самолета. Старик умолк. Мы стали смотреть на небо. Гул слышался с севера. Он все нарастал, по мере того как самолет подлетал все ближе, и Старик неожиданно произнес:

– Это "харрикейн".

В следующую минуту самолет закружил над аэродромом, выпуская шасси для посадки.

– Кто это? - спросил белокурый Пэдди. - Сегодня еще никто не вылетал.

Когда самолет скользнул мимо нас по полосе, мы увидели номер на хвосте машины - Н.4427. Это был Киль.

Мы поднялись и стали смотреть, как машина выруливает в нашу сторону, а когда она подъехала ближе и развернулась, чтобы встать, мы увидели в кабине Киля. Он махнул нам рукой, усмехнулся и вылез. Мы побежали к нему с криками:

– Где ты был?

– Да где, черт возьми, тебя носило?

– Ты что, сел на вынужденную, а потом снова взлетел?

– Женщину в Бейруте нашел, что ли?

– Да где же, черт побери, ты был все это время?

Вокруг него столпились и другие летчики, техники, укладчики парашютов, водители спецмашин. Все ждали, что скажет Киль. Он между тем снял свой шлем и рукой откинул назад свои черные волосы. Поначалу его так удивило наше поведение, что он просто молча смотрел на нас, а потом рассмеялся и сказал:

– Да что тут, черт возьми, происходит? Что это с вами?

– Где ты был? - заговорили мы. - Где ты пропадал два дня?

На лице Киля было написано искреннее изумление. Он бросил быстрый взгляд на часы.

– Сейчас пять минут первого, - сказал он. - Вылетел я в одиннадцать, час и пять минут назад. Да не толпитесь вы как идиоты, дайте пройти. Мне нужно срочно доложить о выполненном задании. Морякам наверняка интересно будет узнать, что эти эсминцы все еще в бейрутской гавани.

Он повернулся, намереваясь уйти. Я схватил его за руку.

– Киль, - спокойно произнес я, - тебя не было с позавчерашнего дня. Что с тобой случилось?

Он взглянул на меня и рассмеялся.

– Мог бы и получше шутить, - сказал он. - Уж я-то знаю. Но на этот раз не смешно. Совсем не смешно.

И он ушел.

Мы стояли - Старик, Пэдди, я, техники, укладчики парашютов, водители спецмашин - и смотрели Килю вслед. Потом мы переглянулись, не зная, что сказать и что думать, ничего не понимая, ничего не зная, за исключением того, что Киль был совершенно серьезен и сам верил в то, что сказал. Мы знали, что это так, поскольку знали Киля, и к тому же когда люди вместе, как мы, тогда никто не сомневается в словах другого, особенно если речь идет о полете. Сомневаться можно только в самом себе. Вот мы и засомневались в себе. Старик стоял на солнце около крыла машины Киля и отколупывал пальцами краску, которая высохла и потрескалась на солнце.

– Черт знает что, - сказал кто-то, и все разошлись по своим делам.

Выйдя из серого железного ангара, к нам неспешно подошли трое летчиков, готовые к полету. Они медленно шли под горячим солнцем, размахивая шлемами, которые держали в руках. Старик, Пэдди и я направились в столовую, чтобы выпить и пообедать.

Столовая размещалась в небольшом деревянном строении с верандой. Внутри были две комнаты, одна представляла собой что-то вроде гостиной с креслами и журналами и дыркой в стене, через которую можно было заказать напитки, а другая и была столовой с длинным деревянным столом. В гостиной мы застали Киля, который беседовал с Шефом, нашим командиром. Другие летчики сидели вокруг них и слушали. Все пили пиво. Мы знали, что дело серьезное, хотя все сидят в креслах и пьют пиво. Шеф делал то, что и должен был делать. Редкий человек Шеф. Высокого роста, с красивым лицом, с раной от итальянской пули в ноге, всегда готовый прийти на помощь. Он никогда не смеялся громко, а давился от смеха, издавая глубокие гортанные звуки.

– Да не волнуйтесь вы так, Шеф, - говорил Киль. - Лучше помогите мне не думать, будто я сошел с ума.

Киль оставался серьезен и рассуждал здраво, но вместе с тем был не на шутку встревожен.

– Я рассказал все, что знаю, - говорил он. - Как взлетел в одиннадцать часов, высоко взобрался, потом полетел в Бейрут, увидел два французских эсминца и вернулся, приземлившись в пять минут первого. Клянусь, это все, что я знаю.

Он обвел нас взглядом, посмотрел на Старика и на меня, на Пэдди и на Джонни и на полдюжины других летчиков, находившихся в помещении. Мы улыбнулись ему и закивали, давая понять, что мы с ним, не против него, и что мы верим в то, что он сказал.

– И что, по-твоему, мне докладывать в штабе в Иерусалиме? - спросил Шеф. - Я уже доложил, что ты пропал без вести. Теперь я должен сообщить, что ты вернулся. Они будут настаивать на том, чтобы знать, где ты был.

Все это начинало выводить Киля из себя. Он сидел прямо, постукивая быстро и резко пальцами левой руки по кожаному подлокотнику, а потом стал еще и ногой притопывать. Терпение у Старика лопнуло.

– Слушай, Шеф, - сказал он. - Давай пока оставим все это. Может, Киль потом что-то вспомнит.

Пэдди, сидевший на подлокотнике кресла Старика, сказал:

– Правильно, а мы можем пока доложить в штаб, что Киль совершил вынужденную посадку на поле в Сирии, два дня у него ушло на ремонт самолета, а потом он полетел домой.

Все старались помочь Киллю, все летчики. У нас всех было убеждение, будто в этом деле есть что-то такое, что в большой степени касается каждого из нас. И Киль это знал, хотя только это он и знал, а другие это тоже знали, что и было написано на их лицах. Возникло напряжение, и довольно высокое, потому что впервые мы столкнулись с чем-то новым - это тебе не пули, не огонь, не чиханье двигателя, не лопнувшая резина колес, не кровь в кабине, не вчера, и не сегодня, и даже не завтра. Шефу тоже передалось это напряжение, и он сказал:

– Да-да, давайте еще выпьем и оставим пока все как есть. Я доложу в штабе, что ты вынужден был приземлиться в Сирии, а потом тебе удалось снова взлететь.

Мы выпили еще пива и пошли обедать. Шеф заказал несколько бутылок палестинского белого вина к обеду, чтобы отметить возвращение Килия.

После этого никто и не вспоминал о том, что произошло. Мы и в отсутствие Килия не говорили об этом. Но каждый из нас продолжал думать об этом про себя, зная наверняка, что случилось нечто важное и не все еще закончилось. Напряжение быстро распространилось по эскадрилье и охватило всех летчиков.

Между тем дни шли своим чередом. Солнце сияло над аэродромом и над самолетами, и Киль снова стал с нами летать, как и прежде.

И вот однажды - думаю, это было неделю спустя - мы снова атаковали Райяк на бреющем полете. Нас было шестеро, Шеф шел ведущим, Киль летел справа. Мы снизились над Райяком. Легкие зенитки открыли плотный огонь. Во время первого захода подбили машину Пэдди. Когда мы заходили флангом во второй раз, то увидели, как его "харрикейн" мягко вошел в полубочку и устремился к земле прямо у края аэродрома. Когда он ударился о землю, поднялось огромное облако белого дыма, потом показалось пламя. Оно стало распространяться, дым из белого стал черным, а там был Пэдди. В наушниках тотчас же раздался треск, и я услышал очень взволнованный голос Килия, который кричал в микрофон:

– Я вспомнил. Алло, Шеф, я все вспомнил.

А потом Шеф проговорил медленно и спокойно:

– Хорошо, Киль. Хорошо. Только смотри не забудь.

Мы сделали еще один заход, после чего Шеф быстро увел нас. Мы петляли над долинами, а по сторонам над нами возвышались голые серо-коричневые горы. Мы возвращались домой, и лету было полчаса. Киль без умолку что-то кричал по радиотелефону. Сначала он вызвал Шефа и сказал:

– Алло, Шеф, я вспомнил, все вспомнил, все детали.

Потом он говорил:

– Алло, Старик, я вспомнил, все вспомнил. Теперь уже не забуду.

Потом он вызывал меня, Джонни и Мечтателя. Он вызывал каждого из нас по очереди и был так взволнован, что иногда кричал в микрофон чересчур громко и мы не могли разобрать ни слова.

Приземлившись, мы вылезли из самолетов, а поскольку Киллю почему-то вздумалось посадить свою машину в дальнем конце аэродрома, то мы пришли на командный пункт раньше него.

Пункт управления находился рядом с ангаром. Это было голое помещение с большим столом посередине, на котором лежала карта района. Там был еще один небольшой столик с парой телефонов, несколько деревянных стульев и скамеек, а в углу были сложены надувные спасательные жилеты, парашюты и шлемы. Мы снимали с себя

комбинезоны и бросали их в угол, и тут появился Киль. Он быстро вошел и остановился в дверях. Его черные волосы были взъерошены, потому что он только что стянул с себя шлем. Лицо блестело от пота, а рубашка цвета хаки потемнела от влаги. Он быстро дышал открытым ртом. Вид у него был такой, будто он только что бежал. Он был похож на ребенка, который вбежал в комнату, где полно взрослых, чтобы сообщить, что кошка родила в детской котят, но не знает, с чего начать.

Мы все слышали, как он приближается, потому что только его и ждали. Все оторвались от своих занятий и замерли на месте, глядя на Киля.

– Привет, Киль, - сказал Шеф.

А Киль ответил:

– Шеф, ты должен поверить мне, потому что все так и было.

Шеф стоял возле столика с телефонами, рядом со Стариком, с приземистым рыжеволосым Стариком. Он стоял, держа в руках захлестнутый стропами парашют, и смотрел на Киля. Остальные находились в дальнем конце помещения. Когда Киль заговорил, летчики стали потихоньку подходить поближе, пока не оказались около стола с большой картой. Опершись о него, они уставились на Киля и стали ждать, что он скажет.

Он заговорил тотчас же. Говорил он быстро, потом успокоился и, по мере того как развивался сюжет его рассказа, стал говорить медленнее. Он рассказал все, так и не отойдя от дверей командного пункта, не сняв свой желтый парашют и держа в руках шлем и кислородную маску. Другие тоже оставались на своих местах, стояли и слушали. Слушая его, я забыл, что это говорит Киль и что мы находимся на командном пункте в Хайфе. Я все забыл и отправился вместе с ним в его путешествие и не возвращался, пока он не закончил.

– Я летел на высоте около двадцати тысяч, - рассказывал он. - Пролетел над Тиром и Сидоном²⁸ и над рекой Дамур, а потом полетел над ливанскими горами, потому что хотел зайти на Бейрут с востока. Неожиданно я оказался с облаке, в плотном белом облаке, которое было таким густым и плотным, что я ничего не видел, кроме кабины. Я ничего не понимал, потому что за минуту до этого небо было чистое и голубое и нигде не было ни облачка... Чтобы выбраться из облака, я начал снижаться. Я летел все ниже и ниже, но по-прежнему находился в нем. Я знал, что слишком низко лететь из-за гор нельзя, но на высоте шесть тысяч облако все еще окружало меня. Оно было таким плотным, что я ничего не видел, даже носа машины или крыльев. Пары на лобовом стекле превращались в жидкость, и струйки воды бежали по стеклу. Горячий воздух двигателя высушивал их. Никогда раньше я не видел такого облака. Оно было плотным и белым у самой кабины. У меня было такое ощущение, будто я лечу на ковче-самолете, сижу один-одинешенек в этой небольшой кабине со стеклянным верхом, без крыльев, без хвоста, без двигателя и без самолета. Я знал, что мне нужно выбираться из этого облака, поэтому я развернулся и полетел от гор на запад над морем. Согласно высотомеру, я снизился намного. Я летел на высоте пятьсот футов, потом четыреста, триста, двести, сто, а облако все еще окружало меня. Я перестал снижаться, потому что знал, что это опасно. Потом совершенно неожиданно, точно порыв ветра, меня охватило чувство, что подо мной ничего нет, ни моря, ни земли, вообще ничего, и я медленно намеренно задресселировал двигатель, с силой отдал ручку вперед и вошел в пике.

На высотомер я не смотрел. Я вглядывался в белизну перед собой за лобовым стеклом и продолжал пикировать. Ручку я держал в положении "от себя", сохраняя угол пикирования, и продолжал всматриваться в обступившую меня обширную белизну. Я даже не задумывался, куда лечу, а просто летел.

Не знаю, сколько это продолжалось, может, несколько минут, а может, и часов. Знаю только, что я сидел в самолете, который находился в пике. Я был уверен, что подо мною не горы, не реки, не земля и не море, но мне не было страшно.

И тут меня ослепил свет. Как будто ты только что дремал и вдруг кто-то включил свет.

Я выбрался из облака так неожиданно и так быстро, что свет ослепил меня. Переход из одной среды в другую был мгновенным. Только что меня окружала плотная белизна, и вот ее уже нет и вокруг так светло, что свет ослепил меня. Я крепко зажмурился и несколько секунд не открывал глаза.

Когда я открыл их, все вокруг было голубым. Такого голубого цвета мне еще не приходилось видеть. Цвет был не синий и не ярко-голубой, а именно голубой, чистый сверкающий свет, какого я никогда раньше не видел и не могу описать. Я огляделся. Потом взглянул вверх и покрутил головой. Приподнявшись, посмотрел вниз сквозь стекло кабины. Все было голубым. Было светло и ясно, будто светило солнце, но солнца не было.

И тут я увидел их.

Надо мной и впереди меня по небу летели самолеты, вытянувшись в тонкую длинную линию. Они двигались вперед одной черной линией, все летели с одной скоростью, в одном направлении, близко друг от друга, один за другим, и эта линия растянулась по небу насколько хватало глаз. Так они и летели, не сворачивая со взятого курса, точно парусные суда, подгоняемые сильным ветром, и тут я все понял. Сам не знаю, как я догадался, но, глядя на них, я понял, что это летчики и экипажи, убитые в боях, а теперь они в своих самолетах отправились в свой последний полет, в последнее путешествие.

Поднявшись выше и приблизившись к ним, я узнал некоторые машины. В этой длинной процессии были почти все типы самолетов. Я видел "ланкастеры" и "дорнье", "галифаксы" и "харрикейны", "мессершмитты", "спитфайры", "стерлинги", "савойи-семьдесят-девять-эс", "юнкерсы-восемьдесят-восемь-эс", "гладиаторы", "хэмпдены", "маччи-двести-эс", "бленхеймы", "фокке-вульфы", "бофайтеры", "сордфиши" и "хейнкели". Я видел самолеты всех этих типов да и многих других, и я видел, как движущаяся линия достигла края голубого неба, прорезав его из конца в конец, и наконец исчезла из виду.

Я находился близко от них, и мне казалось, что меня тянет за ними помимо моей воли. Мою машину подхватил ветер и начал подбрасывать ее, как игрушку, и меня вихрем потянуло за другими самолетами. Я ничего не мог поделать, потому что меня захватил вихрь и закружил ветер. Все это произошло очень быстро, но я четко все помню. Помню, что мой самолет потянуло сильнее, я летел все быстрее и быстрее и вскоре и сам вдруг оказался в процессии, двигаясь вперед вместе с остальными, с той же скоростью и тем же курсом. Впереди меня летел - так близко, что я видел, какого цвета краска на крыльях, - "сордфиш", старый "сордфиш" военно-морской авиации. Я видел головы и шлемы летчика-наблюдателя и пилота, сидевших в кабине один за другим. За "сордфишем" летел "дорнье", "летающий карандаш", а за "дорнье" другие машины, типы которых я не мог определить из-за расстояния.

Мы летели все дальше и дальше. Свернуть или улететь от них я не мог, даже если бы захотел. Не знаю почему, хотя, возможно, все дело было в вихре и в ветре. Да, так и есть. Мало того, я не управлял своим самолетом; он летел сам по себе. Мне не нужно было ни маневрировать, ни следить за скоростью и высотой, я не управлял ни двигателем, ни самолетом. Я бросил взгляд на приборную доску и увидел, что приборы не работают, как это бывает, когда машина стоит на земле.

Итак, мы продолжали лететь. Понятия не имею, как быстро мы летели. Ощущения скорости не было, но, насколько я мог себе представить, она составляла что-то около миллиона миль в час. Вспоминаю, что ни разу тогда я не почувствовал ни холода или жары, ни голода или жажды; ничего этого я не чувствовал. Страх я тоже не чувствовал, потому что не знал, чего бояться. Беспокорства не чувствовал, потому что ничего не помнил и не думал ни о чем таком, что вызывает беспокорство. У меня не было желания что-либо делать, да и вообще не было никаких желаний. От того, где нахожусь, я испытывал только удовольствие - все вокруг расцвечено прекрасными яркими красками. Я случайно увидел отражение своего лица в зеркале: я улыбался, улыбался глазами и

ртом. Отвернувшись, я знал, что продолжаю улыбаться, потому что мне хотелось улыбаться. Летчик-наблюдатель в "сордфише" как-то раз обернулся и помахал мне рукой. Я отодвинул фонарь кабины и помахал ему в ответ. Помню, что, когда я открыл кабину, не было ни дуновения, не стало ни холоднее, ни теплее, а руку мою не обдал горячий воздух от двигателей. Потом я заметил, что все машут друг другу, как дети на детской железной дороге, и я обернулся и помахал летчику в "маччи", летевшему за мной.

Но тут далеко впереди стало что-то происходить. Я увидел, что самолеты меняют курс, поворачивают налево и теряют высоту. Вся процессия, достигнув определенной точки, накренившись, спускалась вниз широким, с большим охватом, кругом. Я инстинктивно посмотрел вниз и увидел раскинувшуюся подо мною обширную зеленую равнину. Она была зеленой, гладкой и красивой и простиралась к самому краю горизонта, где небесная голубизна смыкалась с зеленью равнины.

И еще там был свет. С левой стороны далеко-далеко возник яркий белый свет, сиявший ярко, но бесцветно. Казалось, это было солнце, но гораздо больше, чем солнце, нечто бесформенное и аморфное. Свет был яркий, но не ослепляющий, и исходил он от того, что лежало на дальнем конце зеленой равнины. Свет распространялся во все стороны из ослепительно-яркой точки и заливал небо и всю долину. Увидев его в первый раз, я поначалу глаз не мог от него оторвать. У меня не было желания приближаться к нему, входить в него, и почти тотчас же меня охватило столь страстное желание слиться с ним, что я несколько раз попытался увести свой самолет из строя и полететь прямо на свет, но это было невозможно, и я вынужден был лететь вместе со всеми.

Как только самолеты вошли в крен и стали терять высоту, я последовал за ними. Мы начали спускаться к лежавшей внизу зеленой равнине. Теперь, когда равнина оказалась ближе, я увидел на ней огромное множество самолетов. Они были всюду - точно смородина рассыпалась по зеленому ковру. Их были многие сотни, и каждую минуту, почти каждую секунду число их увеличивалось, по мере того как садились и выруливали на стоянку те, кто летел впереди меня.

Мы быстро теряли высоту. Скоро я увидел, как те, которые летят прямо передо мной, выпускают шасси и готовятся к посадке. "Дорнье", летевший за одну машину до меня, выровнялся и приземлился. За ним сел "сордфиш". Летчик свернул немного влево от "дорнье" и приземлился рядом с ним. Я свернул влево от "сордфиша" и выровнял самолет, после чего выглянул из кабины и посмотрел на землю, рассчитывая высоту. Зеленая под быстро летевшим самолетом слилась в одно сплошное пятно.

Я ждал, когда мой самолет коснется земли. Казалось, на это уходило слишком много времени. "Ну, - говорил я. - Ну, давай же, давай". Я был лишь в шести футах от земли, но самолет не терял высоты. "Да садись же, закричал я. - Пожалуйста, садись". Я потерял голову. Меня охватил страх. Вдруг я заметил, что набираю скорость. Я выключил зажигание, но это ни к чему не привело. Самолет набирал скорость и летел все быстрее и быстрее. Я оглянулся и увидел позади длинную процессию из самолетов, падавших с неба и заходивших на посадку. На земле я увидел множество самолетов, разбросанных по равнине, а на одном конце ее был виден свет, сверкающий белый свет, который так ярко озарял всю равнину. К нему меня и тянуло. Я знал, что стоит мне приземлиться, и я побегу к этому свету, как только выберусь из самолета.

А теперь я улетаю от него. Мой страх увеличивался. Чем быстрее и чем дальше я улетаю, тем больший страх меня одолевал, и я стал сопротивляться как только мог: дергал за ручку управления, боролся с самолетом, пытаюсь развернуть его назад к свету. Когда я понял, что это невозможно, я попытался убить себя. Я попробовал войти в пике, чтобы врезаться в землю, но самолет продолжал лететь прямо. Я попытался выпрыгнуть из кабины, но на моем плече будто лежала чья-то рука и прижимала меня к сиденью. Попробовал я и биться головой о стены кабины, но и это ни к чему не привело, и я продолжал бороться со своей машиной и неизвестно с чем еще, пока вдруг не заметил, что нахожусь в облаке. Я попал в такое же плотное белое облако, что и раньше; и самолет,

казалось, набирал высоту. Я оглянулся. Облако окружало меня со всех сторон. Не было ничего, кроме этой обширной непроницаемой белизны. У меня закружилась голова. Тошнота подступила к горлу. Мне теперь было все равно, что будет дальше. Потеряв к происходящему всякий интерес, я просто сидел, позволив машине лететь самой по себе.

Прошло много времени. Я уверен, что сидел так несколько часов. Должно быть, я уснул. Пока я спал, мне снился сон. Мне снилось не то, что я только что видел. Мне снилась моя повседневная жизнь: эскадрилья, Никки и аэродром здесь, в Хайфе. Мне снилось, будто я сижу в готовности возле ангара с двумя другими летчиками, будто от военных моряков поступила просьба, чтобы кто-нибудь быстренько произвел разведку над Бейрутом, а поскольку я должен был лететь первым, то я вскочил в свой "харрикейн" и умчался. Мне снилось, будто я пролетел над Тиром и Сидоном и над рекой Дамур и поднялся на высоту двадцать тысяч футов. Потом я повернул в сторону ливанских гор, развернулся и приблизился к Бейруту с востока. Я был над городом; глядя вниз на гавань, я старался обнаружить французские эсминцы. Скоро я увидел их, увидел отчетливо; они стояли на якоре у верфи бок о бок, и я на вираже развернулся и полетел домой как можно быстрее.

Военные моряки не правы, думал я в пути. Эсминцы все еще в гавани. Я взглянул на часы. Прошло полтора часа. "Быстро я обернулся, - сказал я. Они будут довольны". Я попытался связаться по радио, чтобы передать информацию, но мне это не удалось.

Потом я вернулся сюда. Когда я приземлился, вы все собрались вокруг меня и стали спрашивать, где я пропал два дня, но я ничего не мог вспомнить. Пока не сбили Пэдди, я ничего не помнил, кроме полета в Бейрут. Как только его машина ударилась о землю, я поймал себя на том, что говорю: "Ну и повезло же тебе, подлец. Как же тебе повезло". И сказав это, я понял, почему произнес эти слова. Я все вспомнил. Вот тогда я и закричал по радио. Я тогда все вспомнил.

Киль умолк. Никто не шелохнулся и не произнес ни слова за все то время, что он говорил. Теперь заговорил Шеф. Он переступил с ноги на ногу, повернулся к окну и тихо, почти шепотом, произнес:

– Черт знает что.

И мы все продолжили снимать комбинезоны и складывать их в углу на пол, все, кроме Старика, этого приземистого коротышки. Он стоял и смотрел, как Киль медленно идет в угол, чтобы сложить там свою одежду.

После рассказа Киля жизнь в эскадрилье снова вошла в норму. Исчезло напряжение, которое мы испытывали больше недели. На аэродроме всем было занятие. Но никто больше не вспоминал о путешествии Киля. Мы никогда больше об этом не говорили, даже когда пили по вечерам в "Эксельсиоре" в Хайфе.

Сирийская кампания подходила к концу. Всем было ясно, что скоро она должна закончиться, хотя французы и сражались отчаянно на юге от Бейрута. Мы продолжали летать. Мы много летали над судами, с которых обстреливали берег, ибо наша работа состояла в том, чтобы защищать их от "Юнкерсов-88", прилетающих с Родоса. Во время последнего полета над судами и был убит Киль.

Мы летели высоко над кораблями, когда нас атаковали крупными силами Ю-88 и началось сражение. У нас в воздухе было только шесть "харрикейнов"; "юнкерсов" налетело много, и битва была серьезная. Не очень хорошо помню, как тогда все происходило, да это и не запомнишь. Но помню, что сражение было сумасшедшим, с преследованиями, "юнкеры" с ходу атаковали корабли, с кораблей отстреливались, пуская в воздух все, что можно, так что небо было полно белых цветов, которые быстро расцветали, вырастали на глазах и уносились с ветром. Помню, как немец взорвался в воздухе. Это произошло быстро, вспыхнуло что-то белое, и там, где только что был бомбардировщик, ничего не осталось, только крошечные железные обломки медленно посыпались вниз. Помню еще одного, у которого отстрелили заднюю турель, и та летела вместе со стрелком, который уцепился за хвост стропами, пытаясь снова взобраться в

машину. Помню одного смельчака, который оставался вверху, чтобы биться с нами, пока другие заходили на бомбометание. Помню, мы его сбили, и помню, как он медленно перевернулся на спину, бледно-зеленым животом вверх, как дохлая рыба, а потом штопором ринулся вниз.

И помню Киля.

Я был рядом с ним, когда его самолет загорелся. Я видел, как пламя вырывается из носа его машины и пляшет на капоте двигателя. Из выхлопных патрубков его "харрикейна" потянулся черный дым.

Я подлетел ближе и стал вызывать его по радио:

– Алло, Киль. Тебе надо прыгать.

Я услышал его голос. Он говорил спокойно и медленно:

– Это не так-то просто.

– Прыгай, - кричал я, - прыгай быстрее.

Я видел его под стеклянной крышей кабины. Он посмотрел в мою сторону и покачал головой.

– Это не так-то просто, - ответил он. - Я ранен. У меня прострелены руки, и я не могу расстегнуть замок привязных ремней.

– Выпрыгивай, - кричал я. - Ради бога, прыгай же!

Но он не отвечал. Какое-то время его самолет продолжал лететь прямо, а потом мягко, словно умирающий орел, опустил одно крыло и устремился к морю. Я смотрел ему вслед; в небе осталась тонкая полоска черного дыма. И тут я снова услышал голос Киля, который отчетливо и медленно произнес: "Ну и повезло же мне, подлецу. Как же мне повезло".

Осторожно, злая собака

Внизу нескончаемым морем простирались волнистые облака. Сверху светило солнце. Оно было белым, как и облака, потому что солнце никогда не бывает желтым, когда на него смотришь, находясь высоко в небе.

Он продолжал лететь на "спитфайре". Его правая рука была на штурвале, а руль направления он контролировал одной левой ногой. Это было очень просто. Машина летела хорошо. Он знал, что делает.

Все идет отлично, думал он. Все в порядке. Со мной все нормально. Дорогу домой я знаю. Буду там через полчаса. Когда приземлюсь, вырублю на стоянку, выключу двигатель и скажу: "Ну-ка, помогите мне выбраться". Постараюсь, чтобы голос мой звучал как обычно и естественно, никто ничего и не заметит. Потом я скажу: "Да помогите же кто-нибудь выбраться. Самому мне этого не сделать, я ведь ногу потерял". Они все рассмеются и подумают, что я шучу, и тогда я скажу: "Хорошо, идите и сами посмотрите, мерзавцы неверующие". Тогда Йорки заберется на крыло и заглянет внутрь кабины. Его, наверное, стошнит, столько там кровавого месива. А я рассмеюсь и скажу: "Ради бога, да помогите же мне выбраться".

Он снова взглянул на свою правую ногу. От нее мало что осталось. Осколок угодил ему в бедро, чуть выше колена, и теперь там была лишь кровавая мешанина. Но боли не было. Когда он смотрел на свою ногу, ему казалось, будто он смотрит на что-то чужое. То, на что он смотрел, не имело к нему отношения. Просто в кабине оказалось какое-то месиво, и это странно, необычно и довольно занятно. Это все равно что найти на диване мертвого кота.

Он и вправду чувствовал себя отлично, немного, разве что, был взвинчен, но страха не испытывал.

И не буду я выходить на связь, чтобы приготовили санитарную машину, думал он. К чему это? А когда приземлюсь, из кабины вылезать в этот раз сам не буду, но скажу: "Эй, ребята, кто там есть. Идите сюда, помогите-ка мне вылезти, я ведь ногу потерял". Вот будет смеху. Я и сам хохотну, когда скажу это; я произнесу это спокойно и медленно, а они подумают, будто я шучу. Когда Йорки залезет на крыло и его стошнит, я скажу:

"Иорки, старый ты сукин сын, ты приготовил мою машину?" Потом, когда выберусь, напишу рапорт. А уже потом полечу в Лондон. Возьму полбутылки виски и зайду к Голубке. Сядем у нее в комнате и будем пить. Воду я наберу из крана в ванной. Много я говорить не буду, но, когда придет время идти спать, я скажу: "Слушай, Голубка, а у меня для тебя сюрприз. Сегодня я потерял ногу. Но мне все равно, если и ты не против. Мне даже не больно. В машине мы куда угодно съездим. Пешком ходить я никогда не любил, если не считать прогулок по улицам медников в Багдаде, но я могу передвигаться на рикше. Могу поехать домой и рубить там дрова, правда, обух то и дело соскакивает с топорщица. Надо бы его в горячую воду опустить; положить в ванну, пусть разбухает. В прошлый раз я нарубил дома много дров, а потом положил топорщицу в ванну..."

Тут он увидел, как солнце сверкает на капоте двигателя его машины. Он видел, как солнце сверкает на заклепках в металле, и тогда вспомнил о самолете и о том, где он находится. Он уже не чувствовал себя хорошо, его тошнило и кружилась голова. Голова то и дело падала на грудь, потому что у него уже не было сил держать ее. Но он знал, что летит на "спитфайре". Пальцами правой руки он чувствовал ручку управления.

"Сейчас я потеряю сознание, подумал он. В любой момент могу отключиться".

Он бросил взгляд на высотомер. Двадцать одна тысяча. Чтобы испытать себя, он попробовал сосредоточиться на сотнях и тысячах. Двадцать одна тысяча и сколько? Показания высотомера размылись. Он и стрелки не видел. Тут до него дошло, что надо прыгать с парашютом, нельзя терять ни секунды, иначе он потеряет сознание. Быстро, лихорадочно он попытался отодвинуть фонарь левой рукой, но сил не было. Он на секунду убрал правую руку с ручки управления, и двумя руками ему удалось отодвинуть крышку. Поток воздуха, казалось, освежил его. На минуту к нему вернулось ясное сознание. Его действия стали правильными и точными. Вот как это бывает с хорошими летчиками. Он сделал несколько быстрых и глубоких глотков из кислородной маски, а потом повернул голову и посмотрел вниз. Там было лишь обширное белое море из облаков, и он понял, что не знает, где находится.

"Наверное, это Ла-Манш. Точно, упаду в Ла-Манш".

Он стянул шлем, расстегнул привязные ремни и рывком поставил ручку управления в левое положение. "Спитфайр" мягко перевернулся через крыло на спину, и он резко отдал ручку от себя. Летчика выбросило из самолета.

Падая, он открыл глаза, потому что знал: ему нельзя терять сознание, прежде чем он дернет за кольцо парашюта. С одной стороны он видел солнце, с другой - белизну облаков, и, падая и переворачиваясь в воздухе, он видел, как облака бегут за солнцем, а солнце преследует облака. Так и бегали друг за другом по маленькому кругу; они бежали все быстрее и быстрее, солнце за облаками, облака - за солнцем, облака подбегали все ближе, и вдруг солнце исчезло и осталась одна лишь обширная белизна. Весь мир стал белым, и в нем ничего не было. Мир был таким белым, что иногда казался черным, а потом становился то белым, то черным, но больше белым. Он смотрел, как мир из белого становится черным, а потом опять белым, и белым он был долгое время, а черным - лишь несколько секунд. В эти белые периоды он засыпал, но просыпался, едва мир становился черным. Однако черным он был недолго - так, сверкнет иногда черной молнией. Белый мир тянулся долго, и тогда он засыпал.

Однажды, когда мир был белым, он протянул руку и дотронулся до чего-то. Он стал разминать это пальцами. Какое-то время он лежал и раскатывал пальцами то, что оказалось под рукой. Потом медленно открыл глаза, посмотрел на свою руку и увидел, что держит в руке нечто белое. Это был край простыни. Он знал, что это простыня, потому что видел фактуру ткани и строчку на кромке. Он сощурил глаза и тотчас снова открыл их. На этот раз он увидел комнату. Он увидел кровать, на которой лежал; он увидел серые стены, дверь, зеленые занавески на окнах. На столике возле кровати стояли розы.

Потом он увидел миску на столике рядом с розами. Миска была эмалированная, белая, а рядом стояла мензурка.

"Это госпиталь, - подумал он. - Я в госпитале". Но он ничего не помнил. Он откинулся на подушке, глядя в потолок и стараясь вспомнить, что же произошло. Он смотрел на ровный серый потолок, который был таким чистым и серым, и вдруг увидел, что по потолку ползет муха. При виде этой мухи, этой маленькой черной точки, неожиданно появившейся на сером море, пелена спала с его сознания, и он тотчас, в долю секунды, все вспомнил. Он вспомнил "спитфайр", вспомнил высотомер, показывающий двадцать одну тысячу футов. Вспомнил, как отодвигает назад фонарь кабины обеими руками и выпрыгивает с парашютом. Он вспомнил про свою ногу.

Теперь, кажется, с ним все в порядке. Он посмотрел на другой конец кровати, но ничего определенного сказать не смог. Тогда просунул руку под одеяло и ощупал колена. Одно из них он обнаружил сразу, но когда стал нащупывать другое, его рука коснулась чего-то мягкого, перебинтованного.

В эту минуту открылась дверь и вошла сестра.

– Привет, - сказала она. - Проснулся наконец. Несимпатичная, но большая и чистая. Лет тридцати-сорока, белокурая. Больше он ничего не сумел разглядеть.

– Где я?

– Тебе повезло. Ты упал в лес около пляжа. Ты в Брайтоне. Тебя привезли два дня назад, теперь с тобой все в порядке. Выглядишь ты отлично.

– Я потерял ногу.

– Это ничего. Мы тебе другую найдем. А теперь спи. Доктор придет через час.

Она взяла миску и мензурку и вышла.

Но он не мог уснуть. Ему хотелось лежать с открытыми глазами, потому что он боялся, что если снова закроет их, то все кончится. Он лежал и смотрел в потолок. Муха была все там же. Она вела себя очень энергично. Пробежит несколько дюймов, остановится. Еще пробежит, остановится, потом опять побежит, и при этом она то и дело взлетала и с жужжанием кружилась. Садилась она на одно и то же место на потолке, после чего опять бежала и останавливалась. Он так долго наблюдал за ней, что спустя какое-то время ему стало казаться, что это и не муха вовсе, а всего лишь черные пятнышко на сером море. Он продолжал следить за мухой, когда сестра открыла дверь. Она отступила в сторону, уступая дорогу врачу. Это был военный врач, на кителе у него были ленточки с прошлой войны. Он был лысый, небольшого роста, но у него было приветливое лицо и добрые глаза.

– Так-так, - сказал он. - Значит, решили все-таки проснуться. Как вы себя чувствуете?

– Хорошо.

– Вот и отлично. Мы вас быстренько поправим.

Врач взял его запястье, чтобы послушать пульс.

– Кстати, - сказал он, - звонили парни из вашей эскадрильи и спрашивали насчет вас. Хотят навестить, но я им сказал, чтобы подождали пару дней. Еще сказал, что с вами все в порядке и они могут заглянуть чуть попозже. Так что лежите спокойно и ни о чем не тревожьтесь. У вас есть что-нибудь почитать?

Он бросил взгляд в сторону столика, на котором стояли розы.

– Нет? Ничего, сестра об этом позаботится. Она в вашем полном распоряжении.

И с этими словами он махнул рукой и вышел, сопровождаемый сестрой.

Когда они ушли, он вытянулся на кровати и снова стал смотреть в потолок. Муха была все еще там. Пока он рассматривал ее, где-то вдалеке послышался шум самолета. Он прислушался к гулу двигателей. Шум был очень далеко. "Интересно, что это за самолет, - подумал он. - Попробую определить тип". Неожиданно он резко дернул головой. Всякий, кто подвергался бомбардировке, может по звуку узнать "Юнкерс-88". По шуму можно вычислить и другие немецкие самолеты, но "Юнкерс-88" издает особый звук. Он обладает низким, басовым вибрирующим голосом, в котором слышится высокий тенор. Именно тенор и отличает "Юнкерс-88", так что ошибиться невозможно.

Он прислушивался к звуку, и ему показалось, что он точно знает, какой это самолет. Но где же сирены и орудия? Этот немецкий летчик большой смельчак, если отважился оказаться около Брайтона среди бела дня.

Самолет гудел где-то вдали, и скоро звук пропал. Потом появился другой звук, на этот раз тоже где-то вдалеке, но опять же - глубокий вибрирующий бас смешался с высоким колеблющимся тенором, так что ошибиться невозможно. Он слышал такие звуки каждый день во время битвы за Британию.

Он был озадачен. На столике рядом с кроватью стоял колокольчик. Он протянул руку и позвонил в него. В коридоре раздались шаги. Вошла сестра.

– Сестра, что это были за самолеты?

– Вот уж не знаю. Я их не слышала. Наверное, истребители или бомбардировщики. Думаю, они возвращаются из Франции. А в чем дело?

– Это были "ю-восемьдесят-восемь". Уверен, что это "ю-восемьдесят-восемь". Я знаю, как звучат их двигатели. Их было двое. Что они здесь делали?

Сестра подошла к кровати, разгладила простыню и подоткнула ее под матрас.

– О господи, да что ты там себе выдумываешь. Не нужно тебе ни о чем таком думать. Хочешь, принесу что-нибудь почитать?

– Нет, спасибо.

Она взбила подушку и убрала волосы с его лба.

– Днем они больше не прилетают. Да ты и сам это знаешь. Это, наверное, "ланкастеры" или "летающие крепости".

– Сестра.

– Да?

– Можете дать мне сигарету?

– Ну конечно же.

Она вышла и почти тотчас вернулась с пачкой "плейерс" и спичками. Она дала ему сигарету и, когда он вставил ее в рот, зажгла спичку, и он закурил.

– Если понадобится, - сказала она, - просто позвони в колокольчик.

И она вышла.

Вечером он еще раз услышал звук самолета, уже другого. Тот летел где-то далеко, но, несмотря на это, он определил, что машина одномоторная. Она летела быстро; это было ясно. Что за тип, трудно сказать. Не "спит" и не "харрикейн". Да и на американский двигатель не похоже. Те шумнее. Он не знал, что это за самолет, и это не давало ему покоя. Наверное, я очень болен, - подумал он. - Наверное, мне все чудится. Быть может, я в бреду. Просто не знаю, что и думать".

В этот вечер сестра принесла миску с горячей водой и начала его обмывать.

– Ну так как, - спросила она, - надеюсь, тебе больше не кажется, что нас бомбят?

Она сняла с него верхнюю часть пижамы и стала фланелью намыливать ему руку. Он не отвечал.

Она смочила фланель в воде, еще раз намылила ее и стала мыть ему грудь.

– Ты отлично выглядишь сегодня, - сказала она. - Тебе сделали операцию, как только доставили. Отличная была работа. С тобой все будет в порядке. У меня брат в военно-воздушных войсках, - прибавила она. - Летает на бомбардировщиках.

– Я ходил в школу в Брайтоне, - сказал он.

Она быстро взглянула на него.

– Что ж, это хорошо, - сказала она. - Наверное, у тебя в городе есть знакомые.

– Да, - ответил он. - Я здесь многих знаю.

Она вымыла ему грудь и руки, после чего отдернула одеяло в том месте, где была его левая нога, притом она сделала это так, что перевязанный обрубок остался под одеялом. Развязав тесемку на пижамных брюках, сняла и их. Это было нетрудно сделать, потому что правую штанину отрезали, чтобы она не мешала перевязке. Она стала мыть

его левую ногу и остальное тело. Его впервые мыли в кровати, и ему стало неловко. Она подложила полотенце ему под ступню и стала мыть ногу фланелью.

– Проклятое мыло совсем не мылится. Вода здесь такая. Жесткая, как железо, - сказала она.

– Сейчас вообще нет хорошего мыла, а если еще и вода жесткая, тогда, конечно, совсем дело плохо, - сказал он.

Тут воспоминания нахлынули на него. Он вспомнил ванны в брайтонской школе. В длинной ванной комнате с каменным полом стояли в ряд четыре ванны. Он вспомнил - вода была такая мягкая, что потом приходилось принимать душ, чтобы смыть с тела все мыло, и еще он вспомнил, как пена плавала на поверхности воды, так что ног под водой не было видно. Еще он вспомнил, что иногда им давали таблетки кальция, потому что школьный врач говорил, что мягкая вода вредна для зубов.

– В Брайтоне, - заговорил он, - вода не...

Но не закончил фразу. Ему кое-что пришло в голову, нечто настолько фантастическое и нелепое, что он даже задумался - а не рассказать ли об этом сестре, чтобы вместе с ней посмеяться.

Она посмотрела на него.

– И что там с водой? - спросила она.

– Да так, ничего, - ответил он. - Просто что-то вспомнилось.

Она сполоснула фланель в миске, стерла мыло с его ноги и вытерла его полотенцем.

– Хорошо, когда тебя вымоют, - сказал он. - Мне стало лучше.

Он провел рукой по лицу.

– Побриться бы.

– Оставим на завтра, - сказала она. - Это ты и сам сделаешь.

В эту ночь он не мог уснуть. Он лежал и думал о "Юнкерсах-88" и о жесткой воде. Ни о чем другом он думать не мог. "Это были "ю-восемьдесят-восемь", - сказал он про себя. Точно знаю. Однако этого не может быть, ведь не могут же они летать здесь так низко среди бела дня. Знаю, что это "юнкерсы" и знаю, что этого не может быть. Наверное, я болен. Наверное, я веду себя как идиот и не знаю, что говорю и что делаю. Может, я брежу". Он долго лежал и думал обо всем этом, а раз даже приподнялся в кровати и громко произнес:

– Я докажу, что не сумасшедший. Я произнесу небольшую речь о чем-нибудь важном и умном. Буду говорить о том, как поступить с Германией после войны.

Но не успел он начать, как уже спал.

Он проснулся, когда из-за занавешенных окон пробивался дневной свет. В комнате было еще темно, но он видел, как свет за окном разгоняет тьму. Он лежал и смотрел на серый свет, который пробивался сквозь щель между занавесками, и тут вспомнил вчерашний день. Он вспомнил "Юнкерсы-88" и жесткую воду. Он вспомнил приветливую сестру и доброго врача, а потом зернышко сомнения зародилось в его мозгу и начало расти.

Он оглядел палату. Розы сестра вынесла накануне вечером. На столике были лишь пачка сигарет, коробок спичек и пепельница. Палата была голая. Она больше не казалась теплой и приветливой. И уж тем более удобной. Она была холодная и пустая, и в ней было очень тихо.

Зерно сомнения медленно росло, а вместе с ним пришел страх, легкий пляшущий страх; он скорее предупреждал о чем-то, нежели внушал ужас. Такой страх появляется у человека не потому, что он боится, а потому, что чувствует: что-то не так. Сомнение и страх росли так быстро, что он занервничал и рассердился, а когда дотронулся до лба рукой, обнаружил, что лоб мокрый от пота. Надо что-то предпринимать, решил он, нужно как-то доказать самому себе, что он либо прав, либо не прав. Он снова увидел перед собой окно и зеленые занавески. Окно находилось прямо перед его кроватью, однако в целых

десяти ярдах от него. Надо бы каким-то образом добраться до окна и выглянуть наружу. Эта мысль полностью захватила его, и теперь он не мог думать ни о чем другом, кроме как об окне. Но как же быть с ногой? Он просунул руку под одеяло и нащупал толстый перебинтованный обрубок - все, что осталось с правой стороны. Казалось, там все в порядке. Боли нет. Но вот тут-то и может возникнуть проблема.

Он сел на кровати. Потом откинул в сторону одеяло и спустил левую ногу на пол. Действуя медленно и осторожно, он сполз с кровати на ковер и оперся обеими руками о пол. Стоя в таком положении, он посмотрел на обрубок - очень короткий и толстый, весь перевязанный. В этом месте появилась боль и стала пульсировать кровь. Ему захотелось рухнуть на пол и ничего не делать, но он знал, что надо двигаться дальше.

С помощью рук он как можно дальше передвигался вперед, потом слегка подпрыгивал и волочил левую ногу. Каждый раз он стонал от боли, но продолжал ползти по полу на руках и ноге. Приблизившись к окну, он ухватился руками за подоконник, сначала одной, потом другой, и медленно встал на одну ногу, потом быстро отдернул занавески и выглянул наружу.

Он увидел маленький домик с серой черепичной крышей. Дом стоял в одиночестве близ узкой аллеи, а за ним начиналось вспаханное поле. Перед домиком был неухоженный сад. От аллеи сад отделяла зеленая изгородь. На изгороди он увидел табличку. Это была обыкновенная дощечка, прибитая к короткой жерди, а поскольку изгородь давно не приводили в порядок, ветки обвили табличку, так что казалось, будто ее установили посреди изгороди. На дощечке что-то было написано белой краской. Он уткнулся в оконное стекло, пытаясь прочитать надпись. Первая буква была "G", это он четко видел, вторая - "a", а третья - "r". Ему удалось разобрать буквы одну за одной. Всего было три слова, и он медленно их прочитал по буквам: "G-a-r-d-e-a-u-s-h-i-e-n"²⁹. Только это и было там написано.

Он нетвердо стоял на одной ноге, крепко ухватившись руками за подоконник, и смотрел на табличку и на буквы, выведенные белой краской. Какое-то время ни о чем другом он и думать не мог. Он смотрел на табличку и повторял про себя написанные на ней слова. Неожиданно до него дошло. Он еще раз посмотрел на домик и на вспаханное поле. Потом посмотрел на фруктовый сад слева от домика и окинул взглядом всю местность, покрытую зеленью.

– Значит, я во Франции, - произнес он. - Я во Франции.

Кровь сильно пульсировала в правом бедре. Было такое ощущение, словно кто-то стучит по обрубку молотком, и вдруг боль стала такой сильной, что у него в голове помутилось. Ему показалось, что он сейчас упадет. Он снова быстро опустился на пол, подполз к кровати и взобрался на нее, после чего в изнеможении откинулся на подушку и натянул на себя одеяло. Он по-прежнему не мог думать ни о чем другом, кроме как о табличке на изгороди, о вспаханном поле и фруктовом саде. Слова на табличке не выходили у него из головы.

Спустя какое-то время пришла сестра. Она принесла миску с горячей водой.

– Доброе утро, как ты себя сегодня чувствуешь? - сказала она.

Боль под перевязкой была все еще сильная, но ему не хотелось ей ничего говорить. Он смотрел, как она возится с тем, что принесла с собой. Теперь он рассмотрел ее внимательнее. У нее были очень светлые волосы. Женщина она была высокая, крупная, с приятным лицом. Но в глазах ее была какая-то тревога. Глаза все время бегали, не задерживаясь ни на чем более мгновения, и быстро перебегали с одного предмета на другой. Да и в движениях было что-то особенное. Движения ее были чересчур резкие и нервные, что никак не сочеталось с тем небрежным тоном, каким она разговаривала.

Она поставила миску, сняла верхнюю часть его пижамы и стала обмывать его торс.

– Ты хорошо спал?

– Да.

– Вот и отлично, - сказала она.

Она мыла ему руки и грудь.

– Кажется, после завтрака кто-то из воздушного ведомства собирается навестить тебя, - продолжала она. - Им нужен отчет, или как там это у вас называется. Да ты лучше знаешь. Как тебя сбили и все такое. Я не дам им засиживаться, так что не беспокойся.

Он не отвечал. Она обмыла его и дала ему зубную щетку и порошок. Он почистил зубы, сполоснул рот и выплюнул воду в миску.

Потом она принесла ему завтрак на подносе, но есть он не хотел. Он по-прежнему ощущал слабость, его подташнивало. Ему хотелось лежать не двигаясь и думать о том, что произошло. А из головы у него не выходила фраза. Эту фразу Джонни, офицер разведки из его эскадрильи, каждый день повторял летчикам перед вылетом. У него и сейчас Джонни стоял перед глазами. Вот он стоит с трубкой в руке, прислонившись к летному домику на запасном аэродроме, и говорит: "Если вас собьют, называйте только свое имя, звание и личный номер. Больше ничего. Ради бога, не говорите больше ничего".

– Ну вот, - сказала она и поставила поднос ему на колени. - Съешь-ка яйцо. Сам справишься?

– Да.

Она стояла возле его кровати.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да.

– Вот и отлично. Если яйца мало, то, думаю, смогу принести еще одно.

– Нет, хватит.

– Ну ладно, позвони в колокольчик, если захочешь чего-нибудь еще.

И она вышла из палаты.

Он как раз доедал то, что сестра принесла, когда она возвратилась.

– Пришел Робертс, командир авиакрыла. Я ему сказала, что он может находиться здесь только несколько минут.

Она сделала знак рукой, и вошел командир авиакрыла.

– Извините за беспокойство, - сказал он.

Это был офицер ВВС Великобритании, в выдавшей виды форме. Его китель украшали "крылья"³⁰ и крест "За летные боевые заслуги". Он был довольно высок и худощав, с большой копной черных волос. Из рта у него торчали неровные, неплотно примыкающие друг к другу зубы, хотя он и старался сжимать губы покрепче. Он достал бланк и карандаш и, придвинув к кровати стул, уселся.

– Как вы себя чувствуете?

Ответа не последовало.

– Не повезло вам с ногой. Знаю, каково вам. Слышал, какой концерт вы им устроили, прежде чем они вас сбили.

Человек на кровати лежал совершенно неподвижно, глядя на другого человека, который сидел на стуле.

Человек, сидевший на стуле, сказал:

– Давайте покончим с этим побыстрее. Боюсь, вам придется ответить на несколько вопросов, а я заполню боевое донесение. Итак, для начала, из какой вы эскадрильи?

Человек, лежавший на кровати, не шелохнулся. Он смотрел прямо в глаза командиру авиакрыла.

– Меня зовут Питер Уильямсон. Я ведущий эскадрильи, мой номер девять-семь-два-четыре-пять-семь.

Рекомендации по применению интерактивных методов обучения

Интерактивные методы обучения дают реальную возможность создать в аудитории атмосферу партнерства. Преподаватель, получивший в руки технологию, основанную на интерактивных методах, а не готовые рецепты хороших занятий, обучается работать в режиме творческого соавторства, в готовности к обоснованным изменениям и принятию нестандартных и ответственных решений. Интерактивные методы обучения позволяют педагогу:

- обеспечить интерес обучаемых к теме занятия,
- достигнуть более прочного усвоения учебного материала,
- развивать аналитическое мышление,
- формировать коммуникативные навыки,
- создавать условия для вовлечения всех обучаемых в активную учебную деятельность,
- обеспечить благоприятный психологический микроклимат в учебной группе и др.

Внедрение интерактивных форм обучения – одно из важнейших направлений совершенствования подготовки студентов в современном вузе.

Студенты легче вникают, понимают и запоминают материал, который они изучали посредством активного вовлечения в учебный процесс.

Исходя из этого, основные методические инновации связаны сегодня с применением именно интерактивных методов обучения.

Интерактивный метод («Inter» - это взаимный, «act» - действовать) – означает взаимодействовать, находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо.

Другими словами, в отличие от активных методов, интерактивные ориентированы на более широкое взаимодействие студентов не только с преподавателем, но и друг с другом и на доминирование активности студентов.

Стадия вызова:

Задачи данной фазы:

1. Актуализация и обобщение имеющихся у учащегося знаний по данной теме.
2. Пробуждение познавательного интереса к изучаемой теме.
3. Обнаружение и осознание недостаточности наличных знаний.
4. Побуждение ученика к активной деятельности.

Функции стадии “Вызова”:

- Мотивационная (побуждение к работе с новой информацией, стимулирование интереса к постановке и способам реализации цели);
- Информационная (вызов на “поверхность” имеющихся знаний по теме);
- Коммуникационная (бесконфликтный обмен мнениями).

Функции трех фаз технологии развития критического мышления

Вызов Мотивационная (побуждение к работе с новой информацией,	Осмысление содержания Информационная (получение новой информации по теме) Систематизационная (классификация полученной	Рефлексия Коммуникационная (обмен мнениями о новой информации)

пробуждение интереса к теме) Информационная (вызов «на поверхность» имеющихся знаний по теме) Коммуникационная (бесконфликтный обмен мнениями)	информации по категориям знания)	Информационная (приобретение нового знания) Мотивационная (побуждение к дальнейшему расширению информационного поля) Оценочная (соотнесение новой информации и имеющихся знаний, выработка собственной позиции, оценка процесса)

В чем же инновационность представленной модели? Нам представляется, что эта модель, выходя за рамки классической технологической стратегии, тем не менее представляет опыт практической реализации лично-ориентированного подхода в обучении. Особенностью данной педагогической технологии является то, что учащийся в процессе обучения сам конструирует этот процесс, исходя из реальных и конкретных целей, сам отслеживает направления своего развития, сам определяет конечный результат. С другой стороны, использование данной стратегии ориентировано на развитие навыков вдумчивой работы с информацией, с текстом.

Метод вызова - Мозговой штурм

(мозговая атака, brainstorming) — оперативный метод решения проблемы на основе стимулирования творческой активности, при котором участникам обсуждения предлагают высказывать как можно большее количество вариантов решения.

Правила “мозгового штурма”:

- высказывание предложений без всяких ограничений, чем громче, тем лучше;
- всякая идея позволительна;
- идеи высказываются без мотивировки, только по существу задачи;
- не допускается критика идей, их обсуждение и оценка до прекращения поступления предложений;
- все предложения фиксируются.

После проведения мозгового штурма перечень возможных решений должен быть изучен, чтобы найти лучшее из них.

Шаги для эффективного мозгового штурма:

1. Рассадите участников в непринужденной манере.
2. Подготовьте доску или листы для записи идей.
3. Доведите проблему до участников мозгового штурма.
4. Определите правила работы :
 - а) никакой оценки идей в процессе их выдвижения,
 - б) полная свобода мысли,
 - в) чем больше идей, тем лучше,

г) «ловите», «схватывайте» и развивайте идеи других (комбинируйте, переделывайте и т.д.)

Спрашивайте об идеях и быстро их записывайте по мере их поступления.

Когда лист бумаги заполнен, перевешивайте его на стену.

Стимулируйте новые идеи, добавляя свои собственные.

Не допускайте смеха, ироничных комментариев или насмешек над идеями других.

Продолжайте как можно дольше, пока идеи не иссякнут.

Мозговой штурм в учебном процессе может проводиться во время лекции - индивидуально или в парах обучающихся, на практических занятиях - в малых группах (4-7 человек), а также в составе группы. Мозговой штурм позволяет во время занятия активизировать слушателей, снять утомление, включить всех в процесс поиска идей и т.п. Одна из разновидностей мозгового штурма – парная мозговая атака. Если предстоит работа с фактологической информацией, то студентам можно предложить составить списки фактов, которые они знают или думают, что знают, по теме занятия (Васса, 1986). После двух минут индивидуальной работы студенты поворачиваются друг к другу, обсуждают и объединяют свои списки.

КЛАСТЕРЫ

Прием «Кластеры» применим как на стадии вызова, так и на стадии рефлексии. Суть приема заключается в том, что информация, касающаяся какого – либо понятия, явления, события, описанного в тексте, систематизируется в виде кластеров (гроздьев). В центре находится ключевое понятие. Последующие ассоциации обучающиеся логически связывают с ключевым понятием. В результате получается подобие опорного конспекта по изучаемой теме.

Данный прием позволяет каждому учащемуся выйти на собственное целеполагание, выделить значимые именно для него понятия. Прием «Кластер» позволяет не только активизировать лексические единицы в речи учащихся и ввести новые, но и, объединив их в связное высказывание, тренировать различные грамматические структуры, в зависимости от поставленной цели.

ДЕРЕВО ПРЕДСКАЗАНИЙ

Этот прием помогает строить предположения по поводу развития сюжетной линии рассказа или повествования. Правила работы с данным приемом таковы: возможные предположения учащихся моделируют дальнейший финал данного рассказа или повествования. Ствол дерева - тема, ветви - предположения, которые ведутся по двум основным направлениям - "возможно" и "вероятно" (количество "ветвей" не ограничено), и, наконец, "листья" - обоснование этих предположений, аргументы в пользу того или иного мнения. «Дерево предсказаний» целесообразно использовать на стадии закрепления лексики с целью анализа какой – либо проблемы, обсуждения текста, прогнозирования событий. Поскольку данный прием строится именно на предположении и прогнозировании, то в речи учащихся активно используются конструкции будущего времени и сослагательного наклонения.

Знание слов имеет решающее значение для понимания прочитанного, с этой целью приучаем студентов к составлению словарных карт

Словарные карты - один из эффективных интерактивных методов обучения иностранному языку, так как, расширение словарного запаса следует рассматривать как интерактивный процесс, в котором каждое новое понятие появляется в обрамлении

окружающего смыслового контекста, ведь знание слов имеет решающее значение для глубинного понимания прочитанного. А для успешного усвоения новых слов нужно:

В ходе самостоятельного чтения они должны отыскивать интересные слова, вспомнить, что знали раньше о каждом слове и расширить эти знания;

- используя контекст, словари и структурный анализ, вывести собственное (то есть осознанное и усвоенное) значение слова.
- Эта работа должна происходить в рамках словарной карты (см. рис. 1) удовлетворяющей всем требованиям эффективного обучения. - в конце.

Одним из основных приёмов осмысления информации является постановка вопросов к тексту и поиск ответов на них.

Наиболее удачная классификация вопросов была предложена американским психологом и педагогом Бенджамином Блумом.

Учащиеся с удовольствием изготавливают ромашку, на каждом из шести лепестков которой записываются вопросы разных типов. Работа может быть индивидуальной, парной или групповой. Цель - с помощью 6 вопросов выйти на понимание содержащейся в тексте информации, на осмысление авторской позиции (в художественных и публицистических текстах).

При отработке приёма необходимо указывать учащимся на качество вопросов, отсеивая неинформативные, случайные.

Классификация вопросов Б.Блума:

- **Простые вопросы.** Проверяют знание текста. Ответом на них должно быть краткое и точное воспроизведение содержащейся в тексте информации. Как звали главного героя? Куда впадает Волга?
- **Уточняющие вопросы.** Выводят на уровень понимания текста. Это провокационные вопросы, требующие ответов "да" - "нет" и проверяющие подлинность текстовой информации. Правда ли, **Вопросы, заполняющие паузы.**
Достаточно часто могут возникать паузы, неловкое молчание, вызванное различными причинами, этот тип вопросов способствует разрешению таких проблем. При помощи таких вопросов можно также поменять тему беседы.
Примеры вопросов, заполняющих паузы: «Что еще Вы хотели бы узнать по обсуждаемой проблеме?», «Каково ваше отношение к данной теме?» и т.п.
- **Проблемные вопросы.** Обычно такие вопросы задаются в случае возникновения определенных трудностей во взаимоотношениях собеседников.
Примеры: «Как Вы думаете, какое решение приемлемо для всех присутствующих?», «В чем расходятся наши позиции и что в них общего?», «Какую информацию Вы хотели бы получить, чтобы принять окончательное решение?» и т.п.
- **Вопросы, выражающие внимание.** Собеседнику всегда приятно, что его внимательно слушают. При помощи вопросов можно показать Вашему партнеру по общению заинтересованность, внимание, либо выразить свое несогласие.
Примеры: «Правильно ли я понял Ваши слова о...?», «Как согласуется Ваше утверждение с позицией автора?», «Я понял, что Вы имеете в виду, но приведите, пожалуйста, практический пример» и т.п.
- **Успокаивающие вопросы.** Успокаивающий эффект данных вопросов заключается в отвлечении внимания собеседника.
- **Вопросы, задаваемые с целью установления контакта.** Данный тип вопросов

позволит показать заинтересованность в конкретном студенте. Такие вопросы способствуют созданию теплой, дружеской атмосферы взаимопонимания. Особое внимание при озвучивании этих вопросов следует уделить интонации, которая должна быть искренней и достаточно теплой.

Примеры: «Не могу ли я чем-нибудь Вам помочь?», «Как Вы провели день?», «Все ли у Вас благополучно?» и т.п.

- **Закрытые вопросы.** Данный тип вопросов предполагает односложный ответ собеседника «да» или «нет». В большинстве случаев излишнее количество таких вопросов делает атмосферу беседы напряженной. Их задают с целью прекратить разговор, вызвать раздражение собеседника. Иногда закрытые вопросы жизненно необходимы, например, при ограниченном времени общения, окончательном подтверждении какого-либо ранее принятого решения и т.п. Тем не менее, задавая закрытые вопросы, не следует забывать о том, что они оказывают достаточно сильное психологическое воздействие на человека и не вызывают позитивных эмоций.
- **Открытые вопросы.** В отличие от закрытых на данные вопросы собеседник не может ответить односложно, их обычно задают при необходимости разъяснений, дополнений и т.п. Это вопросы типа «Когда?», «Почему?», «Как?» и другие.
- **Риторические вопросы** – утверждение в форме вопроса. Основная цель таких вопросов указать на наличие нерешенной проблемы и направить разговор в нужное русло. В современной психологии общения существуют определенные правила, которых следует придерживаться, задавая вопросы. Прежде всего, следует особое внимание уделять интонации задаваемого вопроса, она должна соответствовать не только характеру вопроса, но и особенностям сложившихся взаимоотношений собеседников. Не следует при помощи агрессивных вопросов манипулировать собеседником. Уважайте мнение оппонента и никогда не задавайте вопросов, касающихся его личности. Не следует задавать повторяющиеся вопросы, ответы на которые уже прозвучали, такие вопросы всегда оставляют неприятное впечатление. Помните, что вопросов не должно быть слишком много!
- что... Если я правильно понял, то...
Такие вопросы вносят ощутимый вклад в формирование навыка ведения дискуссии. Важно научить задавать их без негативной окраски.
- **Объясняющие (интерпретационные) вопросы.** Используются для анализа текстовой информации. Начинаются со слова "Почему". Направлены на выявление причинно-следственных связей. Важно, чтобы ответа на такой вопрос не содержалось в тексте в готовом виде, иначе он перейдет в разряд простых.
- **Творческие вопросы.** Подразумевают синтез полученной информации. В них всегда есть частица БИ или будущее время, а формулировка содержит элемент прогноза, фантазии или предположения. Что бы произошло, если... Что бы изменилось, если бы у человека ? Как, вы думаете, сложилась бы судьба героя, если бы он остался жив?
- **Оценочные вопросы.** Направлены на выяснение критериев оценки явлений, событий, фактов. Как вы относитесь к ... ? Что лучше? Правильно ли поступил ...?
- **Практические вопросы.** Нацелен на применение, на поиск взаимосвязи между теорией и практикой. Как бы я поступил на месте героя? Где может пригодиться знание интегралов?

Вопросы задают все, но мало кто знает, как делать это правильно, чтобы беседа шла в нужном направлении. С этой целью можно использовать:

ОТКРЫТЫЕ И ЗАКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ

Закрытые- ориентированы на проверку фактического материала

- Содержат ограниченный спектр возможных правильных ответов.
 1. Как вы думаете в какой семье рос О, Генри?
- Направляют мысль обучаемого
 2. Как вы думаете, почему фамилия пишется О, Генри?
- Обеспечивают обучаемых базовыми знаниями для ответов на другие вопросы
 3. Как вы думаете, какие рассказы писал О, Генри?

Виды вопросов.

Открытые – строятся на основе фактического знания

- Требуют поиска, исследования, размышления перед полным ответом
- Имеют много разных ответов, стимулируют обсуждение, дискуссию, поиск
- Требуют более глубокого обдумывания темы
- Побуждают учащихся конструировать свое знание в процессе ответа на вопрос

В качестве примеров возможного методического обеспечения понимания могут быть использованы:

Фокусирующие вопросы. Основная задача данного типа вопросов заставить собеседника задуматься о последствиях его действий или решений.

Примеры фокусирующих вопросов:

«Какую информацию я получу после прочтения биографической справки?»

«Есть ли что-нибудь общего с биографией А.П.Чехова?»

Фокусирующие вопросы

- устанавливают связь между тем, что студенты уже знают и тем, что им предстоит узнать на данном занятии.
- Групповая деятельность, при которой преподаватель предлагает студентам «открытый» вопрос - предпочтительно записать его на доске. Студентам отводится две-три минуты на то, чтобы ответить на него индивидуально (или в письменной форме). Затем студенты поворачиваются друг к другу и делятся своими ответами с партнером. Наконец, преподаватель учебной группой переходит к работе над новым материалом.
- Записать вопросы – какие вопросы дает преподаватель.

Фокусирующие вопросы более эффективны, когда предусмотрен механизм, заставляющий всех студентов размышлять и искать на них ответ.

Приведем примеры вопросов преподавателя в фазе вызова:

“Какие сведения, предшествующие данной теме, вы знаете?”

“Что вы уже знаете об этом?”

“Почему вам нужно это знать?”

“Что вы не выяснили, но хотели бы узнать?”

“Почему это важно?”

Реакция после прочтения заданного текста

“Что вы заметили?”

“На какие мысли это вас наводит?”

“Какие чувства это у вас вызвало?”

“Какое главное сообщение в этом материале?”

“Какие вопросы этот материал оставил без ответа?”

“Можете ли вы что-либо предложить?”

Дискуссия от латинского «discussion» (рассмотрение, исследование)

процесса восприятия за счет активного включения обучаемых в коллективный поиск истины

Цель дискуссии – не столько в том, чтобы разрешить проблему, а скорее в том, чтобы углубить её, стимулировать творчество и выработать решение проблемы посредством активной совместной деятельности

Посредством применения дискуссионных методов осуществляется решение следующих задач

Осознание участниками своих мнений, суждений, оценок по обсуждаемому вопросу; выработка уважительного отношения к мнению, позиции оппонентов;

развитие умения осуществлять конструктивную критику существующих точек зрения, включая точки зрения оппонентов;

развитие умения формулировать вопросы и оценочные суждения и вести полемику; способность продуцировать множество решений;

формирование навыка говорить кратко и по существу;

развитие умения выступать публично, отстаивая свою правоту;

Условия проведения дискуссии:

Предметность дискуссии

Наличие доброжелательной и открытой атмосферы взаимодействия

Готовность участников слушать и слышать иные позиции, иные точки зрения;

Наличие достаточного объема информации по обсуждаемой проблеме;

Наличие возможности высказаться

Развернутая корректная аргументация своей позиции;

Наличие возможности задавать вопросы

Дискуссии можно проводить всем классом. Однако если класс большой, а время ограничено, то они намного эффективнее, когда их проводят в группах по 5-7 человек. Групповое обсуждение максимально повышает активность и вклад каждого участника. Дискуссия помогает уточнить свои представления, понять чувства и отношения. Обсуждение в группах дает возможность больше узнать друг о друге, стимулирует свободный обмен мнениями, повышает вероятность того, что ученики лучше поймут чувства и позиции других, больше будут считаться с ними. Ведущий (учитель) должен внимательно и безоценочно выслушивать позиции участников, задавать направляющие

вопросы, чтобы дискуссия шла в нужном русле и не отклонялась от темы, обсуждать сходства и различия позиций участников.

МЕТОД - Обдумайте. Разбейтесь на пары. Обменяйтесь мнениями – коллективная учебная деятельность, при которой учитель предлагает "открытый" вопрос, записанный на классной доске. Отводится две минуты на то, чтобы ответить на него индивидуально (часто в письменной форме). Затем учащиеся поворачиваются друг к другу и делятся своими ответами с партнером. Затем учитель предлагает двум или трем парам поделиться своими ответами со всем классом, после чего они переходят к работе над новым материалом. Каждый ученик активен, у него есть стимул думать о материале и обсуждать его с товарищами.

Кейс-метод (Case study) – это техника обучения, использующая описание реальных экономических, социальных, бытовых или иных проблемных ситуаций (от англ. case – «случай»). При работе с кейсом обучающиеся осуществляют поиск, анализ дополнительной информации из различных областей знаний, в том числе связанных с будущей профессией.

Суть его заключается в том, что учащимся предлагают осмыслить реальную жизненную ситуацию, описание которой отражает не только какую-нибудь практическую проблему, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при разрешении данной проблемы. При этом сама проблема не имеет однозначных решений»

В кейс-методе происходит формирование проблемы и путей её решения на основе пакета материалов (кейса) с разнообразным описанием ситуации из различных источников: научной, специальной литературы, научно-популярных журналов, таких как «Наука и жизнь», СМИ и др. В кейсе содержится неоднозначная информация по определенной проблеме. Такой кейс одновременно является и заданием, и источником информации для осознания вариантов эффективных действий. *Кейс-метод* по отношению к другим технологиям можно представить как сложную систему, в которую интегрированы другие, менее сложные методы познания. В него входят: *моделирование, системный анализ, проблемный метод, мысленный эксперимент, методы описания, классификации, дискуссии, игровые методы* и др. В качестве задания обучающемуся (или группе обучающихся) можно предложить сделать доклад, подготовить проект или компьютерную презентацию. В сущности, кейс интегрирует рассмотренные ниже методы.

Будучи интерактивным методом обучения, он завоевывает, как показывает практика, позитивное отношение со стороны студентов, которые видят в нем игру, обеспечивающую освоение теоретических положений и овладение практическим использованием материала.

При работе с кейсом у обучающихся формируются следующие компоненты ключевых компетенций: умения решать проблемы, общаться, применять предметные знания на практике, умение вести переговоры, брать на себя ответственность, толерантность, рефлексивные умения.

- **Стадия рефлексии - RAFT**

Преподаватель использует RAFT для обсуждения персонажей любых произведений, понимания сущности понятия «писатель», «поэт», для написания сценариев небольших литературных постановок;

Учитель объявляет тему урока и поясняет особенности его проведения, связанные с применением метода RAFT-технологии.

Для лучшего погружения в тему урока и выбранную роль, рекомендуется использовать наглядный материал. В данном случае это могут быть картинки или слайды с изображением особенностей. Перед занятием преподаватель заранее подготавливает таблицу, рисует ее на доске.

При обсуждении всех граф преподаватель фиксирует все суждения так, чтобы они были видны учащимся на протяжении всего занятия, потому как постоянно нужно будет обращаться к ним, обсуждать, анализировать и, возможно, дополнять.

Желательно наличие наглядного материала, позволяющего лучше вникнуть в суть вопроса, прочувствовать окружение персонажа, способствовать воплощению в него.

Метод "Фишбоун" (Рыбий скелет):

Одним из методических приемов, который можно использовать в группах, является прием «Фишбоун». Дословно он переводится с английского как «Рыбная кость» или «Скелет рыбы» и направлен на развитие критического мышления учащихся в наглядно-содержательной форме. Суть данного методического приема — установление причинно-следственных взаимосвязей между объектом анализа и влияющими на него факторами, совершение обоснованного выбора. Дополнительно метод позволяет развивать навыки работы с информацией и умение ставить и решать проблемы. Что такое фишбоун?

- Учим студентов задавать вопросы. Примеры и приемы работы
- Прием кластер на уроке. Что это такое и как его использовать? Примеры
- RAFT-технология как один из приемов развития критического мышления

Диаграмма Исикавы

В основе Фишбоуна — схематическая диаграмма в форме рыбьего скелета. В мире данная диаграмма широко известна под именем Ишикавы (Исикавы) — японского профессора, который и изобрел метод структурного анализа причинно-следственных связей. Схема Фишбоун представляет собой графическое изображение, позволяющее наглядно продемонстрировать определенные в процессе анализа причины конкретных событий, явлений, проблем и соответствующие выводы или результаты обсуждения.

Схемы Фишбоун дают возможность:

- организовать работу участников в парах или группах;
- развивать критическое мышление;
- визуализировать взаимосвязи между причинами и следствиями;
- ранжировать факторы по степени их значимости.

С помощью схемы можно найти решение из любой рассматриваемой сложной ситуации, при этом возникают каждый раз новые идеи. Эффективным будет ее применение во время Мозгового штурма.

Составление схемы Фишбоун

Схема Фишбоун может быть составлена заранее. С применением технических средств ее можно сделать в цвете. При их отсутствии используется обычный ватман либо ежедневный инструмент учителя — цветной мел.

В зависимости от возрастной категории учащихся, желания и фантазия преподавателя схема может иметь горизонтальный или вертикальный вид. Суть приема Фишбоун форма схемы

не меняет, поэтому особо не имеет значения. Схема включает в себя основные четыре блока, представленные в виде головы, хвоста, верхних и нижних косточек. Связующим звеном выступает основная кость или хребет рыбы.

- Голова — проблема, вопрос или тема, которые подлежат анализу.
- Верхние косточки (расположенные справа при вертикальной форме схемы или под углом 45 градусов сверху при горизонтальной) — на них фиксируются основные понятия темы, причины, которые привели к проблеме.
- Нижние косточки (изображаются напротив) — факты, подтверждающие наличие сформулированных причин, или суть понятий, указанных на схеме.
- Хвост — ответ на поставленный вопрос, выводы, обобщения.

Прием Фишбоун предполагает ранжирование понятий, поэтому наиболее важные из них для решения основной проблемы располагают ближе к голове. Все записи должны быть краткими, точными, лаконичными и отображать лишь суть понятий.

Применение метода Фишбоун на лекции

Схема Фишбоун может быть использована в качестве отдельно применяемого методического приема для анализа какой-либо ситуации, либо выступать стратегией целого практического занятия. Эффективнее всего ее применять во время занятия обобщения и систематизации знаний, когда материал по теме уже пройден и необходимо привести все изученные понятия в стройную систему, предусматривающую раскрытие и усвоение связей и отношений между ее элементами.

Так, учащимся предлагается информация (текст, видеофильм) проблемного содержания и схема Фишбоун для систематизации этого материала. Работу по заполнению схемы можно проводить в индивидуальной или групповой форме. Важным этапом применения технологии Фишбоун является презентация полученных результатов заполнения. Она должна подтвердить комплексный характер проблемы во взаимосвязи всех ее причин и следствий. Иногда при заполнении схемы учащиеся сталкиваются с тем, что причин обсуждаемой проблемы больше, чем аргументов, подтверждающих ее наличие. Это возникает вследствие того, что предположений и в жизни всегда больше, чем подтверждающих фактов. А потому некоторые нижние косточки могут так и остаться незаполненными. Далее в ходе урока учитель самостоятельно определяет действия — предлагает либо и далее исследовать проблему, либо попытаться определить ее решение. Овладев технологией Фишбоун, учитель может с успехом ее применять на любом уроке..

Формы работы на занятиях

- **Индивидуальная работа.** Всем учащимся раздается для анализа одинаковый текст и перед каждым ставится цель — заполнить схему «Рыбий скелет» на протяжении 10 минут. Затем проходит обсуждение результатов, обмен мнениями и заполнение общей схемы на доске.
- **Работа в группах.** Каждая из групп получает свой текст. Чтение текста происходит индивидуально, а его обсуждение – в группах. Общая схема Фишбоун заполняется на основе мнений групп.

Дебрифинг - подведение итогов урока. Заключительный этап урока, на котором обычно учитель спрашивает, что понравилось на уроке, что - нет, собирает пожелания, замечания, и в итоге обобщает пройденное и побуждает к дальнейшему самостоятельному и более глубокому изучению материала

Домашнее задание может быть различных видов:

1) работа с текстом учебника:

- пересказ;
- составление плана, конспекта, схемы;
- выполнение различных упражнений (практического, репродуктивного, творческого характера);
- письменные творческие работы (интервью, сочинения, эссе, письмо от имени и т. д.);
- групповые домашние задания (составление схемы, проекта, модели);
- индивидуальные, дифференцированные домашние задания;
- беседа, сбор материала;
- перспективные домашние задания для мотивированных учащихся (реферат, изучение нового материала и составление схемы, работа с научно-популярной и дополнительной литературой, задания, основанные на жизненном опыте).

Оценивание - важный стимулирующий компонент урока. Оценивание должно быть гибким, наглядным, непредвзятым и справедливым. Только в этом случае оно будет действовать, как стимулятор, в противном случае - оно может послужить основной причиной отторжения от предмета и падения заинтересованности, поэтому здесь надо быть особенно осторожным, применять методы коллективного оценивания, самооценивания, командного оценивания и т. д. Наиболее распространенный способ оценивания на интерактивных уроках - набор баллов и командное оценивание.

Интерактивные и активные формы становятся реалиями времени, но не должны поглощать другие формы;

Интерактивные и активные формы могут быть отражены в виде пояснительной записки или методической рекомендации;

Необходима трансляция педагогического опыта по применению интерактивных и активных форм обучения.

Внедрение интерактивных методов обучения – одно из важнейших направлений совершенствования подготовки студентов в современном вузе и обязательное условие эффективной реализации компетентностного подхода

ПРИМЕРНЫЕ СХЕМЫ АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

1. Анализ художественного произведения

1. Определить тему и идею /главную мысль/ данного произведения; проблемы, затронутые в нем; пафос, с которым произведение написано;
2. Показать взаимосвязь сюжета и композиции;
3. Рассмотреть субъектную организацию произведения /художественный образ человека, приемы создания персонажа, виды образов-персонажей, система образов-персонажей/;
4. Выяснить авторское отношение к теме, идее и героям произведения;
5. Определить особенности функционирования в данном произведении литературы изобразительно-выразительных средств языка;
6. Определить особенности жанра произведения и стиля писателя.

Примечание: по этой схеме можно писать сочинение-отзыв о прочитанной книге, при этом в работе представить также:

1. Эмоционально-оценочное отношение к прочитанному.
2. Развернутое обоснование самостоятельной оценки характеров героев произведения, их поступков и переживаний.
3. Развернутое обоснование выводов.

2. Анализ прозаического литературного произведения

Приступая к анализу художественного произведения, в первую очередь, необходимо обратить внимание на конкретно-исторический контекст произведения в период создания данного художественного произведения. Необходимо при этом различать понятия исторической и историко-литературной обстановки, в последнем случае имеется в виду

- литературные направления эпохи;
- место данного произведения среди произведений других авторов, написанных в этот период;
- творческая история произведения;
- оценка произведения в критике;
- своеобразие восприятия данного произведения современниками писателя;
- оценка произведения в контексте современного прочтения;

Далее следует обратиться к вопросу об идейно-художественном единстве произведения, его содержания и формы (при этом рассматривается план

содержания - что хотел сказать автор и план выражения - как ему удалось это сделать).

Концептуальный уровень художественного произведения (тематика, проблематика, конфликт и пафос)

Тема - это то, о чем идет речь в произведении, основная проблема, поставленная и рассматриваемая автором в произведении, которая объединяет содержание в единое целое; это те типические явления и события реальной жизни, которые отражены в произведении. Созвучна ли тема основным вопросам своего времени? Связано ли с темой название? Каждое явление жизни - это отдельная тема; совокупность тем - тематика произведения.

Проблема - это та сторона жизни, которая особенно интересует писателя. Одна и та же проблема может послужить основой для постановки разных проблем (тема крепостного права - проблема внутренней несвободы крепостного, проблема взаимного развращения, уродования и крепостных, и крепостников, проблема социальной несправедливости...). **Проблематика** - перечень проблем, затронутых в произведении. (Они могут носить дополнительный характер и подчиняться главной проблеме.)

Идея - что хотел сказать автор; решение писателем главной проблемы или указание пути, которым она может решаться. (Идейный смысл - решение всех проблем - главной и дополнительных - или указание на возможный путь решения.)

Пафос - эмоционально-оценочное отношение писателя к рассказываемому, отличающееся большой силой чувств (утверждающий, отрицающий, оправдывающий, возвышающий...).

Уровень организации произведения как художественного целого

Композиция - построение литературного произведения; объединяет части произведения в одно целое.

Основные средства композиции:

Сюжет - то, что происходит в произведении; система основных событий и конфликтов.

Конфликт — столкновение характеров и обстоятельств, взглядов и принципов жизни, положенное в основу действия. Конфликт может происходить между личностью и обществом, между персонажами. В сознании героя может быть явным и скрытым. Элементы сюжета отражают ступени развития конфликта;

Пролог - своеобразное вступление к произведению, в котором повествуется о событиях прошлого, он эмоционально настраивает читателя на восприятие (встречается редко);

Экспозиция- введение в действие, изображение условий и обстоятельств, предшествовавших непосредственному началу действий (может быть развернутой и нет, цельной и «разорванной»; может располагаться не только

в начале, но и в середине, конце произведения); знакомит с персонажами произведения, обстановкой, временем и обстоятельствами действия;

Завязка — начало движения сюжета; то событие, с которого начинается конфликт, развиваются последующие события.

Развитие действия - система событий, которые вытекают из завязки; по ходу развития действия, как правило, конфликт обостряется, а противоречия проявляются все яснее и острее;

Кульминация - момент наивысшего напряжения действия, вершина конфликта, кульминация представляет основную проблему произведения и характеры героев предельно ясно, после нее действие ослабевает.

Развязка — решение изображаемого конфликта или указание на возможные пути его решения. Заключительный момент в развитии действия художественного произведения. Как правило, в ней или разрешается конфликт или демонстрируется его принципиальная неразрешимость.

Эпилог - заключительная часть произведения, в которой обозначается направление дальнейшего развития событий и судеб героев (иногда дается оценка изображенному); это краткий рассказ о том, что произошло с действующими лицами произведения после окончания основного сюжетного действия.

Сюжет может излагаться:

- В прямой хронологической последовательности событий;
- С отступлениями в прошлое - ретроспективами - и «экскурсами» будущее;
- В преднамеренно измененной последовательности (см. художественное время в произведении).

Несюжетными элементами считаются:

- Вставные эпизоды;
- Лирические (иначе - авторские) отступления.

Их основная функция - расширять рамки изображаемого, дать возможность автору высказать свои мысли и чувства по поводу различных явлений жизни, которые не связаны напрямую с сюжетом.

В произведении могут отсутствовать отдельные элементы сюжета; иногда сложно разделить эти элементы; иногда встречается несколько сюжетов в одном произведении - иначе, сюжетных линий. Существуют различные трактовки понятий «сюжет» и «фабула»:

1) сюжет - главный конфликт произведения; фабула - ряд событий, в которых он выражается;

2) сюжет - художественный порядок событий; фабула - естественный порядок событий

Композиционные принципы и элементы:

Ведущий композиционный принцип (композиция многоплановая, линейная, кольцевая, «нитка с бусами»; в хронологии событий или нет...).

Дополнительные средства композиции:

Лирические отступления - формы раскрытия и передачи чувств и мыслей писателя по поводу изображенного (выражают отношение автора к персонажам, к изображаемой жизни, могут представлять собой размышления по какому-либо поводу или объяснение своей цели, позиции);

Вводные (вставные) эпизоды (не связанные непосредственно с сюжетом произведения);

Художественные предварения - изображение сцен, которые как бы предсказывают, предваряют дальнейшее развитие событий;

Художественное обрамление - сцены, которые начинают и заканчивают событие или произведение, дополняя его, придавая дополнительный смысл;

Композиционные приемы - внутренние монологи, дневник и др.

Уровень внутренней формы произведения

Субъектная организация повествования (ее рассмотрение включает следующее): Повествование может быть личное: от лица лирического героя (исповедь), от лица героя-рассказчика, и безличное (от лица повествователя).

1) **Художественный образ человека** - рассматриваются типические явления жизни, нашедшие отражение в этом образе; индивидуальные черты, присущие персонажу; раскрывается своеобразие созданного образа человека:

- Внешние черты - лицо, фигура, костюм;
- Характер персонажа - он раскрывается в поступках, в отношении к другим людям, проявляется в портрете, в описаниях чувств героя, в его речи. Изображение условий, в которых живет и действует персонаж;
- Изображение природы, помогающее лучше понять мысли и чувства персонажа;
- Изображение социальной среды, общества, в котором живет и действует персонаж;
- Наличие или отсутствие прототипа.

2) Основные приемы создания образа-персонажа:

- Характеристика героя через его действия и поступки (в системе сюжета);
- Портрет, портретная характеристика героя (часто выражает авторское отношение к персонажу);
- Прямая авторская характеристика;
- Психологический анализ - подробное, в деталях воссоздание чувств, мыслей, побуждений - внутреннего мира персонажа; здесь особое значение имеет изображение «диалектики души», т.е. движения внутренней жизни героя;
- Характеристика героя другими действующими лицами;
- Художественная деталь - описание предметов и явлений окружающей персонажа действительности (детали, в которых отражается широкое обобщение, могут выступать как детали-символы);

3) Виды образов-персонажей:

лирические - в том случае, если писатель изображает только чувства и мысли героя, не упоминая о событиях его жизни, поступках героя (встречается, преимущественно, в поэзии);

драматические - в том случае, если возникает впечатление, что герои действуют «сами», «без помощи автора», т.е. автор использует для характеристики персонажей прием самораскрытия, самохарактеристики (встречаются, преимущественно, в драматических произведениях);

эпические - автор-повествователь или рассказчик последовательно описывает героев, их поступки, характеры, внешность, обстановку, в которой они живут, отношения с окружающими (встречаются в романах-эпопеях, повестях, рассказах, новеллах, очерках).

4) Система образов-персонажей;

Отдельные образы могут быть объединены в группы (группировка образов) - их взаимодействие помогает полнее представить и раскрыть каждое действующее лицо, а через них - тематику и идейный смысл произведения.

Все эти группы объединяются в общество, изображенное в произведении (многоплановое или одноплановое с социальной, этнической и т.п. точки зрения).

Художественное пространство и художественное время (хронотоп): пространство и время, изображенное автором.

Художественное пространство может быть условным и конкретным; сжатым и объемным;

Художественное время может быть соотношенным с историческим или нет, прерывистым и непрерывным, в хронологии событий (время эпическое) или хронологии внутренних душевных процессов персонажей (время лирическое), длительным или мгновенным, конечным или бесконечным, замкнутым (т.е. только в пределах сюжета, вне исторического времени) и открытым (на фоне определенной исторической эпохи).

Позиция автора и способы ее выражения:

- Авторские оценки: прямые и косвенные.
- Способ создания художественных образов: повествование (изображение происходящих в произведении событий), описание (последовательное перечисление отдельных признаков, черт, свойств и явлений), формы устной речи (диалог, монолог).
- Место и значение художественной детали (художественная подробность, усиливающая представление о целом).

Уровень внешней формы. Речевая и ритмомелодическая организация художественного текста

Речь персонажей - выразительная или нет, выступающая как средство типизации; индивидуальные особенности речи; раскрывает характер и помогает понять отношение автора.

Речь повествователя - оценка событий и их участников

Своеобразие словопользования общенародного языка (активность включения синонимов, антонимов, омонимов, архаизмов, неологизмов, диалектизмов, варваризмов, профессионализмов).

Приемы образности (тропы - использование слов в переносном значении) - простейшие (эпитет и сравнение) и сложные (метафора, олицетворение, аллегория, литота, перифраз).

Анализ поэтического произведения

План анализа стихотворения

1. Элементы комментария к стихотворению:

- Время (место) написания, история создания;
 - Жанровое своеобразие;
 - Место данного стихотворения в творчестве поэта или в ряду стихотворений на подобную тему (с подобным мотивом, сюжетом, структурой и т.п.);
 - Пояснение неясных мест, сложных метафор и прочие расшифровки.
- #### **2. Чувства, выраженные лирическим героем стихотворения; чувства, которые вызывает стихотворение у читателя.**
- #### **3. Движение авторской мысли, чувства от начала к концу стихотворения.**
- #### **4. Взаимообусловленность содержания стихотворения и его художественной формы:**
- Композиционные решения;

- Особенности самовыражения лирического героя и характер повествования;
 - Звуковой ряд стихотворения, использование звукозаписи, ассонанса, аллитерации;
 - Ритм, строфика, графика, их смысловая роль;
 - Мотивированность и точность использования выразительных средств.
4. Ассоциации, вызываемые данным стихотворением (литературные, жизненные, музыкальные, живописные - любые).
 5. Типичность и своеобразие данного стихотворения в творчестве поэта, глубинный нравственный или философский смысл произведения, открывшийся в результате анализа; степень «вечности» поднятых проблем или их интерпретации. Загадки и тайны стихотворения.
 6. Дополнительные (свободные) размышления.

Анализ поэтического произведения (схема)

Приступая к анализу поэтического произведения, необходимо определить непосредственное содержание лирического произведения - переживание, чувство;

Определить «принадлежность» чувств и мыслей, выраженных в лирическом произведении: лирический герой (образ, в котором выражены эти чувства);

- определить предмет описания и его связь с поэтической идеей (прямая - косвенная);
- определить организацию (композицию) лирического произведения;
- определить своеобразие использования изобразительных средств автором (активное - скупое); определить лексический рисунок (просторечие- книжно-литературная лексика...);
- определить ритмику (однородная - неоднородная; ритмическое движение);
- определить звуковой рисунок;
- определить интонацию (отношение говорящего к предмету речи и собеседнику).

Поэтическая лексика

Необходимо выяснить активность использования отдельных групп слов общеупотребительной лексики - синонимов, антонимов, архаизмов, неологизмов;

- выяснить меру близости поэтического языка с разговорным;
- определить своеобразие и активность использования тропов

ЭПИТЕТ - художественное определение;

СРАВНЕНИЕ - сопоставление двух предметов или явлений с целью пояснить один из них при помощи другого;

АЛЛЕГОРИЯ (иносказание) - изображение отвлеченного понятия или явления через конкретные предметы и образы;

ИРОНИЯ - скрытая насмешка;

ГИПЕРБОЛА - художественное преувеличение, используемое, чтобы усилить впечатление;

ЛИТОТА - художественное преуменьшение;

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ - изображение неодушевленных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ - даром речи, способностью мыслить и чувствовать;

МЕТАФОРА - скрытое сравнение, построенное на сходстве или контрасте явлений, в котором слово «как», «как будто», «словно» отсутствуют, но подразумеваются.

Поэтический синтаксис (синтаксические приемы или фигуры поэтической речи)

- **риторические вопросы, обращения, восклицания** - они усиливают внимание читателя, не требуя от него ответа;
- **повторы** – неоднократное повторение одних и тех же слов или выражений;
- **антитезы** – противопоставления;

Поэтическая фонетика

Использование звукоподражаний, звукозаписи - звуковых повторов, создающих своеобразный звуковой «рисунок» речи.)

- **Аллитерация** – повторение согласных звуков;
- **Ассонанс** – повторение гласных звуков;
- **Анафора** - единоначалия;

Композиция лирического произведения

Необходимо:

- определить ведущее переживание, чувство, настроение, отразившееся в поэтическом произведении;
- выяснить стройность композиционного построения, его подчиненность выражению определенной мысли;
- определить лирическую ситуацию, представленную в стихотворении (конфликт героя с собой; внутренняя несвобода героя и т.д.)
- определить жизненную ситуацию, которая, предположительно, могла вызвать это переживание;
- выделить основные части поэтического произведения: показать их связь (определить эмоциональный «рисунок»).

Анализ драматического произведения

Схема анализа драматического произведения

1. Общая характеристика: история создания, жизненная основа, замысел, литературная критика.

2. Сюжет, композиция:

- основной конфликт, этапы его развития;

- характер развязки /комический, трагический, драматический/

3. Анализ отдельных действий, сцен, явлений.

4. Сбор материала о персонажах:

- внешность героя,

- поведение,

- речевая характеристика

- содержание речи /о чем?/

- манера /как?/

- стиль, словарь

- самохарактеристика, взаимные характеристики героев, авторские ремарки;

- роль декораций, интерьера в развитии образа.

5. ВЫВОДЫ: Тема, идея, смысл заглавия, система образов. Жанр произведения, художественное своеобразие.

Драматическое произведение

Родовая специфика, «пограничное» положение драмы (Между литературой и театром) обязывает вести ее анализ по ходу развития драматического действия (в этом принципиальное отличие анализа драматического произведения от эпического или лирического). Поэтому предлагаемая схема носит условный характер, она лишь учитывает конгломерат основных родовых категорий драмы, особенность которых может проявиться по-разному в каждом отдельном случае именно в развитии действия (по принципу раскручиваемой пружины).

1. Общая характеристика драматического действия (характер, план и вектор движения, темп, ритм и т.д.). «Сквозное» действие и «подводные» течения.

2. Тип конфликта. Сущность драматизма и содержание конфликта, характер противоречий (двуплановость, внешний конфликт, внутренний конфликт, их взаимодействие), «вертикальный» и «горизонтальный» план драмы.

3. Система действующих лиц, их место и роль в развитии драматического действия и разрешения конфликта. Главные и второстепенные герои. Внесюжетные и внесценические персонажи.

4. Система мотивов и мотивочное развитие сюжета и микросюжетов драмы. Текст и подтекст.

- 5. Композиционно-структурный уровень.** Основные этапы в развитии драматического действия (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка). Принцип монтажности.
- 6. Особенности поэтики** (смысловой ключ заглавия, роль театральной афиши, сценический хронотип, символика, сценический психологизм, проблема финала). Признаки театральности: костюм, маска, игра и постситуативный анализ, ролевые ситуации и др.
- 7. Жанровое своеобразие** (драма, трагедия или комедия?). Истоки жанра, его реминисценции и новаторские решения автором.
- 8. Способы выражения авторской позиции** (ремарки, диалогичность, сценичность, поэтика имен, лирическая атмосфера и др.)
- 9. Контексты драмы** (историко-культурный, творческий, собственно-драматический) .
- 10. Проблема интерпретаций и сценическая история.**